ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ГАВРИЛОВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ БАССЕЙНА ДЕСНЫ И СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Исторические науки:
специальность 5.6.3. Археология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 1
Текст

Москва
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1
Введение……. 3
Глава 1. История изучения закономерностей культурно-исторического развития центральных районов Русской равнины в верхнем палеолите……. 18
Глава 2. География, хронология и периодизация верхнего палеолита центральных районов Русской равнины……... 46
Глава 3. Верхний палеолит на территории бассейна Десны в Брянское время…….. 84
Глава 4. Восточноевропейский граветт центральных районов Русской равнины……... 100
Глава 5. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2 как проявление особого культурного варианта восточноевропейского граветта…….. 158

Глава 6. Восточноевропейский эпиграветт на территории бассейна Десны и Среднего Поднепровья. Трансформация верхнепалеолитической культуры Центра Русской равнины в период LGM……... 217
Глава 7. Археологические объекты верхнепалеолитических стоянок Подесенья и Среднего Поднепровья……. 261
Глава 8. Проблема происхождения и интерпретации «жилищ» аносовско-мезинского типа…….. 307

Заключение…… 328
Архивные материалы…… 339
Литература……. 342
Список сокращений…….. 384

ТОМ 2
Таблицы…….. 3
Альбом иллюстраций…… 28
Список иллюстраций……. 171

Введение

Актуальность исследования. Изучение верхнего палеолита центральных районов Русской равнины имеет ключевое значение для понимания проблематики этой эпохи на территории всей Восточной Европы. Конкретная специфика археологических памятников, а также исторические обстоятельства, в которых происходило их изучение, равно как и личности самих исследователей определили круг фундаментальных вопросов, которые важны для понимания истории первобытного общества на территории современной России и постсоветских государств.

В настоящее время актуальность работ, посвящённых рассмотрению общих и региональных особенностей развития материальной культуры верхнего палеолита Восточно-Европейской (Русской) равнины, обусловлена несколькими причинами. Во-первых, последнее обобщение материалов, характеризующих верхний палеолит данного региона, было дано в середине 1980-х годов (Рогачев, Аникович, 1984; Soffer, 1985). За последнюю четверть века при исследовании верхнего палеолита центральных районов Русской равнины, как, впрочем, и других областей Восточной Европы, был получен значительный объём информации хронологии и периодизации позднего палеолита. Существенно пополнились наши сведения о характере опорных памятников, их пространственной организации, технологических и типологических характеристиках каменных и костяных индустрий, а также памятников искусства малых форм. Были открыты новые стоянки, материалы которых существенным образом изменили наши представления о разнообразии проявлений верхнепалеолитической материальной культуры на территории бассейна Десны. Наконец, изменились подходы исследователей к самой оценке культурной специфики памятников. Очень важную информацию в этой связи предоставляют результаты исследований, посвящённых изучению технологии производства каменных и костяных изделий памятников восточного граветта и эпиграветта. Объём накопленной к

настоящему времени новой информации делает необходимыми исследования, направленные на обобщение этих данных в широких региональных и временных рамках.

Во-вторых, без учёта новых данных в настоящее время невозможны корректные определения таксономического статуса рассматриваемых явлений и, соответственно, их дальнейший анализ. Например, имеющиеся данные о культурной вариабельности, хронологии, периодизации восточно- и центральноевропейского граветта позволяют по-новому рассмотреть проблематику возникновения граветта на территории Восточно-Европейской равнины. По-прежнему актуальна проблематика, связанная с характеристикой перехода от средней к поздней поре верхнего палеолита. В частности, остаётся нерешённым вопрос о том, существовала ли при этом культурная преемственность и, если существовала, как она проявлялась.

В-третьих, объективная потребность в выявлении общих закономерностей развития верхнего палеолита на территории Восточной Европы только усилилась после отказа отечественных исследователей от концепции археологических культур в том виде, как она существовала и развивалась в советском палеолитоведении до начала 1990-х годов. В результате этого процесса, общая итоговая характеристика археологических культур верхнего палеолита на территории Восточно-Европейской равнины, вне зависимости от авторства, получалась дробной. Не случайно один из главных тезисов оппонентов А.Н. Рогачёва – П.И. Борисковского и П.П. Ефименко, состоял в том, что чрезмерное внимание к локальным проявлениям верхнепалеолитической культуры затруднит, а то и сделает невозможным, как раз изучение упомянутых закономерностей.

Впрочем, понимание этого обстоятельства не могло привести к возрождению стадиалистской концепции, несмотря на справедливость тезисов П.И. Борисковского в его полемике с А.Н. Рогачёвым (Борисковский, 1957). В настоящее время, разумеется, дискуссия такого рода представляет исключительно историографический интерес. Выход из сложившейся

ситуации исследователями виделся в помещении известных к тому времени фактов в общеевропейский контекст. Нельзя сказать, что ранее такого рода задачи не ставились. Наоборот, и работы начала XX века, и исследования 1920-1930-х и, тем более, 1950-1960-х годов были ориентированы, в том числе, на выявление общих закономерностей развития палеолитической культуры, используя сопоставление с зарубежными материалами, несмотря на всю критику «буржуазных» концепций. Однако анализ археологических материалов с позиций концепции археологических культур привёл к известному перекосу при характеристике особенностей материальной культуры памятников в сторону их региональной и даже локальной специфики. Соответственно, по мере осознания того, что за такого рода спецификой теряется общая картина, появилось стремление к включению памятников в более широкие группы и объединению их с общеевропейскими культурно-историческими образованиями, такими как ориньяк, граветт, эпиграветт, мадлен. Начиная со второй половины 1990-х годов, обобщения археологического материала шли именно в этом направлении (Абрамова, Григорьева, 1997; Амирханов, 1998; Демиденко, 1999; Лисицын, 1999). Этот процесс отражал внутреннюю логику развития отечественной науки. Он продолжался и в 2000-е годы. Пожалуй, единственная работа, написанная в этот период в рамках культуралистской парадигмы и посвящённая общему взгляду на верхний палеолит Подесенья, принадлежит Л.В. Греховой. В ней, помимо прочего, был тезисно сформулирован взгляд на материальную культуру стоянки Хотылёво 2 как на проявление отдельного от костёнковского типа (Грехова, 2005).

Начиная с 2010-х годов, при сохранении прежних подходов рассматривать среднерусские верхнепалеолитические стоянки в рамках общеевропейского контекста, возникла ещё одна тенденция, которая оказалась «хорошо забытым старым» в новых условиях. Она проявилась в стремлении вновь вычленить некоторые локальные варианты, например, внутри граветта или эпиграветта (Нужний, 2015; Лисицын, 2019). В обоих случаях эти

варианты во многом, хотя и не полностью, соответствовали прежним археологическим культурам, однако теперь они находили свои соответствия в верхнем палеолите Центральной, а по отдельным характеристикам – и Западной Европы.

Объектом исследования предлагаемой к защите работы являются закономерности развития материальной культуры верхнепалеолитических сообществ охотников и собирателей центральных районов Восточно-Европейской (Русской) равнины. Соответственно, **предметом исследования** являются сохранившиеся материальные остатки позднепалеолитических поселений на территории бассейнов Десны, включая Посеймье, и Среднего Поднепровья: археологические объекты, предметы каменного и костяного инвентаря, произведения искусства, а также данные о пространственной структуре и возрасте этих памятников.

Работы 1990-х – 2010-х гг., как уже было указано выше, вновь выдвинули на первый план исследований фундаментальную проблему учёта факторов преемственности и вариабельности в развитии культуры верхнего палеолита. В полной мере она встаёт перед любым специалистом, который пытается определить культурную специфику позднепалеолитических памятников Русской равнины. Сложности в решении этой проблемы на материалах стоянок, расположенных на территории бассейна Десны и Среднего Поднепровья, связаны с несколькими моментами. Во-первых, здесь единичны археологические памятники, в отложениях которых содержатся более двух культурных слоёв. Во-вторых, ранняя пора верхнего палеолита на данной территории остаётся практически неизученной. И, наконец, в-третьих, конкретные микрорайоны сосредоточения верхнепалеолитических памятников отличаются их относительной малочисленностью и характеризуются наличием стоянок, материальная культура которых отличается меньшей степенью разнообразия, по сравнению, например, с Костёнковско-Борщёвским районом.

Цель и задачи исследования. Целью данного диссертационного

исследования является характеристика развития культуры верхнего палеолита центральных районов Русской равнины как непрерывного процесса, подчиняющегося общим для Восточноевропейского региона закономерностям и, в то же время, сочетающегося с локальными проявлениями этих закономерностей на уровне отдельных категорий материальной культуры, памятников и культурно-исторических локальных региональных объединений.

Главной задачей при анализе археологических источников стала разработка типологической характеристики исследуемых объектов. Помимо названной выше исследовательской задачи перед автором представляемой к защите диссертационного исследования стояли и другие, непосредственно связанные с основной задачей, а именно: 1) характеристика хронологии и периодизации верхнего палеолита бассейна Десны и Среднего Поднепровья; 2) определения места опорных памятников верхнего палеолита рассматриваемой территории в культурной системе координат верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы; 3) характеристика тех черт в материальной культуре разновременных верхнепалеолитических памятников Подесенья и Среднего Поднепровья, которые указывают как на преемственность, так и на прерывистость в развитии традиций, запечатлённых на стоянках, расположенных на указанных территориях.

Новизна исследования. Научная новизна данного исследования состоит в синтезе данных о типологии каменных индустрий, предметов искусства малых форм и археологических объектов поселений, с опорой на единый методологический подход автора, и реконструкции на этой основе процесса последовательного развития культуры верхнепалеолитических социумов на территории Центра Русской равнины. Эволюция верхнепалеолитической культуры в данном случае рассматривается как результат взаимодействия живших на рассматриваемой территории различных коллективов охотников и собирателей, при сохранении в различные периоды верхнего палеолита их культурного своеобразия.

В представленной к защите диссертационной работе впервые на конкретном материале обширного региона Центра Русской равнины предпринята попытка концептуального синтеза тех методических подходов стадиализма и культурализма к анализу особенностей развития верхнепалеолитической материальной культуры, которые не противоречат друг другу и позволяют избежать крайностей обеих концепций. В работе обобщены все доступные в настоящее время материалы, характеризующие морфологию каменных изделий, с учётом результатов соответствующих исследований в области технологического анализа, стилистику и иконографию произведений искусства малых форм, а также пространственно-структурные характеристики как отдельных объектов, так и поселенческих комплексов в целом.

Источниковая база. Источниками для проведения исследовательской работы, результаты которой предлагаются к защите, послужили коллекции каменных, костяных и бивнёвых изделий стоянок верхнего палеолита Центральных районов Русской равнины, архивные материалы отчётов об их раскопках, а также сведения об этих памятниках, опубликованные в специальной литературе.

Коллекционные материалы представлены собраниями, хранящимися в фондах Государственного Исторического музея (г. Москва), Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) (г. Санкт-Петербург), Брянского государственного объединённого краеведческого музея (г. Брянск), Археологического музея ИА НАНУ (г. Киев). Соответственно, в этих музеях были просмотрены коллекции из раскопок стоянок: Тимоновка II, Елисеевичи I и II, Авдеево, Супонево, Тимоновка I, Костёнки 8 (сл. II), Хотылёво 2, Межиричи, Радомышль.

В общей сложности, в ходе проведения исследований были проанализированы материалы 22 верхнепалеолитических памятников. Общий объём просмотренных коллекционных материалов превысил 34000 предметов

из расщеплённого кремня, и 300 изделий из кости и бивня. В исследовании также проведёно обобщение результатов радиоуглеродного датирования памятников, массив радиоуглеродных дат включает 279 определений.

Материалы, документирующие процесс и результаты раскопок стоянок Хотылёво 2 (раскопки Ф.М. Заверняева), Авдеево (раскопки Г.П. Григорьева и М.Д. Гвоздовер), Радомышль (раскопки И.Г. Шовкопляса), были проработаны в архивах Института археологии РАН (г. Москва) и Института археологии НАНУ (г. Киев).

Методические подходы.

Реконструкция закономерностей развития культуры и повседневной жизни человека по материальным остаткам его жизнедеятельности являются конечными исследовательскими целями археологии как науки. Археология первобытности является самостоятельной исторической дисциплиной, с присущими ей предметом и объектом исследований, источниковедением, методологией и методами анализа источников, а также соответствующей проблематикой. Одно из центральных мест в ней занимает вопрос о закономерностях развития материальной культуры древних сообществ, лежащих в основе как смены археологических эпох, так и в существовании культурной вариабельности на тех или иных территориях. В данном случае, термин «культура» имеет максимально широкий смысл, а именно: «исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации и т. д.».[1] Соответственно, под материальной культурой понимается система артефактов, целенаправленно созданная людьми и необходимая для поддержания того или иного образа их жизни. Материальная культура формирует искусственную среду обитания человеческого сообщества и одновременно является средством взаимодействия людей с

[1] Культура // БРЭ https://bigenc.ru/philosophy/text/2120919#

природным, «естественным»[2], окружением.

Методологическая база диссертационного исследования состоит в признании относительной автономности процесса развития культуры первобытных социумов. Традиционно основные изменения в материальной культуре первобытного общества в современной археологической литературе объясняются воздействием природного окружения. Однако подобная прямая связь не может объяснить существование в одно и то же время глобальных технокомплексов, таких как микок, селет, ориньяк, граветт, на территориях с различными природно-географическими условиями. И наоборот, существование разнокультурных памятников в одинаковых природных условиях – факт, на который обратил внимание А.Н. Рогачёв ещё в конце 1960-х годов (Рогачев, 1969). В более радикальном виде этот тезис был сформулирован М.В. Аниковичем: «нетрудно убедиться в том, что в своих основополагающих моментах история человечества развивается всё-таки вне зависимости от изменений природной среды» (Аникович, 2010, с. 38). Представляется, что в такой формулировке это положение является преувеличением, но оно отнюдь не случайно и вызвано чрезмерностями интерпретаций археологических материалов в рамках концепций географического детерминизма и им подобных. Автономность культуры в первобытную эпоху не могла не поддерживаться лежащими в её основе накопленным опытом и традициями, а также обменом идеями между соседними сообществами. Природное окружение, традиционно рассматриваемое как внешний стимул для развития первобытной культуры, служило поставщиком исходных материальных ресурсов, использование и оформление которых зависело как от их физических свойств, так и, в значительной степени, от имеющегося у человечества в данный конкретный исторический период жизненного опыта, идей, знаний, технологий.

В ходе выполнения диссертационного исследования археологические

[2] В данном случае к «естественному» окружению относится также биологическая природа человека, поскольку культура и на неё накладывает определённые ограничения.

источники подвергались типологическому, сравнительно-историческому и картографическому анализу. Сравнительно-исторический и картографический анализ данных был подчинён типологическому. Соответственно, основным методом исследования является типологический. Типологическому анализу были подвергнуты предметы с вторичной обработкой, произведения искусства малых форм и археологические объекты позднепалеолитических памятников бассейна Верхней и Средней Десны, Посеймья, а также – Среднего Поднепровья. В данном случае использование типологического метода анализа опиралось на понимание того, что его основной целью является не только разработка классификации изучаемых предметов: орудий, памятников искусства, структурно значимых элементов пространственной организации поселений, а прежде всего – выявление их сущностных черт. Очевидно, что каждая типология является классификацией, но не каждая классификация, которая служит систематизации имеющихся фактов, является типологией. Типология, применительно к задачам данного исследования, разрабатывалась для выявления специфических форм предметов и археологических объектов, которые маркируют как стадиальные, так и региональные особенности памятников археологии Центра Русской равнины, относящихся к верхнепалеолитической эпохе. Помимо выделения типов орудий, предметов искусства и археологических объектов, которые должны были отражать региональную и хронологическую специфику памятников (стоянок, поселений и т.д.), типологический анализ был направлен на выявление таких форм артефактов, которые являлись общими для последовательно сменяющихся периодов, выделяемых для Восточной Европы в рамках верхнего палеолита. Подобные формы выделялись на основе результатов систематического анализа и сравнительной характеристики археологических источников, а также – данных о возрасте памятников и взаимном расположении их на рассматриваемой территории. Их таксономический статус внутри соответствующих классификаций не обязательно соответствует одному и тому же уровню. Например, ножи

костёнковского типа могут быть отнесены к самостоятельной категории орудий, внутри которой выделяются различные группы, отражающие степень утилизации этих предметов (Лев и др., 2009). Однако в большинстве случаев типы выделяются на более низком таксономическом уровне, например – граветтские острия (Lacorre, 1960).

В данном исследовании основное внимание среди анализируемых материалов обращалось, прежде всего, на морфологические характеристики выделяемых на исследуемых памятниках категорий каменных и костяных изделий, произведений искусства, а также археологических объектов, определяющих пространственную структуру поселений. Предполагается, что морфология анализируемых артефактов связана с их внутренней структурой и отражают стилистику, технологию и/или способы изготовления, а также место в общей структуре материальной культуры и пространственной организации археологического памятника.

Теоретическая и практическая значимость.

В работе представлена целостная научная концепция развития материальной культуры верхнего палеолита центральных районов Русской равнины, обобщившая результаты исследования всех известных на сегодняшний день опорных памятников средней и поздней поры этой археологической эпохи. Впервые на основе комплексного анализа особенностей археологических объектов и общей пространственной структуры поселений, типологических характеристик каменного и костяного инвентаря, стилистических и иконографических особенностецй произведений искусства малых форм, ранее рассматривавшихся, как правило, в отрыве друг от друга, раскрыты закономерности развития и трансформации материальной культуры памятников средней и поздней поры верхнего палеолита от восточноевропейского граветта к эпиграветту. Сформулирована гипотеза о полигенетическом характере восточноевропейского граветта. Определены характерные черты материальной культуры памятников, относящихся к периоду пика LGM, которые свидетельствуют о культурной преемственности

между восточноевропейским граветтом и эпиграветтом. Полученные в результате выполнения представленного к защите исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории Восточной Европы в древнекаменном веке, составлении тематических музейных выставок и постоянных экспозиций, посвящённых культуре каменного века на территории Центра русской равнины, а также при составлении специальных учебных курсов для студентов вузов, специализирующихся по специальности «Археология».

Научные положения, выносимые на защиту.

1. Материальная культура верхнего палеолита на территории центральных районов Русской равнины характеризуется поступательным и непрерывным развитием на протяжении, по крайней мере, средней и поздней поры, то есть - от 25/24 до 14/12 тыс. радиоуглеродных л.н. (некал.).

2. В Верхнем и Среднем Подесенье, в окрестностях сёл Хотылёво и Пушкари, зафиксированы стоянки и местонахождения, относящиеся к так называемому брянскому времени. Отсутствие в других районах Центра Русской равнины стоянок ранней поры верхнего палеолита отражает степень обследованости данной территории. Хотылёвские стоянки этого периода имеют каменный инвентарь ориньякоидного облика, однако их культурная атрибуция преждевременна из-за малочисленности имеющихся коллекций. Есть основания предполагать существование в этом районе раннеграветтского комплекса - Хотылёво 2, пункт Д, сл. 3.

3. На протяжении средней и поздней поры верхнего палеолита центральные районы Русской равнины были заселены непрерывно. Имеющиеся данные не позволяют говорить о полной депопуляции этой территории.

4. Памятники среднего и позднего верхнего палеолита относятся к различным вариантам восточного граветта и эпиграветта соответственно. Вариабельность их материальной культуры таксономически соотносится с вариабельностью культуры памятников граветта и эпиграветта Восточной и Центральной Европы, и свидетельствует о полигенетическом характере этих явлений.

5. Культурная вариабельность памятников граветта и эпиграветта Центра Русской равнины отражает как их стадиальное положение внутри данных групп, так и принадлежность этих вариантов к различным археологическим культурам.

6. Между материальной культурой восточного граветта и эпиграветта на территории Центра Русской равнины существует преемственность, которая проявляется в следующем: 1) общность основных приёмов вторичной обработки орудий; 2) сходство иконографии символически-знаковых и зооморфных художественных образов; 3) единый мотив при построении орнамента в виде многорядного зигзага; 4) общность принципов укладки и вкапывания костей мамонта в археологических объектах с костно-земляными конструкциями.

7. Трансформация материальной культуры верхнего палеолита на территории Центра Русской равнины, происходившая во время климатического минимума периода LGM (20-18 тыс. некал. радиоуглеродных л.н.), характеризуется появлением памятников с каменным инвентарём "эпиориньякского" облика (Радомышль, Оболонье, Гордашовка I, памятники замятнинской археологической культуры). Искусство "эпиориньякских" памятников приледниковой зоны Восточной Европы иконографически и стилистически связывает искусство памятников восточного граветта и эпиграветта.

8. Результатами этой трансформации стали: 1) обеднение типологического облика каменного инвентаря эпиграветтских стоянок позднего верхнего палеолита; 2) упрощение иконографии женского образа в мелкой пластике; 3) появление новых орнаментальных композиций; 4) возникновение крупных костно-земляных конструкций аносовско-мезинского типа.

9. По сравнению с искусством восточного граветта Русской равнины, которое характеризуется стилистическим и иконографическим единством, в искусстве восточного эпиграветта этого региона наблюдается возникновение стилистического разнообразия антропоморфной скульптуры и орнаментальных композиций, которые характеризуют культурную специфику вариантов восточноевропейского эпиграветта приледниковой зоны Русской равнины.

10. Костно-земляные конструкции аносовско-мезинского типа - это результат длительной, по времени процесса развития, традиции создания скоплений преднамеренно уложенных и вкопанных костей животных, преимущественно - мамонта, которая в верхнем палеолите впервые фиксируется в Центральной Европе в раннем граветте (стоянка Миловице I). Тафономические и пространственные характеристики этих объектов дают основания отвергнуть их традиционную интерпретацию в качестве остатков конструкций жилищ и позволяют рассматривать их как объекты культового характера.

Апробация результатов исследования.

Положения диссертации неоднократно обсуждались на заседаниях Отдела археологии каменного века ИА РАН, докладывались на IV (XX) и V (XXI) Всероссийских Археологических съездах, на III Северном археологическом Конгрессе, конференциях по проблематике каменного века

(2011 г.), IX Всероссийском совещании по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы Квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований», 2015 г. (Иркутск, Россия), рабочее совещание «Культурный слой…», 2016 г. (Москва, Россия), «Позднепалеолитические памятники Восточной Европы» (к 100-летию со дня рождения М.Д. Гвоздовер), 2017 г. (Москва, Россия), X Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований», 2017 г. (Москва, Россия), круглый стол «Охотничье вооружение в культурах верхнего палеолита, мезолита и неолита Европы: типология, технология и трасология», 2018 г. (Москва, Россия), общероссийской научной конференции с международным участием «Четвертые Замятнинские чтения. Поздняя пора верхнего палеолита на Русской равнине: восточный эпиграветт, восточный мадлен, эпиориньяк?», 2018 г. (С.-Петербург, Россия), Всероссийская научная конференция (с международным участием) «Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений» (к 90-летию со дня рождения Л.Д. Сулержицкого), 2019 г. (Москва, Россия), пластинчатых индустрий а также на международных научных конференциях: «Восточный Граветт», 1997 г. (Зарайск-Москва, Россия); конгресс IFRAO “Pleistocene Art of the World”, 2010 г. (Tarascon sur Ariège, Франция), 5-я конференция «Алексеевские чтения», 2013 г. (Москва, Россия) “The World of Gravettian Hunters”, 2013, 2016 и 2019 гг. (Краков, Польша), III Замятнинские чтения «Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований», 2015 г. (С.-Петербург, Россия), Конгресс UISPP 2018 г. (Париж, Франция), Annual Meeting of the European Association of Archaeologists, 2018 г. (Барселона, Испания), конференция-полевой семинар «Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта», 2019 г. (Брянск_Хотылёво-Юдиново, Россия), конференция «Восточная Европа,

Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез» (к 70-летию Х.А. Амирханова), 2020 г. (Москва, Россия), конференциях «Искусство каменного века: образы, знаки, контекст», 2017 г. (Санкт-Петербург, Россия) и «Знаки и образы в искусстве каменного века», 2019 г. (Москва, Россия), конференция «На стыке Европы и Азии…», 2022 г. (Алма-Ата, Казахстан), «Пластинчатые индустрии каменного века Восточной Европы и Кавказа» (Москва, 2024 г.).

Структура работы.

Диссертация состоит из тома 1 с текстом работы (384 стр.), включающего Введение, восемь глав, Заключение, список архивных материалов, список литературы, список сокращений, и тома 2, включающего 17 статистических таблиц, 142 иллюстрации и список иллюстраций (180 стр.).

Глава 1.
История изучения закономерностей культурно-исторического развития центральных районов Русской равнины в верхнем палеолите.

Центральные районы Русской равнины, наряду с Сибирью, Крымом и Кавказом, начиная с 70-х гг. XIX века, положили основание в историю изучения палеолита России. Однако вплоть до открытия и последовавших затем исследований Мезинской стоянки вопросы культурной специфики памятников древнекаменного века, расположенных на этой территории, исследователями не рассматривались. В первые десятилетия, прошедшие после открытия Гонцовской (1873 г.) и Карачаровской (1877 г.) стоянок, после работ И.С. Полякова в Костёнках (1879 г.) актуальной была другая задача. Необходимо было доказать само существование палеолита в северных широтах России, поскольку эти территории представлялись мало пригодными для расселения человека в ледниковую эпоху (Уваров, 1881).

Ситуация начинает меняться после выхода из печати статьи П.П. Ефименко о каменных орудиях Мезинской стоянки (Ефименко, 1912). Эта работа примечательна по нескольким причинам. Она стала первой на русском языке, в которой был продемонстрирован типологический метод анализа каменных орудий палеолита на современном для того времени уровне. Примечательно, что П.П. Ефименко верно определил относительно поздний возраст Мезина в рамках верхнего палеолита, сопоставив инвентарь этого памятника с французскими мадленскими стоянками. Главным признаком, указывавшим на относительно поздний возраст Мезинской стоянки, по П.П. Ефименко, стали относительно небольшие размеры каменных орудий и общий облик каменного инвентаря (Ефименко, 1912, с. 81), несмотря на присутствие небольшой серии предметов, считавшихся в то время характерными для ориньяка, а именно – нуклевидных резцов и скребков (Ефименко, 1912, с. 99-100). Таким образом, П.П. Ефименко, сопоставляя инвентарь мезинской стоянки с французским мадленом, имел в виду, прежде всего, существование

этого памятника в определённую эпоху, а не его принадлежность какому-либо локальному типу культуры.

Первым исследователем, кто сформулировал положение о возможной региональной специфике палеолита на территории России и существовании групп населения, отличавшихся особенностями своей культуры от западноевропейских, был А.А. Спицын (Спицын, 1015). Регионализация исследований палеолита и соответствующий поиск местных особенностей культуры стал к этому времени весьма актуальным в европейской науке и названная работа А.А. Спицына, а также статья П.П. Ефименко об итогах раскопок в Костёнках (Ефименко, 1915) вполне соответствовали тенденциям развития археологии палеолита начала XX века (Васильев, 2008, с. 18).

В 1920-е годы В.А. Городцов, который ещё до революции 1917 года писал о локальных культурах бронзового века (Городцов, 1915), вполне определённо высказался о культурной вариабельности в каменном веке. В первом томе фундаментального труда «Археология» целый ряд мест посвящён сюжетам, связанным с одновременным существованием на территории Европы и Сибири различных типов культур, отражавших и неравномерность исторического развития в пределах, как минимум, европейского континента, и этнографические различия между его регионами (Городцов, 1923, сс. 29-30, 189, 227, 278).

Однако известных в то время на территории СССР палеолитических памятников было недостаточно для развёрнутой характеристики локальных культурных типов. Корпус археологических источников ещё не слишком сильно отличался от объёма накопленных до революции материалов. Тем не менее, именно в 1920-е годы начинается существенный прогресс в этой области. Что касается территории Восточно-Европейской равнины, необходимо, прежде всего, отметить работы Б.С. Жукова, П.П. Ефименко и С.С. Деева в Супонево, раскопки С.Н. Замятнина и П.П. Ефименко в Костёнках, а также С.Н. Замятнина в Гагарино (Ефименко, 1926; Замятнин, 1929; Замятнин, 1935; Ефименко, 1928). В.А. Городцовым в 1928 и 1929 гг.

были проведены полевые исследования Тимоновской стоянки (Тимоновка I) под Брянском, давшие колоссальный по объёму материал (Городцов, 1930; Городцов, 1935). К сожалению, он был добыт раскопками, проведёнными на методическом уровне, уже не отвечавшим требованиям того времени. В целом, полученные в этот период результаты были важны для развития отечественной науки, в частности – для накопления первичных данных в области изучения пространственной организации поселений, выявлении остатков жилищ, определения археологического контекста памятников первобытного искусства. Однако их объём, географический и хронологический охват ещё не были достаточными для полноценного изучения культурной вариабельности палеолита на территории Восточной Европы.

Исследователям в то время гораздо более актуальным представлялся вопрос о периодизации палеолита. Различные периодизационные системы были разработаны В.А. Городцовым, П.П. Ефименко и Г.А. Бонч-Осмоловским (Васильев, 2008; Платонова, 2010). Схема В.А. Городцова, изложенная в уже упоминавшейся книге 1923 года, не получила признания среди коллег, в значительной степени по причине своего умозрительного характера и декларируемого радикального разрыва с системой Мортилье. Справедливости ради необходимо отметить, что В.А. Городцов в своей работе опирался, пусть и в дискуссионной форме, на опыт европейских коллег, прежде всего Г. Обермайера и А. Брейля. В конце 1920-х годов свою периодизацию опубликовал П.П. Ефименко (Ефименко, 1928). Его периодизация, хотя и была региональной, не отрицала французскую схему, как это делал В.А. Городцов. Работу П.П. Ефименко можно рассматривать как полемический ответ своему старшему коллеге. Нужно отметить, что и П.П. Ефименко, и В.А. Городцов признавали существование локальных типов культуры в верхнем палеолите, в отличие от автора однолинейной стадиалистской системы Г.А. Бонч-Осмоловского (Васильев, 2008, с. 33).

В 1930-е годы проблематика, связанная с изучением культурных типов

и культурной вариабельности верхнего палеолита на территории Восточно-Европейской равнины в целом, не являлась актуальной для советских исследователей. По-прежнему продолжался период первичного накопления археологических материалов, происходили открытия новых памятников. На правобережье Судости, правого притока р. Десны, К.М. Поликарповичем были обнаружены стоянки Елисеевичи 1 (1930 г.) и Юдиново 1 (1934 г.) (Поликарпович, 1968). В Нижнем Подесенье М.Я. Рудинским были проведены новаторские полевые исследования стоянки Пушкари I (Рудинский, 1947). В конце 1930-х гг. раскопки этого памятника продолжил П.И. Борисковский, в ходе которых были обнаружены остатки длинного многоочажного жилища (Борисковский, 1953). Широкомасштабные разведочные работы на Десне были организованы М.В. Воеводским (Воеводский, 1948). И.Ф. Левицкий возобновил исследования Гонцовской стоянки (Левицький, 1949). Продолжались открытия новых верхнепалеолитических памятников и в Костёнках (Борисковский, 1941; Ефименко, Береговая, 1941; Ефименко, Борисковский, 1957). Однако их осмысление в предвоенное десятилетие шло в рамках так называемой стадиалистской концепции, связанной с именем П.П. Ефименко. Обстоятельства её создания, в том числе – внутриполитические, подробно освещены в литературе (Васильев, 2008; Платонова, 2010). Тем не менее, стоит подчеркнуть, что с точки зрения археологического содержания периодизационная схема П.П. Ефименко принципиально не отличалась от той, которая была разработана им в конце 1920-х годов. Это замечание применимо также к позиции П.П. Ефименко относительно возможности выделения различных культурных типов. Он никогда не отрицал такой возможности и отмечал своеобразие культурного развития отдельных регионов в пределах, в частности, Восточной Европы, например, на юге Русской равнины и в перигляциальной зоне (Ефименко, 1956. С. 52). Культурная близость таких памятников как Костенки 1, Виллендорф и Пржедмости была отмечена им ещё во второй половине 1920-х годов (Ефименко, 1928). Вопрос о возможности выделения культурных характеристик, которые отражают этнографические

черты древних социумов, специально рассматривался С.Н. Замятниным (Замятнин, 1951), который решал его вполне положительно. Однако С.Н. Замятнин подчёркивал, что объяснять все проявления культурной вариабельности исключительно этнографическими особенностями первобытных народностей неверно, поскольку они могут отражать различное хронологическое положение того или иного памятника, его функциональную специфику, адаптацию к тому или иному природному природному окружению и т.п. черты (Замятнин, 1951, с. 95-98).

Однако признание этого факта не приводило к выделению множества локальных археологических культур. Внутри каждого региона, согласно господствовавшим в 1930-1940-е годы взглядам, действовали единые закономерности развития общества, которые, соответственно, проявлялись в определённой смене стадий развития его материальной культуры. Археологически эта картина соответствовала, по мнению П.П. Ефименко, региональным системам периодизации верхнепалеолитических памятников (Ефименко, 1953).

Обобщение нового археологического материала, полученного во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов при исследовании памятников Костёнковско-Борщёвского района, дало основание А.Н. Рогачёву для отказа от стадиалистской концепции и фактически возврата к идеям А.А. Спицына и В.А. Городцова (Рогачев, 1957, с. 129; Рогачев, 1962, с. 6, 8), но уже на новой фактологической базе. Примечательно, что помимо костёнковских материалов, важную роль в осмыслении новых данных именно в русле концепции археологических культур, сыграли результаты изучения Авдеевской верхнепалеолитической стоянки. Поразительное сходство материальной культуры этого памятника и Костёнок I (сл. 1) подвело А.Н. Рогачева к мысли о том, «что очень вероятна принадлежность этих поселений одной и той же общине, обитавшей на Дону и на Сейме» (Рогачев, 1953, с. 191). Сравнительное изучение Костенок I и Авдеево, по мысли А.Н. Рогачева, позволяло «извлечь важные выводы для изучения конкретной истории общин

верхнепалеолитического времени» (там же). О «генетической связи населения Костенок I и Авдеевской стоянки» писала в то же время и М.Д. Гвоздовер (Гвоздовер, 1953, с. 224). Более того, опираясь на тот факт, что в верхнем палеолите близость материальной культуры, подобная сходству между Авдеево и Костенками I, была также зафиксирована между стоянками Мальта и Буреть, Марианна Давидовна делала вывод о том, что дальнейшее накопление археологических фактов «позволит уже в палеолите выявить культуры определённых родов и племён» (там же). В начале 1950-х годов идея о существовании археологических культур в каменном веке, которые отражали существование «определённых родов и племён», была сформулирована А.Я. Брюсовым применительно к неолиту (Брюсов, 1952, с. 18). М.Д. Гвоздовер, таким образом, предположила возможность существования подобных образований в верхнем палеолите.

Принципиальные возражения против выделения локальных археологических культур в верхнем палеолите были сформулированы П.И. Борисковским, указывавшим на опасность того, что в процессе поисков множества такого рода культур будет потеряно понимание общих закономерностей развития культуры верхнего палеолита (Борисковский, 1957). Однако авторы концепции археологических культур не были противниками изучения общих закономерностей развития верхнего палеолита. Проявление этих общих закономерностей виделось им в рамках определённых регионов, выделяемых на территории Восточно-Европейской равнины и Крыма, которые отличались друг от друга набором локальных культур и характером их развития (Гвоздовер, Рогачев, 1969).

В 1960-е – 1970-е гг. одной из целей исследований верхнего палеолита в СССР становится выявление таких черт близких в культурном отношении археологических памятников, которые свидетельствовали бы о более широком проявлении, по сравнению с локальным уровнем, закономерностей развития определённых культурных явлений. В качестве примеров работ такого рода можно привести статью Г.П. Григорьева о костёнковско-

виллендорфском единстве (Григорьев, 1966) и монографию И.Г. Шовкопляса о Мезинской стоянке (Шовкопляс, 1965). В публикациях Г.П. Григорьева отчётливо прослеживается признание важности для выделения археологической культуры наличия нескольких стадий развития её составляющих, прежде всего – каменной индустрии, (Григорьев, 1966; Григорьев, 1968; Григорьев, 1989). На практике этот подход исследователю удалось применить лишь для некоторых стоянок Среднего Поднестровья и Костёнковско-Борщёвского района (Григорьев, 1970). В определённой мере этот подход наследовал ту часть стадиалистской концепции, которая признавала существование специфических регионов в верхнем палеолите, однако масштаб этих культурно-географических образований был значительно уменьшен.

Одним из таких локальных регионов, наряду с Костёнковско-Борщёвским и Поднестровским, стал бассейн Десны и Среднего Днепра. Выделение верхнего палеолита Подесенья и Среднего Поднепровья в качестве самостоятельной единицы анализа связано с именем И.Г. Шовкопляса, выделившего мезинскую археологическую культуру (Шовкопляс, 1965). Впервые этот термин был употреблён В.А. Городцовым (Городцов, 1923, с. 284). И.Г. Шовкопляс рассматривал мезинскую культуру как понятие, характеризующее археологическую специфику Среднеднепровской этнокультурной области. Правомерность существования мезинской культуры оспаривалась М.Д. Гвоздовер и А.Н. Рогачевым, вкладывавшими в понятие «археологическая культура» иной смысл, отражающий более тесное технико-типологическое сходство между памятниками, прежде всего — кремнёвого инвентаря (Гвоздовер, Рогачев, 1969). В дальнейшем благодаря работам Л.В. Греховой и М.И. Гладких использование понятия «археологическая культура» именно в этом смысле стало основным при характеристике деснинского и среднеднепровского верхнего палеолита, а сам термин мезинская культура был ими отвергнут.

В работах конца шестидесятых — первой половины восьмидесятых

годов внимание исследователей поздней поры верхнего палеолита на территории Центра Русской равнины акцентировалось на изучении локальных особенностей стоянок (Грехова, 1969; Грехова, 1971; Величко, Грехова, Губонина, 1977; Гладких, 1968; Гладких, 1971а; Гладких, 19716; Гладких, 1977; Хайкунова, 1985). В результате, поднепровские и деснинские памятники оказались разделены на несколько групп, различных в культурном отношении. При этом подразумевалась общая региональная специфика поздней поры верхнего палеолита Среднего Поднепровья и Подесенья, однако её конкретное археологическое содержание не определялось в рамках более широкого контекста внутри Европейского континента.

До конца 1990-х гг. работы отечественных исследователей были сосредоточены почти исключительно на изучении отдельных памятников и категорий материальной культуры. Проблематика данных изысканий определялась концепцией существования в верхнем палеолите археологических культур. Главным достижением в изучении древнекаменного века 1960-1980-х гг. можно считать описание и классификацию большинства известных к тому времени локальных проявлений материальной культуры этой эпохи не только для Восточной Европы, а также – для Сибири и других частей Старого Света. Зримым воплощением итогов развития отечественного палеолитоведения за это время стал том «Палеолит СССР» в серии «Археология СССР» (Палеолит СССР, 1984), а также целый ряд монографий в серии «Палеолит мира» (Абрамова и др., 1977; Абрамова и др., 1978; Борисковский, 1989).

К концу 1980-х гг. становится понятным, что концепция археологических культур в том виде, в котором она была сформулирована в 1960-е гг., не позволяет описывать большинство проявлений культурной специфики верхнепалеолитических памятников. Попытки пересмотреть или модернизировать теорию археологических культур были связаны с необходимостью вписать результаты изучения верхнего палеолита Русской равнины в общеевропейский контекст. Не в последнюю очередь ситуация

стала меняться и под влиянием интенсифицировавшихся в 1980-е гг. контактов советских учёных-палеолитчиков с западными коллегами (Soffer, 1985; Абрамова и др., 1988; Массон, Праслов, 1989; Soffer & Praslov, 1993). Одна из главных проблем, стоявших перед советскими исследователями, состояла в том, что значительное число памятников верхнего палеолита центральных районов Восточно-Европейской равнины не находило полных аналогий среди позднепалеолитических стоянок Западной и Центральной Европы. Положение, когда зачастую археологическая культура была представлена одним-двумя памятником, осознавалось, как методически ущербное.

В 1990-е и 2000-е годы необходимость в более широкой региональной характеристике археологического и историко-культурного своеобразия верхнего палеолита Русской равнины, осознававшаяся и ранее, реализовалась в появлении целого ряда работ. Заметная часть их была посвящена анализу особенностей памятников поздней поры верхнего палеолита Деснинского бассейна (Аникович, 1995; Аникович, 1998; Лисицын, 1999; Абрамова, 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Абрамова, Григорьева, 1997; Грехова, 2005; Григорьев, 2008а; Григорьев, 20086; Гаврилов, 1994а; Гаврилов, 1994б; Гаврилов, 2003).

В ходе этого процесса пересмотра фактически произошёл отказ от концепции археологических культур палеолита в том виде, как она была сформулирована в конце 1960-х. Отказ этот был начат Г.П. Григорьевым, в 1970-е годы являвшегося одним из последовательных её сторонников и энтузиастов. Проблема, по мнению Г.П. Григорьева, состояла в том, что 1980-е годы не было разработанной терминологии для характеристики индивидуальных черт материальной культуры стоянок (Григорьев, 1998), которые, по общему мнению, являлись частью одного культурно-исторического явления. Собственно, только костёнковско-авдеевская группа памятников считалась обладающей всеми признаками археологической культуры среди стоянок Русской равнины. На рубеже 1980-90-х гг. Г.П.

Григорьев, под влиянием новых данных о возрасте 9-го слоя стоянки Виллендорф II и памятников павловьена, фактически отверг прежнюю схему развития костёнковско-виллендорфского единства (ср.: Григорьев, 1989, и Grigor'ev, 1993). Её заменила иерархия понятий: «восточный граветьен» - «единство Виллендорф-Павлов-Авдеево-Костенки I» - «археологическая культура» – «отдельные памятники и/или памятники, испытавшие влияние восточного граветьена». Показательно, что этот пересмотр сопровождался обращением к европейским аналогиям, в данном случае – к такому явлению как граветт (Grigor'ev, 1993). Однако Г.П. Григорьев, при всём внешнем радикализме смены своих взглядов, остался верен тому методическому подходу, который им декларировался ранее и при котором принадлежность к одной археологической культуре определяется полным совпадением типов в инвентаре стоянок. Понятие «археологическая культура» в этой системе оставалось по преимуществу классификационным термином.

Попытка разработать новый теоретический подход к анализу культурных феноменов верхнего палеолита была предпринята М.В. Аниковичем, который представил модернизированную теорию археологических культур. Его определение: «археологическая культура (АК) есть система традиций, выработанных в определённых социальных группах под влиянием определённых исторических условий, нашедшая своё материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые смогли стать археологическими источниками, и раскрываемая посредством анализа этих источников» (Аникович, 1998, с. 36). М.В. Аникович заимствовал у Г.П. Григорьева термин «путь развития» для обозначения сходства в материальной культуре памятников, не имеющих генетического родства (Аникович, 1992а; Аникович, 1992б). В более поздних публикациях «путь развития» уступил место термину «технокомплекс»: «относительно устойчивая система технологических приёмов, порождающая сходные черты в составе орудийного набора, которые возникают и функционируют в широких пространственно-временных границах в разных

культурно-исторических формах, не связанных между собой генетическим родством» (Аникович, 1998, с. 36). Ещё одно обобщающее понятие, используемое М.В. Аниковичем при характеристике верхнего палеолита Русской равнины - историко-культурная область (ИКО): «Совокупность археологических культур и памятников, культурная принадлежность которых не определена или спорна, существовавшая в достаточно строгих территориальных границах в пределах определённого отрезка времени, меньшего протяжённости археологической эпохи, обладающая чертами культурного сходства, которые не совпадают или совпадают лишь частично с характеристиками АК данной территории, но которые отличают данную ИКО от ИКО, прослеженных на соседних территориях» (Аникович, 1998, там же).

Хотя М.В. Аникович не считал эти понятия иерархически соподчинёнными, такая взаимосвязь всё же прослеживается в его построениях. Так, территория бассейна Днепра и Дона была объединена им в одну историко-культурную область, которая существовала в период средней и поздней поры верхнего палеолита. Памятники средней поры отнесены к двум технокомплексам - граветтоидному и ориньякоидному, поздней поры - к восточному эпиграветту. Внутри граветтоидного технокомплекса выделяются стоянки, относящиеся к виллендорфско-костёнковской археологической культуре средней поры верхнего палеолита и мезинской культуры поздней поры, соответственно (Аникович, 1998).

Понятия «технокомплекс», «восточный граветт», «эпиграветт», «постграветт» получили широкое признание среди исследователей к концу 90-х годов XX ст. Разумеется, такие термины как «граветт» и «эпиграветт», а также «селет» и др., были известны и ранее, однако их применение не считалось ранее необходимым при выделении археологических культур. Теперь же с их помощью делались попытки провести культурную атрибуцию памятников, избегая крайностей как стадиалистского подхода, так и концепции археологических культур (Амирханов, 1998; Аникович, 1998; Лисицын, 1999).

Смена научной парадигмы, происходившая в 1990-е годы, оказалась тесно связанной с проблематикой изучения памятников средней поры верхнего палеолита, которые рассматривались в рамках восточного граветта. Применительно к верхнепалеолитическим памятникам, расположенным на территории бассейна Десны, ключевое значение в этом процессе имело изучение материалов, полученных при раскопках Хотылёво 2.

История исследования верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2 началась в 1966 г., когда в одном из оврагов к северо-западу от окраины с. Хотылёво Ф.М. Заверняев обнаружил фрагмент кости мамонта. Последовавшие за этим два сезона были частично посвящены поискам нового памятника, который и был открыт в 1968 г. Планомерные раскопки стоянки Хотылёво 2 Ф.М. Заверняев начал в 1969 г. (Заверняев, 1974) и вел их вплоть до 1981 г. С 1969 по 1975 гг. работы продолжались непрерывно. После 1975 г. Ф.М. Заверняев приступал к раскопкам этого памятника дважды: в 1977 и в 1981 гг. В последнем случае исследования были приурочены к посещению стоянки участниками совместного советско-французского семинара. Подготовительные работы, связанные со снятием толщи перекрывающих культурный слой отложений на площади последнего раскопа, были организованы Ф.М. Заверняевым в 1980 г., однако культурный слой в том сезоне им не вскрывался.

Особенности каменного и костяного инвентаря этого поселения сразу же привлекли к памятнику пристальное внимание специалистов. Интерес подогревался тем, что материальная культура Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки имела явные аналогии с памятниками костёнковско-виллендорфского единства, прежде всего в изделиях из бивня и кости (Заверняев, 1978, Заверняев, 1987). Однако имелись и несомненные отличия, выявляемые уже при сравнении с инвентарем Костенок I (сл. 1) и Авдеево. Наиболее ярко специфика Хотылёво 2 прослеживалась в кремнёвом инвентаре, однако несомненные индивидуальные особенности этого памятника фиксировались и в других предметах материальной культуры,

например, в орнаментированных наконечниках копий из бивня мамонта. Особенности хотылёвской материальной культуры явно не укладывались в сложившуюся шкалу критериев, применявшихся при характеристике стоянок костёнковско-виллендорфского единства на Русской равнине. До открытия Хотылёво 2 это единство характеризовалось памятниками костёнковско-авдеевской археологической культуры. Те различия в инвентаре, которые прослеживались между Костенками I (сл. 1), Авдеево и Бердыжской стоянкой, с одной стороны, и Гагарино – с другой, традиционно объяснялись развитием во времени упомянутой культуры. После открытия Хотылёво 2, которое «разрывало» её территориальную непрерывность, возникла необходимость в уточнении характеристики как самого костёнковско-виллендорфского единства и костёнковско-авдеевской археологической культуры, так и схемы их развития. Имевшееся в то время геологическое и радиоуглеродное определение возраста стоянки давали основания предполагать более ранний возраст Хотылёво 2 по сравнению с костёнковско-авдеевской культурой (Величко, Грибченко и др., 1977), однако это обстоятельство не снимало с повестки дня вопрос о культурной принадлежности Хотылёвской стоянки, который, тем не менее, остался открытым.

В 1991 г. вышла в свет последняя прижизненная статья Ф.М. Заверняева, посвящённая кремнёвому инвентарю Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки (Заверняев, 1991). К сожалению, эта публикация не содержала характеристики кремнёвых предметов, достаточной для определения её культурной специфики. Опубликованные иллюстрации в какой-то мере восполняли существовавший пробел, но использовавшаяся Ф.М. Заверняевым классификация предметов с вторичной обработкой не позволяла проводить полноценный сравнительный анализ хотылёвской индустрии с близкими в культурном отношении памятниками Восточной и Центральной Европы. Сам автор исследования во всех своих работах ограничился констатацией сходства Хотылёво 2 с памятниками костёнковско-авдеевской культуры и, в то же время, с теми стоянками Центральной Европы, которые традиционно

относились к павловьену. Одновременно Ф.М. Заверняев подчеркивал ярко выраженный индивидуальный характер материальной культуры Хотылёво 2.

До 1981 г. – года проведения советско-французского полевого семинара - коллекция Хотылёво 2 оставалась неизвестной широкому кругу специалистов, поэтому вопрос о его культурной принадлежности можно было обсуждать, опираясь только на статьи Ф.М. Заверняева. К тому времени далеко не весь материал был опубликован, и работа эта продолжалась вплоть до 1990-х годов.

Осмысление хотылёвских материалов совпало с попытками модернизации теории археологических культур. После публикации монографического исследования Гагарино (Тарасов, 1979) и получения новых дат по этой стоянке своеобразие Хотылёво 2 на фоне опорных памятников средней поры верхнего палеолита Русской равнины требовало объяснения. Г.П. Григорьевым Хотылёво 2 рассматривалось в качестве стоянки, испытавшей влияние восточного граветьена и одновременно, парадоксальным образом, входящей в тот же восточный граветьен (Григорьев, 1998). При этом фактически Г.П. Григорьев с восточным граветьеном на территории Русской равнины отождествлял костёнковско-авдеевскую археологическую культуру (Grigor’ev, 1993). В свою очередь, М.В. Аникович относил Хотылёво 2 к хотылёвско-гагаринскому варианту виллендорфско-костёнковской археологической культуры, относившейся, по его мнению, к граветтоидному технокомплексу. Хотылёвско-гагаринский вариант рассматривался М.В. Аниковичем в качестве восточноевропейского аналога павловского варианта той же культуры на территории Центральной Европы (Аникович, 1998). Основанием для такого сопоставления для исследователя стали особенности морфологии пластин и острий с притупленным краем, наконечников с боковой выемкой, а также остатков конструкций, имеющих в плане округлую форму. Для сопоставления с инвентарём Гагарино существенным оказался и вывод М.Д. Гвоздовер о принадлежности хотылёвских и так называемой «сидящей» статуэтки из Гагарино к одному типу (Гвоздовер, 1985а). Позднее, в 2010-е гг.

М.В. Аникович несколько изменил свою оценку культурной специфики Хотылёво 2. Согласно его последней точке зрения, этот памятник следует относить к павловско-хотылёвской или гагаринско-хотылёвской археологической культуре, которая представляет один из вариантов виллендорфско-павловско-костёнковского культурного единства (Аникович, 2019, с. 99-100).

Несмотря на внешние отличия, в построениях Г.П. Григорьева и М.В. Аниковича оценка специфики Хотылёвской стоянки имела одну общую принципиальную черту. Она заключалась в том, что оба исследователя в своих построениях стремились дать характеристику Хотылёво 2, исходя из представления о восточном граветте как явлении с довольно жёсткой иерархической структурой, хотя представления этих авторов о том, какой была эта структура, и не совпадают.

Тогда же, в конце 1990-х годов, Х.А. Амирхановым была предпринята переоценка культурной специфики характеристики верхнепалеолитических памятников Русской равнины, относимых к восточному граветту (Амирханов, 1998; Амирханов, 2000). Весь восточный граветт рассматривается им как некая культурная непрерывность, а не структурированная многоуровневая система (Амирханов, 2000, с. 216). Применение кластерного анализа позволило исследователю выделить группы памятников со своими особыми пространственно-временными чертами. Среди таких групп, например, Авдеево и Хотылёво 2 относились к костёнковско-авдеевской и хотылёвско-гагаринской группам соответственно. Х.А. Амирханов критически относился к возможности жёсткого иерархического структурирования восточного граветта. Этот скепсис был вызван тем, какой статус в восточном граветте придавали костёнковско-авдеевско-виллендорфскому единству Г.П. Григорьев и Е.В. Булочникова (см. Grigor’ev, 1993; Григорьев, 1998; Булочникова, 1998а; Булочникова, 1998б). Группы с максимальной степенью сходства относились Х.А. Амирхановым к одной археологической культуре и, следовательно, Хотылёво 2 вместе с Гагаринской стоянкой входили, согласно

этой точке зрения, в археологическую культуру, отличную от костёнковско-авдеевской. В этом случае вновь вставал вопрос о том уровне сходства материальной культуры, в данном случае – кремнёвого инвентаря памятников, который был достаточен для выделения археологической культуры, поскольку Хотылёвская и Гагаринская стоянки не имели такой типологической близости, как Костёнки I/1, Авдеево и Зарайск.

В начале 2000-х годов К.Н. Гаврилов, опираясь на результаты изучения материалов Хотылёво 2 из раскопок Ф.М. Заверняева, высказал мнение о том, что культура этого памятника позволяет отнести его к самостоятельному варианту восточного граветта, отличному не только от культуры стоянок костёнковско-авдеевского типа и Гагарино, но и от памятников павловьена (Гаврилов, 2004; Гаврилов, 2008). В это же время Л.В. Грехова опубликовала точку зрения о том, что Хотылёво 2 представляет собой особый культурный тип верхнего палеолита Подесенья (Грехова, 2005).

Индивидуальный характер материальной культуры Хотылёво 2 особо подчёркивался М.Д. Гвоздовер при сопоставлении этого памятника со стоянками костёнковско-авдеевской культуры, с одной стороны, и с Гагарино – с другой (Гвоздовер, 1998). По мнению исследовательницы, Хотылёво 2, так же, как и Гагарино, может рассматриваться в качестве отдельного памятника костенковско-виллендорфского единства, не относящегося к костенковско-авдеевской культуре. Хотылёвская стоянка не одинока в своей индивидуальности и сосуществует со столь же индивидуальными памятниками Центральной и Восточной Европы. Другими словами, костенковско-виллендорфское единство представало, по М.Д. Гвоздовер, в виде совокупности костёнковско-авдеевской культуры и отдельных стоянок, каждая из которых обладает той же степенью уникальности, что и костенковско-авдеевская культура в целом.

Г.В. Григорьевой несколько раз достаточно развёрнуто была высказана точка зрения о том, что Хотылёво 2 является памятником, отражающим специфику деснинского верхнего палеолита и стоящего фактически у истоков

развития верхнепалеолитической культуры этого региона. Основанием для такого определения послужили наличие среди хотылёвского инвентаря орнаментированных наконечников копий из бивня и стандартизованность набора кремневых орудий, характеризующегося, среди прочего, значительной долей в инвентаре резцов (Григорьева, 1997; Григорьева, 2002). Нужно отметить, что ещё Ф.М. Заверняев сопоставлял хотылёвские орнаментированные острия с подобными изделиями Юдиновской стоянки (Заверняев, 1987, с. 127-128). Кроме того, представление Г.П. Григорьева о том, что Хотылёво 2 – памятник, испытавший влияние восточного граветта, также в значительной степени основывалось на предположении о местном происхождении хотылёвской материальной культуры. Таким образом, точка зрения Г.В. Григорьевой в ещё большей степени акцентировала перечисленные моменты в характеристике культурной специфики этой стоянки.

В оценках культурной специфики Хотылёво 2 исследователями достаточно большое внимание уделялось не только типологическим особенностям материальной культуры. В середине 1990-х годов А.Б. Селезнёвым в специальном исследовании были охарактеризованы предметы первичного расщепления этого памятника (Селезнёв, 1996; Селезнёв, 1998). Им же была проделана аналогичная работа относительно новой коллекции стоянки Пушкари I. Поскольку к тому времени стали известны результаты технологических исследований каменной индустрии стоянки Костёнки I, а сам А.Б. Селезнёв имел возможность работать с коллекцией Зарайской стоянки, относящейся к костёнковско-авдеевской культуре, автору удалось прийти к ряду интересных результатов. Один из них сводился к констатации принципиального сходства в технике раскалывания камня между Хотылёво 2 и памятниками костёнковско-авдеевской культуры. Кроме того, А.Б. Селезнёв обосновал гипотезу о возможном развитии технологии раскалывания кремня, применявшейся обитателями Пушкарёвской стоянки, из технологии, представленной в Хотылёво 2 и Зарайске (Селезнёв, 1996). Технологическое

изучение хотылёвской коллекции было продолжено Г.А. Хлопачевым в конце 1990-х – начале 2000-х годов применительно к изделиям из бивня (Хлопачев, 1997, Хлопачев, 1998, Хлопачев, 1999, Хлопачев, 2001, Хлопачев, 2004, Хлопачев, 2006). Предметом исследований Г.А. Хлопачева стала технология обработки бивня, рассмотренная на широком фоне верхнего палеолита Русской равнины. Это позволило автору исследования очень чётко показать специфику изучавшихся стоянок. Г.А. Хлопачев оценивает технологию обработки бивня, применявшуюся обитателями Хотылёво 2 в качестве самостоятельной, имеющей свои характерные собственности. Столь же специфичными, по его мнению, являлись гагаринская и костёнковская технологии. Исследования А.Б. Селезнёва и Г.А. Хлопачева выявили гораздо более сложную картину соотношения материальной культуры Хотылёво 2 не только с классическими восточнограветтскими памятниками Центра Русской равнины (Костенки I, сл. 1, Авдеево, Гагарино), но и с более поздними деснинскими стоянками (Пушкари I, Юдиново 1). Эти работы принесли первые аргументы в пользу представления о преемственности развития материальной культуры на территории бассейна Десны на протяжении среднего и позднего этапов верхнего палеолита. С другой стороны, несмотря на ярко выраженную специфику Хотылёво 2, этот памятник не может рассматриваться вне круга восточного граветта на Русской равнине.

В 2010-е гг. Д.К. Еськовой было существенно скорректирована характеристика особенностей технологии раскалывания камня, применявшейся носителями восточно-граветтских традиций, (Еськова, 2013; Еськова, 2015). Ею было аргументированно показано, что граветтские стоянки, относимые к костёнковско-авдеевской культуре, равно как и Хотылёво 2, и Гагарино, стадиально относятся к позднему граветту Восточной и Центральной Европы. Преемственность между Хотылёво 2 и павловьеном в технологии раскалывания камня не прослеживается, как не прослеживается идентичность хотылёвской и гагаринской техник.

Таким образом, результаты технологических исследований показали,

что таксономический статус Хотылёво 2 в рамках восточного граветта, который был связан с противопоставлением пар Костёнки I, сл. 1 – Авдеево и Хотылёво 2 – Гагарино (Амирханов, 1998; Аникович, 1998) не отражает технологическую специфику материальной культуры этого памятника. То же самое можно утверждать и в отношении точек зрения, согласно которым Хотылёво 2 следует рассматривать либо в качестве самостоятельной единицы, противопоставленной восточному граветту, под которым понимается костёнковско-виллендорфское единство (Grigor'ev, 1993), либо как поздний, восточно-европейский, аналог павловьена (Аникович, 2019).

В те же 2010-е гг. были опубликованы обобщающие работы по граветту Костёнковско-Борщёвского района (Синицын, 2013; Лисицын, 2014; Лисицын, 2019). Эти исследования позволили дать характеристику разнообразия вариантов восточноевропейского граветта на очень ограниченной территории и, в результате, поставить вопрос о причине или причинах подобной культурной вариабельности (Лисицын, Дудин, 2019). В целом же, исследования граветта на территории Восточно-Европейской равнины показали его культурную вариабельность, типологически сопоставимую с региональными вариантами граветта Западной Европы (Klaric, 2007).

Начиная с 1990-х гг. в отечественных публикациях, посвящённых исследованиям памятников поздней поры верхнего палеолита Восточной Европы, становится актуальным вопрос о правомерности использования термина «восточный эпиграветт» для характеристики специфики их материальной культуры. Этот процесс происходил одновременно с принятием отечественными археологами термина «восточный граветт» для характеристики культурной специфики средней поры верхнего палеолита Восточной Европы.

Понятие «восточный эпиграветт» было введено в науку для обозначения датируемых позднеледниковьем восточноевропейских стоянок, значительную

долю инвентаря которых составляли пластинки с притупленным краем (Debrosse, Kozlowski, 1988). Несмотря на употребление в нём термина «эпиграветт», оно не подразумевало автоматического признания существования генетических связей с предшествующими памятниками восточного граветта и, по мнению М.В. Аниковича, такие связи прослежены не были (Аникович, 1998). М.В. Аникович считал, что под восточным эпиграветтом следует понимать памятники выделяемой им Днепро-Донской историко-культурной области, датируемые временем после поздневалдайского климатического минимума (LGM) и относящиеся к граветтоидному технокомплексу. По его мнению, «восточный эпиграветт», как и «восточный граветт», — суть условные дефиниции, термины, являющиеся результатом эмпирических обобщений, но не понятия, при помощи которых можно было бы установить специфику определённых памятников (Аникович, 1998, с. 63). Эта точка зрения оставалась неизменной и в его последующих работах (Аникович, 2005; Аникович, Попов, Платонова, 2008; Аникович, Анисюткин, Платонова, 2011). В свою очередь, С.Н. Лисицын тогда же опубликовал точку зрения о том, что «термин „эпиграветт" как культурное явление, видимо, несостоятелен» (Лисицын, 1999, с. 119). Однако, по его мнению, материальная культура охотников на мамонтов Русской равнины имеет «точки соприкосновения граветтоидных и более поздних комплексов», что указывает на определённую преемственность между ними, которая, «как ни парадоксально, фиксируется лишь на отдельных разрозненных признаках явно разнокультурных памятников, как будто граветтийское „наследство" поделено между многочисленными наследниками» (там же). И далее: «Можно говорить о хронологической преемственности, но не продолжении традиции. ...Период позднего Валдая на Русской равнине характеризовался исчезновением граветтийских традиций, прежде всего в кремнёвой индустрии и лишь во второй степени — в искусстве» (там же). Но наличие преемственности и сохранение традиции в неизменном виде — не одно и то же. Преемственность допускает развитие и

С.Н. Лисицыну в своей работе 1999 г. удалось показать и то, и другое, а потому отказ этого автора от термина «эпиграветт» был нелогичен. Показательно, что позднее С.Н. Лисицын стал использовать этот термин при характеристике памятников поздней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района (Лисицын, 2019).

На первый взгляд, такой отказ более логичен был бы в работах М.В. Аниковича, поскольку, согласно его взглядам, эпиграветтские и граветтские памятники относились к разным периодам существования одного технокомплекса. Однако этого не произошло, поскольку термин «восточный эпиграветт» позволяет описать специфику материальной культуры этих памятников, выявляемую не столько при сравнении их с синхронными западными, сколько с более ранними восточнограветтскими комплексами.

Для описания специфики материальной культуры стоянок поздней поры верхнего палеолита рассматриваемого региона в широком территориальном контексте использование понятия «восточный эпиграветт» не может быть достаточным. Этим целям в действительности служили хорошо известные «мезинская», «межиричско-добраничевская», «тимоновско-юдиновская» и другие подобные им «культуры» или отдельные памятники, обладающие выраженной культурной спецификой. Показательно, что использование этих понятий возобновилось в конце 1990-х гг. (Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Абрамова, Григорьева, 1997) и стало общепринятым как среди российских, так и среди украинских специалистов (Нужний, Пясецький, 2003; Хлопачев, 2006; Нужний, 2015; Чабай и др., 2020). Отдельную позицию в данном вопросе занимает Л.А. Яковлева, которая для характеристики культурной специфики для большинства стоянок позднего верхнего палеолита Подесенья и Среднего Поднепровья использует термин «мезинская культура» (Mezinian), таксономически помещая его на один уровень с терминами «восточный граветт» и «павловьен» (Iakovleva et al., 2012).

Одновременно с проблематикой восточного эпиграветта в отечественной литературе вновь был поставлен вопрос о том, в какой степени

памятники поздней поры верхнего палеолита центральных районов Русской равнины могут быть сопоставлены с западноевропейским мадленом. По мнению З.А. Абрамовой и Г.В. Григорьевой, в каменном и костяном инвентаре, а также в произведениях искусства малых форм стоянок Подесенья и Среднего Поднепровья имеются соответствия мадленской культуре, но в целом они не могут быть отнесены к ней (Абрамова, 1997б, с. 114; Григорьева, 1997). Фактически, речь в данном случае идёт о стадиальном характере сходства между материальной культурой западно- и восточноевропейских стоянок (Григорьева, 2000; Григорьева, 2002; Григорьева, 2005). Термин «восточный эпиграветт» З.А. Абрамова и Г.В. Григорьева считали неудачным и не использовали его для характеристики культурной специфики рассматриваемых стоянок, рассматривая их как органическую часть среднеднепровской этнокультурной области, выделенной И.Г. Шовкоплясом (Васильев и др., 2005). Специальную работу о мадленских элементах в каменном инвентаре деснинских и среднеднепровских стоянок позднего верхнего палеолита опубликовал Г.П. Григорьев (Григорьев, 2008б). В целом, все перечисленные авторы указывали на целый ряд соответствий в материальной культуре памятников поздней поры верхнего палеолита Восточной Европы и западноевропейского мадлена, однако не считали эти соответствия достаточными для того, чтобы атрибутировать восточноевропейские стоянки в качестве собственно мадленских. Наиболее радикальную позицию в данном вопросе занимает Ю.Э. Демиденко. Этой проблеме посвящена одна из последних его публикаций, в которой он рассматривает её не только на примерах каменных индустрий, но и привлекает к анализу мобильное искусство и отдельные категории костяного инвентаря (Demidenko, 2020). Согласно его точке зрения, мадлен Восточной Европы всё же существует.

Объективное рассмотрение вопроса о культурной вариабельности восточно-европейских памятников граветта и эпиграветта, а также проблемы существования или отсутствия культурной преемственности между ними

невозможно без обращения к произведениям искусства, найденным при раскопках этих стоянок.

Изучение верхнепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины с самого начала сопровождалось находками произведений искусства малых форм, представленного как мелкой пластикой, так и орнаментированными предметами. Обнаружение при раскопках Мезинской стоянки орнаментированных браслетов и фигурок из бивня мамонта дало Ф.К. Волкову основание говорить о значительном отличии мезинского искусства от западноевропейского (Волков, 1911). В последующие годы, однако, основное внимание исследователей было направлено в большей степени на реконструкцию смыслов, символически выраженных в памятниках палеолитического искусства (Городцов, 1923; Ефименко, 1931; Замятнин, 1961; Окладников, 1967; Фролов, 1974; Фролов, 1992; Столяр, 1985), хотя значение исследований памятников искусства для установления культурной, вплоть до этнографической, специфики стоянок и территорий вполне осознавалась (Замятнин, 1951).

По мере накопления соответствующего материала началась его систематизация и классификация, осуществлённая в значительной степени работами З.А. Абрамовой (Абрамова, 1962; Абрамова, 1966; Абрамова, 1970). Ею было показано соответствие мезинских фигурок кругу мадленских женских изображений (Абрамова, 1959). Существенный вклад в подобного рода исследования был сделан М.Д. Гвоздовер, разработавшей типологию антропоморфных статуэток, найденных при раскопках памятников костёнковско-виллендорфского единства и Хотылёво 2 (Гвоздовер, 1985а). При этом было установлено, что памятники костёнковско-авдеевской культуры отличаются от Хотылёво 2, в том числе, составом типов женских скульптурных изображений. Кроме того, М.Д. Гвоздовер убедительно показала, что данный иконографический ряд связан с изображениями женщин в различном репродуктивном возрасте (Гвоздовер, 1985а; Gvozdover, 1995). Объективность существования типов женских статуэток, выделенных М.Д.

Гвоздовер, была подтверждена Г.А. Хлопачевым, установившим соответствие между данными типами и технологией их изготовления (Хлопачев, 1998; Хлопачев, 2006). Детальная типология женских статуэток поздней поры верхнего палеолита Среднего Поднепровья была разработана Л.А. Яковлевой (Яковлева, 1989; Яковлева, 1992; Iakovleva, 1995; Яковлева, 2011; Яковлева, 2013), выделившей в мелкой пластике, как минимум, два стиля: мезинский и межиричский. Помимо мелкой пластики, исследователи в некоторых случаях использовали стилистические особенности орнаментальных мотивов для характеристики культурной специфики Мезинской стоянки (Городцов, 1923; Шовкопляс, 1965; Яковлева, 2013), а также памятников тимоновско-юдиновской культуры (Величко и др., 1977; Грехова, 1969; Грехова, 1971; Григорьева, 1997), стоянок Елисеевичи 1 (Величко и др., 1997) и Оболонье (Ступак и др., 2014).

Помимо каменного инвентаря и произведений искусства малых форм, важное значение при характеристике культурной специфики верхнепалеолитических памятников средней и поздней поры верхнего палеолита, расположенных на территории перигляциальной зоны Восточной Европы, имело изучение сложных археологических объектов, общей планировки и шире – пространственной структуры поселений. Изучение пространственной структуры памятников каменного века как относительно самостоятельная исследовательская задача присутствует если и не в начале истории отечественной научной школы палеолитоведения, то, во всяком случае, в период её формирования. Об этом убедительно свидетельствуют полевые исследования 1930-х гг. (Бонч-Осмоловский, 1940; Ефименко, 1938; Рудинский, 1947; Левицький, 1949). Важнейшее значение в этом процессе имело изучение стоянок и поселений центральной части Русской равнины, в том числе - Среднего Поднепровья и Подесенья.

До семидесятых годов двадцатого столетия структурный анализ пространственной организации палеолитических стоянок и поселений развивался в основном в рамках исследовательской программы, нацеленной,

прежде всего, на выявление остатков жилищ и связанных с ними объектов. В послевоенные годы советскими археологами был опубликован ряд фундаментальных работ, в которых содержались весьма обстоятельные для своего времени характеристики пространственной структуры памятников как верхнего, так и нижнего палеолита (напр., Рогачёв, 1953, 1957; Борисковский, 1953; Ефименко, 1958; Шовкопляс, 1965; Черныш, 1965). Своего рода итог этому периоду развития пространственно-структурного анализа в 1970 г. подвёл А.Н. Рогачёв в статье, посвящённой жилищам и поселениям древнекаменного века (Рогачёв, 1970). Однако в то время исследователи не ставили перед собой задачу сравнительного анализа внутренней структуры всех разновидностей выявляемых археологических объектов и установления их пространственного соотношения в культурном слое. Отчасти это обстоятельство может быть объяснено тем, что возможность классификации и даже типологизации не только жилищ, но и других археологических объектов, стала реальной только в шестидесятые годы XX в. после накопления достаточного количества источников. Кроме того, могла сказываться инерция изучения памятников, которая определялась уже на стадии полевых работ. В этой связи необходимо иметь в виду также влияние априорных представлений о характере жилищ и связанных с ними объектов на интерпретацию полученных в ходе раскопок результатов, а также методики раскопок широкими площадями - в том виде, как она была разработана П.П. Ефименко, - в процессе фиксации этих самых результатов (Александрова, 1998).

В 1970-е гг. анализ пространственной структуры как собственно культурного слоя, так и палеолитических стоянок, и поселений (в понимании А.Н. Рогачёва), выделяется в самостоятельное направление исследований в отечественной школе изучения древнекаменного века. Этому в немалой степени способствовали как процесс развития методики раскопок, так и понимание важности изучения внутренней структуры каждого археологического объекта. Тогда же была поставлена задача определения специфических структурных элементов культурного слоя, которые могли бы

использоваться при культурной дифференциации памятников (Леонова, 1977).

В конце семидесятых годов В.Я. Сергиным была высказана точка зрения о таксономической одноуровневости разнокультурных памятников Русской равнины, при раскопках которых были обнаружены площадки костёнковско-авдеевского типа, с одной стороны, и жилища из костей мамонта аносовско-мезинского типа – с другой (Сергин, 1979). Этот тезис в дальнейшем был положен В.Я. Сергиным в основу разработки сравнительной классификации археологических объектов, относящихся к различным в культурном отношении стоянкам приледниковой зоны на территории Поднепровья и Подесенья. В основном работа в этом направлении велась применительно к остаткам тех объектов, которые связаны с костно-земляными конструкциями и традиционно интерпретировались в качестве жилищ и хозяйственно-бытовых комплексов (см. напр.: Сергин, 1987; Сергин, 1998; Сергин, 2003а; Сергин, 2003б). В конце 1990-х гг. З.А. Абрамовой был проведён обстоятельный сравнительный анализ жилищ аносовско-мезинского типа в обзорной работе, посвящённой палеолитическим жилищам и поселениям Русской равнины (Абрамова, 1997а). Исследование объектов другого рода не было столь интенсивным. Исключение составляет изучение специфики кремнёвых скоплений, проведённое Н.Б. Леоновой (Леонова, 1977). Эта работа базировалась на изучении архивных и коллекционных материалов, полученных в ходе раскопок предшествующего периода.

В семидесятые же годы прошлого столетия начинается интенсивное полевое изучение опорных памятников верхнего палеолита Русской равнины с особым акцентом на выявление структурных элементов культурного слоя, в том числе и археологических объектов. Публикация результатов раскопок стоянок Юдиново 1 (Абрамова, 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Абрамова, Григорьева, 1997), Елисеевичи 1 и 2 (Величко и др., 1997), Пушкари 1 (Беляева, 2002) сделала доступной информацию о строении многих из известных ранее разновидностей археологических объектов. К сожалению, до сих пор не опубликованы монографически результаты раскопок новой

площадки Авдеевской стоянки, а также так называемого «межобъектного пространства», которому посвящена небольшая обзорная статья (Булочникова, 2012). В печати имеется подробная характеристика землянок и краевых ям так называемого нового жилого объекта Авдеево (Булочникова, 1998в). Е.В. Булочниковой была также опубликована обобщённая характеристика ям его центральной части (Булочникова, 2007). К сожалению, в этой статье отсутствует информация о метрических характеристиках ям, что весьма затрудняет их классификацию. В качестве аналогичной информации можно использовать монографии, посвящённые результатам изучения Зарайской стоянки (Амирханов, 2000; Амирханов и др., 2009), что, разумеется, не снимает многих вопросов, связанных с особенностями Авдеево как археологического памятника. Проблемы другого рода существуют при анализе материалов, полученных при раскопках стоянки Хотылёво 2, проводившихся Ф.М. Заверняевым. Они связаны с особенностями методики, которая им использовалась. Она, по сути, осталась на уровне середины двадцатого столетия. Ф.М. Заверняев уделял минимальное внимание стратиграфии культурного слоя и характеру породы, вмещающей культурные остатки. Всё это привело к значительному обеднению археологического источника и затруднило работу по реконструкции пространственной структуры Хотылёвского поселения (см.: Гаврилов, 1998). Часть вопросов, связанных с определением характеристики культурного слоя, удалось снять во время современных раскопок Хотылёво 2, которые ведутся экспедицией Института археологии РАН, начиная с 1993 г. В настоящее время полевые работы сконцентрированы на участке пункта В, обнаруженного в 2005 г. По своим структурным характеристикам он аналогичен слою, исследовавшемуся Ф.М. Заверняевым. Предварительные итоги этих работ опубликованы (Гаврилов и др., 2014; Gavrilov et al., 2015), однако исследования данного комплекса еще не завершены. Тем не менее, была получена новая информация как о строении археологических объектов, аналогичных тем, которые были открыты в 1970-е гг., так и о стратиграфии культурного слоя. При этом удалось

установить корреляцию между стратиграфическим соотношением археологических объектов и радиоуглеродными датами этих объектов (Гаврилов, 2015).

К настоящему времени отнесение памятников средней и поздней поры верхнего палеолита на территории приледниковой зоны Восточной Европы к граветту и эпиграветту стало общепринятым. Не вызывает сомнений и культурная вариабельность восточноевропейского граветта и эпиграветта. Однако остаётся открытым вопрос, как атрибутировать эту вариабельность. Можно ли рассматривать выделяемые варианты/культурные типы в качестве археологических культур, традиционно рассматривавшихся ранее как продукты творчества различных, с этнографической точки зрения, социумов, или эта вариабельность в большей степени отражает функциональную / сезонную специфику древних поселений. Предметом дискуссий остаётся вопрос о культурной преемственности между восточно-европейским граветтом и эпиграветтом. Не в последнюю очередь это связано с тем, что различные категории материальной культуры: каменный и костяной инвентарь, произведения искусства, а также археологические объекты и общая пространственная структура поселений рассматриваются, как правило, в отрыве друг от друга.

Глава 2.
География, хронология и периодизация верхнего палеолита центральных районов Русской равнины.

Памятники верхнего палеолита, материалы которых стали объектом анализа данного диссертационного исследования, расположены на территории современных постсоветских государств: Российской Федерации (Брянская, Курская области), Республики Беларусь (Гомельская область) и Украины (г. Киев, Черниговская, Черкасская, Житомирская, Полтавская области). Рассматриваемые стоянки занимают бассейн Десны, в том числе её притоков – рек Судости и Сейма, а также бассейн Среднего Поднепровья с притоками, в частности, реками Тетерев, Сож и Удай. На этой территории располагаются, с северо-востока на юго-запад: западная часть Средне-Русской возвышенности, восточная и юго-восточная части Деснинско-Ипутьской равнины, южная оконечность Полесской низменности, а также центральная часть Днепровской низменности.

Западный склон Средне-Русской возвышенности достаточно пологий, с высотами 240-250 м над уровнем моря. Он постепенно понижается к Днепровской низменности, расчленён левыми притоками р. Десны, рельеф – полого-волнистый, с широтно вытянутыми междуречьями, постепенно сливается с низменным левобережьем Десны (Дубянский, Хакман, 1949, с. 20). Долины рек сравнительно неглубоко врезаны и широкие, в них выходит густая сеть крупных балок и молодых глубоких оврагов, врезанных в лёссовые отложения (там же, с. 21). Деснинско-Ипутьская равнина расположена в бассейне Десны и Ипути, с высотами 150-200 м над уровнем моря, дренируется верховьями рек Жиздры и Десны с притоками Ветьмой, Болвой и Судостью, а также притоками р. Сожа – Ипутью, Унечей, Беседью (там же, с. 23). Рельеф – волнистый, постепенно снижающийся на юго-запад по направлению к Западному Полесью (там же). Долины Десны и Судости – асимметричны, с крутым правым и пологим левым склоном.

Днепровская низменность занимает северную половину левобережной Украины и располагается широкой полосой вдоль Днепра (Ершов, Семененко, 1958, с. 29). Рельеф – плоский, поверхность наклонена с севера на юг и с востока на запад. Перепад высот над уровнем моря составляет от 200 м на востоке, у западных склонов Средне-Русской возвышенности, до 90 м на западе, непосредственно у Днепра (там же). Северо-западная и западная части Днепровской низменности представлена Днепровско-Деснянской террасовой равниной, характеризующейся слабой расчленённостью рельефа и пологими склонами, а также почти полным отсутствием хорошо разработанных балок (там же). Большая часть Днепровской низменности занята Полтавской равниной, которая представляет собой плато, с отметками от 150 до 200 м над уровнем моря, с поверхностью, наклонённой на юго-запад. Рельеф – плоско-увалистый, с сильно развитой долинно-балочной сетью (там же, с. 30).

К западу от Деснинско-Ипутьской равнины и к северо-западу от Днепровской низменности располагается Полесская низменность, занимающая бассейн р. Припять (Ершов, Семененко, 1958, с. 28). Её высотные отметки колеблются от 270 м над уровнем моря на юге до 130 м – на крайнем северо-востоке. Рельеф – плоский, с хорошо развитой речной сетью. Речные долины – неглубокие, с очень пологими, безовражными, склонами (там же).

Основная часть рассматриваемых в пределах данной территории памятников сосредоточена в Верхнем и Среднем Подесенье и Среднем Поднепровье (рис. 1). Стоянки располагаются, как правило, на краевых участках плато или поверхностях вторых надпойменных террас на правом, высоком берегу речных долин Подесенья и Поднепровья. Однако некоторые стоянки имеют нетипичные места расположения. Среди них – группа Радомышльских стоянок (наивысшая точка приводораздельного плато р. Тетерев и его притока – р. Лутивочка), группа стоянок Быки (15-20-метровая терраса левого берега р. Сейм), Авдеевская стоянка (первая надпойменная терраса древнего правого берега р. Сейм).

В настоящее время расположенные на рассматриваемой территории

стоянки могут быть отнесены, в основном, к средней и поздней поре верхнего палеолита (Гаврилов, 2016). Ранняя пора представлена единичными местонахождениями в окрестностях с. Хотылёво. Отнесение тех или иных памятников к той или иной поре верхнего палеолита не равно автоматическому признанию их синхронности или асинхронности в пределах одного периода. К сожалению, наши знания в этой области всё ещё весьма неполны, несмотря на все усилия, предпринимаемые исследователями для уточнения их возраста.

Важнейшей естественно-научной основой для разработки периодизации верхнепалеолитических памятников Днепро-Деснинского бассейна в настоящий момент служит стратиграфическая схема лёссовых и почвенных отложений правого берега р. Десны, разработанная коллективом лаборатории эволюционной палеогеографии ИГ РАН под руководством А.А. Величко. Основные её черты были изложены ещё в начале шестидесятых годов, однако впоследствии она была существенным образом дополнена (Величко, 1961; Величко, Грехова, Губонина, 1977; Величко и др., 1999). Согласно этой схеме (рис. 2), поздневалдайские лёссовые отложения представлены пачками т.н. лёсса II и лёсса III. Первая из них (деснинский лёсс) подстилается брянской ископаемой почвой, сформировавшейся во второй половине мегаинтерстадиала, разделяющего ранний и поздний Валдай. Деснинский лёсс перекрывается так называемым трубчевским горизонтом - уровнем оглеения, маркирующим процесс эфемерного почвообразования. Над трубчевским горизонтом залегает пачка алтыновских лёссов (лёсс III). При помощи радиоуглеродного метода были продатированы оба почвенных горизонта: брянская почва сформировалась в период от 30 до 25 тыс. л. н. (некал.), трубчевский горизонт - около 19-18 тыс. л. н. (некал.). Почти все верхнепалеолитические памятники Подесенья имеют привязку культурных слоёв к тем или иным отложениям в рамках данной схемы. Исключение составляют стоянки Верхней Десны, расположенные выше по течению относительно хотылёвских палеолитических памятников: средний слой

Коршево I, Городец, Чернетово, средний слой Коршево II и Косица. Однако те сведения, которые опубликованы (Тарасов, 1989), позволяют относить их ко второй половине поздневалдайского времени.

Хронология рассматриваемых в данной работе памятников основывается на данных радиоуглеродного анализа образцов почвы, угля и фаунистических костных остатков, полученных в ходе раскопок. Общее количество опубликованных к настоящему времени радиоуглеродных дат верхнепалеолитических стоянок Подесенья и Среднего Поднепровья составляет 279 значений (табл. 1).

Проблема соотношения радиоуглеродной шкалы и реального возраста памятников – одна из самых актуальных при решении вопроса о достоверности дат, получаемых в последнее время для верхнепалеолитических памятников. За прошедшую четверть века в отечественной литературе были сформулированы две противоположные точки зрения относительно того, каким образом относиться к факту увеличения разброса их значений, который возникает всегда по мере увеличения массива дат. Как только серия, полученных для того или иного памятника верхнего палеолита, приближалась к первому десятку, разброс значений выходил за рамки статистической погрешности и давал исследователю основания для определенной их группировки. В этой связи необходимо подчеркнуть, что радиоуглеродный возраст не может рассматриваться в качестве астрономического в строгом смысле (Праслов, 1989; Свеженцев, 1997). Валидность радиоуглеродных дат проверяется при условии корректной фиксации стратиграфического и археологического контекста датируемых образцов и их соответствия геологической и археологической стратиграфии, зафиксированной на том или ином памятнике археологии. Соответственно, радиоуглеродный метод датирования является способом установления относительной хронологии археологических памятников, а также – эпох и выделяемых в них периодов.

В настоящее время часть отечественных исследователей считает, что наблюдаемые группировки дат отражают различные этапы заселения и/или жизнедеятельности людей на том или ином участке поселений (Грехова, 1990; Амирханов, 2000, с. 49–53; Сулержицкий, 2004; Гаврилов, 2005; Зарецкая и др., 2018). Сторонники этой точки зрения полагают, что существует определенное соответствие данных радиоуглеродного датирования изучаемых ими памятников, с одной стороны, и данных о стратиграфии и планиграфии культурного слоя или слоев этих же памятников — с другой. Вторая точка зрения заключается в том, что разброс радиоуглеродных дат в ряде случаев входит в противоречие с их археологическим контекстом и, возможно, связан с особенностями самого метода определения возраста образцов. Решение этой проблемы сторонники данной позиции видели либо в принятии тех значений, которые были наиболее многочисленными, либо в отборе наиболее древних дат. (Синицын и др., 1997, с. 29–31; Булочникова, Григорьев, 2005; Булочникова, 2008; Синицын, 2014; Reynolds et al., 2015; Dinnis et al., 2019; Dinnis et al., 2021). Второе решение получило среди них признание в последнее десятилетие.

Взгляды сторонников перечисленных точек зрения в значительной мере опирались на результаты радиоуглеродного датирования, полученные для таких опорных памятников восточного граветта Русской равнины, как Костенки I (сл. 1), Авдеево и Зарайск-А. Такое пристальное внимание объясняется, безусловно, большими массивами дат, сформированными за годы исследования этих поселений. Кроме того, перечисленные стоянки костёнковско-авдеевской археологической культуры характеризуются чёткой пространственной структурой самих памятников, которая дополняется сложной археологической стратиграфией. Разумеется, во внимание брались и данные, имеющиеся для памятников, относящихся к иным культурно-хронологическим подразделениям, например, Сунгирь, Елисеевичи 1, Межиричи. Однако костёнковско-авдеевские стоянки выгодно отличались от других тем, что большинство их продатированных образцов имело точную

пространственную привязку. Таким образом, это позволяло провести анализ их реального археологического контекста. Показательно, что охарактеризованные выше подходы к интерпретации пространственного распространения дат Костенок I (сл. 1), Авдеево и Зарайск-А опирались на один и тот же корпус источников. Даже планиграфическое распределение радиоуглеродных дат стоянки Костенки I (сл. 1) давало основание для постановки вопроса о длительном существовании этого памятника (Синицын и др., 1997, с. 32, рис. 3). Очевидно, что камнем преткновения в данном случае стал именно вопрос о существовании одного и того же поселения в течение нескольких тысяч лет. А.А. Синицын, Е.В. Булочникова и Г.П. Григорьев отвергали возможность столь длительного функционирования Костёнок I (сл. 1) и Авдеево на том основании, что эти памятники сохраняют единую планировку на всем протяжении своего бытования. Между тем исследования Зарайской стоянки серьезно поколебали это представление и позволили показать, что пространственная организация стоянки радикально менялась с течением времени (Амирханов, 2000; Амирханов, 2009). Существенным в данном случае был факт корреляции радиоуглеродных дат памятника и его стратиграфических подразделений. Поскольку нам не известно, как долго могли длиться перерывы в накоплении культурных слоев Зарайска-А, длинная хронология становилась допустимой. При этом сторонники обеих точек зрения признавали, что радиоуглеродные даты показывают возраст, близкий, с известными оговорками, к реальному.

Что касается реконструкций природного окружения памятников, то они, к сожалению, не могут быть широко использованы в подобного рода построениях применительно к территории приледниковой зоны Восточной Европы. Видовой состав и флоры, и фауны, зафиксированный на стоянках, отличается большой степенью сходства, которое связано с климатической гиперзональностью (Величко, 1973; Гричук, 1989). Поэтому у нас не может быть уверенности, что те отличия в составе видов растений и животных, которые всё же имеются между стоянками, не связаны с локальными

факторами типа сезонности, особенностей ландшафта или избирательности охоты обитателей каждого конкретного поселения. Исследования памятников поздней поры верхнего палеолита бассейна Десны, проведённое Т.В. Сапелко, позволяют в настоящее время предполагать, что зафиксированные в их разрезах особеннсости палинологических спектров отражают, помимо локальных характеристик ландшафта, общие временные закономерности изменения растительного покрова в конце плейстоцена (Сапелко, 2014).

Ранняя пора верхнего палеолита на территории бассейна Десны, как и всего Поднепровья в целом, пока остаётся практически неизученной. Памятники этого культурно-хронологического этапа известны к юго-западу, северо-востоку и востоку от Центра Русской равнины (см.: Аникович и др., 2007). Судя по стратиграфической позиции культурных слоёв известных здесь стоянок, синхронные им деснинские и среднеднепровские памятники следует искать в отложениях, связанных с брянской ископаемой почвой и располагающихся на высоких гипсометрических уровнях. В настоящее время в бассейне Десны с брянской почвой связаны нижние культурные слои стоянок Хотылёво 6, городища «Кудеярка» (Хотылёво, городище 1, см. Кашкин, 1993, с. 38) и пункта Д стоянки Хотылёво 2 (Gavrilov, Voskresenskaya, 2014; Гаврилов, 2016). Для гумусового слоя погребённой почвы, зафиксированного в пункте Д стоянки Хотылёво 2, была получена радиоуглеродная дата 29 090 ± 350 (ГИН-15036). Есть все основания полагать, что к близкому времени могут относиться некоторые местонахождения среди верхнепалеолитических памятников, расположенных в окрестностях с. Пушкари: Пушкари II и Пушкари III, к сожалению, значительно разрушенных в результате воздействия склоновых процессов (Грибченко, Куренкова, 2014, с. 109-110).

Стоянка Хотылёво 6 раскопана на площади 64 кв. м. Предварительные результаты изучения её нижнего культурного слоя охарактеризованы в соответствующем разделе и частично опубликованы (Гаврилов, 2011; Гаврилов, Воскресенская, 2014). Нижние культурные слои городища

«Кудеярка» и пункта Д стоянки Хотылёво 2 пока исследованы на небольших площадях в ходе разведочных раскопок (Gavrilov, Voskresenskaya, 2014; Воскресенская, Гаврилов, 2014).

Средняя пора верхнего палеолита на рассматриваемой территории представлена памятниками восточного граветта. В целом, время его существования не выходит за пределы первой половины поздневалдайского оледенения, включая и его максимальную стадию (Гаврилов, 2005). На территории Днепро-Деснинского бассейна среди памятников, чей каменный инвентарь обладает диагностичными формами, к восточнограветтским могут быть отнесены стоянки Бердыж, Хотылёво 2, Пушкари 1, Клюсы, Авдеево, о чём подробнее пишется в соответствующей главе. Однако имеющиеся в нашем распоряжении естественнонаучные данные, которые могут быть положены в основу периодизационных построений, не охватывают их с одинаковой полнотой. Подобная неравномерность в значительной мере связана с тем, что район Среднего и Верхнего Подесенья геологически изучен лучше, чем долина р. Сейм или западные области Среднего Поднепровья. Этот недостаток лишь частично могут компенсировать радиоуглеродные даты, поскольку не все памятники имеют их в необходимом количестве. Наилучшим образом обстоит дело с Авдеевской и Хотылёвской стоянками, для них получены серии из 35 и 30 дат соответственно. Пушкари 1 и Бердыж имеют 13 и 3 даты каждая. Стоянка Клюсы не имеет дат вовсе.

В середине 1970-х гг. было установлено, что культурный слой Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки связан с отложениями, залегающими в основании деснинских лёссов. Собственно, культурный слой сопровождался коричневатыми слабогумусированными линзами суглинка (2-3 мм). В нижней части вмещающих культурный слой отложений были отмечены пятна меловой крошки (Величко, Грибченко, Маркова, Ударцев, 1977, с. 43). Подстилался он коричневато-серым суглинком, с сизоватым оттенком, сильно перемешанным с меловой крошкой, с солифлюкционными потёками и смятиями типа криотурбаций (там же). По своим внешним

признакам, гумусированный материал, сопровождавший культурный слой, напоминал брянский, и на этом основании было высказано предположение о непосредственно послебрянском периоде существования стоянки. Эта точка зрения подтверждалась имевшейся к тому времени радиоуглеродной датой в 23 660±270 (там же, с. 44). Та же характеристика условий залегания культурного слоя была подтверждена в 1981 г. (Величко, Заверняев и др., 1981).

Исследования Хотылёвской стоянки, возобновившиеся в 1993 гг., позволили уточнить геологическую стратиграфию на месте расположения памятника. Новые данные, главным образом, относятся к характеристике отложений, вмещающих и подстилающих культурный слой. Было установлено, что культурный слой стоянки Хотылёво 2 связан с тонким, от 3 до 6 см мощностью, слабогумусированным слоем, который фиксирует определённый уровень стабилизации поверхности. Значительно ниже культурного слоя, от 45 до 85 см, залегала пачка переотложенных суглинков с включением крупных линз гумусового материала чёрного цвета с остатками обугленной растительности. Между означенными слоями залегали суглинки, также со следами переотложения. Слои, включавшие в себя линзы гумуса, подстилались песком буровато-жёлтого цвета, залегавшего в свою очередь на коренных меловых отложениях. Не исключено, что во время проведения полевых исследований 1990-х гг. была вскрыта часть склона древней ложбины, зафиксированная во время бурения при изучении Хотылёвской стоянки в 1970-е гг. (Величко, Грибченко, Маркова, Ударцев, 1977). Имеющиеся в настоящее время данные позволяют оценивать возраст Хотылёвской позднепалеолитической стоянки как постбрянский, связанный с первой половиной поздневалдайского оледенения.

Этот вывод подтверждается серией радиоуглеродных дат, полученных в последнее время. Их значения: от 24 до 21 тыс. л. н., - не столь компактны, как прежде (табл. 1, №№ п.п. 80-110; рис. 3). Имеющиеся данные коррелируются с особенностями пространственной организации Хотылёвской стоянки как

археологического памятника. Даты ГИН-8406, 8495, 8496, 8497 получены по зубам мамонта из коллекции, собранной в результате раскопок Ф.М. Заверняева. Они отличаются от известных ранее дат ИГАН-73 и ЛУ-359 более молодыми показателями возраста Хотылёво 2. Дата ГИН-8886, полученная по костному углю, не относится непосредственно к комплексу, который исследовал Ф.М. Заверняев и который продолжает изучать экспедиция ИА РАН. Костный уголь был взят для анализа во время работ 1995 г. из скопления, часть которого была вскрыта шурфом на краевом участке мыса, расположенного в 40 м к западу от площади стоянки, раскапываемой в настоящее время. Как показали работы 2001-2003 гг., это скопление относится к новому участку распространения культурного слоя Хотылёво 2, который по своим особенностям аналогичен периферийной зоне, окружавшей жилищно-бытовые комплексы, раскопанные Ф.М. Заверняевым (Гаврилов, 1998; Гаврилов, 2008). Даты ГИН-8497а, GrN-21899, 22216 получены по зубу мамонта и трубчатой кости бизона, залегавших на периферийном участке стоянки, вскрытом в 1994-95 гг., в неокрашенном искусственными примесями суглинке, на поверхности гумусированного слоя. Расстояние между ними составляло не более 4 м. Таким образом, участок стоянки, раскопанный Ф.М. Заверняевым, характеризуется большим разбросом значений радиоуглеродных дат, по сравнениею с периферийной зоной, исследовавшейся в 1990-е гг. Кроме того, он имеет и более сложную структуру. Ф.М. Заверняевым были вскрыты очаги, скопления костного угля и золы (“зольники”), группы вбитых или вкопанных костей, скопления костей и кремня, линзы охры, ямы и ямки, а также группы специально отобранных и преднамеренно сгруппированных костей. Помимо этих объектов, культурный слой содержал многочисленные костные остатки и предметы из кремня, не образующие отдельных скоплений. В центральной части поселения слой был окрашен костным углём и золой в тёмно-серый или чёрный цвет. В периферийной зоне, на северо-западном, западном и юго-западном участках стоянки, такой окрашенности не было. Общая мощность культурного слоя

менялась от 10 см за пределами скоплений золы и угля до 50 см на месте углублений и ям. Минимальная мощность зафиксирована в южной и юго-западной частях вскрытой площади - от 3 до 5 см. Раскопки, проводимые экспедицией ИА РАН, затронули одну из таких периферийных зон на юго-западном участке стоянки.

Общий характер культурного слоя, а также его структура в центральной части поселения позволяют рассматривать Хотылёво 2 в качестве стоянки, посещавшейся более одного раза в относительно краткие промежутки времени, по всей видимости, на период одного сезона. Об этом, в частности, свидетельствует факт перекрывания одним из “зольников” группы вкопанных трубчатых костей, остатков вкопанного черепа мамонта и углублённого очага (Гаврилов, 1998). Имеющиеся значения радиоуглеродных дат не противоречат такому представлению о времени функционирования Хотылёво 2. Раскопки на участке нового пункта В привели к открытию археологического комплекса, культурный слой которого по своим структурным особенностям аналогичен центральной части пункта А. В данном случае важно указать на то, что удалось определить последовательность выкапывания трёх ям, основываясь на археологической стратиграфии культурного слоя. Из заполнения этих ям были отобраны образцы костного материалы, по которым в радиоуглеродной лаборатории Оксфордского университета были получены соответствующие значения, от 22720 до 23160 л.н. (см. табл. 1), которые полностью коррелируют с стратиграфическим соотношением данных углублённых объектов (Гаврилов, 2015).

В Среднем Подесенье к памятнику, синхронному Авдеево и Хотылёво 2, относится стоянка Погон, входящая в пушкарёвскую группу (Грибченко, Куренкова, 2014). Основная масса радиоуглеродных дат стоянки Погон группируется между 24000 и 22300 л.н. (табл. 1, №№ п.п. 124-128; рис. 4). Культурный слой стоянки залегает, как и в Хотылёво 2, на значительной глубине – около 5 метров, в слое оглеенного суглинка (Грибченко и др., 2019. С. 32).

Более дискуссионным является вопрос определения возраста стоянки Пушкари I. Её геологический возраст в 1960-е гг. определялся как довольно ранний в пределах поздневалдайской эпохи. По мнению А.А. Величко, культурный слой памятника “располагался в нижней части лёссовой толщи и связан с уровнем слабой гумусированности, лежащим обычно на 1-1,5 м выше горизонта погребённой почвы днепровско-валдайского возраста” (Величко, 1961, с. 147). На основании этого наблюдения был сделан вывод о том, что “человек жил здесь в начальные периоды валдайской эпохи” (там же). Эта точка зрения не противоречила широко распространённому в то время среди археологов мнению о Пушкарёвской стоянке как о наиболее древней из известных в верхнем палеолите Подесенья памятников. В начале 1980-х гг. возраст стоянки был конкретизирован. Подстилающие культурный слой отложения атрибутировались как брянская ископаемая почва. Памятник, таким образом, датировался началом послебрянского времени (Борисковский, Величко и др., 1981, с. 93), то есть фактически считался одновременным Хотылёво 2.

Однако во второй половине 1990-х гг., в результате работ экспедиции под руководством В. И. Беляевой, геологический возраст Пушкарёвской стоянки был радикально пересмотрен. В 1996 г. на месте раскопа 1983 г. был заложен шурф, вскрывший отложения от современной почвы до мезинского почвенного комплекса включительно (Величко, Грибченко, Куренкова, 1997, с. 24).

Горизонты слабой гумусированности и почвообразования, зафиксированные между культурным слоем и брянской почвой в этом шурфе, А.А. Величко, Ю.Н. Грибченко и Е.И. Куренкова относят к трубчевскому уровню оглеения (там же, с. 27; рис. 8). Пушкари I, таким образом, были отнесены к более позднему периоду, чем время существования Хотылёвской стоянки. Это подтверждается также и сериями радиоуглеродных дат обоих памятников. Тем не менее, хронологический разрыв между Хотылёво 2 и Пушкарями I, а также между Погоном и Пушкарями I не прослеживается.

Фактически, массивы радиоуглеродных дат этих памятников смыкаются (Гаврилов, 2005; Грибченко и др., 2019. С. 29).

К сожалению, остаётся не до конца прояснённым вопрос относительно геологического возраста стоянки Клюсы. По данным И.Г. Шовкопляса, культурный слой памятника залегал в верхней части слоя тёмно-коричневой глины, перекрытой светло-жёлтым песком и современной подзолистой почвой (Шовкопляс, 1967, с. 187). Более свежая информация об условиях залегания культурного слоя Клюсов опубликована в 2008 году Д.В. Ступаком, который провёл на памятнике в 2002 и 2005 гг. полевые работы, изучив в общей сложности 27 кв. м (Ступак, 2008). Им было установлено, что основное количество находок залегало на контакте нижнего горизонта ортзандов и тёмно-коричневой глины, на глубине около 1,7 м. В свою очередь, ортзанды вместе с прослоями светло-есрого и светло-жёлтого песка залегали непосредственно под гумусовым слоем современной почвы. Д.В. Ступак отмечает большое сходство между стратиграфией отложений, зафиксированной в Клюсах, и стратиграфическими условиями залегания культурного слоя стоянки Пушкари I на участке раскопа V (Ступак, 2008. С. 75). Возраст этих памятников определяется им, таким образом, как синхронный (там же), что не противоречит неоднократно отмечавшимся типологическим сходством их каменного инвентаря (Григорьев, 1970; Рогачёв, Аникович, 1984; Нужний, 2015).

Культурный слой стоянки Бердыж (Подлужье I) был переотложен солифлюкционными процессами и залегал в отложениях южного склона оврага, выходящего в долину р. Сож (Калечиц, 1984). Геологический возраст памятника установлен благодаря работам Г. Ф. Мирчинка, В. И. Громова, Л. Н. Вознячука и Е. Г. Калечиц. Основная сложность при этом заключалась в том, что долгое время оставалась непрояснённой картина соотношения балки, к которой относится культурный слой, и собственно долины Сожа. Л.Н. Вознячук в 1969 гг. пришёл к выводу, что образование оврага происходило в брянское время или несколько ранее, когда Сож врезался до цоколя 2-ой

надпойменной террасы (Будько, Вознячук, 1969; Будько, Вознячук, Калечиц, 1971). Заполнение его осадками относится к началу максимальной стадии последнего оледенения (Калечиц, 1984). Другими словами, Бердыжская стоянка существовала в первую половину позднего Валдая и может считаться одновременной Хотылёво 2. О том же свидетельствуют радиоуглеродные даты лабораторий ЛУ и ГИН: 23 430 ± 180 и 22 500 ± 200. Однако для Бердыжской стоянки была получена ещё одна дата лаборатории ОхА – 15 100 ± 250 (Калечыц и др., 2020). Комментировать столь явное расхождение довольно сложно, поскольку значительных серий дат оксфордской лаборатории для стоянок Русской равнины нет. Даты же ГИН и ЛУ достаточно хорошо коррелируются между собой, поэтому им в данном случае отдано предпочтение.

Наиболее интересная ситуация сложилась вокруг определения хронологической позиции Авдеевской стоянки. Необычное геоморфологическое положение памятника, а также слабая изученность долины р. Сейм весьма затрудняют решение этого вопроса. А. И. Москвитин, изучавший геологию памятника в 1940-е гг., не дал окончательного заключения о возрасте стоянки, ограничившись общим замечанием, что она была обитаема в ледниковую эпоху. Более конкретные суждения оказались невозможны в силу неясности высотных соотношений террас Сейма (Москвитин, 1950, с. 33). Кроме того, А. И. Москвитину принадлежит заслуга описания мерзлотных нарушений культурного слоя, на основании изучения которых им был сделан вывод, что люди Авдеевской стоянки обитали на этом месте во время существования вечной мерзлоты (там же, с. 31).

В 1961 г. А. А. Величко высказал первое предварительное суждение о возрасте памятника: “Учитывая положение Авдеевской стоянки на первой надпойменной террасе Сейма и данные о возрасте этой террасы на Десне, к бассейну которой относится Сейм, можно сказать, что человек поселился здесь в поздние этапы второй половины валдайской эпохи” (Величко, 1961, с. 193). Однако то, что Авдеево было расположено на первой надпойменной

террасе, осталось недоказанным. В данном случае А. А. Величко следовал за мнением А. Н. Рогачёва (Рогачёв, 1953). Низкое геоморфологическое положение стоянки вызывало недоумение. М. В. Воеводский вместе с А. И. Москвитиным предполагали, что оно может быть связано с понижением участка местности, вызванного карстовыми процессами (Воеводский, Алихова-Воеводская, 1950, с. 7; Москвитин, 1950, с. 32). Однако эта гипотеза не привлекла внимания специалистов. Как бы то ни было, в конце 1970-х - начале 1980-х гг. терраса, на которой располагалась стоянка, уже не относилась геологами к первой надпойменной (Величко, Гвоздовер, Григорьев и др., 1981, с. 49).

Исследование нового комплекса Авдеево позволило получить дополнительную информацию об условиях залегания культурного слоя, однако определение геологического возраста стоянки и по сей день не является окончательным. Опубликованная в 1970-е гг. стратиграфия отложений на месте расположения памятника, к сожалению, не может быть сопоставлена с какими-либо периодизационными схемами (Гвоздовер, Григорьев, 1977, с. 54; рис. 5):

№	**описание**	**мощн., см**
1.	Почва лугового типа.	20-30
2.	Бурый суглинок.	30-35
3.	Суглинок серо-зелёный (прослеживается не всюду).	10-20
4.	Песок среднезернистый, жёлтого цвета.	10-20
5.	Супесь зеленоватая, местами опесчаненная, культурный слой 5 по простиранию замещается слоем 5б - культурным слоем, окрашенным в тёмный цвет	20-40
6.	Слоистые глинистые пески, тонкие	

	прослойки песка и глины лежат почти горизонтально. Некоторые прослои этой толщи выдержаны по простиранию, что позволяет их идентифицировать в пределах раскопа. Таковы прослои 6а и 6б, местами также 6г.	30-40

В сложившейся ситуации о возрасте Авдеевской стоянки можно судить, опираясь главным образом на данные радиоуглеродного датирования. Имеющаяся для Авдеево серия дат - самая представительная среди памятников средней поры верхнего палеолита на территории Днепровского бассейна. В целом, возраст памятника согласно радиоуглеродным данным определяется периодом между 24 и 12 тыс. л. н. (табл. 1, №№ п.п. 1-35; рис. 5). В данном случае необходимо учитывать, что самые молодые даты были получены во второй половине 1960-х гг., когда методика радиоуглеродного датирования отличалась от современной. Кроме того, карбоновые даты Авдеевской стоянки получены в трёх лабораториях: ГИН РАН, ИГ РАН, QC. Однако только даты лаборатории ГИН охватывают большинство рассматриваемых нами памятников - Хотылёво 2, Авдеево, Бердыж, Пушкари 1. Весьма характерно, что нижняя часть временного интервала Авдеево совпадает с показаниями для Хотылёво 2, а верхняя синхронна пушкарёвскому интервалу.

Если сравнить перечисленные стоянки, используя даты лаборатории ГИН, получается довольно любопытная картина. Хотылёво 2 и Бердыж моложе, чем Пушкари I. Авдеево существует и во время обитания Хотылёвской и Бердыжской stoznok, и во время жизни людей на Пушкарёвском поселении. Хотылёво 2 не может однозначно считаться более ранним памятником при сравнении с Авдеевской и Бердыжской стоянками. В этой связи ключевым становится вопрос, в какой степени даты ГИН отражают длительность обитания Авдеевской стоянки.

По мнению исследователей Авдеево М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьева, культурный слой памятника совпадает с геологическим слоем 5 в своих

верхних и нижних границах (Гвоздовер, Григорьев, 1977, с. 53). Культурный слой не является переотложенным, он един (там же, с. 54), то есть его мощность - результат постепенного накопления. Авторы раскопок фиксируют на стоянке четыре вида нарушений культурного слоя, вызванных природными факторами: 1) мелкие трещины, образующие полигональную решётку; 2) клиновидные деформации, рассекающие материк и какую-то часть культурного слоя (верх клиньев прослеживается нечётко); 3) “песчаные реки” - трещины, прослеживающиеся почти с самого верха культурного слоя и прорезающие его на всю глубину; 4) так называемые “канавы”, заполненные культурным слоем. Видимо, последний вид нарушений особо отмечался М. В. Воеводским и А. И. Москвитиным. Мелкие трещины и “песчаные реки” заполнялись песком, клиновидные деформации - голубовато-белесой глиной. В публикации 1981 г. говорится, что все деформации возникли вскоре после образования культурного слоя (Величко, Гвоздовер, Григорьев и др., 1981, с. 56). Однако “канавы” явно возникли до этого момента. О том, что мерзлотные нарушения уже существовали ко времени прихода людей на место стоянки, писал А.И. Москвитин. Г.П. Григорьев в 1990-е гг. также разделял эту точку зрения (Grigor’ev, 1993). Следовательно, мы имеем, по крайней мере, два уровня образования нарушений - над и под культурным слоем, который таким образом формировался в период между временем их появления. Кроме того, необходимо учитывать ещё и клиновидные структуры, берущие своё начало прямо в толще культурного слоя и составляющие ещё один уровень. Различное заполнение природных нарушений культурного слоя свидетельствует о том, что температурно-влажностный режим процесса осадконакопления на месте расположения стоянки менялся в ходе формирования отложений, вмещающих культурные остатки.

В дополнение к вышеизложенному необходимо добавить заключение Ю.Н. Грибченко об особенностях стратиграфии отложений на месте расположения Авдеевской стоянки, которые были вскрыты и изучались в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Им было отмечено существование системы

разновременных клиновидных мерзлотных деформаций, которые были заложены с нескольких уровней. Кроме того, Ю.Н. Грибченко зафиксировал наличие на стоянке, как минимум, «двух уровней культурных слоёв, соответствующих разным этапам обитания» (Грибченко и др., 2002. С. 92-93). В связи с этим особое значение приобретают даты в районе 20 тысяч некалиброванных лет от наших дней, полученные исследователями для комплекса так называемого «межобъектного пространства» (МОП) (см. табл. 1). Учитывая заключение Ю.Н. Грибченко, есть все основания полагать что так наз. МОП представляет собой ничто иное как самостоятельный, верхний, культурный слой Авдеевской стоянки.

На основании этих сведений можно достаточно уверенно заключить, что памятник был периодически обитаем в течение всего или, по крайней мере, большей части геологического периода формирования литологического слоя 5. Поэтому серия радиоуглеродных дат лаборатории ГИН, весьма вероятно, свидетельствует о длительном процессе формирования культурного слоя или, что вероятнее, культурных слоёв Авдеевской стоянки.

Об относительно длительном времени существования Авдеевской стоянки свидетельствуют и структурные особенности культурного слоя её традиционных жилых площадок – так называемых Старого и Нового Авдеево, во всяком случае, те из них, сведения о которых опубликованы.

За время, прошедшее с начала первых полевых работ, в Авдеево исследованы две жилых площадки, которые практически идентичны тем, что найдены в Костёнках I (верхний слой). В литературе, посвящённой Авдеевской стоянке, жилой комплекс, исследовавшийся в 1946-49 гг. М.В. Воеводским, М.Д. Гвоздовер и А.Н. Рогачёвым, получил название Авдеево Старое (Ав. ст.). Соответственно, комплекс, который изучался, начиная с 1972 г. М.Д. Гвоздовер, Г.П. Григорьевым, а в 2000-е гг. – Е.В. Булочниковой, именуется Авдеево Новое (Ав. н.) (Gvozdover, 1995; Булочникова, 1998в).

Культурный слой обоих комплексов отличается значительной мощностью отложений, достигающей в центральной части площадок 30-45 см

(Рогачёв, 1953; Гвоздовер, Григорьев, 1977). Как уже отмечалось, он связан с определённым литологическим слоем, который отличается как от подстилающих, так и от перекрывающих его слоёв. Максимальная плотность находок, как и наиболее интенсивная окрашенность слоя связана с центральной частью жилой площадки (Grigor'ev, 1993). Окрашенность слоя вызвана присутствием в его толще линз костного угля и золы, а также охры. Эти линзы имеют локальное распространение в пределах центральной части площадки и придают культурному слою характерную слоистость.

Степень сохранности культурного слоя старого объекта Авдеевской стоянки первоначально была недооценена его исследователями. М.В. Воеводский утверждал, что памятник подвергся значительному разрушению водными потоками, которые переотложили или вовсе уничтожили значительную часть культурного слоя. По всей видимости, это убеждение сказалось на методике его раскопок. Сведения, полученные в 1949 г. А.Н. Рогачёвым, при изучении культурного слоя на участках, непосредственно примыкавших к раскопам М.В. Воеводского, заставляют усомниться в том, что верх культурных отложений был полностью переотложен. Слоистость центральной части площадки объяснялась А.Н. Рогачёвым переотложенностью материала, а многоярусность залегания костных скоплений и слоистость культурных отложений в районе "землянок" А и Б не помешала ему же объявить данный участок слоя залегающим безусловно in situ (Рогачёв, 1953, с. 144-145). А.Н. Рогачёв вслед за М.В. Воеводским считал центральную часть памятника наиболее разрушенной естественными процессами. В то же время периферия, по его мнению, осталась практически непотревоженной. Подобная избирательность водных потоков выглядит, по меньшей мере, странно, учитывая единство рельефа на месте расположения стоянки и замкнутый характер планировки жилой площадки.

Пожалуй, только северо-западный и частично западный участки, связанные, кстати, с окраиной памятника, подверглись значительному разрушению в древности. Однако это разрушение, скорее всего, не связано с

водной эрозией. По-видимому, в данном случае имели место процессы, вызванные деградацией вечной мерзлоты. Об этом, в частности, свидетельствует наличие значительной трещины у западного склона площадки, зафиксированной при зачистке берега р. Рагозны (Рогачёв, 1953, рис. 5, с. 140). Кроме того, в 1947-48 гг. были зафиксированы бесспорные следы воздействия вечной мерзлоты на культурный слой (Воеводский, Алихова-Воеводская, 1950; Москвитин, 1950). Аналогичные явления отмечены А.Н. Рогачёвым в 1949 г. (Рогачёв, 1953). Уже в то время дискутировался вопрос о времени возникновения мерзлотных трещин - до или после существования стоянки. Как уже отмечалось, А.И. Москвитин придерживался первой точки зрения и связывал найденные при исследовании памятника ямы с трещинами и так называемыми “котлами”. А.Н. Рогачёв такую связь отрицал и считал, что мерзлотные явления привели к нарушению первоначального положения некоторых участков культурного слоя после оставления стоянки людьми. Во всяком случае, эти нарушения имели локальный характер, так что можно считать культурный слой старого объекта Авдеево в целом непереотложенным. Исключение составляет его северо-западная часть, разрушенная рекой.

Авдеевская экспедиция под руководством М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьева с самого начала своих работ уделяла пристальное внимание данному вопросу при изучении нового комплекса. Общий итог их исследований в этом направлении состоит в том, что в целом жилой комплекс стоянки сохранился in situ. Нарушения культурного слоя имеют локальный характер и связаны с трещинами различных видов (см. выше). Помимо этого, Г.П. Григорьев обратил внимание на переотложенные культурные остатки над культурным слоем. В данном случае речь идёт не только о перемещённом характере верхней части отложений жилой площадки, а о возможности существования остатков слоя, который мог перекрывать саму площадку (Grigor’ev, 1993, pp. 61-62). В этой связи не исключено, что подобное объяснение может быть применено и по отношению к некоторым явлениям,

зафиксированным А.Н. Рогачёвым. Им были отмечены группы кремней и фрагментов костей, включая достаточно крупные, залегавшие “в суглинках, покрывавших культурный слой, особенно к югу от остатков большого очага и к западу от полуземлянки Д” (Рогачёв, 1953, с. 144). А.Н. Рогачёв не считал возможным объяснять названный факт результатом деятельности роющих животных, поскольку этому противоречил характер залегания находок, особенно кремней. Он, однако, связывал данное явление с процессом размыва либо центральной части жилого комплекса, либо культурного слоя нового объекта, “расположенного несколько выше по склону холма” (там же).

Общеизвестно, что каждая жилая площадка Авдеево представляет собой линзу культурного слоя овальной формы, по длинной оси которой располагалась линия очагов. По всей площади такой линзы разбросаны ямы и западины “различной формы, размеров и назначения”, а по периметру - так называемые землянки и краевые ямы (Булочникова, 1998в, с. 91; см. также Grigor’ev, 1993). 92). По мнению Г.П. Григорьева, линия очагов определяет границы культурного слоя площадки, существует прямая взаимосвязь между этой линией и интенсивностью окрашенности слоя в пределах комплекса: вдоль линии она выше, чем в районе землянок и краевых ям (Grigor’ev, 1993, pp. 58).

В самом начале исследований нового комплекса Авдеевской стоянки культурный слой этого памятника был разрезан практически поперёк длинной траншеей, для препятствия проникновению домашней птицы на сельский луг. Экспедиция 1972 года под руководством М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьева зафиксировала профили этой траншеи. Очень показателен её западный профиль (рис. 6)[3]. На нём отчётливо видно, что культурный слой этого комплекса расслаивается на прослойки. По мнению авторов раскопок, зафиксированные ими прослойки имеют локальное распространение, и не позволяют вычленить разные уровни (этапы) накопления, за исключением

[3] М.Д. Гвоздовер. Отчет об исследованиях Авдеевской палеолитической стоянки в 1972 г. // Архив ИА РАН, фонд Р-1, дело № 4923а, лист 40.

заполнения ям. Однако на уже упомянутом профиле мы можем видеть ямы, перекрытые несколькими слоями. Более того, уровень, с которого был выкопан один из очагов основной линии (№ 1, кв. в-9), располагается выше первоначальной дневной поверхности. Следовательно, этот очаг появился уже после того, как была сформирована самая ранняя часть культурного слоя. И, что не менее важно, очаг прекратил своё функционирование до того, как закончилось формирование культурного слоя. Он перекрыт довольно значительной толщей отложений, включающих окрашенные углём прослойки и различные артефакты. Следовательно, вся толща культурных напластований Нового Авдеево может быть разделена, как минимум, на три части: 1) уровень формирования первоначального культурного слоя; 2) уровень, связанный с закладкой и временем функционирования очагов основной линии; 3) уровень, сформировавшийся после прекращения функционирования очагов основной линии.

Все перечисленные особенности культурного слоя жилых площадок Авдеево позволяют рассматривать их в качестве остатков долговременного поселения, вне зависимости от того, как будет решена проблема синхронности «старого» и «нового» комплексов Авдеевской стоянки. Тот факт, что до сих пор остаётся дискуссионным вопрос о том, какого рода жилые объекты существовали на памятниках типа Авдеево - Костёнки 1, также может свидетельствовать в пользу подобного вывода. Главным препятствием при реконструкции жилых объектов является высокая степень переработанности культурного слоя в центральной части жилой площадки - явный признак относительно длительного обитания людей на памятнике.

Существенно, что относительная длительность существования Авдеевского поселения не противоречит аналогичным данным о Зарайской стоянке. И в этом случае существует прямая корреляция между сложной структурой, археологической стратиграфией, значительной мощностью культурного слоя, и радиоуглеродными датами этого памятника (Амирханов, 2000; Амирханов и др., 2009). Аналогичная информация о втором комплексе

стоянки Костёнки 1 (сл. I), свидетельствующая о сложном характере археологической стратиграфии и, соответственно, длительном процессе формирования культурного слоя, была опубликована М.Н. Желтовой и Н.Е. Зарецкой (Желтова, Зарецкая, 2018). Таким образом, памятники костёнковско-авдеевской культуры оказываются связанными между собой не только высокой степенью сходства материальной культуры и структурных особенностей культурных слоёв. Относительная долговременность существования, по всей видимости, также может быть отнесена к их отличительным чертам.

Значительный временной интервал, фиксируемый радиоуглеродными датами Авдеево, а также – особенности культурного слоя этого памятника, свидетельствуют в пользу того, что Авдеевская стоянка функционировала в течение более продолжительного времени по сравнению с Хотылёво 2 или Пушкарями I. Опубликованные данные не позволяют в настоящий момент делать какие-либо окончательные заключения о том, было ли это существование непрерывным или нет. В этой связи даты ГИН дают нам основания предполагать, что период заселения Авдеево в начале совпадал со временем функционирования стоянки Хотылёво 2, а в конце - Пушкари I. На территории Посеймья, возможно, нижний культурный слой стоянки Октябрьское следует рассматривать как синхронный раннему этапу существования Авдеевской стоянки (табл. 1, № п.п. 37).

В целом, время существования восточнограветтских памятников на территории Днепро-Деснинского бассейна не выходит за пределы первой половины поздневалдайского оледенения или LGM, включая и его максимальную стадию. Ко времени непосредственно после брянского потепления относятся Хотылёвская и Бердыжская стоянки. Пушкари I обитались позже. На территории Посеймья, судя по контексту имеющихся немногочисленных радиоуглеродных дат, к памятникам, близким по возрасту к Пушкарям I, возможно, следует отнести нижний слой стоянки Быки 4 (Пены 1) и верхний слой стоянки Октябрьское (табл. 1, №№ п.п. 40 и 36).

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос о существовании на рассматриваемой территории стоянок, датируемых периодом так называемого пика LGM. Анализ всего имеющегося массива радиоуглеродных дат позволяет, прежде всего, заключить, что у нас нет оснований для вывода о наличии каких-либо перерывов в заселённости как территории бассейна Средней и Нижней Десны, так и Среднего Поднепровья (рис. 7).

Одновременно, обращает на себя внимание, что хронологический отрезок, относящийся к пику так называемого позднеледникового климатического максимума (LGM) и определяемый радиоуглеродными датами в пределах от 20 до 18/17 тыс. л.н. (некал.), не представлен продатированными памятниками на территории Верхнего Подесенья (рис. 8). Возможно, к данному периоду в этом регионе относится культурный слой 2 стоянки Хотылёво 6 (Гаврилов, 2014), а также средний слой (к. сл. II) стоянки Коршево I (Тарасов, 1989). В настоящее время этот хронологический отрезок представлен опорными памятниками Среднего Подесенья (рис. 9) и Посеймья (рис. 10). В Среднем Подесенье к данному хронологическому отрезку могут быть отнесены некоторые комплексы стоянка Пушкари I, а также, вероятно, Новгород-Северская (Грибченко и др., 2019) и Оболонье (Ступак и др., 2014). К заключительному этапу LGM может относиться культурный слой II стоянки Быки 7 (табл. 1, № п.п. 78). Кроме того, поздние даты Авдеевской стоянки также могут приниматься как индикатор посещения людьми места расположения этого памятника в данный отрезок времени, учитывая особенности археологической стратиграфии Авдеево (Зарецкая и др., 2018). В Среднем Поднепровье, возможно, судя по имеющейся дате, к этому периоду относится Кирилловская стоянка (табл. 1, № п.п. 217).

К этому же времени следует отнести Радомышльскую стоянку с двумя радиоуглеродными датами: 19 000 ± 300 (OxA-697) и 19 600±350 (Ki-6210) (Кононенко, 2018; см. также табл. 1, №№ п.п. 218-219). Остаётся неясным вопрос о геологическом возрасте Радомышля. И.Г. Шовкопляс приводит следующую стратиграфию отложений на месте расположения памятника

(Шовкопляс, 1964, с. 93):

№ п/п	описание	мощн., м
1.	Современный грунт, серый, песчанистый.	0,20
2.	Суглинок серо-бурый с корнеточинами современных растений и современными кротовинами, заполненными выше- и нижедежащими породами. На глубине 0,6-0,8 м залегают культурные остатки	0,87
2а.	Суглинок серо-жёлтый с многочисленными кротовинами и известковыми дутиками	0,66
2б.	Суглинок жёлтый, пористый, с известковыми прожилками и дутиками в верхней толще, и кротовинами.	0,87
3.	Погребённая почва, тёмно-серая, в верхней части желтовато-серая, песчанистая.	0,70
4.	Песок серый, местами ржаво-охристый, разнозернистый, с редкими (значительными) крупными зёрнами кристаллических пород. Внизу песок тёмно-серый, сцементированный глинистыми частицами.	0,80
5.	Красно-бурая валунная глина, очень опесчаненная, с редкими гальками кристаллических пород (диаметром до 20 мм) и железисто-марганцевыми включениями.	

Единственная на тот момент радиоуглеродная дата Радомышльской стоянки (ОхА-697) была подвергнута в 1980-е гг. сомнению, поскольку археологическое определение её возраста представлялось более древним (Аникович, 1991, Аникович, 1998). Однако ориньякский характер каменной

индустрии этого памятника, о чём ранее писали И.Г. Шовкопляс и М.В. Аникович (Шовкопляс, 1964; Рогачев, Аникович, 1984) в настоящее время не подтверждается. Разброс мнений по этому поводу колеблется от признания эпиориньякского характера каменной индустрии до его граветтской атрибуции (Усик, 2001; Демиденко, 2004; Нужний, 2015; Кононенко, 2015). То, что нам известно о стратиграфических условиях залегания Радомышля, даёт основания для следующих выводов. Погребённая почва, зафиксированная в ходе раскопок И.Г. Шовкопляса, имеет довольно значительную мощность. На территории бассейна Среднего Днепра её возможные аналоги не могут быть многочисленны - это мезинский и брянский почвенный комплексы. Хотя в данном случае погребённая почва остаётся не атрибутированной, всё же её сложно сопоставлять с мезинским комплексом. Если даже допустить подобную точку зрения, то тогда необходимо объяснить, когда была разрушена брянская почва - до или после образования радомышльского культурного слоя. Последний вариант ответа представляется маловероятным. Важно и то, что культурный слой лежит значительно выше погребённой почвы. В данном случае важной представляется также точка зрения В.К. Пясецкого на характер стратиграфии, вскрытой раскопами И.Г. Шовкопляса. В.К. Пясецкий предположил, что серо-жёлтый суглинок с кротовинами и известковистыми конкрециями, непосредственно подстилающий лессовидный суглинок, вмещавший культурный слой стоянки, может быть погребённой почвой (Пясецький, 2008, с. 117). Сам В.К. Пясецкий склонен был считать, что эта почва может относиться к Штильфриду В (там же). Однако не исключен и вариант отнесения уровня этой погребённой почвы к так называемому трубчевскому горизонту, поскольку почва, относимая к Штильфриду В и её аналоги имеют более выраженный гумусированный слой почвенного профиля. В любом случае, имеющиеся в настоящее время даты в пределах 19 000 л.н. (некал.) не противоречат ни интерпретации, предложенной В.К. Пясецким, ни отнесению указанной погребённой почвы к трубчевскому горизонту. Таким образом, Радомышльская стоянка не только

не древнее Хотылёво 2, но и моложе этого памятника, и, весьма вероятно, незначительно моложе стоянки Пушкари I.

Нельзя исключать и принадлежность к данному времени недавно открытой стоянки Оболонье, имеющей две радиоуглеродные даты: 15200 ± 200 (SPb-442) и 20730 ± 120 (Ox-28035) (табл. 1, №№ п.п. 129-130). По мнению исследователей стоянки, последняя дата выглядит предпочтительнее, так как соответствует эпиориньякскому облику каменной индустрии этого памятника и общепринятых представлений о времени существования эпиориньякских памятников (Ступак и др., 2014).

Однако изученность данного периода пока не может быть признана удовлетворительной. Между тем, это время очень важно для понимания процессов перехода от средней к поздней поре верхнего палеолита. Культурная характеристика верхнего палеолита Центра Русской равнины в этот период в настоящее время является одной из актуальных задач исследований данной территории во период позднеледниковья.

К поздней поре верхнего палеолита относится большинство известных позднепалеолитических стоянок центральных районов Русской равнины. Опираясь на данные геологической стратиграфии, в настоящее время можно констатировать, что памятники этого культурно-хронологического этапа относятся ко второй половине поздневалдайского времени.

Хронологически стоянки Центра Русской равнины, относящиеся к поздней поре, датируются широким периодом, начиная со времени, наступившем непосредственно после или во время окончания пика LGM и заканчивая хронологическим отрезком от раннего до позднего Дриаса. Их радиоуглеродные (некалиброванные) даты распределены между 18 и 12 тысячами лет от наших дней (табл. 1). Как и в случае с памятниками средней поры верхнего палеолита, разброс дат, фиксирующийся на стоянках поздней поры, коррелируется с характером археологической стратиграфии их культурных слоёв. Наиболее показательны в этом смысле являются стоянки Быковской группы, Елиеевичи 1, Юдиново 1 и Межиричи.

Группа стоянок Быки могут рассматриваться как наиболее ранние среди памятников поздней поры верхнего палеолита, расположенных в бассейне Десны. К ней относится восемь пунктов – Быки 1-8, соответственно. Все они расположены на небольшом участке 15-20-метровой террасы, на левом берегу р. Сейм (Панин и др., 2024. С. 205). Памятники расположены достаточно далеко от современного русла реки и были открыты случайно во время строительства водоочистных сооружений (Ахметгалеева, 2015. С. 15-16). Для четырёх из восьми стоянок были получены радиоуглеродные даты. Общее количество определений – 41, распределены они весьма неравномерно (Панин и др., 2024. Табл. 1. С. 210-212). Двадцать пять дат получены по образцам из раскопок стоянки Быки-7, восемь – для стоянки Быки-1, пять – для стоянки Быки 4 (Пенская), две – Быки 5 и одна – Быки 2 (табл. 1, №№ п.п. 38-78; рис. 11). В целом, массив дат характеризуется широким диапазоном полученных значений: от 25200 до 15721 ^{14}С л.н. (некал.). Отчасти это отражает факт разновременности памятников. Кроме того, стоянка Быки-7 – многослойная, что также отражается в серии радиоуглеродных дат. Тем не менее, среди имеющегося массива дат зафиксированы инверсии, несоответствия с археологической и литологической стратиграфией стоянки Быки 7. По мнению А.В. Панина и соавторов, аналогичное несоответствие зафиксировано также для стоянки Быки 4 (Пенская) (Панин и др., 2024. С. 214). Поскольку культурные слои стоянок залегают преимущественно в песчаных отложениях, предполагается, что основной причиной таких несоответствий стало проникновение костных образцов, по которым были получены даты, как в ниже-, так и в вышележащие слои по отношению к их первоначальным уровням залегания. Для стоянки Быки 7 были получены пять ОСЛ-дат, которые использовались при определении степени валидности дат радиоуглеродных (Панин и др., 2024. Табл. 2. С. 215). Учитывались также стратиграфические условия залегания образцов и оценки геологического возраста литологических слоёв. В результате, исследователями была разработана хронология культурных слоёв продатированных памятников

группы Быки. Из всего массива дат были признаны приемлемыми четыре определения для стоянки Быки 1, одно – для стоянки Быки 2, одно – для стоянки Быки 5, одиннадцать – для стоянки Быки 7 (Панин и др., 2024. Табл. 1. С. 210-212). Таким образом, в геохронологической схеме, разработанной авторами, не оказалось приемлемых радиоуглеродных дат для корректного определения возраста стоянок Быки 4 (Пенская) и верхнего уровня жилого объекта стоянки Быки 1. Однако даты, полученные для верхних уровней стоянок Быки 1 и Быки 4 (Пены 1) были приняты для оценки их возраста, поскольку они не противоречили, прежде всего, археологической стратиграфии. А.В. Панин, Н.Б. Ахметгалеева и коллеги определили три хронологические группы стоянок Быки (Панин и др., 2024. С. 225). В первую группу вошли стоянки Быки 7, к.сл. II, и Быки 2, к. сл. II. Они относятся к периоду позднеледникового максимума и датируются временем около 18-17,6 тыс. некал. л.н. (22-21,5 тыс. кал. л.н.). Ко второй группе отнесены: стоянка Быки 1, жилой объект; стоянка Быки 7, к.сл. I; вероятно, стоянка Быки 2, к.сл. I, а также «верхние уровни обитания в жилых объектах стоянки Пенской и Быки 1» (там же), и культурный слой Ib стоянки Быки 7. Хронологические рамки второй группы – 17,6 - ок. 16 тыс. некал. л.н. (21,5-20,5 тыс. кал. л.н.). Третья, заключительная, группа состоит из стоянок Быки-5, 6, 8 и культурного слоя Ic стоянки Быки 7. Её хронологические рамки – около 14,6 тыс. некал. л.н. (ок. 18 тыс. кал. л.н.).

Среди памятников Подесенья для стоянки Елисеевичи I был получен массив радиоуглеродных дат (табл. 1, №№ п.п. 179-200; рис. 12), который в значительной степени совпадает по своим значениям с массивом дат, полученных для групп стоянок Быки. Памятник, по данным Ю.Н. Грибченко и Е.И. Куренковой, расположен на мысу второй надпойменной террасы р. Судость, культурный слой приурочен к верхней пачке лессовидных отложений, перекрывающих аллювиальные отложения, залегающие в основании террасы (Грибченко, Куренкова, 2014. С. 103). Пространственная структура стоянки Елисеевичи 1 характеризуется сложной организацией.

Анализ архивных данных, содержащихся в отчётах К.М. Поликарповича, а также результатов собственных раскопок 1970-1980 гг. позволил Л.В. Греховой прийти к нескольким важным выводам. По её мнению, единый культурный слой на стоянке отсутствует (Грехова, 2014, с. 209). Данный археологический памятник представляет собой результат наложения друг на друга остатков различных «по площади и уровню залегания» жилых площадок. Л.В. Грехова считала, что на исследованной площади стоянки были вскрыты археологические объекты трёх таких площадок (Грехова, 2014), которые отличались специфическими комплексами объектов. Стратиграфическая разница в положении этих площадок подтверждалась как взаимным пространственным положением этих объектов, так и соотношением их с полигональными блоками, образованными псевдоморфозами по повторно-жильным льдам (там же). Данная реконструкция также коррелируется и с трёхчастной группировкой радиоуглеродных дат Елисеевичей 1 (Величко, Грехова и др., 1997). Сложный характер археологической стратиграфии памятника, реконструированный Л.В. Греховой, был подтверждён Г.А. Хлопачевым и М.Э. Полковниковой в результате анализа архивных материалов К.М. Поликарповича о раскопках 1946 года, который позволил выделить для этого участка стоянки три этапа формирования археологического комплекса (Хлопачев, Полковникова, 2016, с. 407; Хлопачев и др., 2017, с. 46). Кроме того, в ходе новых полевых работ, проводившихся в Елисеевичах в 2010-2013 гг. под руководством Г.А. Хлопачева, был установлен факт залегания археологических остатков в двух различных литологических слоях (Хлопачев и др., 2017). Из образцов костных остатков животных, полученных как в ходе этих новых раскопок, так взятых из старых коллекций, были получены новые радиоуглеродные даты, подтвердившие выводы, сделанные ранее Л.В. Греховой (Грехова, 1990). Г.А. Хлопачев и соавторы также пришли к заключению, что весь массив елисеевичских дат делится на три части. Основной объём массива дат представлен значениями в интервале от 14500 до 13000 л.н. (некал.). Менее

многочисленные даты укладываются в интервалы от 12500 до 12000, и от 17000 до 15000 л.н. (некал.) соответственно (Хлопачев и др., 2017, с. 55).

Расположенная рядом с Елисеевичами 1 стоянка Елисеевичи 2 имеет одну радиоуглеродную дату около 15 тыс. некал. л.н. (табл. 1, № п.п. 201; рис. 12; Грибченко, Куренкова, 2014. Табл. 2. С. 105). Культурный слой этого памятника залегает гипсометрически выше по сравнению с Елисеевичами 1, но приурочен к верхней части той же пачки лессовидных отложений, которые покрывают не только вторую надпойменную террасу, но и более высокие уровни (Грибченко, Куренкова, 2014. С. 103-104). Елисеевичи 2 были исследованы на небольшой площади, всего 8 кв. м, во время спасательных раскопок (Грехова, 1985). По этой причине сложно судить не только об общей пространственной структуре этого памятника, но и о продолжительности его существования. Тем не менее, имеющаяся дата коррелирует как со стратиграфическими условиями залегания культурного слоя, так и с основной серией радиоуглеродных дат стоянки Елисеевичи 1.

Массив радиоуглеродных дат стоянки Юдиново 1 превышает массив елисеевичских дат на семь определений, однако они располагаются более компактно. Их значения распределяются в отрезке между 15,79 и 12,06 тыс. некал. л.н. (табл. 1, №№ п.п. 150-178; рис. 13), то есть соответствуют средней и верхней частей массива радиоуглеродных дат, полученных для Елисеевичей 1. При рассмотрении археологического контекста продатированных образцов из раскопок Юдиново 1 необходимо обратить внимание на два момента.

Во-первых, существует прямая корреляция радиоуглеродных дат, полученных в последнее десятилетие, с положением образцов в верхнем и нижнем культурном слое стоянки. Эти культурные слои были выделены Г.А. Хлопачевым (Хлопачев, Грибченко, 2012). Необходимо отметить, что первые наблюдения, которые свидетельствовали об их существовании, были сделаны З.А. Абрамовой, которая отметила раслоение углистого скопления, залегавшего в южной части музейного павильона (кв. Д. Е – 58) на два горизонта (Абрамова, 1995. С. 107), однако выделения отдельных культурных

слоёв в 1980-1990-е гг. не произошло. Даты нижнего культурного слоя получены по двум образцам костного угля и одному образцу зуба мамонта, и относятся ко времени около 14-14,5 тыс. некал. л.н. Даты верхнего культурного слоя – около 12-12,5 тыс. л.н. Абсолютное большинство остальных дат имеют значения, очень близкие к тем, которые получены из образцов верхнего и нижнего культурных слоёв. Только две даты (ЛУ-127 и ЛЕ-3301) имеют значения, превышающие 15 тыс. некал. л.н. Для оценки валидности этих дат в настоящее время недостаточно информации.

Во-вторых, чрезвычайно интересно распределение радиоуглеродных дат, полученных по костям мамонтов из разных сегментов костно-земляной конструкции «жилища» № 5 (Хлопачев, Гаврилов, 2019). Сегмент из черепов №№ 1-3 имеет дату ок. 13,8 тыс. некал. л.н. (табл. 1, № п.п. 165), сегмент из черепов №№ 5 и 6 – четыре даты: от 12,2 до 12,06 тыс. некал. л.н. (табл. 1, №№ п.п. 150-153). Все даты получены в одной лаборатории, наиболее древняя близка к датам нижнего культурного слоя, остальные примыкают или близки к датам верхнего культурного слоя. К сожалению, у нас нет информации, как именно верхний и нижний культурные слои стыковались с костно-земляной конструкцией «жилища» № 5, поэтому пока преждевременно делать выбор между ними в пользу более древнего или более молодых значений. Существенное наблюдение, сделанным Г.А. Хлопачевым при исследовании остатков данной конструкции, касается также её соотношения с культурным слоем, традиционно рассматривавшемся как «пол» «жилища». Г.А. Хлопачевым было установлено, что костно-земляная конструкция была создана после образования этого культурного слоя. Личные наблюдения позволяют утверждать, что аналогичная картина фиксируется и на участке расположения «жилищ» №№ 3 и 4. Учитывая этот факт, а также фиксацию Г.А. Хлопачевым ряда ранних, с точки зрения археологической стратиграфии, объектов Юдиновской стоянки (Хлопачев, 2018), можно предварительно допустить более ранний, по сравнению с определениями в 14-15 тыс. л.н., возраст как слоя, залегавшего под костно-земляными конструкциями, так и

наиболее ранних объектов.

Массив радиоуглеродных дат стоянки Межиричи по количеству и значениям определений весьма близок юдиновскому (табл. 1, №№ п.п. 220-252; рис. 14). Единственное отличие состоит в небольшой серии дат, полученных в Киевской лаборатории, группирующихся между 17 855 и 19 280 некал. л.н. Эта группа резко выбивается из общей серии и по этой причине вызывает сомнение в их валидности несмотря на то, что даты получены как по костям мамонта, так и по костному углю. Остальные значения практически совпадают с юдиновскими, однако основная масса дат располагается между 15 430 и 14 300 некал. л.н. Дат моложе 13-ти тысяч некал. л.н. всего две: OxA-709 (12 900 ± 200) и ГИН-2597 (11 700 ± 800). Распределение межиричских дат коррелирует с археологической стратиграфией памятника. В ходе раскопок, проводившихся начиная с 1990-х гг., на стоянке были получены ряд разрезов культурного слоя, расположенных вокруг так называемых жилищ № 1 и 4 (Soffer et al., 1997; Haesaerts et al., 2015). Небольшие исследования были также проведены внутри «жилища» № 4 (Soffer et al., 1997). Эти профили, к сожалению, не позволяют нам однозначно определить стратиграфическое соотношение всех костно-земляных структур и ям, обнаруженных в Межиричах. Тем не менее, они содержат важную информацию о соотношении структур № 1 и 4, а также прилегающих к ним крупных углублённых объектов. Археологическая стратиграфия на этом участке позволила зафиксировать несколько эпизодов его формирования, фактически – нескольких культурных слоёв (рис. 15). Согласно стратиграфическим наблюдениям, ямы, расположенные вокруг «жилищ» № 1 и 4, были вырыты значительно раньше времени формирования костно-земляных структур. Уровень закладки ям связан с нижним культурным слоем 1, а сами костные конструкции связаны либо со слоем 2, либо даже со слоем 3 (Haesaerts et al., 2015). При этом ямы продолжали использоваться, по крайней мере, во время формирования культурного слоя 2. К сожалению, у нас нет достоверной информации о том, к какому слою, второму или третьему, следует отнести сооружение собственно

костных конструкций. По данным П. Эзартца, радиоуглеродные даты распределяются между слоями следующим образом: к. сл. 1 – от 15 050 до 14 750 ^{14}C BP; к. сл. 2 – от 14 900 до 14 480 ^{14}C BP; к. сл. 3 – 14 400 ± 90 ^{14}C BP и 14 450 ± 90 ^{14}C BP (Haesaerts et al., 2015. P. 387-388). Необходимо отметить также разновременные даты, полученные по костям мамонта из конструкции «жилища» № 4, которые коррелируют с определениями радиоуглеродного возраста всех трёх слоёв. Учитывая, что стратиграфически костная конструкция четвёртого «жилища» ассоциируется с верхним культурным слоем, более ранние даты (от 15 210 до 14 550 некал. л.н.) могут быть свидетельством того, что при её сооружении насельниками стоянки использовались кости мамонта из более ранних эпизодов обитания.

Серия радиоуглеродных дат Гонцовской верхнепалеолитической стоянки практически полностью совпадает со средней и верхней частью дат Межиричей, распределяясь между значениями 14670 и 13200 некал. л.н. (табл. 1, №№ п.п. 256-271; рис. 14). Однако, в отличие от межиричских, гонцовские даты не демонстрируют корреляции с археологической стратиграфией. Так, нижний слой Гонцов имеет несколько определений: от 14670 до 14110 некал. л.н., а верхний – от 14620 до 14120 некал. л.н. В этой серии имеются парные даты, демонстрирующие инверсию, когда радиоуглеродный возраст нижнего слоя моложе верхнего, например, 14 280 ± 110 (OxA-8409) для верхнего слоя и 14 250 ± 110 (OxA-5934) – для нижнего. В любом случае, разброс дат для верхнего и нижнего слоёв достаточно велик и обе серии практически перекрывают друг друга.

Остальные памятники позднего верхнего палеолита Среднего Поднепровья и Подесенья: стоянки Бугорок, Чулатово 1, Бужанка 2, Елисеевичи 2, Тимоновские, Добраничевка, Семёновка 1-3, имеют либо единичные, либо незначительные в количественном отношении серии радиоуглеродных дат (см. табл. 1, а также – рис. 4, 12, 14 и 16). Их значения укладываются в те рамки, которые были обозначены большими массивами определений, полученных для стоянок Юдиново 1, Елисеевичи 1, Межирич и

Гонцы. Необходимо отметить в данном случае, что все радиоуглеродные даты киевской лаборатории, полученные по образцам из раскопок Мезинской стоянки, а также одна из двух дат этой лаборатории, полученная по зубу мамонта из раскопок стоянки Бугорок, оказались намного более древними по сравнению с основным массивом дат. Их валидность по этой причине остаётся сомнительной, особенно для Мезина, так как даты в диапазоне от 29700 до 27500 некал. л.н. противоречат как стратиграфическим условиям залегания культурного слоя, так и типологическому облику материальной культуры этого памятника.

Таким образом, в пределах временного интервала 18/17 – 12 тыс. л.н. (некал.) стоянки, расположенные на территории Среднего Поднепровья, Посеймья и Подесенья, можно разделить на несколько хронологических групп.

Самая ранняя, первая, группа, которая датируется периодом около 18-17,6 тысяч некал. л.н., включает в себя следующие стоянки: Быки 7, к.сл. II, Быки 2, к.сл. II.

Вторая группа включает в себя памятники с радиоуглеродными датами от 17,6 тыс. некал л.н. до 16 тыс. некал. л.н.: стоянки Быки 1 (жилище), Быки 7, к. сл. I, Ib и Ia, Быки 2, к.сл. I, верхние горизонты культурного слоя Быки 4 (Пены 1) и Быки 1, нижний культурный горизонт стоянки Елисеевичи 1.

Третья группа включает в себя большинство памятников Подесенья и Среднего Поднепровья. Среди них, в частности – Мезин, Бармаки, Семёновка 2, Межиричи, Добраничевка, Гонцы (слой с жилищами?), Бужанка 2, Бугорок (нижняя часть культурного слоя), Юдиново 1 (нижний слой), Елисеевичи 1 (средний горизонт) и Елисеевичи 2, Супонево (нижний слой?), Тимоновка 1 и 2. Эта группа может быть датирована временем от 15 до 14 тысяч некал. л.н.

Последняя, четвёртая, группа, также немногочисленна, как и первая. В неё входят: верхний слой стоянки Юдиново 1, верхний горизонт культурного слоя Елисеевичи 1, вероятно, верхний горизонт культурного слоя стоянки Супонево, стоянки Семёновка 1 и 3, Бугорок (верхняя часть культурного слоя).

Нельзя исключать отнесение к этой группе какой-то части стоянки Добраничевка. Датировки последней группы распределяются вокруг значений 13/12/11 тысяч некал. л.н.

В связи с перечисленными выше хронологическими группами необходимо коснуться вопроса о разделении деснинских и среднеднепровских стоянок поздней поры верхнего палеолита на два хронологических этапа, проведённое в 1990-е гг. С.Н. Лисицыным (Лисицын, 1999) Оно основывалось, прежде всего, на представлении об уменьшении со временем размеров пластинчатой заготовки, использовавшейся для изготовления ведущих типов каменных орудий. Этот тезис, в общем виде, не вызывает возражений при сравнении между собой памятников средней и поздней поры верхнего палеолита данного региона. Однако мнение, что эта же тенденция сохраняется на всей территории Среднего Поднепровья и Подесенья на протяжении поздней поры без каких-либо вариантов, является априорным допущением и его нужно специально доказывать. Ведь выявленная картина может быть рассмотрена и как результат проявления локальных особенностей развития того или иного памятника. Сосуществование в рамках поздней поры верхнего палеолита стоянок, чей инвентарь характеризуется различными метрическими параметрами пластинчатых заготовок, показано в работе Х.А. Амирханова для территории бассейна Оки (Амирханов, 2004) и нет никаких оснований заранее отвергать существование подобного явления в Центре Русской равнины.

Эту возможность необходимо иметь в виду и по другой причине. Последние раскопки стоянок бассейнов Среднего Днепра, Подесенья и Посеймья дали достаточно аргументов в пользу признания довольно длительного существования или многократного посещения этих поселений при достаточно устойчивом сохранении населением культурных традиций (Ахметгалеева, 2007; Хлопачев, Грибченко, 2012; Чабай и др., 2020). Именно этим обстоятельством объясняется «длинная хронология» крупных поселений, как средней, так и поздней поры верхнего палеолита, при наличии достаточно представительных серий радиоуглеродных дат, на что впервые

обратила внимание Л.В. Грехова (Грехова, 1990).

В итоге, общая схема относительной хронологии, основанная на данных, характеризующих археологическую стратиграфию, геологические условия залегания культурных слоёв и общем массиве радиоуглеродных дат верхнепалеолитических памятников бассейна Десны и Среднего Поднепровья, выглядит в настоящее время следующим образом:

1) *Брянское время* – Хотылёво 6, сл. 2; городище «Кудеярка», сл. 2; Хотылёво 2/пункт Д, сл. 2;

2) *первая половина поздневалдайского оледенения* - время существования стоянок Хотылёво 2 (пункты А-Г, пункт Д/сл. I), Бердыж, Авдеево, Октябрьское, (сл. II), Пены 1, Погон, Пушкари I, Клюсы (?). Стоянки Пушкари I и Клюсы следует отнести ко второй половине этого периода. Возможно, к заключительному отрезку времени этого периода относится существование стоянки Оболонье.

3) *пик поздневалдайского климатического минимума / позднеледникового максимума (LGM)* - время существования стоянок Радомышль, Кирилловская, Новгород-Северская, Октябрьское (сл. I), Быки 7, сл. II. Возможно, на этот отрезок времени приходятся завершающие эпизоды обитания Авдеевской стоянки. Точное хронологическое соотношение перечисленных памятников между собой внутри данного периода пока остаётся неясным, однако можно предполагать относительно раннюю позицию стоянки Новгород-Северская и более позднюю – стоянки Радомышль и Кирилловская. Нельзя также исключать продолжение существования в это время стоянки Оболонье.

4) *вторая половина поздневалдайского оледенения* – включает в себя четыре хронологические группы памятников позднего верхнего палеолита, охарактеризованные выше.

Взятые в своей совокупности, верхнепалеолитические памятники центральных районов Восточно-Европейской (Русской) равнины демонстрируют непрерывность заселения этой территории на протяжении, по

крайней мере, времени поздневалдайского оледенения. Однако распределение их по регионам внутри этой территории всё же неравномерно. На территории Среднего Поднепровья пока не известны стоянки средней поры верхнего палеолита несмотря на то, что на территории Центральной Украины была обнаружена и исследована стоянка Трояново, каменная индустрия которой может быть отнесена к позднему (развитому) граветту (Залізняк и др., 2013). В свою очередь, на территории бассейна Верхней Десны, включая бассейн Судости, до сих пор нет памятников верхнего палеолита, для которых были бы получены валидные радиоуглеродные даты в промежутке от 20 до 18 тыс. л.н. (некал.). Соответственно, только на территории Среднего Подесенья и Посеймья в настоящее время располагаются стоянки, относящиеся ко всем периодам Позднего Валдая. Однако здесь пока не выявлены достоверно более ранние верхнепалеолитические памятники. Подобная неравномерность распределения памятников верхнего палеолита по территории Центра Русской равнины свидетельствует скорее о степени изученности перечисленных районов, чем о реальной картине их заселённости в древности.

Глава 3.
Верхний палеолит на территории бассейна Десны в Брянское время.

Этот период, как уже было подчеркнуто, на территории Подесенья находится в начальной стадии изучения. Наиболее представительная коллекция получена при раскопках третьего культурного слоя стоянки Хотылёво 6. Достаточно интересные материалы дали разведочные работы, проведенные на участках распространения нижних культурных слоев пункта Д стоянки Хотылёво 2 и городища «Кудеярка».

Хотылёво 6.

Названный памятник был обнаружен в 1950-е гг. Ф.М. Заверняевым и в 1981 г. исследовался А.Н. Сорокиным. Площадка, на которой располагается стоянка, представляет собой мысовой выступ, образованный бортом долины Десны и левым склоном Кладбищенской балки, в 275 м к западу от стоянки Хотылево 2 (рис. 17).

В 2004 г. Хотылёвской археологической экспедицией здесь в раскопе 1 были вскрыты два культурных слоя, относящиеся к эпохе верхнего палеолита. Стратиграфия отложений, зафиксированная в раскопе (рис. 18), имеет следующую последовательность.

Нижний культурный слой (к. сл. 3), связанный с погребённой брянской почвой, перекрыт двухметровой толщей покровных позднеплейстоценовых суглинков, которые, в свою очередь, венчаются голоценовой почвой (сл. 1). Последняя представлена серой и светло-серой супесью. Серая супесь - пылеватая, биотурбированная. За счет деятельности почвенной фауны изначально ровная нижняя граница - волнистая, содержит мелкие фрагменты керамики и расколотый кремень (культурный слой 1). Это пахотный горизонт современной почвы, перекрытый и проработанный корнеходами из дернины, его средняя мощность составляет около 0.3 м. Пахотный горизонт подстилается светло-серой супесью, приобретающей в нижней части белесую

окраску. Светло-серая супесь - легкая, пылеватая за счет кремнеземистой присыпки, разуплотненная (сыпучая). В ней прослеживаются корнеходы и следы деятельности землероев. Средняя мощность светло-серой супеси - около 0,24 м. Современная почва залегает с небольшим уклоном к северо-востоку, согласно с рельефом мысового участка. Светло-серая супесь отчетливо прослеживалась в восточной, северной и западной стенках раскопа 1. К югу ее мощность уменьшалась и в южной стенке раскопа она не была зафиксирована.

Слой современной почвы подстилался линзами неравномерно окрашенной супеси - коричневато-ржавой за счет ожелезнения и белесой за счет кремнезёмистой присыпки, включенными в толщу лёгкого бурого суглинка (сл. 2). Толщина этих линз составляла от 0,12 до 0,23 м, мощность суглинка - 0,3-0,4 м. Указанные образования связаны с верхом горизонта ортзандов (сл. 3). В свою очередь, ортзандовый горизонт представлен чередованием переплетающихся прослоев тёмно-ржавого и белесого суглинка. В верхней части ожелезнённые прослои имеют мощность до 15 см, в нижней истончаются до 3-5 см. Простирание прослоев в целом субгоризонтальное. Переход к нижележащему слою - плавный, по цвету и исчезновению чётких ортзандов. Понижения ортзандов маркировали псевдоморфозы по повторно-жильным льдам, которые были зафиксированы в северной, восточной и западной стенках раскопа.

Горизонт ортзандов подстилался влажным суглинком палевого цвета с коричневым и серым оттенками (сл. 4). Мощность суглинка в среднем составляла около 1 м, максимальная мощность достигала 1,6 м. Суглинок содержал многочисленные включения ожелезнённых частиц в виде псевдофибров, которые образовывали характерную сетку и залегали согласно с горизонтом ортзандов. В северной половине раскопа псевдофибры были зафиксированы вплоть до уровня культурного слоя 3. В толще палевого суглинка были также зафиксированы две прослойки серовато-сизоватого суглинка с включениями карбонатов. Эти прослойки залегали

субгоризонтально с небольшим наклоном к северо-востоку, имели толщину от 0,1 до 0,2 м и были выдержаны по простиранию на всей площади раскопа. Они залегали на глубинах -6,8/-7,02 м и -7,02/-7,24 м соответственно. По всей видимости, названные прослойки отмечают перерывы в осадконакоплении, связанные с существованием стабильных поверхностей на данном участке. Каких-либо находок в прослойках зафиксировано не было. Поверхности прослоек маркировались линзами белого кварцевого песка толщиной от 0,2 до 0,6 м. В профиле южной стенки была зафиксирована трещина, спущенная с поверхности нижней прослойки и заполненная песком. Ширина трещины в верхней части составила около 5 см, глубина - до 0,8 м. Трещина достигала поверхности погребённой брянской почвы.

Нижняя сизовато-серая прослойка подстилалась тяжёлым влажным суглинком бурого цвета с коричневым оттенком (сл. 5). В профиле восточной стенки суглинок приобрёл серую окраску, а в профиле северной стенки содержал большое количество ожелезнённых включений в виде псевдофибров. Толщина этого суглинка составила от 0,2 до 0,4 м, уменьшаясь в северо-восточном направлении. В толще бурого суглинка, на уровне -7,5/-7,56 м, были отмечены прослойки гумусированного материала, особенно отчётливо читавшиеся в профиле южной стенки. Толщина прослойки в среднем составляла около 3 см, иногда достигая 5-6 см. Над ними был также отмечен горизонт песчаных линз толщиной до 2 см, залегавших на 6 см выше. Гумусированная прослойка была разбита трещинами, спускавшимися в нижележащие слои и разбивавшими погребенную брянскую почву. Никаких находок в гумусированной прослойке не было сделано.

Погребенная брянская почва (сл. 6) залегала непосредственно под слоем тяжёлого бурого суглинка. Она была представлена переотложенным склоново-мерзлотными процессами материалом: в верхней части залегал серовато-коричневый, серый и тёмно-серый суглинок, ниже - затёки прокрашенного в оттенки от чёрного до серовато-коричневого гумусированного материала, разбитые системой трещин. Заполнение трещин

варьировалось в зависимости от ширины: крупные (около 1 см шириной) были заполнены оглеенным серым с белесоватым оттенком суглинком, "хвосты" трещин шириной менее 0,5 см были заполнены коричневато-серым суглинком. Прокраска слоя - рябая за счёт многочисленных включений меловой крошки, в том числе – сильно выветрелой. В толще погребённой почвы фиксировались многочисленные включения гальки и гравия, включая желваки и обломки тёмно-серого местного плитчатого кремня. На уровне верха слоя фиксировались крупные (до 4-х см в диаметре) новообразования белоглазки. Расколотый кремень залегал в линзах тёмно-серого и серовато-коричневого (иногда - чёрного) гумусового материала. Залегание обломков и расколотого кремня было как субгоризонтальным, так и наклонным по контакту с трещинами. Общая мощность погребенной почвы составила от 0,4 до 0,5 м. Как уже было указано выше, брянская почва на участке раскопа 1 подверглась воздействию склоново-мерзлотных процессов, которые привели к ее частичному переотложению. Однако степень этого переотложения была неравномерной по всей площади раскопа, что, в частности, отразилось в профилях разрезов погребённой почвы. Прежде всего, необходимо отметить, что практически во всех профилях было прослежено однообразное чередование по вертикали почвенного материала. Оно проявлялось в том, что максимально гумусированные линзы суглинка, имевшие окраску от серовато-коричневого до чёрного, всегда подстилались менее гумусированным суглинком серого, серо-бурого или даже бурого цвета. Эта последовательность нарушалась только трещинами. Последние, в свою очередь, могут быть разделены на три стратиграфических группы. В первую группу входят трещины, спущенные с уровня поверхности погребенной почвы, во вторую - с уровня срединной части почвенной толщи, и, наконец, в третью группу могут быть включены трещины, фиксируемые на уровне основания погребенной почвы. Наиболее важным моментом в этой картине является то, что трещины первой и второй групп связаны с линзами сильно-гумусированного суглинка. В этих же линзах фиксировался и расщеплённый

кремень. Толщина таких линз в среднем составляла от 2 до 6 см, но в некоторых случаях достигала 10-12 см. Наиболее выразительные прослойки гумусированного материала проявились в профиле южной стенки. При этом в данном случае было зафиксировано три таких прослойки. Они разделялись слабо-гумусированной породой толщиной от 5 до 12 см. Интересно, что эти прослойки залегали наклонно в западном направлении, то есть, в сторону, противоположную современному склону. Перепад глубин прослоек достигал 40 см на 3 м, то есть был довольно значительным. Кремень в профиле южной стенки был зафиксирован в связи с верхней и нижней прослойкой гумусированного суглинка.

Погребенная почва подстилалась слоистыми песками (сл. 7), частично пройденными в шурфе № 4, заложенном в 2001 г.

Культурный слой 3, как уже было отмечено, связан с гумусированным суглинком, имевшим окраску от серовато-коричневого до чёрного цвета. В толще суглинка, в линзах гумусированного материала, залегали расколотые кремни, а также кремнёвые гальки и желваки. В плане, после горизонтальных зачисток, гумусированный суглинок выглядел в виде неравномерно окрашенных пятен, как правило, подтреугольной или сегментовидной формы (рис. 19 и рис. 20). Это было связано с тем, что трещины разбивали погребённую брянскую почву на полигоны, которые в дальнейшем смещались и становились наклонными. Соответственно, во время горизонтальных зачисток оказывалась вскрытой только верхняя часть такого полигона. Границы полигонов, как правило, выявлялись после разборки верхней половины толщи погребённой почвы. Их размеры в поперечнике обычно составляли от 15 до 30 см, однако в северной половине раскопа на кв. Г/Ж-2/3 были зафиксированы крупные полигоны размерами 0,5 до 0,7 м.

Гумусированный слой погребённой почвы залегал с небольшим наклоном в северо-восточном направлении. Наиболее высокая позиция была

зафиксирована на площади кв. З-7, где гумус фиксировался на отметке -7,5 м[4]. Понижение было достаточно плавным и в северо-восточном секторе раскопа 1 на площади кв. А/Г-1/4 гумусированный слой был зафиксирован на уровне -7,69 м. Однако расколотый кремень залегал несколько глубже этих уровней. Так, в юго-западном секторе раскопа он стал фиксироваться на уровне -7,61 м, а в северо-западном секторе - начиная с уровня -7,7 м. В северо-восточном секторе раскопа кремень залегал еще глубже, начиная с уровня -7,77 м.

Основная масса находок залегала на более глубоких уровнях, от -7,72 м в юго-западном секторе раскопа до -7,99 м в его северо-восточном секторе. При этом не совпадал характер распределения находок по вскрытой площади. На первом уровне фиксации культурного слоя, проведённом на площади 39 м^2 и связанном с верхом погребенной почвы, большинство расколотого кремня залегало в западной половине раскопа 1, не образуя сколько-нибудь чётко выраженных скоплений (рис. 19). На втором уровне фиксации культурного слоя общей площадью в 30 м^2, связанного со срединной частью почвенной толщи, основная часть кремнёвых предметов распределялась в северной и северо-восточной частях раскопанной площади, при этом образуя на кв. Д-2 отчётливо выраженное скопление, занимавшее на уровне -7,80/-7,92 практически всю площадь квадрата (рис. 20). Если средняя плотность залегания находок по раскопу составляла около 10 экземпляров на кв. м, то на кв. Д-2 этот показатель превысил значение в 50 экземпляров. Нужно отметить, что кремни на этом участке продолжали встречаться на глубинах от -8,01 до -8,225 м. Они образовывали небольшое скопление размерами 30х30 см в северо-западном секторе квадрата. Очевидно, на кв. Д-2 могла располагаться ямка с заполнением, содержавшим расколотый кремень. Но зафиксировать границы этого углубленного объекта не удалось. Эти находки не могли попасть на такую глубину по трещинам, которые на этом квадрате располагались иначе.

[4] В данном случае нивелировочные отметки измерялись с учётом превышения высот постоянного репера.

По всей видимости, ещё две ямки могли находиться в северо-восточных частях квадратов В-2 и Е-5. В обоих случаях были зафиксированы небольшие скопления кремнёвых предметов, залегавших ниже общего уровня распространения находок. В первом случае три предмета залегали на глубине -8,29 м, во втором - компактное скопление из девяти расколотых кремней залегало на глубинах от -7,83 до -7,96 м. Размеры последнего скопления составили 23х18 см.

Проникновение артефактов по трещинам глубже основного уровня залегания расколотого кремня было зафиксировано на других участках раскопа. Как правило, их уровень залегания не превышал отметки -8,0 м. Однако на площади кв. Г-4, в его северо-восточном углу были найдены три предмета в заполнении трещины на уровне -8,80 м.

После зачистки поверхности песчаных отложений, подстилавших погребенную брянскую почву, на площади квадратов Г/Е-6 были обнаружены пять небольших ямок (рис. 20). Три из них, ямки №№ 1, 2 и 4, были вскрыты полностью, а две - №№ 3 и 5, частично, так как они располагались на южной границе вскрытой раскопом 1 площади. Ямки в том же порядке, в котором они были перечислены, образовывали две линии, ориентированные по направлению запад-восток. О каком-либо планировочном единстве этих углубленных объектов судить пока преждевременно, поскольку они вскрыты на незначительной площади, к тому же у края раскопа. Ямка № 1, кв. Г-6 (рис. 21, 1), имела неправильную в плане восьмеркообразную форму, возникшую в результате деформаций, вызванных образованием мерзлотных трещин, одна из которых рассекла ямку на две части. Стенки ямки были неровными, деформированными, с подбоями. Южная стенка отличалась заметным наклоном к днищу. Дно ямки было также деформировано трещиной и приобрело волнообразную поверхность. Размеры ямки по верху в плане составили 28 х 22,5 см, глубина – 25-27 см. Ямка была заполнена однородным темно-бурым гумусированным суглинком. В её заполнении были обнаружены два предмета из расколотого кремня, прислоненные к восточной стенке и

залегавшие на глубине 14 и 21 см от зафиксированного верха ямки. Заполнение было выбрано полностью, однако кремневые предметы оставлены на месте. Ямка № 2, кв. Д-6 (у восточной границы, рис. 21, 2), имела неправильно-округлую в плане форму. Стенки ямки были наклонными, в верхней части более пологими, с перегибом на уровне около 3 см от зафиксированного верха. Дно имело чашеобразную форму. Размеры ямки в поперечнике по верху составили 31 х 27,5 см, глубина – 11,5 см. Ямка была заполнена однородным темно-бурым гумусированным суглинком, на дне был зафиксирован камень, очевидно кремневая галька. Заполнение было выбрано только в южной половине ямки, камень оставлен на месте. Ямка № 3, кв. Д-6 (южная граница, рис. 18 и рис. 20) на вскрытом участке имела подовальную форму с неровными границами, вытянутую по линии запад-восток. Стенки ямки были наклонными, причем северная стенка отличалась пологостью. Дно ямки по краям имело блюдцеобразную форму, а в центральной части располагалось чашеобразное углубление, достигавшее 4 см. Видимые размеры ямки составили 40х15 см, глубина от зафиксированной поверхности краев до дна без учета центрального углубления – около 10 см. Общая глубина ямки составила 14 см. Ямка была заполнена серо-бурым слабогумусированным суглинком, который в свою очередь перекрывался линзами темно-серого гумусированного суглинка и прослойкой белесого суглинка. Заполнение ямки в ее северной половине было выбрано частично, с сохранением стратиграфической бровки по линии север-юг. Ямка № 4, кв. Д-6 (центральная часть) имела в плане грушевидную форму (рис. 21, 3). Стенки ямки были наклонными, дно – блюдцеобразным. Размеры ямки по верху составили 31х25 см, глубина – 5 см. Заполнение ямки состояло из однородного светло-бурого суглинка. Ямка № 5, кв. Е-6 (южная граница) на вскрытом участке имела подовальную форму, вытянутую по линии запад-восток (рис. 18 и рис. 20). Северная и восточная стенки ямки были наклонными, пологими. Западная стенка отличалась слабой наклонностью и была почти вертикальной. Дно ямки имело блюдцеобразную форму. Видимые размеры ямки по верху составили

36х11,5 см, глубина – 8 см. Ямка была заполнена серо-бурым слабогумусированным суглинком, перекрытым линзой темно-серого гумусированного суглинка и прослойкой белесого суглинка. Весь комплекс углубленных объектов в настоящее время законсервирован для их дальнейшего изучения в будущем.

К западу от ямки № 4 и к северу от ямки № 5, на площади квадратов Д/Е-6, были расчищены также четыре небольших западины неправильной формы, заполненные гумусированным темно-бурым суглинком. Их размеры в поперечнике не превышали 5-15 см, а глубина составила 3-4 см. Очевидно, в данном случае мы столкнулись с сильно окрашенными пятнами гумуса. Столь же интенсивно, и даже в большей степени, окрашенные пятна гумуса были зафиксированы на площади квадрата Д-6, к северу от ямки № 4, и на площади квадрата В-2, в его южной половине. Предположительно, столь интенсивная окраска гумуса, доходящая до черного цвета, связана с присутствием в породе мельчайших частиц угля, хотя на всей вскрытой площади не было зафиксировано углисто-золистых скоплений. Тем не менее, следы огня были отмечены в виде присутствия среди кремневых предметов обожженных экземпляров. Кроме того, в ходе раскопок на кв. Ж-6 был найден мелкий фрагмент неопределимой кости, обожженный до белого кальцинированного состояния.

Как уже было сказано выше, связь кремнёвых предметов с гумусированными линзами была установлена ещё при раскопках в шурфе № 4 (рис. 22). Однако, поскольку брянская почва была деформирована трещинами криогенного происхождения, непрерывную поверхность обитания выявить в ходе раскопок 2001 и 2004 гг. не удалось. Подчеркнём ещё раз, что деформации почвы имели вертикальный характер (рис. 23). На части разрезов удалось зафиксировать протяжённые участки поверхностей, интенсивно окрашенной гумусом, однако даже на соседних квадратах микро-стратиграфические характеристики почвенной толщи могли разительно отличаться друг от друга. Эти факторы значительно затрудняют

пространственный анализ культурного слоя.

Планиграфия находок, с учётом их разделения на два уровня снятия культурного слоя, не выявила качественной разницы между этими условными горизонтами по категориальному составу предметов. Но, за исключением пластин и отщепов (рис. 24 и рис. 25), распределение в плане остальных категорий между горизонтами довольно характерно (рис. 26-29). На первом уровне снятия предметы в основном распределяются в северо-западной, западной и юго-западной частях раскопа, редкие находки были зафиксированы в центральных квадратах. На втором уровне основная масса находок перемещается в центр, на север и северо-восток, хотя и в остальных секторах раскопа отдельные находки также были зафиксированы. Всё это согласуется с теми наблюдениями об общем количественном распределении кремнёвых предметов, которые были сделаны ещё в полевых условиях. Что касается пластин и отщепов, то они были достаточно хорошо представлены в северной и северо-восточной части раскопа уже на первом уровне снятия слоя. Отчасти это наблюдение справедливо также и для кремнёвых галек, которые могли использоваться в качестве ретушёров. В распределении орудий каких-либо особенностей прослежено не было, кроме того, что оба скребла из коллекции были зафиксированы в южной половине раскопа: в юго-западном секторе на первом уровне снятия и в юго-восточном – на втором (рис. 28 и рис. 29).

Планиграфическая разница между уровнями снятия культурного слоя в значительной степени объясняется характером простирания брянской почвы на данном участке, о чём уже было сказано выше, и соответствующим залеганием кремнёвых предметов, что хорошо демонстрируется микро-профилями (рис. 30). Понижение слоя в сторону долины Десны и Кладбищенской балки стало причиной того, что первоначально фиксировались кремни в западной половине раскопа. Однако особенности микрорельефа не объясняют увеличение мощности культурного слоя, которое фиксируется на кв. Д-Г/2-4. Возможно, что частично это связано с

существованием деформаций почвы и общий характер простирания находок подтверждает данный вывод. Однако для участка кв. Д-Г/2-4 допустимо также и иное толкование, связанное с возможностью наличия в скоплении кремня на этих квадратах нескольких горизонтов залегания материала. В пользу такого допущения говорит и результат наложения микро-профиля глубин залегания находок на разрез брянской почвы по 4-ой линии квадратов, который показал согласное распределение кремня и интенсивно окрашенных гумусированных поверхностей на участке кв. Б-Г/4 (рис. 31).

Коллекция находок насчитывает более 367 экземпляров, из которых 33 предмета – это окатанные фрагменты мелких размеров различных пород камня, среди которых встречен кварцит, сланец, гранит и окремнелый песчаник. Остальные 334 предметов относятся к кремневым артефактам. Их состав приведен в таблице 2. Сырьём служил местный плиточный кремень темно-серого цвета, однако использовался также валунный кремень коричневого и чёрного цветов. Почти четверть расколотого кремня представлена обломками и осколками, полученными в результате первичной обработки сырья. Выраженных нуклеусов, характерных для более поздних памятников верхнего палеолита на этой территории, нет, хотя встречены нуклевидные преформы. В одном случае это был фрагмент плитки кремня с односторонней обработкой ребра крупной ретушью. Во втором случае обломок кремня имел подготовленную негативами сколов ударную площадку, латерали и ребристый край (рис. 32). Кроме того, имеется экземпляр, который может быть атрибутирован как нуклевидный скребок «с рыльцем» – возможно, нуклеус для снятия микропластинчатых сколов в начальной стадии утилизации (рис. 33). Характерно также присутствие в каменном инвентаре третьего культурного слоя ребристых пластин, в том числе и весьма крупных (рис. 34, 4, 5; рис. 35, 2; рис. 36, 2).

Доля отщепов и пластин составляет 20,9 и 8,75 % от общего количества инвентаря соответственно. Чуть более 4 % приходится на неопределимые фрагменты сколов. Для отщепов (рис. 34, 1, 2, 7) характерны широкие плоские

ударные площадки, пластины отличаются присутствием предметов с фасетированными и ретушированными ударными площадками, и изогнутым профилем (рис. 34, 5). В коллекции значительна серия кремнёвых галек (14,7 %), большинство которых расколото (рис. 34, 3). Кремнёвые гальки использовались в качестве наковаленки, отбойников и ретушёров, что, очевидно, и обусловило присутствие в составе коллекции значительного количества расколотых предметов. Набор каменных орудий характерен для ориньякоидных комплексов, о чем свидетельствуют нуклевидные скребки (рис. 33; рис. 35, 2) и нуклевидный резец (рис. 35, 8), скребла (рис. 35, 1) и широкие массивные пластины с крупной ретушью (рис. 35, 4, 5, 6). Однако в коллекции имеются два предмета, которые аналогичны изделиям, встречающимися в индустриях граветтского технокомплекса. Это пластина, у которой регулярной подтеской обработана поверхность слома (рис. 35, 3) – черта, характерная для вторичной обработки ножей костёнковского типа, хотя данный предмет не относится к названной категории и может быть атрибутирован как пластина с подтёской конца. Не исключено, учитывая макроследы износа на одном из его краёв, что это орудие могло использоваться и в качестве ножа. Кроме того, в коллекции имеется один экземпляр ножа с обушком, оформленным притупливающей встречной ретушью (рис. 36, 1), то есть тем способом вторичной обработки, который характерен для граветтского технокомплекса. Плоским вентральным сколом у этого предмета подновлён режущий край в проксимальной части. Имеется в коллекции и краевой скол. Возможно, что последний экземпляр как раз связан с утилизацией ножей данной категории.

Почти половина каменных орудий изготовлена на отщепах (см. таблицу 3). Однако доля орудий на пластинах также велика и, что характерно, их представленность заметно увеличивается среди предметов с вторичной обработкой. Следует указать также на наличие в инвентаре ребристых пластин (13 экз., табл. 2), что свидетельствует о целенаправленном характере производства пластинчатых заготовок.

Особенности кремнёвого инвентаря позволяют сделать вывод о том, что индустрия третьего слоя Хотылево 6 типологически может быть отнесена к ранней поре верхнего палеолита. Такое определение вполне согласуется и со стратиграфическим положением культурного слоя 3. Ориньякоидный характер кремнёвой индустрии нижнего слоя Хотылёво 6 также хорошо вписывается в общий для заключительного этапа ранней поры верхнего палеолита Русской равнины культурно-исторический контекст, который характеризуется сосуществованием памятников с индустриями ориньякского и позднеселетского облика (Аникович и др., 2007). Однако инвентарь нижнего слоя Хотылёво 6 пока не содержит специфические типы орудий, которые позволили бы более детально определить культурную специфику этого комплекса. Наличие подтёски на фрагменте скола, очевидно, пластинчатого, оформление обушка на ноже при помощи встречной притупливающей ретуши, а также присутствие в кремнёвом инвентаре краевого скола дают основания для предположения о том, что расширение площади раскопок может существенным образом уточнить наши представления о культурной принадлежности этой стоянки. Не исключено, что отсутствие в инвентаре третьего культурного слоя пластин с притупленным краем отражает лишь фациальные особенности, связанные с функциональной спецификой данного участка.

Пункт Д стоянки Хотылёво 2, нижний культурный слой.

Пункт Д был обнаружен в 2010 г. Он располагается на пологом приводораздельном коренном склоне правого берега р. Десна на расстоянии около 300 м выше по склону от края высокого правого берега р. Десна. В современном рельефе на этом месте читается слабое всхолмление мысовидных очертаний высотой не более 1 м, ориентированное в сторону городища «Кудеярка» (рис. 37). На площади заложенного здесь раскопа 1 были зафиксированы три уровня залегания артефактов.

Верхний культурный слой (к. сл. 1) может рассматриваться как слой in

situ. Он залегает в основании мощной толщи лёссовидных супесей и суглинков, сформировавшихся в поздневалдайское время. Особенности кремнёвого инвентаря данного слоя, содержащего характерные предметы с притупленным краем (рис. 38), позволяют отнести его к восточно-европейскому граветту.

После завершения раскопок данного культурного слоя были пройдены нижележащие литологические слои (рис. 39), в том числе – погребённая брянская почва (к. сл. 2), горизонт Bt мезинского почвенного комплекса[5] (к. сл. 3), а также отложения, относящиеся к среднему плейстоцену. В погребённой брянской почве и в непосредственно подстилающем его горизонте Bt мезинского почвенного комплекса были зафиксированы артефакты.

Средний культурный слой (к. сл. 2) представляет собой находящиеся во взвешенном состоянии предметы из расщеплённого кремня, включённые в гумусированные линзы брянской погребённой почвы (рис. 40, I). Разброс по вертикали между находками достигал 40 см, что соответствует масштабу нарушений почвы, вызванных мерзлотными трещинами. На площади 4 кв. м было обнаружено 28 экз. кремнёвых предметов, преимущественно отщепов. Артефакты – без следов окатанности. Те каменные предметы, которые имели такие следы, не несли признаков искусственной обработки. Кроме того, были обнаружены чешуйки. Всё это свидетельствует об отсутствии перемещений находок по склону. Среди находок присутствует один фрагмент микропластинки с притупленным краем (рис. 40, II). Данное изделие не связано с мерзлотной трещиной и не могло попасть из вышележащего культурного слоя. Несмотря на единичность находки, этот факт является весьма симптоматичным и позволяет говорить о возможной принадлежности второго культурного слоя к граветтскому технокомплексу. По гумусу погребённой почвы в радиоуглеродной лаборатории ГИН была получена дата

[5] По определению Е.В. Воскресенской.

29090±350 (ГИН-15036, определение Н.Е. Зарецкой, см. табл. 1).

Нижний культурный слой (к. сл. 3, рис. 41, I) представляет собой горизонт залегания кремнёвых предметов, которые были зафиксированы в основании линз суглинка черного цвета и в верхней части слоистых песков с прослоями ортзандов. Черный цвет гумусированного суглинка был обусловлен присутствием в его линзах большого количества древесного угля. Судя по характеру распространения слоя, в раскопе 1 был вскрыт слой пожарища природного характера. Между тем сами кремнёвые предметы не обожжены. Культурный слой, как и включающие его отложения переотложены солифлюкционными процессами, часть артефактов имеют хорошо выраженные следы окатанности. Всего было найдено 17 экземпляров, среди них - два фрагмента пластин верхнепалеолитического облика, один из которых имеет край, покрытый мелкой, краевой, вентральной ретущью (рис. 41, II, 1).

Городище «Кудеярка».

Городище юхновской культуры «Кудеярка» (рис. 42) расположено в 150 м к северо-западу от западной окраины с. Хотылёво, на мысу правого коренного берега Десны. Высота городища от подошвы составляет 17-18 м, площадка – подпрямоугольной формы, 58х30-34 м. С напольной стороны читаются вал высотой до 1,5 м и шириной 14 м, а также ров шириной 8 м и глубиной до 1 м.

Городище было открыто А.К. Амброзом в 1955 г. Позднее памятник исследовался Ф.М. Заверняевым, который в 1958 г. проводил здесь небольшие раскопки (Шмидт, Заверняев, 1959). В 1974 г. А.С. Смирнов повторно обследовал городище.[6] В 2006 г. разведочными работами на городище были обнаружены два верхнепалеолитических культурных слоя. Находки фиксировались на гл. 4.75 - 5.1 м во взвешенном состоянии. Расщепленный кремень (рис. 43) представлен серией из 64 предметов. Первый культурный

[6] Смирнов А.С. Отчёт о разведках Деснинского левобережного отряда в 1974 г.//Архив ИА РАН. Д. № 5291.

слой, относящийся к верхнепалеолитической эпохе, залегает в стратиграфических условиях, аналогичных условиям залегания культурного слоя стоянки Хотылёво 2, относящегося к восточно-европейскому граветту – в основании толщи покровных лёссовидных отложений, над слоем погребённой почвы брянского времени[7]. Нижний культурный слой верхнепалеолитического облика залегает в толще брянской почвы.

Общий состав кремнёвого инвентаря приведён в таблице 4. О культурной принадлежности данного комплекса судить пока довольно затруднительно.

[7] Определение Е.В. Воскресенской.

Глава 4.
Восточноевропейский граветт центральных районов Русской равнины.

Типологическая характеристика восточноевропейскго граветта на территории Центра Русской равнины, а также описание его внутренней структуры — это вопросы, которые были и, вероятно, ещё долго будут оставаться предметом дискуссии. Причина здесь лежит в самой природе этих определений, поскольку они носят интерпретационный характер. Отношение к граветту Восточной и Центральной Европы, как и к другим культурно-историческим явлениям палеолита, зависит от общих представлений исследователя о характере развития культуры, взаимодействия человека и окружающей среды, объема и характера накопленных носителями той или иной культуры самых разнообразных знаний и представлений. Наконец, оно не в последнюю очередь определяется тем, можно ли в принципе рассматривать это и подобные им явления как нечто органическое, отражающее определенные закономерности в истории первобытного общества, или в данном случае мы имеем дело только с классификационными терминами, используемыми для удобства систематизации объектов исследования.

Повторяемость, устойчивость во времени и пространстве морфологии, технических и технологических характеристик ведущих категорий материальной культуры дают все основания считать, что под понятием «восточный граветт» и «восточноевропейский граветт» скрываются вполне реальные исторические феномены. Использование этих понятий не означает еще раскрытия природы той исторической действительности, которую они обозначают. С их помощью «всего лишь» происходит отнесение памятника к тому или иному культурно-историческому явлению, и в этом смысле восточный и восточноевропейский граветт действительно используется как

классификационные термины. Они позволяют очертить территориальные и временные рамки специфического культурного образования и приступить к исследованию его внутренней структуры, факторов, определявших его границы, развитие и, в конечном итоге, реконструировать связанные с ним, пусть в самом общем виде, но исторические явления и процессы.

В данном исследовании под восточным граветтом подразумеваются археологические памятники с каменными индустриями, относящиеся к граветтскому технокомплексу и распространённые на территории Восточной и Центральной Европы. Соответственно, восточноевропейский граветт – это восточный граветт Русской (Восточно-Европейской) равнины. К восточному граветту Русской равнины на основании уже имеющегося опыта изучения памятников, относимых к этому явлению (Grigor'ev, 1993; Гиря, 1997; Григорьев, 1998; Гвоздовер, 1998; Амирханов, 2000; Лисицын, 2014; Еськова, 2015), можно причислить стоянки и поселения, каменная индустрия которых характеризуется следующими признаками: 1) использование крупной пластинчатой заготовки, полученной в результате стадиального расщепления при помощи мягкого минерального, а также органического отбойника; 2) использование притупливающей ретуши для оформления острий, пластин, пластинок и микропластинок с притупленным краем; 3) применение целого ряда приемов вторичной обработки (чешуйчатая подтеска, ретуширование, диагональные плоские вентральные резцовые сколы) для оформления ударных площадок, с которых снимались краевые сколы для подживления режущего края; 4) применение крупной плоской вентральной ретуши для выравнивания профиля изогнутых пластин; 5) использование притупливающей, полукрутой и приостряющей ретуши для оформления острий на крупных пластинах; 6) сочетание таких типов орудий, как граветтские острия, наконечники с боковой выемкой, ножи костенковского типа и, шире, пластины с подтеской концов, листовидные острия.

Перечисленные признаки каменного инвентаря позволяют отнести к восточному граветту на территории Поднепровья и Подесенья следующие

памятники: Бердыж, Авдеево, Хотылёво 2, Октябрьское II (к.сл. 1), Пушкари I, Клюсы, Погон (рис. 44). К сожалению, степень изученности их материальной культуры весьма неравномерна. Стоянкам Бердыж, Авдеево, Хотылёво 2, Пушкари I и Клюсы посвящены довольно подробные публикации, тогда как Октябрьское II (к. сл. 1) остаются практически неопубликованным. Представление о памятнике Октябрьское II (к. сл. 1) в настоящее время можно получить из отчетов о его раскопках, хранящихся в архиве Института археологии РАН, а также из небольшой статьи С.Н. Алексеева и А.В. Кашкина и монографии А.А. Чубура (Алексеев, Кашкин, 1998; Чубур, 2001).

4.1. Культуроопределяющие типы кремнёвых орудий и варианты каменных индустрий восточного граветта на территории Центра Русской равнины

Анализ как коллекционных, так и опубликованных материалов, характеризующих восточноевропейский граветт, показывает, что к категориям, которые позволяют в наибольшей степени охарактеризовать как общие, так и особенные черты каменных индустрий граветтских памятников, относятся пластины и микропластины с притупленным краем, острия с притупленным краем, листовидные острия, ножи костенковского типа и пластины с подтеской концов. Их сопоставление помогает определить таксономический характер их культурной специфики.

Пластины, пластинки и микропластинки с притупленным краем

Хотылёво 2 (рис. 45, **1–41).** Эта категория самая многочисленная после резцов среди предметов с вторичной обработкой в инвентаре Хотылевской стоянки[8] (823 экз., 14, 9 %).

Значительная часть пластин и пластинок с притупленным краем (ППК, 86 экз.) оформлена при помощи встречной ретуши (рис. 45, 4, 8, 12, 39). Половина ППК представлена экземплярами со сломанными концами. Судя по

[8] Здесь и далее кроме отдельных, оговоренных специально случаев используются данные, полученные при анализе коллекций из раскопок пунктов А и Б (Гаврилов, 2008).

целым изделиям, наиболее распространено было оформление концов при помощи притупливающей или полукрутой ретуши перпендикулярно к длинной оси предмета, то есть преобладающей формой являются прямоугольники. Характерно также использование плоской вентральной ретуши, которая наносилась как с концов, так и с краев пластины (рис. 45, 1, 3, 7). В последнем случае предпочтение отдавалось необработанному краю. В коллекции Ф.М. Заверняева имеется один предмет с двумя притупленными краями, причем левый край обработан более крупной ретушью, чем правый. Среди пластин с притупленным краем имеются семь «пилок», а также 334 экз. пластин, у которых край притуплен лишь частично. В последнем случае ретушь оформляла длинную выемку. Небольшую серию (16 экз.) образуют широкие ППК, часть которых имеет симметрично обработанные ретушью концы (рис. 45, 5, 6). Одна из таких пластин имеет дополнительную подработку концов, выполненную при помощи плоских вентральных сколов, напоминающих микрорезцовые (рис. 45, 7). Часть пластин оформлялась при помощи чередующейся ретуши, а также вентральной притупливающей ретуши (7 и 10 экз. соответственно).

Численность микропластинок с притупленным краем (МППК) превышает количество ППК. Среди них предметы, оформленные при помощи встречной ретуши, даже более многочисленны, чем среди пластин с притупленным краем (124 экз.). Характерно, что встречная ретушь присутствует как на относительно крупных микропластинках, так и среди очень мелких экземпляров. Микропластинки, чья ширина меньше 6 мм, а толщина — 3 мм, составляют немногим менее четверти всех МППК и образуют, таким образом, довольно значительную серию предметов.

Оформление концов микропластинок в большинстве случаев не отличается от того, которое имеется у ППК, основное отличие состоит в величине ретуши. Преобладают прямоугольники (рис. 45, 10–12). Кроме того, 13 экз. имеют концы, оформленные в виде острий при помощи плоской вентральной ретуши (рис. 45, 13–15, 19), а также при помощи

притупливающей ретуши, заходящей на противоположный притупленному край (рис. 45, 18). Какая-то часть МППК, видимо, является сломанными микроостриями с притупленным краем, о чем свидетельствуют их сходящиеся края. Частично притуплен край у 30 предметов (рис. 45, 20, 35, 36), к «пилкам» могут быть отнесены 10 экз. (рис. 45, 19, 26). Имеется один экземпляр «сегмента» миниатюрных размеров (рис. 45, 38). Кроме того, в инвентаре Хотылево 2 есть также один экземпляр так называемой «стрелки», изготовленной на микропластине, у которой притупливающей ретушью симметрично оформлены концы в виде острий (рис. 45, 41).

Авдеево (рис. 45, **42–62).** Пластинки с притупленным краем после резцов и ножей костёнковского типа составляют самую многочисленную серию орудий в инвентаре стоянки. По типу заготовки они делятся на две группы — изготовленные на относительно тонких микропластинках (толщина 0,2– 0,3 см) и на относительно массивных (толщина 0,4–0,5 см). Длина предметов от 5 до 1,3 см, ширина от 0,3 до 0,5 см. Преобладают относительно крупные экземпляры (Гвоздовер, 1998, с. 268). Для получения притупленного края использовалась по преимуществу односторонняя притупливающая ретушь, от мелкой до крупной. Характерной особенностью этой ретуши является то, что она оформляла слабо-волнистый притупленный край (рис. 45, 47–51, 54, 60). Редко, но все же использовалась встречная ретушь, усекающая пластину до ее максимальной толщины (Гвоздовер, 1998). Почти в половине случаев концы пластин не обрабатывались. Форма обработанных концов, как правило, перпендикулярна длинной оси предмета и оформлена притупливающей ретушью. В единичных случаях применялась также вентральная ретушь и очень часто — подтеска (рис. 45, 42, 48, 50, 51, 56, 57, 60). Последний элемент придает своеобразие МППК и ППК Авдеево. Так называемые «пилки» содержатся в инвентаре Авдеевской стоянки, однако эти предметы не имеют притупленного края (рис. 45, 45, 46). Среди изделий с вторичной обработкой зафиксирована также «стрелка». В отличие от хотылёвского экземпляра этот предмет изготовлен на микропластинке при

помощи плоской вентральной ретуши, нанесенной на концы с необработанных краев (рис. 45, 52).

Раскопки так называемого «межобъектного пространства» привели к находкам многочисленных пластинок с притупленным краем (рис. 45, 86-90), отличных от тех, которые являются типичными для комплексов Старого и Нового Авдеево (Булочникова, 2012). Отличия состоят в нескольких признаках: 1) притупленный край, как правило, прямой; 2) широко используется встречная притупливающая ретушь; 3) основания некоторых пластинок подработаны плоской вентральной ретушью, нанесённой с края или краёв заготовки (рис. 45, 86, 90). По этим признакам пластинки с притупленным краем из «межобъектного пространства» сближаются с хотылёвскими изделиями. Сходство усиливается присутствием среди предметов этой категории пластины с притупленным краем широких пропорций (рис. 45, 87).

Пушкари I (рис. 45, **63–65, 71).** Общее количество пластин с притупленным краем превышает 200 экз. П.И. Борисковский отмечал, что концы этих изделий не отретушированы, однако это не так. Наиболее характерной формой ППК пушкарёвского инвентаря являются широкие пластины с притупленным краем и симметрично оформленными краями (рис. 45, 63, 65), аналогичные тем, которые имеются в инвентаре Хотылёво 2 (рис. 45, 5, 6). Длина пластин составляет от 3 до 6 см, ширина — от 1 до 1,5 см (Борисковский, 1953, с. 211). Среди пушкарёвских пластин с притупленным краем выделяются широкие экземпляры, у которых один из концов обработан приостряющей ретушью (рис. 45, 71).

Клюсы (рис. 45, **66–70, 72–80).** Пластины/пластинки и микропластинки с притупленным краем этой стоянки насчитывают 42 и 38 экземпляра соответственно. Для категории ППК характерна значительная представленность широких форм (рис. 45, 66–68), совершенно аналогичных пушкарёвским. Концы как ППК, так и МППК обрабатывались притупливающей и приостряющей ретушью перпендикулярно длинной оси

предмета по прямой или слабовыпуклой дуге. Концы оформлялись симметрично. Одна пластина с притупленным краем оформлена при помощи встречной ретуши. У двух экземпляров ППК (рис. 45, 69, 70) и одного МППК (рис. 45, 80) имеется подправка нижних концов при помощи вентральной ретуши. В коллекции присутствует пластина с притупленным краем, у которой от одной трети до половины ширины заготовки срезано встречной контрударной ретушью (рис. 45, 77) — признак, характерный прежде всего для инвентаря Хотылёво 2. По пропорциям и особенностям оформления укороченные ППК и МППК стоянки Клюсы весьма напоминают не только предметы тех же категорий Пушкарей I, но и некоторые предметы из инвентаря стоянки Хотылёво 2.

Октябрьское II, сл. 1 (рис. 45, 81–85). Судя по рисункам предметов этой категории, которые опубликованы и имеются в отчетах о раскопках, ППК и МППК этой стоянки по своим метрическим характеристикам не отличаются от аналогичных предметов других памятников восточного граветта региона. Один из нарисованных предметов изготовлен при помощи встречной притупливающей ретуши (рис. 45, 82), другой имеет обработку конца и прилегающего к нему участка режущего края при помощи плоской вентральной ретуши (рис. 45, 83) — характерные черты для ППК и МППК Хотылёво 2 и, частично, Авдеево.

Острия с притупленным краем

Хотылёво 2 (рис. 46, 1–13). Среди предметов этой категории большинство относится к граветтским остриям (48 экз.). Они изготовлены из крупных, достаточно массивных пластин. Однако сами острия в большинстве своем узкие. Только у четырех из них ширина превышает 1,2 см. Один край этих пластин срезался на значительную величину при помощи крупной притупливающей ретуши, которая или на всем протяжении притупленного края или у самого острия была встречной. Притупленный край оформлялся по прямой или слегка выпуклой дуге, основание — притупливающей или полукрутой ретушью перпендикулярно к длинной оси орудия. У половины

граветтских острий (25 экз.) основание и острие подрабатывалось плоской вентральной ретушью, которая наносилась с краёв (рис. 46, 1–5). В таком случае они напоминают острия типа вашон, но, в отличие от западноевропейских аналогов, имеют более мелкие размеры. В нескольких случаях у острий второй край дополнительно подрабатывался приостряющей ретушью. При изготовлении одного из таких изделий была использована вентральная ретушь (рис. 46, 2). В целом, использование плоской вентральной ретуши для оформления узких острий — отличительная черта предметов этой категории Хотылёво 2. В инвентаре памятника даже имеется один экземпляр острия, у которого нет притупленного края, но само остриё оформлено при помощи плоской вентральной ретуши (рис. 46, 6).

Остальные острия изготовлены при помощи одинарной ретуши. В инвентаре стоянки имеется также один экземпляр двухконечного острия с притупленным краем, изготовленного на узкой пластине (рис. 46, 13). Одиннадцать острий изготовлено на микропластинах и пластинках (рис. 46, 8–11), среди которых имеются формы, напоминающие узкие разновидности острий типа федермессер (рис. 46, 10).

Авдеево. Острия с притупленным краем, которые были найдены при раскопках классических площадок костёнковско-авдеевского типа, представлены двумя экземплярами, оба относятся к группе граветтских острий (рис. 46, 14, 15). В отличие от предметов из Хотылёво 2, у этих предметов нет обработки острийной части вентральной плоской ретушью. Судя по метрическим показателям, заготовками для граветтских острий Авдеево служили широкие пластины, аналогичные пластинам, которые использовались в Хотылёво 2 для изготовления острий типа вашон.

Острия типа вашон также были обнаружены при раскопках Авдеевской стоянки (рис. 46, 34, 35). Эти находки были сделаны на участке так называемого «межобъектного пространства» (Булочникова, 2012). Притупленный край острий обработан встречной ретушью, а острийная и базовая части – вентральной плоской ретушью, нанесённой с краёв пластины.

Пушкари I (рис. 46, 18–24). Острия с притупленным краем (около 170 экз.) этого памятника в большинстве случаев изготовлены на крупных широких пластинах, однако их длина не превышает 7 см (Борисковский, 1953, с. 218). Притупленный край формировался крупной односторонней ретушью, основание также обрабатывалось притупливающей или полукрутой ретушью перпендикулярно длинной оси предмета по прямой или слабовыпуклой дуге (рис. 46, 22–24). Данные острия делятся на симметричные и асимметричные. Среди острий с притупленным краем выделяется группа предметов укороченных пропорций симметричной формы. Один край у них оформлен притупливающей ретушью средних размеров, у острия переходящую в полукрутую и приостряющую (рис. 46, 18–21). Основание у этих предметов ретушировано так же, как и у крупных острий. Как вариант, имеется оформление основания при помощи притупливающей ретуши в виде острия (рис. 46, 21).

Клюсы (рис. 46, **25–33).** В коллекции этого памятника имеется очень выразительная серия острий с притупленным краем (63 экз., 13,3 % от общего количества орудий). Крупная притупливающая ретушь оформляет один край предметов по слабовыпуклой дуге или по прямой. У целых экземпляров основание оформлено притупливающей или полукрутой ретушью по дуге перпендикулярно длинной оси предмета. Три острия комбинированы со скребком (рис. 46, 33). Кроме того, двенадцать предметов этой категории имеют также подправку основания со стороны брюшка, осуществленную при помощи крупной ретуши, которая наносилась под углом к плоскости брюшка (рис. 46, 31). У двух острий верхняя часть притупленного края оформлена при помощи встречной ретуши (рис. 46, 32), однако они не идентичны граветтским остриям Авдеево и Хотылёво 2. Главное отличие состоит в том, что ретушь на остриях в данном случае срезает менее одной трети заготовки, поэтому острия стоянки Клюсы шире острий более ранних восточно-граветтских памятников. В целом острия с притупленным краем имеют значения ширины не более 1,8 см, толщина же варьирует от 5 до 9 мм. Все острия с притупленным краем

могут быть разделены примерно поровну на симметричные и асимметричные. Среди симметричных имеется небольшая серия предметов укороченных пропорций, изготовленных на пластинах, пластинках и микропластинах толщиной до 5 мм (рис. 46, 25–30), которые аналогичны укороченным остриям из коллекции Пушкарей I. Характерно, что среди этой группы, так же как и в Пушкарях I, имеется предмет с основанием, оформленным ретушью в виде острия.

Октябрьское II, сл. 1 (рис. 46, 16, 17). Те рисунки орудий, которые имеются в публикации (Алексеев, Кашкин, 1998, рис. 67), а также в отчетах С.Н. Алексеева (см. список архивных материалов), позволяют, во-первых, констатировать, что предметы данной категории в коллекции этого памятника есть. Во-вторых, возможно, они имеют общее сходство с остриями стоянок Пушкари I и Клюсы. Последнее предположение основывается на том, что среди двух нарисованных острий один предмет относится к разновидности укороченных. По своим пропорциям он аналогичен остриям упомянутых стоянок (рис. 46, 17). Особенностью предмета из Октябрьского II (сл. 1) является оформление основания острия по диагонали, что позволяет рассматривать его в качестве самостоятельного варианта. Второе остриё изготовлено на микропластине, имеет симметричные очертания и его левый край обработан по прямой линии мелкой притупливающей ретушью (рис. 46, 16).

Наконечники с боковой выемкой (НБВ)

Авдеево (рис. 47, 1–21). Категория наконечников с боковой выемкой в инвентаре так называемых Нового и Старого Объектов отличается одновременно стабильным сочетанием приёмов вторичной обработки и вариабельностью метрических характеристик изделий.

Своеобразие каменной индустрии Авдеево, как в целом всех памятников костёнковско-авдеевской археологической культуры, определяется в значительной степени присутствием в инвентаре их комплексов специфических наконечников костёнковского типа. Последние

характеризуются при помощи устойчивого набора определённых признаков: «1 — наличие выемки, начинающейся от основания орудия и занимающей около двух третей его длины <...> выполнена крутой ретушью, нанесенной обычно со спинки; 2 — противолежащий выемке край выпуклый (дугообразный); 3 — переход от выемки к перу резкий; 4 — перо треугольное, симметричное. Край пера иногда приострён ретушью. Угол пера устойчив» (Гвоздовер, 1998, с. 259). К этому необходимо добавить, что так называемые наконечники с боковой выемкой костёнковского типа («типичные») изготавливались на крупных широких пластинах (рис. 47, 1–5, 7–10, 14–16). Чаще всего именно эти экземпляры подвергались переделке. Вообще неоднократная переделка и длительное использование предметов данной категории весьма характерны для Авдеево, что, собственно, и является одной из причин вариабельности наконечников. Для всей категории, в целом, характерно единство приёмов вторичной обработки, различия в применении которой, скорее всего, вызывались особенностями использования в каждом конкретном случае. Какая-то общая закономерность может быть охарактеризована в том смысле, что вторичная подработка применялась для выравнивания неровностей края и уплощения конца и основания наконечников. Среди предметов данной категории имеются два крупных, изготовленных на правильных пластинах экземпляра (длиной более 10 см), у которых ретушью оформлена только боковая выемка. Другие виды вторичной подработки отсутствуют (рис. 47, 3, 4). Эти орудия представляют классический образец исходной, или идеальной, формы наконечников костёнковского типа, столь характерной для индустрии Зарайской стоянки (Амирханов, 2000). Кроме того, в категории выделяется серия предметов, изготовленных на пластинах менее широких и массивных по сравнению с теми, которые обычно употреблялись для изготовления наконечников костёнковского типа (рис. 47, 11–13, 17–21). Их ширина не превышает 20 мм, а толщина — 3 мм. Эти предметы условно могут рассматриваться в качестве «атипичных», хотя все они оформлены при помощи вторичной обработки,

характерной и для «типичных» предметов, в частности при помощи вентральной ретуши. В этом смысле наконечники с боковой выемкой Авдеево отличаются большей гомогенностью по сравнению с НБВ Хотылёво 2 и, как будет показано далее, других стоянок.

Однако на участке т. наз. «межобъектного пространства» были найдены и такие наконечники, которые имеют сходство с некоторыми вариантами хотылёвских изделий этой категории. Для них характерными чертами являются: обработка пера и выемки притупливающей ретушью, а также подработка пера и основания черешковой части плоской вентральной ретушью, нанесённой с краёв пластинчатой заготовки. Один из таких предметов (рис. 47, 43) очень близок хотылёвским наконечникам, второй (рис. 47, 44) отличается от них пропорциями пера и черешка: его перо шире, чем у хотылёвских предметов. Помимо названных наконечников, на площади МОП был обнаружен также НБВ костёнковского типа, с вентральной плоской ретушью нижней части черешка (рис. 47, 45).

Хотылёво 2 (рис. 47, 22-28). Предметы этой категории в коллекции памятника немногочисленны (16 экз.). Тем не менее они могут быть отнесены к различным вариантам и даже типам. Прежде чем перейти к их характеристике, отметим две общие черты, присущие большинству НБВ этого памятника. Во-первых, они довольно узкие. Ширина пера почти у всех наконечников не превышает 1,0–1,1 см, лишь один предмет имеет ширину пера 1,6 см (рис. 47, 23). Во-вторых, длина пера примерно равна длине черешковой части также почти у всех наконечников, за исключением двух экземпляров (рис. 47, 24, 27). Последняя особенность хорошо видна при визуальном осмотре предметов, однако не может быть проиллюстрирована метрическими характеристиками, поскольку в коллекции только два наконечника сохранились целиком. Остальные в той или иной степени фрагментированы.

Наконечники с боковой выемкой Хотылёвской стоянки, как уже отмечалось, представлены несколькими вариантами. К первому относятся

предметы на узких пластинах, у которых притупливающей ретушью оформлены перо и черешок, по длине примерно равные друг другу (7 экз.). У одного изделия основание черешка подработано плоской вентральной ретушью (рис. 47, 26). Именно эта форма ближе всего к наконечникам с ретушированным пером и черешком, которые характерны для инвентаря Гагаринской стоянки.

Второй вариант представлен одним предметом, который, однако, весьма характерен. Он также обработан притупливающей ретушью, более крупной по сравнению с изделиями вышеописанной разновидности. Перо занимает треть длины всего наконечника. Основание черешка оформлено при помощи приостряющей ретуши и слегка скошено по отношению к длинной оси предмета, а перо имеет подработку плоской вентральной ретушью, которая была нанесена с краев пластины (рис. 47, 27). Основание также дополнительно подработано мелкой вентральной плоской ретушью, нанесенной с проксимального конца. Для изготовления этого наконечника с боковой выемкой использовалась заготовка и приемы вторичной обработки, присущие всему комплексу предметов с притупленным краем Хотылево 2, поэтому он не является случайным среди данной категории. Его можно рассматривать в качестве типа, характеризующего специфику хотылевского кремневого инвентаря. Однако некоторая аналогия этому предмету имеется в инвентаре стоянки Молодова V. В слое 7 был также обнаружен наконечник, у которого притупливающей ретушью были обработаны перо и черешок (Otte, 1981, p. 468, fig. 232, *23*). Размеры пластины, а также соотношение пера и черешковой части почти полностью совпадают с хотылёвским экземпляром. Отличия состоят в деталях: у молодовского экземпляра перо не имеет подработки вентральной ретушью, а основание обработано по дуге вентральной ретушью со стороны проксимального конца и неретушированного края. Хотылёвский и молодовский наконечники могут рассматриваться как варианты одного и того же типа.

Среди хотылёвских наконечников выделяется еще одна группа, которая

может рассматриваться в качестве специфической, характеризующей особенности кремневого инвентаря Хотылёво 2. Она состоит из пяти предметов, главной отличительной чертой которых является использование встречной ретуши. Для них характерна также подработка пера у острия при помощи плоской вентральной ретуши, нанесенной со стороны одного или двух краев (рис. 47, 25).

Следующую группу наконечников с боковой выемкой составляют изделия, у которых боковая выемка оформлена крупной притупливающей или полукрутой ретушью, а перо имеет краевую ретушь на крае, противоположном боковой выемке. Таких предметов всего три, у двух перо имеет у острия подработку плоской вентральной ретушью, нанесенной с краёв (рис. 47, 22, 24).

Один из наконечников (рис. 47, 22) по своим пропорциям схож с аналогичным предметом, найденным при раскопках южного комплекса третьего культурного слоя стоянки Костёнки 21 (Гмелинская) (Праслов, Иванова, 1982, с. 205, 206, рис. 70: 16). Он также изготовлен на длинной узкой пластине[9], притупливающая ретушь, которая оформляла боковую выемку, срезала до половины ширины заготовки, а перо и черешковая часть по длине примерно равны друг другу. У гмелинских наконечников также отмечается подправка пера краевой и вентральной ретушью. Исследователи Костенок 21 выделили данную форму в особый гмелинский тип. Хотылёвский экземпляр может рассматриваться в качестве одного из вариантов данного типа.

Среди хотылёвских наконечников есть экземпляр, который представляет форму, широко распространённую как среди памятников восточного граветта, так и в более поздних комплексах (рис. 47, 23). Этот предмет изготовлен на средних размеров пластине (ширина 15,5 мм, длина, по всей видимости, не превышала 60 мм). Притупливающей ретушью, срезающей до трети ширины заготовки, у него оформлена боковая выемка. Соотношение

[9] Длина наконечника превышала 70 мм, ширина составила 14,5 мм.

длин пера и черешковой части близко к пропорции 1:1.

В коллекции имеется также обломок предмета, изготовленного на крупной массивной пластине, который мог быть частью изделия с боковой выемкой, возможно, наконечника (рис. 47, 28).

В хотылёвском инвентаре нет наконечников с боковой выемкой костёнковского типа, изготовленных на крупных пластинах. Однако другие разновидности, которые до этого были выделены по материалам восточно-граветтских памятников, в нём присутствуют.

Пушкари I (рис. 47, 38–40). П.И. Борисковским выделено не менее 20 экземпляров наконечников с боковой выемкой, однако их количество, вероятно, меньше указанной цифры, поскольку в данную категорию были включены предметы с выемками на пластинах подтреугольных очертаний. Однако наконечники с боковой выемкой среди предметов с вторичной обработкой всё же имеются. Их характерная черта — обработка пера и выемки притупливающей ретушью. Но в отличие, например, от хотылёвских предметов, пушкарёвские наконечники не имеют вентральной подработки пера и отличаются в целом укороченными пропорциями. В публикации А.Н. Рогачева и М.В. Аниковича есть рисунок предмета напоминающего, по своим пропорциям и характеру обработки выемки и пера, один из вариантов наконечника с боковой выемкой костёнковского типа. Однако и в данном случае он не имеет вентральной подработки основания черешка и пера, и одновременно его перо весьма укорочено и ретушировано по тому же краю, на котором располагается боковая выемка. Среди наконечников костёнковского типа укороченное перо, как правило, сочетается с двусторонней обработкой. В данном случае перо изначально имело укороченные пропорции, что, видимо, является отличительной чертой стоянки Пушкари I, поскольку этот же признак характеризует и остальные наконечники (рис. 47, 38, 40). Тем не менее, наконечники с боковой выемкой, у которых перо и выемчатая часть черешка оформлены притупливающей ретушью, как было показано, присутствуют в инвентаре Хотылёво 2 и

Авдеево, верхний слой (так наз. МОП).

Клюсы (рис. 47, 42). В каменном инвентаре этого памятника имеются два предмета данной категории. Оба изделия характерны в своем роде. Первый наконечник изготовлен на пластине, имеет укороченные пропорции (рис. 47, 41). Выемка оформлена притупливающей ретушью, очень неглубокая, занимает две трети длины изделия. Основание наконечника ретушировано по диагонали. Противолежащий край не обработан, выпуклый. Перо треугольное, симметричное, без вторичной обработки. Практически такой же экземпляр имеется среди НБВ Авдеево (см. рис. 47, 21). Несмотря на свою «атипичность», этот предмет характерен именно для авдеевских наконечников и его присутствие в инвентаре стоянки Клюсы очень показательно. Второй наконечник изготовлен на пластинке (рис. 47, 42). Его перо и боковая выемка обработаны притупливающей ретушью по одному краю. Длина боковой выемки превышает две трети длины изделия. Соответственно, перо имеет укороченные пропорции и треугольную слегка асимметричную форму. Основание обработано вентральной ретушью по диагонали, ретушь заходит на противоположный боковой выемке край. Необработанный участок этого края прямой, сходящийся к острию по диагонали относительно длинной оси орудия. Такие признаки этого предмета, как обработка пера и выемки притупливающей ретушью по одному краю, соотношение пера и черешковой части, пропорции пера, а также прямая линия необработанного режущего края сближают его с пушкарёвскими НБВ. К особенностям данного наконечника следует отнести использование в качестве заготовки пластинки, а также применение вентральной ретуши для оформления основания черешковой части.

Октябрьское II, сл. 1 (рис. 47, 29–37). Наконечники с боковой выемкой этого памятника представлены целой серией предметов, не отличающейся, однако, единством морфологических и метрических признаков. Среди них имеются предметы, изготовленные на пластинках (рис. 47, 30, 32, 33, 36), узких пластинах (рис. 47, 35) и микропластинах (рис. 47, 29, 31). Один

фрагмент, черешковая часть, может быть отнесен к НБВ на широкой пластине (рис. 47, 34). Для оформления наконечников использовалась притупливающая ретушь, как правило, оформляющая глубокие выемки. Ретуширование края пера, сопряженного с боковой выемкой, также зафиксировано (рис. 47, 33), однако насколько количественно представлены эти изделия, пока неизвестно. Большинство рисунков изображают наконечники без ретуши пера. Судя по тем же рисункам, перо занимало от одной трети до половины длины всего изделия. Собственно перо удлиненных пропорций. Характер заготовки, метрические пропорции наконечников сближают их с аналогичной категорией Гагаринской стоянки. Отличие заключается в том, что в Гагарино имеются наконечники с вентральной обработкой пера, что сближает их с хотылевскими орудиями, а также то, что гагаринские предметы практически все имеют притупливающую ретушь по краю пера, сопрягающегося с боковой выемкой.

Листовидные острия с вентральной обработкой концов.

Авдеево (рис. 48, 1-10, 13). Орудия этой категории относятся к культуроопределяющим формам для памятников т.н. костенковско-авдеевской археологической культуры и восточного граветта в целом (Григорьев, 1968; Grigor’ev, 1993). Среди них выделяются два типа: костенковский и павловский.

Первый описывает двуконечные острия, изготовленные на широких пластинах с подпараллельными краями (рис. 48, 1–4, 7–10). Крупная вентральная плоская ретушь оформляет у них один или два конца. Листовидные острия данного типа в Авдеево не столь многочисленны, как наконечники с боковой выемкой и ножи костенковского типа, но столь же, если не более, вариабельны. Как и в случае с наконечниками, а также ножами костенковского типа, вариабельность форм листовидных острий связана с процессом переделки и длительного использования. Переоформление заключалось в более интенсивной вентральной ретушировке, которая затрагивала не только концы, но и края. Кроме того, края дополнительно обрабатывались дорсальной полукрутой и приостряющей крупнойретушью

(рис. 48, 4). В результате острия приобретали укороченные пропорции и двояковыпуклые очертания краев. В каменном инвентаре Авдеевской стоянки имеется также острие с интенсивной обработкой краев при помощи дорсальной ретуши, почти полностью покрывающей поверхность спинки (рис. 48, 13). Сочетание с вентральной обработкой концов и правого края, а также слабо выделенная черешковая часть делают это изделие сопоставимым с листовидными остриями-наконечниками стоянки Костенки 8 (Тельманская), к. сл. 1.

Второй тип, павловский, представлен в Авдеево единичными экземплярами (рис. 48, 5, 6). Они характеризуются использованием в качестве заготовки максимально широких пластин, отличающихся также повышенной массивностью. Это острия с одним концом и основанием прямой или выпуклой формы. В качестве основания использовался массивный проксимальный конец пластины. Крупная вентральная ретушь применялась для обработки как острых концов, так и оснований. Края также обрабатывались крупной полукрутой и приостряющей ретушью, форма краев выпуклая.

Хотылево 2 (рис. 48, 12, 14, 15). До последнего времени в каменном инвентаре этого памятника не выделялись предметы данной категории. Однако при раскопках нового пункта В было обнаружено одно изделие, которое может быть отнесено к листовидным остриям костенковского типа (рис. 48, 12), пока еще специфического для материальной культуры Хотылево 2. Речь идет о фрагменте листовидного острия, изготовленного на массивной пластине. Проксимальный конец пластины обработан вентральной плоской крупной ретушью. Особенностью данного орудия является то, что в качестве заготовки взята пластина более массивная по сравнению с теми, которые использовались при изготовлении аналогичных изделий в Костенках I, Авдеево или Зарайске. Тем не менее она по своим метрическим и морфологическим характеристикам относится к типичным крупным хотылевским пластинам.

Анализ полученной при раскопках на площади участка А (раскопы № 13–14) коллекции предметов с вторичной обработкой позволил выделить семь фрагментов острий, судя по размерам которых, по крайней мере часть из них была изготовлена на широких пластинах. Среди этих фрагментов во всяком случае один экземпляр может быть отнесен к острию с вентральной ретушью конца (рис. 48, 14). Его атрибуция допускает два варианта оценок. Возможно, этот фрагмент является обломком пера наконечника с боковой выемкой. Выше отмечалось, что в коллекции Хотылево 2 имеется обломок черешковой части изделия, изготовленного на широкой массивной пластине. Однако возможно, что в данном случае мы имеем дело с обломком листовидного острия. Находка подобного изделия на участке пункта В допускает такое заключение. Кроме того, в той же коллекции из раскопов № 13–14 имеется один фрагмент, который может быть обломком базовой части листовидного острия костенковского типа (рис. 48, 15).

Пушкари I. Среди опубликованных предметов с вторичной обработкой выделяется одно острие, у которого основание по дуге обработано крупной вентральной ретушью и которое может быть отнесено к листовидным (рис. 48, 18). Своими очертаниями это изделие сопоставимо с листовидными остриями более ранних восточно-граветтских памятников, возможно, типологически восходя к павловским. Однако пушкаревский вариант обладает выраженной спецификой. Во-первых, для его изготовления была использована более узкая и менее массивная по сравнению с остриями павловского типа Авдеево пластина. Во-вторых, один из краев острия полностью обработан крупной полукрутой ретушью, непосредственно у острия переходящей в приостряющую. В-третьих, базовая часть предмета обработана по дуге полукрутой ретушью, заходящей на край, противоположный дорсально ретушированному. На этом участке фасетки оформляющей ретуши налегают на более крупные негативы, судя по рисунку, уплощающие профиль изделия. Эта форма является законченной и, несмотря на свою единичность, неслучайной.

Клюсы (рис. 48, 16, 17). Каменный инвентарь этого памятника содержит один предмет. Практически он идентичен пушкаревскому листовидному острию (рис. 48, 17). Отличия заключаются в деталях оформления базовой части острия, а также в том, что в Клюсах острый конец совпадает с дистальным концом пластины, тогда как в Пушкарях I острие располагается на проксимальном конце. Таким образом, описанные предметы из коллекции Пушкарей I и Клюсы можно рассматривать в качестве особого, пушкаревского, типа листовидных острий.

В каменном инвентаре стоянки Клюсы имеется еще один экземпляр листовидного острия. Он отличается укороченными пропорциями, наличием подтески основания и частично одного из краев на брюшке (рис. 48, 16). Верх острия обработан полукрутой крупной ретушью, у самого острия переходящей в приостряющую. Острие асимметричное, треугольных очертаний. Края слабо выпуклые, в медиальной части неретушированные. У основания, тем не менее, видны фасетки регулярной ретуши, нанесенной, очевидно, до того, как базовая часть острия была переоформлена при помощи вентральной подтески. Данная форма изделия, скорее всего, является результатом длительного использования и утилизации орудия.

Октябрьское II, сл. 1. Достоверных данных о наличии листовидных острий в инвентаре этого памятника в настоящее время нет. Среди рисунков С.Н. Алексеева имеется изображение пластины с вентральной обработкой проксимального конца, которое предположительно может быть отнесено к листовидным остриям костенковского типа (см. рис. 48, 11). Параметры и форма заготовки у него такие же, как и у листовидных острий Авдеево. Однако характер вентральной обработки, напоминающий подтеску, ориентировка негативов от вентральных сколов, наличие на примыкающих к проксимальному концу участках краев фасеток нерегулярной ретуши сближают данный предмет с ножами костенковского типа.

Ножи костенковского типа (НКТ)

Авдеево. Ножи костенковского типа Сатрого и нового Объектов этого

памятника (рис. 49, 8–11) составляют самую многочисленную после пластин и отщепов с ретушью категорию предметов с вторичной обработкой. Это не случайно. Только на памятниках типа Авдеево и Костенок I (верхний слой), к которым относится также Зарайская стоянка (Амирханов, 2000; Лев, 2009), данные орудия образуют столь значительные серии предметов. Они характеризуются наличием специально оформленного на торце заготовки плечика, с которого производилось утоньшение концов орудия и заострение края, прилегающего к плечику. Как правило, плечико оформлялось при помощи подтески, которая, по мнению М.Д. Гвоздовер, аналогична ядрищному способу вторичной обработки мустьерской эпохи (Гвоздовер, 1998, с. 250). Однако для оформления плечика могли применяться и поперечные плоские вентральные сколы, и, хотя и реже, один широкий вентральный скол. Фактически в данном случае мы имеем дело со специфическим техническим приемом оживления рабочей части ножа, который имеет типологическое значение при характеристике каменного инвентаря в целом.

Данная категория характеризуется большой степенью вариабельности форм по различным признакам — пропорциям, характеру оформления конца, форме края, частоты его ретуширования и др. М.Д. Гвоздовер выделяет две крайние формы в пределах категории. Это более всего соответствующая узкому понятию термина «нож костенковского типа» группа ножей на удлиненных пластинах, у которых плечико оформлено «с акцентом на угол» (рис. 49, 8, 9), и группа орудий укороченных пропорций (рис. 49, 11; Гвоздовер, 1998, с. 255). Вариабельность данной категории свидетельствует о достаточно длительном использования отдельных ножей и неоднократном их переоформлении. М.Д. Гвоздовер не разделяла точку зрения некоторых исследователей (В.И. Беляева, Я. Козловский, Е.Ю. Гиря), которые считают возможным рассматривать ножи костенковского типа в качестве одного из этапов последовательного преобразования исходной заготовки в результате изнашивания и последующего оживления, и таким образом, объединяют

технологически вентральные тронке (кладиковые пластины) и ножи костенковского типа (Гвоздовер, 1998, с. 257). В подтверждение своей точки зрения М.Д. Гвоздовер приводила тот довод, что типологически кладиковые пластины составляют самостоятельную группу орудий, лезвие которых «сформировано не чешуйчатыми разноразмерными широкими фасетками, а регулярной полукрутой ретушью» (там же). Одновременно М.Д. Гвоздовер, опираясь на данные трасологического анализа ножей костенковского типа и вентральных тронке, который был проведен В.Е. Щелинским, пришла к выводу, что та или иная обработка конца могла быть связана с исходной формой заготовки (там же, с. 258). В настоящее время в данной дискуссии уже нет предмета для спора. Типологически вентральные тронке (рис. 49, 12–15) и ножи костенковского типа могут быть различаемы, однако технически и технологически они действительно связаны в одном контексте, как показали исследования Е.Ю. Гири и С.Ю. Льва (Лев и др., 2009). Это подтверждается данными В.Е. Щелинского, согласно которым часть ножей и вентральных тронке Авдеево имели одинаковую функцию — ножа для резания мяса и шкур (Гвоздовер, 1998, с. 258), а также аналогичными данными Е.Ю. Гири и А. Ресино Леон, полученными при изучении НКТ стоянки Костёнки 1 / сл. I (Гиря, Ресино Леон, 2002). Но, вероятно, необязательно любое вентральное тронке должно было быть переделано в нож костенковского типа в его традиционном понимании. Эта возможность, как показывают серии «настоящих» НКТ, потенциально могла реализоваться только на достаточно массивных в сечении и широких участках пластин.

Хотылево 2 (рис. 49, 1–7). Эта категория представлена в инвентаре пункта А немногочисленной, но достаточно выразительной серией предметов (22 экз.). Особенностью НКТ в Хотылево 2 является то, что они изготовлены с использованием минимального количества приемов вторичной обработки. Площадка у хотылевских орудий располагалась как скошенно, так и перпендикулярно по отношению к длинной оси заготовки. Негативы от плоских сколов на спинке присутствуют только у пяти предметов, а от

краевого скола — у одного. Более половины изделий (13 экз.) имеют площадку непосредственно на проксимальном или дистальном концах пластин, которые обработаны небольшим количеством мелких чешуйчатых сколов (рис. 49, 1, 3, 5, 6). В некоторых случаях эти предметы напоминают так называемые кладиковые пластины Авдеево (ср. рис. 49, 5 и рис. 49, 12–15).

При изготовлении одного из ножей использовался лишь один чешуйчатый скол (рис. 49, 7). Конец пластины, оформленный сколом, был предварительно сломан. Края предмета оформлены мелкой притупливающей ретушью.

Таким образом, площадка у большинства ножей костенковского типа оформлялась при помощи подтески. Кроме того, в хотылевской коллекции имеются НКТ, у которых площадка подготавливалась при помощи широкого чешуйчатого скола, плоских косых широких резцовых сколов и крупной полукрутой ретуши, оформляющей сечение пластины (все — по одному экземпляру). Другими словами, в хотылевском инвентаре среди ножей костенковского типа имеются те же варианты оформления площадок, которые встречаются на памятниках, относимых к костенковско-авдеевской культуре. Однако почти все они представлены на отдельных экземплярах изделий.

Особенности предметов данной категории связаны с их менее интенсивным использованием обитателями Хотылево 2 и, как следствие, единичностью форм, полученных в результате переоформления площадки или оживления режущего края. Тем интереснее факт обнаружения среди предметов с вторичной обработкой при раскопках пункта В ножа костенковского типа с полным набором элементов, характерным для «классических» НКТ Авдеево и Костенок 1 (рис. 49, 23; см. также Гаврилов и др., 2014). Показательно, что и в инвентаре так называемого МОП Авдеевской стоянки ножи костёнковского типа немногочисленны (Булочникова, 2012. С. 47), однако и там был найден экземпляр классического НКТ (рис. 49, 22).

Октябрьское II, сл. 1. Как и в случае с листовидными остриями, довольно трудно утверждать наличие ножей костенковского типа в инвентаре

стоянки Октябрьское, сл. 1. На имеющихся рисунках (рис. 49, 20, 21) изображены предметы с подтеской концов, аналогичной той, которая встречается на НКТ и т.н. кладиковых пластинах Авдеево. Выше уже отмечалась возможность атрибуции широкой пластины с вентральной обработкой конца в качестве ножа костенковского типа (рис. 48, 11). Так или иначе, использование вторичной обработки, напоминающей подтеску НКТ и кладиковых пластин, сближает этот памятник с более ранними восточно-граветтскими стоянками региона.

Пушкари I и Клюсы. В инвентаре этих памятников зафиксированы единичные предметы с подтёской концов, которые могут быть сопоставленя с вентральными тронке и с НКТ в его максимальной стадии утлизации, по М.Д. Гвоздовер. Первый вариант представлен двумя предметами из Пушкарёвской стоянки (рис. 49, 16, 18), второй – из коллекции стоянки Клюсы (рис. 49, 19).

Варианты каменных индустрий восточного граветта

Вариабельность каменного инвентаря памятников восточного граветта — достаточно очевидное явление (Otte, 1981; Noiret, 2007; Nuzhnyi, 2009; Лисицын, 2014; Нужний, 2015). Проблема состоит в том, что именно отражает эта вариабельность. Она может быть связана с факторами частного порядка, такими как близость или удаленность от источников сырья, сезонность, хозяйственная или иная специализация конкретного участка или поселения в целом. Вариабельность может отражать и более общие закономерности, например развитие во времени, этнокультурную специфику.

Типологически каменные индустрии рассматриваемых памятников восточного граветта могут быть разделены на варианты, каждый из которых в пределах бассейна Десны и Верхнего Поднепровья представлены как одной стоянкой: Октябрьское II (к. сл. 1), так и группой памятников: Авдеево – Бердыж, Хотылёво 2 – верхний слой (МОП) Авдеево, Пушкари I – Клюсы. Таксономически они располагаются на одном уровне. Кроме того, жилищные площадки Авдеевской стоянки входят в более обширную группу памятников т.н. костенковско-авдеевской культуры, а пушкарёвский вариант помимо

перечисленных памятников включает в себя стоянку Мозолеевка, расположенную на территории Среднего Поднепровья (Нужний, 2015. С. 87-90). К сожалению, коллекция из раскопок Бердыжской стоянки не может рассматриваться в качестве полноценного археологического источника по причине переотложенности её культурного слоя (Калечыц и др., 2020. С. 95, 96, 116). Вероятно, полевая методика раскопок и, возможно, последовавшие при хранении коллекций утраты (Калечыц и др., 2020. С. 27) привели к неполноте состава собственно каменных изделий. Среди них имеются серии наконечников с боковой выемкой и ножей костёнковского типа, однако листовидные острия, характерные для Авдеево, отсутствуют (Калечиц, 1984). Кроме того, среди предметов, собранных в окрестностях Бердыжа С.Н. Замятниным в 1927 году и хранящихся в МАЭ, имеются черешковые наконечники на пластинах и топор с перехватом, которые указывают на пристуствии в коллекции изделий финального палеолита – мезолита (Калечыц и др., 2020. С. 79-81).

Специфика каменных индустрий Хотылёво 2 и Авдеево может отражать как их культурные особенности, так и функциональную специфику. Например, особенности ножей костенковского типа Хотылево 2 и Авдеево частично связаны с близостью к источникам кремня первого и удаленностью от таковых второго поселения. Частично, поскольку такой памятник костенковско-авдеевской культуры, как Зарайская стоянка, расположенный у источников сырья, в отличие от Хотылево 2 демонстрирует широкую представленность предметов данной категории в каменном инвентаре (Лев, 2009). Последний факт может быть объяснен различной функциональной специализацией этих двух индустрий, которая одновременно может отражать культурно закреплённые нормы поведения различных групп населения, оставивших эти памятники.

Аналогичные факторы, вероятно, повлияли и на различную представленность, а также морфологию таких категорий, как наконечники с боковой выемкой и листовидные острия Авдеево и Хотылево 2. Ещё более

ярко различия между Хотылёво 2 и Авдеевской стоянкой проявляются при сравнении пластин и пластинок с притупленным краем. Разнится между ними проявляется уже при сравнении метрических характеристик предметов данной категории. Например, в инвентаре так называемых Старого и Нового комплексов Авдеево нет узких, буквально «игловидных», МППК и ППК или массивных ППК, обработанных при помощи встречной контрударной ретуши, столь характерных для инвентаря Хотылево 2. Такие признаки, как характер притупливающей ретуши и способы вторичной обработки концов, могут свидетельствовать о культурной специфике памятников, поскольку они не зависят напрямую от размеров МППК и ППК. Пластины и микропластины с притупленным краем Авдеевской стоянки характеризуются применением односторонней притупливающей ретуши, срезающей не более, а чаще — менее одной трети от ширины заготовки. Притупленный край, как правило, при этом имеет слабоволнистую поверхность. Способы оформления концов, специфические не только для Авдеево, но и для остальных памятников костенковско-авдеевской культуры, заключаются в применении подтески, а также в ретушировании концов таким образом, что они приобретали форму микроскребкового лезвия (Лев, 2009).

В Хотылево 2, напротив, широко использовалась встречная контрударная ретушь для оформления края как у пластин, так и у микропластин. Специфическим для Хотылево 2 приемом оформления концов является плоская вентральная мелкая ретушь, нанесенная с одного или двух краев, при этом часто конец оформлен в виде острия. Однако в Авдеево зафиксирован археологический комплекс, кремнёвый инвентарь которого имеет несколько точек соприкосновения с хотылёвским. Это верхний слой, который исследователи памятника относили к так называемому «межобъектному пространству» (МОП) (Булочникова, 2012). Его кремнёвый инвентарь характеризуется серийно представленными среди орудий пластинками, обработанными по краю встречной вертикальной ретушью, срезающей значительную часть заготовки, а также граветтскими остриями

типа вашон. Кроме того, в инвентаре МОП зафиксированы специфические наконечники с боковой выемкой, у которых выемка и перо обработаны притупливающей ретушью, а конец пера дополнительно подработан плоской вентральной ретушью. Приём вентральной подработки концов пластинок с притупленным краем при помощи ретуши, нанесённой на брюшко с края/краёв, оформляющий конец в виде острия, также зафиксирован в этом комплексе. Наконечники с боковой выемкой и ножи костёнковского типа – единичны. Перечисленные особенности дают основания рассматривать кремнёвый инвентарь так называемого «межобъектного пространства» как аналогичный хотылёвскому.

В связи с этим необходимо ещё раз указать на достаточно позднюю в пределах хронологической шкалы Авдеевской стоянки позицию комплекса верхнего слоя – около 20 тыс. л.н. (табл. 1, № п.п. 16, 18; рис. 5). Относительно высокую стратиграфическую позицию углистого скопления, с которым связан комплекс МОП, отмечал Ю.Н. Грибченко (Грибченко и др., 2002). На это же в своё время обратил внимание А.Н. Рогачёв при доисследовании Старого объекта авдеево (Рогачёв, 1953).

Технико-типологические особенности ведущих категорий каменного инвентаря таких памятников восточного граветта, как Пушкари I, Клюсы и Октябрьское II (к.сл. 1), позволяют, с одной стороны, разделить их на две различные с точки зрения культурной специфики группы, а с другой — вычленить общие для этих памятников признаки, отражающие их культурно-хронологическую позицию. Сходство между стоянками Пушкари I и Клюсы проявляется прежде всего в типологическом единстве таких категорий, как пластины и острия с притупленным краем, а также листовидные острия. Наконечники с боковой выемкой имеют меньшую степень соответствия, однако и среди части предметов этой категории обнаруживается сходство в способах вторичной обработки и общих морфологических характеристиках. Каменный инвентарь стоянки Октябрьское II (к. сл. 1) содержит иные типы наконечников с боковой выемкой и острий с притупленным краем и не имеет

тех форм пластин с притупленным краем, которые характерны для Пушкарей I и Клюсов. Тем не менее все три памятника могут рассматриваться в рамках одной культурно-хронологической стадии развития верхнего палеолита на территории бассейна Десна. Об этом свидетельствуют несколько признаков. Во-первых, острия с притупленным краем, найденные при раскопках этих стоянок, характеризуются укороченными пропорциями и значительной шириной по сравнению с граветтскими остриями Авдеево и Хотылево 2. Переход от края к острию у этих типов орудий оформлен часто в виде тупого угла, необработанный край выпуклый, основание дорсально ретушировано по прямой линии. Во-вторых, орудия на пластинах с подтеской концов представлены экземплярами с минимальным набором элементов вторичной обработки и не являются серийными. В-третьих, наконечники с боковой выемкой, при всем разнообразии форм, зафиксированных в инвентаре Октябрьского II (к. сл. 1), Пушкарей I и Клюсов, в массе своей представлены иными вариантами по сравнению с теми, которые известны для более ранних восточно-граветтских памятников. Их объединяет более простая схема формообразования, которая может отражать процесс стандартизации заготовок и, соответственно, упрощения приемов вторичной обработки. Наконец, имеется статистический признак, который может отражать культурно-хронологическую специфику стоянок Пушкари I и Клюсы. Это соотношение различных групп орудий внутри категории резцов. Установлено, что для восточно-граветтских памятников, которые существовали после окончания брянского времени преимущественно в первую половину поздневалдайского оледенения, характерно преобладание двугранных форм резцов над ретушными (Гвоздовер, 1998; Амирханов, 2000; Гаврилов, 2008). В инвентаре Пушкарей I и Клюсов доля ретушных резцов возрастает, а двугранных, наоборот, снижается. М.Я. Рудинский отмечал, что в коллекции Пушкарей I 1932 г. большинство резцов является ретушными (Рудинский, 1947, с. 193). По данным П.И. Борисковского, преобладающими являются резцы на сломе заготовки и ретушные — 80 и 50 экз. соответственно,

двугранных насчитывается около 30 предметов (Борисковский, 1953, с. 215). Резцы стоянки Клюсы (145 экз., 30,7 %) составляют самую многочисленную категорию инвентаря. Большая их часть относится к ретушным (44 экз.) и двугранным (34 экз.). Среди резцов обоих памятников серийно представлены многофасеточные и нуклевидные формы. По этому показателю Пушкари I и Клюсы, как и Хотылево 2, демонстрируют присутствие в своем инвентаре ориньякоидного компонента. Это явление представляется неслучайным, поскольку различные проявления ориньякоидности в каменной индустрии памятников в целом характерны для восточного граветта Русской равнины (Амирханов, 2000).

4.2. Женские статуэтки как проявление общекультурного единства восточного граветта Русской равнины.

Для понимания природы вариабельности, характерной для восточного граветта, недостаточно исследования только каменного инвентаря, в результате которого появляются типологические характеристики и схемы технологических процессов. Не меньшее значение имеет изучение и других категорий материальной культуры, как-то: изделий из кости и бивня. Среди последних объектом специального рассмотрения в данной работе стала женская мелкая пластика. Причины такого выбора сводятся к двум основным пунктам. Во-первых, произведения искусства в целом имеют сложную смысловую нагрузку, которая отражает культурные традиции их создателей. Это утверждение в максимальной степени относится к женской скульптуре, поскольку женский образ, наряду с образом зверя, относится к ведущим в искусстве верхнего палеолита Европы (Абрамова, 2005). Во-вторых, в искусстве верхнего палеолита Восточной Европы женская скульптура представлена серийно как в среднюю, так и в позднюю пору верхнего палеолита, что позволяет проводить сравнительный стилистический анализ этого вида памятников первобытного искусства в широком хронологическом

и географическом контексте.

Изучение антропоморфной мелкой пластики верхнего палеолита Европы имеет длительную историю и характеризуется определённой структурированностью высказываемых точек зрения, касающихся причин возникновения этого феномена первобытной культуры, его семантики, стилистических особенностей изображений, а также их классификации и типологии. Особое внимание исследователей при этом было направлено на изучение женской скульптуры, что вполне естественно, учитывая количественное преобладание женского образа в искусстве верхнего палеолита европейского континента. Несмотря на достаточно широкий разброс мнений о том, кого именно изображают женские статуэтки[10], среди археологов достаточно рано утверждается точка зрения о сакральной смысловой нагрузке этих изображений (Obermaier, 1912). Изначально она формировалась на основе результатов стилистического анализа изображений, а также с опорой на широкий круг аналогий, почерпнутых при сравнительном анализе этнографического материала народов, относившихся к традиционным сообществам охотников и собирателей. В отечественной историографии наиболее развёрнуто эта точка зрения представлена в известной работе А.П. Окладникова (Окладников, 1967). Особняком стоит исследование С.Н. Замятнина (Замятнин, 1961), в котором семантика женских изображений реконструировалась с опорой на композицию барельефов из грота Лоссель. Несмотря на то, что сама композиционная структура также была результатом реконструкции С.Н. Замятнина, его новаторский подход оказал большое влияние на изучение первобытного искусства, поскольку показал важность изучения археологического контекста изобразительных памятников. Применительно к женской скульптуре возможности анализа археологического контекста статуэток были показаны М.Д. Гвоздовер на материалах Авдеевской стоянки (Гвоздовер, 1987).

[10] Обзор имеющихся точек зрения см.: Столяр, 1985, Marshack, 1991, Bahn, 2016.

Постепенно, при рассмотрении вопросов семантики женского образа, акцент в рассуждениях исследователей сместился от их сакрального смысла к вопросу о том, кого или что именно изображали эти статуэтки: реальных женщин определённого расового типа (Абрамова, 1987), их портреты (Праслов, 1995), или женщин в различных стадиях репродуктивного возраста (Rice, 1981; Гвоздовер, 1985а). При этом старые точки зрения, рассматривавшие женскую скульптуру в качестве сакральных (Marshack, 1991) и/или символических изображений (Столяр, 1985), также продолжали находить своих сторонников. Это изменение фокуса исследовательского интереса привело к тому, что с восьмидесятых годов прошлого столетия стал ощущаться недостаток собственно антропологических работ, которые могли бы пролить свет на то, насколько точно изображены женские фигуры в граветтской скульптуре с учётом их анатомии, физиологических особенностей, возраста. Подобного рода публикации были немногочисленны. В связи с этим, представляется важной работа, посвящённая данной проблематике, опубликованная Е.Л. Воронцовой (Воронцова, 2017). Особенно стоит отметить разделение изображений беременных и просто зрелых женщин, проведённое автором на материалах Авдеевской стоянки.

Смысловая насыщенность антропоморфной мелкой пластики верхнего палеолита, связанная с мировоззренческими представлениями людей той эпохи, делает этот вид археологического источника особо ценным не только для решения традиционных для археологии исследовательских задач, но и для выхода на более высокий интерпретационный уровень анализа, связанный с палеоисторическими реконструкциями.

Применительно к женской скульптуре восточноевропейского граветта эта задача может быть решена, с одной стороны, с опорой на предшествующие разработки советских исследователей, посвящённые выделению основных типов женских изображений (Ефименко, 1931; Ефименко, 1953; Ефименко, 1958; Замятнин, 1961; Окладников, 1967; Абрамова, 1962; Абрамова, 1966; Абрамова, 2005; Абрамова, 2010; Гвоздовер, 1985а; Gvozdover, 1995; Столяр,

1985; Филиппов, 2004). С другой стороны, уже имеющаяся классификация должна быть дополнена стилистическим и иконографическим анализом всей совокупности женской скульптуры, известной для позднего палеолита Русской равнины, а также сравнительным анализом археологического контекста этих произведений первобытного искусства, найденных при раскопках опорных памятников восточного граветта на этой территории.

Методические подходы.

Представленная в данной работе классификация женской скульптуры, найденной при раскопках стоянок восточного граветта приледниковой зоны Восточно-Европейской равнины, опирается на результаты сравнительного анализа двух видов источников. Во-первых, был рассмотрен корпус опубликованных женских статуэток восточноевропейского граветта, найденных при раскопках памятников костёнковско-авдеевской археологической культуры (Костёнки 1, сл.1, Костёнки 13, Авдеево, Зарайск А), а также Гагаринской и Хотылёвской 2-ой стоянок. Отправной точкой в изучении граветтских женских статуэток этого региона послужила классификация, разработанная М.Д. Гвоздовер (Гвоздовер, 1985а). В настоящее время общепризнанной считается точка зрения, что большинство женских статуэток этого времени могут быть отнесены к двум типам: костёнковско-авдеевскому (костёнковскому) и гагаринско-хотылёвскому. Их реальность подтверждена в результате не только стилистического, но и технологического анализов (Хлопачев, 1998). Повторяемость поз статуэток, относящихся к этим двум типам, даёт основание считать, что древние мастера руководствовались определёнными канонами построения фигур. Этому не противоречит точка зрения о том, что при изготовлении конкретных статуэток в качестве прототипов конкретного женского образа могли быть использованы вполне конкретные фигуры женщин, которые были современницами людей, создававших изучаемые ныне памятники искусства (Воронцова, 2017, с. 129).

Во-вторых, сравнительному анализу был подвергнут археологический контекст женских статуэток из перечисленных выше стоянок, на основе как

опубликованных данных, так и результатов раскопок автора, проводившихся на стоянке Хотылёво 2.

Иконография женских статуэток восточноевропейского граветта.

Оба типа статуэток – костёнковский (рис. 50) и гагаринско-хотылёвский (рис. 51), изображают зрелых женщин, часто - с крупными формами. Для них характерны: наклонённая вперёд голова, сведённые в бёдрах и разведённые в голенях ноги. Для костёнковского типа характерными чертами являются также ступни ног со сведенными, иногда вплотную, носками и разведёнными пятками, а также руками, лежащими на животе, иногда - под большими грудями. Для гагаринско-хотылёвского типа положение ступней ног не всегда можно идентифицировать из-за фрагментированности этих частей фигурок. У большинства статуэток гагаринско-хотылёвского типа руки ниже локтя обычно не изображались. Исключение составляет одна из гагаринских статуэток, у которой руки изображены поверх грудей, в позе оранты (?) (рис. 51, *7*). Если костёнковский тип статуэток изображает женщин в «стоящей» позе, то среди гагаринско-хотылёвского типа помимо «стоящих» фигурок имеется «сидящая» статуэтка их Хотылёво 2 (рис. 51, *3*). Одним из ключевых признаков, различающий костёнковский и гагаринско-хотылёвский типы, является линия спины. Если «костёнковскую» статуэтку можно, условно говоря, вплотную прислонить к прямой плоскости, то в случае с гагаринско-хотылёвским типом это оказывается невозможным (рис. 52).

Фигурки костёнковского типа отличаются между собой объёмами своих форм, прежде всего - живота и грудей (рис. 52, *2*). В связи с этим прослеживается интересная закономерность: чем крупнее формы таких фигурок, тем явственнее выражен у них «горб» на спине в основании короткой шеи, подчёркивающий их сутулость. И наоборот: у наиболее «грацильных» фигурок такой выступ незначителен или вовсе отсутствует. Исключением может служить лишь статуэтка из «нового» объекта Авдеевской стоянки, изображающая крупную женщину, возможно, с головой животного (рис. 50, *8*). Подобного рода закономерность свидетельствует, по нашему мнению, о

том, что прообразами при создании этих фигурок были женщины, находящиеся в разной степени ожирения. Убедительные аргументы в пользу того, что именно такого рода особенности были запечатлены на статуэтках из Авдеевской стоянки, приводит в своей статье Е.Л. Воронцова (Воронцова, 1917, с. 125-128). Последнее может быть связано как с возрастными изменениями, так и отражать различия между много и мало рожавшими женщинами.

Некоторые фигурки изображают женщин в состоянии беременности. Такие изображения присутствуют как среди статуэток костёнковского, так и гагаринско-хотылёвского типов. Среди статуэток, выполненных по костёнковскому канону, имеется целый ряд образов бесспорно беременных женщин (рис. 53). Эти фигурки были обнаружены при раскопках Авдеево и Костёнок 1, сл. I. Для них характерными являются не только узнаваемая форма живота, но и наличие изображения кистей рук, покоящихся в его центре.

До недавнего времени статуэтки, изображающие зрелых женщин и выполненные в соответствии с костёнковским каноном, были встречены при раскопках памятников костёнковско-авдеевской культуры, а также на стоянке Гагарино. Однако в 2009 г. исследования стоянки Хотылёво 2 позволили обнаружить скульптуру, которую можно отнести к этой же группе изображений – это двойная статуэтка, вырезанная из мела (Гаврилов, 2012) (рис. 50, *6*). Более подробно она описана в следующей главе.

Среди гагаринско-хотылёвского типа женских статуэток отсутствуют «грацильные» формы. Однако сопоставление профилей фигурок, относящихся к этому типу, показывает, что и между ними есть разница в изображении объёма живота и грудей относительно общего объёма фигуры (рис. 52, *1*). Связано ли это только с изображением различных стадий беременности и/или разных стадий ожирения, судить трудно без соответствующего морфологического анализа, проведённого специалистом в области физической антропологии. Однако несомненно то, что, по крайней мере, часть этих фигурок изображает беременных женщин. В данном случае речь может

идти о первой хотылёвской статуэтке, обнаруженной экспедицией под руководством Ф.М. Заверняева (рис. 51, *5*), а также о последней находке, сделанной при раскопках Хотылёво 2 в 2016 г. (рис. 51, *6*) (Гаврилов, Лев, 2017).

Среди фигурок гагаринско-хотылёвского типа выделяется «сидящая» статуэтка, найденная Ф.М. Заверняевым при раскопках Хотылёво 2 (рис. 51, *3*). Она отличается не только позой, но и выраженной сутулостью. Именно для неё характерны максимальные объёмы живота и грудей, демонстрирующих тучность этой фигурки. Неслучайность этого иконографического образа подчёркивается практически полным совпадением в трактовках позы хотылёвской статуэтки и фигурки из стоянки Павлов I (рис. 51, *4*). Возможно, «сидящая» статуэтка изображает «пожилую» женщину, «бабушку».

В целом, вся совокупность женских статуэток восточного граветта не сводится к двум названным канонам и демонстрирует большее разнообразие иконографических типов. Наиболее яркие из них представлены статуэтками с подогнутыми ногами. Одна из этих фигурок происходит из Костёнок 13 и изображает женщину перед родами (рис. 54, *2*). Вторая фигура из «нового» объекта стоянки Авдеево изображает женщину, вероятно, разрешившуюся от бремени, или, наоборот, готовой к соитию и зачатию (рис. 54, *1*). Показательно, что у обеих фигурок изображены половые органы, тогда как на других статуэтках восточного граветта на территории Русской равнины этот признак отсутствует.

На примере стоянок Костёнки 1, сл. I, и Авдеево рассмотрим особенности залегания женских изображений в культурном слое этих памятников.

Общеизвестно, что во время раскопок на площади этих поселений были изучены по два комплекса сложно организованных и взаимосвязанных археологических объектов, получивших применительно к Костёнкам 1, сл. I, названия первый и второй комплексы, а применительно к Авдеево – Старый и Новый Объекты. В Костёнках 1, сл. I, кроме того, разведочными шурфами

выявлены ещё два подобных комплекса. Они во многом сходны между собой, хотя и не идентичны. Наиболее полно особенности такого рода комплексов иллюстрируют результаты раскопок Зарайской (Амирханов, 2000) и Авдеевской стоянок (Гвоздовер, Григорьев, 1978; Grigor'ev, 1993; Булочникова, 1998в), а также первого комплекса стоянки Костёнки 1, сл. I, (Ефименко, 1958).

Сравнительный анализ археологического контекста женских статуэток, происходящих из первого комплекса стоянки Костёнки 1, сл. I, (рис. 55) и Нового Объекта стоянки Авдеево (рис. 56), прежде всего, подтвердил наблюдение М.Д. Гвоздовер о неслучайной связи женских статуэток костёнковского типа с так называемыми ямами-хранилищами (Гвоздовер, 1987). Однако это наблюдение следует уточнить, поскольку в ямах-хранилищах были найдены либо целые статуэтки, либо такие фигурки, у которых были отломаны головы и ноги ниже колен, или только ноги. Примечательно, что, если в яму помещалась целая статуэтка, яма перекрывалась лопаткой мамонта. Эта закономерность прослежена на всех поселениях костенковско-авдеевского типа, включая и Зарайскую стоянку А (Амирханов, Лев, 2009). Крупные фрагменты статуэток беременных женщин были обнаружены в краевых ямах стоянки Авдеево, Новый оОбъект, и во втором комплексе стоянки Костёнки 1, сл. I. Фрагменты статуэток, подвергшихся максимальной фрагментации, находились в культурном слое Авдеевской и Костёнковской I1-ой стоянок вне пределов ям, внутри периметра землянок. В частности, мергелевые статуэтки беременной женщины и женщины с подогнутыми ногами из Нового Объекта стоянки Авдеево были разбиты на мелкие фрагменты (Gvozdover, 1995). Особое место при анализе археологического контекста необходимо отвести женской фигурке из Авдеево, изготовленной по гагаринско-хотылёвскому канону и отнесённой М.Д. Гвоздовер к незаконченным статуэткам (рис. 51, *2*). Совмещение её координат (Gvozdover, 1995. P. 22) с опубликованными планами всех раскопов Авдеево (Булочникова, 2012) показывает, что данная

фигурка относится к участку, называвшемуся исследователями Авдеевской стоянки «межобъектным пространством» (рис. 57). По своим структурным особенностям культурный слой этого участка резко отличается от классических площадок костёнковско-авдеевского типа. На этом месте не зафиксирована линия углублённых очагов, нет здесь землянок и других ям. Вместе с тем, на данном участке было раскопано обширное скопление костного угля и золы (Булочникова, 2012). По-видимому, именно с этим скоплением и была связана рассматриваемая статуэтка. В предыдущем разделе уже отмечалось, что в данном случае мы имеем дело с остатками культурного слоя, образовавшегося позже классических площадок Авдеево. Именно на площади периферии Старого Объекта А.Н. Рогачёв зафиксировал перекрывание углисто-золистого скопления землянки Е (Рогачёв, 1953). Напомним, что типологический состав каменного инвентаря «межобъектного» пространства содержит формы, типичные для стоянки Хотылёво 2, а именно: острия типа вашон, пластины с притупленной встречной ретушью краем. В этой связи находка на этом участке фигурки, относящейся к гагаринско-хотылёвскому типу, не выглядит случайной.

Женские статуэтки Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки были обнаружены при раскопках пунктов А (Гаврилов, 2008) и В (Гаврилов, 2012; Гаврилов, Лев, 2017).

Подробная характеристика пространственной структуры пункта А стоянки Хотылево 2 опубликована (Гаврилов, 1998; Гаврилов, 2008). Здесь же отметим, что антропоморфная скульптура Хотылёво 2 связана со специфическими комплексами пространственно связанных объектов в виде расположенных по окружности блюдцеобразных неглубоких ям, рядом с которыми располагались вкопанные кости мамонта и группы специально уложенных костей, также – мамонта, куда входили черепа, лопатки и тазовые кости (рис. 58).

На изученной площади пункта А стоянки Хотылёво 2 было зафиксировано четыре подобных комплекса. Почти все антропоморфные

фигурки и их фрагменты связаны с комплексами объектов № 1, 3 и 4. Однако их распределение между ними неравномерно. С комплексом № 1 связаны статуэтка № 1 (рис. 51, *5*), головка с «прической» и фрагмент ножки. Статуэтка № 1 залегала на поверхности культурного слоя лицом вверх и была ориентирована головой на северо-восток. Ее местоположение связано с восточной границей площадки, обозначенной вертикально стоящими костями мамонта, и преднамеренно уложенными костными остатками этого же животного, которые располагались по периферии первого комплекса. Головка с «прической» и фрагмент ножки были обнаружены к северу от очага первого комплекса, за пределами границы, обозначенной вертикальными костями. Здесь располагалось скопление костного угля и золы. Фрагмент ножки располагался у самого края этого скопления, а головка с «прической» находилась непосредственно в углисто-золистой массе.

На площади комплекса № 3 было сосредоточено наибольшее количество произведений искусства, в т.ч. и антропоморфной скульптуры. Все изделия располагались по краю площадки, обозначенной вертикально стоящими костями. Женская статуэтка № 3 («сидящая», рис. 51, *3*) залегала вместе с мужской фигуркой в небольшой ямке, в 1 м к востоку от скопления минеральной краски. У юго-восточного края площадки была найдена схематичная женская статуэтка (рис. 51, *9*).

Комплекс № 4 характеризуется присутствием двух фигурок: реалистичной женской статуэтки № 2 (рис. 51, *8*) и схематичной биконической. Оба предмета располагались в непосредственной близости от очага, у его северо-восточного края.

Примерно в 1,5 м к северу от большого очага, планиграфически связанного с «зольником», был обнаружен фрагмент ножек, принадлежавший женской статуэтке.

Коллекция пункта В стоянки Хотылёво представлена двойной женской скульптурой, схематической фигуркой, изготовленных из мела, а также статуэткой из бивня мамонта.

Пункт В (Gavrilov et al., 2015) в настоящее время находится в процессе изучения. В настоящее время на этом участке зафиксировано два комплекса археологических объектов – южный и северный. Именно северный комплекс аналогичен названным комплексам пункта А и именно с ним были связаны находки женской скульптуры.

Северный комплекс археологических объектов был вскрыт двумя раскопами Б и В общей площадью 52 кв. м (рис. 59). В раскопе Б (кв. А-Д / 1’-4’) была зафиксирована южная часть данного комплекса, представленную расположенными по дуге округлые в плане неглубокие ямы и вкопанными длинными костями мамонта, часть из которых была преднамеренно расколота. Раскопом В (кв. А-З / 5’-8’) удалось открыть его центральную часть. Археологический материал представлен костными останками животных, предметами из расщеплённого кремня, поделками из кости и бивня мамонта, а также охрой, костным углём и золой. В непосредственной близости от ямы 10 были зафиксированы черепа мамонтов. К северу от неё, на кв. А-Б \ 7’-8’, располагалась группа из попарно уложенных лопаток мамонтов. В ямах и вокруг них были зафиксированы скопления охры. С внутренней стороны дуги, вдоль которой были расположены ямы, залегало обширное скопление костного угля и золы, к югу от которого была зафиксирована яма 6, глубиной не более 15 см. Рядом с ней, на краю небольшого скопления костного угля и расколотого кремня, в 2008 г. были обнаружены уже упоминавшиеся двойная женская статуэтка (рис. 50, *6*) и схематическая фигурка, обе – вырезанные из мела (Гаврилов, 2012).

В культурном слое двойная статуэтка залегала лицевой стороной вниз, с ногами, направленными в северо-восточную сторону. Положение статуэтки в слое говорит о том, что её части были не выброшены, а уложены человеком в правильном порядке, соответственно их изначальному положению до фрагментации этого предмета. Рядом с двойной статуэткой, к северо-западу от неё, непосредственно у северной стены раскопа была обнаружена схематическая фигурка.

Женская статуэтка, найденная в 2016 г. (рис. 51, *6*), залегала в культурном слое непосредственно на древней дневной поверхности, интенсивно окрашенной охрой, в северо-западном секторе раскопа В, в непосредственной близости от предполагаемой ямы, частично перекрытой упоминавшейся группой из двух лопаток мамонта. Фигурка лежала на спине, с наклоном на правый бок, головой на запад. Из-за положения в охристом скоплении статуэтка частично также была окрашена этой краской. Археологический контекст этой статуэтки аналогичен контексту первой женской фигурки, обнаруженной Ф.М. Заверняевым при раскопках пункта А.

Иную картину демонстрируют особенности залегания женских статуэток, найденных при раскопках Гагаринской стоянки. Пять статуэток из семи располагались по периметру углублённого жилища вдоль его стен, две статуэтки были обнаружены в яме, непосредственно примыкающей к котловану полуземлянки (рис. 60).

Иконографические типы женских статуэток и культурная специфика памятников восточноевропейского граветта.

М.Д. Гвоздовер, преимущественно на материалах Авдеевской стоянки, было доказано, что выделенные типы женских статуэток изображают различные стадии репродуктивного возраста женщин (Gvozdover, 1995, p. 44). Этот вывод следует распространить на все женские статуэтки так называемого развитого (позднего) восточноевропейского граветта. Сравнение всего корпуса женских изображений, известных для восточного граветта Русской равнины, позволяет выделить иконографические типы, которые не только включают в себя костёнковский и гагаринско-хотылёвский, но и дополняют их другими. В частности, статуэтки с подогнутыми ногами могут быть отнесены к самостоятельным типам женских изображений. Выстроенный в соответствии с таким подходом иконографический ряд (рис. 61) вполне укладывается в изображения различных стадий беременности и, возможно, зачатия и родов.

В этот ряд помещена фигурка из второго комплекса стоянки Костёнки 1,

сл. I (раскопки Н.Д. Праслова), которая может рассматриваться в качестве отдельного иконографического типа (рис. 61, *1*). Первоначально автор раскопок атрибутировал её как мужскую, поскольку фигурка не обладала ярко выраженными признаками женского пола. Однако, вероятнее всего, она всё же изображает молодую женщину или девушку. В пользу этого вывода свидетельствуют: наклонённая вперёд голова и руки, соединённые кистями у низа живота. Линия спины, ягодиц и ног в профиль аналогична таковой у бесспорных женских статуэток.

В Гагарино и Хотылёво 2 зафиксировано нахождение в одном и том же археологическом комплексе статуэток, имеющих пропорции и позы фигур как костёнковского, так и гагаринско-хотылёвского типа. В Новом Объекте Авдеево и во втором комплексе Костёнок 1, сл. I, также зафиксированы статуэтки, относящиеся к разным иконографическим типам. Это подтверждает вывод о едином семантическом пространстве фигуративного антропоморфного искусства восточноевропейского граветта. Вместе с тем, такое единство нисколько не умаляет культурную специфику восточнограветтских стоянок, так как конкретное сочетание иконографических типов, равно как и археологический контекст статуэток являются специфическими для памятников костёнковско-авдеевской культуры, а также Гагарино и Хотылёво 2 соответственно.

Точка зрения М.Д. Гвоздовер о том, что женские статуэтки восточноевропейского граветта изображают женщин в различных состояниях репродуктивного возраста, получает дополнительную конкретику в том смысле, что часть фигурок показывают женщин, как нерожавших, так и вышедших из детородного возраста.

Изображения женщин непосредственно перед родами (рис. 61, *4*), а также после них или перед зачатием (рис. 61, *5*) необходимо рассматривать в качестве самостоятельных иконографических типов. Вероятно, самостоятельный иконографический тип представляет собой и «сидящая» женская статуэтка из Хотылёво 2 (рис. 51, *3*), которая может быть выделена из

гагаринско-хотылёвской группы и объединена с фигуркой из Павлова I (рис. 51, *4*) в отдельный, павловский, тип.

Повторяемость поз женских статуэток, относящихся к различным иконографическим типам, чётко прослеживаемые закономерности в размещении различных типов статуэток на памятниках восточноевропейского граветта на территории Русской равнины, дают все основания рассматривать эти памятники первобытного искусства в качестве свидетельств ритуальных действий людей – носителей граветтских культурных традиций.

4.3. Вопрос о происхождении восточного граветта на Русской равнине.

Общепринятой в настоящее время точкой зрения на этот вопрос является утверждение о том, что памятники восточного граветта появились на территории Русской равнины в результате миграции населения из Центральной Европы, которая произошла во время первой половины последнего оледенения – стадии OIS 2, примерно 24-23 тыс. л.н. (Аникович, 1998; Kozlowski, 2008; Лисицын, 2014). В настоящее время вновь высказываются мнения о связи граветта Центральной Европы с предшествующими культурами, такими как ориньяк, проториньяк и даже ахмар (Svoboda, 2007. P. 204; Hoffecker, Holliday, 2014. P. 146), возрождая тем самым в новом виде идеи вековой давности (Garrod, 1938). В свою очередь, граветт Восточно-Европейской равнины преимущественно рассматривается в свете Центрально-Европейской миграционистской гипотезы. В развернутом виде эта гипотеза была сформирована во второй половине 1960-х годов, задолго до принятия отечественной наукой термина «восточный граветт» (Григорьев, 1966; Григорьев, 1968; Kozlowski, 1969). В 1990-е годы для её дополнительного обоснования были привлечены полученные к тому времени радиоуглеродные даты центрально- и восточноевропейских стоянок, относимых к восточному граветту, а также палеозоологические данные

(Soffer, 1993). Последние использовались для объяснения причин возможной миграции древних сообществ из Центральной в Восточную Европу.

Главный тезис в интерпретации О. Соффер состоял в том, что перемещение населения – носителей культурных традиции восточного граветта, могло быть вызвано сокращением ареала распространения мамонта в северо-восточном направлении. Сейчас, когда имеются определения радиоуглеродного возраста таких стоянок как Петржковице, Краков-Спадзиста, Миловице 1, это объяснение не может быть принято. В Центральной Европе памятники с видовым составом фауны, близком к тому, что зафиксировано на Русской равнине, продолжали существовать и в первую половину последнего оледенения.

Тем не менее, идея о взаимосвязи природного окружения и миграции населения получила дальнейшее развитие, хотя и претерпела заметные изменения. С.Н. Лисицын объясняет притягательность этой территории для нескольких волн переселенцев «и не обязательно лишь из Центральной Европы» (Лисицын, 2014. С. 185) влиянием комплекса уникальных природно-климатических условий перигляциальной саванны, сложившихся в центральных районах Русской равнины. Однако и это объяснение не слишком убедительно, поскольку после окончания последнего потепления природно-климатические условия Центральной и Восточной Европы различались несущественно (Лисицын, 2014. С. 184) и, повторим еще раз, носители восточнограветтских традиций продолжали обитать на всей этой обширной территории.

С точки зрения концепции влияния природных условий на развитие первобытного общества остаётся не объясненным, что могло заставить перемещаться население в пределах одной ландшафтно-климатической зоны. К тому же, данные о видовом составе промысловых животных граветтских памятников Поднестровья и Попрутья (Черныш, 1987; Chirica, Borziac, 2009), показывают, что на большинстве из них преобладают костные остатки лошади и северного оленя. Эта картина характерна как для ранне-, так и для

позднеграветтских памятников. На этом фоне несколько выделяются стоянки Вороновица I (Chirica, Borziac, 2009. P. 41) и Дорошивци III (Кулаковская и др. 2012, С. 135), где количество костей и вычисляемых особей мамонта стоят на втором и первом месте соответственно. Однако в Вороновице наряду с мамонтом широко представлена лошадь и северный олень, а в Дорошивцах – северный олень. В целом, видовой состав фаунистических коллекций этих памятников не отменяет зонального деления верхнепалеолитических стоянок на основании видового состава промысловых животных (Аникович и др., 2011. С. 77-82). В этой связи необходимо отметить присутствие памятников граветтской традиции во всех трех выделяемых М.В. Аниковичем зонах, особенно – на юго-западе Восточно-Европейской равнины. Существование этого граветтского региона невозможно объяснить периодическими экспедициями «граветтцев» из сопредельных территорий.

Во всяком случае, безотносительно к тому, как объяснять причины миграции, есть несколько серьезных оснований для существования собственно миграционистской концепции. Первое из них связано с крайней неравномерностью распределения памятников восточноевропейского граветта во времени и пространстве (рис. 44). Абсолютное большинство граветтских стоянок на территории Русской равнины относится ко времени первой половины последнего оледенения (рис. 7). Исключение составляет регион сосредоточения памятников восточного граветта на юго-западной окраине Восточно-Европейской равнины, на территории Западной Украины и Молдавии, в бассейнах рек Днестр и Прут (Noiret, 2007; Nuzhnyi, 2009). где представлены стоянки как времени последнего потепления (стадия OIS 2), так и первой половины позднеледникового оледенения. В центральных же районах Русской равнины до настоящего времени был представлен лишь один памятник раннего граветта – это второй слой Костенок 8 (Тельманская стоянка). Традиционно считается, что материальная культура, созданная обитателями этого поселения, аналогична граветту, представленному в слое 23 гротта Пагличчи (Sinitsyn, 2007. P. 183), и не связана генетически с более

поздними граветтскими памятниками Русской равнины (Синицын, 2013. С. 8). Второе обстоятельство связано с очевидными аналогиями, которые прослеживаются между граветтскими стоянками Центральной Европы, с одной стороны, и Восточно-Европейской равнины – с другой. Начиная с 1930-х и вплоть до 1950-х годов это сходство в советской археологической школе объяснялось как показатель определенной стадии развития первобытного общества (Ефименко, 1934; Ефименко, 1953; Замятнин, 1951).

Однако уже к середине 1950-х годов, под влиянием результатов исследования Авдеевской стоянки, М.Д. Гвоздовер пришла к выводу о том, что наблюдаемое сходство не может быть объяснено конвергентным развитием или обменом и взаимным влиянием населения, что наряду с взглядами А.Н. Рогачева оказало влияние на теорию Г.П. Григорьева о миграции носителей культуры костенковско-виллендорфского единства из Центральной в Восточную Европу (см. Гвоздовер, 1954; Григорьев, 1966; Григорьев, 1968). После отказа от стадиалистских построений и развитии концепции существования в верхнем палеолите археологических культур принятие идеи миграции становилось совершенно логичным. И хотя Г.П. Григорьев, один из самых ярких сторонников выделения археологических культур в отечественной науке, отошел в 1990-е годы от своих положений, которые он декларировал в предыдущие два десятилетия, идея миграции осталась востребованной в его построениях, посвященных памятникам восточного граветта (Grigor’ev, 1993).

На стойкость миграционисткой теории влияет также традиция фактического уравнивания восточного граветта и костенковско-авдеевской культуры которая сохранялась до недавнего времени (Лисицын, 2014). Некоторую аналогичность подобному уравниванию можно проследить в работах Я. Козловского (Kozlowski, 2008; Kozlowski, 2013). По его мнению, наиболее раннее появление наконечников с боковой выемкой, изготовленных на широкой пластине, зафиксировано в девятом слое стоянки Виллендорф II, а также на стоянке Краков-Спадзиста. Это заключение служило одним из

основных аргументов для обоснования миграционистской гипотезы. Но радиоуглеродные даты центральноевропейских граветтских памятников не выходят за рамки радиоуглеродной хронологии стоянок восточного граветта Русской равнины. Даты в районе 24 тыс л.н. (некал.), полученные для стоянок Виллендорф II (сл. 9) (Haesaerts et al., 1996) и Краков-Спадзиста (Escutenaire, Kozlowski et al., 1999) и на которые обращает особое внимание Я. Козловский, имеются также для Хотылёво 2 и Костенок I (сл. 1) (Синицын и др., 1997. С. 47-55). Длинная хронология опорных памятников восточного граветта хорошо коррелирует со сложностью их пространственной структуры, как показывает анализ археологического контекста радиоуглеродных дат Зарайской и Хотылёвской стоянок (Амирханов, 2000. С. 44-53; Гаврилов, 2015). Поэтому представляется ошибочным мнение о том, что поздний восточноевропейский граветт моложе центральноевропейского, как это делает Я. Козловский, опираясь на пики в распределении радиоуглеродных дат памятников костенковско-авдеевской культуры, соответствующие значениям 22-21 тыс. некал. л.н.

Ещё в 1990-е гг. Х.А. Амирхановым было показано, что своеобразие восточноевропейского граветта не сводится к своеобразию костенковско-авдеевской культуры (Амирханов, 1998; Амирханов 2000), хотя, возможно, памятники этой культуры и демонстрировали эту особость восточного граветта наиболее ярко. Стремление оценить рассматриваемую специфику иногда приводит исследователей к парадоксальным выводам. В одной из последних работ А.А. Синицыным высказывается точка зрения о том, что костенковско-авдеевская традиция не может быть отнесена к граветту на основании особенностей ее каменной индустрии (Синицын, 2013. С. 10-11). При этом за скобки выводится один из важнейших признаков отнесения того или иного памятника к граветту, а именно – наличие комплекса изделий с притупливающей ретушью по краю. Ссылка на специфику технологии раскалывания кремня, подчеркивание ее сходства с технологией раскалывания позднего мадлена Парижского бассейна в данном случае только подтверждает

своеобразие именно восточноевропейского граветта. В той же работе А.А. Синицын признает важность «костенковской триады» для типологической характеристики костенковско-авдеевской традиции (Синицын, 2013. С. 9). Если быть последовательным в данном подходе к оценке культурной специфики восточноевропейских материалов, то центральноевропейские памятники с наконечниками с боковой выемкой, ножами костенковского типа и женскими статуэтками также должны быть выведены за рамки граветтской традиции. Представляется все же, что правильнее будет рассматривать эти типологические признаки как проявления специфики восточно- и центральноевропейского граветта, хотя только к этим признакам вся специфика данного явления верхнего палеолита Европы, разумеется, не может быть сведена.

Относительно недавно к уже известным вариантам восточноевропейского граветта добавился еще один, представленный стоянкой Борщево 5, верхний культурный слой. Автор раскопок, С.Н. Лисицын, доказывает сходство кремневого инвентаря этого памятника, с одной стороны – с инвентарем более поздней стоянки Костенки 9, а с другой – с каменной индустрией моравского памятника Миловице I, имеющего широкую хронологию, в том числе и более раннюю дату, по сравнению со слоем 1 стоянки Борщево 5 (Лисицын, 2011; см. также: Oliva, 2009). С.Н. Лисицын в настоящее время считает, что к группе Борщево 5 – Костенки 9 следует присоединить стоянку Костенки 4. В отличие от более ранней публикации (Лисицын, 2011) исследователь в одной из последних своих статей высказывает мнение, что каменный инвентарь Борщево 5 имеет прямые аналогии с индустрией Костенок 4, причем безотносительно к делению коллекции Александровской стоянки на два разновременных культурных слоя (Лисицын, 2014). Автором постулируется миграция из Центральной в Восточную Европу носителей двух культурных традиций восточноевропейского граветта: костенковско-авдеевско-виллендорфской и той, которая представлена стоянками Миловице I, Борщево 5 (сл. 1), Костенки

4 и позднее – Костенки 9. Несмотря на то, что специфика каменного инвентаря Борщево 5 не вызывает сомнений, необходимо все же отметить, что по некоторым признакам этот памятник может быть сопоставлен не только с такими стоянками как Костенки 9, Миловице I и Костенки 4, но и с памятниками костенковско-авдеевской культуры. Эти точки соприкосновения проявляются прежде всего при сравнении характера оформления микропластин с притупленным краем, относящихся к так называемым «четырехугольникам» (Гвоздовер и др., 1979). В Борщево 5 (рис. 62), также как в Костенках 1 (Лисицын, 1998) (рис. 63) и Авдеево (Гвоздовер, 1998) (рис. 45, *42-62*), присутствуют предметы с концами, оформленными вентральной ретушью по прямой или слабо выпуклой дуге. Ретушь при этом наносилась с линейного конца и сопряженных участков края. В Миловице I более характерен иной вариант вентральной подработки концов, при котором ретушь наносилась с краев микропластин, хотя ретуширование с линейного конца также присутствует (рис. 64). С.Н. Лисицын отмечает наличие единичных экземпляров ножей костенковского типа и сколов с них в инвентаре верхнего слоя Борщево 5. Очевидно, единичные ножи имеются в инвентаре стоянки Миловице I (Oliva, 2009. Fig. 16, 6). В целом, аналогии, прослеживаемые С.Н. Лисицыным между Борщево 5, Костёнками 4 и Костёнками 9, позволяют утверждать, что Борщево 5, несмотря на индивидуальные черты каменного инвентаря первого слоя, является вполне костенковским памятником.

Отсутствие в инвентаре верхнего слоя Борщево 5 наконечников с боковой выемкой и одновременное присутствие в нем же листовидных острий не является жесткой закономерностью для восточноевропейского граветта. Во-первых, предметы этих категорий, относящихся к костёнковским типам, характерны для памятников костёнковской культуры. Во-вторых, пример сочетания двух названных категорий каменного инвентаря, но уже иных типов, близких к так называемому павловьену, показывает седьмой культурный слой стоянки Молодова 5 (Nuzhnyi, 2009. P. 164) (рис. 65).

Если рассмотреть некоторые проявления культурной вариабельности восточного граветта на территории Русской равнины в первую половину поздневалдайского оледенения в искусстве малых форм, а также в изделиях из кости и бивня, становится понятным, что вариабельность восточного граветта имеет более сложную природу, чем проявления двух путей развития.

Различные варианты восточного граветта, представленные памятниками, относящимися к костенковско-авдеевской культуре, и такими стоянками как Гагарино и Хотылёво 2, выступают не просто как сумма единиц, механически собранных по формальному признаку, а как органически связанные между собой части одного сложного целого. Это проявляется, как было показано в разделе 4.2, в единстве иконографического ряда женского образа и одновременно в том, что конкретное сочетание конкретных иконографических типов женских изображений, зафиксированное, например, в Авдеево, Гагарино и Хотылёво 2 отличается отчетливо выраженной индивидуальностью.

Аналогичная картина, то есть единство изобразительного ряда и различия в конкретном их выражении, вырисовывается при сравнении двух других категорий изделий из кости и бивня: лопаточек (рис. 66) и острий со шляпкой (рис. 67). Анализ иконографии и особенностей орнаментации лопаточек Авдеевской стоянки, а также Костенок I (слой 1) позволил исследователям этих памятников прийти к выводу, что данная категория предметов символически раскрывает зоо-антропоморфный образ, где головка лопаточки соответствует голове животного, вероятно – хищника, а остальная часть изображает женское тело (Gvozdover, 1995. P. 36-38; Громадова, 2012). Сочетание женского тела и головы животного не является новацией в искусстве позднего периода восточноевропейского граветта, так как образ женщины-зверя на территории Центральной Европы известен по знаменитой гравировке на бивне из Пшедмости (Oliva, 2007. P. 99-102; Valoch, Lázničková-Galetová, 2009. P. 81). Силуэт головы у этого изображения аналогичен

контурному обводу зооморфных наверший острий из бивня, найденных при раскопках Авдеевской стоянки (Gvozdover, 1995. P. 40-41)[11].

Лопаточки Авдеево, Костенок 1 (слой I), а также Зарайской стоянки могут быть отнесены к вариантам одного типа, тогда как предметы этой же категории, найденные при раскопках Хотылёво 2, относятся к другому типу, хотя также могут быть отнесены к различным вариантам (Гаврилов, 2008). В пользу этого вывода говорят стилистические особенности лопаточек, связанные с различным оформлением головки и туловища. Тем не менее, одна из хотылёвских находок, сделанная во время исследования пункта В (рис. 66, 2), позволяет считать, что и на этом памятнике семантика хотылёвских лопаточек была сходна с семантикой лопаточек костенковско-авдеевской культуры. На корпусе указанной лопаточки из пункта В Хотылёво 2 тонкой гравировкой был нанесен женский знак в виде разомкнутого треугольника. На головках лопаточек, найденных Ф.М. Заверняевым, достаточно лаконично обозначены ушки. Вероятно, и в случае с Хотылёво 2 эти предметы символически связаны с образом женщины-зверя. Характерно, что известная из раскопок стоянки Дольни Вестонице I лопаточка имеет иную форму, орнаментирована короткими косо поставленными параллельными прорезанными линиями по обеим поверхностям и, наконец, изготовлена из бивня (Verpoorte, 2001. P. 75, fig. 3.68).

Возможно, тот же образ женщины-зверя запечатлен в так называемых остриях со шляпкой. Эти изделия имеются в комплексе материальной культуры Авдеево, Костенок 1 (слой I) и Хотылёво 2. К такой мысли подводит скульптурная трактовка одного из авдеевских предметов (рис 67, *11*), а также характер его орнаментации (Gvozdover, 1995. P. 38-40; Iakovleva, 2012. P. 579). Утолщение объема в теле острия, покрытое орнаментом в виде косой решетки, может рассматриваться как изображение груди и живота. Примечательными

[11] Л.А. Яковлева отмечает наличие подобных острий не только в костенковско-авдеевской культуре, но и в Хотылёво 2 (Iakovleva, 2012. P. 583). В этой связи необходимо подчеркнуть, что хотылёвские изделия отличаются от авдеевских, плоских в сечении, своей объемностью и, кроме того, их навершия фрагментированы (Заверняев, 1978. С. 154).

являются в данном случае стилистические особенности, которые позволяют различать изделия Костенок 1 и Авдеево, с одной стороны, и Хотылёво 2 – с другой. Из четырех предметов, относящихся к данной категории в инвентаре стоянки Хотылёво 2, три острия (рис. 67, *2-4*) имеют посадку шляпки, отличную от той, которая наблюдается в изделиях из Костенок I и Авдеево. Хотылёвские предметы имеют шляпки поднятые несколько вверх и в одном случае – откинутую назад, тогда как авдеевские и костенковские острия вырезаны таким образом, что у них шляпка изображена наклоненной вперед. В Хотылёво 2 только один предмет (рис. 67, *1*) может быть напрямую сопоставлен с изделием из Костенок 1 (рис. 67, *5*), с той только разницей, что у хотылёвского острия не выделен выступ на тыльной поверхности в месте соединения шляпки и тела.

Последним примером в этой серии может стать сравнение двух категорий изделий из раскопок Авдеевской и Хотылёвской стоянок: изогнутых орнаментированных предметов неясного назначения, изготовленных из рога северного оленя (рис. 68, *1-2*), и имитации костей животных, выполненных из бивня мамонта (рис. 68, *3-5*). В обоих случаях мы можем фиксировать наличие специфических для каждой стоянки типов изделий, относящихся к одной категории. Особенно показательны имитации костей животных. Если в Авдеево обитатели этого поселения изображали метаподии, то в Хотылёво объектом для подражания стала фаланга пальца.

Перечисленные выше особенности некоторых категорий материальной культуры памятников восточного граветта, датируемых временем первой половины последнего оледенения, вкупе с уже многократно описанными различиями в кремневом инвентаре, позволяют утверждать, что вариабельность внутри восточного граветта на территории Русской равнины отражает не только функциональные, сезонные и иные возможные адаптивные особенности различных стоянок. Эта вариабельность является также результатом существования различных культурных традиций внутри восточного граветта, достаточно локальных для того, чтобы создать эффект

«культурной мозаики», характерной, как уже отмечалось, для граветта Европы в целом (Svoboda, 2004; Klaric et al., 2009). Не менее существенным является проявление этого разнообразия не только в стилистических особенностях оформления каменных и костяных изделий, но и в технологических схемах, использовавшихся при их изготовлении (Хлопачев, 2006; Eskova, 2013; Polanska, Novak, 2014; Polanska et al., 2014; Еськова, 2015).

К сожалению, опубликованные в печати результаты изучения технологии производства предметов из камня, бивня и кости пока не позволяют проводить сравнительный технологический анализ всех опорных памятников восточного граветта на территории Русской равнины и Центральной Европы. Но и то, что уже известно, позволяет предположить, что технологическое разнообразие так же может отражать культурную специфику, как и морфология каменных орудий или стилистические особенности произведений искусства.

Миграционистская теория базируется на очевидных аналогиях в материальной культуре между центрально- и восточноевропейскими памятниками так называемого позднего граветта, которые фиксируются как при сравнении каменного инвентаря, так и в произведениях искусства малых форм. Следует еще раз повторить, что эти аналогии фиксировались с самого начала сравнительного изучения стоянок, отнесенных впоследствии к восточному граветту, однако они отмечались в самом общем виде, без привлечения сколь-нибудь пристального внимания к деталям. Между тем, даже обращение к двум самым ярким категориям материальной культуры восточного граветта, связывающим между собой Центральную и Восточную Европу, а именно: наконечникам с боковой выемкой и женским статуэткам, показывает, что в них отражались черты, подчеркивающие региональное своеобразие тех или иных памятников. Например, среди наконечников с боковой выемкой на широких пластинах, имеющихся в коллекциях стоянок Поднестровья и Попрутья, встречены экземпляры, у которых выемка и перо со сторны выемки оформлены регулярной притупливающей и полукрутой

ретушью. Этот признак характерен также для моравских памятников и не встречен среди каменных индустрий центральных районов Русской равнины. На статуэтках из центральноевропейских стоянок позднего граветта: Виллендорф II (сл. 9) и Мораваны под Вагом, изображающих "тучных", зрелых женщин, реалистично показаны половые органы, чего нет на статуэтках аналогичного типа, происходящих из раскопок памятников Русской равнины. Эта особенность присуща только типу фигурок с согнутыми в коленях и прижатыми пятками к ягодицам ногами (Костенки 13; Авдеево Нов., статуэтка № 14; см. рис. 54). У статуэтки из Виллендорфа руки показаны лежащими поверх грудей, что не характерно для восточно-европейских фигурок, зато аналогичное положение рук изображено на статуэтке из Леспюг.

Все перечисленные выше проявления разнообразия восточного граветта позволяют допустить мысль о том, что подобного рода вариабельность может быть, с одной стороны, проявлением его сложной полигенетической природы и, с другой стороны - результатом определенного развития граветтских традиций во времени.

Исследователей в пользу миграционистской гипотезы склоняет также убеждение в отсутствии преемственности в развитии материальной культуры между единственным представителем раннего граветта на территории современной России – стоянкой Костенки 8 (сл. 2) и более поздними граветтскими памятниками. Эта убеждённость сочетается с тем, что в отечественной науке для Центральной Европы с середины 1950-х годов постулируется непрерывность культурной эволюции (Ефименко, 1956; Борисковский, 1957б; Борисковский, 1959). Соглашаясь с последним утверждением, необходимо всё же отметить, что, согласно вновь опубликованным данным, мы можем допустить существование технологических отличий между ранним и поздним граветтом Центральной Европы, поскольку «комплекс приемов подготовки зоны расщепления, ранее считавшийся специфическим для памятников костенковско-авдеевской культуры, может быть характеристикой технологии изготовления пластин

широкого круга памятников позднего восточного граветта» (Еськова, 2015. С. 27). Можно также вспомнить о том, что претерпевает изменения и типологический состав каменных индустрий позднего граветта, а также меняется стилистика искусства. Последнее наиболее ярко проявляется в смене типов женских изображений, статуэтки павловьена демонстрируют иконографический ряд, совершенно отличный от того, что характерно для поздней стадии граветта как в Центральной, так и в Восточной Европе (Verpoorte, 2001). Разумеется, эти различия свидетельствуют не о разрыве культурной традиции, а наоборот, характеризуют ее развитие.

К сожалению, технологическое исследование каменной индустрии второго слоя Костенок 8 не проводилось и пока у нас нет аналогичных сведений для сопоставления памятников раннего и позднего граветта Русской равнины. Что касается типологии каменного инвентаря культурного слоя 2 Тельманской стоянки, то следует отметить, что еще А.Н. Рогачев отмечал сходство т.н. «игловидных острий» этого памятника и микропластин с притупленным краем с приостренными вентральной ретушью концами (Рогачев, 1957. С. 91; см. также: Аникович и др., 2008. С. 160). Поэтому положение о культурном разрыве между ранним и поздним граветтом на территории Восточной Европы во многом имеет гипотетический характер.

Необходимо также отметить, что микропластины с приостренными ретушью по противолежащму краю концами, серийно представленные в инвентаре второго слоя Костенок 8 (рис. 69, *12, 21, 27*), зафиксированы в инвентаре 10-го слоя стоянки Молодово V (Noiret, 2007), в пунктах B и C стоянки Дольни Вестонице II (Polanska, Novak, 2014), в инвентаре стоянки Дольни Вестонице I (Oliva, 2007. P. 24-25), на стоянках раннего граветта Швабской Юры (Conard, Moreau, 2004). В инвентаре второго слоя Костенок 8 имеются специфические типы сегментов (рис. 69, *1-6*) и трапеций (рис. 69, *40-43*). Сегменты в инвентаре этого поселения изготовлены на микропластинках с изогнутым профилем, а среди кремневых изделий имеются кареноидные нуклеусы (рис. 69, *36, 39*), а также округлый скребок-нуклеус (рис. 69, *35*).

Исследователь этого памятника Л.М. Литовченко отмечала, что многие микропластинки второго слоя Костенок 8 сняты скорее всего с резцов-нуклеусов (Литовченко, 1969. С. 114-116). То же самое мы можем предполагать и относительно нуклевидных скребков.

П.П. Ефименко придавал особое значение присутствию в инвентаре слоя 2 Тельманской стоянки трапеций (Ефименко, 1956. С. 48), считая их, наряду с микроостриями, одним из признаков, сближающих второй слой Тельманской стоянки и памятники Западного Средиземноморья. Однако сочетание сегментов, трапеций и микропластин с приостренными концами среди микроорудий с притупленным краем является характерным для такой стоянки как Павлов I (Klima, 1997). Л. Моро также указывает на то, что по этому признаку Костенки 8 (сл. 2) сближается с павловьеном (Moreau, 2010. P. 89). Присутствие кареноидных нуклеусов и изогнутых микропластин в составе кремневой индустрии также зафиксировано для раннеграветтских памятников Центральной Европы (Polanska, 2011. P. 147-148; Moreau, 2012b. P. 622, 624), хотя они и не относятся к основному технологическому контексту. Наиболее заметное отличие комплекса изделий из кремня второго слоя Тельманской стоянки от моравских памятников состоит в отсутствии листовидных острий с вентральной подработкой основания и ножей костенковского типа. Вместе с тем, необходимо обратить внимание на наличие на костяных украшениях, найденных при раскопках этого поселения, предмета с орнаментом в виде многорядного зигзага, выполненного из косо поставленных коротких нарезок. Этот вид орнамента широко распространен на памятниках граветта как Центральной Европы, так и Русской равнины и, возможно, имел важную смысловую нагрузку (Гаврилов 2009)[12], о чём подробнее говорится в главе 6.

Таким образом, утверждение об исключительной уникальности Костенок 8, слой 2, на фоне синхронных и более поздних граветтских

[12] Аналогичный орнамент зафиксирован на костяных изделиях стоянки Костенки 14 (сл. 2), относящейся к городцовской археологической культуре (Рогачев, Синицын, 1982. Рис. 50), что может служить свидетельством не столько исключительно «граветтской», сколько региональной, то есть центрально- и восточно-европейской атрибуции этого типа орнамента.

памятников Восточной и Центральной Европы, является преувеличением. Более корректно говорить о выраженной специализации данного комплекса. Типологически, серия узких микропластинок с притупленным краем, включая «игловидные острия», отражает стадиальную принадлежность второго слоя Костенок 8 к раннему граветту Европы и не более того.

По мнению А.А. Синицына, существует значительный хронологический разрыв между Костенками 8, сл. 2, и памятниками, относящимися к позднему граветту (Синицын, 2013; Синицын, 2014). Имеющиеся для второго слоя Костенок 8 радиоуглеродные даты показывают достаточно широкий разброс, от 27 до 23 тыс. л.н. Недавно были получены новые определения, от 25 до 23 тыс. л.н. (Лисицын, 2014. С. 180). Даже если считать возраст в 24 и 23 тыс. л.н. противоречащим стратиграфической позиции этого памятника и, соответствующие даты – омоложенными, то два других значения, 27 и 25 тыс. л.н., укладываются в общепринятые хронологические рамки верхней погребенной почвы, вмещающей культурные остатки второго слоя. Более того, второй культурный слой был зафиксирован на двух уровнях: в линзах интенсивной гумусированности нижнего уровня погребенной почвы и в ожелезненном суглинке с известковистыми стяжениями, разделявшем основание и верхнюю часть погребенной почвы (Рогачев, Аникович, Дмитриева, 1982. С. 101). Учитывая указанные особенности залегания археологического материала, дату в 25 тыс. л.н. не следует отвергать как недостоверную.

Уникальность второго слоя Костенок 8 – результат крайне неравномерной изученности ранней поры верхнего палеолита на территории Русской равнины. Перспективы изучения этого периода древнекаменного века должны быть чрезвычайно велики. Об этом свидетельствуют, по меньшей мере, два факта.

Во-первых, обнаружение при раскопках стоянки Мира под руководством В.Н. Степанчука второго культурного слоя, который залегал в погребенной почве и датируется временем 27 тыс. л.н. (Haesaerts et al, 2012).

Автор раскопок считает, что имеющиеся в инвентаре нижнего слоя Миры микролиты с краевой притупливающей ретушью аналогичны подобным изделиям из ориньякского слоя 24A1 грота Пальиччи (Степанчук, 2011. С. 144; Степанчук, 2013. С. 77). Пластинки с краевой ретушью и скошенными ретушированными концами, действительно, по типу заготовки и характеру ретуши близки пластинкам с ретушью из слоя 24A1 этого памятника (Borgia et al., 2011). Одновременно В.Н. Степанчук отмечает, что «по формальным признакам такие микролиты позволяют отнести индустрию нижнего слоя к кругу граветтских индустрий» (Степанчук, 2011. С. 144) Такая противоречивость в оценках объясняется автором отчасти тем, что в инвентаре слоя II/2 стоянки Мира, возможно, прослеживаются параллели с европейскими процессами возникновения граветта на ориньякской основе (Степанчук, 2013. С. 77). К сожалению, инвентарь нижнего слоя стоянки Мира малочислен и пока более определенные суждения относительно него, очевидно, затруднительны.

Во вторых, среди кремнёвых предметов пункта Д стоянки Хотылёво 2, зафиксированных в 2013 году в толще погребенной брянской почвы, имеется несколько диагностичных форм. Это микропластины с изогнутым профилем (2 экз., рис. 40, II, *2, 3*), нуклеусы для их снятия (3 экз., рис. 40, II, *6, 7*) и микропластина с притупленным краем со следами вентральной подработки конца (1 экз., рис. 40, II, *1*). Подобное сочетание не является необычным для ранних граветтийских памятников Центральной Европы.

Таким образом, у нас есть все основания прогнозировать, что при условии целенаправленных поисков памятников, залегающих в погребенных почвах, относящихся ко времени OIS 3, вероятность обнаружения раннеграветтских стоянок на территории Восточной Европы будет достаточно высока. При нынешнем состоянии изученности археологических источников миграционистская гипотеза не может рассматриваться как не имеющая альтернативы. Её скорее следует считать частью историографической традиции и мы с такой же степенью достоверности можем допустить

возможность формирования восточного граветта на Русской равнине в результате сложных процессов развития культуры автохтонного населения в сочетании с влиянием или взаимными контактами, связанными с культурой/населением Центральной Европы. При нынешней малочисленности комплексов раннего граветта, представленных на территории Русской равнины, все эти точки зрения – не более чем рабочие гипотезы.

Глава 5.
Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2 как проявление особого культурного варианта восточноевропейского граветта.

Село Хотылёво находится в 25 км к северо-западу от г. Брянска и административно относится к Брянскому району Брянской области (рис. 1). У его западной окраины, на краю приводораздельной площадки, расположен широкий мыс, образованный двумя древними балками, выходящими в долину р. Десны своими устьями (рис. 70, рис. 17, А). Мысовая площадка имеет северную экспозицию, так как р. Десна на этом участке долины делает резкий поворот с запада на восток, огибая плато, на котором, собственно, и расположен г. Брянск.

Балка, сформировавшая западный борт хотылёвской мысовой площадки, получила название Кладбищенской, поскольку вдоль этого борта расположено сельское кладбище. Мыс в свою очередь разделён на отдельные площадки небольшими овражками. Культурный слой Хотылёво 2 зафиксирован в пяти пунктах, получивших обозначения в буквах славянского алфавита от А до Д, в пределах широкого мыса, расположенных в его центральной и западной частях. Однако подъемный материал встречен на всем протяжении площадки мыса между двумя балками. В данной главе рассматриваются данные, характеризующие пространственную структуру и материальную культуру Хотылёво 2 на участках пунктов А, Б и В. Пункт В находится в процессе продолжающихся исследований. По этой причине его характеристика в будущем может измениться. Пункт Б исследован на относительно небольшой площади, пункты Г и Д фактически только зафиксированы разведочными работами.

Условия залегания культурного слоя во всех четырёх пунктах одинаковы. Разница проявляется только в мощности перекрывающих отложений и глубине залегания относительно постоянного репера, что вполне объяснимо топографическими условиями расположения каждого пункта.

Ниже приводится стратиграфия геологических слоёв, зафиксированная на месте расположения раскопа № I, заложенного на площади пункта Б (рис. 71; описание дается по западной стенке раскопа; описание отложений, подстилающих культурный слой, дано по восточной и северной стенкам шурфа, пробитого ниже культурного слоя в кв. Г/5-6; составлено Е.В. Воскресенской):

№ слоя	Отложения	Глубина, м	Мощность, м
1	Современная почва, верх срезан отвалом		
1а	Супесь пылеватая, серая с коричневатым оттенком, с остатками корней травянистой растительности и заносом по червеходам перемешанного материала из отвала. Нижняя граница ровная, по глубине вспашки, пологонаклонная под углом 1-2° к долине	0. 0 – 0.12	0.12
1б	Супесь темно-серая, пылеватая, влажная. В слое отмечены как естественные нарушения (биотурбации), так и следы деятельности человека (землянка киевско-колочинской культуры - 4 век н.э.). В нижней части землянки – очажная масса, по всему слою – находки во взвешенном состоянии (кремень, керамика, угольки). Вне землянки нижняя часть слоя осветлена до мышасто-серого цвета за счет выноса присыпки кремнезема. В пределах профиля землянки мощность слоя увеличена в два раза. В нижней части заполнения прослеживается уровень потемнения, сопоставимый, вероятно, со вторым гумусовым горизонтом – т.н. тимоновской почвой. Нижняя граница – неровная, языковатая, с карманами и просадками.	0. 12 – 0.30	0.17
2	Супесь белесая, тонко-пылеватая, с включениями материала более темного оттенка по многочисленным кротовинам – иллювильный горизонт современной почвы. Нижняя граница – ровная, субгоризонтальная, с падением к северу под углом около 3°.	0. 30 – 0.45	0.15
3	Суглинок рыжевато-охристый, плотный, образующий комковатые отдельности, сцементированные железистыми окислами. По порам и трещинам – высыпки белесой присыпки кремнезема. На глубине 25 см от верхней границы слоя цвет темнеет, проявляются первые прослои ортзандирования. По ним отбита нижняя граница.	0. 45 - 0.80	0.35
4	Чередование прослоев, насыщенных железистыми окислами с линзами присыпки кремнезема – ортзандовый горизонт. В правом углу прослои маркируют борт псевдоморфозы по повторно-жильному льду.	0. 80 – 1.70	0.80

	В центре стенки также отмечается клиновидная структура с асимметрией бортов и сбросом на 50 см влево от линии заложения клина. Ортзанды по левому борту псевдоморфозы отгибаются вверх и идут волнами в зоне проседания (воронки) в верхней части клина. Между клиновидными деформациями простирание ортзандов субгоризонтальное. Ожелезненные прослои наиболее мощные (до 7 см) по верху слоя, в нижней части их мощность падает до долей сантиметра. В прибортовой части клина ортзандовые прослои структурой становятся похожи на ажурную сетку (т.н. псевдофибры). Переход к сл.5 - плавный, по цвету. По всей левой половине стенки ортзандирование проработаны сл.5-6.		
5	Супесь лессовидная, серовато-палевая, карбонатная, с нечеткими прослоями более темного оттенка в верхней части и однородной сероватой прокраской в нижней. По свежей зачистке видны следы биотурбационной проработки слоя. На правой половине стенки читается взброс слоя по зане клина. Нижняя граница – четкая, по цвету, под небольшим углом падающая к долине.	1. 70 - 2.15	0.45
6	Супесь палевая с желтоватым оттенком, достаточно однородная, скрытослоистая (слоистость подчеркивается тонкими прослоями ортзандов в левой половине стенки). Новообразования карбонатов в виде псевдомицелия и стяжений по порам, в прибортовой зоне клине – пятна ожелезнения и точки органики. *Описание переносится на ступеньку ниже.* Нижняя граница – достаточно условная, по полосе ожелезнения, ниже которой слоистость проявляется уже отчетливо.	2. 15 – 2.80	0.65
7	Супесь лессовидная темно-палевая со слабым желтоватым оттенком, слоистая, более плотная и менее карбонатная, чем сл.6. В средней части – опесчаненный прослой с затеками органики по порам. Нижняя граница – ровная, по цвету.	2. 80 – 3.10	0.30
8	Супесь палево-серая, тяжелая, со следами оглеения как в общей прокраске, так и в виде отдельных сизых пятен. По высохшей стенке проступает белесый оттенок слоя по сравнению с соседними. Слоистость также подчеркивается различной скоростью высыхания толщи. Затеки органики маркируют небольшой клин в средней части слоя, отдельные пятна ожелезнения и затеки органики рассеяны и по всему слою. Нижняя граница – достаточно четкая, по смене мех. состава с супеси на суглинок, подчеркнута полосой ожелезнения.		

9	Суглинок бурый с сизоватой прокраской оглеения, слоистый, с ржавыми затеками ожелезнения, в верхней части более легкий, чем в нижней. Затеки органики образуют полосы и пятна ажурной формы. В средней части слоя - оттенок более светлый, чем общий фон. Переход к нижележащему слою - постепенный, по утяжелению мех.состава.	3. 30 - 3.45	0.15
10	Суглинок серовато-бурый, слоистый, с отдельными линзами более легкого и светлого песка (белесого, тонкозернистого). Затеки и точки органики. Ожелезнение - также в виде пятен, в правом углу - очень интенсивное, вероятно, маркирующее древнюю западину. Черные пятна пиролюзитов и сизые - оглеения. На свежей зачистке видна сеть оглееных вертикальных трещин толщиной около 0.7 см, берущих начало в сл. 5 и продолжающихся ниже. Участками по ним прослеживается бахрома ожелезнения. По нижней границе в прослое мощностью 10 см начинают встречаться отдельные выветрелые обломки костей и скопления костной трухи.	3. 45 - 4.43	0.98
11	Слой, вмещающий находки - суглинок плотный, серый с буроватым оттенком, влажный, вмещает уровнь темно-серого суглинка, замыкающегося на находки (кремень, кости, костная труха и уголь с зольной массой) в верхней части. Слой нарушен деформациями в виде трещин, проникающих из вышележащих слоев и перекрыт толщей слоистых опесчаненых отложений, что свидетельствует о быстром захоронении. *Описание переносится в шурф* Ниже уровня находок трещины местами раздваивается, под слоем с зольной массой отчетливо видны "хвосты" трещин, заполненные золой и крошкой костного угля глубиной проникновения до 25 см ниже основного слоя. Затеки оглеения проникают до сл.13.	4. 43 - 4.82	0.39
12	Меловой "диапир" - взброс мела - сурки, окаймленный перемешанным материалом, состоящим из пятен и линз оглеенного суглинка из сл.13, темно-серых линз гумусированного суглинка с включениями меловой крошки и обломков кремня, в т.ч. со следами обработки. На полу шурфа прослеживается трещина в основании клина, заложенного на уровне ортзандов. По нему также отмечаются затянутые меловые обломки и ожелезненный песок.	4, 87-5,05	0,18
13	Уровень слабого оглеения, в верхней части которого читается зона оплывания - окрашенные в коричневый цвет затеки чередуются с опесчаненными линзами. Материал слоя представлен плотным сизым	4, 82-5,32 (вид.)	0,5 (вид.)

суглинком, но распределен неравномерно – затеками. Очевидно, слои 12-13 были затронуты солифлюкционными процессами.

Нижняя граница - по зоне появления черного гумусированного материала (вероятно, мезинского) и мела-сурки - волнистая, рваная.

5.1. Пункт А.

Расположен в краевой, северной, части небольшого мыса, занимающего центральное место среди мысов между крупными балками у западной окраины Хотылёво. Исследован на площади 687 кв. м раскопами Ф.М. Заверняева (№№ 1-11) и К.Н. Гаврилова (№№ 12-14). Большая часть (554 кв. м) вскрыта раскопами №№ 1-11.

Характеристика именно этой части Хотылёвского поселения даёт представление о главных структурных и планиграфических особенностях этого памятника.

Раскопы №№ 1-11.

Основные сведения о культурном слое Хотылёвской стоянки на площади раскопов № 1-11 (рис. 72) содержатся в отчётах Ф. М. Заверняева, которые хранятся в архиве Института археологии РАН.

Культурный слой стоянки Хотылёво 2 был нарушен процессами, связанными с образованием, а затем и деградацией вечной мерзлоты, однако в целом он сохранился in situ (Величко, Грибченко и др., 1977; Гаврилов, 2008). По сведениям Ф. М. Заверняева, в целом культурный слой залегал относительно горизонтально. Это подтверждается и полученными данными о нивелировочных отметках культурного слоя. Наиболее высокая часть поселения находилась в восточной части памятника (раскоп № 1), наиболее низкая - в юго-западной (раскоп № 11). Перепад высот составляет 65 см. Однако, учитывая результаты нарушения слоя в процессе деградации вечной мерзлоты, следует уменьшить эту цифру до 40-30 см. Для расстояния более чем в 25 м это незначительная величина, но следует отметить, что понижение поверхности слоя идёт в направлении от современной долины р. Десны.

К структурным элементам культурного слоя Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки можно отнести очаги, скопления костного угля и золы (“зольники”), группы вкопанных вертикально или под сильным наклоном костей, преимущественно - мамонта, скопления костей и кремня, линзы охры, ямы и ямки, а также группы специально отобранных и преднамеренно сгруппированных костей, также - мамонта. Кроме них, культурный слой содержал многочисленные костные остатки и предметы из кремня, не образующие отдельных скоплений. В центральной части поселения слой был окрашен костным углём и золой в тёмно-серый или чёрный цвет. В периферийной зоне, на северо-западном, западном и юго-западном участках стоянки, такой окрашенности не было. Общая мощность культурного слоя менялась от 10 см за пределами скоплений золы и угля до 50 см на месте углублений и ям. Минимальная мощность зафиксирована в южной и юго-западной части вскрытой площади - от 3 до 5 см.

При разборке культурного слоя на площади раскопа № 6 Ф. М. Заверняев обратил внимание на то, что группы вертикально стоящих трубчатых костей располагаются по периметру округлой площадки диаметром около пяти метров (Заверняев, 1974). Подобное концентрическое расположение вбитых костей даёт возможность выделить остатки довольно крупных комплексов взаимосвязанных объектов (рис. 73).

Первый комплекс располагался к востоку от “зольника” и примыкал к его “коридору”, его размеры в поперечнике составили около 4,5х6,5 м (рис. 74). Именно в его центре находился углубленный очаг № 1. К северу от очага зафиксировано скопление костного угля и золы. По краям объекта были расположены углублённые скопления костей, одно из которых было окрашено охрой. Кроме того, с границей комплекса № 1 были связаны скопления кремня. Два вкопанных черепа из второй группы специально отобранных костей примыкали к восточному краю границы, обозначенной вертикально стоящими костями.

Комплекс № 2 находился к западу от “зольника” и “коридора” (рис. 27).

Это - расположенные по кругу диаметром около 5,5 м вбитые кости. В отличие от первого комплекса, весь пол второго был покрыт тонким слоем угля и золы (рис. 75). Кроме того, внутри площадки располагались три группы таких же вбитых костей, образующих линию, как бы разделяющую её на две части. В южной части площадки находилась линза костного угля и золы мощностью до 13 см, предположительно интерпретированная Ф. М. Заверняевым как неуглублённый очаг. И в данном случае группы специально отобранных костей располагались по границе комплекса: углублённый череп мамонтёнка и вкопанный череп. Таким же образом располагались и небольшие ямы с обломками костей.

Третий комплекс находился к западу от “зольника” № 2 и к северу от второго комплекса (рис. 76). Его граница очерчивалась расположенными по кругу диаметром 3,5 м вбитыми костями. Однако в центре этого круга очага не было, но там находилась линза охры. По контуру круга располагались ямки и углубления, заполненные кремнем, золой и костями. К южному краю данного комплекса примыкала пятая группа специально отобранных костей.

Комплекс № 4 не имел замкнутой границы и был ограничен группой вбитых костей, примыкавших непосредственно к восточному краю второго комплекса, образовывая дугу вокруг очага № 2 (рис. 77). Вкопанные кости располагались также к югу от второго очага и находились на одной линии, соединяющей очаг № 2 и остатки вкопанного черепа, погребённые большим “зольником”. Очевидно, в данном случае перед нами остатки комплекса, который существовал до его образования. В пользу этого вывода свидетельствует характер микростратиграфии слоя, прослеженный в бровке раскопа № 5, а также перекрывание очага скоплением костей, связанных с “зольником” (рис. 78).

Далеко не все вкопанные кости сосредоточены в пределах рассмотренных комплексов. Частично они располагались по северо-восточной и северной окраинам стоянки. Но понять определённо, к каким объектам эти кости относятся, довольно сложно, так как данный участок памятника

разрушен склоновыми процессами.

На площади раскопов Ф.М. Заверняева выделяются ещё два комплекса объектов, однако их планиграфическая связь не определяется вбитыми/воткнутыми костями мамонта (Гаврилов, 2008).

Все рассмотренные выше элементы культурного слоя характеризуют центральную часть Хотылёвского поселения, которую отличают наиболее ярко выраженный культурный слой с максимальной плотностью находок и окраской. К западу, юго-западу и югу от центральной части поселения располагалась периферийная зона (рис. 79). Она была представлена маломощным костеносным слоем, состоявшим из рёбер, эпифизов, обломков позвонков, а иногда и целых позвоночных столбов, черепных костей мамонта, редких - фрагментов рогов северного оленя. В южной части поселения были зафиксированы скопления костного угля и золы. На границе периферийной зоны стоянки располагались два углублённых очага. В западной части периферии был обнаружен горизонт залегания находок, расположенный выше основного костеносного слоя. Разница в глубинах залегания составляла от 5 до 20 см. Эти находки были представлены рёбрами и обломками бивней мамонта. Залегали они в неокрашенном слое суглинка над слоем, содержавшем основную массу находок. Эта ситуация была зафиксирована Ф.М. Заверняевым в профиле западной стенки раскопа № 11 (рис. 80). Эта же ситуация была зафиксирована в ходе раскопок Хотылёвской археологической экспедиции ИА РАН на площади раскопа № 13. В целом, культурный слой, изученный на площади раскопов №№ 12-14, по своим особенностям может быть сопоставлен с периферийной зоной поселения на участке пункта А (Гаврилов, 2008).

Общая характеристика пространственной структуры пункта А.

Пространтственная структура пункта **А** в отношении большинства зафиксированных на его площади объектов может быть представлена как сложный комплекс взаимосвязанных объектов хозяйственно-бытового и культового назначения. В этом отношении основной вывод Ф.М. Заверняева

не вызывает возражений (Заверняев, 2000). Однако далеко не все объекты, обнаруженные в раскопах №№ 1-14, могут рассматриваться как составные части такого большого комплекса. К ним относятся: большой “зольник” вместе с очагом № 3, первый, второй, и, по-видимому, третий комплексы со вкопанными костями (рис. 81). Положение углублённого очага № 4 в этом комплексе остаётся неясным. Возможно, он являлся частью второго комплекса со вкопанными костями. Однако не исключено и более раннее его образование. Такие объекты, как очаг № 2, очаг № 5, остатки вкопанного черепа № 10, вкопанныые кости, группировавшиеся вокруг второго очага, а также ямы с костями, перекрытые “зольником”, могли быть частью более раннего хозяйственно-бытового и культового комплекса, позже частично разрушенного, а частично и перекрытого объектами, перечисленными выше, и так или иначе связанными с «зольником». Однако этот более ранний комплекс по своим структурным особенностям был аналогичным более поздним, хорошо сохранившимся. Иными словами, мы можем говорить о весьма большой вероятности того, что в культурном слое пункта А Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки в целом выделяются два этапа его формирования. Каждый из этих этапов мог соответствовать самостоятельному периоду обитания первобытных людей на стоянке. Характер стратиграфии культуросодержащих отложений в в юго-западном секторе раскопа № 11 и северо-восточной части раскопа № 13 не противоречит такому заключению.

Структура Хотылёвского верхнепалеолитического поселения позволяет рассматривать его как самостоятельный тип памятника, не имеющего пока общих аналогов среди стоянок верхнего палеолита Европы. Однако некоторые элементы связывают Хотылёво 2 с целым рядом восточнограветтских стоянок Русской равнины. К таким элементам относятся вкопанные кости мамонта и группы специально отобранных костей, включающих в себя черепа, лопатки и тазовые мамонта.

Широкое распространение вкопанных костей мамонта на памятниках

восточного граветта уже отмечалось в отечественной литературе (Сергин, 1998; см. также: Ефименко, 1958; Рогачёв, 1957; Трусов, 1994). В свою очередь, группы специально отобранных и уложенных костей мамонта также позволяют установить аналогии среди восточнограветтийских стоянок.

В этом смысле ближайшей аналогией может служить поселение Пушкари I. Например, при раскопках как большого, так и малого пушкарёвских жилищ были зафиксированы остатки вкопанных черепов мамонта. Характерно, что по всему периметру жилища, в 20-50 см от краёв западины, были обнаружены ямки с остатками вертикально стоящих костей конечностей.

Каменный инвентарь пункта А.

Хотылёвское поселение расположено в непосредственной близости от источников сырья, которое в окрестностях с. Хотылёво представлено плитчатым кремнем тёмно-серого, реже – чёрного или коричневого, цвета. При патинизации этот кремень принимает белесую, иногда пятнистую окраску. Именно из такого плитчатого сырья изготавливались преимущественно каменные орудия Хотылёво 2. Внутри плиток часто встречаются пустоты, заполненные известковым материалом. В коллекции имеются также немногочисленные изделия из чёрного валунного кремня, по всей видимости, не местного происхождения. Его качество заметно выше по сравнению с плитчатым сырьём.

Подробная характеристика предметов первичного раскалывания из коллекции Ф.М. Заверняева была дана А.Б. Селезнёвым (Селезнёв, 1998), на более своременном уровне технология раскалывания охарактеризована Д.К. Еськовой (Еськова, 2013; Еськова, 2015). В целом, результаты этих исследования таковы. Во-первых, технология раскалывания кремня, применявшаяся обитателями Хотылёво 2, была направлена на получение в качестве основных заготовок крупных и, во вторую очередь, средних пластин, на которых изготовлено большинство предметов с вторичной обработкой. Во-вторых, собственно процесс раскалывания начинался с подготовки заготовок

нуклеусов, которые представляли собой бифасиально обработанные плитки кремня. Основной технологический контекст характеризуется при этом нуклесами с односторонними поверхностями раскалывания, в большистве своём – торцовыми. В-третьих, все пластины-заготовки снимались при помощи техники удара с использованием мягкого минерального отбойника. Крупные и средние пластины, полученные в процессе утилизации нуклеусов основного технологического контекста, не отличались ярко выраженной стандартизацией метрических признаков. Их различие, помимо размеров, проявлялось в степени симметрии и заострённости краёв, а также огранки дорсальной части. Все эти признаки характерны и для технологии расщепления кремня на таких опорных памятниках восточного граветта Русской равнины как Костёнки I (1 сл.), Авдеево, Гагарино и Зарайск (Гиря, 1997; Селезнёв, 1998; Тарасов, 1979; Трусов, 1998; Еськова, 2013).

Предметы с вторичной обработкой из раскопов №№ 1-11.

Коллекция предметов с вторичной обработкой, собранная на площади раскопов №№ 1-11, насчитывает более пяти с половиной тысяч экземпляров (табл. 5). Общее количество кремнёвых изделий Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки, хранящихся в Брянском областном краеведческом музее, составляет около сорока тысяч, процент орудий достигает почти 14-ти процентов. Это невероятно высокий показатель для памятника, расположенного вблизи источников сырья. Причиной такой странной особенности, скорее всего, стало то обстоятельство, что во время раскопок Ф. М. Заверняева большое количество кремнёвых предметов уходило в отвал (устное сообщение А. Н. Сорокина). Это заставляет достаточно осторожно относиться к статистическим данным, характеризующим хотылёвский инвентарь. Нельзя исключать и того, что в коллекцию могли не попать и какие-то разновидности предметов с вторичной обработкой.

Основу коллекции составляют резцы, скребки, пластины и микропластины с притупленным краем, на долю которых приходится более

семидесяти процентов всех орудий. Подавляющее большинство предметов с вторичной обработкой изготовлено на пластинах достаточно крупных размеров (см.: Селезнёв, 1998).

Орудий на отщепах известно менее трёх десятков, однако этот показатель может быть заниженным в силу методических особенностей раскопок Ф. М. Заверняева.

Резцы (табл. 6). Предметы этой категории составляют наиболее многочисленную серию орудий (2354 экз., 42, 6 %). Только десять из них изготовлено на отщепах, в остальных случаях заготовкой были пластины. Большинство пластин крупных размеров, длиной не менее 7 см, шириной около 2-2,5 см и толщиной от 5 до 7 мм в среднем. Для изготовления резцов использовались и более узкие пластины, шириной от 1,5 до 1,7 см, однако достаточно массивные и длинные. Резцовая кромка, как правило, имеет ширину от 3 до 5 мм. Более узкие - редки, причём узкие резцовые кромки встречены на резцах, изготовленные как на крупных, так и на относительно узких пластинах. Ретушь краёв нехарактерна и, как правило, нерегулярна. Регулярная притупливающая и полукрутая ретушь обычно оформляет край, с которого снимался резцовый скол. У большинства резцов основания пластин сломаны, однако у некоторых прослежена подработка краёв у основания при помощи притупливающей и полукрутой ретуши. Рабочие части нескольких резцов и, в одном случае, край вместе с основанием, имеют подтёску (рис. 82, *9, 10*).

Среди одинарных резцов (1924 экз.) наибольшую серию составляют двугранные (775 экз., 40,3 %, рис. 82, *1-8*). Большая часть двугранных резцов имеет симметрично расположенную относительно длинной оси орудия резцовую кромку (495 экз.), однако асиметричные формы также многочисленны (280 экз.). И в той, и в другой группе резцов многочисленны многофасеточные (175 экз., 22, 6 %), среди которых выделяется серия предметов (45 экз.), у которой многофасеточная грань образована трансверсальными сколами (рис. 82, *3, 4, 6*). Среди них имеется форма,

напоминающая тип бюске (рис. 82, *2*).

Ретушные резцы, хотя и менее многочисленны, однако образуют весьма представительную серию предметов (587 экз., 30,5 %, рис. 83, *1-7, 9*). Абсолютное большинство этих изделий (543 экз.) имеет скошенную ударную площадку, образованную крупной полукрутой или притупливающей ретушью. В лвух случаях ретушь нанесена со спинки на брюшко пластины. Достаточно многочисленны предметы с вогнутой ударной площадкой: 92 и 15 экземпляров среди скошенных и поперечных форм соответственно (рис. 83, *5, 6, 9*). Среди скошеннoретушных резцов выделяется также серия предметов, у которых резцовый скол нанесён под углом к длинной оси орудия, в результате чего резец принимает симметричные очертания (рис. 83, *1. 2*).

Резцы на сломе заготовки почти столь же многочисленны, как и ретушные (532 экз., 30,5 %). Среди них в инвентаре стоянки имеется два предмета, у которых край, противоположный тому, с которого снят резцовый скол, обработан полукрутой ретушью. Ретушь располагается на участке, примыкающем к ударной площадке, и оформляет длинную выемку (рис. 83, *10, 11*). Один из резцов изготовлен на широкой массивной пластине, второй – на узкой пластинке, что свидетельствует о неслучайности данной формы.

Комбинированные резцы (274 экз.) представлены сочетаниями двугранных, ретушных и на сломе заготовки. Наиболее многочисленны двойные резцы на сломе заготовки (66 экз.) и сочетания двугранных резцов и резцов на сломе заготовки (60 экз.).

В коллекции имеются также трансверсальные резцы (21 экз.) и предметы, у которых ударной площадкой для снятия резцового скола служила одна из граней заготовки (9 экз.). Среди трансверсальных резцов три предмета могут быть отнесены к резцам супоневского типа (рис. 83, *8*). Кроме того, среди хотылёвских резцов имеется два предмета, которые были переоформлены при помощи нескольких сколов, нанесённых на спинку и брюшко. В результате такого переоформления резцовая кромка оказалась развёрнутой по линии дистального конца, на котором до этого располагалась

ударная площадка (рис. 83, *12, 13*).

Сломанных неопределимых резов в коллекции 156 экземпляров.

Нуклевидные резцы. Среди каменных орудий Хотылёво II выделяется небольшая, но достаточно выразительная серия этих предметов (31 экз., рис. 84, *1-7*). Они были выделены в отдельную категорию, поскольку их морфологические особенности позволяют рассматривать эти резцы в качестве ориньякоидного элемента в инвентаре стоянки. Среди них выделяются двугранные (12 экз.; рис. 84, *1-3, 5-7*) и трансверсальные (11 экз.; рис. 84, *4*). Два предмета в этой серии изготовлены на отщепах, один - на фрагменте массивного куска плитки кремня. Эти изделия, скорее всего, являются вторичными ядрищами (рис. 84, *4-7*). Не исключено, что аналогичное назначение имеет большинство хотылёвских нуклевидных резцов (Селезнёв, 1998, с. 224[13]).

Скребки (табл. 7). Предметы данной категории (711 экз., 12, 9 %, рис. 85; 86, *1-13*) в инвентаре Хотылёвской стоянки довольно однообразны. Более девяноста процентов скребков составляют концевые на пластинах (671 экз.). Большинство пластин крупных размеров, длиной от 6 до 8 см, шириной от 2 до 3,5 см, и как правило массивные. Ретушь краёв нехарактерна. Скребковый край полукруглый или слабовыпуклый, иногда прямой. В последнем случае краевые крупные фасетки соединяют его с краями скребка под углом. Единичные предметы имеют подтёску на брюшке у рабочей части (рис. 85, *1, 4*). Скребковая ретушь крупная, полукрутая или крутая. У семнадцати скребков она как бы нависает над плоскостью брюшка заготовки. Отчасти это вызвано тем, что резцовый край оформлялся на «ныряющем» окончании пластины, отчасти - сработанностью скребкового лезвия. В последнем случае образовывалось некоторое подобие выступа. У трёх предметов скребковые лезвия имели выемки. Кроме того, среди концевых скребков имеется небольшая серия изделий, чей рабочий край был оформлен некрупной

[13] В статье А.Б. Селезнёва они отнесены к многофасеточным резцам.

приостряющей ретушью на тонком конце заготовки (20 экз., рис. 85, *8, 10*). Шесть предметов имеют слегка вытянутый рабочий край. У стольких же скребков имеется слабо выраженное плечико. Выделяется также небольшая серия так называемых «приспособленных» скребков (32 экз., рис. 86, *10, 11*). Эта группа изделий была отмечена в инвентаре Зарайской стоянки Х.А. Амирхановым (Амирханов, 2000). Один из скребков на пластине имеет боковую выемку, оформленную притупливающей ретушью (рис. 86, *3*).

Двойные и скребки на отщепах немногочисленны - 26 и 14 экз. соответственно. Для двойных скребков характерны вытянутые пропорции и отсутствие регулярной ретуши по краям (рис. 86, *12, 13*). Скребки на отщепах также имеют вытянутые прпорции, однако по своим размерам они меньше скребков на пластинах (рис. 86, *4*). Лишь один экземпляр изготовлен на крупном отщепе и, к тому же, имеет ретушированные края (рис. 85, *4*).

Пластины со срезанным ретушью концом представлены 146 экземплярами (рис. 87, *9-12*). По размерам заготовок и характеру ретуши они сближаются с ретушными резцами, а некоторые из них - со скребками, изготовленными на пластинах шириной около 1,7 см. Эта категория делится на почти равные в количественном отношении группы скошенных и поперечных - 80 и 66 предметов соответственно. Обработанный ретушью конец пластины, как правило, прямой или слабовыпуклый. Один предмет имеет проксимальный конец, обработанный полукрутой вентральной ретушью (рис. 87, *9*).

Категория ***piece ecaille*** представлена всего лишь одним предметом, изготовленным на отщепе. При помощи подтёски у этого изделия было произведено утоньшение проксимального конца (рис. 92, *8*).

Ножи костёнковского типа (рис. 87, 1-7) охарактеризованы в соответствующем разделе главы 4. Повторим только, что ножи костёнковского типа пункта А представлены вариантами, характерными и для костёнковско-авдеевской культуры, с той только разницей, что к ним относятся единичные экземпляры.

Небольшую, но также довольно выразительную серию образуют ***проколки*** (46 экз., рис. 88, *1-6*). Большинство из них (41 экз.) имеет короткое жало подтреугольной формы, как правило, скошенное (20 экз.). Жало оформлялось мелкой притупливающей или полукрутой ретушью и могло подправляться вентральной плоской ретушью. Имеется один экземпляр проколки с коротким жалом, изготовленный на отщепе. Кроме того, в коллекции представлены четыре проколки с массивным, слегка скошенным и довольно длинным жалом, оформленным крупной полукрутой и притупливающей ретушью. Все они изготовлены на крупных пластинах (рис. 88, *1,2*).

Пластины с выемками (507 экз.) не образуют сколь-нибудь устойчивых групп внутри категории. Выемки располагаются по краям бессистемно и, вероятно, являются результатом утилизации пластин (рис. 93, *11-17*). У одной пластины выемки оформили зубчато-выемчатый край, аналогичный тому, который имеется у «пилок»-пластинок с притупленным краем (рис. 88, *11*).

Острия на пластинах. Серия предметов этой категории также выразительна и разнообразна (141 экз., 2, 6 %; рис. 89, *8-24*). Изготовлены они на пластинах различных размеров – от крупных массивных до узких и тонких. По особенностям вторичной обработки и характеру заготовки они могут быть разделены на несколько групп. К первой относится большинство острий, изготовленных на узких пластинах (60 экз.), которые имеют длину, не превышающую 6 см, и ширину не более 1,7 см. Пластины подработаны у самого конца мелкой притупливающей или приостряющей ретушью с двух или даже одного края. Подработка была минимальной, поскольку сама форма заготовки не требовала большего (рис. 89, *8-10*). Вторая группа состоит из 20 предметов. Они изготовлены на более крупных и широких пластинах, у которых остриё оформлено полукрутой ретушью по двум краям в дистальной части заготовки (рис. 89, *22*). Кроме того, одно симметричное массивное вытянутое остриё на крупной пластине, оформленное крупной полукрутой ретушью по двум краям (рис. 89, *21*) может рассматриваться в качестве

разновидности этой формы. У данного изделия ретушь на левом крае оформляет более протяжённый участок, чем на правом. Ещё шесть предметов могут быть отнесены к следующим группам[14]: 3) симметричные острия на крупных пластинах с подпараллельными краями и регулярной огранкой, оформленные приостряющей ретушью по двум краям полностью или частично (2 экз., рис. 89, *19, 20*); 4) симметричное массивное остриё на крупной пластине, оформленное крупной полукрутой ретушью по двум краям на участках, прилегающих к острию (рис. 89, *24*); 5) симметричное остриё на узкой не массивной пластине, оформленное полукрутой ретушью по двум краям на участках, прилегающих к острию (рис. 89, *17*); 6) асимметричное массивное остриё, оформленное крупной полукрутой/притупливающей ретушью, срезающей конец заготовки (2 экз., рис. 89, *23*). Предметы, отнесённые к группам 4 и 5 фактически представляют различные варианты одной формы. Остриё из группы 6 демонстрирует пограничную форму между симметричным массивным и косым остриём. Что касается предметов из группы 3, то они относятся к широко распространённым среди граветтийских памятников остриям на пластинах. До некоторой степени они могут быть сопоставлены и с листовидными наконечниками, оформленными при помощи краевой ретуши, которые выделяет Х.А. Амирханов (Амирханов, 1998, с. 24). В данном случае речь не идёт о тождественности хотылёвских острий с названными предметами. Мы не знаем, были ли хотылёвские острия двуконечными, поскольку проксимальные части пластин, из которых они изготовлены, сломаны. Кроме того, хотя максимальное расширение и приходится у этих изделий на среднюю часть пластины, однако оно не выражено столь сильно, как у листовидных наконечников. С наконечниками их сближает использование краевой ретуши и крупной широкой пластины. Наконец, следует отметить группу так называемых косых острий (54 экз.), которые примыкают к пластинам со срезанным ретушью концом (рис. 89, *13,*

[14] Нумерация групп продолжает начатую выше.

15, 16). Полукрутая или притупливающая ретушь срезает конец заготовки под углом таким образом, что формируется остриё. Большая часть предметов имеют прямой или выпуклый ретушированный конец, однако некоторая часть - вогнутый и выпукло-вогнутый (12 экз., рис. 89, *15, 16*). Последние сближаются с проколками, у которых жало оформлялось одним ретушированным плечиком. Среди изделий данной группы имеются также два двойных экземпляра.

Наиболее ярко особенности хотылёвского кремнёвого инвентаря проявляются в категориях острий с притупленным краем, а также пластин и микропластин с притупленным краем (75, 334 и 489 экз. соответственно). В совокупности они составляют более 16 % всех предметов с вторичной обработкой.

Наконечники с боковой выемкой (рис. 89, 1-7) – охарактеризованы в главе 4. В литературе была высказана точка зрения о том, что предметы данной категории отсутствуют в инвентаре Хотылёвской стоянки (Булочникова, 1998а, с. 71). Е.В. Булочникова считала, что наконечниками с боковой выемкой ошибочно были названы пластинки с притупленным краем, имеющим выступ, а также обломки дистальных и проксимальных концов, «остающихся при сегментации в процессе производства пластинок с притупленным краем» (там же).

Действительно, большая часть наконечников с боковой выемкой (12 экз.) имеет перо и черешок, одинаково обработанные притупливающей ретушью. Однако, даже если считать верным утверждение о том, что ретушь наносилась с разных концов пластины, она всё равно оформляет не выступ на притупленном крае, а морфологически выраженные перо и черешок. Кроме того, в коллекции имеются изделия с пером и черешковой частью, которые оформлены различными приёмами вторичной обработки.

Немногочисленная категория наконечников с боковой выемкой, имеющихся в инвентаре Хотылёвской стоянки, позволяет, тем не менее, выстроить целый ряд разноуровневых аналогий между предметами этой

категории. Они характеризуются отличительными признаками, начиная с самых общих, которые встречаются довольно широко на территории Восточной Европы, и завершая особенностями, характерными только для Хотылёво 2. Весьма симптоматично, что среди наконечников с боковой выемкой в Хотылёво 2 зафиксированы типы, которые ранее не встречались в одном контексте и входят в состав инвентарея стоянок Молодово V (сл. 7) и южного комплекса третьего слоя стоянки Костёнки 21 соответственно.

Острия с притупленным краем (рис. 90, 1-12) частично охарактеризованы в главе 4. Для хотылёвских острий характерно преобладание двух типов: микрограветт и вашон. Имеются также предметы, которые можно отнести к типу федермессер. Выделяется также серия симметричных узких острий, изготовленных при помощи встречной ретуши одного края (10 экз., рис. 90, *3*). Среди обломков, которые, по всей видимости, также относятся к остриям с притупленным краем, имеются фрагменты с псевдорезцовыми сколами (рис. 90, *10*), свидетельствующие об использовании этих предметов в качестве наконечников метательного оружия. Соотношение ширины и толщины острий с притупленным краем приведено на рис. 91, *б*[15].

Пластины / пластинки и микропластины с притупленным краем (рис. 90, 13-32) – охарактеризованы в главе 4. Корреляция значений ширины и толщины предметов этой категории приведена на рис. 91, *а*.[16]

Пластины и отщепы с ретушью (508 и 3 экз.) также не образовывают устойчивые группы. В эти категории вошли сколы с бессистемно расположенными ретушированными участками краёв. Как и в предыдущем случае, они могут быть результатом использования сколов в качестве орудий. Крайняя малочисленность отщепов с ретушью, очевидно, косвенно отражает факт преднамеренного отбора Ф.М. Заверняевым предметов со вторичной обработкой в коллекцию, предназначавшуюся для хранения в музее.

Комбинированные орудия в большинстве своём представлены резцами-

[15] Острия граветт отмечены крестиком.
[16] ППК на нём обозначены косым крестиком; косой крестик, вписанный в кружок, обозначает применение встречной ретуши.

скребками (107 экз., рис. 84, *8-14*). Встречены также сочетания скребка и пластины со срезанным ретушью концом (1 экз., рис. 86, *1*), резца и ножа костёнковского типа (1 экз.,), резца и пластины со срезанным ретушью концом (3 экз.), резца и косого острия (1 экз.), скребка и косого острия (3 экз.), скребка и ножа костёнковского типа (2 экз., рис. 86, *2*), резца и проколки (1 экз.).

Скрёбла. В коллекции Хотылёвской стоянки имеется три предмета данной категории. Два из них относятся к одинарным продольным, одно скребло – одинарное поперечное. Последнее имеет подработку краёв резцовыми сколами (рис. 86, *15*). Все скрёбла изготовлены на крупных массивных отщепах при помощи крупной полукрутой многорядной ретуши.

Среди предметов с вторичной обработкой Хотылёво 2 имеется также одно изделие ***индивидуальной формы*** (рис. 88, *10*). Это пластина с мелкой краевой ретушью на скошенном дистальном конце, у которой при помощи крупной притупливающей и полукрутой ретуши оформлен черешок. Проксимальный конец пластины сломан, основание черешка - утеряно. Правый край пластины имеет мелкие выщербины – следы использования.

Сломанных неопределимых предметов с вторичной обработкой в инвентаре Хотылёвской стоянки насчитывается 12 экземпляров. Они были выделены в отдельную категорию, так как в отличие от пластин и отщепов с ретушью имеют морфологические признаки законченных орудий. Однако атрибутировать их не представляется возможным из-за большой степени фрагментированности.

Каменный инвентарь коллекции раскопов №№ 12-14.

Общее количество предметов каменного инвентаря, собранных на площади раскопов №№ 12-14 (2216 экз.), на два порядка уступает коллекции Ф.М. Заверняева. Тем не менее, состав предметов первичного раскалывания, а также изделий с вторичной обработкой, обнаруживает такие характеристические черты, которые могут рассматриваться в качестве проявления фациальности каменного инвентаря. В данном случае речь идёт об особенностях, характеризующих специфику инвентаря «периферийной» части

Хотылёвского поселения. Необходимо сразу отметить, что эта специфика проявляется не столько в процентных долях тех или иных категорий изделий, сколько в наличии или отсутствии определённых форм внутри каждой из рассматриваемых категорий.

Кремнёвые изделия из раскопов №№ 12-14 изготовлены из того же сырья, что и предметы из раскопов №№ 1-11. Набор предметов первичного раскалывания свидетельствует о том, что процесс утилизации плитчатого кремня происходил непосредственно на месте изученной площади (табл. 8). В пользу этого вывода свидетельствует не только наличие заготовок нуклеусов, но и присутствие в инвентаре крупного фрагмента плитки кремня, а также первичных отщепов, в том числе - сколов оббивки меловой корки.

На вскрытой площади был обнаружен один пре-нуклеус с односторонне оббитыми краями, изготовленный на плитке. У одного из нуклеусов была снята ребристая пластина, однако дальнейшая его утилизация не производилась. Серия целых нуклеусов невелика и насчитывает пять экземпляров. Четыре предмета изготовлены из плитчатого сырья и только один – из желвачного. Нуклеусы, изготовленные из плитчатого кремня: одноплощадочнаяый однофронтальный торцовый (1 экз.), двуплощадочный однофронтальный торцовый (1 экз.), двуплощадочная двуфронтально-конвергентный (1 экз.), двуплощадочный однофронтальный, с широким выпуклым фронтом (1 экз.). Нуклеус, изготовленный из желвачного сырья, представлен одноплощадочным однофронтальным, с широким выпуклым фронтом скалывания.

Среди пластинчатых сколов были зафиксированы одиннадцать ребристых, один из которых представлен микропластиной. Все ребристые пластины отосятся к односторонним. Среди отщепов также были выделены два ребристых изделия и также – односторонние. Этот факт хорошо согласуется с тем, что на площади раскопов №№ 12-14 были найдены заготовки нуклеусов с односторонне оббитыми краями.

Пластины и микропластины в совокупности составляют 26,31 % от

общего количества расколотого кремня (рис. 92, *1-17, 34-36*), отщепы и чешуйки количественно превышают серии пластин или микропластин, их доля в инвентаре – 16,11 и 38,36 % соответственно. Среди отщепов и пластин имеются как первичные сколы, так и те, которые связаны с последующими стадиями утилизации сырья. Однако необходимо отметить, что среди пластинчатых сколов из коллекции раскопов №№ 12-14 крупные экземпляры, ширина которых составляет от 25 до 30 мм, представлены всего 31 экземпляром, то есть немногим более 14 % от общего количества пластин. К тому же, все они были найдены во фрагментированном состоянии. Остальная часть пластин делится примерно на равные доли между средними, с шириной от 18 до 24 мм, и узкими, ширина которых имеет значение от 12 до 17 мм. Обращает на себя внимание, в связи с этим, значительная доля микропластинчатых сколов (370 экз., 16,70 %). В эту группу вошли как пластинки, с шириной скола от 10 до 12 мм, так и, собственно, микроплстинки, ширина которых составила от 4 до 8 мм. Другими словами, для набора пластинчатых сколов, собранных на площади раскопов №№ 12-14, не характерно присутствие значительной серии крупных сколов. В целом, их облик определяется средними и узкими пластинами и пластинками.

Сколы вторичной обработки представлены чешуйками, резцовыми и краевыми сколами (рис. 92, *18-33*). Чешуйки по степени представленности (38,36 %) значительно превосходят отщепы (16,11 %). Среди чешуек выделяются ламиллярные формы (рис. 92, *18-29*). Устойчивую серию составляют резцовые сколы (101 экз., 4,56 %), что соответствует степени представленности среди кремнёвых орудий резцов (см. табл. 9). Краевых сколов найдено пять экземпляров, но и это количество свидетельствует о возможном использовании на данном участке пункта А ножей костёнковского типа, хотя самих предметов этой категории среди изделий с вторичной обработкой раскопов №№ 12-14 нет.

Предметы с вторичной обработкой немногочисленны (142 экз., табл. 9) и составляют немногим более шести процентов от общего количества

расколотого кремня. Этот показатель в два раза меньше аналогичных данных, которые были зафиксированы для памятников костёнковско-авдеевского типа, не расположенных вблизи источников сырья (Гвоздовер, 1998), однако вполне сопоставим с процентом орудий в составе зарайской коллекции (Трусов, 1998; Лев, 2009). По всей видимости, именно такую долю составляли предметы с вторичной обработкой и в составе расколотого кремня, первоначально собранного Ф.М. Заверняевым.

Общий категориальный состав кремнёвых орудий, собранных на площади раскопов №№ 12-14, значительно беднее по сравнению с инвентарём центральной части пункта А. Прежде всего, среди предметов с вторичной обработкой отсутствуют такие категории как острия с притупленным краем и наконечники с боковой выемкой, во всяком случае, их целые экземпляры, а также - ножи костёнковского типа, скрёбла, piece ecaille. В свою очередь, среди имеющихся орудий более семидесяти процентов относится к трём категориям: резцам (45,07 %), мппк (12,68 %) и скребкам (12,68 %). Характерно, что, несмотря на более богатый категориальный состав инвентаря центральной части пункта А, в его коллекции доля резцов, скребков, а также ппк и мппк составляет 70 % от общего количества предметов с вторичной обработкой. В этом отношении площадь раскопов №№ 12-14 не отличается радикально от площади центральной части пункта А.

Резцы являются преобладающей категорией (рис. 93). Почти все они, кроме двух экземпляров, изготовлены на пластинах средних пропорций. Два резца изготовлены на отщепе. Среди одинарных резцов почти поровну представлены группы двугранных и ретушных (46,67 и 43,33 %; табл. 10). Это равновесие перерастает даже в незначительное преобладание ретушных, если учесть, что среди четырёх двойных резцов четыре рабочих участка представлены также ретушными формами. Оба резца на отщепах относятся к двугранным. Как среди двугранных, так и среди ретушных выделяются многофасеточные формы, некоторые из которых могут быть отнесены к нуклевидным. Всего многофасеточных резцов немного – 9 предметов, 7 из

которых входят в группу двугранных. К нуклевидным относится единственный экземпляр трансверсального резца (рис. 93, *1*). Один нуклевидный двугранный резец представлен изделием на отщепе (рис. 93, *12*).

Скребки составляют серию из 18 предметов, включая семь экземпляров так называемых приспособленных скребков (табл. 11, рис. 94). Большинство изготовлено на пластинах. В отличие от резцов, среди скребков в качестве заготовки использовались как крупные, так и средние пластины с подпараллельными краями. Ретушь края для этих изделий не характерна. Только у одного скребка с расходящимися краями имелась подработка одного из них разноразмерной ретушью. В группе концевых на пластинах имеются два предмета с выделенным рабочим краем при помощи плечиков. В одном случае плечики были образованы на массивной крупной пластине при помощи глубоких выемок, так что рабочая часть выделена в виде «рыльца» (рис. 94, *5*). Во втором случае выемки неглубокие, оформлены по краям средних размеров пластины при помощи полукрутой ретуши (рис. 94, *1*). В месте соприкосновения с прямым лезвием ретушированные плечики образовали небольшие выступы.

Микроострия с притупленным краем представлены тремя фрагментами (рис. 95, *1-3*), два из которых, впрочем, скорее всего, относятся к категории мппк. Изготовлены они на пластинках при помощи вертикальной ретуши, срезавшей до половины ширины заготовки. У одного из этих предметов притупленный край частично обработан встречной ретушью (рис. 95, *2*). Встречная ретушь использовалась и при обработке притупленного края у единственного имеющегося в коллекции экземпляра пластины с притупленным краем (рис. 95, *22*). Возможно, что этот предмет является фрагментом граветтского острия.

Среди микропластин с притупленным краем предметы с встречной ретушью отсутствуют. Ширина мппк в данной коллекции - от 4 до 8 мм. Два изделия имеют вентральную ретушь, подрабатывающую концы (рис. 95, *4, 5*). В одном случае эта ретушь была нанесена с края, в другом со стороны

основания. У пяти экземпляров притупливающая ретушь оформляла лишь часть края заготовки, образовывая длинную выемку. В этом случае ретушированная часть изделия всегда была фрагментирована (рис. 95, *12-16*). Три предмета, относящиеся к мппк, образовывают группу, у которых притупленный край имеет длинную выемку, при этом характер ретуши на участке выемки не меняется в сравнении с остальной частью края (рис. 95, *11, 17, 20*). Среди микросколов с притупленным краем имеется один экземпляр ламеллярной чешуйки (рис. 95, *21*). Один предмет может быть отнесён к варианту типа «стрелка», отличаясь от классических флешеттов обработкой концов при помощи дорсальной ретуши и малыми размерами (рис. 95, *26*).

Острия на пластинах включают в свой состав одно скошенное остриё со слабо выделенным боковым плечиком (рис. 95, *37*), один фрагмент естественно заострённой пластины с микроретушью по брюшку у самого кончика острия (рис. 95, *32*), одно ретушированное симметричное остриё (рис. 95, *38*), одно остриё с подработкой верха вентральной ретушью, нанесённой с краёв (рис. 95, *27*). В последнем случае вентральная ретушь совершенно аналогична той, которая использовалась при изготовлении острий типа вашон, найденных в центральной части пункта А. В составе коллекции имеются также симметричное ретушированное остриё на односторонне ребристой пластине (рис. 95, *28*) и три косых острия (рис. 95, *36*). Среди семи фрагментов острий, по крайней мере, один экземпляр может быть отнесён к острию с вентральной ретушью конца (рис. 95, *33*). Судя по размерам этих фрагментов, часть из них была изготовлена на широких пластинах.

Комбинированное орудие представлено единственным экземпляром резца-скребка, в котором резец представлен ретушной формой.

К проколкам могут быть отнесены два предмета (рис. 95, *39*, *40*). Один из них имеет скошенное массивное жало с ретушированным боковым плечиком. Второй экземпляр характеризуется острым маленьким жалом, которое было образовано ретушированным краем и необработанной гранью, образовавшейся в результате фрагментации скола.

К сколам с ретушью отнесены небольшие серии пластин и микропластин – 9 и 3 экз. соответственно, а также один отщеп. Ретушь на этих предметах не является регулярной и, возможно, образовалась в ходе использования сколов в качестве орудий. В категорию пластин с подтёской вошёл единственный экземпляр с уплощённым основанием, у которого вентральным сколом частично снят ударный бугорок. Пластина с черешком, вероятно, является фрагментом, сломанного орудия (рис. 95, *41*). В качестве заготовки была использована массивная первичная односторонне-ребристая пластина. Черешок оформлен крупной выемкой, подработанной ретушью, нанесённой как со стороны спинки, так и со стороны брюшка. Основание пластины уплощено несколькими ламеллярными сколами, нанесёнными с плоскости ударной площадки. Это изделие может рассматриваться как индивидуальная форма предмета с вторичной обработкой. К сломанным неопределимым формам отнесены фрагменты сколов незначительных размеров с регулярной ретушью, которые не поддаются более определённой классификации. Среди них – фрагмент пластинки с оформленной притупливающей ретушью черешковой частью в виде длинной боковой выемки (рис. 95, *42*).

5.2. Пункт Б.

Расположен в северной части небольшого мыса, следующего к западу от мыса, с которым связан пункт **А,** на расстоянии около 20 м. Пункт **Б** изучен на площади 80 кв. м (раскоп I). Литологические характеристики суглинка, вмещающего, перекрывающего и подстилающего культурный слой, идентичны таковым в пунктах А, Б и В.

Структурные элементы слоя и общая планировка пункта Б подробно опубликованы в монографии 2008 года (Гаврилов, 2008). Археологический материал представлен в основном фаунистическими остатками и, в меньшей степени, расщеплённым кремнем, залегавшими довольно неравномерно. Наименьшая плотность находок была зафиксирована в северо-восточном и юго-западном углах раскопа. Больше всего материала содержалось на площади центральных квадратов, а также в юго-восточном

секторе раскопа. Центральное место на площади раскопа № I занимал углубленный очаг и связанные с ним планиграфически объекты: скопление костного угля и золы, пятна охры, вертикально вкопанные кости и, возможно, группа преднамеренно уложенных костей мамонта. Вокруг этих объектов была зафиксирована повышенная плотность фаунистического материала (рис. 96). Костные остатки, которые были зафиксированы на вскрытой площади, принадлежали мамонту (подавляющее большинство), волку, северному оленю и песцу (определение: Е.Н. Мащенко).

Повышенная концентрация фаунистического материала в данном случае служит естественным окружением этого комплекса. Это сочетание очень характерно и для пункта А Хотылёвского поселения, вне зависимости от того, какую часть его мы будем рассматривать: центральную или периферийную. Совпадение прослеживается также и в направлении эвакуации углисто-золистого материала из очага - к северу, в сторону долины р. Десны.

Культурный слой пункта Б также имеет чётко выраженную стратификацию, аналогичную той, которая была зафиксирована на площади раскопов №№ 12-14. Но пока нет достаточной информации, что эта стратификация может отражать не только факт быстрого захоронения культуросодержащих отложений, но и наличие разновременных культурных слоёв, как это можно предполагать в отношении пункта А.

В целом, изученный участок аналогичен периферийной зоне пункта А. И в том, и в другом случае на их площади не зафиксированы мощные зольники, вертикально стоящие кости мамонта немногочисленны и не образовывали в плане замкнутых контуров площадок. Кроме того, среди комплексов объектов, планиграфически связанных с очагами, отсутствовали такие группы преднамеренно уложенных костей, которые включали бы в себя вкопанные черепа, а также определённые сочетания лопаток и тазовых костей мамонтов.

Каменный инвентарь пункта Б не отличается многочисленностью своего состава и ближе к коллекции периферийной зоны пункта А. Однако ему

присущи некоторые признаки, которые можно рассматривать в качестве специфических черт, характерных для данного участка. Во-первых, пластины и пластинки, вместе взятые, (55 экз., 25,34 %; табл. 12), а не отщепы или чешуйки составляют самую многочисленную серию предметов первичного раскалывания. Во-вторых, в коллекции очень незначительно представлены резцовые сколы (8 экз, 3,69 %) и микропластины (7 экз., 3,23 %). Эта особенность коррелируется с незначительным количеством резцов и отсутствием в составе предметов с вторичной обработкой пластин и микропластин с притупленным краем. Несмотря на малочисленность предметов с вторичной обработкой (37 экз.), их доля в общем составе коллекции очень высока – более 17-ти процентов, что необычно для памятника, расположенного вблизи выходов сырья. Перечисленные особенности свидетельствуют о специализации в деятельности обитателей поселения на площади данного участка.

Несмотря на относительную малочисленность отщепов и чешуек, можно утверждать, что первичное раскалывание производилось непосредственно на площади раскопа № I. Среди предметов первичного раскалывания присутствует фрагмент плитки кремня, заготовка нуклеуса с двусторонне оббитыми краями. Кроме того, в коллекции раскопа № I имеются два отбойника из кремнёвых галек, а также фрагменты кремнёвых галек и некремнёвые породы камня. Среди отщепов имеются как первичные, так и вторичные. Кроме того, на этом же участке, в непосредственной близости от некоторых нуклеусов были найдены две наковаленки из позвонков мамонта.

Нуклеусов в коллекции насчитывается шесть экземпляров, из которых целых предметов – пять. Два нуклеуса представлены одноплощадочными однофронтальными предметами (рис. 97, *2, 3*). Один нуклеус относится к двуплощадочным двуфронтальным торцовым. Ещё два предмета представлены двуплощадочными двуфронтально-конвергентными экземплярами (рис. 97, *1*). Все изделия этой категории изготовлены из плитчатого кремня. Ребристые сколы имеются как среди пластин (7 экз.), так

и среди отщепов (1 экз.). Большинство пластин – односторонне ребристые, однако одна из них относится к двусторонне ребристым. Двусторонне ребристым является также и отщеп. Кроме того, двусторонне ребристая пластина была использована в качестве заготовки при изготовлении одного из острий. Большинство пластин относится к группе сколов средних размеров. Крупных пластин имеется всего четыре экземпляра. К узким пластинам относится 11 предметов.

Предметы с вторичной обработкой (рис. 98) в коллекции раскопа № I очень малочисленны – их всего 37 экземпляров. Но, несмотря на это обстоятельство, состав кремнёвых орудий довольно любопытен. Прежде всего, бросается в глаза почти двукратное преобладание скребков над резцами, которых насчитывается всего девять штук (табл. 13). Скребки (17 экз.) вообще составляют половину от общего количества предметов с вторичной обработкой. Во-вторых, традиционно серийные категории орудий представлены очень ограниченным числом изделий: одним ножом костёнковского типа, двумя остриями на пластинах и одним комбинированным предметом - резцом-скребком.

Резцы (табл. 14) почти все изготовлены на пластинах. Лишь для одного предмета, относящегося к группе двугранных, был использован в качетсве заготовки отщеп. Его отличает и такая особенность, как многофасеточность. Среди одинарных резцов не проявляется явное преобладание какой-либо группы изделий, хотя ретушных форм (3 экз.) больше, чем двугранных (2 экз.). Как и в случае с коллекцией раскопов №№ 12-14, это незначительное большинство подчёркивается присутствием комбинированного резца, сочетающего формы ретушную и на сломе заготовки. Среди ретушных резцов два предмета имеют симметричные очертания благодаря расположению резцовой кромки на центральной оси заготовки (рис. 98, *2*).

Скребки (табл. 15), вошедшие в состав коллекции раскопа № I, все относятся к одинарным концевым. Большинство предметов (15 экз.) изготовлено на крупных пластинах, довольно массивных и изогнутых (рис. 98,

5, 6). Ретушь края у них отсутствует. Один экземпляр скребка изготовлен на узком, но массивном пластинчатом сколе, по краям которого симметрично располагались выемки (рис. 98, *7*). Скребки на отщепах (3 экз.; рис. 98, *3, 4*) не образовывают какой-либо стандартной группы, так как в качестве заготовки для них использовались как крупные массивные сколы, так и неширокие, и относительно тонкие. Ретушь краёв для них также нехарактерна.

Острия на пластинах (2 экз.), найденные на площади раскопа № I, относятся к скошенным ретушированным. Одно из этих острий отличается массивными размерами и изготовлено на крупной двусторонне ребристой пластине (рис. 98, *8*). К категории ножей костёнковского типа отнесён один предмет, который хотя и не является типичным экземпляром данной разновидности орудий, тем не менее, встречен как среди НКТ Хотылёво 2, так и среди аналогичных изделий Зарайской стоянки (Трусов, 1998, рис. 6: 9; Амирханов, 2000, с. 162). В качестве заготовки этого изделия была использована крупная односторонне ребристая пластина (рис. 98, *9*). Её проксимальный конец обработан двумя плоскими поперечными резцовыми сколами, с помощью которых и была оформлена площадка. Комбинированное орудие представлено сочетанием двугранного многофасеточного резца и приспособленного скребка (рис. 98, *1*). В качестве заготовки для этого изделия была использована крупная массивная пластина. Собственно, этот предмет может рассматриваться и как фрагмент двугранного резца, поверхность слома которого была использован в качестве скребкового лезвия. Единичными экземплярами представлены - пластина с нерегулярной ретушью, отщеп с ретушной выемкой по краю и фрагмент неопределимого орудия.

5.3. Пункт В.

Расположен в 50 м к юго-юго-западу от пункта А. Изучен на площади 77 кв. м (раскопы А, Б и В, рис. 99). Здесь было зафиксировано два комплекса пространственно связанных археологических объектов.

Южный комплекс археологических объектов был изучен в раскопе А на площади 25 кв. м. Он характеризуется крупными скоплениями преднамеренно

уложенных костей мамонтов, структурную основу которых составляли черепа и плоские кости. С данными скоплениями были связаны ямы, округлые в плане, неглубокие, в которых также находились преднамеренно уложенные кости мамонта. Диаметр ям не превышал одного метра, глубина – двадцати сантиметров. Кости в скоплениях, а также древняя дневная поверхность вокруг них и под некоторыми черепами были интенсивно окрашены охрой.

Центральное место на площади раскопа А занимал целый бивень мамонта. Альвеолярный конец бивня был перекрыт тазовой костью мамонта, к которой примыкала лопатка мамонта. К северо-западу от бивня, на кв. А-Б/1, были расчищены два черепа мамонта, к которым примыкали половина таза и лопатка мамонта, окрашенная охрой. К северо-востоку и востоку от бивня, на кв. Г-Д/1-4, была обнаружена крупная группа преднамеренно уложенных костей мамонта. Это скопление включало в себя не менее шести черепов мамонта, три лопатки, две длинные кости конечностей и некоторые другие кости. Черепа мамонтов на кв. Г-Д/3 залегали на окрашенной охрой поверхности. Поверхность всех лопаток мамонта, зафиксированных на кв. Д/1-3, также была окрашена охрой. Часть скопления осталась не изученной, так как располагается за пределами раскопа. Лопатки мамонта, входивших в данное скопление, были уложены в яму № 1.

Ещё одна яма (№ 2) была зафиксирована на кв. В/5. Яма перекрывалась анатомическая группа костей стопы мамонта, по сторонам от которой располагались два ребра, также мамонта. Между костями стопы и одним из ребер залегали еще два позвонка мамонта. Под костями стопы мамонта располагалась другая группа, состоявшая из трех длинных костей конечностей мамонта, уложенных в форме трёхлучевой звезды. Непосредственно в яму № 2 были уложены длинные кости и позвонки мамонта.

Следующее скопление костей было расчищено на кв. А-Б/2-3. Здесь с севера на юг последовательно располагались: лопатка бизона, лопатка половозрелого мамонта с искусственным отверстием в ее заднем крае, тазовая кость мамонта. Между тазовой костью и бивнем располагались две нижние

челюсти половозрелых мамонта, а также лопатка и частично перекрывавший её череп мамонта. Суставная часть лопатки была перекрыта раздавленным черепом мамонта, уложенным на его переднюю поверхность. К западу от тазовой кости, на границе раскопа были расчищены две лопатки мамонта, под одну из которых уходила целая бедренная кость и бивень мамонта. Под перечисленным скоплением костей находилось крупное углубление вытянутой формы и обозначенное как яма № 3.

Северный комплекс археологических объектов был вскрыт двумя раскопами Б и В общей площадью 52 кв. м.

Археологический материал на этом участке был представлен костными останками животных, предметами из расщеплённого кремня, поделками из кости и бивня мамонта, а также костным углём, золой и охрой.

Границы северного комплекса очерчены расположенными вокруг крупного скопления костного угля с включениями расщеплённого кремня и костей животных («зольника») округлых в плане неглубоких ям, некоторые из которых по своим размерам и морфологии аналогичны ямам, зафиксированным в южном комплексе. Как правило, в непосредственной близости от ям располагались вкопанные длинные кости мамонта, часть из которых была преднамеренно расколота. Эта особенность отличает северный комплекс от южного, в котором подобные группы вкопанных костей не были зафиксированы. В непосредственной близости от некоторых ям залегали черепа мамонтов, вкопанные в грунт альвеолами. С двумя ямами были связаны группы из попарно уложенных лопаток мамонтов. В ямах и вокруг них располагались скопления охры. В центральной части «зольника» была зафиксирована яма, заполненная костным углём, кремнем и фрагментами костей животных, возможно, очаг.

По своим пространственным характеристикам данный комплекс аналогичен центральной части пункта А, который исследовался Ф.М. Заверняевым. Именно с этим комплексом связаны находки новых произведений антропоморфной мелкой пластики.

Имеющиеся данные о стратиграфическом соотношении археологических объектов на участке пункта В и радиоуглеродных датировках, полученных по образцам из них, позволяют утверждать более ранний возраст южного комплекса и более поздний – северного (Гаврилов, 2015).

Каменная индустрия пункта В едина для обоих комплексов объектов по технологическим и морфологическим характеристикам. Общее количество кремневых предметов из раскопок 2003-2024 гг. превышает 7000 экземпляров. Поскольку археологический комплекс пункта В находится в процессе изучения, далее приводятся предварительные данные, характеризующие каменную индустрию в целом. Среди предметов первичного раскалывания имеются заготовки нуклеусов, сколы их переоформления, отдельности сырья и первичные сколы оббивки. Таким образом, на участке пункта В производился весь цикл первичной обработки и утилизации кремня. Кремневые орудия составляет около 13 % от состава имеющейся сейчас коллекции. Наиболее представительные серии представлены резцами (рис. 100, 21, 25), в том числе – нуклевидными (рис. 100, 27, 28), скребками (рис. 100, 20, 22, 23), разнообразными остриями на пластинах и микропластинах (рис. 100, 7, 10, 12, 13, 26), микроорудиями – пластинами и микропластинами с притупленным краем (рис. 100, 1, 3, 5, 6, 9, 14). Единичными экземплярами представлены ножи костенковского типа, среди которых один предмет относится к классическому варианту этой категории, который не характерен для Хотылёво 2 (рис. 100, 19). Соответствует этому предмету и обнаруженный при раскопках типичный краевой скол с костенковского ножа (рис. 100, 18). Имеется один предмет, который может рассматриваться как фрагмент листовидного острия костенковского типа (рис. 100, 16), а также фрагмент орудия, который можно отнести к типу «стрелка» (рис. 100, 24). В целом же, состав орудий является характерным для этого памятника. Присутствие листовидного острия, типичного костенковского ножа, а также – «стрелки» с вентральной обработкой основания в этом комплексе демонстрирует

определенную степень вариабельности материальной культуры стоянки.

5.4. Общая характеристика типологических особенностей предметов кремнёвого инвентаря.

Комплекс предметов с вторичной обработкой Хотылёвской стоянки обладает ярко выраженными особенностями, которые проявляются как в приёмах вторичной обработки, так и в типологическом составе кремнёвого инвентаря. Для Хотылёво 2 характерно очень широкое использование техники резцового скола, притупливающей ретуши, в том числе – встречной, а также плоской вентральной ретуши, наносившейся на предметы, как правило, с краёв заготовки. Подтёска, а также техника снятия краевых сколов применялась, но значительно реже. Применение крупной плоской вентральной ретуши не зафиксировано вовсе.

Использование крупной широкой пластины в качестве заготовки отмечается в основном для категорий резцов и скребков и реже – для ножей костёнковского типа, а также острий на пластинах. При изготовлении категорий орудий с притупленным краем преобладающими заготовками были узкие пластины и микропластины.

Типологическое «лицо» Хотылёвской стоянки определяется прежде всего комплексом изделий с притупленным ретушью краем: острий микрограветт и вашон, а также ППК/МППК, среди которых выделяются «пилки», широкие ППК с симметрично ретушированными концами, МППК с заострёнными концами и вентральной ретушью на них. Не менее своеобразен набор наконечников с боковой выемкой.

Развитой микроинвентарь сближает Хотылёво 2 с памятниками Центральной Европы, традиционно относимыми к павловьену. Это прежде всего Дольни Вестоницы I и Павлов I. Практически все формы пластин и микропластин с притупленным краем, которые имеются в инвентаре Хотылёвской стоянки, встречены и в названных памятниках. Но в инвентаре Павлова I микроинвентарь разнообразнее, чем в Хотылёво 2 (Klima, 1997).

Среди хотылёвских изделий отсутствуют треугольные острия со скошенным основанием и МППК со скошенными ретушированными концами. Нет среди них и острий павловского типа. Граветтийские острия Дольних Вестониц I имеют более крупные размеры, для них не характерна подработка концов и оснований вентральной плоской ретушью (Klima, 1963).

Индивидуальный для памятников Восточной и Центральной Европы характер орудийного набора Хотылёво 2 в большей степени подчёркивают острия микрограветт и острия типа вашон, а также сочетание различных типов наконечников с боковой выемкой, не встречавшееся прежде в таком виде. Присутствие выразительной серии острий микрограветт сближает Хотылёвскую стоянку по этому показателю с рядом западноевропейских памятников на территории Германии и юго-запада Франции. В Германии известны стоянки Майнц-Линзенберг и Шпрендлинген, в инвентаре которых хорошо представлены острия микрограветт (Hahn, 1969; Bosinski et al., 1985). Среди памятников юго-запада Франции следует назвать Абри Пато, слой 3, а также Ложери От, слои B и B’, то есть комплексы, относимые к перигордьену VI (Bricker and David, 1984). Подобного рода аналогии свидетельствуют о хронологической и стадиальной близости перечисленных стоянок и Хотылёво 2. В свою очередь, культурно-генетическая атрибуция хотылёвского инвентаря опирается на более узкий с территориальной точки зрения круг памятников, связанных с восточным граветтом.

В кремнёвом инвентаре прослеживаются и фациальные особенности, связанные с отличиями центральной и периферийной зон поселения. Помимо количественных признаков, связанных с общим объёмом инвентаря центра и периферии, они проявляются прежде всего в степени разнообразия предметов с вторичной обработкой, а также в представленности предметов с притупленным краем.

5.5. Изделия из кости и бивня

Коллекция костяного инвентаря раскопов №№ 1-11 была опубликована Ф.М. Заверняевым в статьях 1978 и 1987 гг. Технологический анализ изделий

из бивня мамонта, найденных во время раскопок Ф.М. Заверняева, произведён Г.А. Хлопачёвым (Хлопачёв, 2004, 2006).

Пункт А, раскопы №№ 1-11.

Центральная часть пункта А наиболее насыщенна изделиями из кости и бивня – как производственного, так и неутилитарного назначения. Ф.М. Заверняев в статьях 1978 и 1987 года, посвящённых произведениям искусства и наиболее выразительным изделиям из кости и бивня, опубликовал сведения об их археологическом контексте. Эти изделия подразделяются на следующие категории:

антропоморфная скульптура (7 экз.);

острия с фигурными навершиями (4 экз.);

лопаточки с навершиями (3 экз.);

орнаментированные наконечники копий из бивня мамонта (4 экз.).

Однако контекст абсолютного большинства предметов, изготовленных из бивня и кости, долгое время оставался неизвестным. Ситуация осложнялась тем, что довольно существенная часть коллекции, к сожалению, не имеет точной привязки к раскопам и квадратам (табл. 16 и 17).

Столь существенный информационный пробел в источнике серьёзно ограничивает возможности планиграфического анализа. В основном, эти ограничения касаются анализа планиграфии таких категорий находок как иголки, подвесок из клыков песца и клыков песца без отверстий, пластин из бивня, костяных проколок, стержней из бивня. В составе хотылёвской коллекции имеются две поделки из бивня, имитирующие фалангу (волка?) и клык с просверленным отверстием. К сожалению, координаты последней находки неизвестны.

Костяные ретушёры представлены шестью экземплярами, пять из которых изготовлены из рёбер мамонта. Совмещение координат их залегания с планом распространения предметов с вторичной обработкой позволило установить, что изделия этой категории были найдены рядом с местами повышенной концентрации расщеплённого кремня (рис. 101). Два ретушёра

были зафиксированы в скоплениях на периферии комплексов №№ 2 и 3, два ретушёра залегали у западного края очага комплекса № 5, в непосредственной близости от скоплений кремнёвых орудий. По одному ретушёру, и также в связи со скоплениями кремня, было найдено между границами комплексов №№ 2 и 4 и в пределах комплекса № 2, у северо-восточного края скопления очажной массы.

Наковаленка – трубчатая кость мамонта была обнаружена на кв. 5 раскопа № 4. Совмещение места её находки с планом поквадратного распределения нуклеусов показало, что наковаленка залегала в непосредственной близости от крупного скопления нуклеусов.

Наконечники копий из бивня мамонта. Наибольший интерес среди предметов этой категории вызывают орнаментированные экземпляры. В коллекции Ф.М. Заверняева имеется пять подобных изделий.

Наконечник № 1 (рис. 102, *2*; см. также: Заверняев, 1987, сс.125,126) – веретенообразный, черешковый, с выделенным продольным выступом. Две трети поверхности наконечника орнаментированы. В качестве элементов орнамента использовались косые крестики и насечки, треугольные насечки, вертикальные бороздки. Треугольные насечки наносились в двух комбинациях: однорядной и двурядной со смещённым шагом. Поверхность, покрытая орнаментом, была распределена на горизонтальные и вертикальные зоны. Вертикальная зона ограничивалась выступом и прилегающими к нему желобками. Собственно, выступ орнаметнирован косым крестом и косыми нарезками. Желобки украшены косыми нарезками удлинённо-треугольной формы, вершины которых обращены в сторону от выступа. Горизонтальное зонирование в верхней половине наконечника создано благодаря чередованию орнаментированных и неорнаментированных полей. Верхние три поля украшены однорядной треугольной насечкой, затем располагается поле с орнаментом в виде двурядной насечки со смещённым шагом. Далее располагается горизонтальная зона, заштрихованная косыми нарезками. Под ней выделены два поля с двурядной треугольной насечкой со смещённым

шагом. Нижняя половина наконечника имеет рельефно выделенные зоны в виде разомкнутых поясков, разделённых утопленными более широкими поверхностями. И пояски, и разделяющие их поверхности орнаментированы. В первом случае использован косой крест и косая нарезка (второй снизу поясок), во втором – вертикальные бороздки. Наконечник был обнаружен на площади квадрата 13 раскопа № 7 под группой специально отобранных костей мамонта, входящей в третий комплекс объектов (рис. 103). Изделие было воткнуто в грунт под углом в 45 градусов и перекрывалось тазовой костью мамонта. Весь предмет был окрашен охрой.

Наконечник № 2 (рис. 102, *3*; Заверняев, 1987, с. 126) – веретенообразный, черешковый, двух-пазовый. Верхняя половина наконечника покрыта орнаментом, нанесённом на поверхность горизонтально расположенных полей. Орнаментальный мотив – однорядные и двурядные треугольные насечки, в последнем случае – со смещённым шагом. Этот предмет был найден в раскопе № 4 на кв. 38, в зоне эвакуации углистой массы из очага № 1, в двух метрах к северо-западу от головки с «причёской». Таким образом, наконечник № 2 пространственно связан с комплексом объектов № 1 (рис. 103).

Наконечник № 3 (рис. 102, *8*; Заверняев, 1987, с. 126, 127) – веретенообразный, без выделенного черешка. Вся поверхность наконечника покрыта точечным орнаментом, состоящим из хаотически расположенных выдолбленных лунок. Ф.М. Заверняев предполагал, что лунки являются следами первичной обработки поверхности наконечника, однако это заключение представляется неубедительным, поскольку общая форма наконечника является вполне завершённой. Между тем, точечный орнамент встречен на таком памятнике средней поры верхнего палеолита Русской равнины как Костёнки 4, верхний слой. Третий наконечник был найден на площади квадрата 42 раскопа № 5, примерно в двух метрах к югу от очага № 2 комплекса № 4 (рис. 103).

Наконечник № 4 (рис. 102, *9*; Заверняев, 1987, с. 127) –

веретенообразный, вся поверхность покрыта орнаментом в виде горизонтально расположенных полос зигзага. Названный предмет залегал на квадрате 12 раскопа № 4, у западного края скопления охры (рис. 103).

Наконечник № 5 (рис. 102, *5*) представлен фрагментом орнаментированного стержня и был опубликован Г.А. Хлопачёвым (Хлопачев, 2006). Орнамент – однорядные насечки, покрывал горизонтальные зоны, отделённые друг от друга неорнаментированным пространством. Орнаментированные зоны на сохранившемся фрагменте располагались группами и отделялись друг от друга более широким неорнаментированным пространством. На теле наконечника имелись, как минимум, три таких группы, две из которых сохранились полностью. Средняя группа состояла из трёх орнаментальных зон, нижняя – из пяти. Археологический контекст этого предмета не известен.

Неорнаментированные наконечники, а также большая часть фрагментов стержней располагались в непосредственной близости от очагов или скоплений костного угля. В коллекции имеются несколько бивней с пазами, образовавшимися в результате вырезания стержней. Однако только один такой бивень имеет полный шифр. Он был зафиксирован на раскопе № 10, кв. 7 (рис. 103).

Антропоморфная скульптура (рис. 104). Изделия этой категории, найденные при раскопках Хотылёво 2, относятся к искусству малых форм и в свою очередь подразделяются на следующие группы: а) женские фигурки, выполненные в реалистической манере; б) схематические фигурки, символизирующие женский образ; в) антропоморфные фигурки, выполненные в условной манере. В первую группу входят три статуэтки, изображающие тучных, скорее всего, беременных, женщин (рис. 104, *6-8*), а также фрагменты женских статуэток – головку с «прической» (рис. 104, *3*) и ножки (рис. 104, *2, 5*). Схематические фигурки, символизирующие женский образ, представлены двумя поделками биконической формы (рис. 104, *9, 10*). К антропоморфным фигуркам, выполненным в условной манере, относятся два предмета,

изготовленные из бивневых стержней (рис. 104, *1, 4*). В первом случае, возможно, мы имеем дело с незаконченным произведением первобытного искусства. Вторая фигурка имеет завершённую форму. Акценты в изображении пропорций человеческого тела – максимальный объём в области торса, узкие бёдра, позволяют заключить, что это изделие изображает мужскую фигуру.

Археологический контекст женской скульптуры охарактеризован в главе 4. Повторим только, что почти все фигурки и их фрагменты связаны с комплексами объектов №№ 1, 3 и 4 (рис. 58).

В непосредственной близости от статуэток или их фрагментов, на участках комплексов №№ 1, 3, 4 и 5 были найдены также фрагменты браслетов из бивня. На восточной границе комплекса № 3 были обнаружены нуклеус из бивня и отщеп.

Острия с фигурными навершиями. Предметы этой категории подразделяются на острия с навершием в виде шляпки (рис. 105, *1-4*; см. также Заверняев, 1987, рис. 8) и на острия с треугольными профилированными навершиями (рис. 105, *5, 6*). Самое крупное остриё с треугольным навершием было обнаружено у юго-восточной границы площадки, относящейся к комплексу № 1 (раскоп № 3, кв. 5). Оно находилось в одном из углублений с костями, которые с этого края опоясывали по дуге площадку комплекса. Аналогичный предмет меньших размеров залегал на площади квадрата 15 раскопа № 4 под скоплением костного угля, относящегося к «зольнику» 2. Это изделие пространственно связано с одним из скоплений минеральной краски, располагавшихся у северо-восточного края «зольника». В пользу этой связи говорит и то, что остриё было перекрыто «зольником», поскольку, по нашим наблюдениям, скопления охры, зафиксированные на площади раскопов №№ 1-14, а также на площади раскопа № I, всегда располагались в основании культурного слоя.

Два острия с навершиями в виде шляпки были найдены в непосредственной близости от большого очага, связанного с «зольником».

Одно из них, миниатюрных размеров, находилось на том же квадрате, что и фрагмент ножек женской статуэтки, в полутора метрах к северу от очага. Второе остриё, так называемая фибула типа «верблюжья ножка», также залегало примерно в полутора метрах от очага, однако к востоку (раскоп № 5, кв. 6).

Лопаточки с навершиями. Три предмета этой категории костяных изделий связаны с одним из трёх полностью сохранившихся комплексов, располагавшихся по сторонам от «зольников» 1 и 2. Лопаточка № 1 (рис. 106, *2*) была обнаружена на раскопе № 6, в квадрате 53. Она залегала в ямке с костями, днище которой было окрашено охрой, у северного края очага комплекса № 2. Лопаточка № 2 (рис. 106, *3*) находилась на днище ямы 7 (раскоп № 5), заполненной костями мамонта. Напомним, что центральную часть этого скопления составляли преднамеренно уложенные лопатки. Яма 7 располагалась, в свою очередь, на юго-западной границе площадки комплекса № 1, ограниченной вертикально стоящими костями. Само изделие было окрашено минеральной краской. Лопаточка № 3 (рис. 106, *5*) была обнаружена на площади квадрата 6 раскопа № 7, у северо-восточной границы комплекса № 3. По сведениям Ф.М. Заверняева, имеющимся в отчёте о раскопках Хотылёво 2 в 1973 г., она находилась на поверхности пятна охры, частично перекрывавшего ямку 13, заполнение которой было также окрашено краской и включало в себя обломки мелких костей, кремень, костную золу и уголь. Пятно охры и ямка 13 располагались в непосредственной близости от ямки 16, заключавшей в своём заполнении статуэтки №№ 3 и 5.

Тупые «наконечники» из рёбер мамонта. В коллекции имеются три предмета этой категории непонятного назначения. Хотя они изготовлены из рёбер, их сечению у конца придана трёхгранная форма (рис. 106, 6-8). Известен контекст залегания первых двух из этих изделий. Один «наконечник» был обнаружен на раскопе № 4, кв. 9, в северной периферии «зольника», в пределах скопления кремня. Второй залегал менее чем в метре к северу от очага на площади раскопа № 9, в юго-восточной части

периферийной зоны.

Подвески из клыков песца (рис. 131; 132, 10, 11). Почти половина предметов этой категории не имеет полного шифра, поэтому картина распространения подвесок в плане не может быть полной. Те изделия, которые обладают полным шифром, в большинстве своём были зафиксированы на площади «зольника» 1. Шесть подвесок располагались на участке комплекса № 1 (одна – у северного края очага № 1; одна – в скоплении очажной массы; четыре – по западной границе комплекса), одна была найдена у восточного края очага № 3. В настоящее время невозможно понять, относятся ли подвески, найденные на площади распространения «зольника» 1 к самому «зольнику» или они могут рассматриваться как часть предметов четвёртого комплекса.

Поделка из бивня мамонта, имитирующая фалангу волка(?) (рис. 127, 8), была обнаружена в скоплении очажной массы к северу от очага № 1 (рис. *131*). Эта находка тем более примечательна, что близкие в типологическом отношении изделия составляют часть материальной культуры Авдеевской стоянки: в её инвентаре имеется несколько метаподий волка, вырезанных из бивня мамонта (Gvozdover, 1995, fig. 151).

Рёбра с ритмичными нарезками по краю (рис. 131; 132, 2). Один предмет этой категории был зафиксирован на границе комплексов №№ 2 и 4, одно изделие – в скоплении очажной массы в пределах комплекса № 2. Ещё одно ребро с нарезками было найдено на кв. 5 раскопа № 6, у границы «зольника» 2. На соседнем квадрате (кв. 6 раскопа № 7) была обнаружена трубчатая кость с регулярными нарезками, то есть она залегала на краю площадки комплекса № 3.

Такие изделия из кости и бивня как *рёбра-копалки, лощила, совки из расколотых вдоль трубчатых костей, проколки, пронизки, трубчатые кости мамонтов со следами обработки (рис. 127; 132; 133),* то есть инвентарь хозяйственно-бытового назначения, в основном распределились между выделенными комплексами объектов. Максимальное количество подобных

изделий пришлось на долю комплексов №№ 1, 3 и 5. Интересно скопление костяных орудий на границе раскопов №№ 7 и 8. Вероятнее всего, оно связано с комплексом объектов, расположенных к западу за пределами вскрытой Ф.М. Заверняевым площади. Это тем более вероятно, что в этом же направлении распространяется расщеплённый кремень и скопление фаунистических остатков, включая такие выразительные анатомические группы, как позвоночные столбы мамонтов.

Пластины из бивня характеризуются дисперсным распространением по площади раскопов №№ 1-11. Они были зафиксированы как в центральной, так и в периферийной части поселения (рис. 134; 135).

Неопределимые фрагменты поделок из бивня были найдены Ф.М. Заверняевым по краям комплексов №№ 1, 3 и 4 (рис. 134).

Пункт А, раскопы №№ 12-14.

На площади раскопов №№ 12-14 были зафиксированы шесть предметов, изготовленных соответственно из ребра и бивня мамонта. Реальных свидетельств обработки кости и бивня на этом участке поселения во время раскопок встречалось гораздо больше. Однако их фиксация и взятие из слоя чаще всего были невозможны из-за плохой сохранности находок. Так, во время работ на площади раскопов №№ 12 и 13 были отмечены фрагменты продольно расчленённых бивней мамонта (рис. 136). Что характерно, все они залегали в неокрашенном суглинке над гумусированным слоем.

В пределах комплекса № 7 были найдены три *пластины*, вырезанные из бивня (рис. 136). Ещё одна пластина залегала на кв. 2.4, к северо-востоку от комплекса № 7.

Лощило из ребра мамонта (рис. 137, 1). Изготовлено из продольно расчленённого ребра, представлена полная форма изделия длиной 16,8 см. Рабочий конец закруглён по слабо выпуклой дуге. Противоположный край прямой, оформлен при помощи слома ребра после предварительного прорезывания бороздки по компактной поверхности кости. Лощило распалось на два фрагмента ещё в древности, однако разлом произошёл уже после того,

как предмет вместе с культурным слоем находился в погребённом состоянии. В пользу этого заключения свидетельствует отсутствие заломов и прорезанных бороздок. Следы аналогичных повреждений, вызванных смещениями культурного слоя после его захоронения, имеются почти на всех ребрах мамонта без каких-либо следов обработки. Было обнаружено на кв. –1.8 (рис. 136) в скоплении очажной массы (комплекс № 7).

У восточной границы квадрата –3.10, то есть за пределами комплекса № 7, была найдена расколотая трубчатая кость, по-видимому, волка, заострённая, которая могла использоваться в качестве *проколки*. Она залегала наклонно, острым концом вверх в юго-восточном направлении, но в целом её наклон совпадал с общим направлением понижения поверхности гумусированного слоя.

Орнаментированная пластина из бивня мамонта (рис. 137, 2; 140, 2). Общие размеры изделия - 24,9x5,1x2,2 см. Пластина несколько расширяется к основанию - до 3 см, и заметно сужается к своему концу - до 2,5 см. Дистальный конец обработан и имеет выпуклую слабо-асимметричную форму. Его толщина составляет около 1,4 см. Края также обработаны. Основание пластины массивное, толщиной до 5,8 см, на внутренней поверхности имеет негативный след. Последний, по всей видимости, образовался в момент отделения пластины от бивня. Пластина деформирована и имеет винтовую изогнутость. Возможно, что первоначально у неё был прямой профиль. Орнамент покрывает внутреннюю поверхность предмета. Согласно классификации М.Д. Гвоздовер, его можно отнести к так называемой косой решётке (Гвоздовер, 1985б). Чуть менее половины внутренней поверхности, на которой располагался орнамент, утрачено ещё в древности. Два небольших фрагмента поверхности в дистальной части изделия были потеряны во время консервации в полевых условиях, так как на их месте располагалась известковая конкреция. Внешняя поверхность пластины у основания также имеет семь продольных неглубоких нарезок, тяготеющих к правому, менее массивному краю изделия. К ним примыкают

две таких же неглубоких нарезки, расположенных по центральной оси предмета и образующих асимметричный косой крест. Кроме указанных элементов, на том же участке внешней поверхности пластины беспорядочно расположены продольные царапины, некоторые из которых также пересекаются между собой.

Орнаментированная пластина лежала в небольшой ямке, получившей порядковый номер 5.

Пункт Б, раскоп № I (рис. 138; 139).

Сохранность костяных и бивнёвых изделий на площади раскопа № I оказалась значительно лучше, чем на площади раскопов №№ 12-14, хотя и здесь не все находки удавалось извлечь из слоя. В частности, на кв. Г/7 была обнаружена довольно крупная пластина, вырезанная из поверхностной части бивня, однако она оказалась полностью разрушенной. Состав коллекции изделий из кости и бивня приведён в табл. 18 (Прил. I).

Нуклеус из бивня мамонта (рис. 138, 1; 140, 1). Этот артефакт представляет собой медиальную часть бивня длиной 22 см и шириной в поперечнике около 7 см. Плоскости основания и ударной площадки нуклеуса были получены в результате поперечного разлома бивня. Судя по следам, сохранившимся на поверхности основания, для этого по периметру бивня была создана трещина, вероятно, при помощи кремнёвых сколов, использовавшихся в качестве клиньев. По периметру нуклеуса вокруг ударной площадки располагались семь негативов от сколотых отщепов. В его основании отчетливо читались ритмично нанесенные параллельные нарезки, которые группировались попарно. Этот предмет был обнаружен в юго-восточном секторе кв. Г/12, в скоплении костного угля, на поверхности материка. Нуклеус прекрасно сохранился. В непосредственной близости от этого предмета были найдены два отщепа из бивня мамонта. Один отщеп из бивня располагался достаточно далеко, на кв. А/5.

Фрагмент ребра мамонта со срезанными концами. В коллекции имеется проксимальная часть ребра с сильно заглаженными поверхностями.

Концы этого фрагмента имеют следы поперечной фрагментации по линии прорезанных бороздок. Длина предмета составляет 9,6 см. Он залегал на кв. В-4, к северу от скопления костного угля и золы.

Фрагмент нижней челюсти мамонта треугольной формы имеет сильно заглаженные края, возможно, от использования в качестве орудия. Форма фрагмента вписывается в равнобедренный треугольник. Его длина составляет 10,5 см, ширина – 5,5 см, толщина – от 1,5 до 0,6 см. Этот предмет был зафиксирован еще севернее, на кв. А-3.

Фрагмент пластины, вырезанной из внутренней части бивня. Этот предмет имеет довольно крупные размеры – 10,1х3,7х1,4 см. Он был получен в результате продольного расчленения бивня в его дистальной части, однако пока трудно что-либо сказать о технологии такой процедуры. Фрагмент пластины был зафиксирован на площади кв. В-8, он залегал непосредственно над скоплением костного угля и золы.

Фрагмент крупной плоской кости с длинными ритмичными нарезками (рис. 138, 2). Размеры фрагмента – 9,6х5,4х0,5 см. Нарезки нанесены на внешнюю поверхность компактной массы острым краем кремнёвого скола. Располагаются они субпараллельно, среди нарезок выделяется четыре ряда из двух линий. Длинный выпуклый край предмета заглажен. Этот располагался у северо-восточного края скопления костного угля и золы, на кв. Г-8.

Наковаленки из позвонков мамонта (рис. 138, 3). В качестве заготовок для наковаленок были использованы тела позвонков мамонта с отбитыми остистыми отростками. В результате использования этих предметов у них на одной из поверхностей образовались неглубокие ямки, которые в поперечнике имели ширину от 3 до 4 см. Один из таких позвонков-наковаленок залегал на кв. А/11 в толще гумусированного слоя. Непосредственно рядом с ним была обнаружена ребристая пластина, на соседнем квадрате, а/11, залегал нуклеус. Вторая наковаленка была зафиксирована на квадрате А/9. Между двумя наковаленками был также обнаружен отбойник из гальки.

Копалки из рёбер мамонта (рис. 138, 4-6). Названная категория

костяных орудий была выделена М.Д. Гвоздовер на материалах Авдеевского поселения (Гвоздовер, 1953). Они имеются также в костяном инвентаре таких центральноевропейских памятников Восточного Граветта как Дольни Вестонице (Klima, 1963) и Павлов I (северо-западный комплекс) (Klima, 1997b). Копалками были названы рёбра с сильно заглаженными дистальными концами. Заглаженность образовывалась у этих инструментов от работы в грунте, степень сработанности поверхностей у них неодинакова. Как правило, максимально сработанной является внутренняя поверхность ребра. Противоположный край у копалок фрагментирован в результате поперечного разламывания, производившегося после предварительного прорезывания компакты на одной из сторон ребра. У одной из хотылёвских копалок такой фрагментированный край также был использован в качестве рабочего участка, в результате чего этот предмет принял симметричную двуконечную форму. В коллекции имеется три предмета этой категории. Они были обнаружены на кв. А-Б/7, Б/9 и А/12, в непосредственной близости от очага и скопления очажной массы, либо под слоем самого скопления (копалка на кв. Б/9) (рис. 139).

Фрагмент лопаточки из ребра мамонта (рис. 138) представлена фрагментом длиной 11 см. Сохранилась её нижняя часть. Поделка была сломана ещё в древности, возможно, это было сделано преднамеренно. Обе поверхности ребра, из которого был изготовлен этот кземпляр, сильно заглажены. Предмет был зафиксирован на кв. Б/8, в скоплении очажной массы.

Совок из расколотой трубчатой кости мамонта (рис. 138, 8). Для его изготовления была взята трубчатая кость мамонта, которая была продольно расколота, после чего на полученной заготовке от компакты была отделена большая часть губчатой массы. Совок расширяется к рабочей части, которая имеет прямой в плане и слегка изогнутый в профиле край. Рабочая часть заметно заглажена, при этом заглаженность распространяется на внутреннюю поверхность изделия. Конец, противоположный рабочему, имеет неровные очертания. На внутренней поверхности компактной массы с этой стороны у орудия сохранился негатив скола, образовавшегося во время поперечной

фрагментации заготовки. Один из краёв изделия имеет негативы сколов в виде неглубоких выемок. Длина орудия – 28,2 см, ширина основания – 4,7 см, ширина рабочей части – 7,8 см. Найден предмет был на кв. Б/8, на краю скопления очажной массы (рис. 139). Аналогии этому предмету имеются в инвентаре Дольних Вестониц (Klima, 1963, tab. 57: 829; tab. 63: 857, tab. 66: 889) и Павлова I (северо-западный комплекс) (Klima, 1997b, tab. 6: 3; tab. 7: 3).

Черешковый наконечник из бивня мамонта (рис. 140, 3). Он был найден на кв. а/8, у северо-западной границы скопления костного угля и золы (рис. 139). Этот предмет по своим размерам сопоставим с маленькими наконечниками, имеющимися в коллекции из раскопок Ф.М. Заверняева (рис. 127, 6). Однако он отличается от них морфологией «тела», которое имеет более выпуклый профиль. Вероятно, насад этого наконечника длиннее, чем насады наконечников из коллекции Ф.М. Заверняева, однако это – лишь предположение, поскольку целые короткие наконечники из раскопов №№ 1-11 нам не известны. Основанием для такого предположения служит то, что морфология «тела» длинных и коротких наконечников, найденных Ф.М. Заверняевым, практически идентична, при этом длинные наконечники имеют короткий конусовидный насад.

Фрагмент поделки из бивня мамонта. К сожалению, определить принадлежность этого фрагмента пока невозможно. О том, что мы имеем в данном случае дело с фрагментом поделки, свидетельствует тщательность обработки сохранившейся части поверхности этого изделия. Он был зафиксирован на кв. В/14, в пределах скопления в юго-восточном секторе раскопа № I.

Фрагмент ребра мамонта подтреугольной формы с заглаженными концами был найден на кв. В/11, в непосредственной близости от юго-восточного края очажной ямы.

Общая характеристика изделий из кости и бивня коллекции 1993-2003 гг.

Даже немногочисленные предметы коллекции из раскопов №№ 12-14 и

раскопа № I показывают, что на площади этих участков производились разнообразные технологические операции. Они могут быть сведены к следующим действиям: продольное расчленение бивня, поперечное расчленение бивня при помощи клиньев, скалывание с бивня массивных широких отщепов, прорезывание на поверхности бивня продольных пазов для отчленения пластин, поперечная фрагментация рёбер при помощи прорезывания соответствующих бороздок, продольное раскалывание трубчатых костей.

Абсолютное большинство изделий из бивня и кости, найденных во время раскопок 1993-2003 гг., относятся к продуктам первичной обработки сырья (нуклеус, отщепы, фрагменты бивней) или к орудиям (лощило, копалки из рёбер мамонта, совок из трубчатой кости, наковаленки из позвонков мамонта). Та же ситуация характерна и для центральной части пункта А, на площади которой были обнаружены многочисленные продукты обработки бивня (Заверняев, 1987; Хлопачёв, 2004, 2006), а также орудия. Однако производственный инвентарь центральной части пункта А разнообразнее периферийных зон, раскрытых на площади раскопов №№ 12-14 и раскопа № I.

К предметам неутилитарного назначения из коллекции 1993-2003 гг. можно отнести лишь орнаментированную пластину из бивня мамонта и, возможно, фрагменты лопаточки. Эта особенность костяного инвентаря не связана с тафономическими причинами и может быть объяснена специализацией изученных участков на площади пунктов А и Б. Интересно, что единственная пластина с орнаментом, расположенным по внутренней поверхности, которая имеется в коллекции Ф.М. Заверняева, была также обнаружена в периферийной зоне, на кв. 16 раскопа № 11 (рис. 135, *4*). Единственное отличие этой пластины состояло в типе орнамента: она была украшена «ёлочкой». Малочисленность изделий неутилитарного назначения также противопоставляет эти участки центральной части пункта А.

Пункт В, раскопы А-В.

В данном разделе даётся характеристика только наиболее выразительных изделий из кости и бивня Хотылёвской стоянки, поскольку археологические комплексы, вскрытые на участке пункта В, в настоящее время находятся в процессе изучения. Однако некоторые изделия вполне подчёркивают своеобразие материальной культуры этого участка стоянки и дополняют наши сведения о возможной степени её вариабельности.

Антропоморфная скульптура.

Скульптурные произведения искусства, обнаруженные при раскопках пункта В, представлены четырьмя предметами: двойной женской статуэткой, вырезанной из мела; схематической фигурой, также вырезанной из мела; женской фигуркой из бивня и стержневидной мужской статуэткой.

Двойная женская статуэтка. Обнаружена в 2009 году на площади раскопа Б, в кв. В-4’. Статуэтка может быть отнесена к категории плоской скульптуры (рис. 7: 1). Её размеры — 58,5×44,5×15 мм. Женские фигуры изображены плечом к плечу на лицевой стороне плитки мела подтрапециевидных очертаний в технике барельефа, в реалистической манере, характерной для памятников граветта. Изображены груди, живот и ноги по щиколотку. Изображения рук и голов отсутствуют и, по-видимому, не предполагались. Тыльная поверхность статуэтки заглажена, однако детальная проработка отсутствует. Нижняя половина поверхности разделена широкой бороздкой на два объёма, соответственно изображению двух женских фигур на лицевой поверхности статуэтки. Кроме того, широкой, но менее глубокой бороздкой были выделены ноги левой фигуры с тыльной стороны. Изображение левой женской фигуры отличается ещё и тем, что её грудь разделена на две равные половины двумя параллельными тонкими неглубокими линиями. Левая грудь правой женской фигуры имеет округлой формы неглубокую выемку. Возможно, что эта выемка — результат повреждения статуэтки от удара каким-то предметом. Статуэтка была разбита в древности, по всей видимости, на четыре фрагмента: один из них — это изображение двух женщин в области груди и живота, второй — в области ног,

два фрагмента — изображения нижних частей ног женщин. Однако один из этих фрагментов, а именно, нижняя часть (ноги) правой фигуры, не обнаружен. Поверхности граней древних сколов заглажены. Верхний фрагмент уже после попадания в культурный слой был разбит на две части в результате природных пост-депозиционных процессов, вероятно, мерзлотного характера. Таким образом, в современном виде статуэтка состоит из четырёх фрагментов. В культурном слое статуэтка залегала лицевой стороной вниз, с ногами, направленными в северо-восточную сторону, а той частью, где должны были быть изображены головы — в юго-западную. Положение статуэтки в слое говорит о том, что её части были не выброшены, а уложены человеком в правильном порядке, соответственно их изначальному положению до фрагментации этого предмета.

Стилистически изображения женщин двойной статуэтки выполнены в манере, характерной для скульптурных изображений костёнковского типа. Сходство подчёркивается наличием двойных поперечных нарезок на груди левой фигуры. Похожим образом, например, изображена перевязь поверх груди на первой женской статуэтке из Костёнок I (сл. 1) с тем лишь отличием, что между поперечными нарезками, нанесёнными на костёнковскую статуэтку, прорезан также орнамент в виде косой решётки (Ефименко, 1958. С. 346—347, рис. 140). Близки также вытянутые пропорции женских фигур двойной статуэтки и скульптур костёнковского типа, равно как и их очертания в профиль (рис. 8). Однако отсутствие изображений голов, рук и нижней части ног всё же заметно отличают двойную хотылёвскую статуэтку от костёнковских фигурок.

Схематическая фигурка из мела. Обнаружена в непосредственной близости от двойной статуэтки, к северо-западу от неё. Её размеры — 18×16×7/6 мм. Она уплощена и имеет подтрапециевидные очертания. Одна из сторон фигурки, условно «лицевая», моделирована двумя объёмами, которые разделены поперечной по отношению к длинной оси изделия, широкой и асимметричной в профиль бороздкой. Один из объёмов, выполняющий

максимально широкую часть предмета, соответствует и наиболее выпуклой, рельефной части «лицевой» стороны фигурки. Вторая сторона, «тыльная» — плоская. Соответственно, наиболее широкая часть фигурки, так же, как и статуэтки, относится к верхней части изделия. Все поверхности предмета заглажены. Характерно, что по своим пропорциям двойная статуэтка и фигурка достаточно близки друг другу, несмотря на разницу в размерах. Фигурка лежала «лицевой» частью вниз. Длинной осью она была сориентирована по линии северо-запад — юго-восток, широкой частью на юго-восток. Соответственно, двойная статуэтка и схематическая фигурка залегали таким образом, что их длинные оси располагались перпендикулярно друг к другу. Это обстоятельство также указывает на преднамеренный характер укладки обоих изделий. Морфология схематической фигурки и её археологический контекст дают основания предполагать, что это произведение является антропоморфным и, скорее всего, символизирует женский образ. При такой интерпретации наиболее выпуклая и широкая часть «лицевой» поверхности соответствует области груди, тогда как остальная изображает живот и нижнюю часть тела.

Женская фигурка из бивня мамонта. Статуэтка была найдена в 2016 году на площади раскопа В, кв. А-8’. размеры женской фигурки: длина – 56 мм, макс. ширина – 23,7 мм, макс. толщина – 19 мм. Статуэтка изображает беременную женщину с крупными животом и грудью. Голова склонена вперед, имеет уплощенную биконическую форму. Часть объема живота и грудей не сохранилась из-за отслоения фрагмента статуэтки по естественной трещине вдоль конуса роста бивня. Плечи покатые, линия спины – сутулая. руки женщины изображены в области предплечья таким образом, что возникает впечатление о положении несохранившихся частей рук поверх грудей. лобок изображен подчеркнуто рельефно. ноги, относительно удлиненные, заметно сужающиеся в объеме к низу, смоделированы в классической для восточнограветтских статуэток позе: полусогнутые в коленях, с сомкнутыми бедрами и разведенными голенями. Сохранившееся

левое колено выделено: приподнято в виде цилиндра относительно поверхности ноги. вместо стопы на левой ноге изображено копытце. Ягодицы изображены рельефно гипертрофированными. над ягодицами на спине подчеркнут жировой валик. в целом общий объем фигурки состоит из отдельных форм, соединенных между собой с большим искусством. несмотря на свою корпулентность, статуэтка производит изящное впечатление, очевидно, благодаря своей миниатюрности и относительной удлиненности ног (рис. 2).

Статуэтка залегала в культурном слое непосредственно на древней дневной поверхности, интенсивно окрашенной охрой (рис. 4). Фигурка лежала на спине, с наклоном на правый бок, головой на запад. Она распалась на фрагменты по внутренним трещинам: верхняя часть – голова, плечи и предплечья; средняя – область грудей и живота; нижняя – ноги, распавшиеся на две части, бедренную и голени. Частично статуэтка была окрашена охрой. особенно выделяется полоска охры, протянувшаяся по правой стороне от макушки головы до голени правой ноги. Такого рода окрашенность свидетельствует о том, что охра попала в культурный слой после того, как в него была помещена статуэтка. в непосредственной близости от фигурки находилось скопление крупных кремневых пластин, а также фрагменты костей мамонта, также окрашенные минеральной краской. К юго-востоку от статуэтки была зафиксирована группа преднамеренно уложенных костей мамонта, в которую входила пара лопаток, бивень и позвонок с сохранившимся остистым отростком (рис. 5). Под ним залегал черешковый наконечник, вырезанный из бивня. С северной стороны от лопаток была обнаружена крупная трубчатая кость мамонта, вкопанная в грунт.

Археологический контекст статуэтки 2016 г. практически идентичен контексту первой хотылёвской фигурки, обнаруженной Ф.М. Заверняевым во время раскопок первого комплекса археологических объектов на участке пункта А (Гаврилов, 2015б). Идентичны и позы этих статуэток.

Мужская фигурка из бивня. Это произведение мелкой пластики было

обнаружено на площади раскопа В при раскопках 2020 года в квадрате З-6’. Сама фигурка является проксимальной частью фрагментированного стержневидного предмета с округлым сечением, возможно, острия (Гаврилов и др., 2022. С. 9). Длина стержня составляет 54,5 мм, максимальный размер диаметра стержня – 10 мм. Концы изделия сломаны – это вероятный конец острия и ноги, сломанные в области бёдер на уровне окончания паховой области. Изображение головы, как таковое отсутствует, её заменяет собственно тело стержня. От остального тела стержень отделён глубокими вырезами, которые моделируют область шеи, подбородочного выступа и скул. Фигура смоделирована вертикально стоящей. Область груди и живота сформированы в виде единого объёма, уплощённого спереди. Он же сверху и спереди косо переходит в область шеи, внизу – в область паха. Последний смоделирован в виде объёмного подтреугольного вытсупа, остриё которого направлено вниз. Спина уплощена, однако область ягодиц рельефно выделена при помощи узкого горизонтального валикообразного небольшого выступа в поясничной части, а также – при помощи узгой прорезанной линии, отделяющей ягодичную область от ног. Сами ягодицы также изображены единым объёмом, в отличие от ног, которые разделены глубокой вертикальной бороздкой, расширяющейся по направлению к ягодицам. Сохранившаяся длина мужской фигурки – 23 мм, максимальная ширина – 10 мм, толщина – 9 мм. Непосредственно на стержне, в том месте, где должно было находиться изображение лица, прорезана фигура в виде широкого ромба, в верхней части которого вырезана выемка. По мнению Г.А. Хлопачева, эта композиция может быть интерпретирована в качестве личины (Гаврилов и др., 2022. С. 9). Особенностью данного изделия является и то, что по тыльной стороне стержня при помощи резьбы выгравированы семь поперечных поясков, ограничивающих четыре полосы: две одинарных и одну – сдвоенную. Одинарные полосы располагаются в верхней и средне части стержня, сдвоенная – в нижней, с противоположной стороны от личины. Внутренние поля этих полос заполнены орнаментом в виде зигзага, который был образован

встречными клиновидными насечками, нанесёнными со смещением. Этот мотив орнамента относится к типичным костёнковским, однако он же зафиксирован и на орнаментированных наконечниках дротиков, найденных Ф.М. Заверняевым при раскопках пункта А. Орнамент сохранился частично, так как эта часть предмета затёрта.

Изделия из кости с орнаментом, украшения.

К предметам, не связанным с фигуративным искусством, относятся в настоящее время три изделия: лопаточка с фигурным навершием из ребра мамонта, стержень с треугольным навершием и подвеска из клыка медведя.

Лопаточка с фигурным навершием. Изготовлена из продольно расщеплённого ребра мамонта. Длина изделия составила 26,3 см, по своим размерам это самый крупный предмет среди однотипных изделий Хотылёво 2. «Лицевая» поверхность лопаточки представлена внутренней, вогнутой, поверхностью ребра, с сохранившимся компактным слоем. Внешняя, вогнутая, поверхность – это губчатая масса. Обе поверхности предмета тщательно заглажены. Головка лопаточки имеет подпрямоугольные вытянутые очертания, со сглаженными углами, и незначительно асимметричную позицию относительно корпуса изделия. На «лицевой» поверхности в верхней части головки нанесена поперечная прямая нарезка длиной около 1,5 см. Справа от нарезки, в угловой части головки, располагается негатив от скола подтреугольной формы. Основание корпуса лопаточки имеет скруглённую, несколько вытянутую, форму в плане и тщательно заострено в профиле. В центральной части корпуса, на «лицевой» стороне располагается гравировка, выполненная двойными неглубоко прорезанными линиями в виде разомкнутого вытянутого треугольника, обращённого вершиной вниз. Длина гравировки – 7,2 см. Разомкнутый треугольник относится к «женским знакам», согласно классификации А. Леруа-Гурана (Leroi-Gourhan, 1965. P. 453).

Стержень с треугольным навершием. Предмет изготовлен из компактного слоя крупной кости мамонта. Он имеет удлинённые пропорции,

длина изделия составляет 16,7 см. Максимальная ширина – 1,85 см, приходится на основание, противостоящее навершию. Минимальная ширина – 0,78 см, у основания навершия. Основание ровное, расположено строго поперёк длинной оси предмета. Все поверхности изделия тщательно заглажены. Поперечное сечение основного корпуса изделия – двояковыпуклое, у основания навершия - подокруглое. Навершие имеет асимметрично треугольную в плане форму, подтреугольный вытянутый продольный профиль и подпрямоугольное поперечное сечение. Размеры навершия – 1,5Х1,2Х1 см. В нижней части корпуса на одной из поверхностей имеется рельефно выделенный поперечный валик, сильно затёртый, который заходит на боковые грани и образует небольшие уступы. Благодаря этой особенности подчёркнуто отделение нижней части от остального объёма корпуса. Оба продольных края предмета по всей длине, от широкого основания до места соединения корпуса с навершием, украшены орнаментом. Орнамент представляет собой чередование косых параллельных коротких нарезок, «стрелок» и косых крестиков. Нетрудно заметить, что эта разновидность орнамента относится к одному из классических типов, характерных для костёнковско-авдеевской культуры – косому крестику и его заменяющих элементов (Гвоздовер, 1985б, с. 10). Однако сам предмет не имеет аналогий среди костяных изделий костёнковско-авдеевской культуры. Достаточно очевидное сходство прослеживается между морфологией корпуса данного изделия и формой хотылёвских плоских треугольных острий из раскопок Ф.М. Заверняева (Заверняев, 1987. С. 127, рис. 10, 1; Хлопачев, 2006. С. 94, рис. 61, 4-6).

Подвеска из клыка медведя. Изготовлена из правого нижнего клыка очень крупного молодого самца бурого медведя (определение Г.Г. Боескорова, см. Гаврилов и др., 2013. С. 284-285). Максимальная длина предмета – 93,3 мм Нижняя часть корня имеет следы искусственной подправки в виде поперечных надрезов. Её концевая часть, возможно, была укорочена. Поверхностный слой корневой части частично снят с внутренней части вплоть до поперечного

надреза таким образом, что в этом месте образовалась широкая пологая канавка. В отличие от подвесок из клыков хищников, оформленных при помощи поперечных канавок, которые были найдены при раскопках стоянок ориньяка и шательперрона (White, 2002; White, 2007; Bosinski, 1990; Вишняцкий, 2008), канавка на хотылёвской подвеске не выражена столь явно и скорее обозначена поперечными надрезами, а не смоделирована ими.

Типологические особенности изделий из кости и бивня Хотылёво 2.

Типологически кремневые изделия Хотылевского поселения отличаются от предметов с вторичной обработкой Костенок I и Авдеево даже при беглом взгляде, но в костяном инвентаре Хотылево 2 имеются формы и орнаментальные мотивы, аналогичные Костенкам и Авдеево. Однако эти формы: лопаточки с навершиями, острия типа «верблюжья ножка», серповидный орнаментированный предмет из рога северного оленя, не являются копиями костенковско-авдеевских. Они представлены самостоятельными, хотылёвскими типами этих категории. Что же касается орнаментальных мотивов, аналогичных костёнковско-авдеевским (косой крест, треугольные насечки, косая решетка), то они были использованы для украшения бивневых веретенообразных наконечников копий, а также стержня с треугольным навершием, то есть таких типов изделий, которые не встречены в инвентаре стоянок костенковско-авдеевской культуры и, соответственно – не украшались таким образом их обитателями.

Учитывая рассмотренные в предыдущих разделах особенности каменного инвентаря Хотылёво 2, правомерным представляется подход к оценке типологических особенностей хотылевских изделий из кости и бивня как не противоречащих типологическим особенностям кремневых предметов с вторичной обработкой. Необходимо рассматривать костяной инвентарь Хотылево 2 как органичную часть материальной культуры этого поселения. Более того, индивидуальные особенности хотылевских предметов подтверждают типологическую вариабельность изделий восточного граветта, относящихся к одним и тем же категориям, но представленным в опорных

памятниках разных культурных вариантов. В пользу этой точки зрения свидетельствует соотношение конкретных типов изделий, способов их орнаментации и археологического контекста. Это положение относится прежде всего к женским статуэткам, лопаточкам и наконечникам копий из бивня мамонта. Каждая категория представлена в хотылевской коллекции самостоятельным типом, отличным от костенковско-авдеевского. В Костенках I и Авдеево, с одной стороны, и в Хотылево 2 – с другой, представлены несколько вариантов лопаточек с навершиями (Ефименко, 1958; Gvozdover, 1995; Заверняев, 1987). Несмотря на это, вариабельность и в первом, и во втором случае не выходит за рамки определенных границ. Лопаточки костенковско-авдеевского типа всегда сохраняют косые прорези на плоскости наверший, тогда как у лопаточек хотылевского типа их нет. Для костенковско-авдеевского типа характерным признаком является наличие зубчатой насечки по краю ребра, либо оформляющей периметр изделия, либо выделяющий «ушки» на навершии. Они могут иметь выделенный перехват у основания навершия и в верхней трети изделия, хотылевский тип его не имеет. Наконечники копий из бивня, найденные в Авдеево и в Хотылево 2, также относятся к разным типам. Авдеевские экземпляры не имеют конического перехода к черешку, их характерный признак – горизонтальные выступы в основании наконечника, которые, соответственно, не зафиксированы на хотылевских предметах. В связи с этим характер орнаментации хотылевских изделий подтверждает закономерность, выявленную на материалах Костенок I и Авдеево (Гвоздовер, 1985б): каждому типу соответствует определенный набор способов их украшения.

Типологические отличия предметов костяного инвентаря Хотылево 2 от аналогичных по категориальной принадлежности изделий Костенок I и Авдеево хорошо кореллируются с характером отличий в орнаментации этих артефактов.

Отличие хотылевского типа женских статуэток от костенковско-авдеевского (тип I, по классификации М.Д. Гвоздовер, см: Гвоздовер, 1985а)

теперь подтверждается не только разницей в каноне построения фигуры, но и технологией их изготовления (Хлопачев, 1998). Однако, несмотря на эту специфику, женские статуэтки Хотылёво 2 не выходят за рамки иконографии женского образа в искусстве восточного граветта на Русской равнине. После находки в Хотылёво 2 двойной женской статуэтки, вырезанной из мела, резкое противопоставление хотылевского и костёнковского типов, подразумевающее их культурную и/или хронологическую специфику (Хлопачёв, 2006), вряд ли оправдано. Это семантическое единство очень хорошо иллюстрируется фактом залегания в одном археологическом комплексе жилища гагаринских статуэток, относящихся как к хотылёвскому типу, так и к костёнковскому (Тарасов, 1979). В данном случае уместнее говорить о проявлении культурной специфики костенковско-авдеевского и хотылёвского вариантов восточного граветта в композиционном и стилистическом оформлении иконографических типов женской скульптуры, их конкретном сочетании и археологическом контексте.

Что же касается таких категорий предметов как подвески из клыков хищников (в данном случае – из клыков песца) с прорезанными отверстиями, ребра с нанесенными зубчатыми насечками по краю (рис. 106), лощила и копалки из ребер мамонтов – все эти изделия не могут считаться специфичными, присущими только какой-то одной группе памятников внутри восточного граветта. Не является специфичным элементом в этом смысле и такая разновидность орнамента как косая решетка. В данном случае, использование этого мотива для украшения пластины из бивня мамонта дополнило наши представления о сочетаемости косой решетки с различными категориями изделий. Примерами такого же порядка являются хотылевские кремневые пластины и предметы с вторичной обработкой (Заверняев, 1981), а также зарайская фигурка бизона (Амирханов, Лев, 2003).

Таким образом, Хотылево 2 в отношении предметов костяного инвентаря также может рассматриваться как самостоятельный тип памятника в рамках восточного граветта.

Глава 6
Восточноевропейский эпиграветт на территории бассейна Десны и Среднего Поднепровья. Трансформация верхнепалеолитической культуры Центра Русской равнины в период LGM

Стоянки поздней поры верхнего палеолита, расположенные в бассейне Десны и шире – в Среднем Поднепровье, традиционно рассматриваются как части некоего культурно-исторического феномена. Однако определение его культурной специфики как в целом, так и применительно к отдельным памятникам до настоящего времени остается предметом дискуссий. В настоящее время актуальность этой дискуссии обуславливается необходимостью рассматривать специфику верхнего палеолита центральных районов Русской (Восточно-Европейской) равнины в общеевропейском контексте.

Поскольку историография вопроса о специфике деснинского верхнего палеолита рассмотрена в главе 1, здесь необходимо только отметить, что основными проблемами при его обсуждении стали следующие: 1) правомерность выделения Подесенья и Среднего Поднепровья в качестве относительно самостоятельной территориальной единицы развития верхнепалеолитической культуры на территории Восточной Европы; 2) необходимость и возможность определения специфики деснинских и среднеднепровских памятников поздней поры верхнего палеолита при помощи понятий «восточный эпиграветт» и «мадлен»; 3) существование или отсутствие культурной преемственности между памятниками средней и поздней поры верхнего палеолита на территории Центра Русской равнины.

6.1. Общая характеристика эпиграветтского технокомплекса на территории Центра Русской равнины.

Каменный инвентарь восточно-эпиграветтских памятников

характеризуется следующими признаками. 1. Стадиальное расщепление кремнёвого сырья, направленное на получение прямых пластин, средняя ширина которых составляет от 12 до 15 мм. А.Б. Селезнёв предполагал использование в процессе раскалывания посредника, что позволяло применять круговую систему утилизации нуклеусов (Селезнёв, 1996)[17]. 2. Широкое применение техники резцового скола и притупливающей ретуши. 3. Обеднение типологического разнообразия каменного инвентаря, основу которого составили резцы, как правило ретушные[18], поперечно и косо усеченные притупливающей и полукрутой ретушью пластины, скребки укороченных пропорций, пластинки и микропластины с притупленным краем.

Своеобразие каменного инвентаря эпиграветтских памятников проявляется в сочетании конкретных типов среди таких категорий, как пластинки и микропластины с притупленным краем, острия с притупленным краем и/или наконечники, а также проколки.

Ппк и мппк. Предметы, относящиеся к этим категориям, составляют значительные серии в инвентаре не только деснинских стоянок, но и памятников Среднего Поднепровья. Их доля варьирует от 6,0 % до 21,5 % от общего количества предметов с вторичной обработкой (Нужний, 2002; Гаврилов, 2003). Незначительный процентный показатель этих изделий в инвентаре Тимоновки I объясняется только колоссальным преобладанием резцов, количественно категории ппк и мппк здесь вполне представительны — 18 и 63 экз., соответственно (Гаврилов, 1994б)[19].

В отличие от памятников восточного граветта, эпиграветтские комплексы практически не содержат ппк и мппк, обработанных встречной контрударной ретушью. Притупливающая ретушь обычно срезает менее

[17]Использование посредника, очевидно, и было тем технологическим новшеством, которое оказало решающее влияние на облик каменного инвентаря.
[18]Исключение из этого правила представляет инвентарь стоянок Быки 1 и Быки 7, о чём подробнее будет сказано ниже.
[19] Необходимо учитывать ито, что во время раскопок В.А. Городцова в Тимоновке огромная площадь была вскрыта за короткий промежуток времени траншейно-кессонным методом, что наверняка привело к потере значительного количества предметов данных категорий.

одной четверти заготовки, высота фасеток — от 1 до 2 мм, в зависимости от толщины пластинок и интенсивности ретуширования. Ретушь в большинстве случаев наносилась на спинку. Однако в инвентаре стоянки Елисеевичи 1 (Величко, Грехова и др., 1997), а также стоянки Курск 2 (Борисковский, 1986) имеются предметы с вентральной притупливающей ретушью (рис. 107, 5, 10, 11, 14-17). Ширина большинства изделий составляет от 5,0 до 7,5 мм, имеется небольшое количество и узких предметов, от 3,0 до 4,5 мм (Гаврилов, 2003). Юдиновский инвентарь из раскопок В. Д. Будько выделяется серией широких пластинок с притупленным краем, имеющих укороченные пропорции (рис. 108, 30—34). Широкие пластинки и даже пластины с притуплённым краем имеются и в инвентаре стоянок Елисеевичи 1 и Косица, однако они отличаются от юдиновских бóльшей длиной (рис. 107, 3-13).

Как правило, пластинки и микропластины с притупленным краем в инвентаре стоянок находятся во фрагментированном состоянии. Тем не менее характер обработки концов предметов этих категорий позволяет разделить данные изделия на несколько групп. Прежде всего необходимо отметить почти полное отсутствие вентральной обработки концов. Единичные экземпляры такого рода зафиксированы в инвентаре стоянок Косица (рис. 107, 4), Елисеевичи 1 (рис. 107, 6), Курск 2 (рис. 107, 14). Пластинки и микропластины с притупленным краем стоянки Елисеевичи 1, кроме того, отличаются от остальных памятников тем, что для них обработка концов вовсе не характерна (рис. 107, 5, 7-13) (Величко, Грехова и др., 1997; Лисицын, 1999). В инвентаре остальных памятников в подавляющем большинстве случаев для обработки концов использовалась дорсальная притупливающая ретушь, аналогичная той, которая наносилась на край изделия. Поэтому варианты обработки в данном случае заключались в поперечном усечении конца по прямой, слабовогнутой или слабовыпуклой дуге, а также по диагонали под более или менее острым, реже — тупым углом. Наибольшим разнообразием по этому признаку обладают пластинки и микропластины с притупленным краем стоянок мезинской культуры, в инвентаре которой

зафиксированы практически все перечисленные варианты обработки ретушированных концов (рис. 109,). Более того, по наблюдениям Д.Ю. Нужного, для индустрии Мезина, а также однокультурного с ним памятника Бармаки характерен специфический приём обработки концов. Он заключался в ретушировании конца по диагонали для преднамеренной фрагментации проксимального конца (рис. 109, 12, 34) (Нужний, Пясецький, 2003; Нужний, 2015). Выделяется среди мезинских мппк серия предметов с косо срезанными концами, образующими с притупленным краем остриё (рис. 109, 36-37) (см. также: Шовкопляс, 1965). Подобные мппк встречены в инвентаре стоянок Тимоновка 1 и Юдиново 1 (рис. 108, 7, 8, 10, 18*)*, но там они не составляют серий. Для этих памятников характерны мппк и ппк, у которых концы ретушированы по прямой или слабовыпуклой дуге, примыкая к притупленному краю под прямым углом или углом, близким по своему значению к прямому (рис. 108, 1, 2, 5, 13-17, 23-26, 28-35). Подобные формы присутствуют в инвентаре не только стоянок Подесенья, но характерны и для орудий с притупленным краем таких среднеднепровских памятников, как Межирич, Добраничевка, Гонцы (Нужний, 2002; Нужний, 2015; Ступак, 2014). Их вполне можно рассматривать как фоновые для данных категорий предметов с вторичной обработкой. Среди супоневских орудий имеются также изделия с концом, ретушированным под тупым углом по отношению к притупленному краю (рис. 108, 36, 37*)* — форма, помимо Супонево, зафиксированная в инвентаре только Мезинской стоянки.

Острия с притупленным краем. Предметы этой категории единичны, однако присутствуют в инвентаре почти всех памятников второй половины поздневалдайского времени на территории не только Подесенья, но и Среднего Поднепровья. Изготовлены они на пластинках или узких пластинах с прямым профилем. Притупливающей ретушью у этих орудий по дуге обработан один край, плавно переходящий в остриё (рис. 110, 1-10). Дуга, как правило, пологая, но в инвентаре Супонево (рис. 110, 5*)* и Тимоновки 2 (рис.

110, 8) имеются предметы, у которых ретушированный край имеет более изогнутые очертания. Острия стоянки Елисеевичи 1 изготавливались на пластинах, более длинных и широких по сравнению с остальными памятниками (рис. 110, 1, 2). Все острия имеют асимметричные очертания и могут быть отнесены к типу федермессер. Особенно это касается острий стоянок Тимоновка 1 (рис. 110, 6), Тимоновка 2 (рис. 110, 9), Юдиново 1 (рис. 110, 3, 4) и Супонево (рис. 110, 10). Совершенно особый тип имеется в инвентаре стоянки Косица (рис. 110, 11). Это изготовленное на длинной пластине шириной около 20 мм остриё симметричной формы, у которого притупливающей ретушью обработаны оба края в медиальной и дистальной частях. Ретушированные края сходятся и таким образом формируют острый конец, который также обработан ретушью, но — более пологой. Острия с притупленным краем в инвентаре памятников Среднего Поднепровья отличаются миниатюрными размерами, поскольку они изготовлены почти исключительно на микропластинах или узких пластинках (Нужний, 2015. С. 302, рис. 167, 1). У некоторых имеется подработка основания мелкой притупливающей ретушью, оформляющего дугообразно нижний конец (Нужний, 2015. С. 267, рис. 145, 1. С. 285, рис. 156, 3. С. 301, рис. 166, 3.), иногда – с вентральной подработкой (Нужний, 2015. С. 284, рис. 155, 4). Ещё один вариант подработки основания таких острий – ретуширование по краю, противоположному тому, который ретуширован по дуге (Нужний, 2015. С. 303, рис. 168, 1), иногда такое ретуширование оформляет неглубокую боковую выемку (Межирич; см. Нужний, 2015. С. 223, рис. 124, 2). Однако единичные экземпляры острий федермессер в инвентаре этих памятников также зафиксированы (Межирич, см. Нужний, 2015. С. 216, рис, 118,1-3; Добраничевка, см. Нужний, 2015. С.243, рис. 135, 1).

Треугольные острия. Острия этой разновидности также изготавливались на пластинках и микропластинах при помощи притупливающей ретуши. Ретушью обрабатывался длинный край заготовки

или она срезалась по диагонали, формируя длинный край изделия. В обоих случаях длинный ретушированный край переходил в остриё. Основание острия также ретушировалось, образуя с длинным краем острия острый угол, однако ретушированные участки края и основания острия могли не соприкасаться. Данные острия относятся к типу тарденуа и зафиксированы в инвентаре Мезинской стоянки (рис. 110, 13-16), а также стоянок Быки 1 (рис. 111, 1-5), Быки 7 (к. сл. I, Ib, Ia, Ic), Пенская и Самотоевка (Ахметгалеева, 2004; Ахметгалеева, 2007; Федюнин, 2010). По данным П. И. Борисковского, единичные экземпляры аналогичных острий имеются среди орудий верхнего слоя Киево-Кирилловской стоянки (Борисковский, 1953). В инвентаре стоянки Быки 7 серийно присутствует не встреченная в других комплексах разновидность треугольных острий, для которых характерно поперечное ретуширование заготовки при оформлении основания (рис. 111, 6-18). В инвентаре Мезинской и, вероятно, Киево-Кирилловской стоянки треугольные острия единичны и относятся к варианту с расположением притупливающей ретуши вдоль длинного края заготовки. В Быках 1 эти предметы также представлены единичными экземплярами. Значительные серии в инвентаре стоянок Быки 1 и 7 образованы другим вариантом треугольников — с диагональным расположением притупливающей ретуши. Характерно, что инвентарь этих памятников не содержит одновременно пластинок и микропластин с притуплённым краем. Значительные серии треугольных острий при полном отсутствии мппк и ппк дали основание Н. Б. Ахметгалеевой рассматривать Пенскую стоянку, Быки 1 и Быки 7, слои I, Ib, Ia, Ic, в качестве однокультурных памятников, отличных от синхронных стоянок сопредельных территорий (Ахметгалеева, 2004; Ахметгалеева, 2019).

Черешковые наконечники. Предметы этой категории представлены в инвентаре лишь двух памятников — Мезинской стоянки (рис. 110, 17, 18) и стоянки Курск 1 (рис. 110, 12). В Мезине зафиксировано шесть наконечников, однако, по мнению Д. Ю. Нужного, лишь один предмет представляет собой

действительно черешковую форму (рис. 110, 17), тогда как остальные могут рассматриваться в качестве варианта острий с притупленным краем (Нужний, Пясецький, 2003. С. 68; Нужний, 2015. С. 205-207). Изделие, которое Д.Ю. Нужный относит к бесспорно черешковому наконечнику в оформлении пера, также сближается с остриями с притупленным краем своей асимметричностью и использованием притупливающей ретуши при оформлении края. Остальные предметы Мезина всё же более корректно атрибутировать как черешковые, с той только разницей, что у них отсутствует резкий перегиб при переходе от черешка к перу. Безусловно, они могут рассматриваться в качестве переходной формы от собственно черешковых наконечников к остриям типа федермессер.

Одно из таких острий в инвентаре Супоневской стоянки имеет оформление базовой части при помощи притупливающей ретуши по краю, противоположному тому, который оформлен по пологой дуге (рис. 110, 10). Мезинские изделия, кроме того, отличаются от острий с притупленным краем метрическими параметрами заготовки. Для их изготовления использовались относительно широкие пластины.

Проколки. Традиционно предметы данной категории использовались для иллюстрации специфики кремнёвого инвентаря Мезинской стоянки (Шовкопляс, 1965; Рогачёв, Аникович, 1984). Дело тут не в особенностях проколок как таковых, поскольку эти формы широко распространены в европейском верхнем палеолите. Более того, Г. П. Григорьев считает возможным рассматривать присутствие в инвентаре деснинских памятников проколок с длинным жалом как мадленский признак, наряду с остриями федермессер и скребками укороченных пропорций, относимых к так называемой тарновской группе скребков (Григорьев, 2008а; Григорьев, 2008б). Действительно, Мезин выделяется на фоне памятников поздней поры верхнего палеолита Русской равнины многочисленностью и разнообразием проколок (рис. 112, 1-18). В качестве заготовок для них использовались отщепы, пластины, пластинки и даже микропластины. Ретушь оформляла

жала с плечиками и без, длинные и короткие, одинарные, двойные и тройные.

Аналогичные изделия остальных памятников Подесенья отличались меньшей серийностью и многообразием, за одним исключением. Исключение составляют проколки стоянки Супонево. Н.А. Хайкунова в своём диссертационном исследовании показала определённое сходство мезинских и супоневских проколок, но, к сожалению, эти результаты не были опубликованы исчерпывающим образом (Хайкунова, 1985). Частично материалы Супонево опубликованы С.Н. Лисицыным, однако в коллекции 1926 г., которую проанализировал автор, серия проколок немногочисленна — всего 12 экземпляров (Лисицын, 1999. С. 107—108) (рис. 113, 1-4). По данным Н. А. Хайкуновой, среди супоневских проколок преобладают предметы с симметричным и скошенным жалом с оформленными ретушью плечиками. Основной заготовкой служили узкие пластины и пластинки. Но серийно представлены и орудия на отщепах. Двойные и множественные проколки также образуют устойчивые серии. Именно эти показатели сближают мезинские и супоневские предметы данной категории.

Ещё раз подчеркнём, что проколки Мезина и Супонево выделялись не столько своей морфологией, сколько серийностью представленных в этой категории разнообразных форм, прежде всего – двойных и множественных проколок, а среди них – проколок на отщепах. Единичные экземпляры этих же форм встречены в инвентаре и других памятников Подесенья. Например, двойные проколки и проколки на отщепах имеются в инвентаре Юдиново 1 (рис. 112, 27, 28) и Тимоновки 1 (рис. 113, 5-16), а также среди орудий стоянки Быки 1 (рис. 112, 19-26). Более того, проколки стоянки Быки 1 содержат двойные формы, у которых жала расположены на одном конце заготовки (рис. 112, 21-23) и которые наряду с проколками на широких отщепах максимально подчёркивают специфику этой категории для Мезинской и Супоневской стоянок. Аналогичные формы имеются и в инвентаре культурного слоя I стоянки Быки 7 (Ахметгалеева, 2004). В целом кремнёвый инвентарь

памятников поздней поры верхнего палеолита Подесенья, а также стоянок Быки 1 и Быки 7 (к. сл. I) характеризуется присутствием бóльших или меньших серий проколок с выделенными ретушью жалом и плечиками. Этот признак довольно чётко отличает данные памятники от синхронных стоянок Среднего Поднепровья, к которым могут быть отнесены Межирич, Добраничевка, Гонцы, Фастов, Семёновка 1 и 2 (Нужний, 2002; Нужний, 2015). Проколки в инвентаре этих памятников, во-первых, единичны, а во-вторых, представлены предметами, у которых ретушированное жало не имеет выделенных плечиков. Морфологически, эти орудия смыкаются с симметричными остриями на пластинках, у которых ретушью по двум краям обработана рабочая часть.

6.2. Варианты индустрий восточного эпиграветта на территории Подесенья и Среднего Поднепровья.

Памятники поздней поры верхнего палеолита, расположенные на территории бассейна Десны, как, впрочем, и стоянки Среднего Поднепровья, на основании анализа морфологических особенностей предметов с вторичной обработкой могут быть отнесены к эпиграветтским в том смысле, что их кремнёвый инвентарь есть результат развития восточнограветтской традиции изготовления орудий. В пользу этого вывода свидетельствует широкое применение техники нанесения притупливающей ретуши при оформлении вкладышей, острий и наконечников, а также техники резцового скола. По сравнению с восточным граветтом, набор приёмов вторичной обработки редуцируется за счёт вентральной подтёски и вентральной уплощающей ретуши. Однако эти приёмы были известны носителям эпиграветтской традиции и при необходимости применялись. Например, в инвентаре стоянок Елисеевичи 1 (Лисицын, 1999) и Быки 7, сл. 1 (Ахметгалеева, 2004) зафиксированы пластины с подтёской конца. Один предмет из комплекса стоянки Быки 7, сл. I, может быть сопоставлен с ножами костенковского типа

(рис. 49, 17), в этом же инвентаре был обнаружен и краевой скол (Ахметгалеева, 2004). Регулярная уплощающая вентральная ретушь зафиксирована в Тимоновке I на одном из экземпляров мппк (рис. 108, 8), а также на одной проколке (рис. 113, 11). Эпизодичность употребления этого приёма вторичной обработки может быть объяснена тем, что модификация техники раскалывания, в результате которой стало возможным получение более тонких и прямых пластин, сделала ненужной в большинстве случаев подправку заготовок с целью выравнивания их профиля (Селезнёв, 1996).

Однако общее обеднение состава орудий привело к тому, что различия между памятниками Подесенья, а также между ними в целом и стоянками Среднего Поднепровья проявляются не столь ярко, как различия между памятниками восточного граветта. Специфика их индустрий выделяется прежде всего по таким показателям, как способы обработки концов пластинок и микропластин с притупленным краем, а также серийность и степень разнообразия проколок. Кроме того, особенности комплексов подчёркиваются метрическими характеристиками заготовок, использовавшихся при изготовлении тех или иных категорий орудий. Например, скребки Мезинской стоянки оформлены на относительно крупных пластинах и отщепах и этим отличаются от скребков как остальных деснинских, так и среднеднепровских памятников (Нужний, 2003; Нужний, 2015). В свою очередь, пластинки и микропластины с притупленным краем стоянок Косица и Елисеевичи 1, как правило, имеют бóльшую длину по сравнению с той, которая характерна для аналогичных предметов остальных стоянок Подесенья и Среднего Поднепровья.

Для территории собственно Подесенья можно отметить высокую степень сходства каменного инвентаря стоянок Тимоновка 1, 2 и Юдиново 1, на основании которого в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Л. В. Греховой была выделена тимоновско-юдиновская археологическая культура (Грехова, 1969; Грехова, 1970; Грехова, 1971).

Аналогичным образом тогда же М. И. Гладких для территории Среднего Поднепровья определил круг памятников межиричско-добраничевской культуры (Гладких, 1968; Гладких, 1971а; Гладких, 1971б; Гладких, 1977). Их отличие от деснинских стоянок состоит в крайней обеднённости форм и категориального состава предметов с вторичной обработкой.

Близкую в таксономическом отношении степень сходства демонстрирует каменный инвентарь стоянок Мезин и Бармаки (Нужний, Пясецький, 2003; Нужний, 2015). Это сходство проявляется не только в особенностях оформления проколок, как это можно наблюдать при сравнении мезинского и супоневского инвентаря, но и по другим показателям: тип заготовки, использовавшейся при изготовлении скребков, соотношение одинарных и двойных скребков, оформление концов пластинок и микропластин с притуплённым краем.

Д.Ю. Нужный избегал употреблять термин «археологическая культура» по отношению к группе Мезин-Бармаки, предпочитая выражение «тип индустрии». Причины такого подхода к оценке таксономического статуса каменного инвентаря той или иной группы памятников вполне очевидны и частично уже были перечислены. Среди кремнёвых орудий поселений поздней поры Подесенья и Среднего Поднепровья отсутствуют ярко выраженные культуроспецифические типы, подобные тем, какие имеются в индустриях памятников восточного граветта. Среди массовых категорий предметов с вторичной обработкой характерно преобладание резцов, доминирующим типом внутри которых является ретушный резец. Скребки эпиграветтских памятников — простые концевые, как правило, без ретуши краёв, значительная часть их имеет укороченные пропорции. Пластинки и микропластины с притупленным краем чаще всего представлены «четырёхугольниками». Весь этот массив с таксономической точки зрения может быть разделён на несколько групп поселений и отдельные памятники. На территории Верхнего и Среднего Подесенья выделяются три группы

стоянок: тимоновско-юдиновская, мезинская и межиричско-добраничевская. В них не входят Елисеевичи 1, Косица и Супонево, хотя по отдельным признакам Супонево сближается с Мезиным, а Косица сопоставляется с Елисеевичами 1 (Гаврилов, 1994б; Гаврилов, 2003). Д.Ю. Нужным для территории Среднего Поднепровья также выделяются два памятника, стоящие особняком по сравнению с памятниками межиричско-добраничевской группы – это Журавка и Большая Бугаевка (Нужний, 2015). Каменный инвентарь обоих памятников весьма малочислен и не позволяет проследить какие-то статистически значимые закономерности соотношения категорий и типов орудий. Типологический облик индустрий беден. Д.Ю. Нужный отмечает присутствие в коллекции Журавки двух «псевдомикрорезцов», что, по его мнению, может свидетельствовать в пользу финальнопалеолитического возраста этого памятника (Нужний, 2015. С. 350). Однако набор пластин и микропластин с притупленным краем, а также формы острий с притупленным краем не демонстрируют каких-то радикальных отличий этой стоянки от межиричско-добраничевской группы. Единственное значимое отличие – отсутствие серии ретушных резцов и присутствие острий с диагонально ретушированным концом, близким к типу «Zonhoven» (Нужний, 2015. С. 350), что, возможно, также указывает на поздний возраст этой стоянки.

На этом фоне более резко выражена специфика каменного инвентаря расположенных на левом берегу р. Сейм стоянок Быки 1, Быки 7 (сл. I, Ib, Ia и Ic), Быки 5 и Пенская. Характер заготовок, использовавшихся при изготовлении орудий, как и вся система раскалывания кремня, в целом весьма близки тому, что наблюдается при изучении инвентаря деснинских стоянок поздней поры верхнего палеолита (Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2004; Ахметгалеева, 2015). Однако среди предметов с вторичной обработкой названных памятников серийно представлены треугольные острия, наиболее массовые разновидности которых в Быках 1 и Быках 7 (сл. I, Ib, Ia и Ic) могут рассматриваться в качестве культуроспецифических. Речь идёт о двух

разновидностях острий типа тарденуа, у которых длинный притуплённый край срезает заготовку по диагонали, а не вдоль края пластинки. Их присутствие сочетается с отсутствием в инвентаре пластинок и микропластин с притуплённым краем. Кроме того, в отличие от деснинских памятников, среди резцов Быков 1 и 7 преобладающей формой являются двугранные. Н.Б. Ахметгалеевой, опираясь на эти характеристики каменного инвентаря, атрибутирует названные памятники в качестве однокультурных (Ахметгалеева, 2004; Ахметгалеева, 2015; Ахметгалеева, 2019). Выделение каменной индустрии перечисленных быковских стоянок в качестве самостоятельной группы представляется обоснованным, особенно – при сравнении с каменным инвентарём стоянок, относимых к тимоновско-юдиновскому и мезинскому вариантам. Тем не менее, это не отменяет признания того факта, что между быковскими памятниками и деснинскими стоянками существуют определённые точки соприкосновения. В инвентаре Мезина, Быков 1 и Быков 7 (сл. I, Ib, Ia и Ic) присутствуют, во-первых, треугольные острия, у которых длинный притуплённый край оформлен ретушью вдоль края заготовки. Во-вторых, имеются проколки, в том числе и специфических мезинских форм. Кроме того, размеры пластинчатых сколов, среди которых преобладают узкие пластины и пластинки (Ахметгалеева, 2019), укороченные пропорции скребков сближают каменный инвентарь стоянок быковской культуры не только с эпиграветтскими памятниками Подесенья, но также и Среднего Поднепровья. Эти точки соприкосновения, как представляется, позволяют заключить, что каменная индустрия памятников поздней поры верхнего палеолита этих регионов — Посеймья, Подесенья и Среднего Поднепровья обладает близкой хозяйственно-культурной подосновой.

В пользу самостоятельного таксономического статуса быковской группы в рамках восточноевропейского эпиграветта свидетельствует и хронологическая позиция входящих в неё памятников. Её хронологические рамки составляют от примерно 18000 до около 14600 л.н. (^{14}C, некал.), то есть,

нижняя хронологическая граница этой группы древнее наиболее ранних дат стоянки Елисеевичи 1. Однако, опираясь на имеющиеся радиоуглеродные даты и данные о стратиграфическом положении культурных слоёв стоянок Пены 1 и Быки 7, слои Ia и Ic, можно констатировать их синхронность с большинством классических памятников восточноевропейского эпиграветта.

Среди верхнепалеолитических памятников бассейна Дона, чей кремнёвый инвентарь может рассматриваться в качестве аналогии индустрии стоянок быковской культуры, Н.Б. Ахметгалеева называет стоянку Самотоевка (Ахметгалеева, 2019. С. 29). Несмотря на относительную малочисленность предметов каменного инвентаря этого памятника, (309 экз., см.: Федюнин, 2010. С. 97), среди орудий имеется один выразительный экземпляр треугольного острия со скошенным основанием, аналогичный тем, которые имеются в коллекции из раскопок стоянки Быки 7 (Федюнин, 2010. С. 104, рис. 56, 17). Н.Б. Ахметгалеева отмечает и общее сходство в каменном инвентаре Самотоевки и соответствующих культурных слоёв стоянки Быки 7. Соглашаясь с этим заключением, необходимо отметить также присутствие в коллекции Самотоевки предмета, который И.В. Федюнин атрибутирует как остриё с притупленным краем (Федюнин, 2010. С. 104, рис. 56, 18). Несмотря на единичность названных предметов, их сочетание в одном комплексе весьма показательно и также свидетельствует в пользу отнесения быковской культуры к одному из вариантов восточноевропейского эпиграветта.

Выше уже говорилось о важности для использования термина «эпиграветт» таких признаков, как тип заготовки и способы вторичной обработки, применявшиеся при изготовлении орудий. В дополнение к этому можно привести ещё один аргумент, связанный с совместным нахождением в инвентаре одного памятника типов, характерных для рассматриваемых стоянок. Речь идёт о комплексе так называемой «микроиндустрии» северо-западного участка одного из опорных памятников восточного граветта в Центральной Европе — Павлов 1 (Svoboda, 2005). Для него характерно сочетание: 1) треугольных острий со скошенным основанием и оформлением

длинного края притупливающей ретушью вдоль края заготовки; 2) проколок, в том числе двойных, с выделенными ретушью плечиками; 3) пластин и микропластин с притуплённым краем, у которых концы ретушированы в виде острий; 4) черешковых наконечников с притуплённым ретушью краем. Эта аналогия говорит не о существовании непосредственной временной и культурной связи между памятниками восточного эпиграветта центра Русской равнины и стоянкой Павлов 1. В данном случае речь идёт о том, что существовала общая культурно-историческая подоснова для развития как позднего граветта, так и эпиграветта на Русской равнине. Проявления такой подосновы представлены в кремнёвом инвентаре памятников раннего граветта Центральной и Восточной Европы.

6.3. Трансформация материальной культуры верхнепалеолитических памятников Восточной Европы в период LGM

Время так называемого позднеледникового максимума (Late/Last Glacial Maximum, LGM), согласно общепринятому мнению, соответствует наиболее суровым климатическим условиям, которые фиксируются на протяжении всего ледникового периода (Величко, 1973; Soffer, Gamble, 1990). Он датируется достаточно широко в пределах кислородно-изотопной стадии MIS2 (Clark et al., 2009). Однако климатический минимум при этом приходится на отрезок времени, который на основании имеющегося массива радиоуглеродных датировок определяется отрезком от 20 до 18 тыс. некалиброванных лет назад или примерно 25-22 тыс. кал. л.н. Природные условия на территории Восточной и Центральной Европы характеризуются как суровые, с низкими средними температурами, продолжительным холодным и, соответственно, коротким тёплым сезонами, преобладанием открытых ландшафтов, широким распространением вечной мерзлоты.

В археологической литературе достаточно распространено мнение, что на указанной территории в это время происходит депопуляция, вызванная

резким ухудшением природных условий для жизни населения. Не будет преувеличением утверждение, что именно данная точка зрения лежит в основе объяснения перемен в материальной культуре, которые произошли при переходе от средней к поздней поре верхнего палеолита. Применительно к Восточной Европе этот подход был сформулирован в середине 1980-х годов О.А. Соффер (Soffer, 1985) и затем поддержан в 1990-е гг. Г.П. Григорьевым (Grigor'ev, 1993) и М.В. Аниковичем (Аникович, 1998).

За прошедшую четверть века этот подход не претерпел принципиальных изменений, оставаясь в русле бихевиористской парадигмы объяснения причин, вызывавших изменения в материальной культуре первобытного населения. Согласно этой позиции, любая значимая перемена условий окружающей среды вынуждали население адптироваться и давать «ответ», который проявлялся, в том числе, и в изменениях материальной культуры. Ухудшение климатических условий, сокращение поголовья промысловых видов животных и т.п. факторы заставляли людей перемещаться в поисках территорий, более благоприятных для жизни. По мнению ряда исследователей, эти изменения на территории Восточно-Европейской равнины проявились в прекращении существования восточного граветта и появлении эпиграветта, при существовании между ними хронологического разрыва, который на юге был заполнен памятниками так называемого эпиориньяка (Demidenko et al., 2018; Чабай и др., 2020). При этом и сам эпиориньяк оказывается культурным феноменом с непонятным генезисом, поскольку между ним и собственно ориньяком также существует значительный хронологический разрыв (Demidenko et al., 2019).

В итоге получается достаточно парадоксальная картина, когда на территории Восточно-Европейской равнины граветт сменяется непонятно откуда взявшимся эпи-ориньяком, который в свою очередь уступает место неизвестно откуда возникшему эпиграветту. Парадоксальность этой картины усиливается тем фактом, что между граветтскими и эпиграветтскими памятниками Центра Русской равнины прослеживаются точки

соприкосновения, по крайней мере, в технологии обработки бивня (Хлопачев, 2006), а также в произведениях искусства (Гаврилов, 2009; Хлопачев, 2016). Кроме того, невозможно игнорировать тот факт, что для граветтских и эпиграветтских индустрий Восточно-Европейской равнины основные заготовки – это пластины, пластинки и микропластины, а среди приёмов вторичной обработки основными являются притупливающая ретушь и резцовый скол. При всём типологическом и технологическом разнообразии вариантов граветта и эпиграветта эти составляющие не позволяют однозначно утверждать, что между ними не существует преемственность технологического, а с учётом имеющихся данных по искусству – и общекультурного, развития.

Это понимают и понимали цитировавшиеся выше исследователи. Именно по этой причине, оставаясь в рамках парадигмы бихевиоризма, они используют гипотезу о миграциях населения для объяснения культурных перемен. Однако эта гипотеза позволяет не решить, а уйти от решения вопроса о причинах таких изменений. Предполагаемые миграции в неизвестные территории с благоприятным климатом скрывают от нашего взора процесс культурных трансформаций.

В недавней статье, посвящённой проблеме культурно-хронологической вариабельности восточноевропейского эпиграветта, В.П. Чабай и соавторы пришли к выводу о том, что граветтские традиции на территории Среднего Поднепровья были прерваны, после чего наступил длительный перерыв в освоении данной территории. Причиной называется депопуляция, вызванная резким ухудшением природных условий. По мнению авторов статьи, появление эпиграветтских памятников – это результат реколонизации, которая шла, возможно, с южного и юго-западных направлений (Чабай и др., 2020). Период депопуляции бассейна Среднего Днепра, таким образом, составил около 5-6 тыс. лет: от 25/24 до 20/19 тыс. кал. л.н. (там же). В некалиброванных значениях этот временной отрезок имеет рамки от 21/20 до 17/16 тыс. л.н.

Однако, этот вывод не согласуется со всем комплексом известных нам

данных о радиоуглеродных датах памятников региона. Как было показано, территория центральных районов Восточно-Европейской (Русской) равнины была обитаема во время позднеледникового климатического минимума (см. рис. 7).

Но, поскольку между памятниками граветта и эпиграветта, действительно существует хронологический разрыв, гипотеза о прекращении граветтской традиции, на первый взгляд, выглядит обоснованной. В её пользу также свидетельствует и хронологическая позиция эпиориньякских памятников Причерноморья, также разделяющих граветт и эпиграветт (Demidenko et al., 2019). В перигляциальной зоне хронологическую позицию, аналогичную позиции эпиориньякских стоянок, занимают Оболонье, Радомышль и поселения замятнинской культуры, среди которых опорным можно считать комплекс слоя 1а стоянки Костёнки 11. В отличие от южных эпиориньякских памятников, при раскопках стоянок Оболонье, Киево-Кирилловской и Костенки 11 (сл. 1а) были обнаружены выразительные произведения первобытного искусства, которые позволяют сделать ряд важных выводов, связанных с культурными аналогиями между названными памятниками, с одной стороны, и стоянками граветта и эпиграветта – с другой. Они настолько существенны, что дают основания по-новому поставить вопрос о характере перехода от граветта к эпиграветту, по крайней мере, на территории Центра Русской равнины.

Стоянка Оболонье.

Памятник расположен в центре с. Оболонье (Черниговская обл. Украины). Стоянка была открыта в 2010 году совершенно случайно во время обустройства водной скважины для местной школы (Ступак и др., 2014. С. 9). Соответственно, стоянка располагается на правом берегу Десны, в 12-15 км юго-западнее эпиграветтских стоянок Бужанка 1 и 2. Топографическое место расположения очень показательно – это наивысшая точка мыса, образованного при впадении в Десну её правого притока р. Быстрицы (там же). Находки залегали на глубине чуть более одного метра от современной поверхности в

буровато-сером гумусированном суглинке, который в свою очередь перекрывался пачкой отложений, представленной слоями песка, супеси, ортзандами и ожелезнёнными суглинками (Ступак и др.2014. С. 11). По всей видимости, археологические находки были приурочены к погребенной почве, которая испытала деформации, как предполагают исследователи памятника, мерзлотного характера (Ступак и др.2014. С. 12). Необходимо отметить, что в одном из шурфов был зафиксирован факт залегания археологического материала, в том числе – костей животных, на различной глубине, при этом разница в глубинах достигала полуметра (Ступак и др., 2014. С. 13, рис. 5). По трубчатым костям мамонта были получены две радиоуглеродных датировки: 15200 ± 200 (SPb-442) и 20730 ± 120 (Ox-28035) (Ступак и др., 2014, рис. 5, с. 15; см. также табл. 1, №№ п.п. 129-130). По мнению авторов раскопок, вторая дата является предпочтительной, поскольку её значение более соответствует характеру материальной культуры стоянки. К тому же, образец, по которому была получена дата Ox-28035, был зафиксирован непосредственно в раскопе. Кость мамонта, по которой была получена дата SPb-442, была найдена во время хозяйственных работ, приведших к открытию стоянки, и, таким образом, её стратиграфический контекст остаётся неясным. Тем не менее, не стоит совсем оставлять эту датировку без внимания, учитывая факт залегания археологического материала (костей) на разных глубинах.

Каменный инвентарь (Ступак и др., 2014. С. 15-26) представлен кремнёвыми (9548 экз.) и кварцитовыми (2005 экз.) артефактами (рис. 114). Техника расщепления – призматическая, пластинчатая. Среди пластин, судя по рисункам, преобладают предметы с шириной менее 2 см. Доля пластинок, вероятно, также высока. На пластинах и пластинках изготовлено большинство орудий. Отщепы, в основном, использовались как заготовки для изготовления скребков. Резцы незначительно превышают количественно скребки. Среди резцов ретушных форм немного больше, чем двугранных. Характерно присутствие узких пластин и пластинок с диагонально и поперечно ретушированными дистальными концами. Имеется один экземпляр двойной

проколки. Все эти характеристики сближают стоянку Оболонье с эпиграветтскими памятниками Подесенья. Однако имеется довольно существенное отличие между каменным инвентарём этого памятника и каменными индустриями эпиграветтских стоянок Подесенья и Среднего Поднепровья. Оно состоит, прежде всего, в отсутствии среди каменных изделий Оболонья пластинок и микропластин с притупленным краем. Кроме того, в инвентаре этого памятника имеется выразительная серия скребков высокой формы карене и «с носиком». Эти особенности дали основание исследователям Оболонья считать, что каменный инвентарь этого памятника обладает ориньякскими чертами и поэтому предпочтительный радиоуглеродный возраст Оболонья – около 20 тыс. некал. л.н. (Ступак и др., 2014. С. 29).

Несмотря на своеобразие каменного инвентаря этого памятника, ему имеется близкая аналогия, представленная индустрией стоянки Гордашовка I, расположенной в Черкасской области и имеющая близкие радиоуглеродные даты: 15800 ± 250 (Ki-11680) и 20370 ± 180 (Ki-11677) (Гладких и др., 2010). Для предметов каменного инвентаря этого памятника также, как и в Оболонье, характерно серийное присутствие атипичных скребков карене, которые составляют вторую по многочисленности категорию среди предметов со вторичной обработкой. Имеется комплекс предметов из кварцита. Среди резцов преобладают ретушные и двугранные, имеются единичные проколки. Отличие от инвентаря Оболонья состоит в том, что в индустрии Гордашовки I всё же есть единичные пластинки и микропластинки с притупленным краем – четыре экземпляра (Гладких и др., 2010. С. 97).

Ещё более интересными оказались две находки из раскопок Оболонья, относящиеся к изделиям из бивня. Первая из них – это фрагмент бивня мамонта с гравированной сложной композицией. Анализ этой композиции опубликован (Ступак, 2010, с.169-178; Ступак, 2011, с.60-65; Stupak, 2012, p.18-23; Яковлева, 2013). По мнению исследователей, сложная изобразительная композиция, выгравированная на фрагменте бивня,

позволяет сопоставить этот предмет с бивнем мамонта из Киево-Кирилловской стоянки, на поверхность которого также была нанесена причудливая композиция из прорезанных линий. К этому необходимо добавить, что традиция нанесения сложных композиций из прорезанных линий на поверхность крупных фрагментов бивней мамонта фиксируется, начиная со времени существования раннего граветта (павловьена) на территории Моравии. Разумеется, в данном случае речь идёт не о полном композиционном и стилистическом сходстве, а именно об аналогичности самих традиций нанесения сложных абстрактных композиций, не являющихся ритмически организованным орнаментом, на поверхность бивней мамонта. Сам же анализ композиций, украшающих бивни из Оболонья и Кирилловской, позволяет найти точки соприкосновения с эпиграветтом Среднего Поднепровья и Подесенья.

Анализ композиций орнаментальных гравировок на бивнях из стоянок Оболонье и Киево-Кирилловская.

Орнаментированный бивень из стоянки Оболонье (рис. 115, 1). Имеет в длину по внешнему изгибу 55,5 см. Его дистальный конец сломан, по-видимому, рабочими при извлечении из подкопа в стену скважины. Проксимальный конец образован поперечным сломом, сделанным в древности (Ступак Хлопачев, 2014. С. 131). По заключению Г. А. Хлопачева, значительная часть изображений была нанесена на поверхность бивня, когда он находился в результате вымачивания в размягченном состоянии. Такой прием подготовки бивня перед его обработкой характерен для эпиграветтских памятников приледниковой зоны Восточно-Европейской равнины (Там же. С. 132). Конкретные особенности техники строгания поверхности бивня имеют, по мнению исследователя, аналогии среди ориньякских стоянок Западной Европы.

Д.В. Ступак и Г.А. Хлопачев выделяют на поверхности орнаментированного бивня из Оболонья одиннадцать визуально разделяемых объектов (рис. 115, 3). Подробное их описание дано в соответствующей

публикации (Ступак, Хлопачев, 2014), поэтому ограничимся их кратким перечислением по номерам, присвоенным этим изображениям исследователями стоянки. К ним относятся следующие образы:

1) удлиненная, слегка зауженная в средней части фигура восьмеркообразной формы; поверхность внутри контура украшена в верхней части косыми короткими насечками, в нижней половине – пятью рядами V-образных шевронов;

2–4) фигуры различных очертаний, внутренняя поверхность которых заполнена косыми короткими насечками; по мнению исследователей стоянки, они изображают шкуры животных, положенных мехом наружу;

5) удлиненная фигура, имеющая с четвертой общую верхнюю линию контура; в верхней части фигура имеет конусовидное очертание, внизу – округлое, с выступом и примыкающим «хвостом» в виде замкнутого петлевидного контура; нижняя половина внутренней поверхности украшена косыми насечками, аналогичными тем, которые украшают внутреннее пространство фигур № 2–4;

6) изображение, образованное двумя длинными, слабо волнистыми линиями, образующими общий контур фигуры и соединенными сверху короткой косой прямой линией, внизу между ними также расположена прямая косо прочерченная линия, которая, однако, не соединяет полностью длинные линии контура; по мнению Д.В. Ступака и Г.А. Хлопачева, данная фигура являет собой стилизованное изображение человека в профиль, без головы;

7) дугообразно изогнутая линия с подтреугольным наконечником; по мнению авторов, своими очертаниями напоминает посох;

8) удлиненная прямая линия с листовидными головками на обоих концах, примыкает к фигуре № 7;

9) фигура, изображающая, по мнению Д.В. Ступака и Г.А. Хлопачева, змею с двумя хвостами и одной головой;

10) две тонкие линии с нанесенными поперек них короткими насечками;

11) несколько тонких неглубоких линий, прорезанных без видимой

системы в их расположении.

По мнению Д.В. Ступака и Г.А. Хлопачева, фигура № 1 напоминает развертку одного из типов статуэток Мезинской стоянки (рис. 115, 2). Действительно, так называемые фаллические фигурки могут рассматриваться в качестве скульптурной аналогии этому изображению. Сходство между ними усиливается и тем, что этот тип статуэток в Мезине так же украшен рядами V-образных шевронов. Интерпретация фигуры № 1 выглядит убедительно, её сходство с мезинскими фигурками не вызывает сомнений.

Остальные фигуры оценивать сложнее. Тем не менее представляется сомнительным рассматривать объекты № 2–4 как изображения шкур животных. Такой взгляд, очевидно, определяется современными ассоциациями, а не поиском аналогий среди графических и скульптурных образов верхнепалеолитического искусства Европы. В данном случае авторы публикации отошли от методического принципа оценки визуальных образов, нанесенных на бивень из Оболонья, которые они применяли при оценке иных изображений.

Общий контур фигуры № 2 – подковообразный, напоминает вытянутый изогнутый овал. По общему очертанию это тот же «женский знак», подобный вырезанному на одной из мотыг стоянки Костёнки 11, сл. Ia (рис. 116, 1, 2) (Ахметгалеева, Дудин, 2017), но более вытянутый и, соответственно, более похожий на «женские знаки» раннего верхнего палеолита Западной Европы. Косые насечки, украшающие его внутреннее пространство, организованы в ряды, которые в свою очередь располагаются вдоль всей фигуры с небольшим наклоном по отношению к ее длинной оси. Их ориентировка близка ориентировке длинных линий, при помощи которых заштрихована подковообразная фигура на мотыге из Костёнок 11 (сл. Ia). Возможно, что и фигура № 4 может быть неким условным знаком, близким по своей семантике фигуре № 2. По крайней мере очертания фигуры № 4, представляющие собой полуовал, близки очертаниям нижней половины фигуры № 2.

Показательно также, что косые насечки, заполняющие пространство

фигур № 3–5, сгруппированы в параллельные ряды, т. е. – таким же образом, как и во втором знаке. Однако контур фигуры № 3 отличен от контура фигур № 2 и 4. Он, с одной стороны, может быть сопоставлен, учитывая интерпретацию фигуры № 1, с профильным изображением мезинских «птичек» – условных женских фигурок из бивня мамонта. С другой стороны, общие очертания третьего изображения напоминают обобщенный контур фигуры № 5, данный в зеркальном отображении и повернутый «конусовидным» окончанием вниз.

В свою очередь, фигура № 5 может рассматриваться как контурный рисунок животного. Правая граница в таком случае изображает линию спины, «конусовидный» верх – область шеи, без детального изображения головы, низ – изображение крупа, задней ноги и хвоста. Графические профильные рисунки животных в искусстве верхнего палеолита на территории Русской равнины буквально единичны и представлены тремя изображениями: рисунком мамонта, вырезанным на бивне, из раскопок стоянки Зарайск А (*Амирханов, Лев*, 2009. С. 332–335) и двумя профильными рисунками животных (мамонт и, вероятно, копытное), найденными при раскопках третьего культурного слоя стоянки Костёнки 21. Одно из них (рис. 115, 6) может рассматриваться в качестве аналогии изображению на бивне из Оболонья. Разница в характере прорезанных линий объясняется тем, что в Костёнках 21 (сл. III) в качестве основы использовался песчаник, а также тем, что поверхность бивня из Оболонья была размягчена перед нанесением изображений, что способствовало прорезанию/продавливанию линий плавных очертаний.

Орнаментированный бивень мамонта из раскопок стоянки Кирилловскачя (рис. 115, 4). Киево-Кирилловская (Кирилловская) стоянка открыта в 1893 г. В. В. Хвойко и раскапывалась им совместно с В.Б. Антоновичем и П.Я. Армашевским в 1894–1897, 1899 и 1900 гг. Орнаментированный бивень был обнаружен в нижнем культурном слое (Хвойка, 1903) и представлен проксимальной частью длиной 30 см. По своим размерам он сопоставим с мотыгами, найденными при раскопках стоянки

Костёнки 11 (сл. 1а). По мнению Л. А. Яковлевой, кирилловский бивень мог использоваться как землекопное орудие (Яковлева, 2013. С. 240). Следы от продолжительной работы, оставшиеся на поверхности и конце бивня, отмечал П. И. Борисковский (Борисковский, 1953. С. 168, 169).

Подробное описание графических изображений, разделенное на девять взаимосвязанных частей, опубликовано Л.А. Яковлевой (Яковлева, 2013. С. 240-245). В отличие от бивня из Оболонья, изобразительная композиция, нанесенная на поверхность Кирилловского бивня, организована вокруг одного общего мотива. Этот мотив представлен двумя длинными линиями, образующими сложный зигзаг и волнообразный рисунок. Часть полей, образованных их изгибами, заполнена поперечно расположенными параллельными линиями, слабоволнистыми или изогнутыми. В свою очередь, часть этих линий имеет примыкаю щие к ним короткие поперечные насечки. В композицию также входит ряд параллельных прямых и зигзагообразных линий с такими же насечками, а также линии без насечек, прорезанные в виде низкого зигзага (одна линия) и волнообразного ритмичного узора (две линии). Имеются также ряды более коротких прорезанных линий, как двойных, так и одинарных. Кроме того, Л.А. Яковлева, вслед за В.В. Хвойко, выделяет графическое изображение птицы (рис. 115, *5 (1)* и черепахи (рис. 115, 5 (3)) и дополняет его профильным изображением головы мамонта (рис. 115, 5 (2)).

Видеть в этих комбинациях изображения животных стало историографической традицией. О том, что на бивне мамонта из Кирилловской, вероятно, вырезаны профили птицы и черепахи, вслед за В.В. Хвойко (Линниченко, Хвойко, 1901), писали П. П. Ефименко (Ефименко, 1938. С. 549) и П. И. Борисковский (Борисковский, 1953. С. 169). И в данном случае, методически, интерпретация базируется на современных ассоциациях, а не на имеющийся корпус графических изображений верхнего палеолита Европы.

Линия, которая очерчивает, по мнению Л. А. Яковлевой, голову мамонта, является частью более длинной волнообразной линии, объединяющей всю композицию. Она никак не отделена от остальных частей

этого рисунка, и ее рассмотрение в качестве самостоятельного образа представляется сомнительным. Поверх этого поля нанесен знак угловатых очертаний П-образной формы с конусовидными ножками, обращенными острыми окончаниями вниз. Традиционно эта фигура рассматривается как изображение головы птицы на тонкой шее с длинным клювом. Внутри контура этой фигуры, в верхней ее части, нанесен поперечный ряд коротких вертикальных параллельных насечек. Правая нижняя часть фигуры заштрихована короткими косыми подпараллельными насечками, сгруппированными в два ряда, расположенными вдоль границ контура изображения. В левой части фигуры, у ее границы посередине, нанесен знак в виде двояковыпуклой линзы и примыкающей к ее нижнему концу короткой насечки в виде V-образного шеврона. Считается, что этот знак изображает глаз птицы. Подобные изображения птиц не известны в искусстве верхнего палеолита Европы, хотя орнитоморфные образы присутствуют как в мелкой пластике, так и среди наскальных рисунков. По этой причине существующая интерпретация данного изображения вызывает сомнения. Между тем, данному изображению имеется вполне очевидная аналогия, которая давно и хорошо известна, и представлена графическими П-образными рисунками на поверхности знаменитой межиричской «чуринги» (рис. 115, *7 (1-4)*). Их интерпретация даётся в следущем разделе данной главы. Разница между ними только в пропорциях и в сочетании межиричских знаков с заштрихованными овалами.

Изображение так называемой черепахи еще более сомнительно. Оно фактически распадается на несколько элементов, которые в настоящее время трудно интерпретировать из-за недостатка сравнительного материала. Можно только указать на некоторое сходство линии с петлевидным окончанием, которое принято считать изображением ласты и нижней половины головы черепахи, с фигурами № 7 и 8 на Оболоньевском бивне. Кроме того, фигура, которая рассматривается как изображение панциря черепахи, по внешнему контуру и пропорциям близка фигуре № 6 бивня из Оболонья, в зеркальном

отображении.

Стоянка Костенки 11, сл. 1а.

Костенки 11 были открыты в 1950 году А.Н. Рогачевым. Памятник, как и большинство костенковско-борщевских стоянок, является многослойным. Однако наибольшую известность получил комплекс культурного слоя 1а, поскольку именно в нём были найдены костно-земляные конструкции, которые были отнесены А.Н. Рогачевым к жилищам аносовско-мезинского типа (Рогачев, 1962). В настоящее время известно три объекта такого рода, один из которых демонстрируется в музейном павильоне в с. Костенки, второй зафиксирован в ходе разведочных работ и остаётся неизученным, а третий открыт в последние годы и его исследования продолжаются (Дудин, Федюнин, 2019).

Аносовско-мезинские конструкции, зафиксированные в Костенках 11, сл. 1а, - самые ранние среди этого типа археологических объектов и самые крупные по своим метрическим характеристикам (Абрамова, 1997а). Их существование, без сомнения, даёт основания для сопоставления материальной культуры слоя 1а Костенок 11 и памятников эпиграветта Центра Русской равнины. Однако большинство остальных категорий материальной культуры различны.

Каменный инвентарь слоя 1а Костенок 11 (рис. 117) сходен с таковым стоянок Костенки 2 и Костенки 3, и характеризует их принадлежность к так называемой замятнинской археологической культуре (Бессуднов, 2019). Техника раскалывания камня на памятниках этой культуры направлена на получение пластинок длиной от 3 до 6 см. Для получения мелких пластинок и микропластин использовались торцовые нуклеусы на отщепах (так называемые вторичные нуклеусы), резцы-нуклеусы и кремневые плитки. Имеются также кареноидные скребки-нуклеусы (Лисицын, Дудин, 2019. С. 85, рис. 3). Среди приёмов вторичной обработки широко распространены чешуйчатая подтёска и мелкая приостряющая ретушь, притупливающая ретушь использовалась для оформления единичных орудий, в том числе –

острий, которые могут быть отнесены к типу федермессер. Серийно представлены долотовидные орудия на мелких отщепах и пластинках, кареноидные резцы-нуклеусы, а также микропластинки с краевой ретушью, что дало основание С.Н. Лисицыну и А.Н. Дудину отнести памятники Костенки 11 (сл. 1а) и Костенки 2 к эпиориньяку (Лисицын, Дудин, 2019. С. 95). Единично, кроме острий федермессер, представлены проколки с ретушированными плечиками, а также пластины и пластинки со срезанным ретушью по диагонали дистальным концом. Таким образом, как и в случае с каменным инвентарем стоянки Оболонье, каменный инвентарь памятников замятнинской культуры отличается как от граветтских, так и от эпиграветтских стоянок Восточно-Европейской равнины почти полным отсутствием применения притупливающей ретуши для оформления орудий. Однако имеющиеся исключения, опять же, как и в случае со стоянкой Оболонье, проводят линии сопоставления с эпиграветтскими комплексами, но не только Поднепровья и Подесенья. К ним необходимо добавить и стоянки Костенковско-Борщевского района, а именно: Борщево 1 и Борщево 2 (нижний слой).

Очень информативным источником оказались новые материалы из раскопок слоя 1а стоянки Костенки 11, представленные орнаментированными мотыгами из бивня мамонта, бусиной с перехватом из бивня, а также поделка из кости копытного животного в виде метаподии мелкого животного (Ахметгалеева, Дудин, 2017). Все эти предметы аналогичны соответствующим категориям материальной культуры, зафиксированных на стоянках позднего граветта Центра Русской равнины.

Мотыги из бивня мамонта, украшенные орнаментом, а также поделки в виде метаподий животных характерны для памятников костенковско-авдеевской культуры (Ефименко, 1958; Gvozdover, 1995). Бусины с перехватом, близкие той, которая была найдена в Костенках 11, сл. 1а, характерны для стоянки Костенки 4 (Рогачев, Аникович, 1982). Вероятно, аналогичные предметы были найдены и при раскопках стоянки Пушкари I

(Борисковский, 1953).

Таким образом, можно констатировать, что на территории центральных районов Восточно-Европейской равнины, расположены верхнепалеолитические памятники, занимающие промежуточное хронологическое положение между стоянками позднего/финального граветта и эпиграветта. Их немногочисленность может быть объяснена, с учётом современного состояния источников, двояко: как результат депопуляции данной территории и как результат пробелов в полевом обследовании этой же территории. Учитывая тот факт, что стоянка Оболонье была найдена случайно на месте, неожиданном для археологов, второй вариант объяснения представляется весьма вероятным. Материальная культура стоянок Костенки 11 (сл. 1а) и Оболонье имеет довольно существенные различия, которые не позволяют объединить их в рамках одной археологической культуры. Тем не менее, для обоих названных археологических памятников характерно широкое применение кареноидной техники раскалывания камня и минимальное использование полукрутой и притупливающей ретуши для оформления орудий. При этом предметы с вторичной обработкой, оформленные с помошью такой ретуши, имеют аналогии в каменных индустриях стоянок восточноевропейского эпиграветта.

Предметы костяного и бивнёвого инвентаря, в том числе относящиеся к произведениям искусства, напротив, имеют аналогии в соответствующих категориях материальной культуры стоянок восточноевропейского позднего и финального граветта (Ахметгалеева, Дудин, 2017). При этом образы, которые содержат орнаментальные композиции на бивнях из Оболонья и Кирилловской, соотносятся с аналогичными образами, представленными как в графике, так и в скульптуре опорных памятников эпиграветта Среднего Поднепровья и Подесенья.

Всё вышеизложенное даёт все основания для положительного решения вопроса как о преемственности в развитии верхнепалеолитической материальной культуры на территории Центра Русской равнины во время

поздневалдайского максимума, так и позволяют разработать характеристику её трансформации при переходе от граветта к эпиграветту на этой территории.

6.4. Проявления дезинтеграции восточного граветта Русской равнины в искусстве малых форм эпиграветтских памятников.

На территории центральных районов Восточно-Европейской равнины памятники искусства малых форм, относящиеся к поздней поре верхнего палеолита, могут быть отнесены, согласно классификации А.Д. Столяра, к сюжетным и знаковым группам, а также к геометрически-орнаментальным композициям (Столяр, 1972). В этом смысле они являются органической частью верхнепалеолитического искусства Евразии в целом, и Европы – в частности. При этом можно констатировать доминирование в сюжетной группе образов женщины и зверя (Абрамова, 2005).

Статуэтки, изображающие человека, найденные при раскопках памятников поздней поры верхнего палеолита как на территории Днепро-Деснинского бассейна, так и в целом в перигляциальной зоне Восточной Европы, весьма малочисленны по сравнению с предшестовавшим им стоянкам восточного граветта. Для среднерусских памятников поздней поры верхнего палеолита более характерно широкое распространение различных геометрически-орнаментальных композиций.

Антропоморфная скульптура рассматриваемых памятников по своим стилистическим особенностям может быть с достаточной степенью условности разделена на реалистическую и схематическую. При этом, реалистический стиль статуэток не тождественен натурализму в изображении человеческой фигуры, поскольку допускает преднамеренные искажения пропорций и объёмов или отказ от передачи каких-то черт и деталей. Статуэтки, выполненные в условно-реалистической манере, буквально

единичны. В Подесенье – это известная женская фигурка из Елисеевичей 1, а также – головка статуэтки из Супонево (рис. 118, 3).

К названным примерам необходимо добавить стержневидную антропоморфную статуэтку из Костёнок 2. Несмотря на то, что этот предмет был найден при раскопках стоянки, расположенной вне пределов Днепро-Деснинского бассейна, его привлечение к сравнительному анализу важно по двум причинам. Во-первых, Костёнки 2, как стоянка замятнинской культуры, занимает хронологическое положение между финальным граветтом и ранним эпиграветтом на территории Восточно-Европейской равнины. Во-вторых, стилистические особенности этого произведения искусства малых форм хорошо иллюстрируют те закономерности, которые были прослежены при сравнительном анализе памятников искусства стоянок Оболонье и Киево-Кирилловская, но уже не в графике, а в скульптуре.

Изображение человеческой фигуры из Костенок 2 передано при помощи трех самостоятельных объемов, при этом область груди и живота дана в виде одной нерасчлененной стержневидной формы, которая структурирует общее построение фигуры (рис. 118, 1). Её общая форма позволила З.А. Абрамовой сопоставить эту статуэтку со стержневидными мадленскими фигурками, по классификации А. Дельпорта (Абрамова, 2005). Статуэтка из Костёнок 2 может быть сопоставлена с орнаментированным бивневым стержнем из Костёнок 1 (сл. I) (рис. 118, 2), на что обратил внимание Г.А. Хлопачев (Хлопачев, 2016. С. 281). Сочетание нерасчлененного объема груди и живота с уплощенным нерасчлененным объемом области ног статуэтки идентично морфологии орнаментированного стержня. Отличия состоят в отсутствии у стержня изображения головы и наличии на его поверхности украшения в виде двух орнаментальных зон, состоящих, сверху вниз, из пяти и четырех полос, идущих поперек округлой части стержня. Внутри полос располагается рельефный зигзаг, образованный вертикальными клиновидными насечками, нанесенными со смещенным интервалом поперек горизонтальным

прорезанным линиям. Очень показательно, что аналогичный орнамент был использован для украшения стержневидной антропоморфной статуэтки из бивня обитателями стоянки Хотылёво 2 (рис. 118, 5), хронологически близкой стоянке Костёнки 1 (сл. I) и относящейся вместе с нею к группе памятников восточноевропейского позднего граветта. Интересно, что и хотылёвская статуэтка, и фигурка из Костёнок 2 сломаны в области головы и, вероятно, были частью более крупного предмета. Возможно, более поздним по отношению к восточному граветту стилистическим признаком костёнковской фигурки является положение головы, как бы вдавленной в плечи. Аналогичный признак имеет антропоморфная статуэтка из третьего слоя стоянки Молодова 5, типологические особенности кремневого инвентаря которого и имеющаяся радиоуглеродная дата позволяют отнести этот комплекс к поздней поре верхнего палеолита (Черныш, 1987).

Найденная при раскопках Супоневской стоянки головка статуэтки из бивня мамонта аналогична головке из Костенок 13 (ст. Кельсиевская) (рис. 118, 4). Однако эта аналогия слишком общая для того, чтобы по ней делать далеко идущие выводы.

Женская статуэтка из Елисеевичей 1 (рис. 119, А) также позволяет установить ещё одну связь среднерусских памятников поздней поры верхнего палеолита с традициями восточного граветта. Однако на этот раз подобная связь фиксируется не в стилистической области, а по археологическому контексту залегания находки. Он был установлен Л.В. Греховой, которой удалось реконструировать план раскопок 1935 г. (Величко, Грехова и др., 1997). Анализ дневниковых записей и описи фаунистического материала, оставленных К.М. Поликарповичем, позволил ей аргументировано обосновать залегание елисеевичской статуэтки и так называемых «чуринг» в одном объекте – крупной яме, в заполнении которой фиксировались также кости и черепа мамонтов. Раскопками К.М. Поликарповича и Л.В. Греховой было вскрыто несколько подобных ям, достаточно однотипных по форме и

размерам. Ямы имели округлую в плане форму с диаметром от двух до трёх метров, слабонаклонные или вертикальные стенки и относительно ровное, первоначально – субгоризонтальное, дно. Отличительным признаком заполнения таких ям являлось большое количество целых костей и, в особенности, черепов мамонтов, нередко – с бивнями в альвеолах (рис. 119, Б). Положение черепов свидетельствует о преднамеренном характере их укладки. Очень характерна планиграфия елисеевичских ям (рис. 119, В). Но наиболее существенный момент состоит в том, что эти ямы практически идентичны так называемым полуземлянкам, зафиксированным при раскопках центрального участка стоянки Павлов 1 (Клима, 1977).

Стилистически, женская скульптура Елисеевичской стоянки относится уже к послеграветтскому времени. Уплощённая линия груди и живота, усиленный акцент на ягодицах и голенях в передаче объёмов фигуры характерны для этого периода верхнего палеолита Европы, на что неоднократно обращали внимание исследователи (Столяр, 1985; Абрамова, 2005). В данном сучае реализм статуэтки, особо подчёркивавшийся уже К.М. Поликарповичем (Поликарпович, 1968), вряд ли может рассматриваться как признак относительно более раннего возраста Елисеевичей 1 по сравнению с остальными среднерусскими памятниками поздней поры верхнего палеолита. В мадленском искусстве Западной Европы присутствуют как реалистические, так и схематические изображения женщин (Абрамова, 2007) и это же явление характерно для синхронных памятников на территории Восточно-Европейской равнины. Реалистическая манера исполнения елисеевичской статуэтки подчёркивает прежде всего индивидуальную специфику материальной культуры этого памятника.

Эта закономерность – проявление индивидуальных черт в культуре среднерусских стоянок поздней поры верхнего палеолита, отмечается каждый раз при обращении к стилистическим особенностям женских статуэток, как реалистических, так и схематических (рис. 120). Следует обратить внимание

на ещё одну особенность предметов этой категории искусства: в тех случаях, когда на памятнике найдены две фигурки и более, фиксируется одновременно типологическое разнообразие статуэток и соответствие канона построения фигуры характерным для данной стоянки стилистическим особенностям её оформления.

Сравнительный материал для такого рода наблюдения дают статуэтки Межиричской и Мезинской стоянок (рис. 120, 3-18). Межиричские статуэтки отличаются подчёркнуто уплощённой трактовкой формы. В Мезине – обратная ситуация, фигурки объёмны, их можно с полным основанием отнести к круглой скульптуре, несмотря на весь схематизм этих изображений.

Яркое своеобразие мезинских статуэток было отмечено исследователями сразу же после их обнаружения. Дискуссия о семантике этих предметов уже стала достоянием историографии и в настоящее время общепринятой точкой зрения является их признание в качестве схематического изображения женщин (Абрамова, 2005). Действительно, женская символика, как показали в своих работах А.Д. Столяр и Б.А. Фролов, имеет очень большое значение для понимания семантики этих произведений искусства. Однако наиболее яркая черта мезинских статуэток – это сочетание рельефно смоделированного объёма и графического изображения женщины в виде схемы, почти знака. Существенным моментом при этом представляется то, что эти графические схемы сочетаются с различными формами, вызвавшими ещё у Ф.К. Волкова ассоциации с «птичками» и «фаллосами». Различие между этими формами подчёркивается и тем, что у вытянутых «фаллических» фигурок отсутствуют изображения женского треугольника – (Столяр, 1972). Эти совпадения представляются неслучайными. Профили мезинских статуэток, как это убедительно показал А.Д. Столяр, аналогичны так называемым клавиформам. В свою очередь, «птички» находят соответствие графическим изображениям женщин-птиц, известным в мадлене Западной Европы (Столяр, 1985). В связи с этим уместно вновь вспомнить

точку зрения П.И. Борисковского, который считал возможным видеть в мезинских статуэтках изображения фантастических существ, сочетающих в себе черты женщины и зверя (Борисковский, 1953). Учитывая наблюдения А.Д. Столяра, более корректно рассматривать «птичек» в качестве восточноевропейского аналога женщин-птиц, а «фаллические» фигурки – как «комбинированные» скульптуры, сочетающие женские и мужские признаки (Столяр, 1985).

В орнаментации различных типов мезинских статуэток также довольно выразительно проявляется различие между ними. Меандр присутствует только на «птичках». Однако моментом, объединяющим разновидности фигурок из Мезина, является использование многорядного зигзага. А.Д. Столяр полагает, что элементом данного орнамента является уголок ("шеврон"). Но наблюдения Б.А. Фролова позволяют сделать вывод, что таковым следует считать косо поставленную короткую линию. В пользу такого заключения свидетельствуют математические закономерности, прослеженные Б.А. Фроловым при анализе ритмики мезинского орнамента, а также, что существеннее, сама манера их начертания, состоящая в соединении под определёнными углами косо поставленных коротких линий. В зависимости от угла между линиями и сомкнутости или разомкнутости самих линий, многорядный зигзаг может быть разделён на четыре варианта. Первый, кроме Мезина, встречен в Супонево (рис. 121, А:4, 6). Он характеризуется сомкнутостью линий и расположением их под углом, близким по величине к прямому или незначительно превышающий прямой угол. Второй вариант отличается от первого не столько величиной угла соединения линий, сколько их разомкнутостью. Он зафиксирован на изделиях Мезинской и Юдиновской стоянки (рис. 121, А:3, 6). Для третьего варианта зигзага характерны тупой угол соединения линий и сомкнутость этих элементов. Подобный орнамент использовался обитателями стоянок Елисеевичи 1 и Межиричи (рис. 121, А:1-2). Наконец, четвёртый вариант зигзага зафиксирован в Юдиново 1 на наконечниках копий из бивня мамонта, а также на крупной пластине с

отверстием на конце, изготовленной из того же материала (рис. 121, 5, см. также Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1996). Он определяется сомкнутостью линий и соединением их под острым углом. Характерно, что большинство перечисленных вариантов, за исключением третьего, имеются и на предметах, найденных при раскопках памятников восточного граветта в Центральной и Восточной Европе (см. напр. рис. 121, Б:1-4 и рис. 122, 6). Хотя зигзаг как орнаментальный мотив известен и в Западной Европе, и в Сибири (Абрамова, 1962; Bosinski, 1990), однако графический стиль центрально- и восточноевропейского зигзага – использование косо поставленной короткой линии и многорядность основного орнаментального мотива, - не характерен для других территорий и может рассматриваться как специфический для верхнего палеолита этого обширного региона. Примечательно, что первое проявление этого вида орнамента зафиксировано в раннюю пору в городцовской археологической культуре, а именно – на стоянке Костёнки 14, сл. II (Рогачев, Синицын, 1982. С. 155).

А.Д. Столяр считает зигзаг одним из вариантов женских знаков, Александр Маршак связывает его с водными мотивами в искусстве палеолита. Б.А. Фролову, который также связывал зигзаг с образом воды, удалось показать связь этого орнамента с символикой лунного календаря. Эти интерпретации не противоречат друг другу. Ключ к их взаимному соединению помогает найти известное схематическое изображение женщины на бивне мамонта со стоянки Пшедмость (рис. 121, Б:1). В области чрева и вульвы на этом изображении прочерчены в несколько рядов шевроны-уголки, являющиеся составным элементом многорядного зигзага, который известен на этом памятнике (рис. 121, Б:2; см. также: Absolon, Klima, 1977). Зигзаг, таким образом, является символическим изображением животворной, оплодотворяющей силы и становится понятным, почему именно этот мотив мог, как предполагали А. Маршак и Б.А. Фролов, использоваться для кодировки лунного календаря, который также связан в первобытных культурах с высчитыванием сроков беременности и регул у женщины. В свою

очередь, А. Маршак также мог быть прав, связывая зигзаг с образом воды, поскольку эта трактовка имеет соответствие с известным по мифологии исторических народов отношением к воде как к оплодотворяющей силе андрогинного характера.

Зигзаг на мезинских произведениях искусства сочетается с меандром и одновременно противостоит ему. Этот орнаментальный мотив, если сравнивать различные типы скульптурных изображений Мезина, присутствует только на «птичках». Одновременно этот же мотив использовался для обозначения недостающих в лунном календаре месяцев и совмещения его, таким образом, с календарём солнечным (Фролов, 1974). По данным фольклористики и этнографии, близнечные мифы, в которых солнце и луна образуют пару связанных и вместе с тем противопоставленных друг другу культурных героев, относятся к наиболее архаичной форме солярных мифов. Характерно также, что в ряде архаических солярных мифов, зафиксированных в том числе и у сибирских народов, солнце и луна представляются женщинми. По мнению В.Р. Кабо, меандр в традиционной культуре, наряду с лабиринтом, был символом потустороннего мира, с образом которого тесно связывались мифологические представления о круговороте смерти и рождения новой жизни (Кабо, 2007). Мезинские «птички», как уже отмечалось ранее, могут рассматриваться как сложный образ женщины-птицы, который, по мнению А.Д. Столяра, в европейском искусстве верхнего палеолита является отображением вместилища душ и также теснейшим образом связан с представлениями древних о взаимосвязи жизни и смерти. Следовательно, взаимная связь меандра и мезинских «птичек» с одним и тем же кругом мифологических идей может рассматриваться как вероятная.

Геометрический меандр в силу специфики этого орнаментального мотива можно с полным правом назвать мезинским орнаментом для того времени на территории не только Русской равнины, но и всей Европы. Среди

рассматриваемых памятников встречены ещё две разновидности орнаментальных мотивов, имеющих аналогичную степень выразительности и столь же индивидуальных. Речь идёт о тимоновско-юдиновском и елисеевичском орнаментах, которые составлялись из таких сложных элементов как ромб и шестиугольник (рис. 123). Несмотря на их очевидное отличие, оба мотива объединяются сходными простыми элементами, лежащими в их основе – короткие прямая, дугообразная и S-образная линии. Очевидно, эта особенность тимоновско-юдиновского и елисеевичского орнаментов повлияла на мнение Александра Маршака, который рассматривал их совместно в качестве мотива, связанного с образом рыбы (Marshack, 1979). Эта точка зрения представляется убедительно аргументированной применительно к екоторым образам тимоновско-юдиновского орнамента, так как А. Маршак обнаружил на предметах из Тимоновки 1 изображения рыб (рис. 23, 1-2). Ему также удалось показать, что орнамент на бивне, найденном при раскопках этого же памятника В.А. Городцовым, фактически состоит из совмещённых аналогичных изображений множества рыб. Однако перенесение этого же толкования на орнамент из Елисеевичей 1, состоящий из шестиугольников, ничем не доказывается. Оба вида орнамента очень устойчивы и у нас нет оснований предполагать, что эти различия являются результатом процесса трансформации. Кроме того, ромбовидный орнамент на орнаментированных наконечниках из бивня со стоянки Юдиново 1 может быть связан с изображением чешуи гадюки, как это было показано Г.А. Хлопачевым (Хлопачев, 2016. С.247-248). Кроме того, елисеевичские шестиугольники вызывают совсем иные ассоциации, также связанные с чешуёй, но не рыбы, а змеи. Оба орнамента, также как и мезинский меандр, сочетаются с многорядным зигзагом и типологически могут рассматриваться как аналогичные друг другу в этих совместных композициях. Учитывая возможную семантику меандра и зигзага, логично предположить, что и ромбовидный, и шестиугольный орнаментальные мотивы связаны с аналогичным кругом мифологических представлений. Соответственно, тот

факт, что эти орнаментальные мотивы подчёркивают индивидуальный характер материальной культуры Тимоновки 1 и 2, а также Юдиново 1, с одной стороны, и Елисеевичей 1 – с другой, даёт основания рассматривать эти различия в качестве маркеров их этнокультурной и этно-социальной природы. Это же положение в равной степени относится и к Мезинской стоянке.

Аналогичная степень индивидуальности в материальной культуре среднерусских памятников поздней поры верхнего палеолита прослеживается при сопоставлении орнаментированных изделий из кости и бивня мамонта, относящихся к одним и тем же категориям. Таких предметов обнаружено за все годы исследований немного, но различия между ними весьма показательны (рис. 122). Они относятся к категориям так называемых «фибул» (рис. 122, 1-2), «булавок» (рис. 122, 3-4), пластин с отверстием на конце – фрагментов «диадем» и «браслетов» (рис. 122, 5, 7-10), «жезлов начальников» (рис. 122, 11-13). Для каждого памятника, где известны эти изделия, характерен свой способ их украшения. Мезинский «жезл начальника» вовсе не орнаментирован и этим отличается от аналогичных предметов из Елисеевичей 1 и Межиричей.

Последние два памятника, Елисеевичи 1 и Межиричи, среди орнаментированных предметов содержат так называемые «чуринги», которые с точки зрения технологии получения исходной заготовки представляют собой бивнёвые отщепы (Хлопачев, 2006). На двух подобных изделиях из Елисеевичей 1 и на единственном предмете из Межиричей имеются знаки, выделяющиеся на фоне зигзагов и параллельных линий (рис. 123, А: 1-3). На елисеевичских предметах эти знаки представляют собой дугообразные линии, как правило, сдвоенные. Межиричская «чуринга» особо выделяется благодаря сложности начертания этих знаков и включённости их в единую композицию. Традиционно межиричские знаки изображались сориентированными широким прямым основанием вниз и, соответственно, двумя острыми вершинами вверх. Их характерной особенностью является расположение

внутри контура многорядного зигзага. Кроме того, фигуры между вершинами у двух крайних изображений также орнаментированы косой решёткой. По мнению Н.Л. Корниец, знаки на межиричской «чуринге» обозначают жилища, а их композиция, таким образом, может рассматриваться как план поселения (Soffer, 1985). Однако использование зигзага и косой решётки для орнаментации этих фигур даёт основание видеть в них символические женские изображения. О символике зигзага достаточно было сказано выше. Другой мотив – косая решётка, зафиксирован внутри контура женского треугольника на одной из мезинских статуэток (рис. 123, Б: 4). При такой интерпретации межиричские знаки следует ориентировать вершинами вниз и тогда они органично вписываются в аналогичный ряд изображений, выстроенный А.Д. Столяром (рис. 123, В; Столяр, 1985). По аналогии, дугообразные сдвоенные линии, прочерченные на елисеевичских предметах, также могут рассматриваться в качестве женских знаков. Аналогичные изображения, зафиксированные в западноевропейском искусстве, А. Леруа-Гуран относил именно к женским символам (Leroi-Gourhan, Delluc, 1995. Pp. 166, 593).

Среди произведений искусства малых форм эпиграветтских стоянок Днепро-Деснинского бассейна имеются предметы, которые имеют прямые аналогии в искусстве памятников граветта как Восточной, так и Центральной Европы. Однако из антропоморфной скульптуры такую аналогию демонстрирует один предмет – схематическая женская статуэтка из Добраничевки, изготовленная из песчаника. По форме контура она может быть сопоставлена с так называемыми схематическими «сидящими» женскими статуэтками из бивня мамонта, происходящими из верхнего слоя Костенок 1.

Гораздо более полные аналогии произведениям искусства малых форм восточного граветта можно проследить среди зооморфных фигурок, обнаруженным при раскопках Елисеевичей 1. Это, в частности, статуэтка мамонта (рис. 124, 2), напоминающая фигурки этих же животного из

Авдеевской стоянки (рис. 124, 1, 3). В этой связи необходимо упомянуть изображения двух голов льва, одной головы львицы и одну полиэйконическую скульптуру «мамонт – морда льва», вырезанные из мела. Все фигурки были обнаружены при раскопках стоянки экспедицией К.М. Поликарповича и опубликованы Г.А. Хлопачевым (Хлопачев, 2016. С. 201-204, 218-220). Изображения голов кошачьих хищников, вырезанные из известняка, были найдены при раскопках стоянки Костёнки 1 (сл. I), а наиболее ранние подобные реалистические изображения, выполненные из обожжённной глины, были обнаружены при раскопках стоянок Павлов I и Дольни Вестоницы I (Valoch, Lázničková-Galetová 2009).

Очень выразительная зооморфная скульптура была найдена в 2004 г. при раскопках стоянки Быки 7 (рис. 124, 4). Это уникальное для Центра Русской равнины произведение искусства малых форм – кольцо с навершием в виде скульптурного изображения лошади, изготовленное из бивня мамонта (Ахметгалеева, 2005б). Детальнейшая публикация Н.Б. Ахметгалеевой делают излишним подробное описание этого предмета (рис. 29:11). Однако, соглашаясь в целом с общей оценкой его специфики, следует всё же отметить, что данное изделие не является чем-то инородным в искусстве верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы. Аналогичные предметы, также изготовленные из бивня мамонта, были обнаружены на площади северо-восточного участка стоянки Павлов I в Моравии.Аналогичность в данном случае проявилась в соединении кольца и фигурного изображения. На одном из предметов фигура может быть уверенно интерпретирована как изображение птицы, атрибуция второго (рис. 124, 5) затруднительна. Размеры колец с фигурными навершиями из Павлова I меньше размеров предмета из стоянки Быки 7. Однако принцип сочетания кольца и скульптурного навершия в данном случае совершенно тот же. Это совпадение представляется неслучайным при учёте наличия в инвентаре Быковских стоянок и стоянки Павлов I треугольных острий со скошенным основанием.

Н.Б. Ахметгалеева, реконструируя семантику образа лошади на предмете из Быков 7, обращается к оценкам А. Леруа-Гурана и Б.А. Фролова. По её мнению, учитывая значение этого животного в качестве мужского символа и связь лошади с солнечным годовым кругом, кольцо может рассматриваться как вариант солярного знака (Ахметгалеева,2005б). В данном случае необходимо уточнить, что в мифологии исторически известных народов не зафиксировано изображение солнца в образе кольца, зато в качестве солярного знака использовалось колесо. Но колесо – стадиально более поздний символ, связанный с образом солнечной колесницы. Образ же кольца известен по этнографическим материалам у народов Сибири. Оно обозначало мироздание, соединение верхнего и нижнего миров (Косарев, 2003).

Анализ произведений искусства памятников поздней поры верхнего палеолита центральных районов Восточно-Европейской равнины позволяет сделать вывод о существовании глубокой взаимной связи образов зверя и женщины, и шире – человека, не только в реалистических изображениях, но также в орнаментальных мотивах и символах-знаках.

За этим явлением стояли определённые представления людей, связанные, по всей видимости, с мифологией и религиозными верованиями, конкретное содержание которых нам недоступно, но реконструкция которых возможна до известных пределов при опоре на более поздние исторические материалы. Однако для целей данного исследования важно то, что собственно археологический анализ позволяет установить на стилистическом уровне генетическую связь между стоянками восточного граветта Центральной и Восточной Европы и более поздними памятниками. Эта связь проявляется, прежде всего, в трактовке образов женщины и зверя, а также – в продолжении использования орнаментального мотива многорядного зигзага. Эта прослеживаемая связь – ещё один аргумент в пользу атрибуции культуры среднерусских памятников поздней поры верхнего палеолита в качестве наследника граветтских традиций. Именно в этом смысле её следует называть

эпиграветтской, отказываясь, таким образом, от представлений о существовавшем разрыве традиций между восточноевропейским граветтом и эпиграветтом.

Одновременно в искусстве эпиграветтских памятников проявляются черты, характерные для всего европейского искусства этого времени - прежде всего, в каноне построения фигуры антропоморфных статуэток и в широком развитии орнамента. Но конкретное воплощение этих тенденций подчёркивает индивидуальные черты памятников искусства малых форм каждой отдельной эпиграветтской стоянки, что ещё раз свидетельствует в пользу неоднократно высказывавшегося различными исследователями тезиса о распаде единого культурного пространства европейского граветта на более локальные образования (Soffer, 1985; Аникович, 1998; Лисицын, 1999; Амирханов, 2004; Синицын, 2008). На территории Русской равнины этот распад, вероятнее всего, произошёл в результате внутреннего развития материальной и духовной культуры восточного граветта и не сопровождался значительными подвижками населения.

Варианты восточноевропейского эпиграветта, которые выделяются только на основании технико-типологических характеристик каменных индустрий памятников поздней поры верхнего палеолита Днепро-деснинского бассейна, могут рассматриваться в качестве проявлений вариабельности эпиграветтского технокомплекса приледниковой зоны Восточной Европы. Однако, при их сопоставлении со стилистическими и иконографическими чертами произведений искусства малых форм обнаруживается прямая корреляция этих вариантов с локальной спецификой памятников искусства, обнаруженных при раскопках их опорных памятников. Эта корреляция даёт основания рассматривать рассмотренные в данной главе варианты восточноевропейского эпиграветта в качестве археологических культур, таксономически равных, например, костёнковско-авдеевской и хотылёвской культурам восточноевропейского граветта. Особенностью эпиграветтских археологических культур по сравнению с культурами граветта является их

территориальная ограниченность. Кроме того, наблюдается отличие в каменных индустриях между эпиграветтскими памятниками Среднего Поднепровья и Подесенья, которое наиболее отчётливо проявляется в наборе острий на микропластинках и пластинках, а также в оформлении проколок.

Глава 7
Археологические объекты верхнепалеолитических стоянок Подесенья и Среднего Поднепровья

Классификация археологических объектов верхнепалеолитических памятников, расположенных на территории бассейнов Среднего Днепра и Десны, неразрывно связана с анализом их пространственной структуры. Этой теме отведено значительное место во всех соответствующих публикациях. Особенность Среднего Поднепровья и Подесенья с точки зрения археологической изученности состоит прежде всего в том, что на этой территории целый ряд опорных памятников, относящихся к поздневалдайскому времени, был раскопан на очень значительной площади. В результате, несмотря на известные методические недостатки проводившихся при этом полевых работ, удалось получить информацию о множестве самых разнообразных объектов – от остатков жилищ до скоплений производственных отходов, относящихся к разнокультурным стоянкам и поселениям. Эта источниковая база делает вполне реальной изучение процесса развития во времени пространственной структуры памятников средней и поздней поры верхнего палеолита, однотипных в таксономическом отношении.

Представленная в данной главе классификация направлена прежде всего на определение таксономического уровня структурообразующих элементов стоянок и поселений применительно к их пространственной организации. В данном случае понятие структурообразующего элемента не тождественно понятию «элемент слоя» (по: Леонова, 1994. С. 12) или «объект» (по: Беляева, 2002). Важнейшим признаком структурообразующего элемента является доминантность, которая определяется только при выявлении композиционной организации культурного слоя (Беляева, 1998, с. 47) или, другими словами, структурного единства предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности (Амирханов, 2000, с. 43). Таким образом, отнесение тех или

иных объектов, элементов, отдельных предметов к единому уровню или поверхности обитания (Амирханов, 2000, там же; Беляева, 2002, с. 40) приобретает критически важное значение при определении их структурного положения. Доминантность как определяющий признак структурообразующего элемента при этом может принадлежать не обязательно только к функционально стабильным объектам, по определению В.И. Беляевой (Беляева, 1998, с. 47). Этим качеством может обладать даже «элементарный заполнитель» (Беляева, 2002, с. 39), в случае если культурный слой содержит только скопления кремня, угля и фаунистических остатков – порознь или вместе. Только после определения таксономического статуса структурообразующих элементов возможен корректный сравнительный анализ пространственной организации интересующих нас памятников.

Предлагаемая классификация построена по иерархическому принципу и является открытой. При её разработке использовались такие разновидности признаков, как морфологические, метрические, характер вмещающей породы и «элементарного заполнителя». Определяющими при выделении однородных групп объектов были морфологические и метрические признаки. Таксономический статус тех или иных объектов классификации определялся на основе их пространственного положения в культурном слое памятника. Выбор конкретных признаков в значительной мере базировался на накопленном к настоящему времени исследователями опыте изучения верхнепалеолитических стоянок центра Русской равнины.

Выделение наиболее крупных в иерархическом отношении групп объектов подчинено признаку положения относительно древней поверхности обитания. К ним относятся классы углублённых и наземных объектов. Следующий уровень учитывает общие структурные характеристики и включает в себя такие группы как «очаги», «ямы-хранилища», «жилищные» ямы и ямки, «жилые западины», «скопления угля и золы», «скопления кремня», «скопления кости», «скопления кремня и угля», «сложные скопления», «скопления охры», «вертикально стоящие кости», «костные

конструкции». Нижний иерархический уровень выделен на основе учёта конкретных структурных признаков, которые послужили для выделения перечисленных выше групп, а также вмещающей породы и «элементарного заполнителя». Он объединяет разновидности объектов, имеющих ключевое значение при характеристике пространственной структуры того или иного памятника.

Описание и характеристика конкретных объектов даётся в большинстве случаев на основе опубликованных материалов. Это налагает определённые ограничения на результаты выделения разновидностей тех или иных объектов, а также их сравнительного анализа, прежде всего касающиеся различного рода скоплений. По этой причине скопления кремня характеризуются с опорой на разновидности, выделенные в 1970-е гг. Н.Б. Леоновой (Леонова, 1977), а скопления фаунистического материала охарактеризованы с учётом самых общих сведений о степени сохранности и видовом составе костных остатков, их составляющих. Эти две группы объектов нуждаются в дополнительном исследовании с привлечением архивных и коллекционных материалов, в значительной мере остающихся неопубликованными. Основное внимание в данной главе уделено сравнительному анализу углублённых объектов, а также остатков различного рода костно-земляных конструкций.

Углублённые объекты.

Этот класс включает в себя очаги, всевозможные ямы и ямки, а также жилые западины. Углублённые объекты были зафиксированы далеко не на всех среднеднепровских и деснинских верхнепалеолитических памятниках. На таких стоянках как Фастов, Семёновка 1 и 2 их не было найдено вовсе (Шовкопляс, 1956; Nuzhnyi, 2002). В первом комплексе Радомышльской стоянки и в центральной части Пушкарёвского поселения, исследованого М.Я. Рудинским, было зафиксировано только по одной яме (Шовкопляс, 1964; Рудинский, 1947; Борисковский, 1953). Подавляющее большинство углублённых объектов было найдено при раскопках ставших широко

известными поселений охотников на мамонта: Авдеево, Хотылёво 2, Пушкари 1, Елисеевичи 1, Супонево, Юдиново 1, Мезин, Добраничевка, Гонцы, Межирич. Среди памятников, открытых относительно недавно, углублённые объекты были найдены на стоянках Быки 1 (Чубур, 2001) и Быки 7 (Ахметгалеева, 2004).

Очаги. Эта группа присутствует на всех перечисленных памятниках с углублёнными объектами. По своим особенностям они могут быть разделены на несколько разновидностей: большой очаг костёнковско-авдеевского типа, очаг хотылёвско-пушкарёвского типа, малый очаг пушкарёвского типа, очаг с вертикально стоящими костями мамонта, очаг с подочажной ямой, простой очаг.

Большой очаг костёнковско-авдеевского типа.

На территории бассейна Днепра эта разновидность объектов была зафиксирована при раскопках Авдеевской стоянки. Очаги, располагавшиеся на длинной оси овала, границы которого определялись как степенью интенсивности культурного слоя, так и линией краевых ям, землянок и «канав», находились в ямах диаметром в один метр, иногда несколько более, и глубиною до 80 см. Стенки ям были вертикальными, дно – плоским. Максимальное расстояние между ними не превышает 4 м (Булочникова, 1998в, с. 92). Они неоднократно, как полагает Г.П. Григорьев, очищались от заполнявших их костного угля и золы, что и привело к образованию многочисленных углисто-золистых скоплений в толще культурного слоя (Grigor’ev,1993, pp. 58). Весьма характерным было положение очага № 3, изученного в 1977 г. (Гвоздовер, Григорьев, 1978, с. 54). Его глубина превышала 40 см от низа культурного слоя, диаметр был равен 125 см. Заполнение очага состояло из крупных костных углей, среди которых было много кальцинированных. Вокруг него были расчищены три приочажные ямки, заполненные углём и множество мелких ямок, в которых находились вертикально стоящие осколки костей. От очага на 2 м к востоку и северу распространялась углистая прослойка, перекрывающая некоторые ямы и

культурный слой мощностью около 10 см. Сам очаг и указанная прослойка также были перекрыты культурным слоем. На этом основании М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьев предположили, что очаг № 3 “начал действовать не с самого начала обитания человека на стоянке и кончил действовать раньше конца жизни на стоянке” (там же).

А.Н. Рогачёв полагал, что в исследованном им и М.В. Воеводским комплексе линия очагов не сохранилась из-за размыва центральной части поселения. Это объяснение не выглядит в настоящее время убедительным, ведь в центральной части Ав. ст. сохранились не только достаточно глубокие ямы, но и более мелкие западины (Рогачёв, 1953). Следовательно, очаги, располагавшиеся в значительных как по диаметру, так и по глубине ямах, не могли быть размыты. Е.В. Булочникова считает, что линия очагов всё же существовала во время изучения старого объекта и включает в неё очаги на кв. Ы - 54, 55 и на кв. З, Ж - 68 (яма № 23). По её мнению, к этим же объектам может быть отнесена яма № 49, по своим характеристикам соответствующая очагу (Булочникова, 1998в, с. 92). Последнее утверждение, впрочем, достаточно спорно, так как заполнение ямы № 49 состояло из обычного культурного слоя, включавшего кости мамонта. Некоторые обломки костей, к тому же, залегали на самом дне ямы (Рогачёв, 1953, с. 178).

Наличие приочажных ямок зафиксировано не только в Авдеевской стоянке. Аналогичный признак характеризует большие очаги центральной линии, изученные при раскопках Зарайской стоянки (Амирханов, 2000, с. 125-127) и Костёнок 1 (сл. I) (Lubin, Praslov 1987).

Очаг хотылёвско-пушкарёвского типа.

Этот вид очагов был зафиксирован при раскопках, соответственно, стоянок Хотылёво 2 и Пушкари I. В Хотылёво 2 он представлен двумя объектами, отличающимися своими размерами, но имеющими близкое сходство в пространственной структуре. На стоянке Пушкари I исследовано три подобных объекта, близких по размеру друг другу. Данный тип очага характеризуется следующими признаками: 1) форма в плане –

подчетырёхугольная: квадратная, прямоугольная или трапециевидная, со скруглёнными углами и неровной линией стенок; 2) профиль очажной ямы – блюдцеобразный, сама очажная яма неглубокая; 3) внутри очажной ямы, как на дне, так и в бортах, в некоторых случаях располагались многочисленные ямки. Пекарные ямки небольших размеров могли располагаться также в непосредственной близости от очажной ямы. В некоторых ямках, внутри очажной ямы и вокруг неё, могли находиться фрагменты костей животных. Далее последовательно описываются очаги этого типа из раскопок Хотылёво 2 и Пушкари I.

На площади Хотылёвского поселения Ф.М. Заверняевым в северо-восточной части раскопа № 6 был исследован крупный очаг (рис. 125, Е). Очажная яма имела трапециевидную в плане форму с размерами в поперечнике 1,5 × 1,5 м и глубиной 15 см. Днище ямы - блюдцеобразное. В восточной стенке ямы был прослежен подбой, по периметру, в непосредственной близости от краёв, располагались пекарные ямки, наклонённые к его центру, в некоторых из них находились фрагменты костей. Заполнение очага состояло из зольной массы с мелкими кусочками костного угля, в котором находились отдельные кремни и обломки костей. В северо-западной половине очага было зафиксировано скопление позвонков и рёбер волка. Мощность зольно-углистой массы составляла 0,40 м и превышала глубину очажной ямы. В результате, заполнение очага имело форму выпуклой линзы, возвышающейся над ним.

Второй хотылёвский очаг подобного типа был изучен во время полевых работ сезона 2000 г. и располагался на кв. -3.7 (рис. 125, Б). Очажная яма имела подчетырёхугольную в плане форму с неровными краями. Размеры ямы 56 × 60 см, глубина - около 11 см. Она была в небольшой степени деформирована мерзлотными трещинами. В результате этих деформаций южный сегмент ямы просел на 2,5 см в юго-восточном секторе ямы. В юго-западном секторе это проседание практически сходит на нет. Стенки очажной ямы в её южной

половине крутые, в северной же - пологие, что связано с процессом очистки очага от угля и золы. Заполнение распространялось на всю глубину ямы и состояло не только из костного угля. В нём встречается также необожжённый кремень, комья суглинка сизовато-бурого цвета. В них, в свою очередь попадались костные угольки, иногда довольно крупных размеров. В основном включения суглинка встречались в северной половине очага. В центральной части ямы в заполнении был найден небольшой фрагмент полуразложившегося янтаря желтоватого цвета. Дно очажной ямы в его южной части плоское, в северной половине оно постепенно повышается к краям, вся его поверхность разбита мелкими трещинами, которые в местах пересечения образуют небольшие ямки. В центральной части очага находилась ямка с почти вертикальными стенками. Её размеры – 3 × 4 см, глубина от поверхности дна очага – 6 см. Аналогичная ямка располагалась у западной стенки очага, в том месте, где к ней примыкало основание мерзлотного клина. Её диаметр - 5 см, глубина от нижней поверхности культурного слоя - 6 см. С северной, южной и восточной стороны очага также были зафиксированы небольшие ямки диаметром от 3 до 6 см и глубиной от 2 до 7 см. Все они были заполнены костным углём и золой. В южной и восточной стенках очажной ямы обнаружены четыре ямки, аналогичные предыдущим. Из шестнадцати найденных ямок девять имели наклон в северном направлении. Часть ямок, располагавшихся внутри и по бортам очажной ямы, относится к разновидности пекарных. Они аналогичны тем, которые были зафиксированы Ф.М. Заверняевым при изучении хотылёвского большого очага. Остальная часть ямок могла остаться от какой-то столбовой конструкции вокруг очага. Столбовые ямки были расположены по дуге к северо-востоку, востоку и юго-востоку от очага. Большая часть этих ямок имела наклон к северу.

Очаги хотылёвско-пушкарёвского типа на стоянке Пушкари I были зафиксированы в двух видах археологического контекста: внутри жилищной

западины – один объект, и за её пределами – два объекта. Соответственно, они подразделяются В.И. Беляевой на внутренний и внешние очаги (Беляева, 2021). Перейдём к их краткому описанию.

Внешний очаг раскопа V, располагался к западу от так называемого малого жилища (Беляева, 2002). (рис. 125, В). Очажная яма имела прямоугольные в плане очертания со скруглёнными углами. Её размеры по верху составили 0,98 × 0,87 м, глубина не превышала 10-11 см. Западная и северная стенки ямы крутые, а юго-восточная и восточная - пологие. Мощность углисто-золистого заполнения составила 6-7 см, верхняя поверхность заполнения была вогнута (Беляева, 2002. С. 118, 122). По всей внутренней поверхности очажной ямы и её краям располагались многочисленные ямки и западины неправильно округлой и овальной формы с углисто-золистым заполнением. Гипсовые слепки заполнения ямок имели форму овальных в сечении стержней с расширенным и спрямленным концом. По предположению В.И. Беляевой, ямки в очаге образовались от стоявших вертикально или под небольшим наклоном костей животных (Беляева, 2002. С. 123). Вероятно, таким способом запекалось мясо на открытом огне (Беляева, 2021. С. 52).

Внешний очаг № 2, раскоп VII, располагался у юго-западной границы жилищной западины. Поверхность углистого заполнения очажной ямы была перекрыта группой преднамеренно уложенных костей мамонта: атлантом, фрагментами берцовой кости и бивня. Кости не имели следов воздействия огня (Беляева, 2021. С. 54). Форма очага в плане – трапециевидная, со скруглёнными углами. Размеры: 1,08 × 0,88 м, глубина – 8-9 см. Профиль очажной ямы блюдцеобразный, на дне располагалось большое количество ямок. Углистое заполнение очага – однородное, с суглинистыми включениями (Беляева, 2021. С. 55).

Внутренний очаг, раскоп VII, располагался в центре западины округлой в плане формы. Форма очажного пятна – трапециевидная, со скруглёнными

углами и слабовыпуклыми линиями сторон, размеры 0,85 × 080 м, мощность углистого заполнения в центре – 4-5 см, глубина очажной ямы – не более 2 см, профиль – блюдцеобразный. На дне очага располагалось множество ямок, среди которых выделялось семь относительно крупных, с диаметром более 10 см и глубиной до 5 см, с наклонным профилем (Беляева, 2021. С. 58).

Малый очаг пушкарёвского типа.

Очаги этого типа зафиксированы в длинном и малом жилищах стоянки Пушкари I. В длинном жилище три подобных очага образовывали линию, ориентированную по направлению северо-запад – юго-восток, то есть, так же, как и основная линия очагов площадок костёнковско-авдеевского типа. Пушкарёвские очаги из длинного и малого жилищ отличаются от предыдущей разновидности несколькими признаками: 1) малые размеры очажной ямы; 2) округлая в плане форма; 3) расположение вокруг очажной ямы приочажного пространства, слегка пониженного относительно пола жилища, на котором располагались многочисленные ямки.

Помимо названных признаков, в длинном жилище Пушкарёвской I-ой стоянки два из трёх очагов имели вертикально стоящие кости: очаг № 1 на кв. а-9 и очаг № 2 на кв. б, в-6 (Борисковский, 1953. С. 188). Приочажное пространство имело округлую в плане форму. Диаметр этих приочажных углублений имел размер от 60 см (очаг № 1) до 80 см (очаг № 2), глубина - от 15-17 см до 20-25 см. Очажное заполнение состояло из костного угля и золы, а также необожжённых костей и предметов из кремня. Углисто-золистое заполнение очагов распространялось за пределы очажных ям, образуя скопления мощностью до 5 см. Максимальным такое скопление было у очага № 3, не содержавшего воткнутых костей, распространяясь к северу от него. Минимальное распространение очажной массы зафиксировано у первого очага, второй занимает промежуточное положение по этому показателю. Интересно, что верхняя поверхность углисто-золистого заполнения над очажной ямой понижалась, хотя её общая мощность в этой части

увеличивалась в 2-3 раза. Это может свидетельствовать как о чистке, так и об относительно непродолжительном времени функционирования очагов. В дно первого очага была воткнута обожжённая кость мамонта. По краям второго очага также были воткнуты две кости - часть трубчатой и бивня, а в его центре - ребро. Необгорелые кости и кремни залегали как в толще углистой массы, так и на её поверхности. Вокруг очагов были зафиксированы многочисленные приочажные ямки. Третий очаг по своим морфологическим признакам идентичен первым двум и отличается от них только отсутствием вертикально воткнутых костей мамонта. Возможно, это связано только с тем обстоятельством, что такие кости просто полностью перегорели.

Внутренний очаг в раскопе V, располагался в малой жилой западине. В отличие от очагов №№ 1 и 2 из длинного жилища, в заполнении описываемого очага воткнутые кости мамонта отсутствовали (рис. 125, А). Размеры очажной ямы: 0,30 × 0,33 м, глубина – 3 см. Ямки располагались в непосредственной близости от области горения, в приочажной зоне-западине диаметром около 1 м и глубиной до 7-8 см (Беляева, 2002. С. 92-95). Кроме того, толщина заполнения превышала глубину очажной ямы и составила около 4 см (Беляева, 2002. С. 92).

Возможно, некоторую аналогию малым пушкарёвским очагам составляет очаг, зафиксированный И.Ф. Левицким в 1935 г. при расчистке горизонта k Гонцовской стоянки (рис. 125, Г). Очажная яма имела округлую форму размерами 0,42 × 0,405 м, её глубина составила 18 см. Яма была заполнена продуктами горения до верха. В верхней же части заполнения костный уголь был перемешан с кусками жёлтой обожжённой глины, мощность этой прослойки составила 4 см. В углисто-золистом заполнении залегали также редкие расщеплённые кремни. Вокруг очажной ямы располагалось три ряда столбовых, по мнению автора, ямок, которые в плане образовывали овал, разомкнутый с северо-восточной стороны. Расстояние между внешним рядом ямок и очагом составило от 30 до 40 см, между

внутренней линией и очагом – от 5-6 до 9-12 см. Ямки имели в плане неправильную округлую или треугольную форму. Их размер в поперечнике по верху составлял от 1,5 до 4,5 см, глубина – до 6,5 см (Левицький, 1949, с. 207). В публикации И.Ф. Левицкого на плане жилища к северо-востоку от очага отмечено углубление неправильно полукруглой формы в плане, однако в тексте отсутствует его описание (Левицький, 1949, с. 208, рис. 4).

Очаги с вертикально стоящими костями мамонта мезинско-межиричского типа.

В Мезинском поселении было найдено два очага с вертикально стоящими костями. Каждый из этих очагов находился к юго-востоку от жилищ №№ 1 и 2 соответственно (по: Сергин, 1987) на расстоянии не более 2,5 м. Воткнутые кости располагались в обоих случаях с западного и восточного края очажной ямы. Первый очаг имел овальную в плане форму размерами 0,8х0,45 м. Очажная яма не была зафиксирована, однако её наличие предполагается по аналогии с другими такими же объектами, обнаруженными в Мезине и Межириче (Сергин, 1987, с. 30). Вертикально стоящие кости были представлены обломком толстого бивня и большой берцовой кости конечности мамонта высотой 0,3 м (Шовкопляс, 1965, с. 63; Сергин, 1987, с. 29). Вторая очажная яма имела чашевидный профиль (рис. 126, Б), её размер в поперечнике достигал 0,45 м, а глубина – 0,18-0,2 м. Заполнение состояло из костного угля и золы, её мощность была меньше глубины очажной ямы. Воткнутые или вбитые кости отстояли от краёв на небольшом расстоянии от очажной ямы: от 20 до 35 см (Сергин, 1987, с. 57), - но, как и в Пушкарях 1, попадали в область горения. Кости были плечевыми и принадлежали мамонту (Шовкопляс, 1965, с. 70).

В Межиричском поселении очаги с вертикально стоящими костями были расположены внутри костно-земляных конструкций аносовско-мезинского типа. Как и в предыдущих случаях, область горения этих очагов превышала размеры их очажных ям, а кости вкапывались с противоположных краёв. Межиричские очаги отличались большим количеством вертикально

стоящих костей. Номера перечисляемых далее очагов соответствуют номерам «жилищ» из костей мамонта. Первый очаг (рис. 126, А) располагался ближе к юго-восточной стенке жилища. Размеры очажной ямы по верхнему контуру составили 50-70 см, мощность углисто-золистого заполнения в центре достигала 20 см. Заполнение очажной ямы распространялось за её пределами на 30-40 см, образуя периферию очага, в самом заполнении были найдены кремнёвые и костяные изделия (Пидопличко, 1976, с. 125). Вертикально стоящие кости располагались в этой периферийной зоне. Среди них И.Г. Пидопличко называет один фрагмент бивня и три плечевых кости мамонта (Пидопличко, 1976, с. 125). Между вертикально стоящими костями, на поверхности углисто-золистого заполнения лежали бедренная и лучевая кости, при этом лучевая была вставлена в бедренную. И.Г. Пидопличко считал их вертелом (Пидопличко, 1976, с. 123). Второй межиричский очаг располагался в центральной зоне «жилища», но был несколько смещён к его южной границе. Диаметр очажной ямы - около 60 см, мощность заполнения в центре – до 31 см, периферийная зона имела сходные с первым очагом размеры. Существенной особенностью второго очага являлась обкладка периферийной зоны, состоявшая из лопаток и тазовых костей молодых мамонтов, а также нескольких трубчатых костей. И.Г. Пидопличко отметил их обгорелость с одной стороны (Пидопличко, 1976, с. 126-127). Непосредственно на заполнении очажной ямы лежали две анатомически связанные тазовые кости, которые не имели следов воздействия огня (там же). Кроме них, на поверхности очага лежали одна бедренная кость и несколько более мелких костей мамонта, обгоревшие снизу (Пидопличко, 1976, с. 128). Вертикально стоявшие кости располагались у юго-западного края очажной ямы. Это были две бедренные и две плечевые кости мамонта (там же). И.Г. Пидопличко к этой группе костей относил и другие, лежавшие рядом с ямой или на очажном заполнении, однако его доводы основываются скорее на априорных представлениях о функциональном использовании названных костей в качестве вертела, а не на строго документированных особенностях их

залегания. Третий очаг располагался примерно в 1,5 м от южной границы жилища, однако реальное существование данного объекта вызывает сомнения. Размеры его в монографии И.Г. Пидопличко не указал, ссылаясь на сильную степень размытости как очага, так и пола жилища (Пидопличко, 1976, с. 129). Среди вкопанных наклонно костей, располагавшихся в периферионой зоне очага, он перечисляет бедренную, большую берцовую и половину плечевой кости мамонта. Эти кости стояли впритык к лобной, обращённой внутрь жилища, части черепа (Пидопличко, 1976, с. 129), поэтому нельзя исключать принадлежности данной группы не к внутреннему очагу, а к собственно костно-земляной конструкции третьего жилища.

Очаг с подочажной ямой (рис. 125, Д). На территории Поднепровья эта разновидность очага была зафиксирована пока только на стоянке Быки 1 (Чубур, 2001). Как и в малом пушкарёвском жилище, очажная яма располагалась в центре приочажной зоны-западины округлой формы, на дне которой были зафиксированы пекарные ямки округлой формы. Диаметр ямок – 15-18 см, глубина – 8-12 см, заполнение включает костный углисто-золистый материал. Пекарные ямки находились к востоку от очажной ямы. Диаметр приочажной зоны составил около 2 м, глубина – 15-20 см (Чубур, 2001, с. 42). Очажная яма имела чашевидную форму, диаметр около 1 м (судя по опубликованным рисункам №№ 33 и 44, диаметр составил около 80 см) и глубину 20 см. На восточном краю очажной ямы залегала в наклонном положении лопатка лошади со следами прокала, ложе ямы частично было вымощено вязким глинистым грунтом (там же). В заполнении очажной ямы А.А. Чубур зафиксировал две золистых прослойки, между которыми также залегали фрагменты аналогичного грунта. Эта особенность, по мнению автора раскопок, свидетельствует о сезонных перерывах в процессе использования очага. Подочажная яма имела в плане почковидную форму и состояла из двух округлых объёмов (Чубур, 2001, с. 41). Диаметр северного объёма составил около 60-70 см, глубина – 65 см. Диаметр южного – 30 см, глубина – 78 см, высота ступеньки в днище ямы составила, таким образом, 13 см (Чубур, 2001,

с. 42). Днище было выполнено глеистой прослойкой, над которой залегали крупные линзы глины. Заполнение ямы состояло из слабозолистой супеси с редкими угольками, кремнями и фрагментами костей песца, лошади и северного оленя (там же), некоторые из которых имели следы прокала. Верх супеси был перекрыт глинистой прослойкой, в которую и была спущена очажная яма. В этой прослойке к западу от очажной ямы была зафиксирована ямка округлой формы диаметром 10 см и глубиной 4 см, полностью заполненная буроватого цвета охрой (Чубур, 2001, с.41, 42). А.А. Чубур полагает, что подочажная яма свидетельствует о длительном обитании в жилище до начала функционирования очага, который перекрыл эту яму. Однако приведённые на рис. 33 и 44 разрезы заполнения жилой западины и очага с подочажной ямой свидетельствуют скорее в пользу вывода о единстве всего очажного комплекса. Во-первых, углистые прослойки на дне западины относятся только к зафиксированному очагу. Во-вторых, очажная яма и глинистая прослойка, перекрывшая заполнение подочажной ямы, располагались в понижении округлой формы диаметром более 1 м и глубиной около 20 см. Это понижение плавно соединялось с устьем подочажной ямы, а углисто-золистые прослойки, связанные с очагом, залегали согласно с поверхностью днища понижения. В-третьих, предположение о санитарной чистке жилища перед устройством очага не подкреплено наблюдениями над стратиграфией культурного слоя вокруг жилой западины. Автор раскопок справедливо усматривает аналогию очажному комплексу в углублённом жилище верхнего слоя Тельманской стоянки (Чубур, 2001, с. 42), хотя полной идентичности в данном случае нет.

Простой очаг. К этой группе объектов отнесены очаги, не имевшие, кроме очажной ямы, выраженных остатков каких-либо конструкций. Подобные очаги были зафиксированы при раскопках Авдеевской, Хотылёвской 2-ой, Пушкарёвской I-ой, Супоневской и Добраничевской стоянок. По своим размерам в плане они могут быть разделены на два варианта: средний и большой очаг. Название «средний» использовано по той

причине, что среди прежде перечисленных очагов в Хотылёво 2 и Пушкарях I были зафиксированы объекты, у которых размеры очажных ям были менее 60 см. Диаметр очажной ямы первого варианта составлял от 60 до 80 см, а второго – от 80 см до 1,5 м, глубина очажных ям всех вариантов - от 15 до 20 см. Исключение по последнему признаку, может быть, составляет средний очаг Супоневской стоянки, расположенный у южной границы жилища аносовско-мезинского типа на кв. 16 раскопа VIII и кв. 7-8 раскопа IV (Сергин, 2003б, с. 14). Мощность его костно-углистого заполнения составила 25-30 см. Впрочем, известно, что мощность заполнения может превышать глубину очажной ямы.

Крупными размерами простых очагов отличается Хотылёвское поселение (Гаврилов, 1998). В центральной части метрические показатели ям очагов №№ 1 и 2 (Гаврилов, 2008) составили соответственно 1,45Х1,30х0,25 м и 1,40Х1,20Х0,25 м. Форма ям, по описанию Ф.М. Заверняева была блюдообразной. На периферии поселения располагался ещё один очаг. Диаметр ямы составил около одного метра, глубина - до 15 см. Очажная яма также имела блюдообразную форму. Первые два очага, возможно, связаны с остатками жилых конструкций, последний, скорее всего, был открытого типа.

Большинство очагов, зафиксированных при раскопках Супоневской и Добраничевской стоянок, относится к среднему варианту и расположены в центральной части жилищ аносовско-мезинского типа (Шовкопляс, 1972; Сергин, 2003а, 2003б). Более крупными размерами отличался лишь очаг во втором добраничевском жилище: размер его ямы по верху составил 1х0,8 м. Уже упоминавшийся супоневский очаг, возможно, не относится к комплексу, связанному с остатками костно-земляной конструкции. На профиле, опубликованном В.Я. Сергиным (Сергин, 2003а, с. 14-15, рис. 7б), видно, что очаг располагался в западине глубиной около 20 см, которая не связана с очагом в центре жилища аносовско-мезинского типа. Между ними располагался чётко выраженный двойной валик из материкового грунта. Кроме того, над первым очагом и вокруг него залегали нижние челюсти мамонта, относящиеся к костно-земляной конструкции.

Ямы. Среди этих объектов выделяются две большие подгруппы, которые характеризуют, с одной стороны, памятники костёнковско-авдеевской культуры (по определению Г.П. Григорьева) и поселения среднеднепровского типа (по определению В.Я. Сергина). К первой относятся «землянки», «краевые ямы», «канавы» и «ямы-хранилища» костёнковско-авдеевского типа. На территории бассейна Днепра все они были зафиксированы при раскопках Авдеевской стоянки. Вторую подгруппу составляют «ямы-хранилища» среднеднепровского типа, которые в свою очередь могут быть разделены на несколько вариантов. Эти объекты были обнаружены на таких памятниках как Елисеевичи 1, Супонево, Юдиново 1, Мезин, Добраничевка, Межирич и Гонцы. Яма, аналогичная среднеднепровским, была также найдена в Радомышле. Кроме того, при изучении Хотылёвского, Пушкарёвского и Гонцовского поселений, а также Быков 1 и 7 были зафиксированы ямы и ямки, которые условно можно обозначить термином «жилищные», так как в большинстве случаев они связаны с комплексами объектов, составляющих остатки жилых конструкций.

«Землянки» и «краевые ямы». Они подробно охарактеризованы в публикации Е.В. Булочниковой (Булочникова, 1998в). В их расположении по периметру жилой площадки прослеживаются определённые закономерности. Длинная ось большинства землянок и краевых ям вытянутых пропорций ориентирована перпендикулярно внешнему краю площадки (Булочникова, 1998в, с. 92). При этом частично эти объекты выходят за пределы линзы культурного слоя (там же, с. 93). Землянки имеют “входные камеры”, которые обращены к центру жилой площадки. Большинство внутренних камер землянок меньше по своей площади по сравнению с внешними (там же, с. 94). Различия между краевыми ямами и землянками довольно определённы. Краевые ямы не имеют входных камер, их форма в плане округлая или овальная. Землянки в большинстве случаев - объект более сложной конфигурации. Среди них выделяются одно- двух- и многокамерные. “Входная камера” землянок - это дополнительная яма небольших размеров,

округлая в плане, примыкающая к внутренней камере (там же, с. 93). Площадь краевых ям не превышает минимальное значение площади землянок (там же, с. 94). Кроме того, краевые ямы несколько мельче землянок, глубина которых около 1м. Внутренняя камера землянок иногда мельче внешней, но не более чем на 20 см (там же). Средние размеры внешних камер землянок - 2,1х1,8 м, внутренних - 1,7х1,5 м, краевых ям - 1,7х1,3 м.

Г.П. Григорьев и Е.В. Булочникова отмечают, что заполнение землянок и краевых ям формировалось с момента создания этих объектов и до полного исчерпания их объёма (Grigor'ev, 1993, p. 59; Булочникова, 1998в, с. 97). Фаунистические остатки - самый массовый материал в заполнении, однако в нём встречаются также поделки из кости и кремнёвые предметы. Существенных различий между землянками и краевыми ямами в составе заполнения нет. Скопления костей мамонтов, волков и песцов в землянках локализуются в пределах отдельных камер. Найдены кости мамонта в анатомической связи, полные скелеты волков и песцов (Булочникова, 1998в, с. 95). Некоторые группы костей имеют характер преднамеренно отобранных. К ним относятся рёбра, уложенные "веером" и "пучком", "поленницы" из трубчатых костей, а также расположенные "костром" бивни. Е.В. Булочникова допускает, что порядок залегания этих групп костей мог в равной степени быть обусловлен формой и размерами вмещающего их объекта. Представляется, что в данном случае нет необходимости противопоставлять этот фактор тому, что перечисленные группы костей формировались специально. Возможно, что и сами объёмы, вмещавшие некоторые из этих групп, создавались специально под них. Об этом свидетельствует повторяемость землянок, точнее – их парность, в новых и старых объектах Авдеево и Костёнок. Весьма характерно, что "поленница" найдена в месте соединения рукавов многокамерных землянок Ш (Ав. н.) и Е (КI н.), бивни "костром" залегали во внешних камерах идентичных землянок Ц (Ав. н.) и Г (КI н.) (Булочникова, 1998в, с. 96). Г.П. Григорьев, анализируя порядок расположения костного материала в заполнении землянок, показал несостоятельность точки зрения,

рассматривающей крупные скопления костей и бивней мамонтов в качестве развала каркаса перекрытия (Grigor'ev, 1993, p. 60).

Стратиграфия заполнения краевых ям и землянок состоит из углистых, охристых и белесых прослоев различной мощности и ориентации (Булочникова, 1998в, с. 97). В землянках эти прослои локализуются внутри камер, в то время как их придонное заполнение занимает всю площадь независимо от конфигурации. Как отмечает Е. В. Булочникова, землянки не являются результатом постепенного соединения нескольких ям, их форма в плане задавалась изначально. Заполнение объёма землянок шло по отдельным камерам. Очень симптоматичным является несогласованное залегание в ряде случаев костных скоплений и стратиграфических прослоев, а также прогибание над землянками и краевыми ямами культурного слоя и перекрывающих его слоёв (там же, сс. 95, 97). Все перечисленные особенности могут свидетельствовать как о постепенном и без существенных перерывов во времени заполнении этих объектов, так и о непрерывности их функционирования в продолжение почти всего периода существования Авдеевского поселения в целом.

"Канавы". Эти объекты также, как «землянки» и «краевые ямы» были зафиксированы по периметру жилых площадок Авдеево. Они имеют сложное происхождение. В процессе раскопок нового объекта Авдеево было доказано, что на их месте располагались трещины, которые обитатели поселения использовали для своих целей. Г.П. Григорьев полагает, что "канавы" предназначались для свалки туш волков и песцов (Grigor'ev, 1993, p. 60). Заполнены "канавы" культурным слоем (Гвоздовер, Григорьев, 1977). В старом Авдеево такая "канава", по-видимому, шла за пределы жилой площадки от землянок Е и Г. Как известно, А.Н. Рогачёв отвергал мысль о естественном происхождении этих объектов (Рогачёв, 1953, с. 179). В этом его убеждало то, что при их исследовании удалось проследить искусственное корытообразное днище на кв. Ь, Э - 47. Однако в данном случае, по всей видимости, имело место наложение результатов естественных процессов и

человеческой деятельности. Заполнение землянки Е существенным образом не отличается от заполнения других землянок и краевых ям Ав. ст.

«Ямы-хранилища» костёнковско-авдеевского типа. К сожалению, в имеющихся публикациях, посвящённых Авдеевской стоянке, отсутствует подробная характеристика «ям-хранилищ», хотя они известны и располагались на внутренней площади авдеевских комплексов. Описание аналогичных объектов имеется в монографии о Зарайской стоянке (Амирханов, 2000, сс.127-145). «Ямы-хранилища» костёнковско-авдеевского типа имеют округлую в плане форму, вертикальные стенки и плоское дно. Диаметр ям по верху составлял от 50 до 76 см, глубина – от 50 до 80 см. Заполнение этой группы объектов не было однотипным, однако оно часто характеризуется разнородностью и слоистостью, и содержит преднамеренно уложенные кости, а также костяные поделки. В одной из таких ям-хранилищ была обнаружена статуэтка бизона (Амирханов, Лев, 2003). Характерно, что большинство статуэток Авдеевской стоянки также найдены в аналогичных ямах (Гвоздовер, 1987, с. 20, 27). Среди них М.Д. Гвоздовер описывает яму с диаметром около 1 м и яму глубиной около 40 см (там же).

«Ямы-хранилища» среднеднепровского типа. Объекты этой разновидности отличаются от ям-хранилищ костенковско-авдеевского типа своими размерами, формой и характером заполнения. Однако для них также характерно присутствие в заполнении преднамеренно уложенных костей и поделок и, в единичных случаях, произведений искусства. Кроме того, заполнение ям-хранилищ у стенок и дна часто окрашено прослойками костного угля.

По своим метрическим и морфологическим характеристикам ямы-хранилища могут быть разделены на два варианта. К первому относятся крупные ямы округлой или овальной в плане формы со скошенными стенками и чашевидным дном. Диаметр таких ям по верху составляет, как правило, около 2 м, глубина – до 1 м. В заполнении представлены многочисленные целые кости мамонта и других животных, но черепа мамонта не характерны

для этого варианта. Многочисленными являются также изделия из кремня. Ямы-хранилища первого варианта были обнаружены при раскопках Добраничевской, Межиричской, а также Супоневской, и Мезинской стоянок. Они располагались вокруг жилищ аносовско-мезинского типа и являлись составной частью специфических «хозяйственно-бытовых комплексов» (по определению И.Г. Шовкопляса). В Добраничевке в наиболее полно исследованных втором и третьем ХБК было зафиксировано по четыре ямы (Шовкопляс, 1972). В Межиричах вокруг четвёртого жилища было вскрыто и изучено шесть ям-хранилищ. Заполнение последних было неоднородным и содержало прослойки алевритов и песков, к которым были приурочены различные уровни концентрации костей, кремня и зольной массы (Величко, Грибченко, Куренкова, 1999, с. 20). Ямы были перекрыты крупными скоплениями костей и бивней мамонта, которые залегали на стерильных песчаных линзах мощностью до 30 см в центральной части ям (там же).

В Супонево была разобрана одна яма, по размерам и форме аналогичная предыдущим, однако об особенностях её заполнения мало что известно. По данным В.Я. Сергина, в нём не было зафиксировано большого количества крупных костей мамонта, среди которых, в частности, были найдены зубы. Преобладали мелкие кости, в основном песца, был зафиксирован зуб быка. Яма содержала уголь, охру, много расщеплённого кремня. Уголь маркировал дно ямы (Сергин, 2003б, с.14). Самым интересным в данном случае является то, что, судя по приведённому В.Я. Сергиным на рис.3, *г*, разрезу культурного слоя, супоневская яма была вырыта после образования костно-земляной конструкции жилища аносовско-мезинского типа.

На площади Мезинской стоянки ямы-хранилища первого варианта не были столь типичны для хозяйственно-бытовых комплексов, как в Межиричах. Достоверно известно об их существовании в первом ХБК (по В.Я. Сергину) – это ямы III и V. Кости в заполнении образовывали два яруса: разрозненный вверху и более компактный – внизу (Шовкопляс, 1965, с. 88, 89).

Кроме костей мамонта были найдены кости лошади и волка, в яме V обнаружен целый череп волка. В яме III один из бивней мамонта длиной более 1 м имел широкий продольный паз. Подобные пазы могли образовываться в процессе отчленения стержня от тела бивня (Гиря, 2002, с. 87).

Второй вариант ям-хранилищ характерен для стоянок Елисеевичи 1 и Мезин. Объекты, в него входящие, отличаются овальными, реже – округлыми, в плане очертаниями, вертикальными стенками и плоским дном. Стенки часто маркировались углисто-золистой массой, на дне елисеевичских ям были зафиксированы прослойки суглинка зеленовато-сизого цвета (Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997, с. 105, 106). Ямы-хранилища в Елисеевичах 1 (рис. 127; рис. 128) - более крупные в плане, но менее глубокие. Размеры елисеевичских ям в поперечнике – от 2 до 3 м, глубина – от 50 до 70 см. Размеры мезинских ям (рис. 129; рис. 130, А, Б) – от 1,5 до 2,3 м, глубина – около 1 м (Шовкопляс, 1965, с. 84-88). Самой характерной особенностью их заполнения является залегание, помимо крупных костей, черепов мамонта и бивней. Их расположение в Елисеевичах 1 вдоль края ям дало основание Л.В. Греховой предположить, что черепа использовались как элемент конструкции перекрытия (Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997, с. 105). Однако отобранность костей мамонта не обязательно свидетельствует об использовании их в таком качестве. Очень показательно было расположение черепов в яме 4 (там же, с. 106). Здесь они образовывали часть очень плотного кольцевого ограждения вдоль стенок ямы и, следовательно, не могли попасть туда в результате разрушения перекрытия. Более вероятно, что во всех ямах Елисеевичей 1 черепа оказались в результате их преднамеренной укладки людьми. В подобной же яме в раскопе 1935 г. К.М. Поликарповичем были обнаружены женская статуэтка и чуринги (Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997, с. 110). В мезинских ямах количество черепов значительно меньше: от одного до трёх, и все они – с вынутыми бивнями, тогда как в елисеевичских ямах были найдены черепа мамонтов с бивнями. Мезинские ямы располагались по длинной дуге вокруг первого жилища, а также окружали

второе (Шовкопляс, 1965; Сергин, 1987). Елисеевичские объекты были расположены по периметру овала, ориентированного с северо-востока на юго-запад (Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997, с. 91-110). В его северо-восточной половине были зафиксированы остатки крупной костно-земляной конструкции, названной К.М. Поликарповичем «ходом» (Поликарпович, 1968). Весьма вероятно, что ямы-хранилища Гонцовского поселения относятся также ко второму варианту (рис. 51, В-Д). Они имели вертикальные стенки, плоское дно, а в их заполнении было обнаружено большое количество черепов мамонта (Левицький, 1949, с. 225-230; Сергин, 1983).

При раскопках Радомышльской стоянки была обнаружена яма-хранилище, аналогичная тем, которые составляют среднеднепровский тип. По данным И. Г. Шовкопляса, она имела округлую форму, диаметр около 2 м и глубину около 1 м (Шовкопляс, 1964). Границы ямы и её профиль, а также литологическая характеристика заполнения, в отчёте о раскопках отсутствуют. Костный материал представлен нижними челюстями, зубами, тазовыми, лопатками, бивнями, рёбрами, трубчатыми и одним черепом. Преобладают плоские и трубчатые кости. Нижние челюсти и бивни расположены компактной группой. Бивни имели на своей поверхности следы работы в виде различных нарезок, на одном из них был зафиксирован широкий и глубокий нарез-паз.

«Жилищные» ямы и ямки (рис. 131; рис. 132). Эта группа углублённых объектов является самой многочисленной и наименее регулярной по своим морфологическим и метрическим признакам, а также характеру заполнения. Как правило, они имеют значительно меньшие размеры по сравнению с ямами-хранилищами: их верхние контуры не превышают в поперечнике 1 м и чаще всего - менее 50 см, а глубина редко составляет 50 см и гораздо чаще имеет значения от 10 до 30 см. Форма в плане обычно округлая или овальная, однако может иметь и неправильные очертания. Заполнение таких ям и ямок совпадает с характером окружающего культурного слоя, но нередки случаи, когда в их придонной части обнаруживались преднамеренно уложенные

костяные поделки, включая произведения искусства, кремнёвые изделия или отдельные кости. «Жилищные» ямы были зафиксированы при раскопках Авдеевского, Хотылёвского, Пушкарёвского, Гонцовского (горизонт k) и Супоневского поселений (Рогачёв, 1953; Grigor'ev, 1993; Гаврилов, 1998; Борисковский, 1953; Беляева, 2002; Левицький, 1949, Сергин, 2003а; Булочникова, 2007) , а также стоянок Чулатово 2, Быки 1 и 7 (Воеводский, 1948; Чубур, 2001; см. также: Ахметгалеева, 2015). Они группировались вокруг очагов на различном расстоянии, но не превышая 3,5 м. На площади Чулатовской стоянки ямки были расположены рядом со скоплениями костного угля и золы. Количество ям и ямок в пределах одного жилого комплекса может быть самым разным: от нескольких единиц, как в Хотылёво 2 в случае с малым очагом со столбовыми ямками, до многих десятков, как в Авдеево. Эта разновидность объектов характерна также и для жилищ, изученных при раскопках Гагаринской стоянки, Костёнок 4 и Костёнок 8 (верхний слой). «Жилищные» ямы и ямки можно рассматривать в качестве одной из существенных черт в характеристике остатков жилых объектов.

«Жилые западины». На территории Среднего Поднепровья и Подесенья жилые западины были изучены на площади таких памятников как Пушкари 1 и Быки 1. Несмотря на малочисленность этих объектов, они чётко делятся на две группы: длинные и малые. Однако несмотря на то, что жилые западины Пушкарей 1 по своим размерам могут быть отнесены к разным группам, конструктивные особенности остатков жилых объектов демонстрируют между ними гораздо большую степень сходства, чем между пушкарёвским малым жилищем и жилищем Быков 1. По этой причине «жилые западины» рассматриваются по отдельным стоянкам, а не в соответствии с их метрическими признаками.

Пушкари 1.

Большое жилище (рис. 133, А). Представляет собой углублённую в суглинке западину продолговатой вытянутой формы, напоминающей прямоугольник с изломанными границами. Размеры западины: длина - 12 м,

ширина - 4 м, глубина - 20-30 см. Её стенки имели неодинаковый характер. Большая часть северной стенки, а также южная на участке от кв. е-1 до кв. д-6 были очень пологими, остальные - крутыми и даже вертикальными. Уровень пола западины имел небольшое повышение в западном и северном направлениях. Придонное заполнение мощностью 5 см было насыщено большим количеством кремней, мелкими фрагментами кальцинированных костей и костного угля, кусочками минеральной краски. Фаунистические остатки представлены костями мамонта, лошади, северного оленя, волка, песца, бурого медведя. Многие кости были расколоты, имели следы работы инструментов. Были найдены также анатомические группы - часть позвоночника волка (кв. г-1 - г-2), а также кости лапы волка (кв. в-7, б-10 - б-11).

По длинной оси западины на её дне располагались три очага. На дне жилища были исследованы также около 50 ямок, расположенных вокруг очагов, большей частью - вокруг второго очага. По краям жилой западины на кв. а-7, а-4, г,д- 7 и е-1 были вкопаны черепа мамонтов. Их альвеолы уходили в дно западины, а жевательные поверхности зубов были обращены к её наружной границе.

Западина полностью была заполнена скоплением костей мамонтов, состоявшем из бивней, зубов, костей конечностей, лопаток и тазовых. Зубы и бивни преобладали, при этом бивни концентрировались на участках, прилегающих к очагам, некоторые из них лежали непосредственно на углисто-золистом заполнении очагов. Часть бивней была, по предположению П. И. Борисковского преднамеренно расщеплена в продольном направлении. Общее количество бивней, по определению И. Г. Пидопличко и В. В. Карачаровского, составляло 150 экземпляров, а все собранные кости мамонтов могли принадлежать не менее 65 особям. Многие кости подстилались прослойками костного угля и золы. В скоплении находились также многочисленные кремнёвые предметы. Кости не были обожжены и не носили заметных следов обработки. Они принадлежали главным образом взрослым особям мамонта.

Мощность данного скопления составляла около 40 см. В свою очередь, оно было перекрыто слоем суглинка, содержавшего большое количество кремнёвых изделий и редкие фрагменты костей, и костного угля.

Малое жилище (рис. 133, В). По своим структурным особенностям этот объект напоминает одну часть большого жилища (Беляева, 1997, с. 17). Он также связан с жилой западиной, по форме напоминающей четырёхугольник, но меньших размеров (3,5х3,5 м). В северной и восточной части западина была углублена на 30 см, в западной - на 15. По мнению В. И. Беляевой, это связано с тем, что западина врезана в склон небольшой ложбинки (там же, с. 14). Стены западины - крутые, почти вертикальные, дно - плоское, поднимающееся в восточном направлении. Дно окрашено слабо, фиксируются лишь отдельные углистые пятна, насыщенность кремнёвыми предметами очень слабая. В центре западины зафиксирован очаг, а по всей площади западины, на её дне располагались ямки с тёмным и углистым заполнением, отдельными кремнёвыми предметами и обломками костяных изделий. По краям жилой западины располагались остатки черепов мамонтов (Беляева, 1997, с. 16). Сохранились их максилярные части со вкопанными альвеолами. Внешней частью черепа были обращены внутрь жилища, т. е. их ориентировка аналогична той, что была зафиксирована П. И. Борисковским при исследовании большого жилища. На кв. и-107, в западной части западины был найден ещё один череп мамонта. В отличие от других, он лежал на затылочной части. По всему периметру жилой западины, в 20-50 см от её краёв, находились ямы с остатками вертикально стоящих костей конечностей (Беляева, 1997, с. 17). Центральная часть малого жилища была заполнена скоплением костей, которое состояло из четырёх бивней, половины таза, обломков трубчатых костей и позвонка. Бивни были расщеплены в продольном направлении и залегали непосредственно на поверхности очажной линзы (там же, с. 16). Анализируя заполнение «жилой западины», В.И. Беляева выделяет последовательные этапы его накопления, связанные с процессом жизнедеятельности человека, разрушением стенок западины после

того, как она перестала использоваться по назначению, и погребением оплывшей ямы (Беляева, 2002, с. 58-60, 64-66). Очень интересен вывод о том, что скопление костей в центре западины над очагом было сформировано преднамеренно до того, как началось разрушение жилого объекта.

Жилая западина раскопа VII. Имеет округлую в плане форму, размеры в поперечнике по верху – 3,6 × 4 м, глубина – 15-30 см (Беляева, 2021. С. 58). Верх заполнения западины был перекрыт крупными костями мамонта, непосредственно лежавшими на очажном пятне. В скоплении костей выделялись фрагменты бивней, трубчатые кости и лопатки (там же). По этому признаку западина напоминала как малое, так и большое пушкарёвское жилище.

Быки 1 (рис. 133, Б). «Жилая западина», исследованная А.А. Чубуром, отличалась от малого пушкарёвского жилища как формой, так и размерами. Она представляла собой округлый в плане котлован диаметром около 5 м и глубиной около 1 м с частично сохранившимися вертикальными стенками. Автор раскопок зафиксировал два выхода из жилища. Первый примыкал к котловану с западной стороны и выглядел как длинный и узкий лаз глубиной в 70-80 см, который заканчивался ступенчатым расширением. Второй ступенчатый выход располагался в южной-юго-западной части полуземлянки (Чубур. 2001, с. 35). Заполнение «жилой западины» состоит из культурного слоя, образовавшегося соответственно в период обитания людей в полуземлянке, во время разрушения котлована и во время его погребения, и представлено супесями и суглинками (там же). А.А. Чубур рассматривает глинистые линзы на контакте слоёв в разрезе заполнения жилища в качестве остатков рухнувшего перекрытия. В центре котлована располагался очаг с подочажной ямой, а вокруг него, ближе к стенкам котлована – «жилищные» ямы (Чубур, 2001, с. 36-40). В верхней части заполнения были расчищены костные остатки, принадлежавшие мамонту, бизону, шерстистому носорогу, северному оленю. Предположение автора раскопок о возможной принадлежности их к остаткам рухнувшего перекрытия вызывает сомнения

(там же, с. 41). Череп мамонта в центре котлована над очагом вряд ли смог бы занять это место в случае его расположения на самом верху крыши, в расположении остальных крупных костей какой-либо системы не прослеживается (Чубур, 2001, с. 37, рис. 36).

«Вертикально и/или наклонно вкопанные кости животных», не связанные планиграфически непосредственно с очагами, были обнаружены на всех поселениях в бассейне Десны. Характер их расположения, взаимной группировки, выбор конкретных костей позволяет отличить более ранние верхнепалеолитические памятники на этой территории от более поздних. На площади Хотылёвского поселения было обнаружено довольно много подобного рода объектов. Как правило, это две или три преднамеренно расколотые трубчатые кости мамонта, вертикально или под небольшим углом зафиксированные в грунте. Кости вкапывались в грунт острыми концами вниз. Они располагались по периметру окружности, в центре которой находился очаг или кострище либо окрашенная охрой яма, что дало основание рассматривать их в качестве элементов каких-то конструкций жилого или культового характера (Гаврилов, 1998). Помимо трубчатых костей вместе с ними в грунт могли вкапываться рёбра мамонта, иногда преднамеренно сломанные и окрашенные охрой, и фрагменты бивней. Интересно, что расположение по кругу вертикально стоящих костей мамонта, аналогичное хотылёвскому, зафиксировано и на других восточнограветтийских поселениях: Авдеево, Костёнки 1 (сл. 1), Зарайск (Рогачёв, 1953, Рогачёв, 1957; Трусов, 1994), однако центр огороженного таким образом участка не был занят каким-либо объектом. Вертикально стоящие кости находились также и внутри площадок костёнковско-авдеевского типа (Сергин, 1998).

Характер вертикально стоящих костей, найденных при раскопках Пушкарёвского поселения, заметно отличается от того, что было зафиксировано в Хотылёво 2. В Пушкарях 1 вертикально стоящие кости были обнаружены в пределах малой жилой западины или в непосредственной близости от её края. Они представлены крупными трубчатыми костями,

фрагментом бивня и лопаткой. В одном случае анатомическая группа локтевой и лучевой костей мамонта вместе с фрагментом бивня примыкали ко вкопанному черепу мамонта во втором – плечевая кость комбинировалась с фрагментом лопатки (Беляева, 2002, с.100-105). Вертикально стоящие кости также вкапывались. В Пушкарях 1 они располагались суставными частями вниз, а обломанными – вверх. Этот порядок практически идентичен тому, который был зафиксирован на площади Мезинского поселения. Внутри первого жилища И.Г. Шовкопляс открыл четыре группы вертикально стоящих костей, в которые входили бедренные и большие берцовые кости, а также один фрагмент бивня. Трубчатые кости были вкопаны эпифизами в грунт (Шовкопляс, 1965. с. 52-53). Аналогичным образом вкопанные кости располагались по периферии мезинского поселения (там же, с. 62, 79).

Наземные объекты.

Большая часть различных групп наземных объектов, кроме костных конструкций и скоплений охры была зафиксирована при раскопках практически всех верхнепалеолитических памятников Среднего Поднепровья и Подесенья. Этот класс был разделён на следующие группы: скопления, костно-земляные конструкции и отдельные преднамеренно уложенные или поставленные кости.

Скопления. В данной работе мы можем лишь провести самое общее разделение скоплений с учётом состава «элементарного заполнителя». По этому признаку выделяются следующие разновидности: «скопления угля и золы», «скопления кремня», «скопления кости», «скопления охры» и «сложные скопления», которые сочетают в себе две или более разновидностей «элементарного заполнителя». Впрочем, абсолютно чистые скопления, состоящие исключительно из одного вида заполнителя, в реальности составляют исключительно редкое явление и свидетельствуют, скорее, о необычных обстоятельствах их появления. Такими объектами могут

считаться, например, скопления охры внутри первого мезинского жилища (Шовкопляс, 1965, с. 52).

«Скопления угля и золы» самых разных размеров и очертаний были зафиксированы на подавляющем большинстве верхнепалеолитических памятников Поднепровья. Исключение составляет стоянка Семёновка 1 (Nuzhnyi, 2002). Это связано, скорее всего, с функциональной особенностью памятника - места разделки туш убитых животных. По наличию или отсутствию признаков горения на месте расположения таких скоплений их можно разделить на кострища и скопления-выбросы и/или шлейфы, связанные как с кострищами, так и с очагами. Кострища, как правило имели округлую или овальную в плане форму и по своим размерам в поперечнике могут быть разделены, как и очаги, на малые, средние и крупные. Крупное кострище округлой формы было обнаружено в юго-западном секторе периферийной части Хотылёвского поселения. На этом же памятнике было также зафиксировано кострище овальной формы крупных размеров внутри площадки, окружённой вертикально стоящими костями, - предположительно, являющейся остатками жилища (Гаврилов, 1998). Кострища малых, средних и крупных размеров были зафиксированы при раскопках мезинских жилищ. В первом насчитывается три малых кострища, во втором – одно крупное и одно среднее (Шовкопляс, 1965; Сергин, 1987). В обоих случаях кострища располагались ближе к границам костно-земляных конструкций. В первом жилище две из четырёх вертикально стоящих костей находились у края кострищ: одна - у северо-восточного края северо-западного кострища, вторая – юго-западного края юго-восточного кострища (Сергин, 1987, с. 18-19, рис. 5). Возможно, кострищами являлись и три углисто-золистых скопления довольно крупных размеров, которые были обнаружены к востоку и югу от второго мезинского жилища (по В.Я. Сергину). Внутри третьего юдиновского жилища также располагалось средних размеров кострище, смещённое в плане к западной границе костно-земляной конструкции (Абрамова, 1995, с. 36-43).

На территории Добраничевского поселения кострища располагались за пределами жилищ аносовско-мезинского типа. Большинство из них отличалось крупными размерами, кроме небольшого кострища к западу от второго жилища. Примечательно, что все кострища были найдены к западу и юго-западу от костно-земляных конструкций.

Скпления-выбросы и/или шлейфы, состоявшие в основном из костного угля, известны для Хотылёвского поселения. Они характеризуются неправильными в плане очертаниями и вытянутой формой. Ширина их составляла около 1 м, длина не превышала 2 м. Один из таких шлейфов был зафиксирован к северо-северо-востоку от предположительных остатков первого жилища (Гаврилов, 1998). Второй располагался в юго-западной части периферийной зоны, которая прилегала к насыщенному участку, изученного Ф.М. Заверняевым. Однако прилегающие к этому скоплению участки вскрыты ещё не полностью и судить о его месте в пространственной структуре периферии поселения пока затруднительно. Многочисленные углисто-золистые скопления известны и для Авдеевского поселения, однако о их размерах, форме и пространственном положении опубликовано очень немного сведений. Известно, что они располагались внутри площадок, имели локальный характер и были связаны в большинстве случаев с центральной линией очагов (Grigor’ev, 1993). У северо-западной границы третьего юдиновского жилища было зафиксировано углисто-золистое пятно с размерами 1,35х1,30 м (Абрамова, 1995, с. 34). З.А. Абрамова интерпретировала его в качестве остатков очага. Однако находившиеся в нём кости и пластины, вырезанные из бивня мамонта, не имели следов обожжённости. Заполнение пятна отличалось неоднородностью и слоистостью. Данный объект может рассматриваться как скопление-выброс, а не очаг или кострище.

«Скопления кремня» являются самой массовой разновидностью археологических объектов. Как и в предыдущем случае, исключением

является стоянка Семёновка 1. Они различаются между собой по размерам, плотности находок, чёткости границ и составу расщеплённых кремней. Классификация скоплений кремня по последнему признаку была проведена Н.Б. Леоновой (Леонова, 1977), которая выделила несколько групп «производственных центров» и скоплений, связанных с изготовлением и использованием орудий. Решающим критерием служило преобладание тех или иных классов предметов: первичных сколов, нуклеусов и сколов их подработки или определённых категорий орудий. К сожалению, имеющиеся публикации не позволяют провести полноценный сравнительный анализ кремнёвых скоплений поднепровских верхнепалеолитических памятников. В настоящее время доступной является информация о составе скоплений на таких памятниках как Чулатово 2, Юдиново 1 и Быки 1 (Леонова, 1977; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Чубур, 2001). Анализ качественного состава скоплений кремнёвых предметов до сих пор является одной из наиболее актуальных задач для исследований верхнего палеолита Русской равнины.

«Скопления угля и кремня» по своим особенностям примыкают к скоплениям-выбросам, состоящим преимущественно из костного угля и золы. Они могли иметь как неправильные в плане очертания, так округлые или овальные. Площадь таких скоплений составляла, как правило от 3 до 6 м^2. Подобные объекты были зафиксированы на площади Хотылёвского поселения возле упомянутого выше малого очага со столбовыми ямками, а также на Пушкарёвском поселении возле жилищ и очага за пределами жилых западин (рис. 132, Б и В). Характерно, что три из четырёх скоплений, зафиксированные у жилых западин в Пушкарях 1, располагались к северу от них прямо напротив очагов и только одно – к юго-востоку от длинной западины. Ориентировка аналогичных скоплений у хотылёвского и пушкарёвского очагов иная – северо-восточная. Именно северо-восточные стенки этих очагов отличались более пологим характером поверхности. Скопление из угля и кремня было

также найдено при изучении остатков жилого объекта Гонцовского поселения (горизонт k, рис. 132, А), располагаясь к востоку, с некоторым южным смещением, от очага (Левицький, 1949, с. 207-209). В отличие от хотылёвского и пушкарёвских, гонцовское скопление характеризовалось невысокой плотностью залегания кремнёвых изделий, однако эта же черта была присуща всей площади распространения горизонта k.

«Скопления кости», как и скопления кремня, отличаются друг от друга размерами, плотностью залегания находок, чёткостью границ и составом находок. И точно так же, как и в случае со скоплениями кремня, их классификация в настоящее время возможна только по самым общим значениями указанных признаков. С учётом опубликованных данных, возможно выделение следующих вариантов: рассеянные скопления целых и фрагментированных костей типа кухонных отбросов; рассеянные скопления целых костей, связанные с разделкой туш животных; рассеянные скопления преднамеренно отобранных целых костей; плотные скопления преднамеренно отобранных целых костей. Скопления костей типа кухонных отбросов относятся в какой-то степени к разновидности «элементарного заполнителя», который присутствует на большинстве памятников верхнего палеолита. Его отсутствие может объясняться либо специфическими условиями сохранности культурного слоя, либо особым функциональным назначением памятника. Во всяком случае, малая плотность такого рода «элементарного заполнителя» на памятниках с удовлетворительными условиями сохранности культурных остатков отмечена на стоянках Радомышль и Семёновка 1 (рис. 134). И именно для этих же памятников характерно присутствие другого рода скоплений, связанных с разделкой туш животных и преднамеренным складированием отдельных крупных костей мамонта.

Радомышльская стоянка известна как один из наиболее ранних памятников верхнего палеолита Русской равнины, на котором были зафиксированы столь крупные скопления костей мамонта. По данным

радиоуглеродного датирования она может рассматриваться как синхронная памятникам замятнинской археологической культуры. И.Г. Шовкопляс рассматривал радомышльские объекты в качестве остатков жилых конструкций. Однако особенности данных скоплений не позволяют принять эту точку зрения.

За годы работ в районе г. Житомир И. Г. Шовкопляс обследовал четыре пункта, как он предполагал, единой Радомышльской стоянки. Каждый из таких пунктов располагался на холмообразных возвышениях высотой 2-3 м над окружающей поверхностью. Их диаметр составлял от 20 до 40 м, расстояние между холмами - от 50 до 100 м. Все местонахождения связаны с правым берегом сильно заплывшей балки, которая впадала в р. Тетерев примерно в 3 км к северу от Радомышля (Шовкопляс,1964).

Первый, второй и четвёртый пункты, по мнению И.Г. Шовкопляса, были раскопаны им полностью или почти полностью. Третье местонахождение обследовано лишь частично. Наиболее полное представление о культурном слое Радомышльской стоянки даёт первый пункт, на котором лучше всего сохранились костные остатки. На остальных степень их сохранности очень низка, особенно в четвёртом местонахождении.

Культурный слой первого пункта представлен фаунистическими остатками и скоплениями предметов из кремня. Подавляющее большинство костей принадлежит мамонту - 1142 экземпляра от 46 особей (подсчёты Н. Л. Корниец). Шестнадцать из этих особей отнесены Н. Л. Корниец к молодым и полувзрослым. Были найдены также кости от одной особи лошади, северного оленя и зубра. Большинство костей мамонта залегало в виде скоплений. И. Г. Шовкопляс выделял семь таких скоплений, одно из которых под номером VI, по его мнению, находилось в яме, уже упоминавшейся выше.

Скопление I (кв. 34-36, 47-49, 60-61, рис. 134, Б) имело вытянуто-овальную форму размерами 5х3 м. Кости залегали очень компактно. Внутренняя часть скопления состояла в основном из лопаток и, в меньшей степени, тазовых костей. На кв. 46 и 49 были найдены фрагменты черепов,

лежавшие на лобных костях. Бивни, нижние челюсти и трубчатые кости не образовывали каких-либо компактных групп внутри скопления. И. Г. Шовкопляс вовсе не упоминает о позвонках и позвоночных столбах. По его сведениям, плоские кости нередко перекрывали трубчатые, однако значительная часть последних располагалась также в верхней части скопления. Судя по чертежам, имеющимся в отчётах И. Г. Шовкопляса, трубчатые кости распространены были практически по всей площади скопления, а вот рёбра опознаются только в её северной части. Впрочем, качество чертежей таково, что значительную часть костей внутри скопления, то есть в самом насыщенном месте, определить просто невозможно. Под костями И. Г. Шовкопляс отметил наличие значительного количества костного угля, оставшееся, по его предположению, от разрушенного кострища. Мощность этой углистой прослойки не указана ни в публикации, ни в отчётах. Аналогичные прослойки находились под костями и в других скоплениях, хотя в каких именно - не указано (Шовкопляс, 1964, с. 93). Отсутствуют эти указания и в отчёте.

Скопление II (кв. 6-8, 19-21, 33-34, рис. 134, Б) непосредственно примыкало к первому. Оно также имело вытянуто-овальную форму, размеры - 6х4 м. На кв. 33 и 34 зафиксированы нижние челюсти, тазовые и черепные кости. Черепные кости были найдены также на границе кв. 6 и 19. Они являлись частью наиболее плотного участка скопления, по преимуществу состоявшего из плоских костей - тазовых и лопаток. Вообще, плоские и трубчатые кости, а также нижние челюсти, судя по характеристике И. Г. Шовкопляса, превалируют в данном скоплении. На плане зафиксированы также два бивня на кв. 33 и 21, а также один позвонок на кв. 21. Все кости расположены беспорядочно.

Вокруг первого и второго скоплений, а также частично внутри них располагались зубы мамонтов.

Скопления III (кв. 28-30, 15-17 и 41-43) и IV (кв. 14-15 и 27-28), строго говоря, не могут рассматриваться как крупные скопления. Скорее всего, это

разрозненные группки костей и просто отдельные кости, расположенные рядом с этими группами. В основном, они представлены лопатками, тазовыми, костями конечностей. Из последних практически полностью состоит так называемое четвёртое скопление. В третьем же зафиксированы также череп, лежавший на лобных костях (кв. 43), нижние челюсти (кв. 41-42, 29-30) и бивень (кв.29-30).

Скопления V (кв. 41-43, 54-55) и *VII* (кв. 88-89, 102-103, 114-115) занимают промежуточное положение по степени насыщенности костным материалом между первым и вторым скоплениями с одной стороны, а также третьим и четвёртым - с другой. Состав костей характеризуется преобладанием трубчатых и плоских. В пятом скоплении на кв. 42 зафиксирован череп мамонта, лежащий на лобных костях. Особенностью седьмого скопления, по данным И. Г. Шовкопляса, является присутствие довольно значительного сплетения длинных рёбер мамонта.

Нет никаких оснований соглашаться с интерпретацией И. Г. Шовкопляса данных скоплений как остатков жилищ. В расположении костей не наблюдается сколько-нибудь заметной системы, какие-либо конструктивные элементы не выделяются. Утверждение исследователя памятника о том, что большинство трубчатых костей в скоплениях располагались радиально, а наиболее крупные и тяжёлые из них группировались по краям скоплений, не соответствует реальному расположению фаунистических остатков, зафиксированному на планах. Скорее всего, углистые прослойки под костями являются не остатками разрушенных кострищ, а частью окрашенного культурного слоя.

Культурный слой стоянки Семёновка 1 был сконцентрирован на площади 9 м^2 и состоял из двух скоплений костных остатков (рис. 134, А). Одно из них может быть отнесено к рассеянным скоплениям преднамернно отобранных костей, связанных с разделкой туш животных, а второе – к плотным скоплениям преднамеренно отобранных целых костей. Первое скопление состояло из костных остатков бурого медведя, второе –мамонта,

преимущественно бивней, плоских и трубчатых костей (Nuzhnyi, 2002, pp. 123-125). Скопление костей мамонта типологически аналогично радомышльским и отличается от них только отсутствием черепов мамонта. Д.Я. Нужный рассматривает стоянку Семёновка 1 как временный охотничий лагерь и место разделки туш убитых животных.

«Скопления охры» как самостоятельный археологический объект практически неизвестны. Они фиксировались в сочетании с другими объектами либо в виде крупных пятен - окрашенных площадок, либо в виде собственно скоплений. Крупные пятна охры были зафиксированы на площади Хотылёвского и Гонцовского (горизонт k) поселений. В Хотылёво 2 было вскрыто пять крупных пятен охры. Четыре из них были обнаружены в центральной части поселения, изученной Ф.М. Заверняевым (Гаврилов, 1998). Три скопления располагались на дне ям, имевших блюдообразную форму, глубиной от 0,15 до 0,20 м. Это были линзы минеральной краски красно-коричневого цвета диаметром от 1,1 до 1,3 м, мощностью от 3 до 5 см. Две из них зафиксированы к северо-востоку от крупного скопления костного угля, кремня и фаунистических остатков, связанного с большим очагом с вертикально стоящими костями. Третье скопление было обнаружено к северо-западу от этого же скопления и занимало центральное место на площадке, окружённой вертикально стоящими костями. Ещё одно скопление минеральной краски было обнаружено при изучении ямы 7 раскопа № 5. Эта яма была расположена с юго-юго-западной стороны от очага № 1, имела вытянутую форму размерами: 1,4Х1,0Х0,25 м. Ярко-коричневая или красноватая краска тонким слоем покрывала всё дно ямы. В отличие от предыдущих случаев, яма 7 была почти полностью заполнена костями. Данный объект относится к остаткам предполагаемого первого жилища. Последнее скопление имело округлую форму диаметром около 2 м и мощностью от 5 мм до 1 см, и подстилало иное скопление угля и кремня у малого очага со столбовыми ямками.

На участке горизонта k Гонцовского поселения площадка, окрашенная охрой, являлась составной частью жилого объекта. Она имела округлую в плане форму диаметр около 3 м, в центре которой располагался очаг со столбовыми ямками. Столбовые ямки были зафиксированы и по периметру этого объекта (Левицький, 1949, с. 207-210). На поверхности окрашенной охрой площадки располагались небольшие скопления кремнёвых изделий.

В отличие от предыдущих случаев, скопления охры, обнаруженные на Мезинском поселении, имели компактный характер и содержали гораздо больше красящего вещества. И.Г. Шовкопляс отметил, что эти скопления содержали по 2-3 кг чистой охры и располагались четырьмя кучками внутри первого жилища (Шовкопляс, 1965, с. 52).

«Сложные скопления» включают в себя все разновидности «элементарного заполнителя». В литературе они получили различные наименования: «производственный центр» (Шовкопляс, 1965), «точок» (Пидопличко, 1976), но, во всяком случае, механизм их происхождения мог быть различным. И.Г. Шовкопляс компактные округлые скопления подобного рода, которые располагались над ямами-хранилищами первого хозяйственно-бытового комплекса Мезинской стоянки, рассматривал в качестве очагов (Шовкопляс, 1965, с. 58-59). Однако признаков горения на местах расположения этих скоплений зафиксировано не было, поэтому они могут рассматриваться и как результат выброса. Сложные скопления Фастовской стоянки – результат очистки кострищ, производственной деятельности, а также приготовления и потребления пищи (Шовкопляс, 1956, с.69-70). Аналогичный характер имеют «зольники» Хотылёвского и Елисеевичского поселений, отличительной чертой которых являются их значительные размеры (Поликарпович, 1968; Гаврилов, 1998). Близки к ним по своему характеру сложные скопления, зафиксированные за пределами аносовско-мезинских жилищ на поселениях среднеднепровского типа, однако они имеют небольшие размеры – от 1 до 8 м^2. Эти-то скопления и получили названия

«производственный центр» или «точок».

Костные конструкции. Эта группа объектов состоит из трёх разновидностей: «упорядоченно сгруппированные кости», «заслоны», «конструкции жилищ аносовско-мезинского типа». Все перечисленные разновидности объединяет упорядоченность укладки костей мамонта, однако существование их во времени неодинаково. Первые две в том или ином виде были зафиксированы на поселениях первой половины поздневалдайского времени (Хотылёво 2, Авдеево, Пушкари 1). Последняя составляет одну из самых характерных особенностей верхнепалеолитических памятников Среднего Поднепровья и Подесенья, которые относятся к периоду второй половины позднего Валдая.

«Упорядоченно сгруппированные кости», которые были обнаружены при раскопках Хотылёвского поселения, состояли из небольшого количества фаунистических остатков (Гаврилов, 1998). Вариантов группировок было несколько, причём отчётливо видна парность в группировке костей. В одном случае это были две нижние челюсти мамонта, уложенные таким образом, что одна из ветвей одной челюсти, меньшей по размеру, располагалась между ветвями более крупной челюсти. В другом случае были зафиксированы две лопатки мамонта, одна из которых частично налегала на другую. Лопатки были сориентированы суставными частями в противоположные стороны. Под одной из них находилась “лопаточка” из ребра мамонта с нарезками. В третьем Ф.М. Заверняев вскрыл два черепа мамонта, вкопанных альвеолами в грунт. Ещё одна пара вкопанных черепов залегала в комбинации с тазовой костью и двумя рёбрами мамонта, а также черепом пещерного медведя. Помимо этих групп на площади Хотылёвского поселения были зафиксированы и отдельные черепа мамонтов, также вкопанные альвеолами в грунт. Все они располагались в непосредственной близости от очагов или остатков жилых и культовых объектов. На площади Авдеевского поселения известны группы трубчатых костей мамонта, уложенных «поленницей», а также группы бивней,

образовывавших скопление в виде «костра». Обе эти разновидности были приурочены к верхам заполнения «землянок» (Булочникова, 1998в). Упорядоченность среди преднамеренно сгруппированных костей Пушкарёвского поселения проявлялась в их ориентировке по отношению к пространству жилых западин. Вкопанные черепа мамонтов и вертикально стоящие кости располагались по периметру жилищ, а центральную часть занимали скопления преднамеренно отобранных костей, среди которых особо выделялись бивни (Борисковский, 1953; Беляева, 2002). Наиболее выразительным было такое скопление в центре малого жилища, основу которого составляло перекрестие бивней (Беляева, 2002, с. 83). Как и в Хотылёво 2, один из вкопанных черепов в малом жилище комбинировался с другими костями мамонта.

«Заслоны» представляют собой крупные скопления костей мамонта вытянутой формы, в определённом порядке уложенных или вкопанных в грунт. Они могут залегать как отдельный объект или быть в планиграфической связи с «жилищами» аносовско-мезинского типа. В первом варианте эта разновидность объектов была встречена при раскопках стоянки Тимоновка 2 (Величко, Грехова, Губонина, 1977). Во втором варианте она характерна для Юдиново 1 (первое и четвёртое «жилища», рис. 11) и Мезина (первое «жилище») (Сергин, 1974; Абрамова, 1995; Шовкопляс, 1965; Пидопличко, 1969). Конструктивной основой «заслонов» служили вкопанные или определённым образом уложенные черепа мамонтов, рядом с которыми или на которые укладывались остальные кости мамонтов. В группировке крупных костей в некоторых случаях прослеживалась определённая ритмика. В первом юдиновском «жилище» трубчатые кости заслонов были уложены в виде «поленниц» (Поликарпович, 1968) (рис. 135, А). Такие же «поленницы» были зафиксированы и в костной конструкции четвёртого юдиновского «жилища» (Абрамова, 1995). Одна из таких «поленниц» примыкала к вытянутой в плане северной секции этого объекта, а вторая – к расположенной с северо-востока группе черепов мамонта. Обе группы примыкали к расположенным по дуге

черепам, плоским и трубчатым костям мамонтов (рис. 135, Б). Оценить планиграфическое значение этих секций очень сложно из-за того, что четвёртое жилище вскрыто не полностью. Тем не менее, северная, вытянутая, группа костей мамонта может быть внешним ограждением, аналогичным тому, которое имелось у первого юдиновского «жилища». В «заслоне» мезинского первого «жилища» ритмичность в расположении костей была выражена не столь явно, только в одном случае: по сторонам от черепа № 6 располагались в вертикальном положении крупные тазовые кости мамонта (Шовкопляс, 1965, с. 54, 55).

«Конструкции жилищ аносовско-мезинского типа». Несмотря на то, что эта разновидность объектов имеет ярко выраженную культурно-хронологическую специфику, способ укладки костей мамонта в упорядоченно сгруппированных костях Хотылёво 2 и Авдеево принципиально не отличается от того, что зафиксировано во внешнем ограждении «жилищ» аносовско-мезинского типа. Исключение составляет только укладка бивней «костром».

В своей обзорной работе З.А. Абрамова провела детальный сравнительный анализ аносовско-мезинских «жилищ» (Абрамова, Григорьева, 1997). Сравнение было осуществлено с учётом семи признаков: размеры жилища, количество использованных при строительстве костей, характер жилища по отношению к окружающей почве, форма, особые конструктивные детали, наличие и расположение входа, наличие очага. Характерно, что применение каждого признака в отдельности приводит к изменению степени сходства жилищ тех или иных памятников. Например, углублённые жилища отличаются друг от друга своими размерами. Корреляция в данном случае прослеживается лишь между первым юдиновским и аносовским «жилищами», однако они отличаются по особым конструктивным деталям. Наиболее интересно то, что группы «жилищ» одного поселения между собой сходны в большей степени, чем с «жилищами» других поселений.

А.Н. Рогачёв и И.Г. Пидопличко при изучении аносовского и межиричских «жилищ» обратили внимание на особенности укладки

различных крупных костей мамонта во внешних ограждениях (Рогачёв, 1962, Рогачёв, 1970; Пидопличко, 1976). Ритмичность укладки костей в четвёртом межиричском «жилище» дала основание М.И. Гладких сделать вывод о наличии в верхнем палеолите Поднепровья архитектуры и сакральном характере подобного рода укладок (Гладких, 1999). З.А. Абрамова отметила, что конструктивные особенности имеет каждое «жилище» даже в пределах одного поселения. Этот признак может быть использован для более детального сопоставления костных конструкций.

Сравнительный анализ особенностей укладки преднамеренно отобранных групп костей мамонта позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, «жилища» аносовско-мезинского типа, если их несколько в пределах одного поселения (Юдиново 1, Добраничевка, Межирич) могут отличаться друг от друга по плотности и процентному соотношению различных частей костного скелета мамонта, по форме и размерам, однако способы укладки одних и тех же костей в пределах одного поселения остаются очень близкими. Во-вторых, специфика костной конструкции «жилища» проявляется в способах укладки костей, относящихся прежде всего к так называемому внешнему ограждению, которые в свою очередь зависят от ориентации по отношению к центру «жилища» и взаимного расположения костей различных частей скелета. В третьих, таксономическое значение, выявляющее индивидуальную специфику памятника, имеет тот или иной способ укладки определённого рода костей. По этому признаку среднеднепровские «жилища» аносовско-мезинского типа могут быть разделены на несколько вариантов.

К первому варианту относятся «жилища» №№ 1 и 4 Юдиново 1 (рис. 135). Для них характерны следующие специфические признаки: черепа мамонтов группировались по 2, 3 и 5, вкапывались наклонно альвеолами в грунт или укладывались на лобные кости и обычно ориентировались лицевой частью к центру; пространство между черепами заполнялось группами отдельно уложенных бивней, позвоночных столбов, трубчатых костей, а также тазовыми костями в сочетании с лопатками или анатомическими группами

конечностей. Группы преднамеренно отобранных позвоночных столбов и трубчатых костей («поленницы») всегда ориентировались вдоль внешнего ограждения. Для укладки лопаток характерны их взаимная ориентация суставными впадинами в противоположных направлениях, преднамеренная фрагментация крыльев, а также наличие пробитых отверстий в крыльях и спинных гребнях. Второй вариант (рис. 136) составляют «жилище» № 3 Юдиново 1 и «жилище» Гонцовского поселения, исследовавшееся И.Ф. Левицким и В.Я. Сергиным (Левицький, 1949; Сергин, 1981; Сергин, 2025). От первого его отличает лишь отсутствие «поленниц», тогда как взаимное расположение черепов, бивней и лопаток мамонта аналогично тому, которое характерно для первого варианта.

«Жилища» аносовско-мезинского типа, зафиксированные при раскопках Мезинского и Добраничевского поселений, возможно, относятся к самостоятельным вариантам. Черепа мамонтов в «жилищах» названных памятников имеют более разнообразную ориентацию по отношению к центру, между черепами группируются тазовые и трубчатые кости, в меньшей мере – лопатки, которые в основном сосредоточены во внутренней части. Трубчатые кости не образовывали крупных скоплений и были радиально ориентированы по отношению к центру жилища. В мезинском «жилище» у лопаток были отбиты спинные гребни (Шовкопляс, 1965). Индивидуальной особенностью добраничевского «жилища» № 1 является концентрация на ограниченном участке 18-ти нижних челюстей и около 30-ти бивней мамонта, которые примыкали ко внешнему ограждению (Пидопличко, 1969).

Особой индивидуальностью отличаются аналогичные объекты Межиричей (рис. 137). Черепа мамонтов в жилищах этого поселения также характеризуются разнообразной ориентировкой по отношению к центру конструкции. Как правило, они вкапывались группами по нескольку штук. Между черепами укладывались лопатки, тазовые, позвоночные столбы, трубчатые кости и нижние челюсти мамонтов. Позвоночные столбы, трубчатые кости и нижние челюсти образовывали скопления из многих

преднамеренно отобранных и уложенных предметов. Позвоночные столбы укладывались с наклоном, иногда весьма сильным, в плане были радиально ориентированы. Трубчатые кости укладывались с небольшим наклоном, плотно друг к другу, в плане были ориентированы к центру «жилища». Нижние челюсти укладывались наиболее специфично, «лесенкой» или «сосенкой» (Пидопличко, 1976): их скуловые дуги вставлялись в подбородочные выемки, при этом нижние поверхности были обращены к наружной стороне конструкции. Уложенные таким образом, нижние челюсти могли образовывать пояс в несколько ярусов вдоль определённого участка внешнего ограждения. Первое, второе и четвёртое межиричские «жилища» могут быть отнесены к отдельным вариантам, между которыми, однако, прослеживается сходство именно в способах укладки определённых групп костей мамонта (Гладких, 1999). Однако третье межиричское «жилище» имеет группу трубчатых костей, уложенных аналогично «поленницам» во втором юдиновском «жилище» (рис. 138). Четвёртое межиричское «жилище» обнаруживает сходство с аносовским по принципу использования нижних челюстей во внешнем ограждении.

С характеристикой аносовско-мезинских «жилищ» связан вопрос о наличии подобной конструкции на площади поселения Елисеевичи 1, возникший из-за неполного состава имевшейся в распоряжении исследователей полевой документации 1935 и 1936 гг. К.М. Поликарпович, открывший первое юдиновское «жилище» через двенадцать лет после раскопок в Елисеевичах, не оставил на этот счёт никаких замечаний. Во время исследований Елисеевичского поселения в тридцатые годы прошлого века он основное внимание уделил так называемому «ходу»(Поликарпович, 1968). Работами Л.В. Греховой было установлено, что «ход» представлял собой остатки костной конструкции, разрушенной палеокриогенными деформациями (Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997). В.Я. Сергин предположил, что остатки аносовско-мезинского «жилища» могли находиться в центральной части раскопа 1935 г. к юго-востоку от «хода» (Сергин, 1975).

Однако эта гипотеза не подтвердилась после того, как Л.В. Грехова на основании результатов обработки архивных материалов К.М. Поликарповича установила, что на этой площади располагалась яма-хранилище (Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997). Тем не менее, приведённые ею данные о составе скопления фаунистических остатков к северо-западу от «хода» на площади раскопа 1936 г. позволяют считать, что и на этом участке могла существовать какая-то костная конструкция. Скопление было вытянутой в плане формы, ориентировано по линии северо-восток – юго-запад и включало в себя, помимо бивней, плоских и трубчатых костей, 12 черепов мамонта (там же, с. 113). Всё это напоминает «заслоны», однако состояние источников таково, что в данном случае мы вынуждены удовлетвориться только предположениями.

***

Анализ археологических объектов среднеднепровских и деснинских верхнепалеолитических памятников позволяет сформулировать определение понятий «стоянка» и «поселение» для территории приледниковой зоны Восточной Европы, которое опирается на характер структурных особенностей их культурных слоёв. Поселение определённого хозяйственно-культурного типа включает в себя в виде взаимосвязанной системы большинство групп археологических объектов, известных для памятников этого же ХКТ. Стоянка, в свою очередь, характеризуется присутствием в её культурном слое отдельных разновидностей археологических объектов, выделяемых внутри известных для данного ХКТ групп. Соответственно, для хозяйственно-культурного типа охотников на мамонтов приледниковой зоны Восточной Европы структурообразующими элементами поселений являются как группы углублённых, так и наземных объектов, а стоянок – разновидности различных групп преимущественно наземных объектов.

Археологические объекты, так же как кремнёвый и костяной инвентарь, могут быть использованы для характеристики культурной специфики памятников. Хотылёвское, Авдеевское и Пушкарёвское поселения отличаются

друг от друга присущим только им сочетанием структурообразующих элементов. Такой же степенью отличия обладают и поселения среднеднепровского типа. Таксономическая одноуровневость между ними и памятниками костёнковско-авдеевского типа вызвана прежде всего повторяемостью этих двух видов поселений на территории Русской равнины. Однако, в отличие от площадок костёнковско-авдеевского типа, среднеднепровские хозяйственно-бытовые комплексы характеризуются большей степенью проявленности индивидуальных черт.

Принципиальное сходство в упорядоченной укладке преднамеренно отобранных костей, которое прослеживается на материалах таких памятников как Хотылёво 2, Пушкари 1 и поселений среднеднепровского типа, свидетельствует о том, что история формирования костных конструкций жилищ аносовско-мезинского типа уходит своими корнями во время распространения восточного граветта. Эти яркие объекты не могут рассматриваться как феномен, внезапно возникающий на территории Восточной Европы после поздневалдайского климатического минимума. Подробнее этот вопрос рассматривается в следующей главе.

Поднепровские и деснинские стоянки, как и поселения, также могут быть распределены на несколько групп в зависимости от особенностей их структуроопределяющих элементов. Стоянки Радомышль и Семёновка 1 сближаются между собой благодаря открытым на их площади плотным скоплениям крупных костей мамонта, преднамеренно отобранных и уложенных без видимой упорядоченности. Эти же памятники имеют и рассеянные скопления фаунистических остатков, которые могут свидетельствовать в том числе и о разделке на их территории туш убитых животных. Последний тезис нуждается, однако, в подтверждении соответствующими археозоологическими исследованиями.

Стоянки Чулатово 2 и Семёновка 2 характеризуются прежде всего крупными скоплениями кремнёвых предметов. Стоянка Фастов стоит несколько особняком, поскольку её пространственная структура определяется

наличием кострищ и связанных с ними сложных скоплений.

Некоторые археологические объекты были зафиксированы на памятниках с различной культурной спецификой. К ним относятся вкопанные вертикально или наклонно кости мамонта, группы преднамеренно уложенных крупных костей мамонта, очаги хотылёвско-пушкарёвского типа, а также – жилищные ямы и ямки.

Очаги хотылёвско-пушкарёвского типа, жилищные ямы и ямки характеризуют прежде всего остатки жилых объектов и отличаются постоянством своих характерных черт вне зависимости от хронологической позиции памятника, на которых их удалось зафиксировать. Распространённость подобного рода структурных элементов культурного слоя на поселениях Подесенья в течение всего поздневалдайского периода является одной из тех черт, которая характеризует принадлежность рассмотренных нами памятников к единому хозяйственно-культурному типу охотников на мамонтов приледниковой зоны Восточной Европы.

Группы преднамеренно уложенных костей мамонта, а также вкопанные кости мамонта имеют иной археологический контекст, отличный от того, который характерен для остатков жилых объектов. Однако и они были зафиксированы на разнокультурных и разновременных стоянках Днепро-Деснинского бассейна. Существенным моментом в их структурной организации является то, что они имеют сходство с отдельными секциями костно-земляных конструкций так называемых жилищ аносовско-мезинского типа. Этот факт заставляет по-новому посмотреть на проблему их интерпретации и происхождения.

Глава 8
Проблема происхождения и интерпретации «жилищ» аносовско-мезинского типа

Хотя существование жилищ из костей мамонта в верхнем палеолите Восточной Европы после LGM многими исследователями признается как доказанный факт (Рогачев, 1955; Шовкопляс, 1965; Пидопличко, 1969; Soffer, 1985; Попов, 2003-2004; Iakovleva, Djindjian, 2005), этот вопрос не является закрытым. Жилища аносово-мезинского типа, на первый взгляд, выглядят одиноко на общем фоне европейских верхнепалеолитических стоянок, являясь своеобразной «визитной карточкой» позднего верхнего палеолита Среднерусской равнины. Эти группы памятников не одновременны. Если эпиграветтские стоянки в бассейне Среднего Днепра и Десны, на которых зафиксированы костно-земляные конструкции аносовско-мезинского типа, периодом 15 - 12 тыс. ^{14}C л.н. (некал.), то аналогичные объекты замятнинской культуры – существенно древнее: около 20-19 тыс. ^{14}C л.н. (некал.) (Бессуднов, 2019; Pryor et al., 2020). Кроме того, более ранние конструкции также и крупнее по размерам (Абрамова, 1997а; Дудин, Федюнин, 2019).

Этот тип археологического объекта представляет собой скорее комплекс разнообразных археологических объектов меньшего масштаба и сложности. Помимо костной структуры, в этот комплекс входят ямы, располагавшиеся вдоль её внешнего контура, а также культурный слой под костной конструкцией. Эти объекты объединяются в единый комплекс только планиграфически. Несмотря на длительную историю исследований, у нас до сих пор недостаточно археологических данных об аносово-мезинских жилищах, особенно – о стратиграфии культурных отложений внутри этого комплекса.

Результаты раскопок Юдиновской стоянки, проводившиеся под руководством З.А. абрамовой, побудили её при их публикации написать обзорную статью, посвященную палеолитическим жилищам и поселениям

Русской равнины (Абрамова, 1997а). В одном из разделов этой работы, который называется «Характеристика жилищ аносовско-мезинского типа», был сформулирован ряд положений, принципиально важных для их изучения. Основным из них является вывод о том, что «жилища» аносовско-мезинского типа «составляют культурно-этнографическое единство» (Абрамова, 1997а. С. 62). З.А. Абрамовой подчеркивалась вариабельность конкретных объектов внутри этой группы, которая прослеживалась по целому ряду признаков, например, размеры, количество использованных костей, конструктивные детали и т.п. (Абрамова, 1997а. С. 56). Наконец, важным замечанием З.А. Абрамовой следует считать тезис о том, что ямы вокруг костно-земляных конструкций, несмотря на то, что они входят в структуру жилищных комплексов, не имеют непосредственного отношения к собственно жилищам (Абрамова, 1997а. С. 55).

Положения, сформулированные З.А. Абрамовой, подчеркивают важность изучения внутренней структуры собственно костного скопления «жилищ» аносовско-мезинского типа. Не случайно сами эти обьекты были выделены А.Н. Рогачевым в самостоятельный тип на основании присутствия таких скоплений (Рогачев, 1962). Явно выраженный подбор костей, преднамеренность в их группировке, размер скопления — все это служило для А.Н. Рогачёва основанием в пользу вывода о том, что подобного рода обьекты являются развалом жилищных конструкций.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что трактовка крупных упорядоченных костных структур как остатков конструкций жилищ является скорее данью историографической традиции, а не основана на специальном анализе археологических источников. История изучения этих объектов насчитывает более столетия. Первое костное скопление, позднее отнесённое к остаткам жилища, было обнаружено на стоянке Гонцы в 1905 году. Показательно, что во время раскопок Гонцовской стоянки В.М.Щербаковский и В.А. Городцов, руководившие полевыми работами, обратили внимание на особенный подбор и взаимное расположение костей (Щербаківськiй, 1919;

Городцов, 1926). Однако ими не был сделан вывод, что данное скопление представляет собой остатки жилищной конструкции, хотя, вероятно, этот вопрос обсуждался (Гавриленко, 2011). Крупные скопления костей археологи того времени склонны были считать или результатом ритуальной, культовой, деятельности, или рассматривали их как свалку кухонных отбросов (Городцов, 1923). То, что люди палеолитической эпохи на территории Восточно-Европейской равнины, да еще и в достаточно суровых климатических условиях, должны были жить в жилищах, не вызывала сомнений. Этот вопрос рассматривался уже в конце XIX в. И.С. Поляковым и В.В. Хвойко (Аникович и др., 2011). Но вплоть до раскопок С.Н. Замятнина в Гагарино (Замятнин, 1929), а также статьи П.П. Ефименко «Значение женщины в ориньякскую эпоху» (Ефименко, 1931) проблема жилищ не являлась одной из определяющих в отечественных исследованиях палеолитических поселений.

Причины такого хода развития научной проблематики подробно рассмотрены в историографической литературе (Платонова, 2010). Отчасти этот поворот в направлении исследований палеолитических поселений был вызван необходимостью внедрить марксистскую парадигму в археологическую науку на рубеже 1920-1930-х гг., однако и само внутреннее развитие отечественного палеолитоведения подводило археологов к интерпретации археологических объектов, подобных найденным в Гагарино и Костёнках 1, как остатков жилищных объектов. К тому времени, когда были открыты конструкции, отнесенные А.Н. Рогачевым к жилищам аносовско-мезинского типа: в Юдиново (Поликарпович, 1968), Мезине (Шовкопляс, 1965), Добраничевке (Шовкопляс, 1955; Шовкопляс, 1972), Межиричах (Пидопличко, 1969; Пидопличко, 1976), уже сложилась утсойчивая традиция интерпретировать крупные археологические объекты с четко прослеженными границами в качестве остатков жилищ. Самыми яркими примерами среди них продолжали оставаться полуземлянки Гагарино (Тарасов, 1979), Костенок 1, сл. I (Ефименко, 1958), и Костенок 8, сл. I (Ефименко, Борисковский, 1957).

Отнесение их к жилым объектам стало возможным благодаря тому, что в каждом из этих случаев был зафиксирован котлован и связанный с ним очаг. В Костенках 4 котлованы такой глубины отсутствовали, но имелись очаги с четкой привязкой к линзе скопления культурных остатков (Рогачев 1955).

В отличие от гагаринской и костёнковских полуземлянок, главным основанием для рассмотрения костно-земляных конструкций аносовско-мезинского типа в качестве развалов жилищ стало не наличие котлована с очагом в центре и не концентрация четко очерченного скопления культурного слоя вокруг очага, а регулярный характер расположения костей мамонта (Рогачев, 1962). Поскольку проблематика изучения палеолитических памятников в середине прошлого столетия в нашей стране была прочно связана с традицией выделения жилищных комплексов, то можно сказать, что объекты аносовско-мезинского типа были объявлены жилищами априорно. Скопления костей рассматривались в качестве развала стен и кровли. Соответственно, культурный слой под развалом считался авторами раскопок отложениями, сформировавшимися на полу этого своеобразного «дома». Процесс накопления культурного слоя оценивался как результат жизнедеятельности его обитателей и постепенного разрушения жилища после оставления людьми своего жилья.

Вопрос о том, действительно ли эти объекты – результат разрушения стен и кровли жилища или мы имеем дело со скоплением костей мамонта в состоянии in situ, в настоящее время не может считаться закрытым. Несмотря на длительную историю исследований жилищ аносовско-мезинского типа, археологическая изученность этих объектов остается недостаточной. Ни для одного из этих скоплений не имеется ни единого естественного разреза, по которому можно было бы судить о характере накопления археологического материала в его пределах. У нас нет экспериментальных данных, которые могли бы подтвердить или опровергнуть, например, реконструкцию, предложенную И.Г. Пидопличко (Пидопличко, 1976). Показательно, что более убедительная реконструкция жилища, которая была произведена под

руководством Л.А. Яковлевой (Iakovleva et al., 2012), не может быть применена к типичным аносово-мезинским объектам. Такая реконструкция не требует значительного количества костей, не перекрывает большое пространство и не соответствует характерным чертам классических жилищ из костей мамонта.

В.В. Попов совершенно справедливо ставил под сомнение реальность нарисованной И.Г. Пидопличко картины, полагая, что для того, чтобы нести на себе такую значительную массу костей, конструкция жилища должна была включать в себя весьма прочный деревянный каркас (Попов, 2003-2004). Между тем, на объектах, относимых к жилищам аносовско-мезинского типа, не были зафиксированы столбовые ямы, которые могли остаться от опор несущих конструкций. Отсутствие подобных следов не может быть объяснено исключительно тафономическими причинами или несовершенством использовавшейся в то время полевой методики. Во-первых, насыщенность культурного слоя элементарным наполнителем на всех поселениях среднеднепровского типа, по определению В.Я. Сергина (Сергин, 1979), очень высока. Культурный слой содержит прослойки, окрашенные костным углем, охрой, гумусом. Постдепозиционные нарушения связаны, например, в Юдиново 1 с разрывами уже погребенного культурного слоя в результате просадок грунта по мерзлотным трещинам (Хлопачев, Грибченко, 2012, с. 137, рис. 1; с. 143, рис. 2). Солифлюкционных процессов не зафиксировано. Сами культурные слои стоянок с констркуциями аносовско-мезинского типа залегают в лессовидных плотных грунтах. Если бы столбовые ямки существовали, они должны были бы визуально фиксироваться из-за окрашенности своего заполнения. Во-вторых, полевой опыт А.Н. Рогачева и З.А. Абрамовой, их научная репутация, позволяют считать, что если бы подобного рода ямки сохранились в Костенках 11 и Юдиново 1, то на это было бы обращено особое внимание. Подобного рода объекты фиксировались на памятниках палеолита и мезолита Центральной и Западной Европы уже в 1950-е – 1960-е годы. Эти факты были опубликованы и хорошо известны

нашим ведущим ученым-палеолитчикам. Например, З.А. Абрамова в своем обзоре поселений и жилищ Русской равнины постоянно ссылается на обобщающую работу К. Скленаржа, посвященную проблеме выделения и интерпретации палеолитических и мезолитических жилищ (Sklenár, 1975; Sklenár, 1976). Более того, небольшие ямки фиксировались, например, В.Я. Сергиным при раскопках Гонцовской стоянки (Сергин, 2024), однако их расположение не позволяет относить эти объекты к остаткам какой-либо столбовой конструкции.

В связи с этим особое значение приобретает тот факт, что степень сохранности костей, уложенных по внешнему периметру скопления и тех, которые залегали в его центральной части, практически одинакова. Эта черта зафиксирована исследователями Костенок 11 (Попов, 2003-2004), а также Юдиново1 (Жермонпре и др., 2008) и в Гонцах (Iakovleva and Djindjian, 2014). Более того, М.В. Саблин и М. Жермонпре отмечают для юдиновских конструкций, раскопанных З.А. Абрамовой, хорошую степень сохранности, а также незначительность доли костей (2,7 % от общего количества) со следами погрызов хищников на их поверхности. Аналогичная картина была зафиксирована и для Гонцовской стоянки (Iakovleva and Djindjian, 2014). Этот факт очень показателен, так как во внешней обкладке конструкций в ряде случаев использовались кости, соединенные мягкими тканями, например, фрагменты позвоночных столбов. В Юдиново 1 кости со следами выраженной эрозии на поверхности также немногочисленны – всего 12 экземпляров (2,3 %). Они стояли вертикально в конструкции № 4 и, очевидно, возвышались над древней дневной поверхностью. Именно на этих костях и были зафиксированы следы погрызов (Жермонпре и др., 2008. С. 99). Другими словами, всё костное скопление было очень быстро после своего образования засыпано землёй и, скорее всего, это было сделано создателями данного сооружения. Этот вывод может быть по аналогии распространен и на остальные памятники, расположенные южнее Юдиново, а именно: Мезин, Добраничевку, Межирич. В Мезине и Добраничевке в толще скоплений были

зафиксированы кости с окрашенной охрой поверхностью (Яковлева, 2013. С. 52-61; Iakovleva, 2021). Сохранность краски могла быть обеспечена только в погребённом состоянии, при открытом экспонировании это представляется невозможным. И в Мезине, и в Межиричах среди окрашенных костей были черепа мамонтов очень хорошей сохранности, что также свидетельствует об их нахождении в составе конструкции в погребённом состоянии. Именно по этой причине вряд ли можно говорить, как это делают М.И. Гладких (Гладких, 1999) и Л.А. Яковлева (Яковлева, 2013. С. 47-56), об укладках костей внешнего ограждения межиричских конструкций как об элементах архитектурного декора.

Об этом же пишет и В.В. Попов применительно к аносовско-мезинскому костно-земляному объекту в Костенках 11, сл. 1а (Попов, 2003-2004). Его основная идея в реконструкции облика жилища состояла в том, что внешняя часть костного скопления использовалась обитателями стоянки как каркас своеобразной костно-земляной стенки, на которую опирались деревянные жерди, составлявшие собственно перекрытие. Соответственно, внутренняя часть костного скопления образовалась в результате размыва стенки и перенесения части костей внутрь брошенного жилища. Однако такой сценарий развития событий маловероятен. А.Н. Рогачев во время раскопок Костенок 11 не фиксировал никаких следов воздействия водных потоков. А они должны были быть значительными, поскольку центральная часть скопления включает в себя большое количество фаунистического материала, который перекрывал культурный слой, залегавший на «полу». Кроме того, среди костей центральной части аносовского скопления были зафиксированы лопатки мамонта, лежавшие субгоризонтально. Их положение вкупе с состоянием поверхности костей противоречит гипотезе водной эрозии. Противоречит ей и сам микрорельеф культурного слоя на месте расположения конструкции. В.В. Попов отмечал, что центральная часть скопления в Костенках 11 залегала глубже по сравнению с костями внешнего окружения. Для перемещения костей в центр скопления понадобился бы мощный водный

поток, который должен был разрушить один из участков стенки и, соответственно, нарушить чашеобразную форму всего объекта.

В связи с современными исследованиями, проводимыми в настоящее время на стоянке Костёнки 11 (сл. 1а), необходимо упомянуть об одном случае, который, на первый взгляд, противоречит ранее сделанным выводам. В 2013 году здесь начались раскопки третьего комплекса аносовско-мезинского типа (Дудин, Федюнин, 2019). По наблюдениям исследователей, поверхность костей в структуре подверглась эрозии, что, по их мнению, является следствием длительного нахождения костей на открытом воздухе. Однако, прежде чем согласиться с этим заключением, необходимо учитывать и тот факт, что сооружение № 3 залегает непосредственно под гумусовым слоем современной почвы. Таким образом, нельзя исключать влияние химических процессов, происходивих при её формировании, на сохранность фаунистического материала. Во всяком случае, авторы утверждают, что остатки этого комплекса представлены объектами в положении in situ. Следует также отметить, что данное сооружение имеет размеры 12 × 11 м и является самым крупным среди объектов этого типа. Без сомнения, такую площадь было бы трудно перекрыть крышей с помощью каркаса из костей мамонта, это представляется весьма проблематичным (Pryor et al., 2020. P. 17).

Характер залегания, а также состав костей из центральной части костно-земляной конструкции № 3 в Юдиново 1 также заставляет усомниться в том, что мы имеем дело с результатом разрушения кровли и стен жилища. В центре этого скопления залегали многочисленные ребра, бивни мамонта и плоские кости. Лопатки и тазовые в некоторых случаях перекрывали ребра и бивни и, кроме того, ближе к центру скопления залегали горизонтально (Жермонпре и др., 2008). Кроме костей мамонта, в центральной части скопления были обнаружены кости других животных и в частности, целый череп песца, залегавший в зольном пятне, уходящем под лопатку мамонта (Абрамова, 1995. С. 32). Довольно сложно представить себе такое положение как результат завала костей. Скорее, более предпочтительным выглядит заключение в

пользу того, что кости не только внешней, но и центральной частей скопления залегали в положении, близком к первоначальному.

Л.А. Яковлева совершенно справедливо задает риторический вопрос: зачем понадобилось использовать большое количество костей мамонта для возведения каркаса жилища, если древесина была доступна для обитателей стоянок? (Iakovleva, 2021. P. 19). Этот риторический вопрос должен был подчеркнуть, по её мнению, роль костей мамонта как строительного материала, так как подразумевалось, что древесины для строительства в климатических условиях позднего верхнего палеолита не хватало. Тем не менее, древесина была. Её остатки в виде древесного угля были зафиксированы в Межириче (Soffer et al., 1997) и Костенках 11 (сл. 1а) (Pryor et al., 2020). Кроме того, кости бурого медведя были найдены при раскопках стоянок Добраничевка, Гонцы, Мезин, Межирич, Юдиново, Костенки 2 (Soffer, 1985. P. 130–131; Праслов, Рогачев, 1982. P. 72). А при раскопках стоянки Костенки 3 были найдены и кости пещерного медведя (Праслов, Рогачев, 1982. С. 75). Наличие костей этих видов животных в фаунистической коллекции перечисленных поселений является прямым доказательством существования лесов в их окрестностях.

Немаловажными для интерпретации костно-земляных конструкций аносовско-мезинского типа являются установленные к настоящему времени факты о стратиграфическом соотношении объектов, входящих в состав этих комплексов. Они касаются больших ям, располагавшихся вокруг костных конструкций. Выше уже упоминалась точка зрения З.А. Абрамовой о том. что ямы не имеют непосредственного отношения к жилищам из костей мамонта. Этот вывод был основан на наблюдениях, сделанных в ходе раскопок жилища № 4 и прилегающих к нему участков. Действительно, к юго-западу от четвёртой конструкции была зафиксирована крупная яма удлинённой в плане формы, со скошенными стенками (Абрамова, 1995). Её окончательная форма не была установлена, так как яма частично располагалась за пределами раскопа. В данном случае ключевым моментом является то, что заполнение

ямы, насыщенное костным углём, распространялось за её пределы и перекрывало так называемые «поленницы» из трубчатых костей мамонта, которые составляли часть юго-западных секторов костного скопления № 4. Очень похожая ситуация была зафиксирована при раскопках Супоневской стоянки. Она охарактеризована в статье В.Я. Сергина о Супонево, опубликованной в двух номерах «Российской археологии» за 2003 год (Сергин, 2003а; Сергин, 2003б). На одном из профилей стенки раскопа 1926 года видно, что длинная яма, располагавшаяся к югу от «жилища», была выкопана и заполнилась после того, как сформировался культурный слой на месте жилищного комплекса (Сергин, 2003б. С. 17, рис. 3).

Очевидно, что не все ямы были заполнены археологическим материалом после создания костных конструкций. Например, исследования Г.А. Хлопачева в Юдиново 1 позволили установить, что примыкающая к жилищу № 5 яма была вырыта и частично засыпана до накопления костей (Хлопачев, Гаврилов, 2019). Этот факт не исключает, разумеется, возможности и того, что данная яма могла быть использована и, соответственно, окончательно засыпана также после формирования костно-земляного сооружения. К сожалению, в данном случае мы не имеем полной картины, так как комплекс № 5 изучался в 1966 - 1967 годы В.Д. Будько и ранее не публиковался. Реконструкция, опубликованная В.Я. Сергиным (Сергин, 2008) была составлена по фрагментам сохранившейся архивной документации значительно позже.

Аналогичная ситуация реконструирована и в отношении ям стоянки Межирич. В ходе раскопок соответствующих участков в разные годы были открыты несколько ям, расположенных вокруг так называемых жилищ №№ 1 и 4 (Soffer et al., 1997; Haesaerts et al., 2015). Небольшие раскрытия в виде шурфов были также сделаны внутри жилища No 4 (Soffer et al., 1997). Но эти профили, к сожалению, не позволяют без всяких сомнений определить стратиграфическое соотношение всех костных структур и ям, обнаруженных в Межиричах. Тем не менее, эти стратиграфические разрезы содержат важную

информацию как о соотношении структур №№ 1 и 4, так и ям №№ 5–8. В результате, здесь было зафиксировано несколько культурных слоёв, соответствующих различным уровням обитания и, соответственно, этапам накопления археологического материала. По данным стратиграфических наблюдений, ямы, расположенные вокруг жилищ №№ 1 и 4, были вырыты значительно раньше времени формирования костных структур. Уровень заложения ям связан с нижним культурным слоем 1, а сами костные структуры связаны либо со средним слоем 2, либо даже с верхним слоем 3 (Haesaerts et al., 2015). Тем не менее, ямы продолжали, как минимум, использоваться во время формирования культурного слоя 2. К сожалению, у нас нет достоверной информации о том, к какому слою, второму или третьему, следует отнести время сооружения костных конструкций. В любом случае, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что ямы и костные конструкции являются асинхронными по времени возникнвения объектами. Этот факт не позволяет принять аргумент В.Я. Сергина о включённости данных объектов в планиграфическую структуру комплексов аносовско-мезинского типа в качестве доказательства того, что костные структуры являются остатками жилищ (Сергин, 2019).

В ходе раскопок в Юдиново 1 Г.А. Хлопачевым были получены новые стратиграфические данные, которые хорошо коррелируют с данными из Межиричей и которые важны для реконструкции комплексов аносовско-мезинского типа. В 2018 году он зафиксировал, что костная структура № 5 была создана уже после отложения культурного слоя, традиционно интерпретируемого как остатки пола (Хлопачев, Гаврилов, 2019). Таким образом, особенности археологической стратиграфии позволяют сделать вывод о том, что костное скопление «жилища» № 5 является отдельным археологическим объектом. Интересно, что аналогичное соотношение между костной структурой и культурным слоем под ней описывает В.Я. Сергин для Гонцовской стоянки (Сергин, 2024)

Интересен также факт, установленный Г.А. Хлопачевым в Юдиново 1

для «жилища» № 5, что разные участки её костной структуры имеют разный радиоуглеродный возраст. По образцам костей из одной секции были получены четыре даты около 12 000 лет до н.э., а две даты около 13 000 лет до н.э. — из второй секции (Хлопачев, Гаврилов, 2019. С. 38). Этот неожиданный результат может свидетельствовать о том, что костная структура могла создаваться в течение довольно длительного времени в несколько этапов. Во всяком случае, такой вариант нельзя исключать из рассмотрения.

Ещё одним вопросом, который вызывает интерес при изучении костно-земляных конструкций аносовско-мезинского типа и который может быть связан с пониманием природы этих объектов, является вопрос об их генезисе. В работах, посвященных классификации палеолитических жилищ, А.Н. Рогачев в качестве исходной точки развития жилищных конструкций с широким использованием костей крупных животных рассматривал скопления фаунистического материала, расколотого кремня и углистых очажных линз, зафиксированных А.П. Чернышем во время раскопок мустьерской стоянки Молодова I (сл. 4), а также крупные скопления костей мамонта, открытых при раскопках грота Чокурча (Рогачев 1970). Действительно, молодовские объекты и скопление в гроте Чокурча, как и аносовско-мезинские конструкции, отличаются выраженным подбором костного материала и группировкой его на ограниченной площади. В общекультурном контексте палеолита Европы аналогия, проведенная А.Н. Рогачевым, по-прежнему является обоснованной. Однако хронологический разрыв между ними слишком велик, чтобы рассматривать молодовские и чокурчинские скопления в качестве непосредственных предшественников аносовско-мезинских объектов. Последние выглядят одиноко на общем фоне верхнепалеолитических стоянок европейского континента. Тем не менее, после раскопок М. Оливы в Миловицах ситуация с поиском корней культурной традиции, в рамках которой стало возможным сооружение конструкций аносовско-мезинского типа, изменилась. При изучении сектора G стоянки Миловица 1 М. Оливой было вскрыто кольцеобразное скопление

костей мамонта округлой в плане формы, диаметром около 6 м (Oliva, 1988; Oliva, 2009. P. 157-158). Это скопление окружало площадку подовальной формы размером 4Х3 м, в центре которой с небольшим смещением к северо-востоку размещалось скопление угля – вероятно, очаг (рис. 139). В северо-западном секторе скопления костей фиксировался разрыв в залегании фаунистических находок. На этом участке автором раскопок была обнаружена линза угля подовальной формы. Кости скопления, в том числе и половина таза, а также трубчатая мамонта залегали поверх очажной линзы. Обе углистых линзы, связанные с данным объектом, подстилались прокаленным грунтом.

Само скопление костей отличалось от фаунистического материала, расположенного на соседних участках, по двум главным признакам. Во-первых, размерность. На участках вокруг кольцевого скопления визуально заметна существенная доля мелких фрагментов. В самом скоплении преобладают целые крупные кости мамонта. Во-вторых, состав костей в кольцевом скоплении свидетельствует об их преднамеренном отборе. В него входили черепа, нижние челюсти, трубчатые кости, тазовые, лопатки, бивни, а также анатомические группы позвонков. Зафиксированы также немногочисленные фрагменты ребер. Напротив, на участках вокруг скопления крупные кости: трубчатые, плоские и бивни – немногочисленны, много ребер.

По мнению М. Оливы, археологический объект в секторе G стоянки Миловице 1 аналогичен жилищам аносовско-мезинского типа. О полном сходстве в данном случае говорить не приходится, поскольку в миловицком скоплении отсутствует регулярность в укладке костей, характерная для аносовско-мезинских объектов. Кроме того, скопление в Миловицах 1 представлено кольцевым «ограждением», тогда как на памятниках поздней поры верхнего палеолита на Русской равнине костно-земляные конструкции представляют собой не только внешнюю «обкладку», но и центральную часть, более или менее заполненную костями. Плотность заполнения центральной части в них была различной в каждом конкретном случае. В качестве полярных примеров можно привести первую межиричскую и вторую

юдиновскую конструкции. В первом случае плотность скопления костей была очень высокой, во втором, наоборот, низкой. Тем не менее, центральная часть присутствует во всех аносовско-мезинских объектах. Несмотря на эти особенности, можно согласиться с М. Оливой в том, что миловицкое скопление можно рассматривать как предтечу аносовско-мезинских конструкций.

Однако проблема хронологического разрыва открытием М. Оливы не была снята. Миловице 1 – памятник раннего центрально-европейского граветта, входящего в круг стоянок павловьена. Его радиоуглеродный возраст определяется значениями полученных 14С-дат в рамках от 29400 до 25220 л.н. (Oliva, 2009. P. 24). Между ним и эпиграветтскими стоянками Восточной Европы, датируемыми в пределах от 18/19 тыс л.н. до 14/12 тыс. л.н., существует значительный хиатус. Частично заполнить его позволили раскопки нового пункта В стоянки Хотылёво 2, на площади которого были раскрыты скопления преднамеренно уложенных костей мамонта (Гаврилов, Воскресенская 2012; Gavrilov et al. 2015).

Ниже даётся подробная характеристика одного из наиболее показательных скоплений костей мамонта, вскрытого на участке пункта В. На площади, вскрытой раскопом А в 25 кв. м, было зафиксировано несколько скоплений преднамеренно уложенных костей мамонта.

Самое крупное скопление располагалось на кв. Г-Д/1-4 (рис. 140). Оно включало в себя не менее шести черепов мамонта, три лопатки, две трубчатых и некоторые другие кости, также принадлежавшие мамонтам. Какая-то часть скопления находится за пределами раскопа А к востоку от него. На границе кв. Г/1-2 располагался череп мамонта, вкопанный альвеолами в грунт. Непосредственно у левой альвеолы черепа, на границе кв. Г-Д/2 была вкопана плечевая кость мамонта, нижний конец которой предварительно был расколот и заострён. Рядом с плечевой лежала тазовая кость мамонта. Основная часть тазовой занимала юго-восточный сектор кв. Г/2 и юго-западный край кв. Д/2. Под тазовой костью был зафиксирован фрагмент плоской кости мамонта,

стоявший вертикально. С восточной стороны к тазовой примыкал фрагмент лицевого отдела ещё одного черепа мамонта. Данный череп был уложен лицевой поверхностью вниз. Альвеолы примыкали к тазовой и были ориентированы на юго-юго-запад. Поверх второго черепа и к юго-востоку от него залегала большая берцовая кость мамонта, ориентированная по линии северо-восток - юго-запад, с небольшим наклоном к юго-западу. С восточной стороны, с некоторым смещением к юго-востоку, ко второму черепу примыкал ещё один, уложенный, вероятно, на лицевые кости. Второй и третий черепа были уложены таким образом, что их альвеолы были сориентированы в противоположные стороны. Непосредственно с южной стороны к альвеолам третьего черепа своей суставной частью примыкала правая лопатка мамонта, лежащая гребнем вниз (кв. Д/2-3). С северной стороны этот же череп частично перекрывался ещё одной лопаткой мамонта. Эта лопатка частично заходила на кв. Д/1, большая её часть залегала за пределами раскопа А к востоку. В свою очередь, она перекрывала ещё одну лопатку мамонта, лежавшую гребнем вниз, в основном на кв. Д/1 и далее к востоку за пределами раскопа. Интересно, что лопатки на кв. Д/1-2 располагались почти перпендикулярно друг к другу. Эти две лопатки были уложены в яму № 1. Яма вскрыта раскопом А частично. Судя по изученному участку, она имела подокруглую в плане форму диаметром около 1 м, наклонные стенки и уплощённое днище. Глубина ямы не превышала 20 см. Заполнение ямы было выплнено светло-серым опесчаненным суглинком, в котором встречались мелкие фрагменты костной трухи и косточек, достаточно редкие.

Южный край скопления зафиксирован на площади квадратов Г-Д/3 и Г/4. В его состав входили три черепа мамонта, а также редкие фрагменты иных костей. Первый из черепов был расчищен в юго-восточном секторе квадрата Д/3. Длинная ось альвеолы ориентирована по линии северо-восток - юго-запад. Кости черепа распространялись за пределы раскопа к востоку. Фрагмент второго черепа располагался к западу - северо-западу от первого. Альвеолы черепа ориентированы по линии северо-восток - юго-запад, к юго-западу.

Кости черепа занимали юго-восточный сектор кв. Г/3 и юго-западный сектор кв. Д/3. Третий череп, очень плохой сохранности, залегал на кв. Г/4. Под ним сохранился фрагмент нижней челюсти мамонта. Ещё один фрагмент нижней челюсти был зафиксирован на границе кв. Г-Д/4. В западной половине кв. Д/3 было открыто скопление охры толщиной от 5 мм до 2 см. Непосредственно на скоплении охры лежали два фрагмента черепа мамонта занимавшего участок кв. Г-Д/3. Охрой был интенсивно прокрашен грунт под черепом мамонта, который залегал в юго-восточном секторе кв. Д/3. Кроме того, поверхность всех лопаток мамонта, расчищенных на кв. Д/1-3, также была окрашена охрой.

Скопление костей мамонта на кв. Г-Д/1-4, как уже было отмечено, распространялось за пределы раскопа А к востоку, то есть у нас есть все основания считать, что его окончательная площадь увеличится по мере расширения площади полевых работ. Но даже в настоящее время можно констатировать, что характер укладки костей в данном скоплении отражает определенный порядок. Можно обозначить этот порядок термином «регулярный». Именно своей регулярностью укладка костей мамонта в охарактеризованном скоплении напоминает аносовско-мезинские объекты. Именно этой регулярности не хватает скоплению костей мамонта в Миловицах.

В целом, своеобразие Хотылёво 2 как поселения связано, в том числе, с наличием групп преднамеренно уложенных костей мамонта, что уже было отмечено особо (Гаврилов, 2008). В той или иной степени все они могут быть сопоставлены со скоплением из раскопа А. Его отличительные особенности - размер и количество использованных при сооружении костей мамонта. При сравнении скопления из раскопа А с костно-земляными конструкциями аносовско-мезинского типа необходимо отметить, что рассматриваемое скопление структурно может быть сопоставлено с той частью аносовско-мезинских объектов, которая традиционно относится к внешней обкладке жилищ. Возможно, при расширении площади раскопок к востоку удастся обнаружить ту часть, которая может быть сопоставлена с центром аносовско-

мезинских конструкций. Но уже сейчас ясно, что хотылёвское скопление отличается от конструкций поселений среднеднепровского типа меньшими масштабами использования костного материала.

Хотылёвские материалы, как уже было отмечено выше, заполняют лишь часть хронологического разрыва, существующего между стоянкой Миловице 1 и памятниками поздней поры верхнего палеолита на Русской равнине, причем заполняют его более раннюю часть. Ко второй половине этого временного отрезка относится стоянка Пушкари I. Радиоуглеродные шкалы, характеризующие возраст Хотылёво 2 и Пушкарей I, взаимно дополняют друг друга. Стоянка Пушкари I была обитаема во время, наступившее непосредственно после окончания существования Хотылёво 2 (Гаврилов, 2005) и накануне времени возникновения эпиграветтских памятников Центра Русской равнины (Лисицын, 1999; Djindjian, 2002; Григорьева, 2002).

Наиболее интересными среди результатов раскопок Пушкаревской стоянки для темы данной главы являются итоги раскопок В.И. Беляевой, полученные при изучении комплекса так называемого малого жилища. Объект был подробно опубликован В.И. Беляевой (Беляева 1997; Беляева 2002) и описан в предыдущей главе. Важной особенностью данного объекта является то, что по краям западины располагались остатки черепов мамонтов. По всему периметру западины, в 20-50 см от её краёв, находились ямы с остатками вертикально стоящих костей конечностей. Центральная часть малого жилища была заполнена скоплением костей, которое состояло из четырёх бивней, половины таза, обломков трубчатых костей и позвонка. Бивни были расщеплены в продольном направлении и залегали непосредственно на поверхности очажной линзы (Беляева, 1997. С. 16). По мнению В.И. Беляевой, скопление костей в центре западины над очагом было сформировано преднамеренно обитателями стоянки до начала процесса разрушения «малого жилища». Учитывая тафономические характеристики фаунистического материала на стоянке Пушкари I, нельзя исключать того, что скопление костей мамонта над очагом в центре западины могло быть не только специально

уложено людьми, но и погребено, что и обеспечило его сохранность. Малое пушкаревское жилище имеет два существенных признака, которые сближают его с аносовско-мезинскими конструкциями. Первый из них – регулярное расположение черепов мамонта по периметру площадки, вкопанных согласно определенному принципу. Второй признак – это преднамеренное скопление костей в центре археологического объекта.

Оба этих признака характерны и для большого пушкаревского жилища (Борисковский, 1953), о чём также достаточно подробно говорится в предыдущей главе.

Таким образом, можно проследить процесс развития в верхнем палеолите скоплений преднамеренно отобранных и уложенных костей мамонта, начиная с раннего восточного граветта и оканчивая восточным эпиграветтом. В Миловице 1 фиксируется преднамеренный отбор костей и укладка их по определенному плану. В Хотылево 2 укладка костей мамонта приобретает признаки регулярности, характерной для внешних обкладок аносовско-мезинских конструкций. Объекты стоянки Пушкари I характеризуются вкапыванием черепов мамонтов по периметру западин и преднамеренной укладкой костей в центральной части. Наконец, в скоплениях аносовско-мезинского типа соединяются все перечисленные признаки, которые прослеживаются в более ранних объектах. Аносовско-мезинские конструкции могут рассматриваться как результат развития длительной культурной традиции, в качестве его финальной стадии.

В связи с этим следует обратить внимание на данные, которые свидетельствуют о возможной связи подобных скоплений с идеологическими представлениями создававших их людей. Во-первых, показательно использование охры для окраски черепов и других костей мамонта. Факты подобного рода были зафиксированы в Хотылёво 2, как при раскопках скоплений преднамеренно уложенных костей в пункте В (Гаврилов, Воскресенская, 2012), так и в раскопах Ф.М. Заверняева на участке пункта А (Гаврилов, 2008). В одном из таких скоплений (группа № 6), обнаруженных

Ф.М. Заверняевым на площади раскопа № 7, кв. 10-13, был найден орнаментированный наконечник копья, вырезанный из бивня. Наконечник, окрашенный охрой, был воткнут в грунт. Он, в свою очередь, был перекрыт тазовой костью, входившей в состав скопления костей.

Окрашивание охрой костей мамонта было зафиксировано, как уже было отмечено, при раскопках стоянок Мезин и Межиричи. На мезинских костях краской был нанесен орнамент в виде повторяющихся шевронов и многорядного зигзага. Л.А. Яковлева после изучения поверхности окрашенных и неокрашенных костей мамонта из Мезина не разделяет точку зрения С.Н. Бибикова об использовании первых в качестве музыкальных инструментов. Вместе с тем ею была высказана интересная мысль об аналогичности орнамента на мезинских костях и регулярных выкладок из трубчатых костей и нижних челюстей мамонта, которые образовывали, по мнению автора, объемно-орнаментальные композиции, своеобразный архитектурный декор аносовско-мезинских жилищ (Яковлева, 2013. С. 51). Наиболее показательный случай, иллюстрирующий идеологические представления создателей костно-земляных конструкций, описывается Л.А. Яковлевой для скопления № 4 Гонцовской стоянки. Одна из групп внешней обкладки этого скопления состояла из ритмично уложенных в ряд нижних челюстей, в сочетании с черепами взрослых мамонтов, лопатками и одним черепом мамонтенка (Яковлева, 2013. С. 52). Л.А. Яковлева полагает, что данная композиция объединяет зооморфную и «женскую», представленную мотивами углов и зигзагов, тематику, характерную в целом для искусства верхнего палеолита Европы. К аналогичным выводам можно прийти также в результате анализа использования орнамента «многорядный зигзаг» на памятниках раннего граветта в Центральной Европе, в частности на знаменитой гравировке из Пшедмости (Гаврилов, 2009).

Глубокий идеологический смысл регулярной укладки костей мамонта может быть проиллюстрирован также следующими примерами. При раскопках стоянки Дольни Вестонице I/3 было обнаружено погребение

женщины (рис. 141), перекрытое группой костей, включавшей в себя три лопатки и тазовую мамонта (Klima, 1963). Их взаимная ориентировка аналогична той, которая зафиксирована в группе костей (рис. 142), входивших в состав третьего юдиновского жилища на кв. Ж, З – 47-49 (Абрамова, 1995. С. 95). Еще более яркий пример – погребальная камера, открытая П.И. Борисковским при раскопках костно-земляной конструкции на стоянке Костенки 2 (Борисковский, 1963). М. Олива приводит целый ряд свидетельств об использовании костей мамонта в ритуальной практике, на основании анализа которых приходит к выводу о важности иррациональной мотивации людей палеолитической эпохи в деле собирания костей крупных животных (Oliva, 2009. P. 308; см. также Oliva, 2021).

Таким образом, костно-земляные конструкции аносовско-мезинского типа демонстрируют заключительную, высшую, стадию развития традиции, которая лежит в основе создания крупных скоплений костей животных людьми палеолитической эпохи на территории Центральной и Восточной Европы. Непосредственными предшественниками этих объектов являются скопления преднамеренно уложенных костей мамонта, обнаруженных при раскопках стоянок восточного граветта Миловице 1 и Хотылёво 2. В качестве связующего звена между ними можно рассматривать жилища стоянки Пушкари I. Есть все основания полагать, что сооружение подобных конструкций определялось религиозными представлениями людей того времени. Реконструкция круга идей, которые могли оказывать влияние на этот процесс или даже быть одной из основных причин, побуждавших палеолитических «архитекторов» к деятельности подобного рода – это предмет отдельного исследования, которое неизбежно будет носить умозрительный характер. В качестве одного из поводов к таким размышлениям можно вспомнить фотографию, опубликованную П.И. Борисковским в его книге «Палеолит Украины». Это снимок жертвенного места, оставленного охотниками на северном побережье полуострова Ямал, сделанный В.Н. Чернецовым в 1929 году. Данное место представляло собой

значительное скопление костей в виде конуса, состоявшего из многочисленных черепов и рогов северных оленей, а также медвежьих черепов. Среди этих костей лежали и пули, которыми были убиты эти животные (Борисковский, 1953. С. 352).

Так или иначе, костные конструкции вряд ли можно считать руинами жилищ. Однако остается открытым вопрос о том, можно ли остальные археологические объекты, входящие в состав комплексов аносовско-мезинского типа считать остатками жилищных конструкций, или они также представляют собой что-то иное. В данном случае возможная связь костных скоплений с религиозными представлениями их создателей не может служить аргументом против «жилищной» интерпретации остальных объектов, поскольку в традиционной культуре жилище является не только утилитарным объектом, но и отражает религиозные представления людей о мироздании (Элиаде, 1994. С. 108-110). Решить эту проблему, очевидно, возможно в ходе полевых и лабораторных работ, проведенных на современном методическом уровне, с постановкой соответствующих исследовательских задач. Анализ пространственной структуры площадок, перекрываемой костными скоплениями, может дать дополнительные аргументы за или против «жилищной» версии интерпретации. К сожалению, в настоящее время вычленение на основе планиграфического исследования функциональных зон, которые могут служить показателем именно жилищного характера данных площадок и которые выделяются в результате экспериментов и планиграфического анализа (см., например, Мещерин, 2004; Разгильдеева, 2012), не представляется возможным по опубликованным данным.

Заключение.

Материальная культура верхнепалеолитических стоянок Подесенья, и в целом всех центральных районов Русской равнины, может быть рассмотрена как результат последовательного развития во времени и одновременно взаимного влияния целого ряда сообществ охотников на мамонтов приледниковой зоны Восточной Европы. В настоящее время общепринято отнесение памятников средней и поздней поры верхнего палеолита на территории приледниковой зоны Восточной Европы к граветту и эпиграветту, которые характеризуются вариабельностью материальной культуры. Вопросы о природе этой вариабельности, а также о культурной преемственности между восточно-европейским граветтом и эпиграветтом остаются предметом дискуссий. Одна из основных причин создавшегося положения состоит в том, что различные категории материальной культуры: каменный и костяной инвентарь, произведения искусства, а также археологические объекты и общая пространственная структура поселений рассматриваются, как правило, в отрыве друг от друга.

Общая схема относительной хронологии рассматриваемых в данном исследовании верхнепалеолитических памятников бассейна Десны и Среднего Поднепровья, основанная на данных, характеризующих археологическую стратиграфию, геологические условия залегания культурных слоёв и общем массиве радиоуглеродных дат, выглядит в настоящее время следующим образом. 1) Брянское время – Хотылёво 6, сл. 2; городище «Кудеярка», сл. 2; Хотылёво 2/пункт Д, сл. 2; 2) первая половина поздневалдайского оледенения (LGM) - время существования стоянок Хотылёво 2 (пункты А-Г, пункт Д/сл. I), Бердыж, Авдеево, Октябрьское, (сл. II), Пены 1, Погон, Пушкари I, Клюсы (?). Стоянки Пушкари I и Клюсы следует отнести ко второй половине этого периода. Возможно, к заключительному отрезку времени этого периода относится существование стоянки Оболонье. 3) Пик поздневалдайского климатического минимума / позднеледникового

максимума (LGM) - время существования стоянок Радомышль, Кирилловская, Новгород-Северская, Октябрьское (сл. I), Быки 7, сл. II. Возможно, на этот отрезок времени приходятся завершающие эпизоды обитания Авдеевской стоянки. Точное хронологическое соотношение перечисленных памятников между собой внутри данного периода пока остаётся неясным, однако можно предполагать относительно раннюю позицию стоянки Новгород-Северская и более позднюю – стоянки Радомышль и Кирилловская. Нельзя также исключать продолжение существования в это время стоянки Оболонье. 4) вторая половина поздневалдайского оледенения – включает в себя четыре хронологические группы памятников позднего верхнего палеолита. Первая группа датируется периодом около 18-17,6 тысяч некал. л.н., включает в себя следующие стоянки: Быки 7, к.сл. II, Быки 2, к.сл. II. Вторая группа включает в себя памятники с радиоуглеродными датами от 17,6 тыс. некал л.н. до 16 тыс. некал. л.н.: стоянки Быки 1 (жилище), Быки 7, к. сл. I, Ib и Ia, Быки 2, к.сл. I, верхние горизонты культурного слоя Быки 4 (Пены 1) и Быки 1, нижний культурный горизонт стоянки Елисеевичи 1. Третья группа включает в себя большинство памятников Подесенья и Среднего Поднепровья. Среди них, в частности – Мезин, Бармаки, Семёновка 2, Межиричи, Добраничевка, Гонцы (слой с жилищами?), Бужанка 2, Бугорок (нижняя часть культурного слоя), Юдиново 1 (нижний слой), Елисеевичи 1 (средний горизонт) и Елисеевичи 2, Супонево (нижний слой?), Тимоновка 1 и 2. Эта группа может быть датирована временем от 15 до 14 тысяч некал. л.н. Четвёртая группа включает в себя верхний слой стоянки Юдиново 1, верхний горизонт культурного слоя Елисеевичи 1, вероятно, верхний горизонт культурного слоя стоянки Супонево, стоянки Семёновка 1 и 3, Бугорок (верхняя часть культурного слоя). Нельзя исключать отнесение к этой группе какой-то части стоянки Добраничевка. Радиоуглеродные даты последней группы распределяются вокруг значений 13/12/11 тысяч некал. л.н.

На территории Центра Русской равнины наиболее ранние верхнепалеолитические памятники представлены стоянками в окрестностях с.

Хотылёво, культурные слои которых залегают в брянской ископаемой почве: Хотылёво 6 (сл. 3), Хотылёво 2/Б (сл. 3), Хотылёво 2/Д (сл. 2), городище «Кудеярка» (сл. 3). Коллекции каменных изделий этих памятников в настоящее время не позволяют однозначно определить их культурную принадлежность. Однако, в большинстве своём, они обладают ориньякоидными чертами, что не противоречит стратиграфической позиции этих комплексов. Обнаружение среди каменных изделий слоя 2 стоянки Хотылёво 2/Д микропластинки с притупленным краем даёт основание предполагать наличие здесь раннеграветтского комплекса.

Средняя пора верхнего палеолита представлена на рассматриваемой территории памятниками позднего и финального восточноевропейского граветта. К первой группе относятся стоянки Авдеево (Старый и Новый объекты, а также верхний культурный слой) и Хотылёво 2 (пункты А-В, к. сл. 2, и пункт Д, к. сл. 1). К финальному граветту относятся стоянки Пушкари I и Октябрьское (сл. 1). Типологически каменные индустрии рассматриваемых памятников восточного граветта могут быть разделены на варианты, каждый из которых в пределах бассейна Десны и Верхнего Поднепровья представлены как одной стоянкой: Октябрьское II (к. сл. 1), так и группами памятников: Авдеево (Старый и Новый объекты) – Бердыж, Хотылёво 2 – верхний к. сл. Авдеево, Пушкари I – Клюсы. Таксономически они располагаются на одном уровне. Авдеевская стоянка (Старый и Новый объекты), в отличие от остальных граветтских памятников, расположенных в бассейне Десны, относится к костёнковско-авдеевскому (костёнковскому) варианту позднеграветтского технокомплекса, распространённому не только в приледниковой зоне Восточной Европы, но и в Центральной Европе.

Анализ корпуса женских изображений, известных для восточного граветта Русской равнины, позволяет выделить иконографические типы, которые не только включают в себя костёнковский и гагаринско-хотылёвский, но и дополняют их другими: сидящая тучная женская фигура, статуэтки с подогнутыми ногами, а также – стержневидная. Полный иконографический

ряд укладывается в изображения различных стадий возраста, беременности и, возможно, зачатия и родов. Присутствие в составе женской скульптуры стоянок восточного граветта Центра Русской равнины изображений, относящихся к разным иконографическим типам, свидетельствует о едином семантическом пространстве фигуративного антропоморфного искусства восточноевропейского граветта. Вместе с тем, это единство не умаляет культурную специфику восточнограветтских стоянок, так как конкретное сочетание иконографических типов, равно как и археологический контекст статуэток являются специфическими для памятников, представляющих различные варианты граветта.

Типологические собенности ведущих категорий материальной культуры памятников восточного граветта, датируемых временем первой половины последнего оледенения, позволяют утверждать, что вариабельность внутри восточного граветта на территории Русской равнины отражает не только функциональные, сезонные и иные возможные адаптивные особенности различных стоянок. Эта вариабельность является также результатом существования различных культурных традиций, достаточно локальных для того, чтобы создать эффект «культурной мозаики», характерной для граветта Европы в целом. На территории бассейна Десны наиболее яркие проявления такого рода культурной специфики представлены материальной культурой Хотылёво 2 и Авдеево (Старый и Новый объекты). Культурное разнообразие восточного граветта позволяет предположить, что подобного рода вариабельность может быть, с одной стороны, проявлением его сложной полигенетической природы и, с другой стороны - результатом определенного развития граветтских традиций во времени.

Комплекс предметов с вторичной обработкой Хотылёвской стоянки обладает ярко выраженными особенностями, которые проявляются как в приёмах вторичной обработки, так и в типологическом составе кремнёвого инвентаря. Типологическое «лицо» Хотылёвской стоянки определяется прежде всего комплексом изделий с притупленным ретушью краем: острий

микрограветт и вашон, а также ППК/МППК, среди которых выделяются «пилки», широкие ППК с симметрично ретушированными концами, МППК с заострёнными концами и вентральной ретушью на них. Не менее своеобразен набор наконечников с боковой выемкой. Развитой микроинвентарь сближает Хотылёво 2 с памятниками Центральной Европы, традиционно относимыми к павловьену. Присутствие выразительной серии острий микрограветт сближает Хотылёвскую стоянку по этому показателю с рядом западноевропейских памятников на территории Германии (Майнц-Линзенберг и Шпрендлинген) и юго-запада Франции (Абри Пато, слой 3; Ложери От, слои B и B'), что свидетельствует об их хронологической и стадиальной близости.

Хотылево 2 в отношении предметов костяного инвентаря также может рассматриваться как самостоятельный тип памятника в рамках восточного граветта. Костяной инвентарь Хотылево 2 содержит категории вещей и орнаментальные мотивы, аналогичные тем, которые были найдены при раскопках Костенок I (сл. 1) и Авдеево. Однако эти формы: лопаточки с навершиями, острия типа «верблюжья ножка», серповидный орнаментированный предмет из рога северного оленя, представлены самостоятельными, хотылёвскими типами. Орнаментальные мотивы, аналогичные костёнковско-авдеевским (косой крест, треугольные насечки, косая решетка), в свою очередь, были использованы для украшения бивневых веретенообразных наконечников копий, а также стержня с треугольным навершием – типов изделий, не встреченных в инвентаре стоянок костенковско-авдеевской культуры. Типологические отличия предметов костяного инвентаря Хотылево 2 от аналогичных по категориальной принадлежности изделий Костенок I и Авдеево (Старый и Новый объекты) прямо кореллируются с характером отличий в орнаментации этих артефактов.

Поздняя пора верхнего палеолита бассейна Десны и Среднего Поднепровья характеризуется распространением по этой территории памятников эпиграветта приледниковой зоны Восточной Европы. Ранний восточноевропейский эпиграветт представлен стоянками быковской

археологической культуры в Посеймье, поздний – классическими эпиграветтскими памятниками Подесенья и Среднего Поднепровья. Последние, как и стоянки восточноевропейского граветта, относятся к различным культурным вариантам: тимоновско-юдиновскому, елисеевичскому, супоневскому, мезинскому, межиричско-добраничевскому.

Между памятниками восточноевропейского граветта и эпиграветта существует период, приходящийся на время максимального развития суровых позднеледниковых климатических условий – так называемый локальный позднеледниковый максимум (LGM). Высказывавшаяся ранее точка зрения о депопуляции рассматриваемой территории в данный период не подтверждается имеющимися данными о возрасте верхнепалеолитических стоянок этого региона: Радомышльской, Киево-Кирилловской, Оболонье, а также Костёнковско-Борщёвского района: Костёнки 2, Костёнки 3, Костёнки 11 (сл. 1а), Костёнки 19. Технико-типологические характеристики их каменного инвентаря, а также стилистические особенности памятников искусства, обнаруженных при раскопках Кирилловской стоянки, стоянки Оболонье, а также памятников замятнинской археологической культуры в Костёнковско-Борщёвском районе дают основания рассматривать материальную культуру памятников времени LGM на территории бассейна Десны, Среднего Поднепровья и соседних регионов в качестве свидетельства имевшего места в это время процесса трансформации восточноевропейского граветта в эпиграветт на данной территории. «Эпиориньякский» характер каменного инвентаря стоянки Оболонье и памятников замятнинской археологической культуры не противоречит их связующей позиции между восточноевропейским граветтом и эпиграветтом.

Произведения искусства малых форм, найденные при раскопках восточного эпиграветта Русской равнины, позволяют сделать вывод о наличии определённой преемственности с искусством восточного граветта и одновременно свидетельствуют как о трансформации восточнограветтских традиций, так и о распаде граветтского культурного пространства.

Преемственность прослеживается, прежде всего, в сохранении орнаментального мотива, представленного в виде многорядного зигзага, выполненного при помощи косо поставленной прямой линии. Отдельные аналогии также имеются в сюжетной области (кольцо с фигурным навершием из стоянки Быки 7, зооморфные фигурки Елисеевичей 1), а также – в археологическом контексте женской статуэтки из раскопок стоянки Елисеевичи 1 (яма с костями мамонта павловского типа). Распад граветтского культурного мира проявляется в исчезновении единого стиля и иконографического ряда женской скульптуры. Канон женских изображений соответствует таковому, характерному для поздней поры верхнего палеолита Европы. Одновременно, каждая эпиграветтская стоянка, при раскопках которой были найдены женские фигурки отличается по этому показателю ярко выраженной индивидуальностью. Такую же степень индивидуальности демонстрируют орнаментальные мотивы, характеризующие тимоновско-юдиновскую и мезинскую археологические культуры, а также – стоянку Елисеевичи 1. Это даёт основание рассматривать их в качестве маркеров этнокультурной и этно-социальной природы. Аналогичная степень индивидуальности в материальной культуре среднерусских памятников поздней поры верхнего палеолита прослеживается при сопоставлении орнаментированных изделий из кости и бивня мамонта, относящихся к одним и тем же категориям.

Варианты восточноевропейского эпиграветта, которые выделяются только на основании технико-типологических характеристик каменных индустрий памятников поздней поры верхнего палеолита Днепро-Деснинского бассейна, могут рассматриваться в качестве проявлений вариабельности эпиграветтского технокомплекса приледниковой зоны Восточной Европы. Однако, при их сопоставлении со стилистическими и иконографическими чертами произведений искусства малых форм обнаруживается прямая корреляция этих вариантов с локальной спецификой памятников искусства, обнаруженных при раскопках их опорных памятников.

Эта корреляция даёт основания рассматривать рассмотренные в данной главе варианты восточноевропейского эпиграветта в качестве археологических культур, таксономически равных, например, костёнковско-авдеевской и хотылёвской культурам восточноевропейского граветта. Особенностью эпиграветтских археологических культур по сравнению с культурами граветта является их территориальная ограниченность. Кроме того, наблюдается отличие в каменных индустриях между эпиграветтскими памятниками Среднего Поднепровья и Подесенья, которое наиболее отчётливо проявляется в наборе острий на микропластинках и пластинках, а также в оформлении проколок.

Анализ археологических объектов среднеднепровских и деснинских верхнепалеолитических памятников позволяет сформулировать определение понятий «стоянка» и «поселение», которое опирается на характер структурных особенностей их культурных слоёв. Поселение определённого хозяйственно-культурного типа включает в себя в виде взаимосвязанной системы большинство групп археологических объектов, известных для памятников этого же ХКТ. Стоянка, в свою очередь, характеризуется присутствием в её культурном слое отдельных разновидностей археологических объектов, выделяемых внутри известных для данного ХКТ групп. Соответственно, для хозяйственно-культурного типа охотников на мамонтов приледниковой зоны Восточной Европы структурообразующими элементами поселений являются как группы углублённых, так и наземных объектов, а стоянок – разновидности различных групп преимущественно наземных объектов. Археологические объекты стоянок, так же как их кремнёвый и костяной инвентарь, могут быть использованы для характеристики культурной специфики памятников. Хотылёвское, Авдеевское и Пушкарёвское поселения отличаются друг от друга присущим только им сочетанием структурообразующих элементов. Такой же степенью отличия обладают и поселения среднеднепровского типа.

Поднепровские и деснинские стоянки также, как и поселения, могут

быть распределены на несколько групп в зависимости от особенностей их структуроопределяющих элементов. Стоянки Радомышль и Семёновка 1 сближаются между собой благодаря открытым на их площади плотным скоплениям крупных костей мамонта, преднамеренно отобранных и уложенных без видимой упорядоченности. Эти же памятники имеют и рассеянные скопления фаунистических остатков, которые могут свидетельствовать, в том числе, и о разделке на их территории туш убитых животных. Последний тезис нуждается, однако, в подтверждении соответствующими археозоологическими исследованиями. Стоянки Чулатово 2 и Семёновка 2 характеризуются, прежде всего, крупными скоплениями кремнёвых предметов. Стоянка Фастов стоит несколько особняком, поскольку её пространственная структура определяется наличием кострищ и связанных с ними сложных скоплений.

Очаги хотылёвско-пушкарёвского типа, жилищные ямы и ямки характеризуют прежде всего остатки жилых объектов и отличаются постоянством своих характерных черт вне зависимости от хронологической позиции памятника, на которых их удалось зафиксировать. Распространённость подобного рода структурных элементов культурного слоя на поселениях Подесенья в течение всего поздневалдайского периода является одной из тех черт, которая характеризует принадлежность рассмотренных нами памятников к единому хозяйственно-культурному типу охотников на мамонтов приледниковой зоны Восточной Европы.

Принципиальное сходство в упорядоченной укладке преднамеренно отобранных костей, которое прослеживается на материалах таких памятников как Хотылёво 2, Пушкари 1 и поселений среднеднепровского типа, свидетельствует о том, что история формирования костных конструкций жилищ аносовско-мезинского типа уходит своими корнями во время распространения восточного граветта. Эти яркие объекты не могут рассматриваться как феномен, внезапно возникающий на территории Восточной Европы после поздневалдайского климатического минимума.

Процесс сложения костно-земляных конструкций аносовско-мезинского типа прослеживается в верхнем палеолите Восточной и Центральной Европы на примере скоплений преднамеренно отобранных и уложенных костей мамонта, начиная с раннего восточного граветта и оканчивая восточным эпиграветтом. В Миловице 1 фиксируется преднамеренный отбор костей и укладка их по определенному плану. В Хотылево 2 укладка костей мамонта приобретает признаки регулярности, характерной для внешних обкладок аносовско-мезинских конструкций. Объекты стоянки Пушкари I характеризуются вкапыванием черепов мамонтов по периметру западин и преднамеренной укладкой костей в центральной части. В скоплениях аносовско-мезинского типа соединяются все перечисленные признаки, которые прослеживаются в более ранних объектах. Аносовско-мезинские конструкции могут рассматриваться как результат развития длительной культурной традиции, в качестве его финальной стадии. Тафономические особенности этих археологических объектов не позволяют их рассматривать как результат разрушения кровли и стен жилищ. Одновременно имеются основания полагать, что сооружение подобных конструкций определялось религиозными представлениями людей того времени.

Таким образом, и восточный граветт, и эпиграветт центральных районов Русской равнины могут быть разделёны на различные составляющие части, отражающие как их стадиальное положение внутри данных образований, так и локальную, культурную и хозяйственную, специфику. Как общие, так и особенные черты памятников одинаково хорошо проявляются в строении отдельных археологических объектов и общей пространственной структуре стоянок и поселений, в морфологии изделий из расщеплённого кремня и стилистике произведений искусства малых форм. Их анализ показывает, что восточный граветт и восточный эпиграветт являются звеньями одной цепи, существование которой стало принципиально возможным благодаря общей культурной подоснове, формирование которой связано с ранним граветтом Центральной и Восточной Европы. Возникновение восточного граветта на

Русской равнине, скорее всего, следует рассматривать как результат определённого взаимодействия между центральноевропейскими и местными культурными традициями.

Синтетический характер восточного граветта может объяснять возникший на последующем этапе процесс его дезинтеграции, начало которого проявляется в культуре финально-восточнограветтских памятников – Пушкари I и Клюсы, с одной стороны, и Октябрьское II (сл. 1) – с другой. В результате распада восточного граветта возникает восточный эпиграветт, имеющий столь же неоднородную в культурном отношении структуру, которая максимально ярко проявилась в произведениях искусства малых форм.

Архивные материалы

Алексеев С.Н. Отчет о раскопках верхнепалеолитической стоянки Октябрьское-II и разведках памятников палеолита отрядом Авдеевской палеолитической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ в Курской области в 1986 г. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № № 11759, 11759а.

Алексеев С.Н. Отчет о раскопках верхепалеолитических стоянок Октябрьское-I и Октябрьское-II и разведках памятников палеолита среднерусской палеолитической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ в Курской области в 1987 г. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 1423, 14524.

Алексеев С.Н. Отчет об исследовании верхнепалеолитических стоянок Октябрьское-I, Октябрьское-II, Русская Поречная, Курск-I, Курск-II Среднерусской палеолитической экспедицией НИИ и музея антропологии МГУ в г. Курске и Курской области в 1988 г. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 13757, 13758.

Гвоздовер М.Д. Отчёт об исследованиях Авдеевской палеолитической стоянки в 1972 году. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 4923, 4923а.

Гвоздовер М.Д. Отчёт к открытому листу М.Д. Гвоздовер о раскопках Авдеевской палеолитической экспедиции в 1974 году. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 5585, 5585а.

Гвоздовер М.Д. Отчёт об исследованиях Авдеевской палеолитической стоянки в 1975 году. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 5454, 5454а.

Гвоздовер М.Д. Отчёт о раскопках Авдеевской палеолитической экспедиции в 1976 году. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 5829.

Гвоздовер М.Д. Отчёт об исследовании в 1977 г. Авдеевской верхнепалеолитической стоянки в бассейне р. Сейм (Октябрьский район, Курская область). – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 8294.

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. Отчёт об исследованиях Авдеевской

палеолитической стоянки в 1973 году. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 5259, 5259а.

Григорьев Г.П. Отчёт Авдеевской экспедиции за 1978 год. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 7430, 7430а.

Григорьев Г.П. Отчёт о работах Авдеевской экспедиции в 1980 году. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 8170, 8170а.

Григорьев Г.П. Отчёт Авдеевской палеолитической экспедиции за 1981 год. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 8791.

Григорьев Г.П. Отчёт Авдеевской палеолитической экспедиции за 1982 год. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 10651.

Григорьев Г.П. Отчёт о работах Авдеевской экспедиции в 1983 году. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 9789.

Григорьев Г.П. Отчёт о раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1984 году. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 10652.

Григорьев Г.П. Отчёт о раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1985 году. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 10929.

Григорьев Г.П. Отчёт о раскопках Авдеевской экспедиции в 1986 году. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 11374.

Григорьев Г.П. Отчёт Авдеевской экспедиции 1987 года. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 14196.

Григорьев Г.П. Отчёт Авдеевской экспедиции ИА АН СССР и Института антропологии МГУ за 1988 год. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 13220.

Заверняев Ф. М. Отчёт об археологических исследованиях Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки. 1969 г. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 4018.

Заверняев Ф. М. Отчёт об археологических исследованиях Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки. 1970 г. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 4318.

Заверняев Ф. М. Отчёт об археологических исследованиях Хотылёвской

верхнепалеолитической стоянки в устье “Кладбищенской балки” и Хотылёвского селища в устье Госомы. 1971 г. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 4413.

Заверняев Ф. М. Отчёт об археологических исследованиях Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки в урочище “Кладбищенская балка”. 1972 г. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 4935.

Заверняев Ф. М. Отчёт о раскопках Хотылёвской палеолитической стоянки в Брянской области. 1973 г. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 5156.

Заверняев Ф. М. Отчёт об археологических исследованиях Брянского областного краеведческого музея в 1974 г. 1974а – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 5504.

Заверняев Ф. М. Отчёт об археологических исследованиях, проведённых Брянским областным краеведческим музеем в 1975 г. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 5826.

Заверняев Ф. М. Отчёт об археологических исследованиях Брянского областного краеведческого музея. 1977 г. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 6800.

Заверняев Ф. М. Отчёт о раскопках Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки (Хотылёво II), произведённых отделом дореволюционной истории Брянского государственного историко-революционного музея. 1981 г. – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 8859.

Шовкопляс И.Г. Отчет о работе Палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР по раскопкам Радомышльской стоянки в 1957 и 1959 гг. – Архив ИА НАНУ. Дело № 1957-1959/12.

Шовкопляс И.Г. Отчет о работе Палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР в 1959 и 1963-1965 гг. по раскопкам Радомышльской стоянки. – Архив ИА НАНУ. Дело № 1965/10.

Литература

Абрамова З.А. К вопросу о женских изображениях в мадленскую эпоху // КСИИМК. 1959. Вып. 76. С. 103-107.

Абрамова З. А. Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы // СА. 1960. № 3. С. 6-16.

Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. Свод археологических источников. Вып. А 4–3. М.; Л.: Наука, 1962. 85 с., 63 отд. л. ил., карт. в папке; 34 см.

Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л.: Наука, 1966. 224 с.

Абрамова З.А., Палеолитическое искусство // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 78-89. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 166).

Абрамова З. А. О некоторых особенностях палеолитических женских статуэток Сибири // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1987. С. 28-36.

Абрамова З. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1995. 130 с.

Абрамова З. А. Жилища и поселения в палеолите Русской равнины // Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 5–80.

Абрамова З.А. Сравнительный анализ кремневого инвентаря верхнепалеолитических стоянок Среднеднепровского бассейна // Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб.: ИИМК РАН, 1997б. С. 81-114.

Абрамова З. А. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб.: Европейский Дом, 2005. 352 с.

Абрамова З. А. Реализм и схематизм в искусстве мадлена // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 9-26.

Абрамова З.А. Древнейший образ человека. Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 304 с.

Абрамова З.А., Борисковский П.И. (отв. ред.), Н.Н. Гурина (ред. коллегия). Возникновение человеческого общества: Палеолит Африки Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 212 с.

Абрамова З.А., Борисковский П.И. (отв. ред.), Гурина Н.Н. (ред. коллегия). Палеолит Ближнего и Среднего Востока. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 264 с. – (Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века).

Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 149 с.

Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 162 с.

Абрамова З.А., Коробкова Г.Ф., Любин В.П. (отв. ред.), Праслов Н.Д. (ред. коллегия). Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. ТД к советско-французскому симпозиуму. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1988. 72 с.

Александрова М. В. «Идеология» раскопок и приоритеты археологического исследования (У истоков советской методики раскопок палеолитических поселений) // Восточный граветт. М.: Научный мир, 1998. С. 142-150.

Алексеев С. Н., Кашкин А. В. Октябрьское 2 // Археологическая карта России. Курская область. Часть 2. М.: ИА РАН, 1998. С. 103-104.

Амирханов Х. А. (Отв. ред.) Восточный граветт. М.: Научный мир. 1998. 332 с.

Амирханов Х.А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 15-34.

Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 2000. 248 с.

Амирханов Х. А. Восточнограветтские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир, *2004*. С. 5-18.

Амирханов Х.А., Ахметгалеева Н.Б., Бужилова А.П., Бурова Н.Д., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф. 2009. 466 с.

Амирханов Х. А., Лев С. Ю. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки: археологический и знаково-символический аспекты изучения // РА. 2003. № 1. С. 14–28.

Амирханов Х. А., Лев С. Ю. Произведения палеолитического искусства стоянки Зарайск А // Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 / Х. А. Амирханов и др. М.: Палеограф. 2009. С. 187–288.

Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: автореф. дисс. … докт. истор. наук. СПб., 1991. 40 с.

Аникович М.В. Граветтоидный путь развития, граветтоидные археологические культуры и проблема «граветтоидного эпизода» // Северо–Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза. ТД семинара. Одесса: Одесский археологический музей, 1992а. С. 15–17.

Аникович М.В. Южная и юго-западная историко-культурные области Восточной Европы // КСИА. Вып. 206. 1992б. С. 34-42

Аникович М. В. Судьбы верхнепалеолитического населения Русской равнины // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК (11-14 апреля 1995 года). СПб., 1995. (Археологические изыскания. Вып. 22). С. 10-13.

Аникович М. В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному

эпиграветту» // Восточный граветт / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 35-66.

Аникович М. В. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum plus. 2003–2004. 2005. № 1: В эпоху мамонтов. С. 487-505.

Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область: Виллендорфско-Павловско-Костёнковское единство в Восточной Европе // Человек и мамонт в палеолите Европы: Часть II: Днепро-Донская историко-культурная область: Памяти Михаила Васильевича Аниковича. — СПб.: Издательство Ars longa, 2019. С. 11-156.

Аникович М.В. Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии. Избранные лекции / Учебное издание. Российские ученые — студентам университетов. — Новосибирск: Новосиб. гос. университет; ИАЭт СО РАН, 2010. 56 с.

Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История. 2007. 336 с.

Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы (Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1). СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с.

Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И. Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы: Историография, методология, основные проблемы. Вып. 1 // Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 6/1. СПб.: Нестор-История, 2011. 128 с.

Ахметгалеева Н. Б. Кремневый комплекс стоянки Быки 7 // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир, 2004. С. 285-298.

Ахметгалеева Н. Б. Использование костного материала на верхнепалеолитических стоянках комплекса Быки Курской области: автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2005а. 28 с.

Ахметгалеева Н. Б. Зооморфная поделка из бивня мамонта со стоянки Быки-7 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005б. № 4 (24). С. 70-76.

Ахметгалеева Н. Б. О перспективе исследований взаимодействия окружающей природы и верхнепалеолитических коллективов по материалам стоянок Быки в Посеймье // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 155-169.

Ахметгалеева Н. Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск: Мечта, 2015. 254 с.

Ахметгалеева Н. Б. Стоянки позднего палеолита Быки в центре Русской равнины: культурная составляющая // Camera Praehistorica, 2019, №1 (2). С. 18-35.

Ахметгалеева Н.Б., Дудин А.Е. Новые произведения искусства с верхнепалеолитической стоянки Костенки 11, 1А культурный слой: технологический анализ и предварительные трасологические наблюдения // Каменный век и начало эпохи раннего металла. Технология изготовления и функции костяных изделий в древних культурах Евразии. Казань, 2017. С. 31–54. (Археология евразийских степей; 2.).

Беляева В. И. Исследования нового участка поселения на палеолитической стоянке Пушкари I // Пушкарёвский сборник. По материалам исследований палеолитической стоянки Пушкари I. Вып. 1. СПб.: Образование-Культура, 1997. С. 5-18, 74-82.

Беляева В. И. Некоторые принципы организации палеолитического поселения // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической науч. конф., Санкт-Петербург, 6–9 октября 1998 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 47-48.

Беляева В. И. Костёнковский топорик // Евразия сквозь века. Сборник научных трудов, посвящ. 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. С. 73-76.

Беляева В. И. Палеолитическая стоянка Пушкари I (характеристика культурного слоя). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 156 с.

Беляева В. И. Очаги и очажные сооружения верхнепалеолитической стоянки Пушкари I // Camera praehistorica. 2021. № 1 (6). С. 47–62.

Бессуднов А. А. Замятнинская археологическая культура поздней поры верхнего палеолита: миф или реальность? // Camera Praehistorica, 2019. № 1 (2). С. 36-69.

Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Вып. I. 227 с.

Борисковский П. И. Палеолитическая стоянка Борщево II // Палеолит и неолит СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. № 2. С. 37-60.

Борисковский П. И. Палеолит Украины // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. № 40. 464 с.

Борисковский П. И. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957а. № 59. С. 174-190.

Борисковский П.И. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы // СА. 1957б. Т. XXVII.С. 29-70.

Борисковский П.И. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы // СА. 1959. Т. XXIX-XXX. С. 5-41.

Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. № 121. 231 с.

Борисковский П.И. (отв. ред.). Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. 383 с.

Борисковский П.И. Палеолитические стоянки на территории Курска // БКИЧП. 1986, № 55. С. 64-81.

Борисковский П.И. (отв. ред.). Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. 269 с. (Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века).

Борисковский П.И., Величко А.А., Морозова Т.Д., Халчева Т.А. Пушкари I // Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М: Наука, 1981. С. 93-97.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Издательство Академии Наук СССР. 1952. - 263 с.

Будько В. Д. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины // Древности Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1966. С. 6–21.

Будько В.Д., Вознячук Л.Н. Палеолит Белоруссии и смежных областей. Итоги исследований за годы Советской власти // Древности Белоруссии. Доклады к конференции по археологии Белоруссии, март 1969 г. Минск,1969. С. 4-27.

Будько В.Д., Вознячук Л.Н., Калечиц Е.Г. Палеолитическая стоянка Бердыж // АО 1970 г. Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М: Наука, 1971. С. 303-304.

Булочникова Е.В. Вчера и сегодня понятия «восточный граветьен» // Восточный Граветт. М: Научный мир, 1998а. С. 67-72.

Булочникова Е.В. Место Костёнковской культуры в восточном граветте. Автореф. дисс. ... к. и. н. М, 1998б. 27 с.

Булочникова Е. В. «Землянки» и «краевые ямы» верхнепалеолитических стоянок Авдеево и Костёнки I // ВА. 1998в. № 89. С. 72-78.

Булочникова Е. В. Ямы нового жилого объекта Авдеево // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М., 2007. С. 170-188.

Булочникова Е.В. Хронология верхнепалеолитических стоянок в системе археологических и естественнонаучных данных // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2008. С. 63–73. (Замятнинский сборник. Вып. 1).

Булочникова Е. В. Авдеево: межобъектное пространство // Первобытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 37–58.

Булочникова Е.В., Григорьев Г.П. Возможности радиоуглеродного метода: взгляд археолога // IV Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005. С. 53–55.

Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН, 2008. 179 с.

Васильев С. А., Абрамова З. А., Астахов С. Н., Григорьева Г. В., Лисицын С. Н., Синицына Г. В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура. СПб, 2005. 107 с. (Серия: Труды ИИМК РАН. Т. XIX)

Векилова Е. А. Палеолитическая стоянка Борщево I // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. № 39. С. 111-136.

Величко А.А. Геологический возраст верхнего палеолита Центральных районов Русской равнины. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 296 с.

Величко А.А. Природный процесс в плейстоцене. К IX конгрессу INQUA. Новая Зеландия. Отв. ред. И.П. Герасимов. М.: Наука, 1973. 256 с.

Величко А.А., Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П., Губонина З.П., Ударцев В.П., Вангенгейм Э.А., Сотникова М.В., 1981. Авдеево // Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М. С.

Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П. Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М.: Наука, 1977. 142 с.

Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М.: Институт географии РАН, Государственный Исторический музей, 1997. 192 с.

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Маркова А.К., Ударцев В.П. О возрасте и условиях обитания стоянки Хотылёво II на Десне // Палеоэкология древнего человека. М: Наука, 1977. С. 40-49.

Величко А. А., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И. Стратиграфическое положение стоянок Пушкаревской группы // Пушкаревский сборник. По материалам исследований палеолитической стоянки Пушкари I. СПб.: "Образование-культура", 1997. С. 19-30.

Величко А. А., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И. Особенности структуры культурных слоев позднепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. Тезисы докладов междунар. конф., посвящ. 120-летию открытия палеолита в Костёнках, 15–19 ноября 1999 г., Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 20-21.

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцена. М., 1999. С. 19–50.

Величко А.А., Заверняев Ф. М., Грибченко Ю.Н., Губонина З.П., Зеликсон Э.М., Маркова А.К., Ударцев В.П. Хотылёвские стоянки // Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М: Наука, 1981. С. 57-69.

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. 251 С.

Воеводский М. В. К методике раскопок открытых палеолитических стоянок // Доклады и сообщения Исторического факультета Московского университета. Вып. 7. М.: Изд-во МГУ, 1948. С. 82-86.

Воеводский М.В., Алихова-Воеводская А. Е. Авдеевская палеолитическая стоянка (по материалам раскопок 1948 г.) // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI. М.; Л. С. 7-16.

Волков Ф.К. Палеолитическая стоянка в с. Мезине Черниговской губернии // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. Т. 3. М., 1911. С. 263–270.

Воронцова Е.Л. Верхнепалеолитические Венеры: взгляд антрополога // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2017. № 2. С. 122-132.

Воскресенская Е. В., Гаврилов К. Н. Исследования стоянки Хотылёво 2 — пункт «Д» в 2013 г. // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 г. Брянск: РИО БГУ им. академика И.Г. Петровского, 2014. С. 45–51.

Гавриленко І. М. Дослідження Вадимом Щербаківським решток палеолітичного житла в Гінцях: не здійснене відкриття // Кам'яна доба України 14. Київ: Шлях, 2011. С. 133–140.

Гаврилов К. Н. Кремневые комплексы стоянки Тимоновка I // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1994а. № 3. С. 63-76.

Гаврилов К. Н. Специфика кремневых комплексов среднеднепровских стоянок поздневалдайского времени (сравнительная типология предметов со вторичной обработкой): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1994б. 173 с.

Гаврилов К. Н. Структура Хотылёвского верхнепалеолитического поселения // Восточный граветт. Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 177-190.

Гаврилов К. Н. Среднее Поднепровье как историко-культурная область Восточной Европы верхнего палеолита: проблема времени и причин формирования // Горизонты антропологии: Труды Междунар. конф. памяти академика В. П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20–22 сентября 1994 г. М.: Наука, 2003. С. 238-249.

Гаврилов К.Н. Типология каменных орудий и культурная принадлежность Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный Мир, 2004. С. 262-284.

Гаврилов К. Н. О периодизации восточнограветтийских стоянок Днепро-Деснинского бассейна // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: Academia, 2005. С. 29-45.

Гаврилов К. Н. Археологические объекты верхнепалеолитических стоянок Среднего Поднепровья и Подесенья // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене. М.: ИА РАН, 2007. С. 33-72.

Гаврилов К. Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2. М.: Таус, 2008. 256 с.

Гаврилов К. Н. Женщина — зверь — орнамент. Культурная специфика в искусстве эпиграветта на Русской равнине // Российская археология. 2009. № 4. С. 66–80.

Гаврилов К. Н. Стоянка Хотылёво 6 (сл. 3): предварительные итоги раскопок 2004 г. // Палеолит и мезолит Восточной Европы: сб. ст. в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / Учреждение Российской акад. наук, Ин-т археологии РАН; отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.: Ин-т археологии РАН: Таус, 2011. С. 169–184.

Гаврилов К.Н. Двойная статуэтка из раскопок стоянки Хотылёво 2: контекст, иконография, композиция. // STRATUM Plus. 2012, № 1. С. 279-292.

Гаврилов К.Н. Второй культурный слой стоянки Хотылёво 6 // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой: Сборник научных статей. — СПб.: Издательство С.-Петерб. гос. ун-та, 2014. (Труды исторического факультета С.-Петерб. гос. ун-та. Т. 18.). С. 105-119.

Гаврилов К. Н. Археологический контекст новых радиоуглеродных датировок стоянки Хотылёво 2, пункт В2 // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 103-112. (Замятнинский сборник, вып. 4).

Гаврилов К.Н. Археологический контекст антропоморфной скульптуры стоянки Хотылево 2. // Вестник Дагестанского Научного Центра, № 58, 2015. С.49-59.

Гаврилов К.Н. Верхний палеолит бассейна Десны. Преемственность и вариабельность в развитии материальной культуры. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 132 с.

Гаврилов К.Н., Боескоров Г.Г., Мащенко Е.Н. Подвеска из клыка медведя из раскопок Хотылёво 2 // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 230. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 275-286.

Гаврилов К. Н., Воскресенская Е. В. Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2: пространственная структура и стратиграфия культурного слоя // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 227. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 71–83.

Гаврилов К. Н., Воскресенская Е. В. Первый памятник ранней поры верхнего палеолита в Верхнем Подесенье // РА. 2014. № 3. С. 5–18.

Гаврилов К. Н., Воскресенская Е. В., Дука К. Стоянка Хотылёво 2 — пункт В: новые данные о возрасте и пространственной организации культурного слоя // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 130–152.

Гаврилов К. Н., Лев С. Ю. Палеолитическая Даная: шедевр из раскопок Хотылёво 2, 2016 г. // КСИА. 2017. Вып. 249. С. 42-49.

Гаврилов К. Н., Хлопачев Г. А., Еськова Д. К. Новая антропоморфная статуэтка верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2 (пункт В, раскопки 2020 года) // КСИА. 2022. Вып. 269. С. 7-21.

Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. № 39. С. 192-226.

Гвоздовер М.Д. Авдеевская стоянка и ее место среди других памятников позднего палеолита. Автореф. дисс. … канд. ист. Наук. М., 1954. 15 с.

Гвоздовер М. Д. Типология женских статуэток костёнковской палеолитической культуры // ВА. 1985. № 75. С. 27-67.

Гвоздовер М. Д. Орнамент на поделках костёнковской культуры // СА. 1985. № 1. С. 9-22.

Гвоздовер М. Д. Археологический контекст женских статуэток Костёнковской верхнепалеолитической культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 1987. С. 18-33.

Гвоздовер М. Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. Отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 224-278.

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. Авдеевская палеолитическая стоянка в бассейне р. Сейм // Палеоэкология древнего человека. М: Наука, 1977. С. 50-56.

Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П. Очередной год работы на Авдеевской палеолитической стоянке близ Курска // АО 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 54.

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П., Деопик Д.В., Леонова Н.Б. Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе. // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1979. С. 7-59.

Гвоздовер М. Д., Рогачев А. Н. Развитие верхнепалеолитической культуры на Русской равнине // Лёсс — перигляциал — палеолит на территории Средней и Восточной Европы. М.: Изд-во АН СССР, 1969. С. 481-530.

Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных орудий. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 198 с.

Гладких М. И. Каменный инвентарь Добраничевской стоянки // Археологические исследования на Украине в 1967 г.: Информационные сообщения. Выпуск 2. Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1968. С. 83-89.

Гладких М. И. Різні прояви пізньопалеолітичної культури в Середньому Подніпров'ї // Український історичний журнал. Київ: Академія наук, Інститут історії України, 1971а, № 10. С. 58-63.

Гладких М. И. Крем'яний інвентар пізньопалеолітичного поселення Межиріч // Археологія. 1971б. № 3. С. 58-63.

Гладких М. И. Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднепалеолитических памятников // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1977. С. 137-143.

Гладких М. И. Древнейшая архитектура по археологическим источникам эпохи палеолита // Vita Antiqua. 1999. № 1. С. 29–34.

Гладких М.І., Рижов С.М., Суховий М.О. Оріньякоїдна стоянка Гордашівка І на Черкащині // Кам'яна доба України. Вип.13. Київ: Шлях, 2010. С. 95-112.

Городцов В. А. Археология. Т. I: Каменный период. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. 400 с.

Городцов В. А. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. // Труды Отделения археологии РАНИОН. Т. I. М.: РАНИИ, 1926. С. 5–40.

Городцов В. А. Техника и типологическая классификация резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 г.г. // Труды Отделения археологии РАНИОН. Т. V. М.: РАНИОН, 1930. С. 15–43.

Городцов В. А. Тимоновская палеолитическая стоянка. Результаты археологических раскопок в 1933 г. Труды Института антропологии, этнографии и археологии, вып. 3. М.–Л.: Изд–во АН СССР, 1935. 36 с.

Грехова Л. В. Поздний палеолит бассейна Средней Десны // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969. С. 88-96.

Грехова Л. В. Тимоновские стоянки и их место в позднем палеолите Русской равнины. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. Москва, 1970. 15 с.

Грехова Л. В. Кремневый комплекс стоянки Тимоновка II и однотипные памятники деснинского бассейна // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Советская Россия, 1971. С. 3-22.

Грехова Л.В. Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи II // СА. 1985. № 1. С. 131-142.

Грехова Л. В. Археологический аспект радиоуглеродных дат стоянок Елисеевичи // БКИЧП. 1990. № 59. С. 111-115.

Грехова Л.В., 2005. Периодизация позднего палеолита Деснинского бассейна // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культурогенез, антропология: Всероссийская конференция 8–11 августа 2005 г. / Ред. С. Н. Астахов, В. В. Попов. Воронеж: Воронежский государственный университет. С. 44-47.

Грехова Л. В. Структура культурного слоя стоянки Елисеевичи по материалам раскопок 1970–1980 гг. // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 188-210.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Тимирева С.Н., Воскресенская Е.В. Литолого-стратиграфические особенности позднепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины // Верхний палеолит-верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. Материалы Международной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Александра Николаевича Рогачева. Ред. Н.Д. Праслов. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 89-94.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Палеогеографические особенности основных стоянок позднего палеолита бассейна реки Десны (Хотылево, Елисеевичи, Юдиново, Пушкари) // Эпиграветтские памятники Среднего Поднепровья. Ред.-сост. Д.В. Ступак, Г.А. Хлопачев. Археологический альманах, № 31. К.: Видавець Олег Філюк, 2014. С. 99-116.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Воскресенская Е.В. К вопросу о палеогеографических особенностях распространения крупных стоянок палеолита в бассейне реки Десны // Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта. Путеводитель конференции — полевого семинара. Ред. Гаврилов К.Н., Очередной А.К., Желтова М.Н. М.: Ин-т археологии РАН, 2019. С. 12-33.

Григорьев Г.П. Кремсская, виллендорфская и павловская культуры в Средней Европе // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1966. С. 7-24.

Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.: Наука, 1968. 224 с.

Григорьев Г. П. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. Отв. ред. А.А. Формозов. М.: Наука, 1970. С. 43-63 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 166).

Григорьев Г.П. Виллендорфско-костенковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: ТД. Л., 1989. С. 45-48.

Григорьев Г. П. Отношение восточного граветьена к Западу // Восточный граветт / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 73-80.

Григорьев Г. П. Структура палеолита Десны // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке: Замятнинский сб. Вып. 1. СПб.: Наука, 2008а. С. 48-62.

Григорьев Г. П. Отношение памятников Десны к мадленским памятникам Центральной Европы // Человек, адаптация, культура. Отв. ред. А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008б. С. 175-185.

Григорьева Г.В. Костяной инвентарь верхнепалеолитических стоянок бассейна Десны-Днепра // Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 115-134.

Григорьева Г. В. Украшения и орнаментированные бивни из верхнепалеолитического поселения Юдиново // Stratum plus. 2000. № 1: Время последних неандертальцев. С. 326-331.

Григорьева Г. В. К вопросу о существовании Днепро-Донской историко-культурной области // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы (материалы Междунар. конф., посвящ. 120-летию открытия палеолита в Костёнках. ИИМК РАН, XI. 1999). Вып. 1: Костёнки в контексте палеолита Евразии / Ред. А. А. Синицын, В. Я. Сергин, Дж. Ф. Хоффекер. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 63–67.

Григорьева Г.В. Орудия охоты верхнепалеолитического поселения Юдиново // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культурогенез, антропология: Всероссийская конференция 8–11 августа 2005 г. / Ред. С. Н. Астахов, В. В. Попов. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. С. 48-49.

В.П. Гричук. История флоры и растительности Русской равнины в плейстоцене. М.: Наука, 1989. - 183 с.

Громадова Б. К вопросу об атрибуции изображений на костёнковско-авдеевских лопаточках // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 94-102.

Демиденко Ю.Э. Ориньяк типа кремс-дюфур Сюрени-I (Крым): его вариабельность и место в ориньяке Европы // Тез. докл. конф. «Локальные различия в каменном веке», посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. СПб, 1999. С. 113-115.

Демиденко Ю.Э. Восточная Европа в контексте проблематики ориньяка Европы: прошлые подходы и новые перспективы. // Археологический альманах, № 16. Донецк, 2004. С. 161—194.

Дубянский А.А., Хакман С.А. (ред.). Геология СССР. Т. VI. Брянская, Орловская, Курская, Воронежская и Тамбовская области. Часть 1. Геологическое описание. М.: Гос. Изд-во Геологической литературы, 1949. 340 с.

Дудин А.Е., Федюнин И.В. Третий костно-земляной жилой комплекс стоянки Костёнки 11/Ia. // Лисицын С. Н., Платонова Н. И. (ред.). Человек и мамонт в палеолите Европы II. Днепро-Донская историко-культурная область. Памяти Михаила Васильевича Аниковича. СПб.: Ars longa, 2019. С. 221-234.

Дюпюи Д. Женские восточно-граветтийские статуэтки из известняка со стоянки Костенки 1 // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. С.338-353.

Ершов В.А., Семененко Н.П. (ред.). Геология СССР. Т. V. Украинская ССР, Молдавская ССР. Часть 1. Геологическое описание платформенной части. М.: Гос. научно-техническое изд-во литературы по геологии и охране недр, 1958. 1001 с.

Еськова Д.К. Технология расщепления камня на стоянках восточного граветта Русской равнины: к вопросу о технологическом разнообразии индустрий верхнего палеолита // Вестник Дагестанского научного центра, Том 51. Махачкала, 2013. С.86-93.

Еськова Д.К. Технология расщепления камня на стоянках восточного граветта Русской равнины. Автореф. дисс. … к.и.н. М., 2015. 33 с.

Ефименко П. П. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине Черниговской губ. // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. Т. IV. СПб.: Типография А.Г. Розена, 1912. С. 67-102.

Ефименко П. П. Костенковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического Общества. Т. V, 1915. С. 13–26.

Ефименко П. П. Экспедиция для изучения палеолитических культур // СГАИМК, 1926, № 1, С. 319– 320.

Ефименко П. П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек, 1928, № 1, С. 45–59.

Ефименко П. П. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. XI. 1931. С. 3–4.

Ефименко П.П. Дородовое общество. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 532 с.

Ефименко П. П. Первобытное общество. Л.: Соцэкгиз, 1938.

Ефименко П. П. Первобытное общество. 3-е изд., доп. и перераб. Киев: Изд-во АН УССР, 1953. – 663 с.

Ефименко П. П. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. (О памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа) // СА. 1956. Т. XXVI. С. 28–53.

Ефименко П. П. Костёнки 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Ефименко П. П., Борисковский П. И. Палеолитическая стоянка Боршево II // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. № 39. С. 56-110.

Ефименко П. П., Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР // МИА, № 2, 1941, С. 254– 292.

Ефименко П. П., Борисковский П. И. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. № 59. С. 191–234.

Желтова М. Н., Зарецкая Н. Е. Новые данные по хроностратиграфии Костёнок 1, слой I // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 17. С. 37-44.

Жермонпре М., Саблин М. В., Хлопачев Г. А., Григорьева Г. В. Палеолитическая стоянка Юдиново: свидетельства в пользу гипотезы охоты на мамонтов // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке: Замятнинский сборник. Вып. 1. Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2008. С. 91–112.

Заверняев Ф.М. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. 1974. № 4. С. 142-161.

Заверняев Ф.М. Антропоморфная скульптура Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // СА. 1978. № 4. С. 145-161.

Заверняев Ф.М. Гравировка на кости и камне Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // СА. 1981. № 4. С. 141-158.

Заверняев Ф.М. Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. 1987. № 3. С. 111-130.

Заверняев Ф.М. Кремнёвый инвентарь Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // СА. 1991. № 4. С. 164-181.

Заверняев Ф.М. Остатки жилищно-бытового и хозяйственного комплексов на Хотылевской верхнепалеолитической стоянке // РА. 2000. № 3. С. 69-87.

Залізняк Л.Л., Вєтров Д.О., Хоптинець І.М., Озеров П.І. Гравет Центральної України // Кам'яна доба України. Вип. 15. Найдавніше минуле Новомиргородщини. Київ: Шлях, 2013. С. 106-193.

Замятнин С. Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Т. 2. Л.: ГАИМК, 1929. С. 209–214.

Замятнин С. Н. Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона) // ИГАИМК. Вып. 118, 1935, С. 26–77.

Замятнин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества. Ред. М.Г. Левин (отв. ред.), Г.Ф. Дебец, Я.Я. Рогинский. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 89-152 (Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI).

Замятнин С. Н. Памятники изобразительного искусства эпохи палеолита и их значение для проблемы происхождения искусства // Очерки по палеолиту. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 43-62.

Зарецкая Н.Е., Гаврилов К.Н., Панин А.В., Нечушкин Р.И. Геохронологические данные и археологические представления о времени существования опорных памятников восточного граветта на Русской равнине // РА, 2018, № 1. сс. 3-16.

Кабо В. Р. Круг и крест: размышления этнолога о первобытной духовности. М.: Вост. лит., 2007. 328 с.

Калечиц Е.Г. Первоначальное заселение территории Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1984. 157 с.

Калечыц А.Г., Коласаў А.У., Хлопачаў Г.А. Верхнепалеалітычныя помнікі Верхняга Падняпроўя: Бердыж, Юравічы, Юдзінава (на матэрыялах невядомай навуковай спадчыны К.М. Палікарповіча і даных сучасныхдаследаванняў). Адказ. рэд. Г.А. Хлопачаў, А.Г. Калечыц. Мінск: ІГ НАНБ; Санкт-Пецярбург: МАЭ РАН, 2020. 128 с.

Кашкин А.В. (автор-сост.). Археологическая карта России: Брянская область. Ред. Ю.А. Краснов. М.: Институт археологии РАН, 1993. 304 с.

Клима Б. Б. Малая полуземлянка на палеолитической стоянке Павлов в Чехословакии // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1977. С. 144-148.

Кононенко О.М. Крем'яні знаряддя верхньопалеолітичної стоянки Радомишль І: типологічна специфіка та її інтерпретація // Археологія і давняя історія України. 2015. № 3 (16). С. 35-64.

Кононенко О.М. Стоянка Радомишль І та її місце у верхньому палеоліті України. Автореф. дис. … канд. іст. наук. Київ, 2018. 17 с.

Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

Кудряшов В.Е., Будько В.Е. Каменный инвентарь палеолитической стоянки Юдиново (по материалам раскопок 1962-1967 годов) // Гістарычна – археалагічны зборнік. 1996, № 9. С. 31-42.

Кулаковская Л.В., Усик В.И., Эзартс П. Дорошивци III – граветтская стоянка в долине Днестра (Украина) // STRATUM PLUS. 2012. № 1. С. 131-150.

Лев С. Ю. Каменный инвентарь Зарайской стоянки // Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф, 2009. С. 37-186.

Лев С. Ю., Кларик Л., Гиря Е.Ю. О причинах разнообразия форм ножей костёнковского типа // РА. 2009. № 4. С. 81-93.

Левицький І. Ф. Гонцівська палеолітична стоянка (за даними досліджень 1935 р.) // Палеоліт і Неоліт України. Т. І. Вип. 3. Київ: Вид-во АН УРСР, 1949. С. 197-247.

Леонова Н. Б. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений: автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1977. 170 с.

Леонова Н. Б. Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы: автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.06. Москва, 1994. 40 с.

Линниченко И.А., Хвойко В.В. О новейшихъ раскопкахъ г. Хвойка // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XXIII. Одесса: Экономическая тип. и литогр, 1901. С. 68–76.

Лисицын С.Н. Микропластинчатый инвентарь верхнего слоя Костенок 1 и некоторые проблемы развития микроорудий в верхнем палеолите Русской равнины. // Восточный граветт. Отв. ред. Х.А. Амирханов. М: Научный Мир, 1998. С. 299-308.

Лисицын С. Н. Эпиграветт или постграветт? // Stratum plus. 1999. № 1: Время собирать камни. С. 83-120.

Лисицын С.Н. Граветтийский комплекс стоянки Борщево 5 в Костенковско-Борщевском районе на Дону. // Гаврилов К.Н. (отв. ред.) Палеолит и Мезолит Восточной Европы: сб. ст. в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова. М: Таус, 2011. С. 204-225.

Лисицын С. Н. О вариабельности граветтийского эпизода накануне последнего ледникового максимума: взгляд из Костёнок // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 179–186.

Лисицын С. Н. Культурная дифференциация и периодизация граветта Костёнковско-Борщёвского района на Дону // Человек и мамонт в палеолите Европы. Часть II. Днепро-Донская историко-культурная область. Памяти Михаила Васильевича Аниковича. Отв. ред. С.Н. Лисицын, Н.И. Платонова. — СПб.: Издательство Ars longa, 2019. С. 157-193.

Лисицын С. Н., Дудин А.Е. Граветт / эпиграветт в Костенковско-Бщрщевском районе на Дону: критерии разделения, культурная интерпретация и периодизация // Camera Praehistorica, №1 (2), 2019. С. 70-107.

Литовченко Л. М. Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) // СА. 1969. № 3. С. 110–123.

Массон В.М., Праслов Н.Д. (отв. ред.). Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита (по материалам Восточной Европы и США). ТД Советско-Американского симпозиума, Ленинград, июль 1989 г. Л., 1989. 68 с.

Матюхин А. Е. Памятники с треугольными остриями в долине Северского Донца и их. место в позднем палеолите Русской равнины // Археологический альманах. 2006. № 18. С. 49-78.

Мещерин М. Н. Экспериментальные данные в изучении жилищных конструкций // Известия лаборатории древних технологий: в 2 т. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. С. 112–116.

Москвитин А.И., 1950. О геологических условиях Авдеевской верхнепалеолитической стоянки (Предварительное сообщение) // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI. С. 28-33.

Нужний Д. Ю. Верхньопалеолітичні пам’ятки типу Межиріч та їх місце серед епіграветтських комплексів Середнього Дніпра // Кам’яна доба України. Вип. 1. Київ: Шлях, 2002. С. 57-81.

Нужний Д. Ю. Верхній палеоліт західної і північної України (техніко-типологічна варіабельність та періодизація). — К.: ФОП Філюк О., 2015. — 478 с.

Нужний Д. Ю., Пясецький В. К. Крем’яний комплекс верхньопалеолітичної стоянки Бармаки на Рівненщині та проблема існування пам’яток мізинської індустрії на Волинській височині // Кам’яна доба України. Вип. 2. Київ: Шлях, 2003. С. 58-74.

Окладников А.П. Утро искусства. Л.: Искусство. Ленинградское отд-ние, 1967. 135 с.

Павлов П. Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 467. Сыктывкар, 2004.

Паненкова И.В. Внешний очаг нового участка стоянки Пушкари I и связанные с ним объекты // Пушкаревский сборник: По материалам исследований палеолитической стоянки Пушкари I. Отв. ред. В.И. Беляева. СПб: Издательство «Образование – Культура», 1997. С. 35-43, 86-88.

Панин А.В., Ахметгалеева Н.Б., Шашерина Л.В., Бурова Н.Д., Воскресенская Е.В., Зазовская Э.П., Курбанов Р.Н., Куренкова Е.И., Бричева С.С. Хронология верхнепалеолитических стоянок Быки (центр Восточно-Европейской равнины) по данным ^{14}C и ОСЛ датирования // Stratum plus, №1. 2024. С. 203-230.

Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев: Наукова думка, 1969.

Пидопличко И. Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев: Наукова думка, 1976.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010.

Поликарпович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968. 204 с.

Поликарпович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968. 204 с.

Попов В. В. Кости мамонта в конструкции жилища аносовско-мезинского типа на стоянке Костёнки 11 (Аносовка 2) // Stratum plus. 2003–2004. № 1. С. 157–186.

Праслов Н. Д. Археологические памятники — полигоны хроностратиграфии // Геохронология четвертичного периода: тез. докл. Всесоюз. совещ., Москва, 14–16 ноября 1989 г. Таллин, 1989. С. 112.

Праслов Н.Д. Об одной головке женской статуэтки из Хотылево II // Деснинские древности. Ред. В.П. Алексеев, Г.П. Поляков, В.Н. Гурьянов.

Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева, 25-27 апреля 1995 г., г. Брянск. Брянск, 1995. С. 21-22.

Праслов Н. Д., Иванова М. А. Костёнки 21 (Гмелинская стоянка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука, 1982. С. 198-210.

Праслов Н.Д., Рогачев А.Н. (ред.). Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука, 1982. 285 с.

Пясецкий В.К. Средний культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов // СА. 1991. № 2. С. 131-147.

Пясецький В.К. Пізньопалеолітична стоянка Радомишль. Питання стратиграфії // Кам'яна доба України. Вип. 11. Київ: Шлях, 2008. С. 116—119.

Разгильдеева И.И. Палеолитические комплексы Западного Забайкалья: развитие методов планиграфического анализа // Гуманитарный вектор. Серия: история, политология. 2012. № 2. С. 21–29.

Рогачёв А.Н. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 году // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. № 39. С. 137-191.

Рогачёв А.Н. Александровское поселение древнекаменного века у с. Костёнки на Дону // Материалы и исследования по археологии СССР. 1955. № 45. 164 с.

Рогачёв А.Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. № 59. С. 9-134.

Рогачёв А.Н. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине // КСИА. 1962. Вып. 92. С. 12-17.

Рогачев А.Н. Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969. С. 181–196.

Рогачёв А.Н. Палеолитические жилища и поселения // Каменный век на территории СССР М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1970. С. 64-77. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 166).

Рогачёв А.Н. Каменные орудия как исторический источник // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 137. М.: Наука, 1973. С. 14-21.

Рогачев А.Н., Аникович М.В. Костенки 4 (Александровская стоянка). // Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука, 1982. С. 76-84.

Рогачёв А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 162-271.

Рогачев А.Н., Аникович М.В., Дмитриева Т.Н. Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Праслов Н.Д., Рогачев А.Н. (ред.) Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачёв. Л.: Наука, 1982. С. 92-109.

Рогачёв А.Н., Синицын А.А. Костёнки 14 (Маркина Гора) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачёв. Л.: Наука, 1982. С. 145–162.

Рудинский М. Я. Пушкари I // СА. 1947. Т. IX. С. 171-198.

Сапелко Т.В. Палинология позднепалеолитических памятников Десны // Эпиграветтские памятники Среднего Поднепровья. Ред.-сост. Д.В. Ступак, Г.А. Хлопачев. Археологический альманах, № 31. К.: Видавець Олег Філюк, 2014. С. 117-132.

Свеженцев Ю. С. Радиоуглеродная хронология в археологии // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 11–15.

Селезнёв А.Б. Технология первичного расщепления стоянки Пушкари I (в сравнительном освещении): автореф. дис… канд. ист. наук. М. ИА РАН, 1996. 22 с.

Селезнёв А.Б. Технология расщепления кремня на стоянке Хотылево 2 // Восточный Граветт. Отв. ред. Х.А. Амирханов. М: Научный мир, 1998. С. 214-225.

Сергин В.Я. О размере первого палеолитического жилища в Юдинове // СА. 1974. № 3. С. 236-239.

Сергин В.Я. О первом жилищно-хозяйственном комплексе Елисеевичей // КСИА. 1975. Вып. 141. С. 58-62.

Сергин В. Я. Палеолитические поселения среднеднепровского типа и их историко-культурное значение // КСИА. 1979. Вып. 157. С. 15-20.

Сергин В. Я. Раскопки жилища на Гонцовском палеолитическом поселении // КСИА. 1981. Вып. 165. С. 43-50.

Сергин В. Я. Назначение больших ям на палеолитических поселениях // КСИА. 1983. Вып. 173. С. 23-31.

Сергин В. Я. Структура Мезинского палеолитического поселения. М. Наука, 1987. 104 с.

Сергин В. Я. Жилища на памятниках восточного граветта Русской равнины // Восточный граветт. Отв. ред. Х. А. Амирханов. М. Научный мир, 1998. С. 151-176.

Сергин В. Я. Супонево: общие сведения. Остатки жилища // РА. 2003а. № 2. С. 5-16.

Сергин В. Я. Супонево: внежилищный участок. Структура поселения // РА. 2003б. № 3. С. 14-27.

Сергин В.Я. Малоизвестные жилища поселения Юдиново // Человек, адаптация, культура. Отв. ред. А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 186-199.

Сергин В.Я. Жилища или святилища? // Stratum plus. 2019. № 1. С. 99-110.

Сергин В. Я. Гонцовское поселение. М.: ИА РАН, 2024. 164 с.

Синицын А. А. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы (материалы Междунар. конф., посвящ. 120-летию открытия палеолита в Костёнках. ИИМК РАН, XI. 1999). Вып. 1: Костёнки в контексте палеолита Евразии / Ред. А. А. Синицын, В. Я. Сергин, Дж. Ф. Хоффекер. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 219-236.

Синицын А. А. Культурная и геологическая периодизация верхнего палеолита Восточной Европы: соотношение и проблема корреляции // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 84-85.

Синицын А. А. Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / Ред. Г. В. Синицына. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 4–32.

Синицын А.А. Прерывистость и преемственность в палеолите Костенок // Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы / Ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014. С. 66–76. (Верхнедонской археологический сборник; вып. 6).

Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997. С. 21–66.

Сорокин А. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В. На переломе эпох. М. Гриф и К, 2009. 388 с.

Соффер О. А. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1993. С. 99-118.

Спицын А. А. Русский палеолит // Записки Отделения славяно-русской археологии Русского археологического общества. Т. XI. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1915. С. 133-172.

Степанчук В.Н. Стоянка Мира как источник для реконструкции начального освоения Восточной Европы человеком современного физического облика // Гаврилов К.Н. (отв. ред.) Палеолит и Мезолит Восточной Европы: сб. ст. в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирхановаю М.: Таус, 2011. С. 141-158.

Столяр А. Д. К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита // Материалы и исследования по археологии СССР. Л.: Наука, 1972. № 185. С. 202-219.

Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 299 с.

Ступак Д. В. Нові дослідження верхньопалеолітичної стоянки Клюси // Дослідження первісної археології України (До 50-річчя відкриття палеолітичної стоянки Радомишль). К., 2008. С. 71-85.

Ступак Д.В. Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння в Середньому Подесенні // Кам`яна доба України. Вип.13. К.: Шлях, 2010. С.169-178.

Ступак Д.В. Дослідження епігравецьких стоянок півдня Середньої Десни // Археологія. Вип.1. К., 2011. С. 51-68.

Ступак Д.В., Хлопачев Г.А. Оброблений бивень зі стоянки Оболоння // Археологія і давня історія України. 2014. Вип. 1 (12). С. 127-136.

Ступак Д.В., Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н., Комар М.С. Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння. // Епігравецькі пам’ятки Середнього Подніпров`я. Ступак Д. В., Хлопачев Г. А. (ред.). Київ: Видавець Олег Філюк, 2014. С. 9-30. (Археологічний альманах, № 31).

Сулержицкий Л.Д. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // РА. 2004. № 3. С. 103–112.

Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука, 1979. 168 с.

Тарасов Л.М. Периодизация палеолита бассейна Верхней Десны // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 166-175.

Трусов А. В. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. М. Издательский центр ГИМ, 1994. С. 94-116 (Тр. ГИМ. Вып. 85).

Трусов А.В. Кремневый комплекс Зарайской палеолитической стоянки // Восточный Граветт. Отв. ред. Х.А. Амирханов. М: Научный мир, 1998. С. 279-298.

Уваров А. С. Археология России. I. Каменный период, т. I. М.: Синодальная типография, 1881. 439 с.

Усик В.И. К вопросу о «гигантолитах», топорах и формах мустьерских нуклеусов в позднепалеолитических комплексах. (По материалам ремонтажа коллекций комплекса 2 Королеве 2 и стоянки Радомышль) // Vita antiqua. 2001. № 3-4. С. 167—179.

Федюнин И.В. Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж: ВГПУ, 2010. 202 с.

Филиппов А.К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб.: ЛООО «Сохранение природы и культурного наследия», 2004. 224 с.

Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974. 240 с.

Фролов Б.А. Первобытная графика Европы. Отв. ред. В.П. Алексеев. М.: Наука, 1992. 200 с.

Хайкунова Н.А. Кремневый инвентарь стоянки Супонево (и ее место в палеолите бассейна Десны): автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1985. 19 с.

Хвойка В.В. Киево-Кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи Мадлен // Археологическая летопись Южной России. № 1. Киев, 1903. С. 26–36.

Хлопачёв Г.А. Бивень мамонта и развитие костяной индустрии верхнепалеолитических стоянок Русской Равнины // «Развитие культуры в каменном веке». Краткое содержание докладов Международной конференции, посвящённой 100-летию Отдела археологии МАЭ. СПб., 1997. С. 87-89.

Хлопачёв Г.А. Два подхода к построению женских статуэток на восточно-граветтийских стоянках Русской равнины // Восточный Граветт. Отв. ред. Х.А. Амирханов. М: Научный мир, 1998. С. 226-233.

Хлопачёв Г.А. Особенности обработки бивня мамонта на стоянках среднего и позднего этапов верхнего палеолита на Русской равнине // Локальные различия в каменном веке. ТД на Международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Сергея Николаевича Замятнина. СПб., 1999. С. 122-124.

Хлопачёв Г.А. Технология расщепления и её место в процессе обработки бивня на стоянках верхнего палеолита Русской равнины (25 – 13 тыс. л.н.) // Stratum plus. 2001. № 1. С.

Хлопачёв Г.А. Технология обработки бивня мамонта в эпоху верхнего палеолита (по материалам стоянок центра Русской равнины). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2004. 28 с.

Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука, 2006. 262 с.

Хлопачев Г.А. (отв. ред). Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. СПб.: Экстрапринт, 2016. 384 с.

Хлопачев Г.А. Опыт реконструкции плана и некоторые особенности структуры Юдиновского верхнепалеолитического поселения // Записки ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 17. С. 97-106.

Хлопачев Г.А., Гаврилов К.Н. Палеолитические жилища аносовско-мезинского типа: конструктивные особенности и проблема интерпретации // РА, 2019, № 4. С. 27-42.

Хлопачёв Г.А., Грибченко Ю.Н., Возраст и этапы заселения Юдиновского верхнепалеолитического поселения // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 135-145.

Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н., Кулькова М.Н., Сапелко Т.В. Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи 1: новые данные о возрасте и длительности существования // Stratum plus. 2017. №1. С. 41-57.

Хлопачев Г.А., Полковникова М.Э. Верхнепалеолитическая стоянка Елисеевичи 1: опыт реконструкции хозяйственно-бытовых объектов (по материалам раскопок 1946 г.) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 400-408.

Чабай В.П., Ступак Д.В., Весельский А.П., Дудник Д.В. Культурно-хронологічна варіабельність епігравету Середнього Подніпров'я // Археологія (2). 2020. С. 5-31.

Человек и мамонт в палеолите Европы: Часть II: Днепро-Донская историко-культурная область: Памяти Михаила Васильевича Аниковича. СПб.: Издательство Ars longa, 2019. 388 с. (Серия: Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 8/II).

Черныш А.П. Ранний и средний палеолит Приднестровья. М.: Наука, 1965. 140 с.

Черныш А.П. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М.: Наука, 1987. С. 7-93.

Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите русской равнины. Брянск: Издательский центр «Брянск сегодня», 2001. 132 с.

Шмидт Е.А., Заверняев Ф.М. Археологические памятники бассейна Верхней Десны // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 3. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1959. С. 186-219.

Шовкопляс И.Г. Добраничевская палеолитическая стоянка // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 59. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 32–45.

Шовкопляс И.Г. Фастовская позднепалеолитическая стоянка. (Предварительное сообщение) // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 68-73.

Шовкопляс І.Г. Палеолітична стоянка Радомишль // Археологія. 1964. Т. XVI. С. 102-117.

Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. К истории среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. Киев: Наукова думка, 1965. 328 с.

Шовкопляс И.Г. Палеолитическая экспедиция в 1965—1966 гг. // Археологические исследования на Украине. Вып. 1. К., 1967. С. 56—61.

Шовкопляс И.Г. Добраничевская стоянка на Киевщине (некоторые итоги исследования) // Материалы и исследования по археологии СССР. Л.: Наука, 1972. № 185. С. 177-188.

Щербаківській В. Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенського повіту в 1914 і 1915 р. // Записки Українського наукового товариства дослідування й охорони памяток старовини та мистецтва на Полтавщині І. Полтава: друк. Брауде Я.Е., 1919. С. 61–78.

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Яковлева Л.А. Схематические позднепалеолитические женские статуэтки Поднепровья // Первобытная археология. Отв. ред. С. С. Березанская. Киев: Наукова Думка, 1989. С. 42-54.

Яковлева Л.А. Мобильное искусство позднего палеолита Поднепровья (по материалам Мезина, Межирича, Добраничевки) // Actes du XIIème Congrès International des Sciences Prèhistoeiques et Protohistoriques. Bratislava, 1-7 septembre 1991, Institut Archèologique de l’Acadèmie Slovaque de Sciences. 1992. С. 326-329.

Яковлева Л.А. Мобільна скульптура Мізина: типологія, технологія, художня стилістика // Кам'яна доба України. Вип. 14. Київ: Шлях, 2011. С. 124-132.

Яковлева Л. Найдавніше мистецтво України. Київ: Стародавній Світ, 2013. 288 с.

Absolon K., Klima B. Předmostí. Ein Mamutjägerplatz in Mähren. Praha: ACADEMIA, 1977. 217 p., 210 tabs.

Allsworth-Jones Ph. The Szeletian and the Transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford: Clarendon Press, 1986. 412 p.

Bahn Paul G. Images of the Ice Age. Oxford, Oxford University Press, 2016. 479 p.

Borgia V., Ranaldo F., Ronchitelli A., Wierer U. What differences in production and use of Aurignacian and early Gravettian Lithic assemblages? The case of Grotta Paglicci (Rignano Garganico, Foggia, Southern Italy) // N. GOUTAS, L. KLARIC, D. PESESSE, P. GUILLERMIN (dir.) À la recherche des identités gravettiennes: actualités, questionnements et perspectives. Actes de la table ronde d'Aix-en-Provence, 6-8 octobre 2008. Mémoire LII de la Société préhistorique française. Paris: Société préhistorique française, 2011. P. 161-174.

Bosinski G. Homo sapiens. L'histoire des chasseurs du Paléolithique supérieur en Europe (40 000–10 000 avant J.-C.). Paris: Éditions Errance, 1990. 282 p.

Bosinski G., Bosinski H., Brunnacker K., Cziesla E., Lanser K.P., Neuffer F.O., Preuss J., Spoerer H., Tillmanns W., Urban B. Sprendlingen. Ein Fundplatz des Mittleren Jungpalaolithikums in Rheinhessen // Jahrbuch des Romisch - Germanischen Zentralmuseums, 32. Mainz, 1985. P. 5-91.

Bricker Harvey M., David Nicholas. The Perigordian VI (level 3) Assemblage // Excavation of the Abri Pataud, Les Eyzies (Dordogne), Hallam L. Movius, Jr. and Harvey M. Bricker eds. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harvard University, Cambridge, Massachusetts. Harvard University Press, 1984. 124 p.

Chirica V., Borziac I. Gisements du paléolithique supérieur récent entre le Dniestr et la Tissa. BAI XXII, Editura Pim, IAŞI, 2009. 272 p.

Clark, P.U., Dyke, A.S., Shakun, J.D., Carlson, A.E., Clark, J., Wohlfarth, B., Mitrovica, J.X., Hostetler, S.W., McCabe, A.M., The Last Glacial Maximum // Science. Vol. 325, 2009. P. 710-714.

Conard N. J., Moreau L. Current Research on the Gravettian of the Swabian Jura // Mitteilungen der Gesellschaft für Urgeschichte. Vol. 13., 2004. P. 29–59.

Debrosse R., Kozlowski J. Hommes et climates a l'Age du Mammouth. Le Paleolithique superieur d'Eurasie Centrale. Paris: Masson, 1988. 144 p.

Demidenko Yuri E. Magdalenian in Eastern Europe: is it really there? // Anthropologie. 2020. Vol. LVIII/2-3. P. 227-249.

Demidenko, Yu. E., Škrdla, P., Rios-Garaizar, J. European perspectives of the East European LGM Epi-Aurignacian with Sagaidak-Muralovka-type microliths. In: P. Valde-Nowak, K. Sobczyk, M. Nowak, J. Źrałka (eds.): Multas per gentes et multa per saecula. Amici magistro et collegae suo Ioanni Christopho Kozłowski dedicant. Krakow: Instiute of Archaeology, 2018. P. 85–92.

Demidenko Yuri E., Škrdla Petr, Rios-Garaizar Joseba. In between Gravettian and Epigravettian in Central and Eastern Europe: a peculiar LGM Early Late Upper Paleolithic industry // Přehled výzkumů. 60-1, Brno 2019. P. 11-41.

Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Devièse T., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // Journal of Human Evolution. 2019. Vol. 127. P. 21–40.

Dinnis R., Bessudnov A.A., Reynolds N., Khlopachev G.A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T., Douka K. The tempo of cultural change in the Kostenki Upper Paleolithic: further insights // Radiocarbon. 2021. Vol. 63(3). P. 785-803. doi:10.1017/RDC.2021.20.

Djindjian F. Ruptures et continuités dans les industries du Maximum Glaciaire en Europe Centrale et Orientale: la question de l'Épigravettien // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы (материалы Междунар. конф., посвящ. 120-летию открытия палеолита в Костёнках. ИИМК РАН, XI. 1999). Вып. 1: Костёнки в контексте палеолита Евразии / Ред.

А. А. Синицын, В. Я. Сергин, Дж. Ф. Хоффекер. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 53–62.

Escutenaire C., Kozlowski J., Sitlivy V., Sobczyk K. Les chasseurs de mammouths de la vallee de la Vistule. Krakow-Spadzista B, un site gravettien a amas d'ossements de mammouths. Monographies de Préhistoire Générale, 4. Musées royaux d' art et d' histoire, Brussels, Jagiellonian University, Krakow, 1999.

Eskova Daria. Lithic technology of late Gravettian sites of the Russian Plain: similirity or diversity? // Piotr Wojtal (ed.) International Conference World of Gravettian Hunters. Abstracts&Guide Book. Kraków, 2013. P. 18.

Garrod D. A. E. The Upper Palaeolithic in the Light of Recent Discoveries // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 1938. P. 1–26.

Gavrilov K. N., Voskresenskaya E. V., Maschenko E. N., Douka K. East Gravettian Khotylevo 2 site: Stratigraphy, archeozoology, and spatial organization of the cultural layer at the newly explored area of the site // Quaternary International 2015. Vols. 359–360. P. 335–346.

Gavrilov K. N., Voskresenskaya E. A. Early Upper Paleolithic near from the Khotylevo village // The Dolni Věstonice Studies. Vol. 20. Mikulov Anthropology Meeting. Brno: IA CAS-Masaryk University, 2014. P. 95–97.

Gladkih M. I., Kornietz N. L., Soffer O. Mammouth-Bone Dwelling on the Russian Plain // Scientific American. 1984. Vol. 251. № 5. P. 164-175.

Grigor'ev G. P. The Kostenki-Avdeevo Archeological Culture and the Willendorf-Pavlov-Kostenki-Avdeevo Cultural Unity // From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations. Olga Soffer, N.D. Praslov eds. N. Y.–L.: Plenum Press, 1993. P. 51-65.

Gvozdover M. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo. Oxford: Oxbow Monograph 49, 1995. 186 p.

Haesaerts P., Damblon F., Bachner M., Trnka G. Revisited stratigraphy and chronology of the Willendorf II sequence // Archaeologia Austriaca. 1996. Vol. 80. P. 25-42.

Haesaerts P., Péan S., Valladas H., Damblon F., Nuzhnyi D. Contribution à la stratigraphie du site paléolithique de Mezhyrich (Ukraine) // L'anthropologie. 2015. Vol. 119. P. 364–393.

Hahn J., 1969. Gravettien-Freilandstationen im Rheinland: Mainz-Linsenberg, Koblenz-Metternich und Rhens // Sonderdruck aus Bonner Jahrbücher. V. 169. P. 44-87.

Hoffecker J. F., Holliday V. T. Landscape Archaeology and the Dispersal of Modern Humans in Eastern Europe // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции / Отв. ред. С. А. Васильев, Е. С. Ткач. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 140–170.

Iakovleva L. Les Représentations féminines du paléolithique supérieur de Mézine (Ukraine) // L'Anthropologie. 1995. Vol. 99, № 2/3. P. 273-285.

Iakovleva L. Convergence et divergence thematique et stylistique dans l'Art du Gravettien d'Europe orientale // Marcel OTTE & Foni LE BRUN-RICALENS (Coord.) Modes de contacts et de déplacements au Paléolithique eurasiatique / Modes of contact and mobility during the Eurasian Palaeolithic. ERAUL. 2012. № 140. P. 569-586.

Iakovleva L., Djindjian F. New data on Mammoth bone settlements of Eastern Europe in the light of the new excavations of the Gontsy site (Ukraine) // Quaternary International. 2005. Vol. 126–128. P. 195–207.

Iakovleva, L.A., 2021. La cabane no 1 de Mezine: une reference pour l'architecture des cabanes en os de mammouths // L'Anthropologie. 2021. Vol. 125 (4), article № 102922. http://dx.doi.org/10.1016/j.anthro.2021.102922.

Iakovleva, L., Djindjian, F., 2014. L'habitat a cabanes en os de Mammouths de Gontsy (Ukraine): une refe rence pour la reconstitution d'un systeme de chasseurs-cueilleurs dans son territoire base sur l'economie du Mammouth. Modes de contacts et de de placements au Paleolithique eurasiatique. In: Otte, M., Le Brun-Ricalens, F. (Eds.), Modes de contacts et de de´placements au Pale´olithique eurasiatique. Actes du Colloque UISPP, Commission 8, Lie`ge (28–31 mai 2012) ERAUL. 2014. № 8140, Belgique, pp. 215–241.

Iakovleva L., Djindjian F., Maschenko E. N., Konik S., Moigne A.-M. The late Upper Palaeolithic site of Gontsy (Ukraine): A reference for the reconstruction of the hunteregatherer system based on a mammoth economy // Quaternary International. 2012. Vol. 255. P. 86–93.

Klaric L., 2007. Regional groups in the european Middle Gravettian. A reconsideration of the Rayssian technology. Antiquity. 2007. Vol. 81, 311. P. 176-190.

Klaric L., Guillermin P., Aubry T. Des armatures variées et des modes de productions variables. Réflexions à partir de quelques exemples issus du Gravettien d'Europe occidentale (France, Portugal, Allemagne) // Gallia Préhistoire. 2009. Vol. 51. P. 113-154.

Klima B. Dolní Věstonice. Výzkum tábořiště lovců mamutů v letech 1947–1952. Praha: Nakl. ČSAV, 1963.

Klima B. Zur frage der mikroindustrie aus Pavlov // Pavlov I – Northwest. The Upper Paleolithic Burial and its Settlement Context / J. Svoboda (ed.). The Dolni Vestonice Studies 4. Brno: Academy of Sciences of the Czech Republic, Institute of Archaeology, 1997a. P. 289–312.

Klima B. Bone Industry, Decorative Objects, and Arts.// Pavlov I - Northwest. The Upper Paleolithic Burial and its Settlement Context. Brno. 1997b. P.

Kovalyukh N.N. Stratigraphy, palaeoenvironmentand chronostratigraphic background of the Mira succession (Zaporozhiye, Central Ukraine), Midway between Carpathians and Don // Marcel OTTE & Foni LE BRUN-RICALENS (Coord.) Modes de contacts et de déplacements au Paléolithique eurasiatique / Modes of contact and mobility during the Eurasian Palaeolithic. ERAUL. 2012. № 140. P. 33-58.

Kozlowski J.K. Problem t.zv. kultury kostienkowsko-willendorfskiej // Archeologia Polski. 1969. Vol. 14.

Kozlowski J.K. The Shouldered point horizon and the impact of the LGM on human settlement distribution in Europe. In: J. Svoboda (ed.) Petřkovice. On

Shouldered Points and Female Figurines. The Dolni Vestonice Studies 15. Brno, 2008. P. 181-192.

Kozlowski J.K. The origin of the Gravettian. In: Piotr Wojtal (ed.) International Conference World of Gravettian Hunters. Abstracts&Guide Book. Kraków, 2013. P. 38-39.

Lacorre F. La Gravette, le Gravetien et le Bayacien. C.N.R.S. Laval: Barnéoud, 1960. 369 p.

Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'art occidental. Paris: Mazenod, 1965. 482 p.

Leroi-Gourhan A.; ed. par Brigitte et Gilles Delluc. Prehistoire de l'art occidental. Paris: Citadelles & Mazenod, 1995. 621 p.

Marshack A. Upper Paleolithic symbol systems of the Russian Plain: cognitive and comparative analysis // Current Anthropology. 1979. Vol. 20. № 2. June. P. 271-311.

Marshack A. The Roots of Civilization. The Cognitive Beginnings of Man's First Art, Symbol and Notation. Mount Kisco, New York, Moyer Bell Limited, 1991. 445 p.

Moreau L. Geisenklosterle. The Swabian Gravettian in its European context // Quartar. 2010. Vol. 57. P. 79–93.

Moreau L. Breitenbach-Schneidenmühle, Germany: A Major Aurignacian Open Air Settlement in Central Europe // Eurasian Prehistory. 2012a. Vol. 9 (1–2). P. 51–75.

Moreau L. Le Gravettien ancien d'Europe centrale revisité: mise au point et perspectives // L'anthropologie. 2012b. Vol. 116, P. 609–638.

Noiret P. Le gravettien de Moldavie (30 000–23 000 BP) // Paleo. 2007. Vol. 19. Décembre. P. 159–180.

Nuzhnyi D.Y. Assemblages of three epigravettian sites in the Middle Dnieper Basin: a case of variability of residential patterns of mammoth hunters during the warm season // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 45-46.

Nuzhnyi D.Yu. The industrial variability of the eastern Gravettian assemblages of Ukraine // Quartär. 2009. Vol. 56. P. 159–174.

Obermaier H. Der Mensch der Vorzeit. Berlin, Allgemeine Verlags-Gesellschaft, 1912. 592 p.

Ocherednoi A.K. and Voskresenskaya E.V. Stratigraphic data on Middle Paleolithic sites in The Upper Desna Basin // Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2009. № 37/2. P. 28–36.

Oliva M. A Gravettian site with mammoth-bone dwelling in Milovice (Southern Moravia) // Anthropologie. 1988. Vol. XXVI. № 2. P. 105-112.

Oliva M. Gravettien na Moravě. Brno: FF MU – Praha: FF UK, 2007.

Oliva M. (ed.). Milovice: site of the Mammoth people below the Pavlov Hills. The question of Mammoth bone structures. Brno: Moravské Zemské Muzeum, 2009. 338 p.

Oliva M., 2021. Mammoth bone structures: A Comparison of Dolnı´ Veˇstonice and Spadzista Street Site in Krakow // L'Anthropologie. 2021. Vol. 125 (4), article № 102917, http://dx.doi.org/10.1016/j.anthro.2021.102917.

Otte M. Le Gravettien en Europe Centrale. V. 1–2. Brugge: De Tempel, 1981.

Polanska M. L'industrie lithique. L'apport du regard technologique au sein des industries pavloviennes // Pavlov. Excavations 2007–2011. J. Svoboda (ed.). The Dolni Vestonice Studies 18. Brno: Academy of Sciences of the Czech Republic, Institute of Archaeology, 2011. P. 131–154.

Polanská M., Novák M. Dolní Věstonice II: a complex of sites with different chrono-cultural occupations. Preliminary results of the study of lithic assembleges // Mikulov Anthropology Meeting. / S. Sázelová, A. Hupková, T. Mořkovský (eds.). The Dolni Vestonice Studies 20. Brno: Academy of Sciences of the Czech Republic, Institute of Archaeology, 2014. P. 85–88.

Polanská M., Svoboda J., Hromadová B., Sázelová S. Předmostí III: un site pavlovien de la Porte de Moravie (République tchèque, Europe centrale) // L'anthropologie. 2014. Vol. 118. P. 255–291.

Pryor A.J.E., Beresford-Jones D.G., Dudin A.E., Ikonnikova E.M., Hoffecker J.F., Gamble C. The chronology and function of a new circular mammoth-bone structure at Kostenki 11 // *Antiquity*. 2020. Vol. 94 (374). P. 323-341. doi:10.15184/aqy.2020.7

Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T. F. G. Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation // Quartär. 2015. Vol. 62. P. 121–132.

Rice P.C. Prehistoric Venuses: Symbols of motherhood or womanhood? // Journal of Anthropological Research, 1981. Vol. 37. P. 402–414.

Sinitsyn A.A. Variabilité du Gravettien de Kostienki (Bassin moyen du Don) et des territoires associés // PALEO. 2007. Vol. 19. P. 181-202.

Sklenár K. Palaeolithic and Mesolithic Dwellings: Problems of Interpretation // Památky archeologické. 1975. Vol. LXVI. P. 266–304.

Sklenár K. Palaeolithic and Mesolithic Dwellings: an essay in classification // Památky archeologické. 1976. Vol. LXVII. P. 249–340.

Stupak D. Explorations of Epigravettian Sites in the South of the Middle Desna Area // Ukrainian archaeology. 2011. K., 2012. P.10-25.

Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando: Academic Press, Inc., 1985.

Soffer O. Upper Palaeolithic adaptations in central-eastern Europe and man-mammoth interactions. In: O. Soffer and N.D. Praslov (eds.) *From Kostenki to Clovis.* New York-London, Plenum Press, 1993. P. 31-49.

Soffer Olga and Praslov N. D. (Eds), 1993. From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic-Paleo-Indian adaptations. New York, Plenum Publishing. 334 p.

Soffer O., Adovasio J.M., Kornietz N.L., Velichko A.A., Gribchenko Y.N., Lenz B.R., Suntsov V.Y. Cultural stratigraphy at Mezhirich, an Upper Palaeolithic site in Ukraine with multiple occupations // Antiquity. 1997. Vol. 71. P. 48–62.

Soffer O., Ganble C. (eds.). The World at 18,000 BP. Vol. 1. High latitudes. Cambridge: University Press, 1990. 353 p.

Svoboda J. Afterwords: The Pavlovian as a part of the Gravettian mosaic // J. Svoboda and L. Sedláčková (eds.) The Gravettian along the Danube. The Dolni Vestonice Studies 11. Brno, 2004. P. 283-297.

Svoboda J.A. (ed.). Pavlov I Southeast. A Window Into the Gravettian Lifestyles / The Dolni Vestonice Studies 14. Brno: Academy of Sciences of the Czech Republic, Institute of Archaeology, 2005.

Svoboda J. The Gravettian on the Middle Danube // Paleo. 2007. Vol. 19. P. 203–220.

Svoboda J. Havlíček P., Ložek V., Macoun J., Přichystal A., Svobodová H., and Vlček E. Paleolithic of Moravia and Silesia, 2nd actualized edition. The Dolni Vestonice Studies 8. Brno: Academy of Sciences of the Czech Republic, Institute of Archaeology, 2002.

Valoch Karel, Lázničková-Galetová Martina (Eds.). The oldest art of Central Europe. The first international exhibition of original Art from the Palaeolithic. The Moravian Museum, The Archaeological Institute of the Czech Academy of Sciences, Brno, 2009. 128 p.

Verpoorte A. Places of art, traces of fire. A contextual approach to anthropomorphic figurines in the Pavlovian (Central Europe, 29-24 kyr BP). Leiden: Leiden University, 2001. 141 p.

White R.W. Observations technologiques sur les objets de parure // B. Schmider (ed.) L'Aurignacien de la grotte de Renne: Les fouilles d'André Leroi-Gourhan à Arcy-sur-Cure (Yonne). XXXIVe Supplément à Gallia Préhistoire, 2002. P. 257-266.

White R.W. Systems of Personal Ornamentation in the Early Upper Palaeolithic: Methodological Challenges and New Observations. // Mellars, Paul, Boyle, Katie, Bar-Yosef, Ofer and Stringer, Chris (eds.) Rethinking the Human Revolution: New Behavioural and Biological Perspectives on the Origin and Dispersal of Modern Humans. Cambridge, UK, McDonald Institute for Archaeological Research, 2007. PP. 287-302. (McDonald Institute Monographs).

Список сокращений

АО – Археологические открытия. М.

АН СССР – Академия наук СССР

БКИЧП – Бюллетень коммисии по изучению четвертичного периода. М.

ВА – Вопросы антропологии. М.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ИА – Институт археологии

ИГАИМК – Известия ГАИМК. Л.

ИИМК – Институт истории материальной культуры

КСИА – Краткие сообщения институт археологии АН СССР/РАН. М.

КСИИМК – Кртакие сообщения института истории материальной культуры. М.; Л.

Л. – Ленинград

М. – Москва

НАНУ – Национальная академия наук Украины

РА – Российская археология. М.

РАН – Российская академия наук

СА – Советская археология. М.

СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.

СПб. – Санкт-Петербург

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ГАВРИЛОВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ БАССЕЙНА ДЕСНЫ И СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Исторические науки:
специальность 5.6.3. Археология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 2
Таблицы
Альбом иллюстраций

Москва
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Таблицы…….. 3
Альбом иллюстраций…… 28
Список иллюстраций……. 171

ТАБЛИЦЫ

Табл. 1. Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических стоянок, расположенных на территории бассейна Десны и Среднего Поднепровья (по: Величко и др., 1999; Гаврилов, 2008; Грибченко, Куренкова, 2014; Кононенко, 2015; Нужний, 2015; Панин и др., 2024; Синицын, Праслов, 1997; Ступак и др., 2014; Хлопачев, 2014; Хлопачев, Гаврилов, 2019; Чабай и др., 2020).

№ п/п	Лаб.	СТОЯНКИ ПОДЕСЕНЬЯ, ПОСЕЙМЬЯ И СРЕДНЕГО ДНЕПРА	^{14}C, некал.	кал., ВР[1] от (95,4 %)	кал., ВР[2] до (95,4 %)
		Бассейн р. Сейм			
		Авдеево			
1	ИГАН-151	Зуб мамонта	11 950 ± 310	14985	13240
2	ИГАН-78	Зуб мамонта	13 900 ± 200	17395	16289
3	QC-886	Кость из раскопок 1948 г.	16 565 ± 270	20733	19396
4	ГИН-9863а	Зуб мамонта, периферия	16 800 ± 200	20841	19661
5	QC-621	Кость из раскопок 1978 г.	16 960 ± 420	21757	19520
6	ГИН-15716	Тот же образец, вытяжка до разложения HCl	17 200 ± 1 800	20880	20610
7	ГИН-9863	Зуб мамонта, периферия	18 500 ± 600	23805	20949
8	QC-887	Кость из раскопок 1948 г.	18 500 ± 2 100	22480	22344
9	ГИН-7727	Зуб мамонта, раскопки 1986	19 500 ± 500	24777	22431
10	ГИН-1570а	Костный уголь	19 800 ± 1 200	23866	23765
11	ГИН-7723	Костный уголь, яма №316	19 900 ± 400	24993	23031
12	ГИН-6593	Костный уголь, очаг, кв. з-2, землянка Ц	20 100 ± 200	24711	23770
13	ГИН-6592	Костный уголь, очаг (1987 г.)	20 100 ± 300	25058	23396
14	ГИН-6594	Костный уголь, очаг, кв. г-1, «канава»	20 100 ± 400	25225	23219
15	ГИН-1746	Костный уголь, очаг 2	20 100 ± 500	25546	23050
16	ГИН-11470	«сажа», углистая прослойка межобъектного пространства (кв. д-45')	20 150 ± 350	25210	23368
17	ГИН-7725г	Костный уголь, очажок на кв. Э-Ю-16-17	20 200 ± 160	24710	23840
18	ГИН-11471	Костный уголь, углистая прослойка межобъектного пространства (кв. г-5Г)	20 240 ± 100	24625	23980

1 При калибровке дат использована программа OxCal 4.4 Manual, калибровочная кривая IntCal20 (по: Bronk Ramsey, C. (2009). Bayesian analysis of radiocarbon dates. Radiocarbon, 51(1), 337–360).

2 При калибровке дат использована программа OxCal 4.4 Manual, калибровочная кривая IntCal20 (по: Bronk Ramsey, C. (2009). Bayesian analysis of radiocarbon dates. Radiocarbon, 51(1), 337–360).

19	ГИН-9861	Зуб мамонта, «канава» (кв. з-31)	20 600 ± 700	26366	23213
20	ГИН-9862	Зуб мамонта, периферия	20 600 ± 800	26835	23018
21	ГИН-7727а	Костный уголь, землянка «Я» (1991 г.) бровка	20 750 ± 350	25803	24161
22	ГИН-1747	Костный уголь, очаг 2	20 800 ± 200	25669	24520
23	ГИН-1748	Костный уголь, очаг 6	21 000 ± 200	25804	24834
24	ГИН-2535	Костный уголь, кв. з-7	21 000 ± 800	27180	23440
25	ГИН-7726	Костный уголь, «канава» у землянки «Ю»	21 100 ± 700	26962	23853
26	ГИН-1569г	Костный уголь, очаг 2, серед. зап. (1972 г.)	21 200 ± 200	25901	25135
27	ГИН-7725	Костный уголь, очажок на кв. Э-Ю-16-17 (1986 г.)	21 250 ± 600	26960	24190
28	ГИН-4693	Костный уголь, очаг 8 (1985 г.)	21 600 ± 400	26931	25119
29	ГИН-1970	Костный уголь, последний очаг 1977 г. (очаг №6 ?) или пекарная яма №86 у очага	22 200 ± 700	27899	25115
30	ГИН-1969	Костн. уг., угл. пятно, кв. Я-41-42 (Я-52'-53')	22 400 ± 600	27856	25631
31	ГИН-9860	Зуб мамонта, «канава» (кв. ж-28)	22 500 ± 900	28898	25104
32	ГИН-1571а	Костный уголь, очаг 2	22 700 ± 700	28560	25775
33	ГИН-7724	Костный уголь, очаг № 9, кв. Э-18 (1986 г.)	22 800 ± 160	27381	26460
34	ГИН-7728а	Костный уголь, землянка «Ю» (1991 г.)	23 140 ± 430	28300	26425
35	ГИН-7729	Зуб мамонта	23 400 ± 700	29225	26297
		Сучкино (Октябрьское)			
36	ГИН-5870	Костный уголь, очаг	19 900 ± 1500	27966	20825
37	ГИН-5869	II культурный слой, костный уголь	23 000 ± 300	27793	26470
		Быки 4 (Пены 1)			
38	IGANams-8887	Кость песца, контакт лессовидных суглинков и песков, верхний уровень обитания	16 160 ± 45	19604	19388
39	IGANams-8888	Рог северного оленя, контакт лессовидных суглинков и песков, верхний уровень обитания	16 170 ± 40	19602	19417
40	ЛЕ-1434а	Кость мамонта, один образец для дат ЛЕ-1434а-в	21 600 ± 350	26875	25168
41	ЛЕ-1434б	Песок, нижний уровень обитания	23 100 ± 280	27851	26531
42	ЛЕ-1434в	Жилой объект, низ заполнения	25 200 ± 350	30106	28776

		Быки 5			
43	IGANams-7574	Неопределимая кость, подъёмный материал	3 440 ± 20	3824	3593
44	IGANams-7575	Кость северного оленя, подъёмный материал	14 850 ± 30	18263	18113
		Быки 1 (Пены 2)			
45	IGANams-8886	Кость стопы северного оленя, песок, приочажная яма, низ заполнения жилого объекта	14 180 ± 40	17373	17084
46	IGANams-7573	Неопределимая кость, супесь бурая, средняя часть заполнения жилого объекта	15 721 ± 40	19091	18879
47	IGANams-7572	Кость северного оленя, супесь бурая, перекрывающая заполнение жилого объекта	16 254 ± 40	19821	19498
48	ГИН-8409а	Кость бизона	16 600 ± 180	20468	19585
49	ГИН-8408а	Кость мамонта	17 200 ± 300	21759	20071
50	IGANams-7571	Кость северного оленя, песок, низ приочажной ямы жилого объекта	17 320 ± 40	21000	20795
51	ГИН-8408	Кость северного оленя, привходовое пространство жилого объекта	17 540 ± 120	21704	20868
52	ГИН-8409	Кость носорога, привходовое пространство жилого объекта	17 640 ± 130	21815	20943
		Быки 2			
53	ЛЕ-12268	Битые кости лошади и северного оленя, контакт песка со слоем сизоватой супеси	17 641 ± 210	22007	20855
		Быки 7, сл. I			
54	IGANams-7585	Неопределимая кость, жилище 1, яма 2, контакт красно-коричневой супеси и подстилающей толщи песка	13 250 ± 35	16051	15762
55	ГИН-13084	Фрагменты костей млекопитающих и птиц, жилище 1, ямы, толща песка и переслаивающихся тонких линз супесей	15 600 ± 400	19929	18165
56	IGANams-7584	Костный уголь, жилище 1, ямы, толща песка и переслаивающихся тонких линз супесей	16 570 ± 45	20184	19875

57	IGANams-7590	Костный уголь, жилище 2, яма, песок	16 800 ± 40	20460	20185
58	ГИН-11753	Кости северного оленя и лошади, жилище 1, ямы, толща песка и переслаивающихся тонких линз супесей	17 000 ± 90	20812	20332
59	IGANams-8885	Неопределимая кость, жилище 2, приочажная часть, песок	17 340 ± 40	21021	20816
60	IGANams-7589	Обожжённая кость, жилище 2, приочажная часть, песок	17 575 ± 50	21404	21005
		Быки 7, сл. Ia			
61	ГИН-13082	Фрагменты костей млекопитающих и птиц, низ лёссовидного суглинка	14 300 ± 370	18288	16363
62	ГИН-11755	Битые кости северного оленя и лошади, низ лёссовидного суглинка	16 000 ± 130	19579	18979
63	IGANams-7582	Метаподия лошади, низ лёссовидного суглинка, западина	17 250 ± 45	20940	20625
64	ЛЕ-7794	Кости песца и зайца, низ лёссовидного суглинка	17 320 ± 640	22585	19480
65	IGANams-7581	Костный уголь, низ лёссовидного суглинка, борт западины	17 350 ± 45	21045	20819
66	IGANams-7583	Кость лошади, низ лёссовидного суглинка, западина	17440 ± 40	21230	20876
		Быки 7, сл. Ib			
67	ГИН-13083	Фрагменты костей млекопитающих и птиц, супесь красно-коричневая, заполнение мерзлотных трещин 2 генерации	14 600 ± 250	18575	17102
68	ГИН-11754	Битые кости сев. оленя и лошади, супесь красно-коричневая, заполнение мерзлотных трещин 2 генерации	16 600 ± 140	20408	19619
69	IGANams-8881	Костный уголь, супесь красно-коричневая, над заполнением жилища 2	17 030 ± 45	20761	20450
70	IGANams - 7588	Лопатка лошади (тот же образец, что и ЛЕ-11703), супесь красно-коричневая, над заполнением жилища 2	17 560 ± 40	21386	21006

71	ЛЕ-11703	Лопатка лошади (тот же образец, что и $IGAN_{AMS}$ - 7588), супесь красно-коричневая, над заполнением жилища 2	17 600 ± 300	22115	20565
72	IGANams-7587	Кость лошади, супесь красно-коричневая, над заполнением жилища 2	17 615 ± 40	21431	21046
		Быки 7, сл. Ic			
73	IGANams-8883	Неопределимые кости, верх лёссовидного суглинка	14 675 ± 40	18174	17840
74	IGANams-7580		17 380 ± 40	21072	20845
75	IGANams-7579	над жилищем 2	17 535 ± 40	21370	20980
		Быки 7, сл. II			
76	IGANams-7577	Неопределимая кость, супесь бурая с видимой полигональной сеткой и псевдомицелием	11 100 ± 30	13098	12926
77	IGANams-7578	Неопределимая трубчатая кость, супесь бурая с видимой полигональной сеткой и псевдомицелием	17 095 ± 40	20807	20512
78	IGANams-7576	Неопределимая кость, супесь бурая с видимой полигональной сеткой и псевдомицелием	18 190 ± 45	22284	22024
		Курск 1			
79	ГИН-86	Кость	11 600 ± 200	13995	13104
		Бассейн р. Десны			
		Хотылево 2			
80	ГИН-12861	Зуб мамонта, пункт А, раскоп13,1998 г.	19 600 ± 450	24766	22570
81	ГИН-12857	Пункт А, раскоп 13; кв. -2.7 /2.8; «зольник» - костный уголь	20 190 ± 80	24541	23953
82	ГИН-12856	Пункт Б, раскоп I; кв. Б / 8-9; «зольник» - костный уголь	20 550 ± 210	25260	24174
83	ГИН-15037	Пункт Б, кв. А-10, зольник, костный уголь	20 570 ± 110	25105	24348
84	ГИН-13075	Пункт Б, раскоп I; кв. Б/8-9; зольник основание, костный уголь	20 720 ± 170	25534	24349
85	ГИН-12858	Пункт А, раскоп 13; кв. -2.9; «зольник» - костный уголь	20 830 ± 100	25522	24747
86	ГИН-8497	Зуб мамонта. Пункт А. Раскоп 12	21 170 ± 260	25964	24928

87	ГИН-12855	Пункт А, раскоп 13; кв. -3.7; сектор 3; очаг, костный уголь	21 370 ± 80	25929	25581
88	ГИН-8495	Зуб мамонта. Пункт А. Раскоп 12	21 720 ± 170	26370	25746
89	$IGAN_{AMS}$ - 8514	Костный уголь, пункт В, раскоп В, кв. А-Б 6'-7', яма	21 740 ± 60	26241	25848
90	ГИН-8886	Костный уголь. Пункт Б. Раскоп I	21 850 ± 170	26436	25835
91	$IGAN_{AMS}$ - 8511	Древесный уголь, пункт В, раскоп В, кв. В 6', гл. -891,2	22 100 ± 60	26717	25989
92	$IGAN_{AMS}$ - 8513	Кость № 677, пункт В, раскоп В, кв. В 5', гл. -889,2, яма	22 160 ± 55	26809	26027
93	$IGAN_{AMS}$ - 8515	Костный уголь, пункт В, раскоп В, кв. Ж 8'	22 445 ± 55	27009	26437
94	ГИН-8496	Зуб мамонта. Пункт А. Раскоп 12	22 660 ± 170	27270	26457
95	ГИН-8406	Зуб мамонта. Пункт А. Раскоп 12	22 700 ± 200	27315	26444
96	ГИН-12859	Пункт Б. Раскоп I, кв. В-12, гл. -10.79/ - 10.85, зуб мамонта.	22 700 ± 450	27750	26039
97	OxA-27225	пункт В, раскоп Б, кв. Г-4', яма 6, гл. -876, -889, кость мамонта	22 720 ± 150	27308	26459
98	OxA-27002	пункт Б, раскоп I, кв. В-4, гл. -1063, кость мамонта	22 900 ± 150	27632	26645
99	OxA-X-2500-11	пункт В, раскоп Б, кв. Д-1', гл. -894, -898, кость сев. оленя	23 020 ± 210	27747	26978
100	OxA-27223	пункт В, раскоп Б, кв. В-3', яма 4, гл. -877, кость волка	23 050 ± 150	27684	27150
101	$IGAN_{AMS}$ - 8512	Кость № 842, пункт В, раскоп В, кв. Б 8'- 9', гл. -901, яма	23 065 ± 55	27557	27214
102	OxA-27224	пункт В, раскоп Б, кв. В-2', яма 5, гл. -881, кость птицы	23 160 ± 160	27721	27222
103	OxA-27001	пункт А, раскоп 13, кв. 1:2, гл. -1028, -1027.5, кость мамонта	23 240 ± 160	27745	27260
104	ГИН-8497а	Зуб мамонта. Пункт Б. шурф 2, кв. 5, зольник	23 300 ± 300	28150	27055
105	OxA-27000	пункт В, раскоп А, кв. Г-1, гл. -873, кость мамонта	23 470 ± 170	27873	27320
106	ЛУ-359	Кость. Пункт А. Раскопки Ф.М. Заверняева	23 660 ± 270	28520	27333
107	GrN-22216	Тот же образец, фракция II	23 870 ± 160	28502	27732
108	GrN-21899	Кость, фракция I. Пункт А. Раскоп 12	24 220 ± 110	28722	28006
109	ИГАН-73	Зуб мамонта	24 960 ± 400	30076	28377
110	ГИН-15036	Пункт Д, почва, гумус, к. сл. 2, гл. - 826/ -833	29 090 ± 350	34368	32270
		Пушкари I			
111	QC-899	Костный уголь, раскоп II	16 775 ± 605	21955	18954
112	AA-1389	Костный уголь, раскоп V	19 010 ± 220	23711	22432
113	Ki-11901	Кость лошади, раскоп VII	19 500 ± 240	23959	22960

114	ГИН-11310	Кость жженая, раскоп VII	20 160 ± 180	24713	23808
115	ГИН-10195	Костн. уголь, раскоп VII	20 350 ± 180	25000	23966
116	ГИН-11311б	Кость, раскоп V	20 500 ± 500	25882	23451
117	ГИН-8529	Зуб мамонта, раскоп V	20 600 ± 1300	28007	22185
118	ГИН-8529а	Зуб мамонта, раскоп V	20 700 ± 500	25932	23824
119	ГИН-11309	Костн. уголь, раскоп VII	20 840 ± 190	25662	24609
120	ГИН-11311а	Кость, раскоп V	20 900 ± 900	27202	23246
121	ГИН-3381	Костный уголь, раскоп V	21 100 ± 400	26245	24308
122	ГИН-3382	Кость, раскоп V	21 100 ± 400	26245	24308
123	ГИН-11307	Костный уголь, раскоп V	22 350 ± 150	27120	26318
		Погон			
124	ЛУ-361	Кость	18 690 ± 770	24633	20831
125	ГИН-10193	Кость	22 300 ± 300	27194	25985
126	ГИН-10194	Бедренная кость	22 500 ± 450	27624	25954
127	ГИН-11315	Рёбра	23 800 ± 700	29868	26559
128	ГИН-11312	Кости	24 000 ± 1200	31033	26091
		Оболонье			
129	SPb-442	Трубчатая кость мамонта	15 200 ± 200	18880	18181
130	Ox-28035	Трубчатая кость мамонта	20 730 ± 120	25275	24615
		Новгород-Северская ст.			
131	OxA-698	Зуб мамонта	19 800 ± 350	24723	22999
		Пушкари IX, 1 (Бугорок)			
132	Ki -13078	Зуб овцебыка, основной гор-нт к.сл.	11 060 ± 140	13228	12743
133	ЛЕ-6961	Зуб мамонта, верх осн. гор-та к.сл.	11 500 ± 400	14819	12700
134	Ki -13079	Зуб мамонта, основной гор-нт к.сл.	11 700 ± 250	14181	13093
135	Ki -11900	Зуб мамонта, основной гор-нт к.сл.	17 200 ± 250	21656	20128
		Пушкари IX, 2 (Бугорок)			
136	Hela-1517	Зуб овцебыка, нижний гор-нт к.сл.	14 770 ± 115	18282	17751
137	OxA-17799	Зуб мамонта, низ к.сл.	14 820 ± 60	18258	17961
		Чулатово 1			
138	OxA-715	Зуб мамонта	14 700 ± 250	18643	17312
		Бужанка 2			
139	GifA- 80178 / SacA-12043	Волк, левая плечевая кость, верхний слой	13 500 ± 80	16541	16021
140	GrA-38555	Трубчатая кость мамонта, верхний слой, яма 1	14 350 ± 60	17813	17300
		Мезин			

141	OxA-13825	Кость волка	14 450 ± 70	17874	17383
142	GrA-22499	Волк, пяточная кость	14 560 ± 90	18125	17437
143	OxA-719	Зуб мамонта, жилище 1	15 100 ± 200	18825	18021
144	SPb-662	Кость	15 340 ± 300	19375	18083
145	Ki -11084	Волк, челюсть	15 600 ± 250	19481	18291
146	ГИН-4	Зуб мамонта	21 600 ± 2 200	33992	21425
147	Ki-1051	Зуб мамонта, из раскопок 1953 г.	27 500 ± 800	33853	30248
148	Ki-1052	Раковины моллюсков, из раскопок 1953 г.	29 100 ±700	35047	31732
149	Ki-1053	Раковины моллюсков, из раскопок 1953 г.	29 700 ± 800	35919	32119
		Юдиново 1			
150	SPb-2855	Череп мамонта, жилище № 5, сегмент из черепов №№ 5 и 6	12 060 ± 135	14790	13528
151	SPb-2913	Череп мамонта, жилище № 5, сегмент из черепов №№ 5 и 6	12 070 ± 120	14315	13606
152	SPb-2912	Череп мамонта, жилище № 5, сегмент из черепов №№ 5 и 6	12 157 ± 120	14817	13771
153	SPb-2893	Череп мамонта, жилище № 5, сегмент из черепов №№ 5 и 6	12,200 ± 100	14812	13802
154	SPb-105	Кость мамонта, верхний слой	12 200 ± 200	15000	13612
155	OxA-696	Костный уголь	12 300 ± 200	15096	13798
156	SPb-107	Кость мамонта, верхний слой	12 350 ± 80	14856	14090
157	SPb-106	Кость мамонта, верхний слой	12 500 ± 95	15125	14264
158	ЛЕ-5518	Костный уголь	12 850 ± 200	15997	14497
159	ЛЕ-3401	Костный уголь	12 980 ± 320	16497	14316
160	ЛЕ-5519	Костный уголь	13 200 ± 200	16435	15265
161	OxA-695	Костный уголь	13 300 ± 200	16599	15380
162	ЛЕ-3303	Кость	13 380 ± 160	16596	15645
163	ЛУ-153	Костный уголь	13 650 ± 200	17074	15922
164	ЛУ-103	Костный уголь	13 830 ± 850	18932	14231
165	SPb-1769	Зуб из черепа мамонта № 1, жилище № 5, сегмент из черепов №№ 1-3	13 835 ± 100	17061	16466
166	ISGS-2085	Кость мамонта	13 980 ± 110	17338	16644
167	ИГАН-1266	Костный уголь, нижний слой	13 980 ± 180	17432	16405
168	ИГАН-1270	Зуб мамонта, нижний слой	14 010 ± 230	17759	16354
169	ISGS-2084	Костный уголь	14 300 ± 110	17808	17085
170	AA-4801	Кость	14 470 ± 160	18182	17167
171	Beta-199779	Костный уголь, нижний слой	14 480 ± 80	17935	17382

172	ГИН-5588	Костный уголь	14 500 ± 200	18214	17137
173	ГИН-5661	Костный уголь	14 610 ± 60	18162	17571
174	AA-4802	Кость	14 650 ± 105	18212	17526
175	ЛЕ-3835	Зуб мамонта	14 870 ± 150	18645	17790
176	ЛЕ-3302	Зуб мамонта	14 980 ± 110	18650	18090
177	ЛУ-127	Кость мамонта	15 660 ± 180	19445	18651
178	ЛЕ-3301	Кость	15 790 ± 320	19896	18306
		Елисеевичи I			
179	SPb-1766	Ребро мамонта, 1936 г., «ход»	12 239 ± 150	14901	13801
180	ГИН-4137	Зуб мамонта, яма 1	12 630 ± 360	16011	13805
181	ЛУ-102	Костный уголь	12 970 ± 140	15938	15131
182	ИГАН-1133	Зуб мамонта, 1970 г., яма № 3	13 100 ± 330	16827	14510
183	SPb-1767	Обломок кости мамонта, 2013 г., придонная часть заполнения мерзлотного клина	13 300 ± 200	16599	15380
184	Beta-192417	Корень резца из верхней челюсти черепа собаки, 1936 г., культурный слой	13 370 ± 70	16309	15851
185	SPb-1933	Кость мамонта, 1936 г., «круг-чурингохранилище»	13 384 ± 150	16569	15678
186	KIA-18760	Корень резца из верхней челюсти черепа собаки, 1935 г., яма с чурингами и статуэткой в округлой конструкции из черепов мамонтов	13 905 ± 55	17058	16675
187	ГИН-4135	Костный уголь из зольника	14 080 ± 70	17359	16982
188	ГИН-4139	Зуб мамонта, 1948 г., «зольник», глубина 1,5 м	14 100 ± 400	18225	16091
189	SPb-1931	Кость медведя, 1948 г., «зольник»	14 113 ± 120	17464	16798
190	ГИН-5475	Костный уголь	14 240 ± 120	17774	17037
191	SPb-1664	Кость мамонта, шурф № 4, (2 метра от западной стены раскопа 1974 г.), основной культурный слой	14 435 ± 150	18115	17137
192	ЛУ-126	Зуб мамонта	14 470 ± 100	17995	17351
193	ГИН-4136	Зуб мамонта из челюсти	14 590 ± 140	18195	17420
194	SPb-1932	Кость волка (?), 1948 г., «зольник»	14 622 ± 150	18216	17432
195	QC-889	Костный уголь	15 600 ± 1 350	22980	15816
196	ИГАН-1134	Зуб мамонта, 1974 г., яма № 2	15 370 ± 195	19008	18250
197	SPb-1934	Кость мамонта, 1965 г., культурный слой	15 995 ± 120	19564	19005
198	ГИН-4138	Зуб мамонта, 1970 г., яма № 1	16 850 ± 120	20696	20026
199	ЛУ-360	Зуб мамонта, 1970 г., западина с костями мамонта № 5	17 340 ± 170	21414	20510

200	ЛЕ-450	Древесный уголь	20 570 ± 430	25737	23836
		Елисеевичи 2			
201	ИГАН-556	Зуб мамонта	15 620 ± 200	19432	18330
		Супонево			
202	ГИН-3381	Зуб мамонта	13 500 ± 100	16601	15968
203	ГИН-7729а	Кость мамонта	13 920 ± 140	17332	16490
204	ГИН-3719	Зуб мамонта	14 260 ± 120	17792	17052
		Тимоновка 1			
205	ИГАН-82	Зуб мамонта	12 200 ± 300	15248	13501
206	ГИН-8414	Кость мамонта	14 530 ± 120	18138	17391
207	ГИН-8413	Кость мамонта	14 750 ± 120	18275	17586
208	ГИН-2003	Кость из раскопок 1932 г. (обожженая -?)	15 300 ± 700	20461	17005
		Тимоновка 2			
209	ЛУ-358	Кость	15 110 ± 530	19610	17065
		Севское мамонтовое местонахождение			
210	ГИН-6209	Верхний горизонт скопления; бивень мамонта	13 680 ± 60	16792	16321
211	ГИН-5778	Нижний горизонт скопления; кость	13 950 ± 70	17240	16648
		Среднее Поднепровье			
		Бердыж			
212	OxA-716	Зуб мамонта	15 100 ± 250	18902	17853
213	ГИН-2695	Зуб мамонта	22 500 ± 200	27225	26383
214	ЛУ-104	Зуб мамонта	23 430 ± 180	27852	27303
		Юровичи			
	Познань	Кость северного оленя	12 660 ± 150		
	ИИМК РАН	Кость из раскопок 1960 г.	15 617 ± 150		
215	GrA-38919	Кость мамонта?	25 660 ± 150	30271	29334
216	ЛУ-125	Зуб мамонта	26 470 ± 420	31281	29980
		Кирилловская			
217	OxA-718	Зуб мамонта	19 200 ± 250	23774	22600
		Радомышль			
218	OxA-697	Зуб мамонта	19 000 ± 300	23741	22388
219	Ki-6210	Костный уголь	19 600 ± 350	24529	22908
		Межиричи			

220	ГИН-2597	Обожженная кость	11 700 ± 800	16409	11818
221	OxA-709	Зуб мамонта, жилище 1	12 900 ± 200	16070	14591
222	ГИН-2596	Обожженная кость, жилище 4	14 300 ± 300	18221	16641
223	QC-897	Обожженная кость, жилище 1	14 320 ± 270	18211	16771
224	OxA-13044, idem GrA-22094	Волк, бедренная кость, жилище 2	14 380 ± 60	17815	17337
225	OxA-712	Зуб мамонта, жилище 2	14 400 ± 250	18225	16988
226	SacA-14982	Песец, голень, жилище 1	14 400 ± 90	17886	17312
227	AA-1317	Зуб мамонта, жилище 3	14 420 ± 190	18138	17097
228	GrA-22501	Волк, бедренная кость, жилище 1	14 450 ± 90	17923	17352
229	ГИН-2595	Костный уголь, жилище 2	14 530 ± 300	18619	16982
230	GrN-29876	Мамонт, бедренная кость, жилище 4	14 550 ± 70	18059	17435
231	GrN-29877, idem OxA-15587	Мамонт, бедренная кость, жилище 4	14 560 ± 70	18083	17450
232	GrA-38787, idem SacA-11176, 14986	Мамонт, бедренная кость, яма 7	14 590 ± 60	18130	17515
233	GrA-22094, idem OxA-13044	Волк, бедренная кость, жилище 2	14 600 ± 110	18181	17461
234	SacA-11487	Уголь, яма 6	14 600 ± 60	18149	17540
235	SacA-11486, idem SacA-11176, GrA-38787	Уголь, яма 7	14 610 ± 60	18162	17571
236	ГИН-2593	Зуб мамонта, жилище 3	14 700 ± 500	19056	16611
237	GrA-38810, idem SacA-11777	Кость мамонта, яма 6	14 750 ± 50	18222	17907
238	OxA-15587	Мамонт, бедренная кость, жилище 4	14 790 ± 60	18245	17928
239	SacA-11177, idem GrA-38810	Кость мамонта, яма 6	14 810 ± 90	18266	17884
240	SacA-12041, idem SacA-14984, 12259	Кость мамонта, яма 8	14 830 ± 90	18277	17891
241	SacA-14984, idem SacA-12041, 12259	Кость мамонта, яма 8	14 920 ± 90	18620	17985
242	SacA-12259, idem SacA-12041, 14984	Кость мамонта, яма 8	14 970 ± 90	18642	18106

243	SacA-11176, idem SacA-14986,GrA-38787	Кость мамонта, яма 7	15 030 ± 90	18647	18191
244	SacA-14981	Волк, бедренная кость, жилище 4	15 210 ± 130	18763	18252
245	QC-900	Обожженная кость мамонта, жилище	15 245 ± 1080	21743	15980
246	SacA-12040	Кость волка, яма 6	15 320 ± 90	18820	18290
247	SacA-14986	Мамонт, бедренная кость, яма 7	15 430 ± 90	18898	18337
248	Ki-1054	Костный уголь, жилище 4	17 855 ± 950	24115	19489
249	Ki-1055	Обожженый зуб мамонта	18 020 ± 600	23278	20408
250	Ki-1056	Костный уголь	18 470 ± 550	23741	21050
251	Ki-1057	Костный уголь, жилище 1	19 100 ± 500	24263	22050
252	Ki-1058	Зуб мамонта, жилище 1	19 280 ± 600	24893	22090
		Добраничевка			
253	OxA-778	Зуб мамонта	12 700 ± 200	15705	14245
254	OxA-12108, idem GrA-22472	Медведь, пяточная кость	13 990 ± 90	17330	16706
255	GrA-22472, idem OxA-12108	Медведь, пяточная кость	14 355 ± 90	17855	17146
		Гонцы			
256	ISGS-1740	Обожжённая кость, 1985 г., яма 9	13 200 ± 270	16709	15085
257	QC-898	Обожжённая кость, яма 9	13 400 ± 185	16734	15602
258	ГИН-8410	Обугленные кости мамонта, яма 9	13 700 ± 100	16948	16289
259	OxA-6729	Кость, нижний слой	14 110 ± 120	17459	16795
260	OxA-7387	Кость мамонта, верхний слой	14 120 ± 90	17398	16986
261	OxA-6601	Кость, выброс из жилища 1	14 180 ± 110	17697	16963
262	OxA-5934	Рог, нижний слой	14 250 ± 110	17759	17053
263	OxA-8409	Кость мамонта, верхний слой	14 280 ± 110	17789	17073
264	ISGS-1739	Обожженная кость, золистый участок U 21	14 350 ± 190	18093	17035
265	OxA-5933	Кость мамонта, жилище 1, яма 10	14 400 ± 110	17940	17154
266	OxA-7609	Кость мамонта, нижний слой	14 420 ± 100	17934	17308
267	OxA-5932	Кость мамонта, жилище 1, яма 10	14 550 ± 150	18187	17380
268	OxA-6602	Кость, выброс из жилища 1	14 590 ± 120	18181	17442
269	OxA-717	Зуб мамонта, золистый участок U 21	14 600 ± 200	18265	17314
270	OxA-8368	Кость мамонта, верхний слой	14 620 ± 100	18190	17494
271	OxA-6142	Кость мамонта, нижний слой	14 670 ± 110	18225	17540

		Бармаки			
272	Ki-11087	Кость	14 300 ± 220	18154	16906
273	OxA-38249	Кость, сл. 2	15 610 ± 80	19062	18760
274	OxA-X-2804-40	Кость, сл. 2	15 720 ± 80	19154	18838
275	OxA-38250	Кость, сл. 2	15 850 ± 80	19379	18924
		Семёновка 1			
276	GrA-22469, idem Ki-5510	Медведь, бедренная кость	13 440 ± 90	16485	15897
277	Ki-5510, idem GrA-22469	Медведь, бедренная кость	13 600 ± 160	16971	15984
		Семёновка 2			
278	Ki-5509	Ребро мамонта	14 200 ± 180	17885	16778
		Семёновка 3			
279	GrA-22471	Кость оленя	13 690 ± 90	16915	16291

Табл. 2. Хотылёво 6, к. сл. 3. Кремнёвый инвентарь.

Наименование	**Кол.**	**%**
Фрагменты плиток кремня	**11**	**3,4**
Обломки кремня	**40**	**12,5**
В том числе – нуклевидные	**2**	
обожженные	**1**	
морозобойные	**1**	
Осколки	**24**	**7,5**
В том числе – морозобойные	**5**	
Наковаленка	**1**	**0,3**
Отбойники	**3**	**0,9**
Ретушеры	**11**	**3,1**
Преформы нуклеусов	**3**	**0,9**
Ребристые сколы	**16**	**4,7**
В том числе – пластины	**13**	
отщепы	**3**	
Сколы переоформления фронта скалывания нуклеуса	**1**	**0,3**
Отщепы	**70**	**20,9**
Пластины и пластинки	**29**	**8,75**
Чешуйки	**21**	**5,9**
Краевой скол	**1**	**0,3**
Неопределимые фрагменты сколов	**13**	**4,1**
Гальки кремневые	**52**	**14,7**

В том числе – расколотые	**33**	
Орудия – предметы без вторичной обработки:	**16**	**5,0**
Резцы	**3**	**18,75**
Скребки	**4**	**25,0**
Кареноидный скребок	**1**	**6,25**
Скребло	**1**	**6,25**[3]
Острия	**4**	**25,0**
В том числе – на отщепах	**3**	
на пластинах	**1**	
Проколки	**3**	**18,75**
В том числе – на отщепах	**2**	
на пластинах	**1**	
Орудия – предметы с вторичной обработкой:	**22**	**6,6**
Резцы	**1**	**4,8**[4]
Скребки	**3**	**14,3**
Скребло	**1**	**4,8**
Нож с обушком	**1**	**4,8**
Пластина со срезанным ретушью концом	**1**	**4,8**
Пластина с подтеской на сломе	**1**	**4,8**
Проколка на отщепе	**1**	**4,8**
Пластины с ретушью	**6**	**27,3**
Отщепы с ретушью	**3**	**14,3**
Пластина с выемками	**1**	**4,8**
Отщепы с выемками	**3**	**14,3**
ВСЕГО	**334**	**100,0**

Табл. 3. Хотылёво 6, к. сл. 3. Соотношение сколов-заготовок среди предметов без вторичной обработки и предметов со вторичной обработкой.

Наименование	**Предметы без вторичной обработки**		**Предметы с вторичной обработкой**		**ВСЕГО**	
	Кол.	**%**	**Кол.**	**%**	**Кол.**	**%**
отщепы	**8**	**50,0**	**10**	**47,82**	**18**	**48,65**
пластины	**6**	**37,5**	**11**	**52,38**	**17**	**45,95**
ребристые	**2**		**1**		**3**	
обломки	**2**	**12,5**	**-**	**-**	**2**	**5,40**
ВСЕГО	**16**	**100,0**	**21**	**100,0**	**37**	**100,0**

Табл. 4. Хотылёво 2, пункт Д. Категориальный состав каменного инвентаря культурного слоя 3.

категория	**кол.**	**%**

3 % от общего количества предметов без вторичной обработки.
4 % от общего количества предметов с вторичной обработкой.

гальки расколотой фрагмент	1	1,56
желвака кремня обломок	1	1,56
известковые конкреции	1	1,56
кварцита фрагмент	1	1,56
кварцитовой гальки фрагмент	2	3,13
кремнёвой гальки фрагмент	1	1,56
кремнистой породы фрагменты	1	1,56
кремня обломок	2	3,13
меловой корки фрагмент	1	1,56
микропластина	2	3,13
осколок	9	14,06
отщеп	13	20,31
отщеп морозобойный	3	4,69
плитки кремнёвой фрагмент	1	1,56
резец	1	1,56
скол фрагментации?	1	1,56
скола фрагмент	6	9,38
чешуйка	17	26,56
ВСЕГО	64	100,00

Табл. 5. Хотылёво 2, пункт А. Раскопы №№ 1-11, предметы с вторичной обработкой (по материалам Ф. М. Заверняева).

Наименование	**кол.**	**%**
Резцы	2354	42,6
Нуклевидные резцы	31	0,6
Скребки	711	12,9
Транке	146	2,6
piece ecaille	1	0,02
Ножи костёнковского типа	22	0,4
Проколки	46	0,8
Острия на пластинах	141	2,6
Острия с притупленным краем	75	1,4
Пластины/микропластины с притупленным краем	823	14,9
Наконечники с боковой выемкой	16	0,3
Пластины с ретушью	508	9,2
Отщепы с ретушью	3	0,1
Пластины с выемками	507	9,2
Комбинированные орудия	119	2,2
Скрёбла	3	0,1
Индивидуальная форма (пластина с черешком)	1	0,02
Сломанные неопределимые	12	0,2
ИТОГО	5520	100

Табл. 6. Хотылёво 2, пункт А. Раскопы №№ 1-11, резцы (по материалам Ф.М. Заверняева).

Наименование	**кол.**	**%**
одинарные, *из них:*	1924	81,7
двугранные	775	40,3
ретушные	587	30,5
на сломе заготовки	532	30,5
комбинированные	274	11,6
трансверсальные	21	0,9
без подготовки площадки	9	0,4
сломанные неопределимые	156	6,6
ИТОГО	2354	100,0

Табл. 7. Хотылёво 2, пункт А. Раскопы №№ 1-11, скребки (по материалам Ф.М. Заверняева).

Наименование	**кол.**	**%**
одинарные, *из них:*	685	96,3
концевые на пластинах	671	98,0
концевые на отщепах	14	2,0
двойные	26	3,7
ИТОГО	711	100,0

Табл. 8. Хотылёво 2, пункт А. Раскопы №№ 12-14, кремнёвый инвентарь.

категория	**кол.**	**%**
боковой скол	**1**	**0,05**
корки меловой фрагменты	**6**	**0,27**
краевые сколы	**5**	**0,23**
микропластины	**109**	**4,92**
микропластинки	**212**	**9,57**
нуклеусы	**9**	**0,41**
обломки кремня	**14**	**0,63**
осколки кремня	**51**	**2,30**

отщепы	**357**	**16,11**
пластины	**211**	**9,52**
пластинки	**49**	**2,21**
пластинчатых сколов фрагменты	**2**	**0,09**
плитка	**1**	**0,05**
пре-нуклеус	**1**	**0,05**
проколка без втор обр	**1**	**0,05**
резцовые сколы	**101**	**4,56**
сколы неопред.	**94**	**4,24**
чешуйки	**850**	**38,36**
предметы с вторичной обработкой	**142**	**6,41**
ВСЕГО	**2216**	**100,00**

Табл. 9. Хотылёво 2, пункт А. Раскопы №№ 12-14, предметы с вторичной обработкой.

наименование	**кол.**	**%**
косые острия	**3**	**2,11**
косое остриё на микропластине	**1**	**0,70**
микроостриё с ПК	**1**	**0,70**
микропластина с ретушированными концами	**1**	**0,70**
микропластина с ретушью края	**1**	**0,70**
микропластинка с выемкой	**1**	**0,70**
микропластины с частично притупленным краем	**4**	**2,82**
мппк	**18**	**12,68**
нож с плечиком	**1**	**0,70**
ппк	**1**	**0,70**
остриё "вашон" атипичное	**1**	**0,70**
острия ретушированные на пластине	**3**	**2,11**
острия/наконечника фрагменты	**3**	**2,11**
отщеп с ретушью	**1**	**0,70**
пластина с подтёской УБ	**1**	**0,70**
пластины с рет выемками	**3**	**2,11**
пластины с ретушью по краям	**5**	**3,52**
пластинка первичная с ретушью	**1**	**0,70**
пластинка с выемкой на сломе	**1**	**0,70**
пластинка с ретушью конца	**1**	**0,70**
пластинка с частично ПК	**1**	**0,70**
ппк-косое острие	**1**	**0,70**
проколка	**2**	**1,40**
Р.-Скр.	**1**	**0,70**
резцы	**64**	**45,07**
резцовый скол-остриё	**1**	**0,70**
скребки	**18**	**12,68**

транке	**1**	**0,70**
черешок атипичного НБВ	**1**	**0,70**
ВСЕГО	**142**	**100,00**

Табл. 10. Хотылёво 2, пункт А. Раскопы №№ 12-14, резцы.

Наименование	**кол.**	**%**
одинарные, *из них:*	**60**	**93,75**
двугранные	**28**	**46,67**
ретушные	**26**	**43,33**
на сломе заготовки	**5**	**8,33**
трансверсальный	**1**	**1,67**
комбинированные	**4**	**6,25**
ИТОГО	**64**	**100,00**

Табл. 11. Хотылёво 2, пункт А. Раскопы №№ 12-14, скребки.

Наименование	**кол.**	**%**
одинарные, *из них:*	**9**	**81,82**
концевые на пластинах	**7**	**100,00**
концевой «с рыльцем» на пластине	**1**	
концевой на отщепе	**1**	
двойные	**1**	**9,09**
сломанные неопределимые	**1**	**9,09**
одинарные приспособленные, *из них:*	**7**	
на пластинах	**5**	
на отщепах	**2**	
ИТОГО	**18**	**100,00**

Табл. 12. Хотылёво 2, пункт Б. Раскоп № I, кремнёвый инвентарь.

категория	**кол.**	**%**
галька кремнёвая	**4**	**1,84**
галька песчаника расколотая	**2**	**0,92**
корки меловой фрагменты	**2**	**0,92**
микропластины	**4**	**1,84**
микропластинки	**3**	**1,38**
нуклевидный обломок кремня	**1**	**0,46**
нуклеусы	**6**	**2,76**
обломки камней	**7**	**3,23**
обломки кремня	**7**	**3,23**
отщепы	**49**	**22,58**
пластины	**46**	**21,20**
пластинки	**9**	**4,15**
плитка	**1**	**0,46**
пре-нуклеус	**1**	**0,46**
резцовые сколы	**8**	**3,69**
сколы неопред.	**16**	**7,37**
сколы переоформления нуклесов	**4**	**1,84**
чешуйки	**10**	**4,61**
предметы с вторичной обработкой	**37**	**17,05**
ВСЕГО	**217**	**100,00**

Табл. 13. Хотылёво 2, пункт Б. Раскоп № I, предметы с вторичной обработкой.

категория	**кол.**	**%**
НКТ на ребристой пластине	**1**	**2,70**
острие-проколка	**1**	**2,70**
остриё ретушированное на пластине	**1**	**2,70**
отбойники	**2**	**5,41**
отщеп пластинчатый со срезанным ретушью концом	**1**	**2,70**
отщепа пластинчатого с выемкой фрагмент	**1**	**2,70**
пластины с ретушью по краям	**1**	**2,70**
пластинка с ретушью края	**1**	**2,70**
Р.-Скр.	**1**	**2,70**
резцы	**9**	**24,32**
скола с ретушью фрагмент	**1**	**2,70**
скребки	**17**	**45,95**
ВСЕГО	**37**	**100,00**

Табл. 14. Хотылёво 2, пункт Б. Раскоп № I, резцы.

Наименование	**кол.**	**%**
одинарные, *из них:*	**8**	**88,89**
двугранные	**2**	**25,00**
ретушные	**3**	**37,50**
на сломе заготовки	**1**	**12,50**
трансверсальные	**1**	**12,50**
без подготовки площадки	**1**	**12,50**
комбинированные	**1**	**11,11**
ИТОГО	**9**	**100,00**

Табл. 15. Хотылёво 2, пункт Б. Раскоп № I, скребки.

Наименование	**кол.**	**%**
одинарные, *из них:*	**15**	**88,24**
концевые на пластинах	**12**	**80,00**
концевые на отщепах	**3**	**20,00**
сломанные неопределимые	**1**	**5,88**
одинарные приспособленные, *из них:*	**1**	**5,88**
на пластинах	**1**	**100,00**
ИТОГО	**17**	**100,00**

Таблица 16. Хотылёво 2, пункт А. Шифрованные изделия из бивня и кости, рр. №№ 1-11.

предмет	**кол.**	**%**
"тупой наконечник" из ребра	2	1,13
"шарик" с шипом	1	0,56
бивень с вырезанным пазом	1	0,56
бивень с заглаженной пов-ю слома	1	0,56
бивень с заглаженным концом	2	1,13
бивень, продольно расчленённый	2	1,13
браслета фрагмент	5	2,82
клык песца без отверстия	3	1,69
кость песца с нарезками	1	0,56
лощило	6	3,39
мотыга	1	0,56
наковаленка-трубчатая кость	1	0,56
наконечник из бивня	6	3,39
нуклеус из бивня	1	0,56
орудие из кости	1	0,56
остриё из бивня	1	0,56
отщеп бивнёвый	3	1,69
пластина бивнёвая	16	9,04

пластина бивнёвая орнаментированная	1	0,56
подвеска из клыка песца	30	16,95
Поделка из бивня в виде фаланги (волк ?)	1	0,56
поделка с нарезками - "бумеранг"	1	0,56
поделки из бивня фрагмент	4	2,26
проколка	6	3,39
пронизка	2	1,13
ребро песца со сломанными концами	1	0,56
ребро продольно расчленённое	2	1,13
ребро с 2-мя продольными сколами встречными	1	0,56
ребро с нарезками по краю	3	1,69
ребро со слом по надпилам концами	8	4,52
ребро-копалка	22	12,43
ребро-копалка и ретушёр	2	1,13
ребро-ретушёр	6	3,39
ретушёр из трубчатой кости	1	0,56
рукоятка костяная	1	0,56
совок из трубчатой кости	6	3,39
стержень бивнёвый	21	11,86
трубчатая кость с нарезками	1	0,56
трубчатая кость с негативами сколов	1	0,56
трубчатая кость со следами обработки	1	0,56
трубчатая кость со срезанными концами	1	0,56
ВСЕГО	**177**	**100,00**

Таблица 17. Хотылёво 2, пункт А. Изделия из бивня и кости с неполным шифром или без паспорта, рр. №№ 1-11.

предмет	**кол.**	**%**
бивень со следами вырезанных стержней	1	1,01
бивень, продольно расчленённый	3	3,03
иголка	3	3,03
клык песца без отверстия	22	22,22
лощило	1	1,01
наконечник из бивня	5	5,05
нуклеус из бивня	1	1,01
пластина бивнёвая	12	12,12
пластина бивнёвая с бороздками	1	1,01
пластина бивнёвая с поперечным пазом	1	1,01
плоская кость с нарезками	1	1,01
подвеска из клыка песца	25	25,25
поделка из бивня в виде клыка со сверл. отверстием	1	1,01
поделки из бивня фрагмент	1	1,01
поделки из зуба фрагмент	1	1,01
проколка	3	3,03
ребра обработанного фрагмент	1	1,01
ребро со слом по надпилам концами	3	3,03
ребро-копалка	4	4,04
совок из трубчатой кости	1	1,01
стержень бивнёвый	8	8,08
ВСЕГО	**99**	**100,00**

АЛЬБОМ
ИЛЛЮСТРАЦИЙ

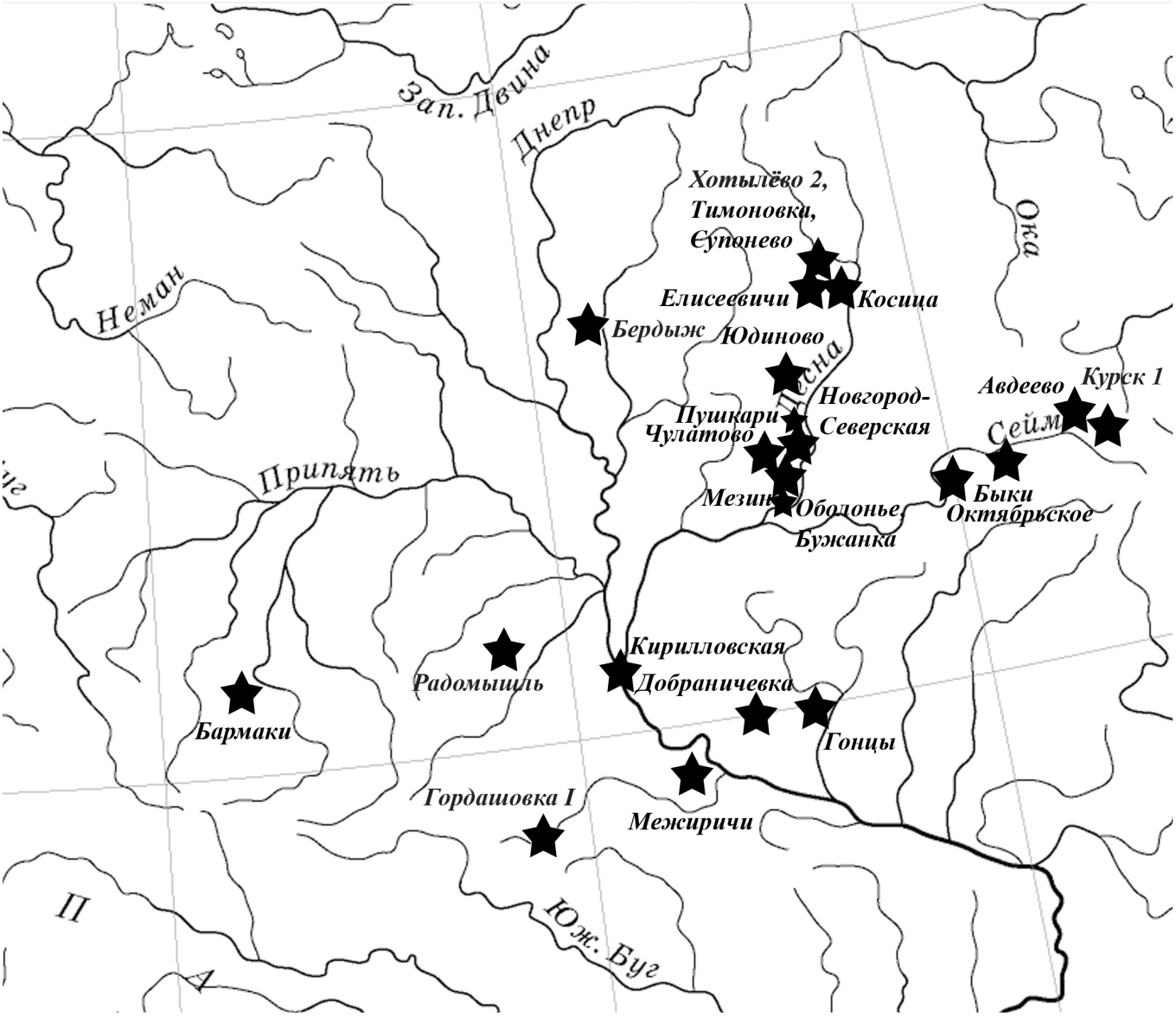

Рис. 1. Карта верхнепалеолитических стоянок Бассейна Десны и Среднего Поднепровья.

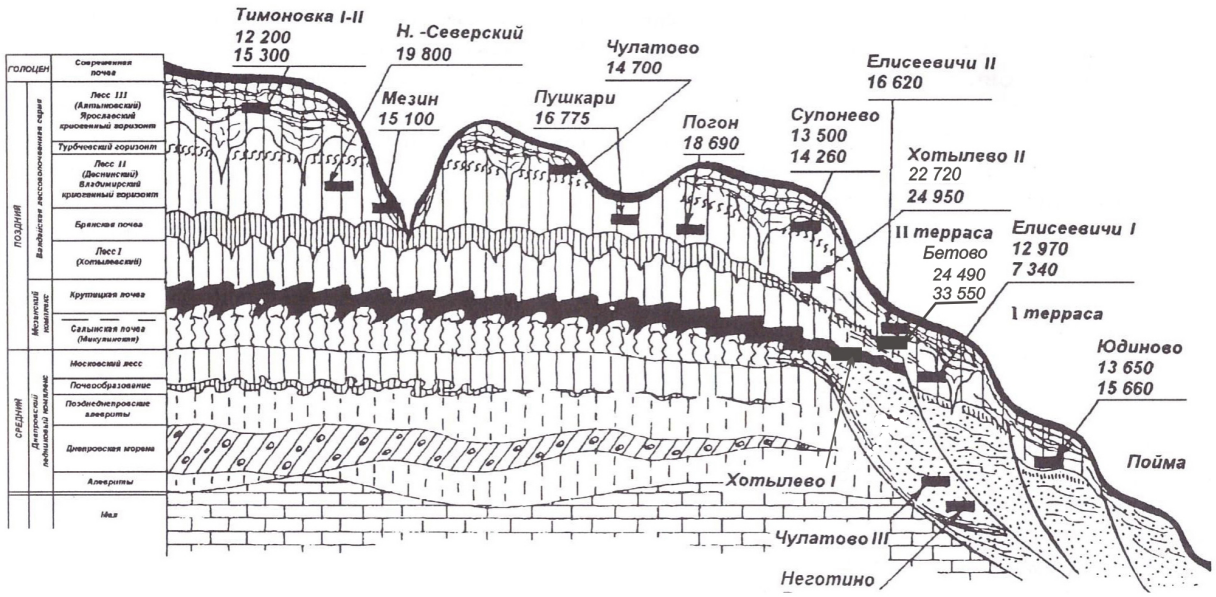

Рис. 2. Геоморфологическое и стратиграфическое положение палеолитических стоянок бассейна Средней Десны (по Величко, 1961; Величко и др., 1997, с исправлениями. Цит. по: Грибченко и др., 2019, рис. 2, с. 15).

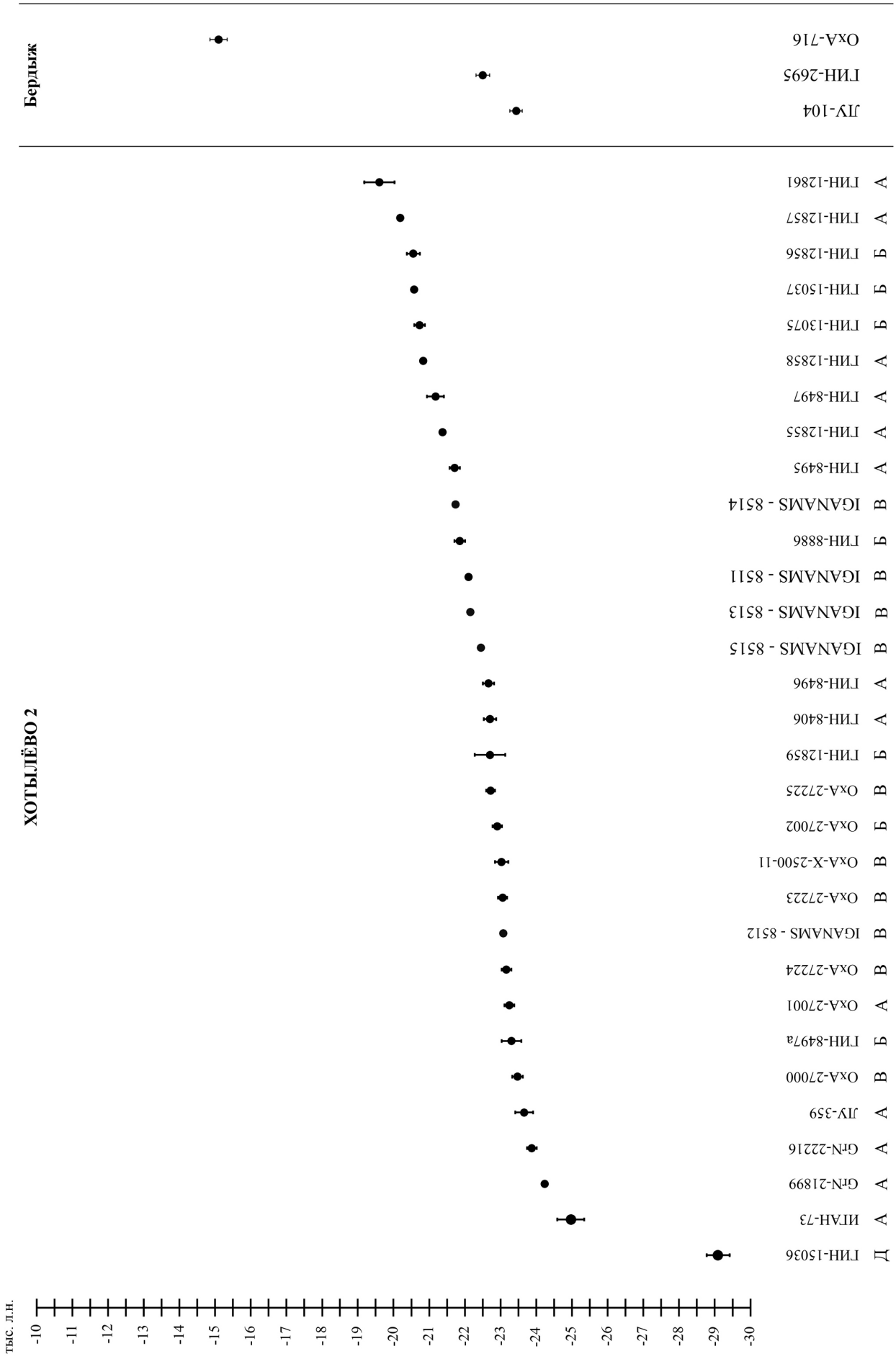

Рис. 3. Распределение некалиброванных радиоуглеродных дат стоянок Хотылёво 2 и Бердыж.

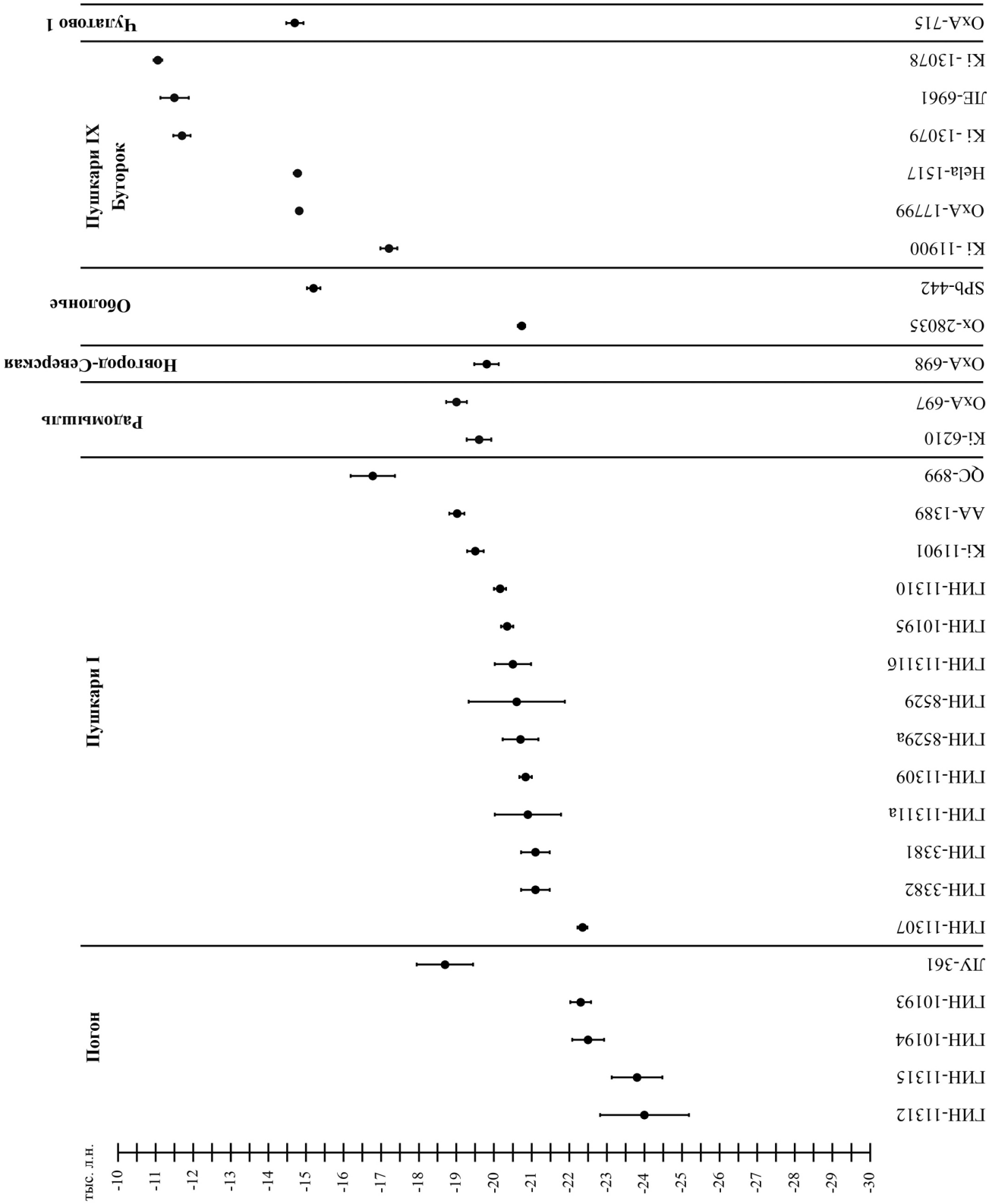

Рис. 4. Распределение некалиброванных радиоуглеродных дат стоянок Пушкарёвской группы, Новгород-Северской, Оболонья и Радомышля.

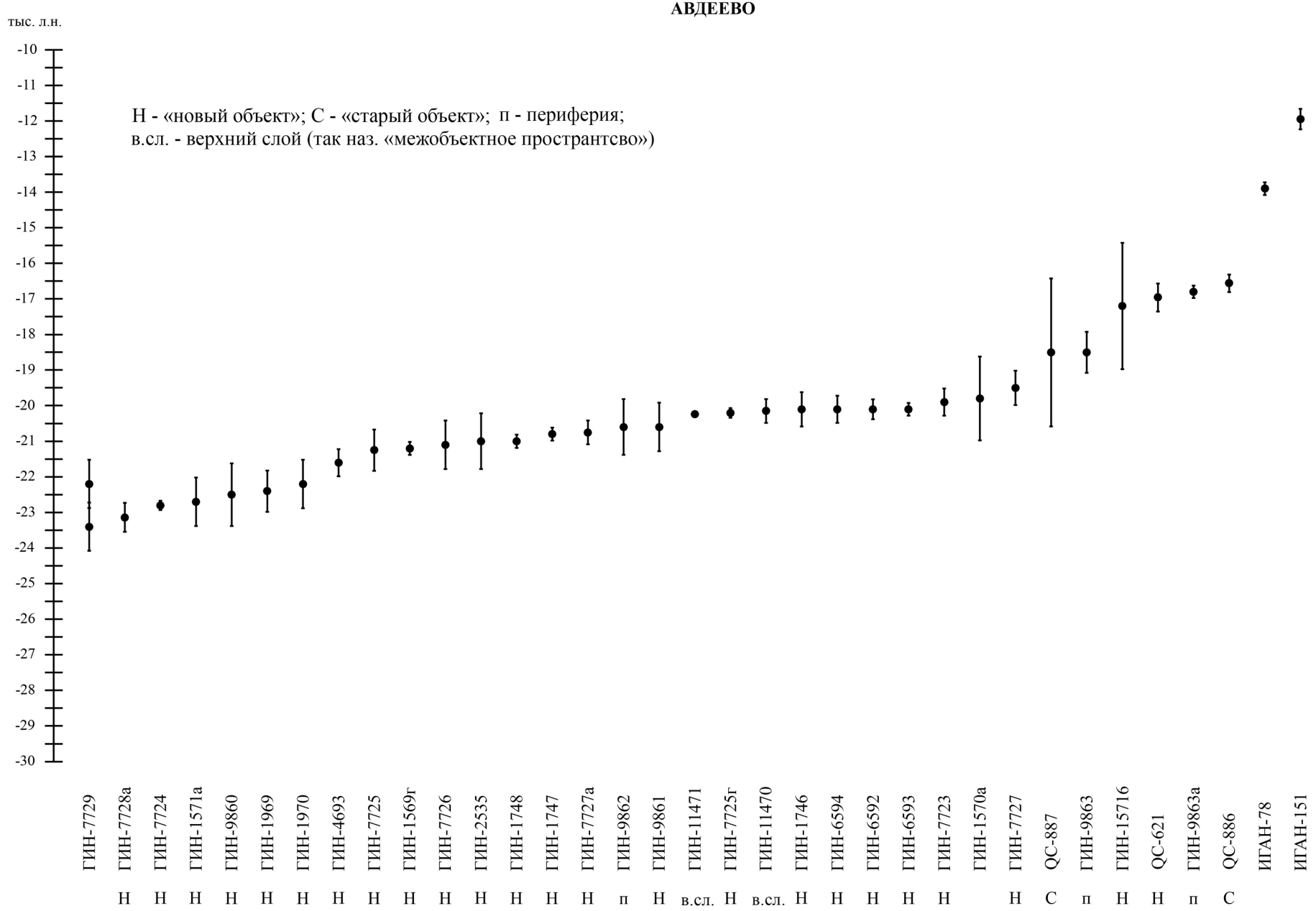

Рис. 5. Распределение некалиброванных радиоуглеродных дат стоянки Авдеево.

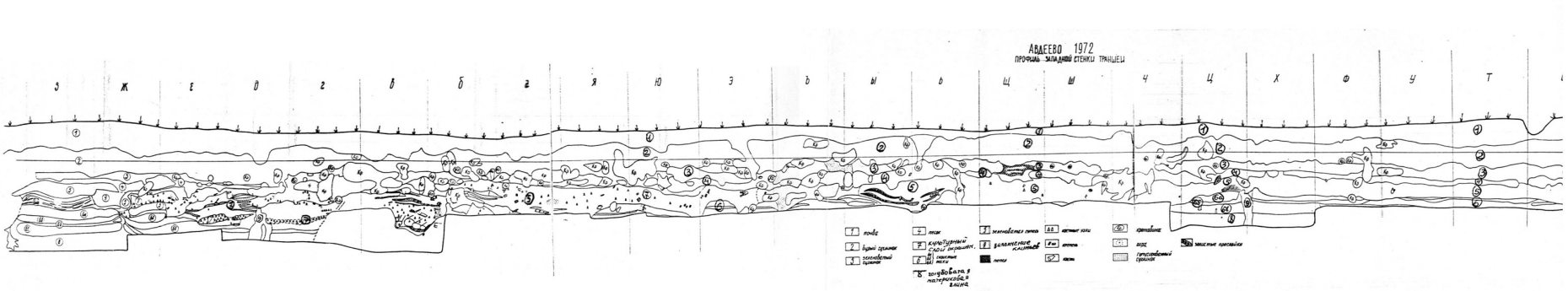

Рис. 6. Авдеево, Новый объект. Профиль западной стенки траншеи 1972 года
(по: отчёт М.Д. Гвоздовер об исследованиях Авдеевской палеолитической стоянки в 1972 году – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 4923а, рис. 40).

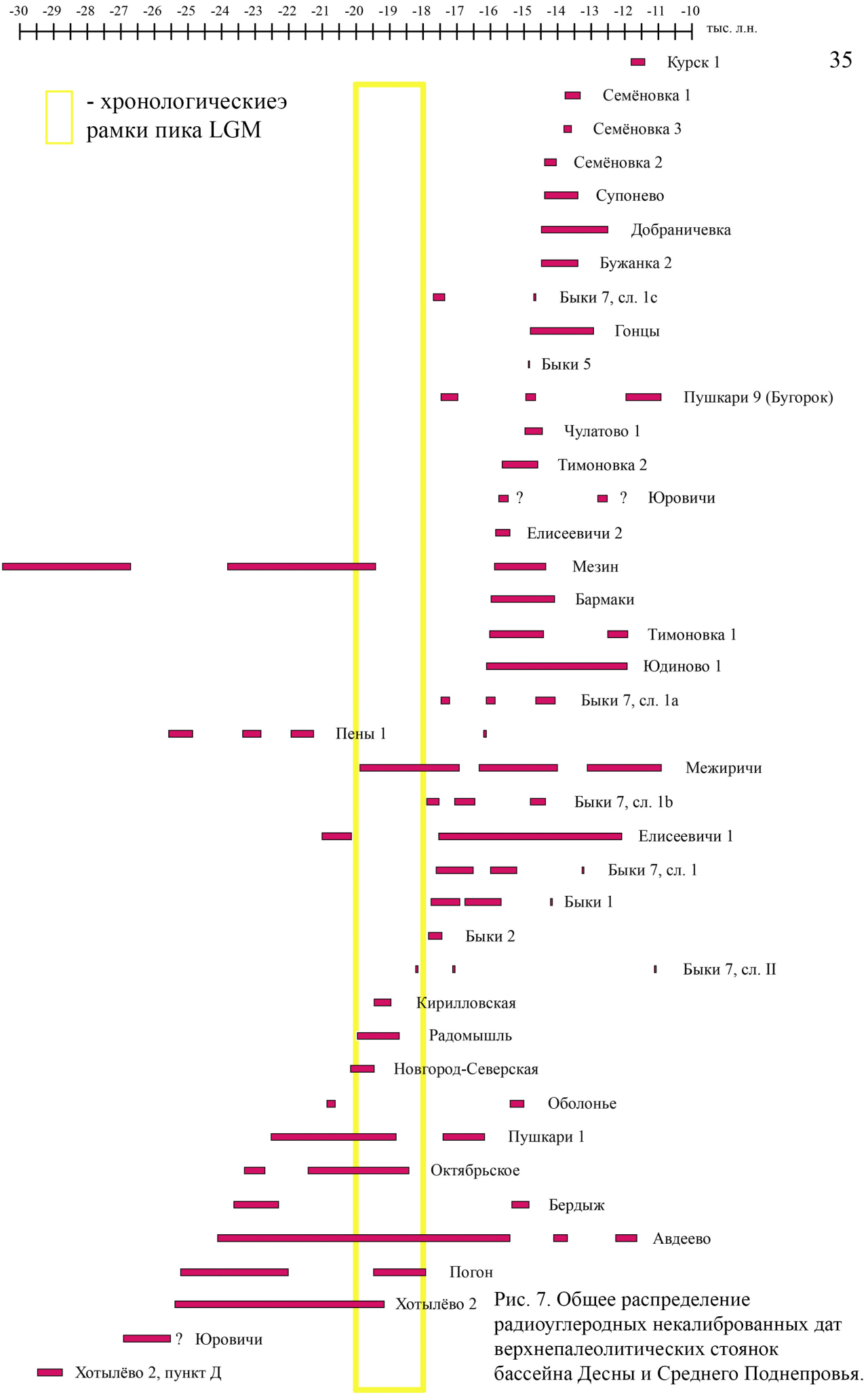

Рис. 7. Общее распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок бассейна Десны и Среднего Поднепровья.

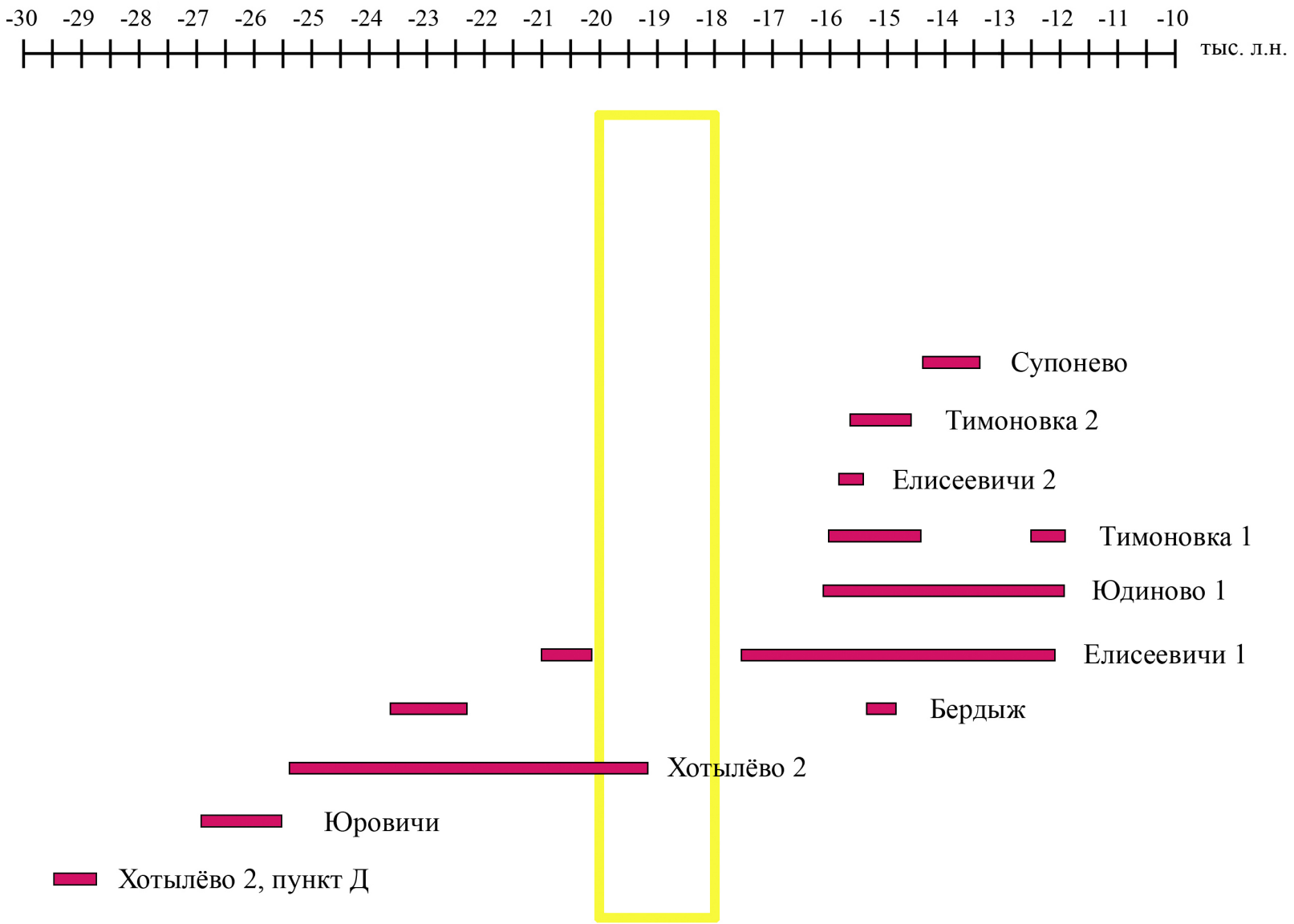

Рис. 8. Общее распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок бассейна Верхней Десны.

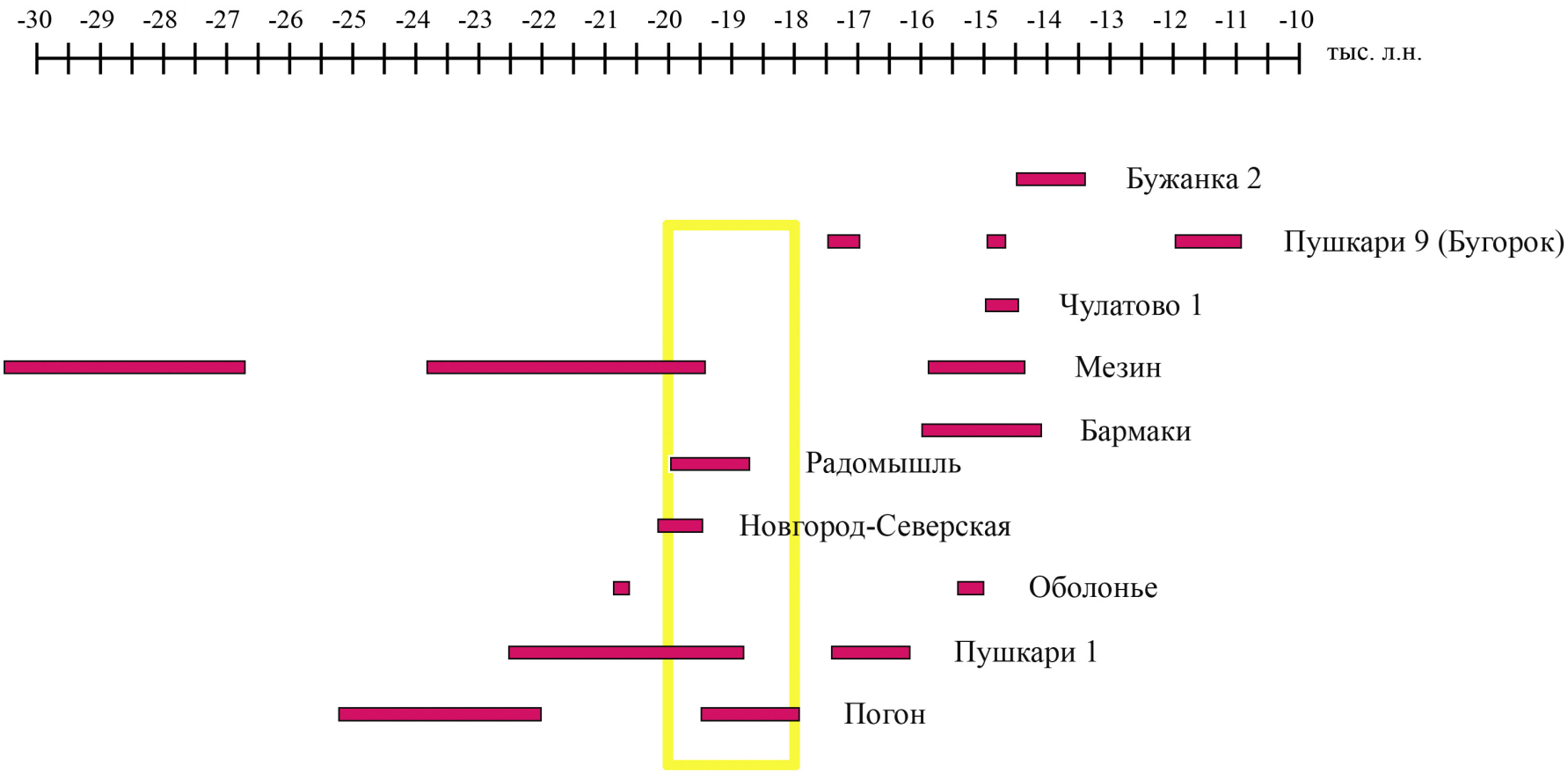

Рис. 9. Распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок бассейна Средней Десны, а также – стоянки Радомышль.

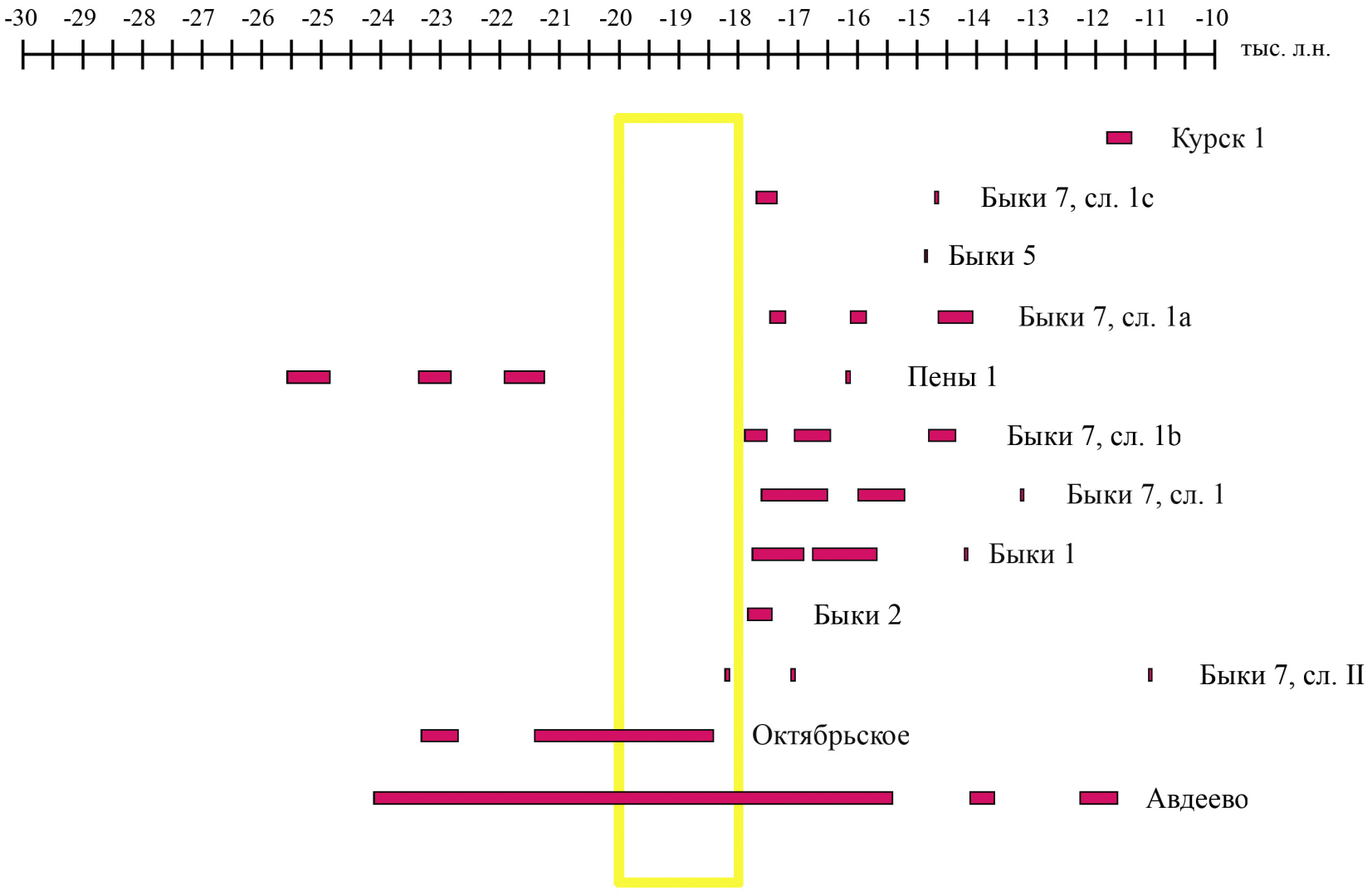

Рис. 10. Общее распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок Посеймья.

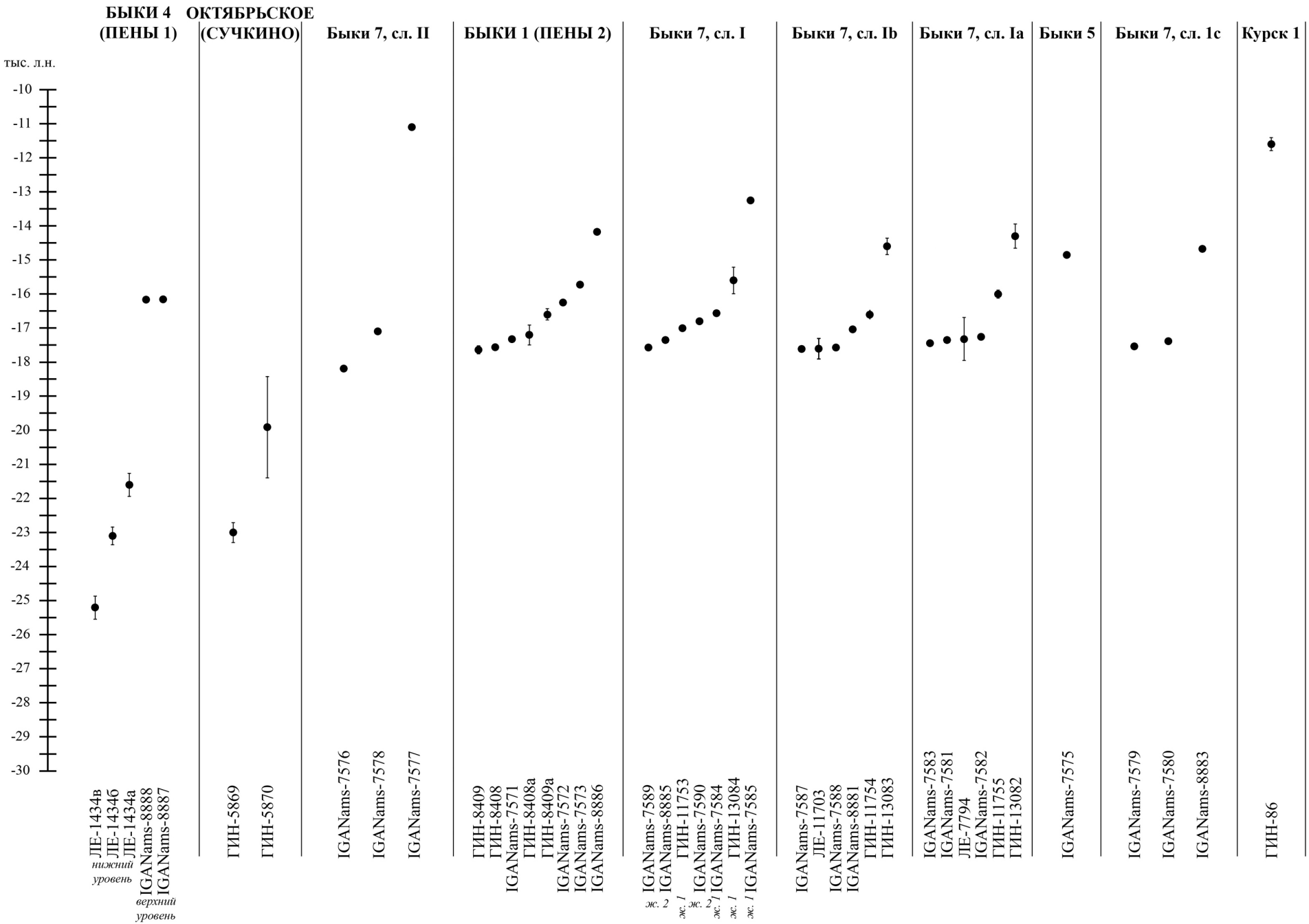

Рис. 11. Распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок группы Быки, а также – стоянок Октябрьское и Курск 1.

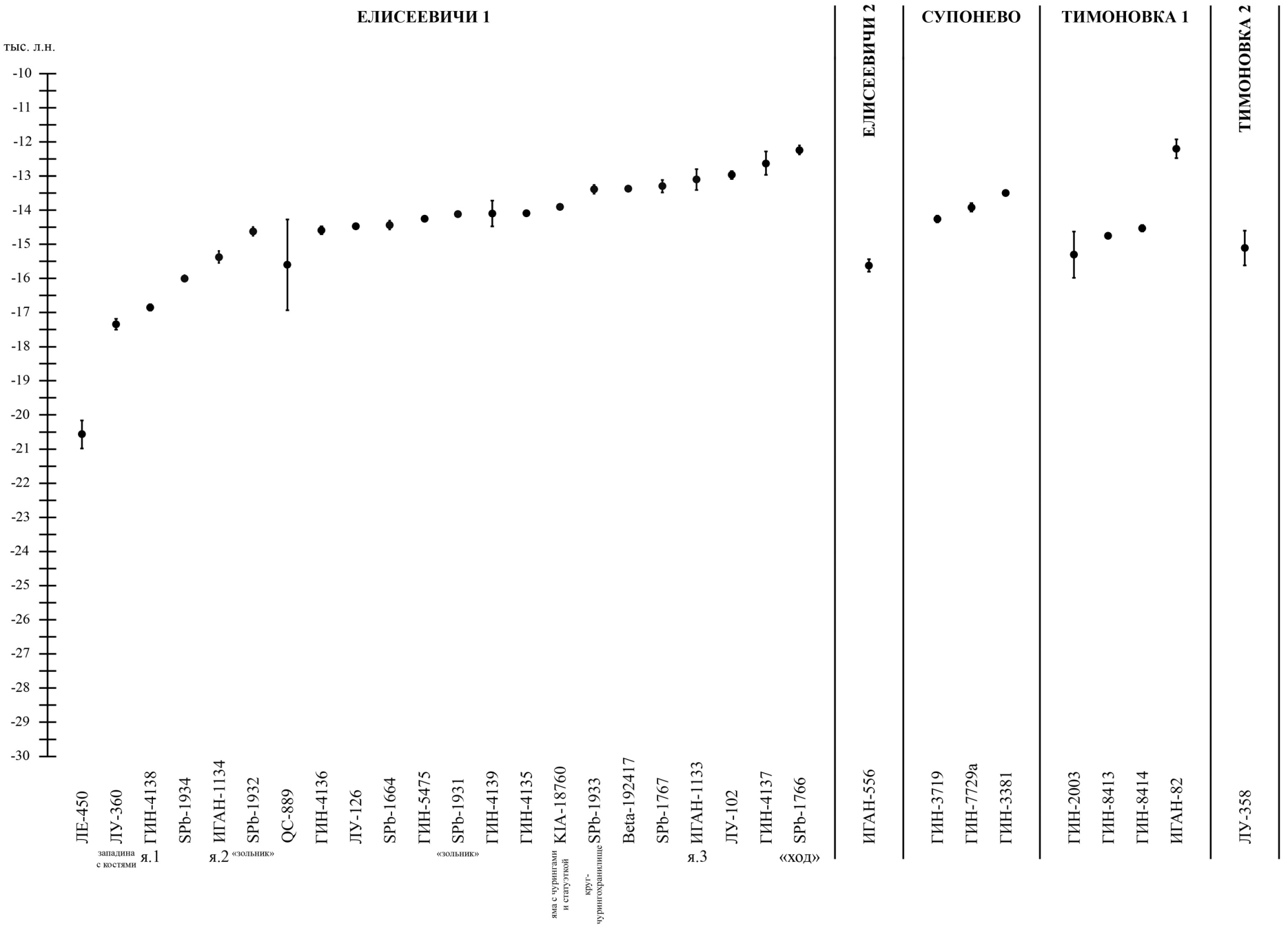

Рис. 12. Распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок Елисеевичи 1, Елисеевичи 2, Супонево, Тимоновка 1, Тимоновка 2.

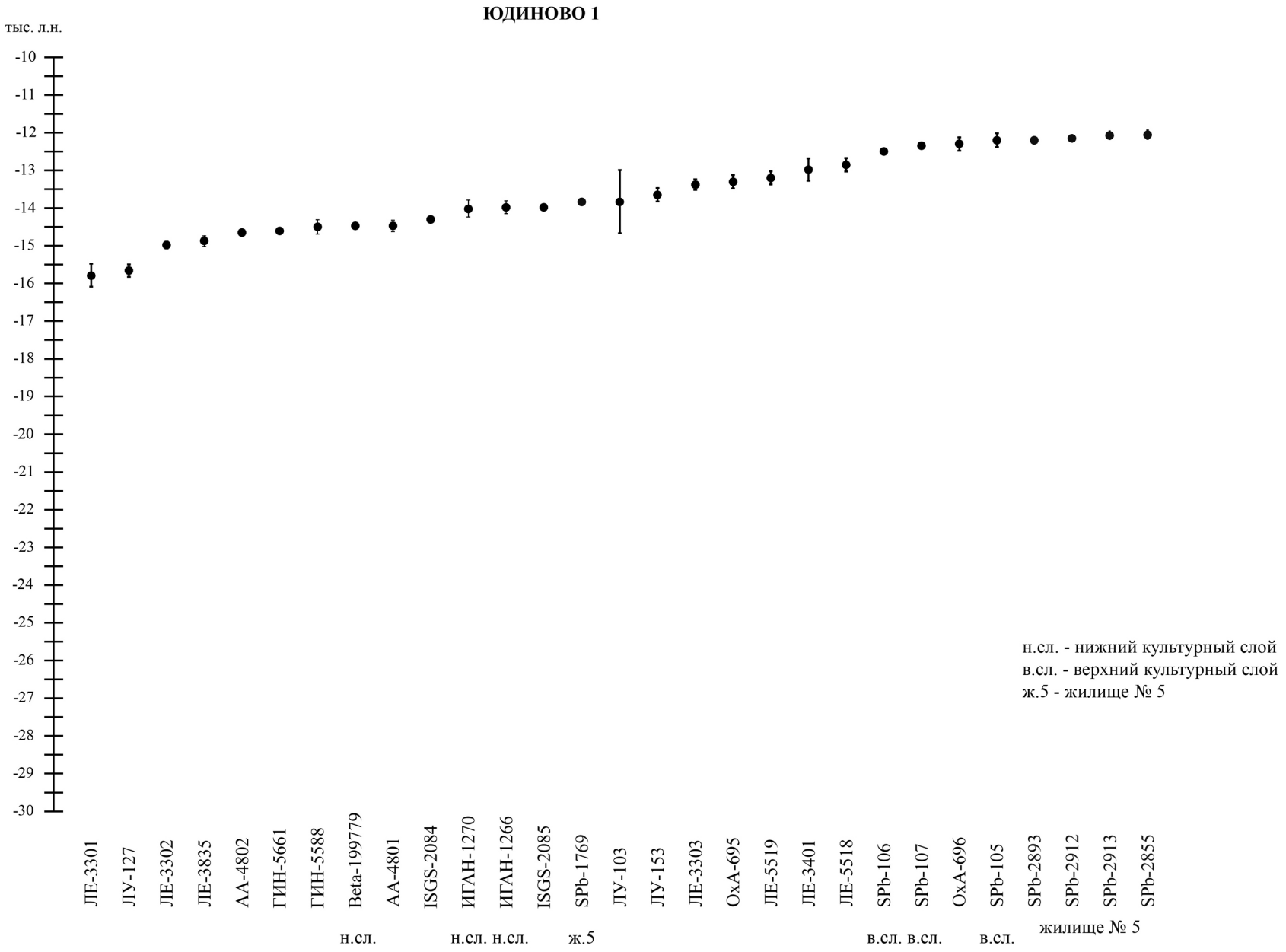

Рис. 13. Распределение некалиброванных радиоуглеродных дат стоянки Юдиново 1.

Рис. 14. Распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок Межиричи, Добраничевка, Гонцы.

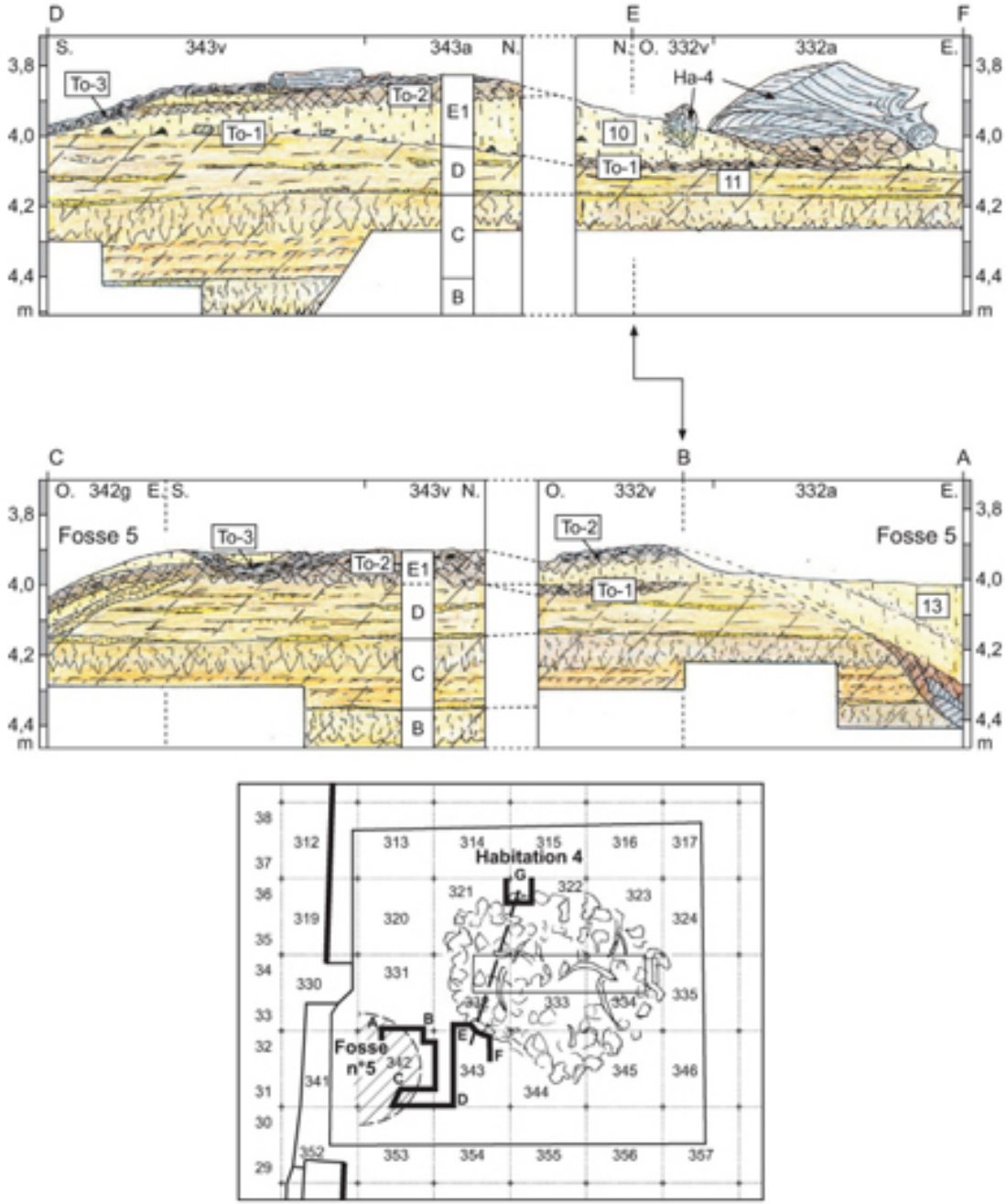

Рис. 15. Стоянка Межиричи. Профили стратиграфических разрезов у западной границы «жилища» № 4 (по: Haesaerts et al., 2015. P. 375, fig. 10).

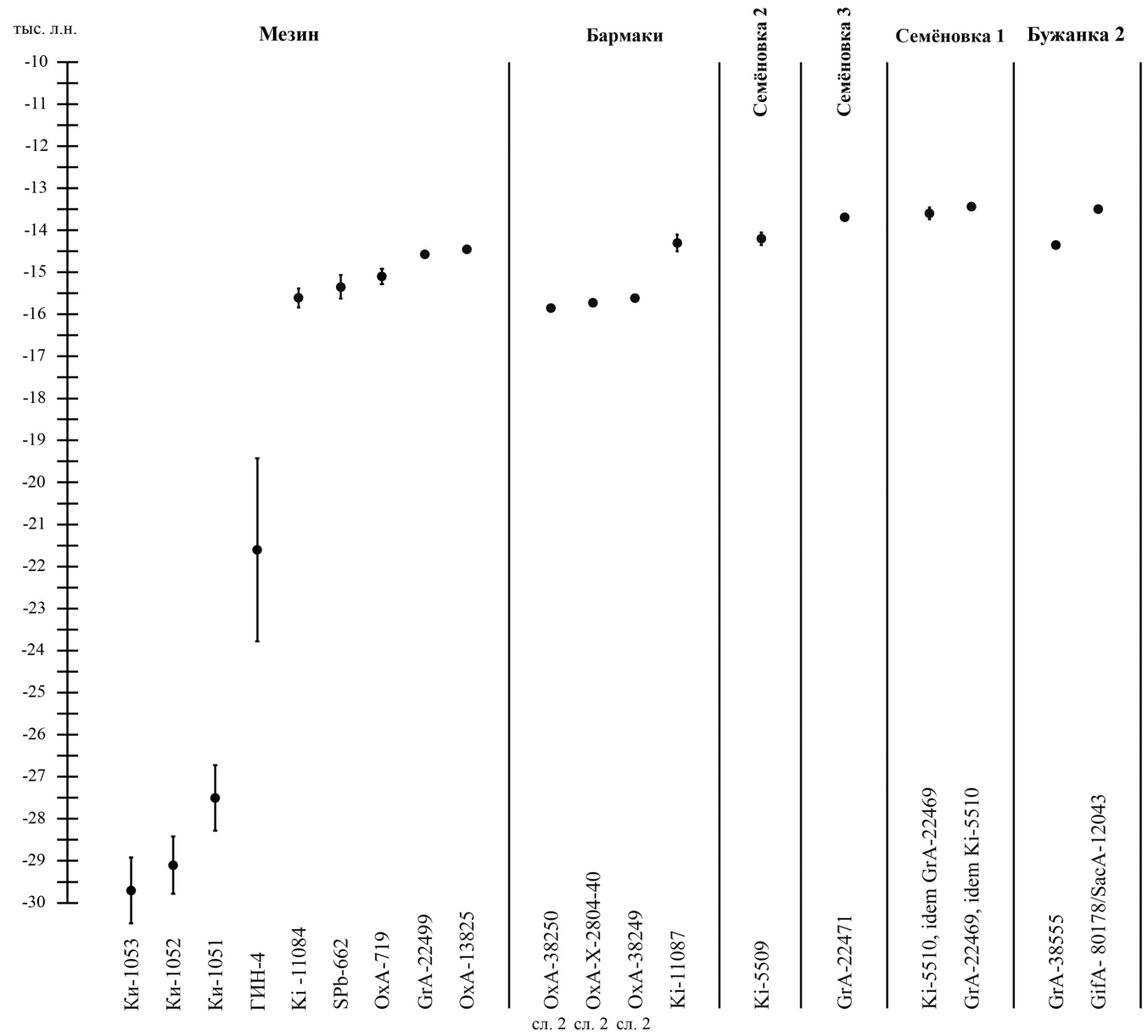

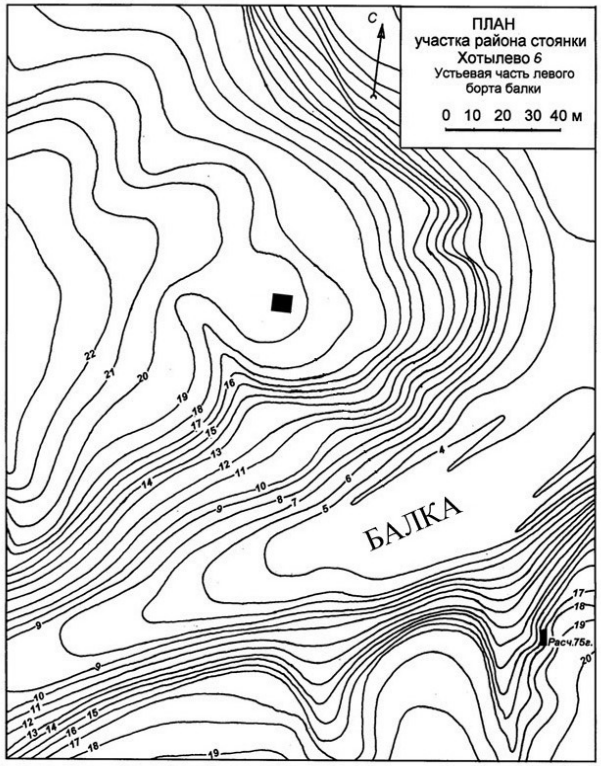

Рис. 16. Распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок Мезин, Бармаки, Семёновка 1-3, Бужанка 2.

А

Б

■ - раскоп

В

Рис. 17. Панорама памятников археологии к западу от с. Хотылёво. Вид с левого берега р. Десны.
Б — Вид на Кладбищенскую балку со стороны поймы р. Десны.
В — топографический план места расположения стоянки Хотылёво 6 (выполнен Ю. Н. Грибченко).

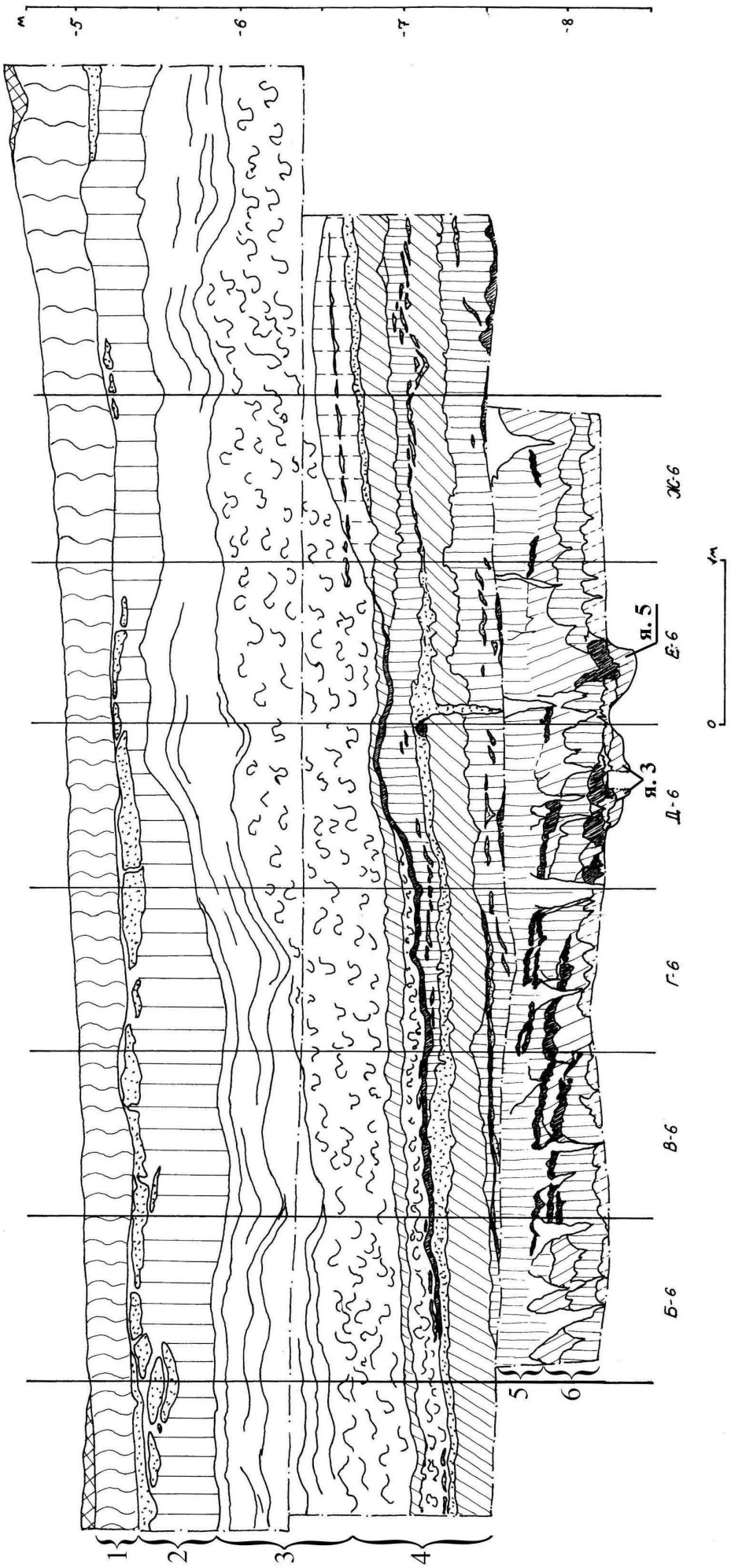
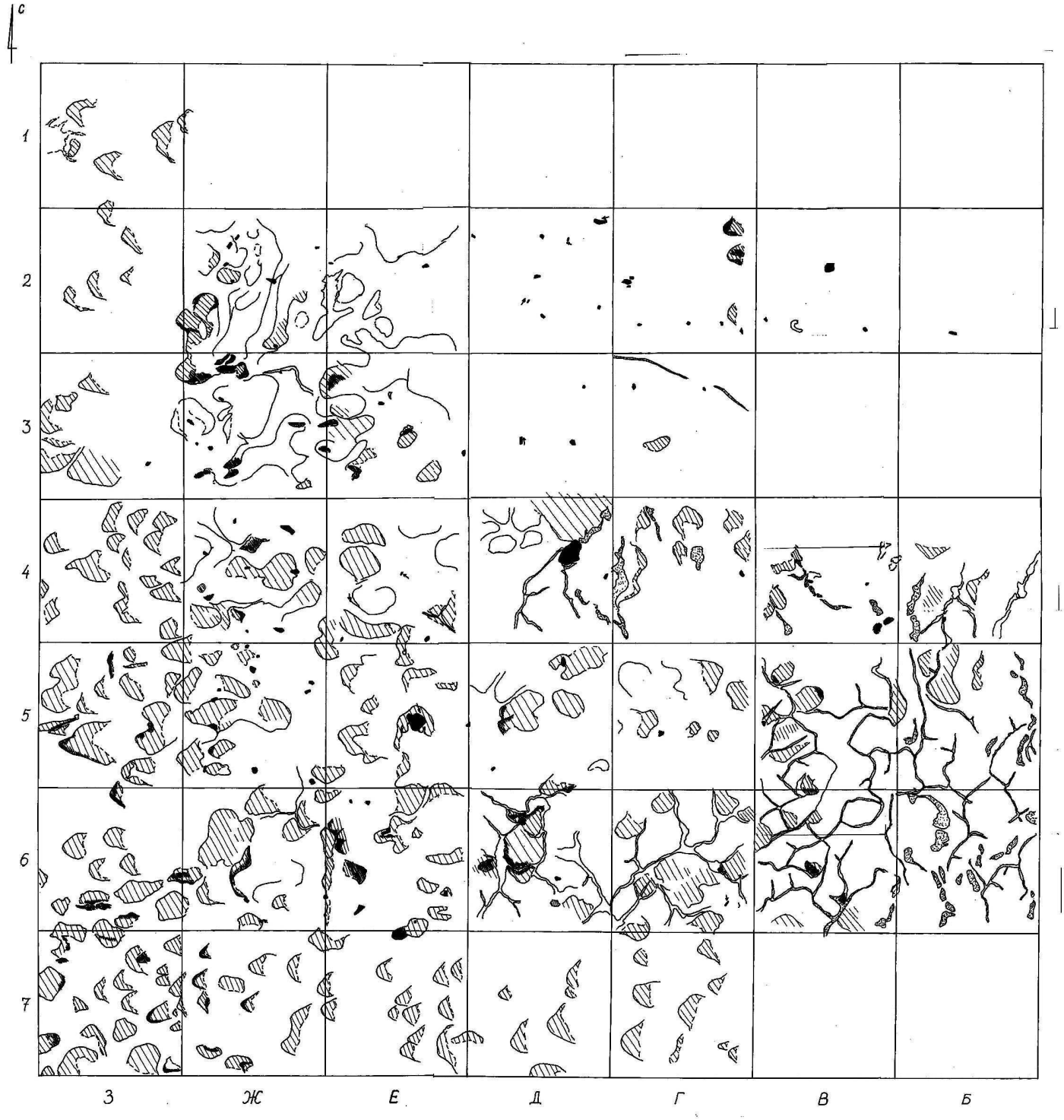
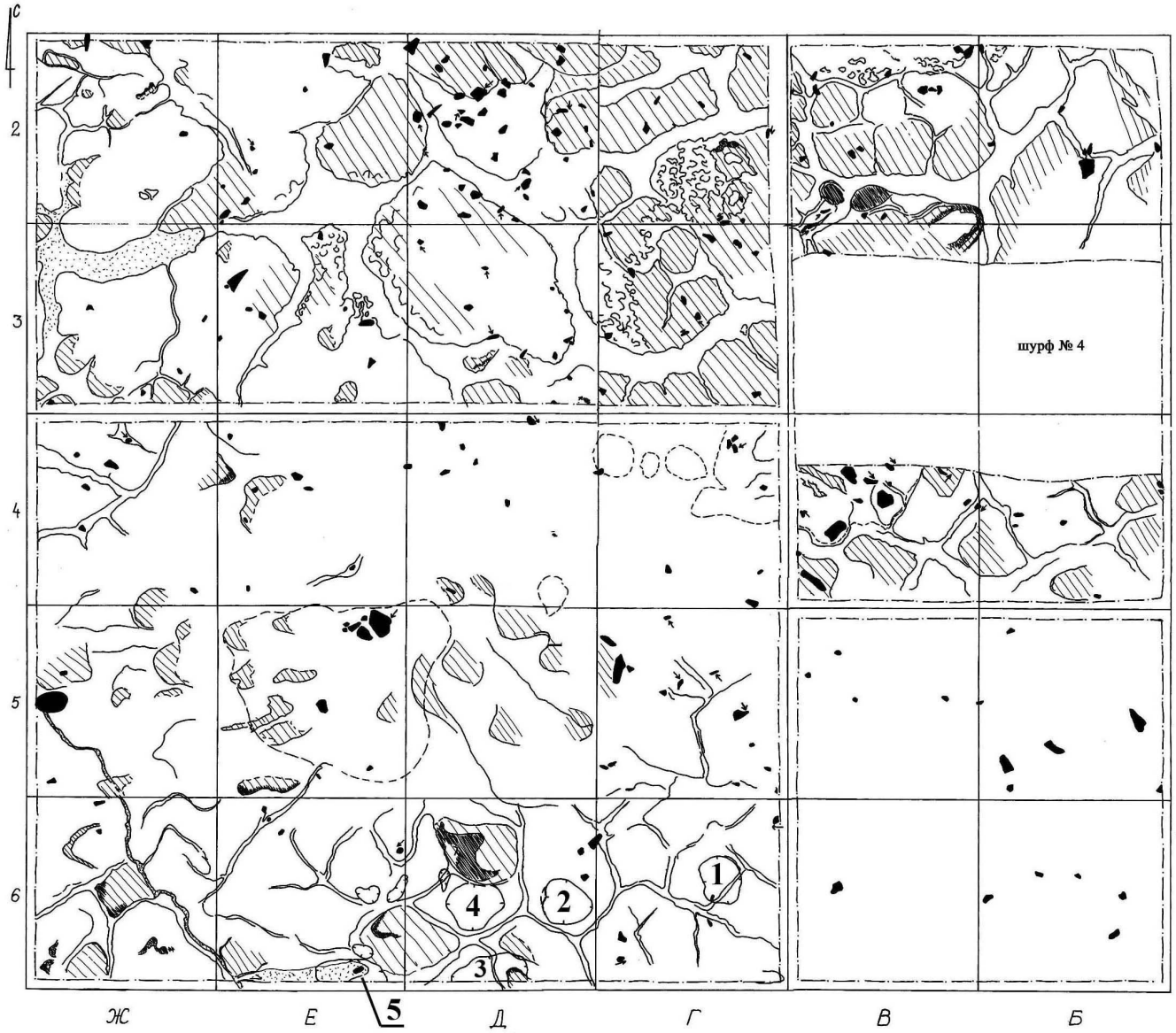

Рис. 18. Хотылёво 6, профиль южной стенки раскопа 1. Номера слоёв соответствуют описанию в тексте.

- расщеплённый кремень;
- линза гумусированного суглинка.

Рис. 19. Хотылёво 6, раскоп 1, культурный слой 3. Верхний уровень фиксации.

- расщеплённый кремень;
- линза гумусированного суглинка.
2 - ямка

Рис. 20. Хотылёво 6, раскоп 1, культурный слой 3. Нижний уровень фиксации.

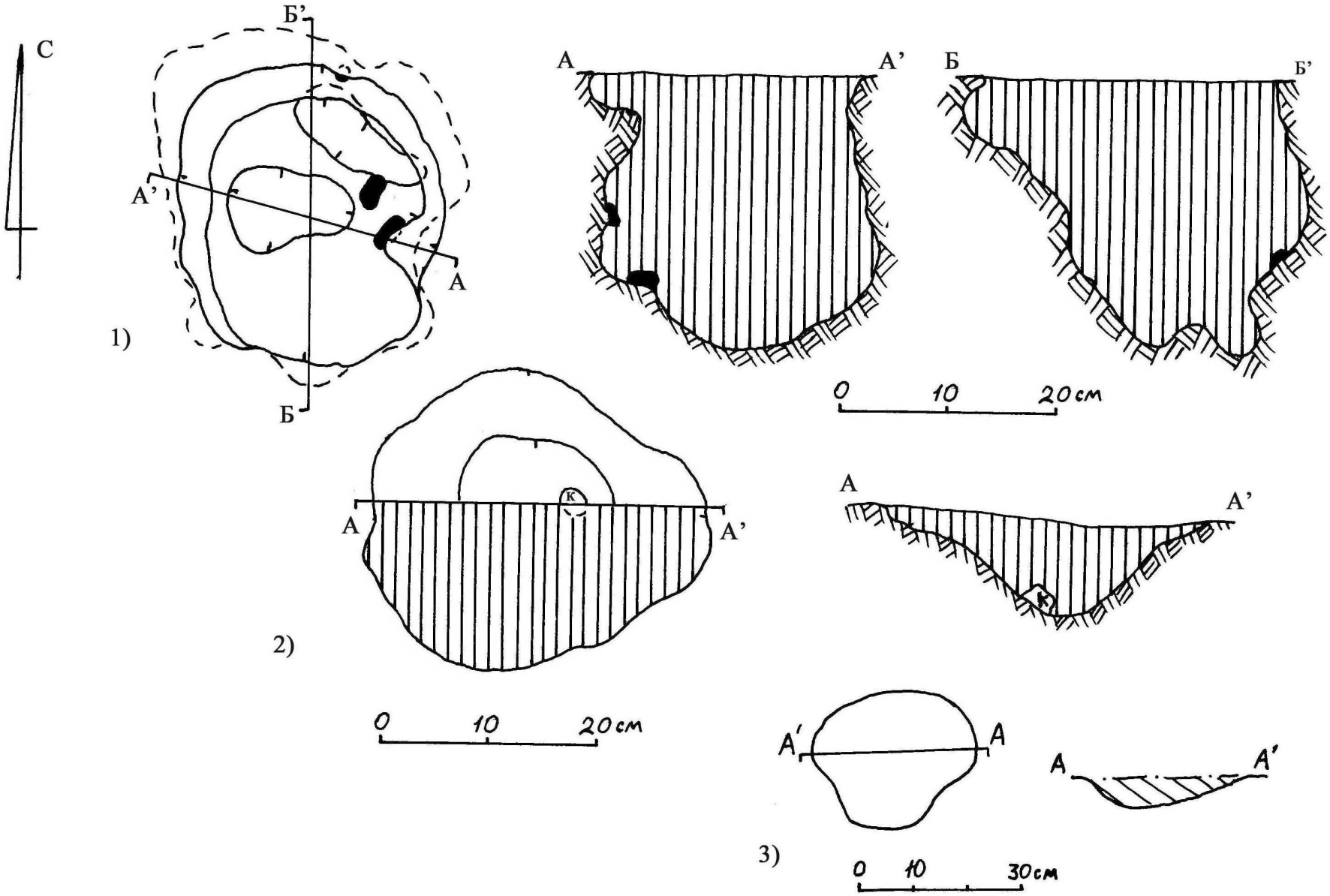

Рис. 21. Хотылёво 6, культурный слой 3. Планы и профили ямок: 1) я. 1; 2) я. 2; 3) я. 4.

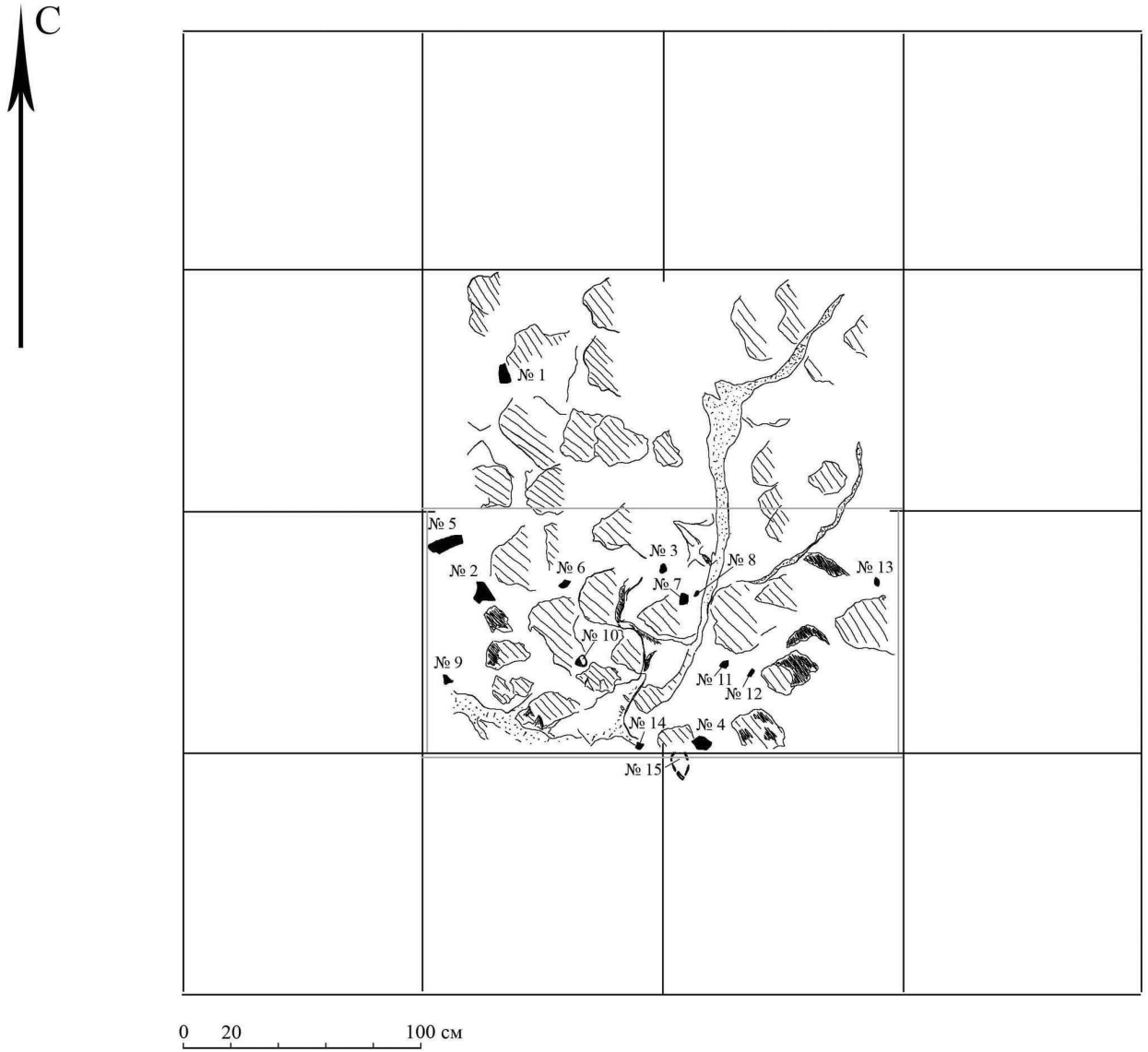

Рис. 22. Хотылёво 6, шурф № 4, культурный слой 3. План расположения находок. Серой линией отмечен контур шурфа, показанный на рис. 20.

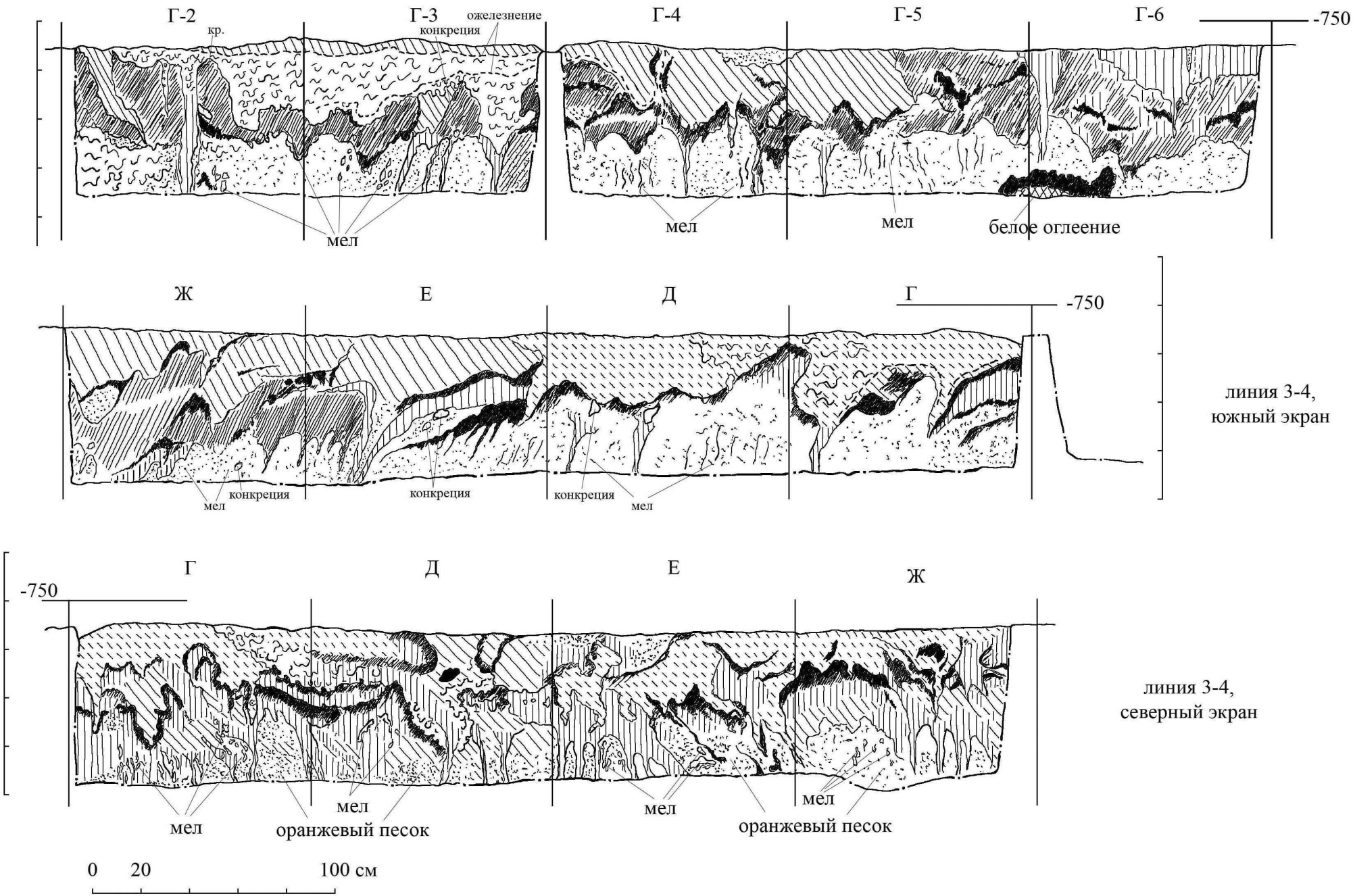

Рис. 23. Хотылёво 6, стратиграфические разрезы культурного слоя 3.

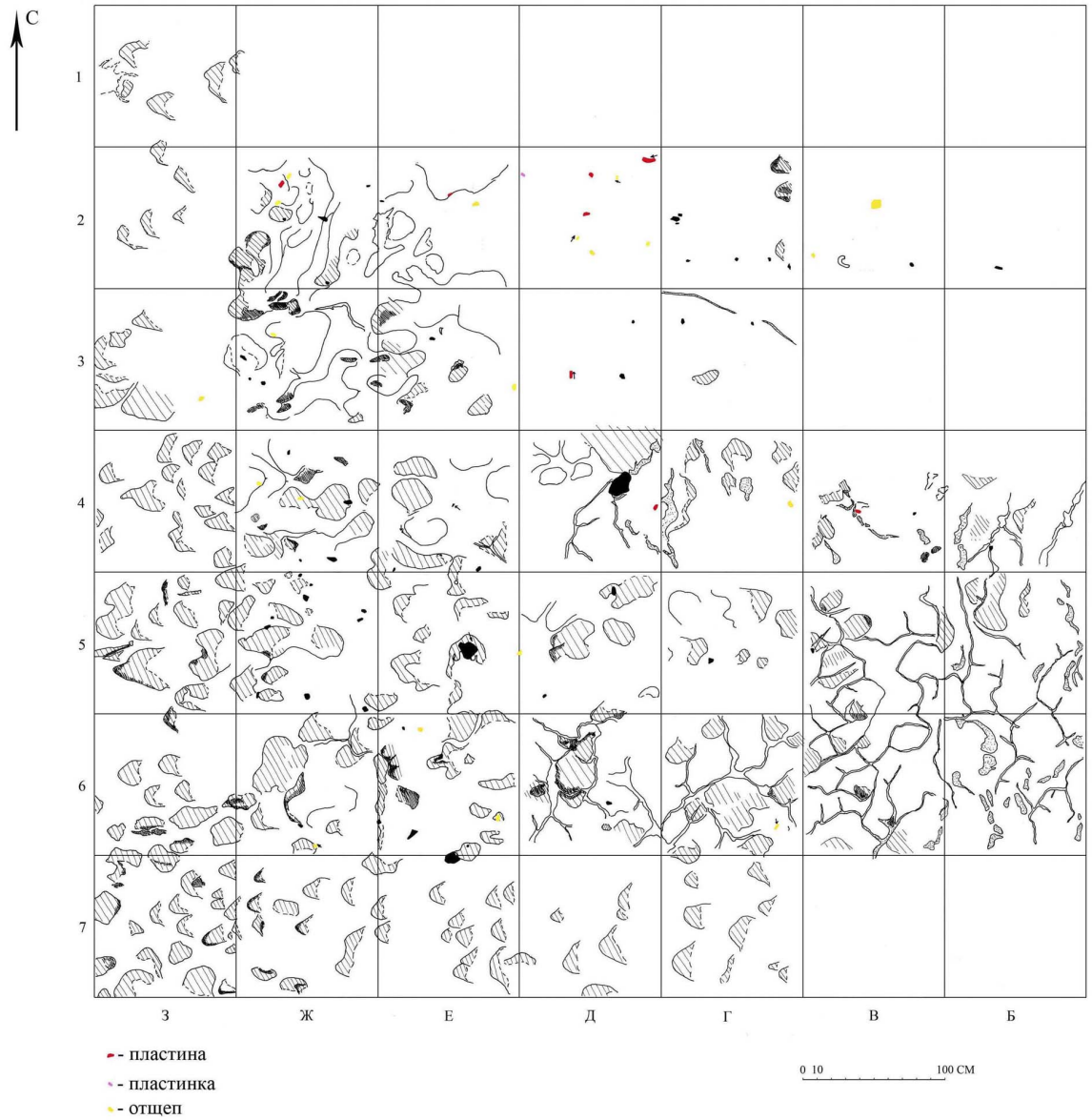

Рис. 24. Хотылёво 6, культурный слой 3, 1-й уровень снятия. Планиграфия пластин и отщепов.

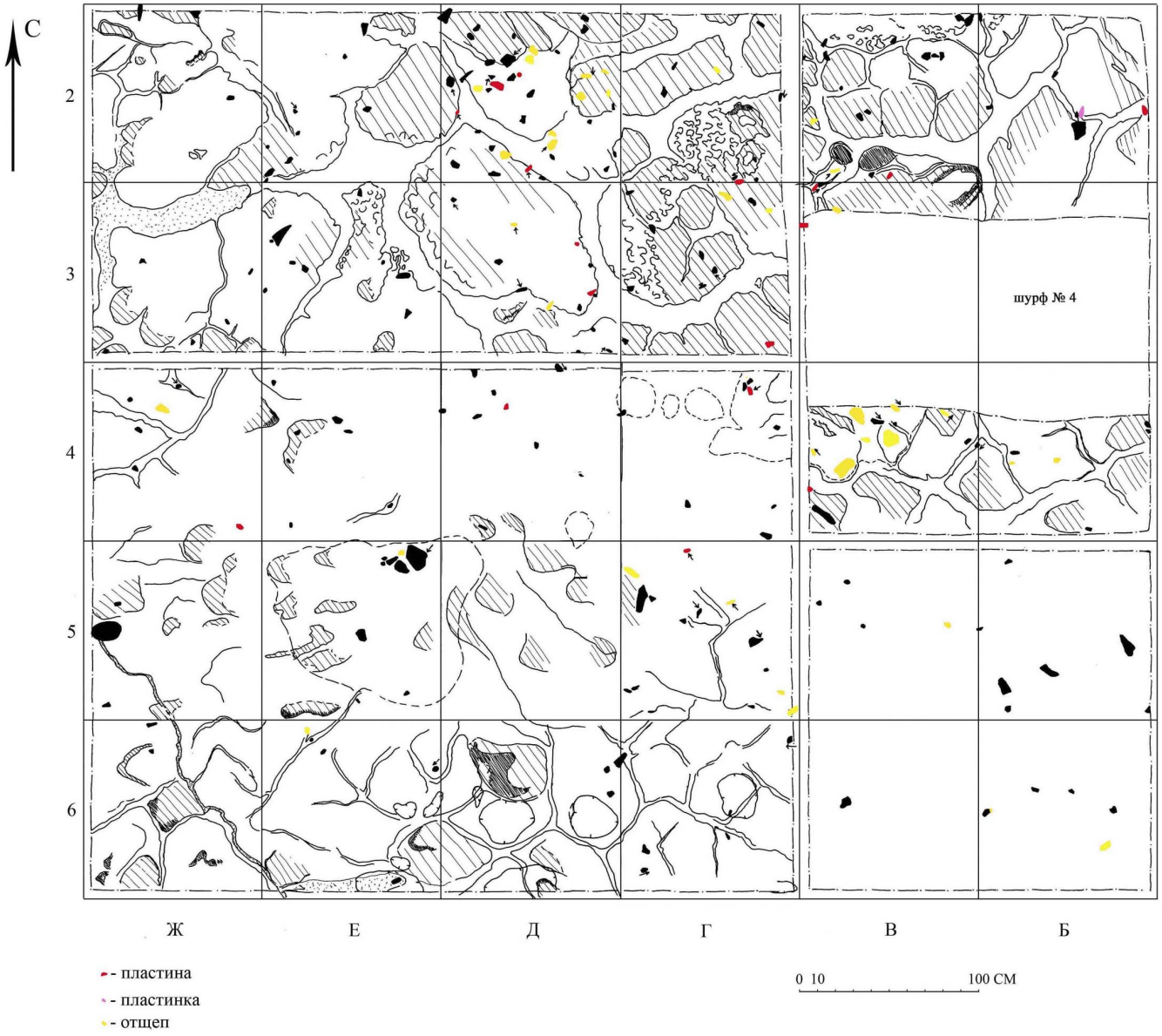

Рис. 25. Хотылёво 6, культурный слой 3, 2-й уровень снятия. Планиграфия пластин и отщепов.

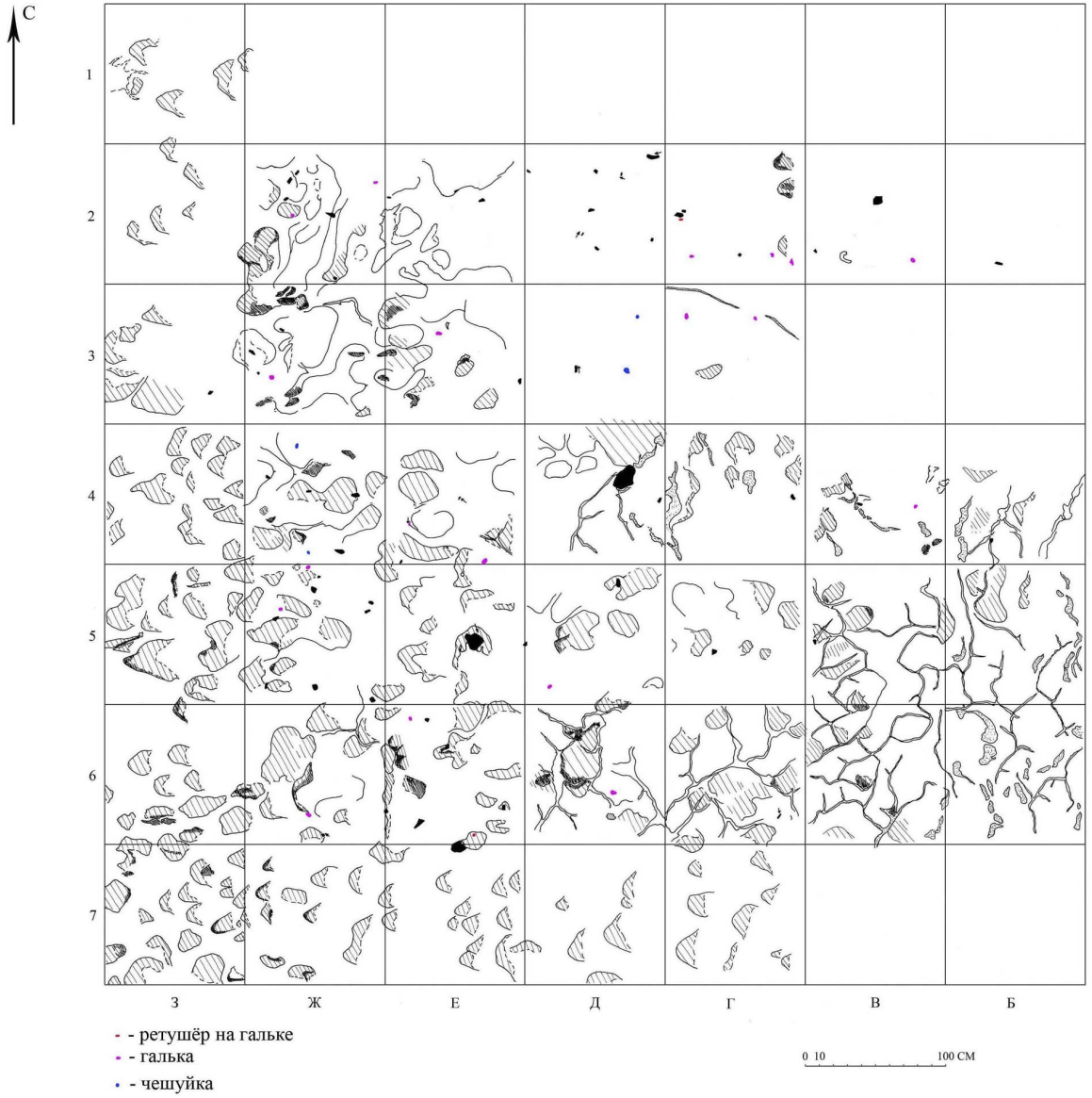

Рис. 26. Хотылёво 6, культурный слой 3, 1-й уровень снятия. Планиграфия ретушёров и чешуек.

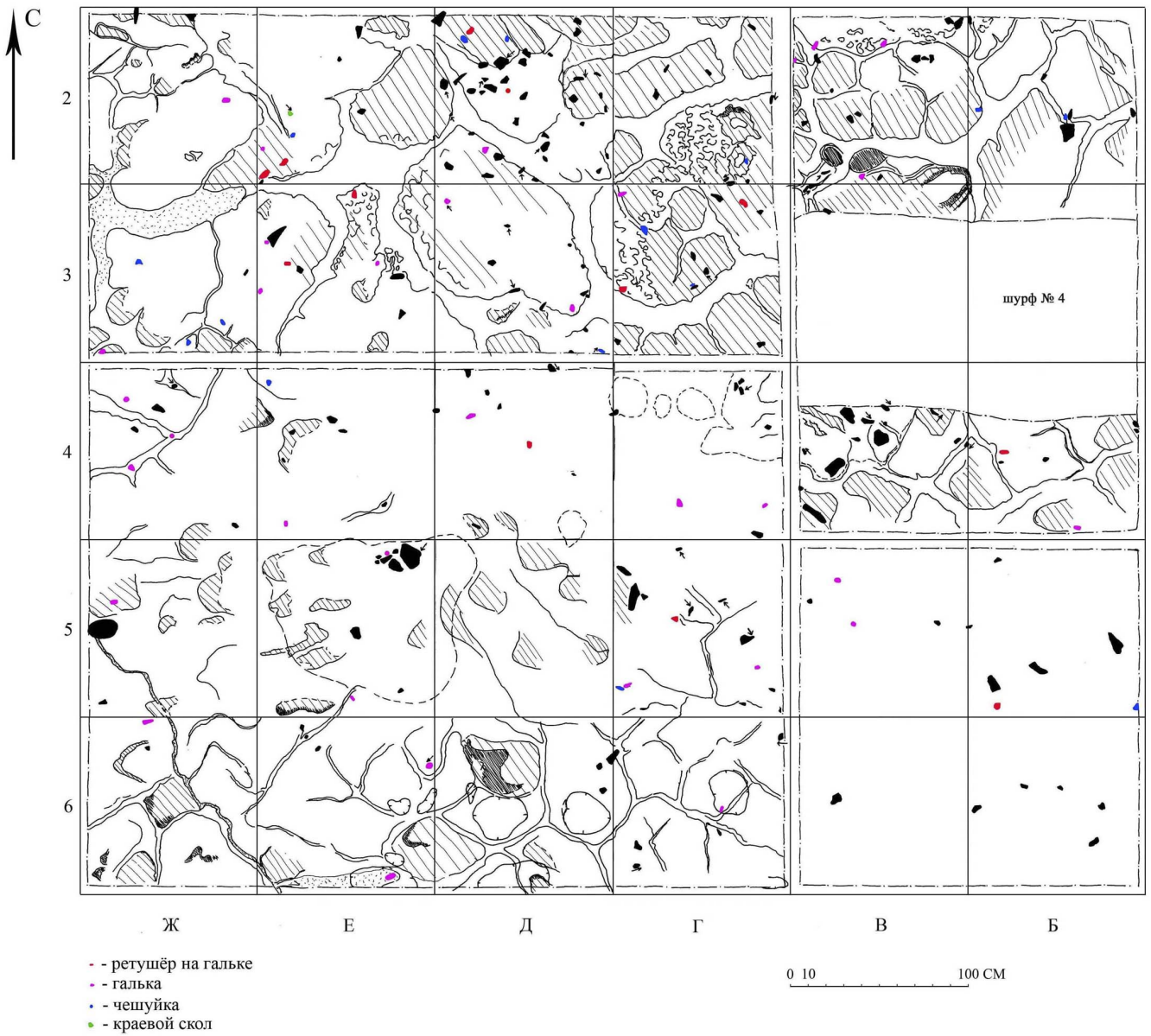

Рис. 27. Хотылёво 6, культурный слой 3, 2-й уровень снятия. Планиграфия ретушёров и чешуек.

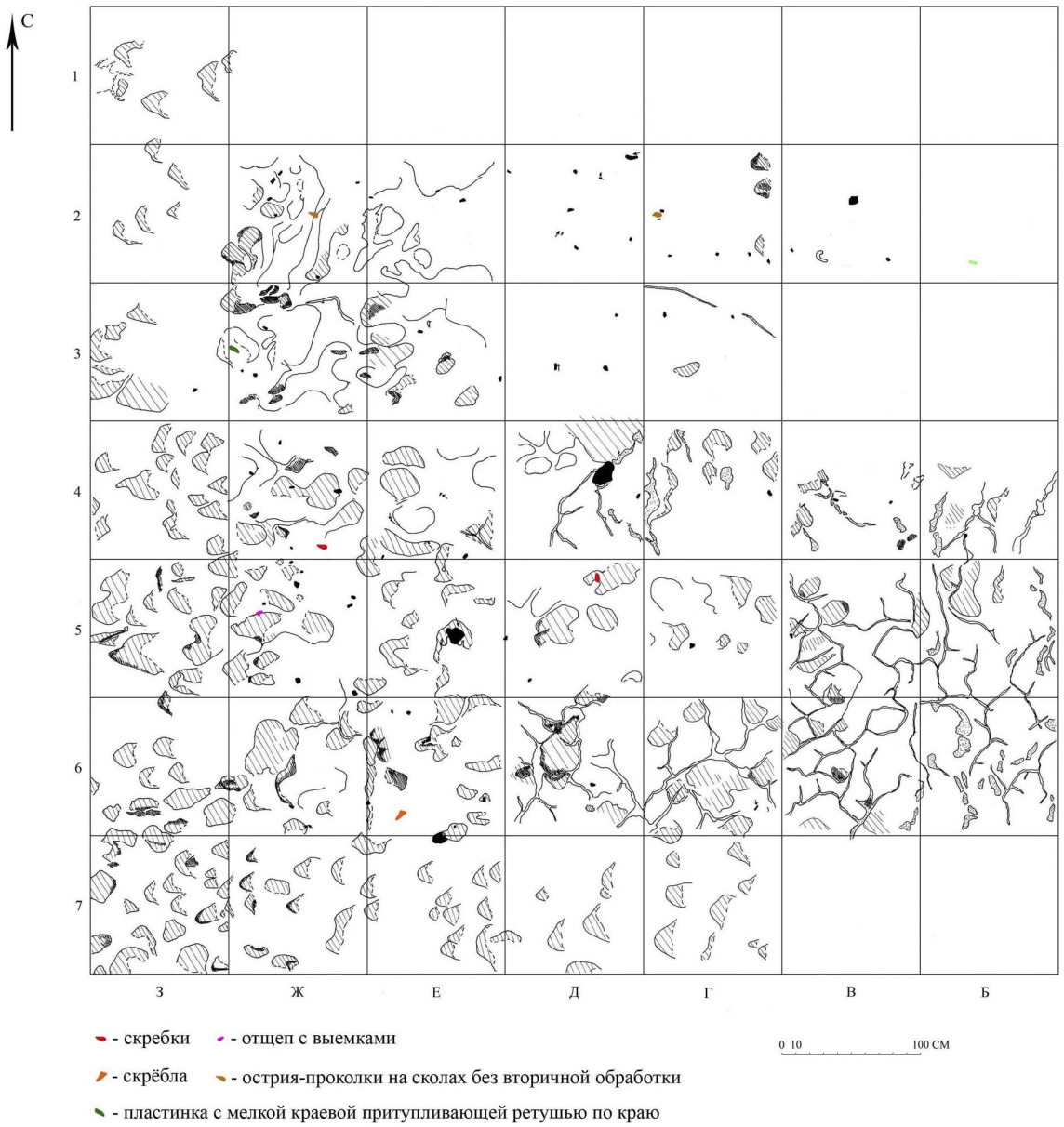

Рис. 28. Хотылёво 6, культурный слой 3, 1-й уровень снятия. Планиграфия кремнёвых орудий.

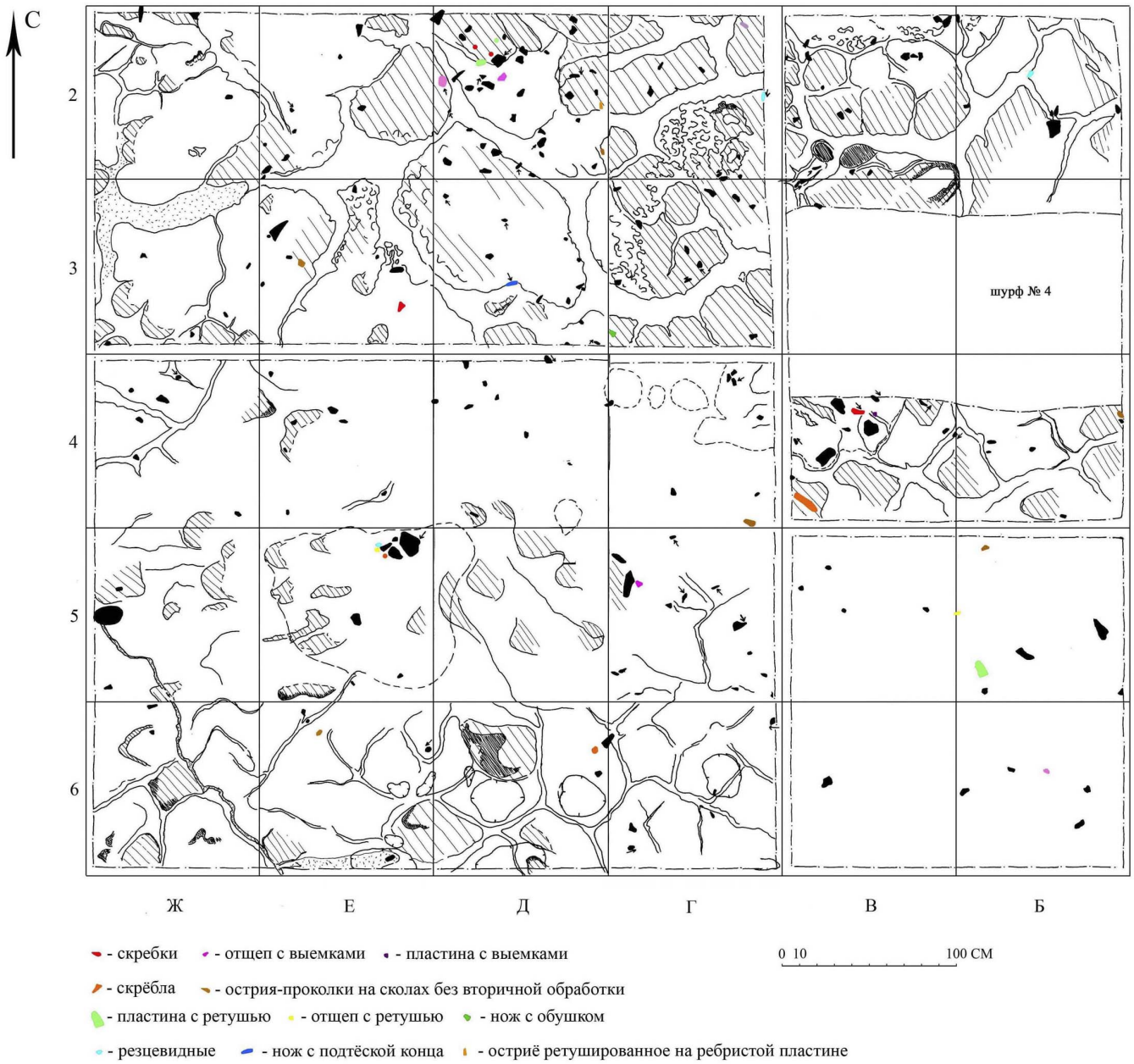

Рис. 29. Хотылёво 6, культурный слой 3, 2-й уровень снятия. Планиграфия кремнёвых орудий.

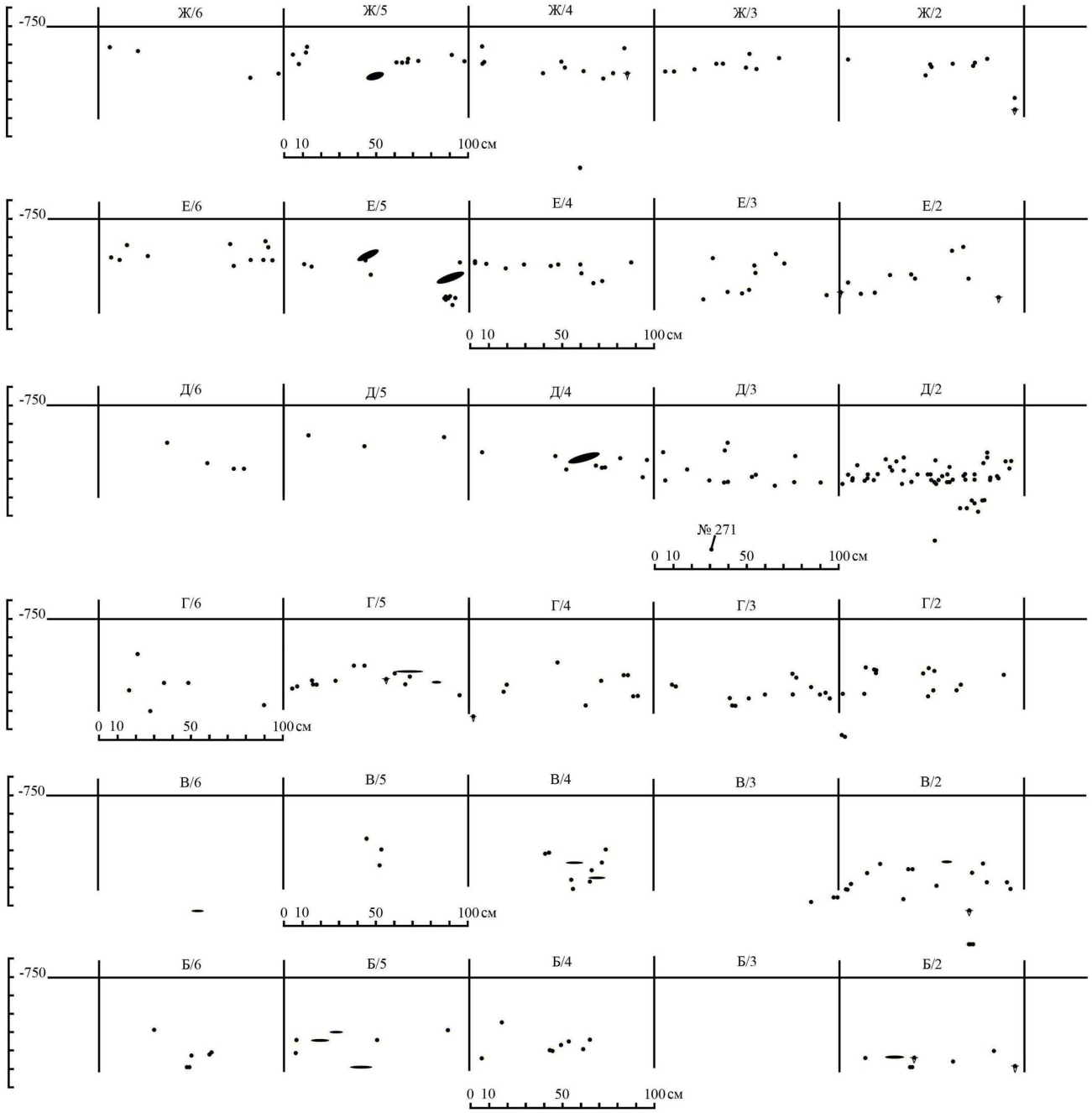

Рис. 30. Хотылёво 6, культурный слой 3. Микропрофили залегания кремнёвых предметов по линии север-юг.

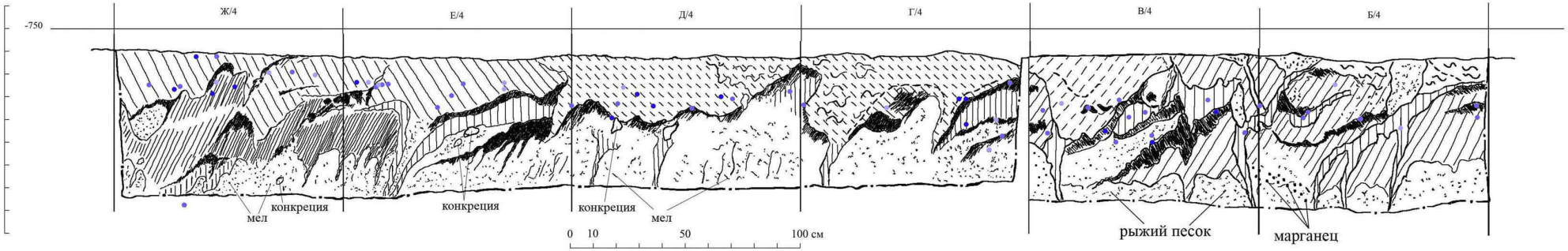

Рис. 31. Хотылёво 6, культурный слой 3. Микропрофиль залегания кремнёвых предметов, наложенный на профиль брянской почвы, линия кв. Б-Ж/4.

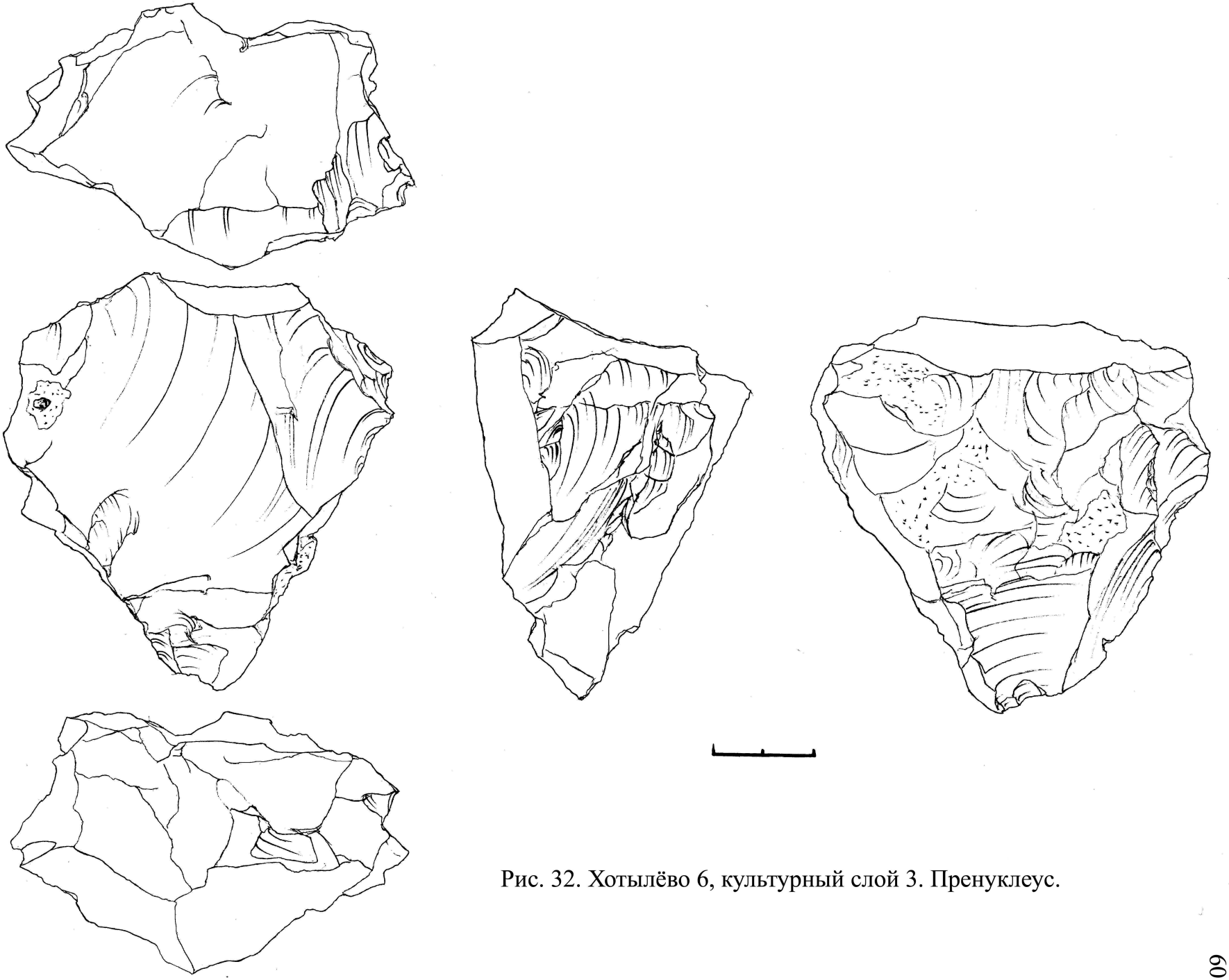

Рис. 32. Хотылёво 6, культурный слой 3. Пренуклеус.

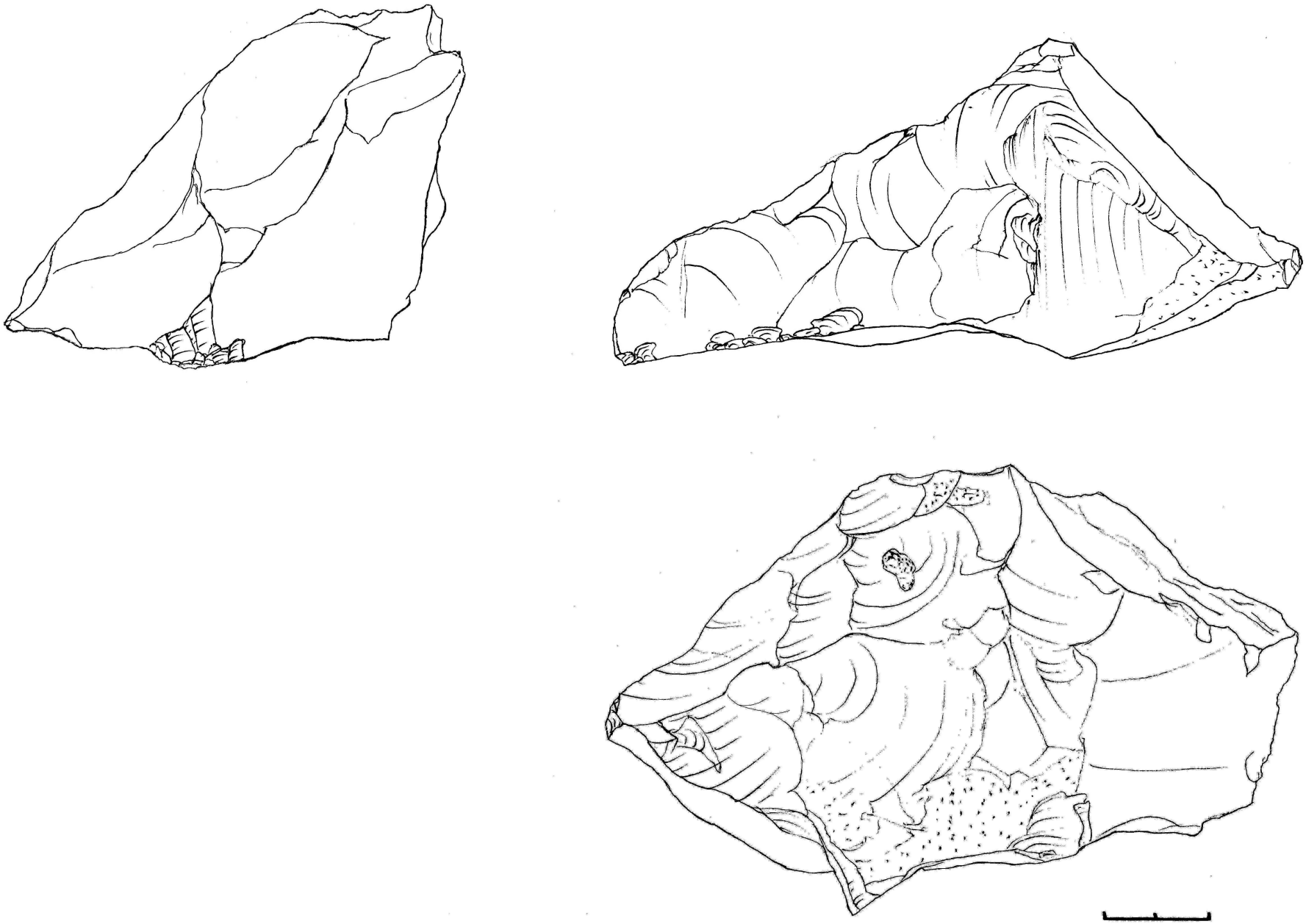

Рис. 33. Хотылёво 6, культурный слой 3. Нуклевидный скребок «с рыльцем».

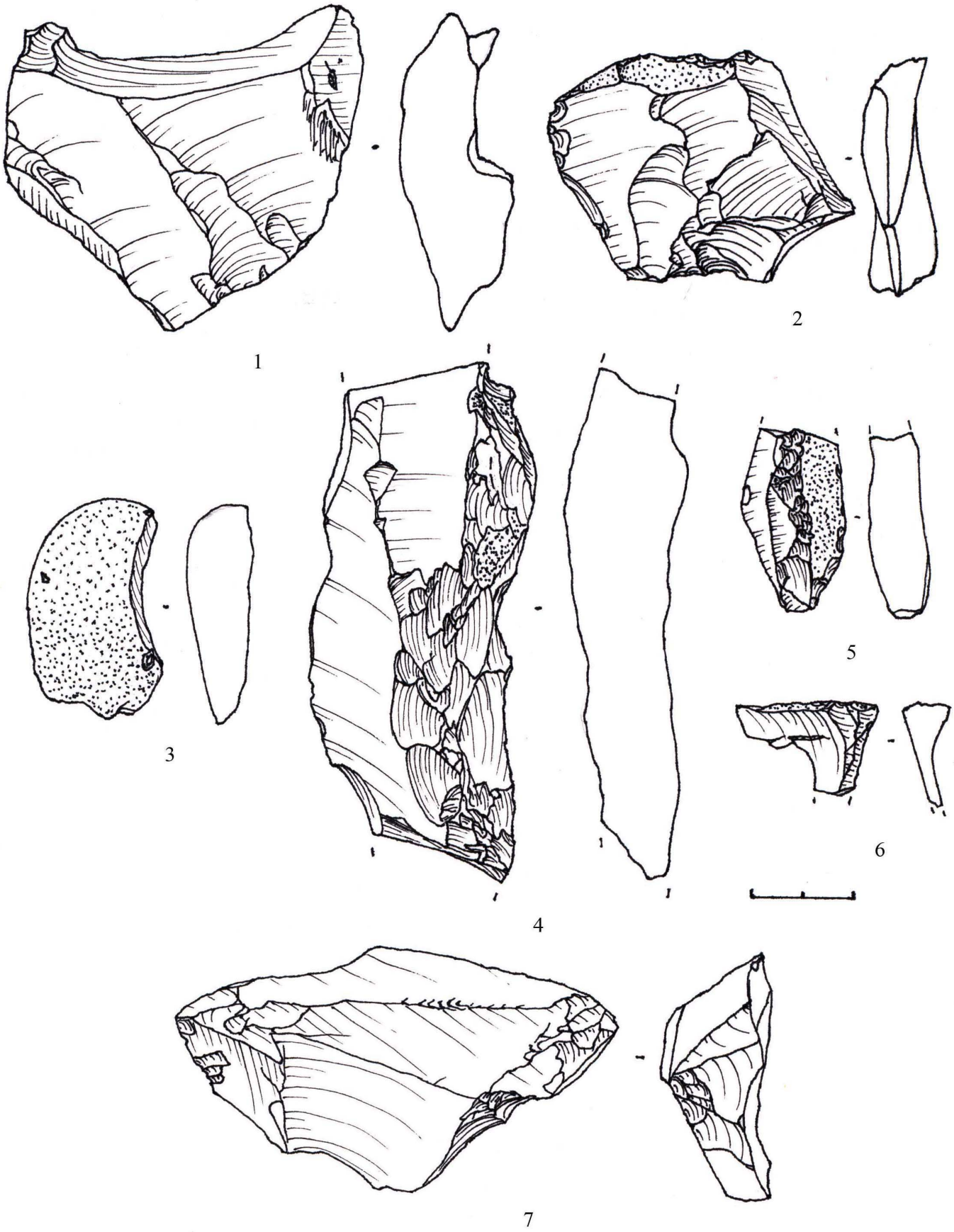

Рис. 34. Хотылёво 6, культурный слой 3. Отщепы и пластины.

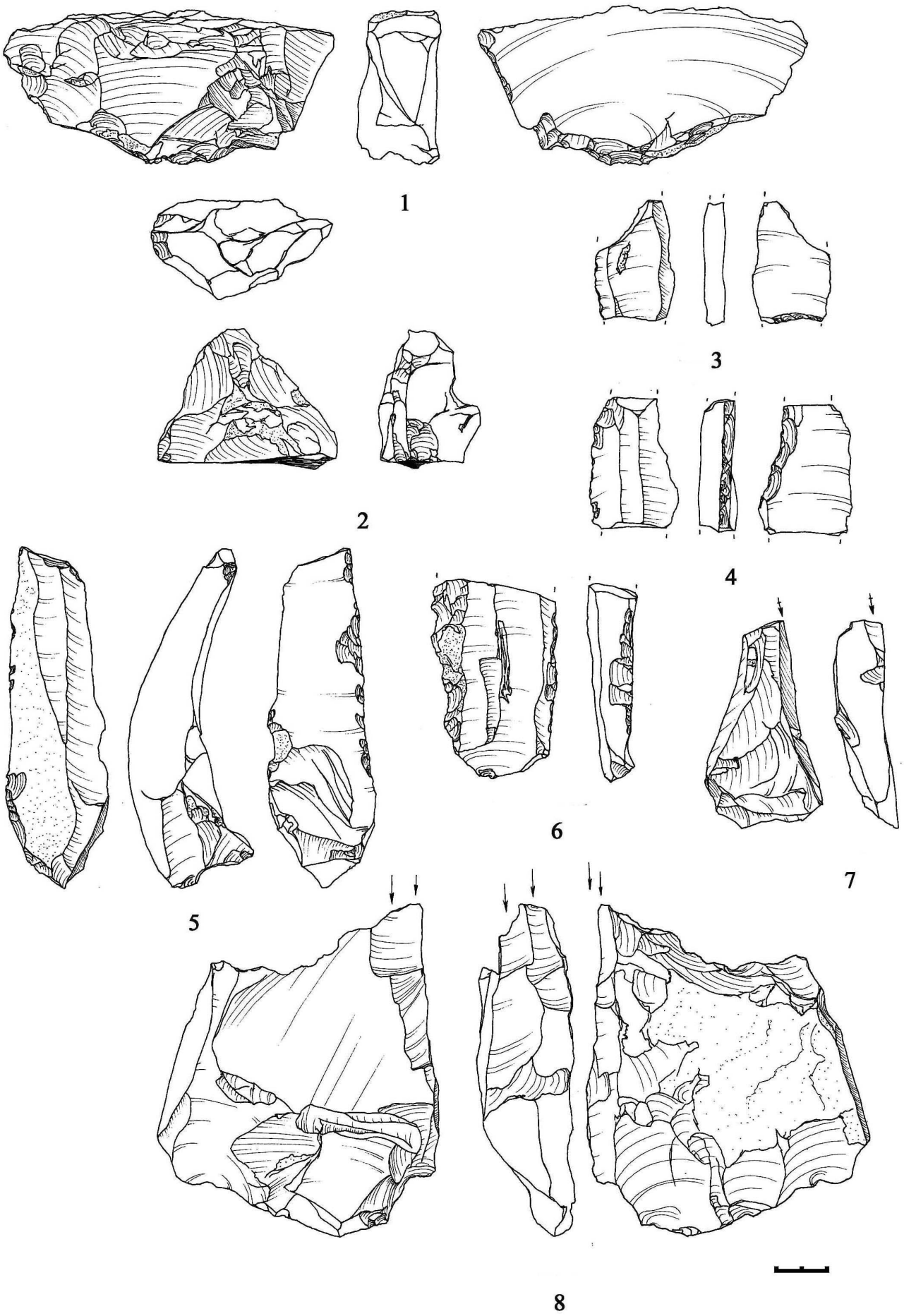

Рис. 35. Хотылёво 6, культурный слой 3. Предметы с вторичной обработкой.

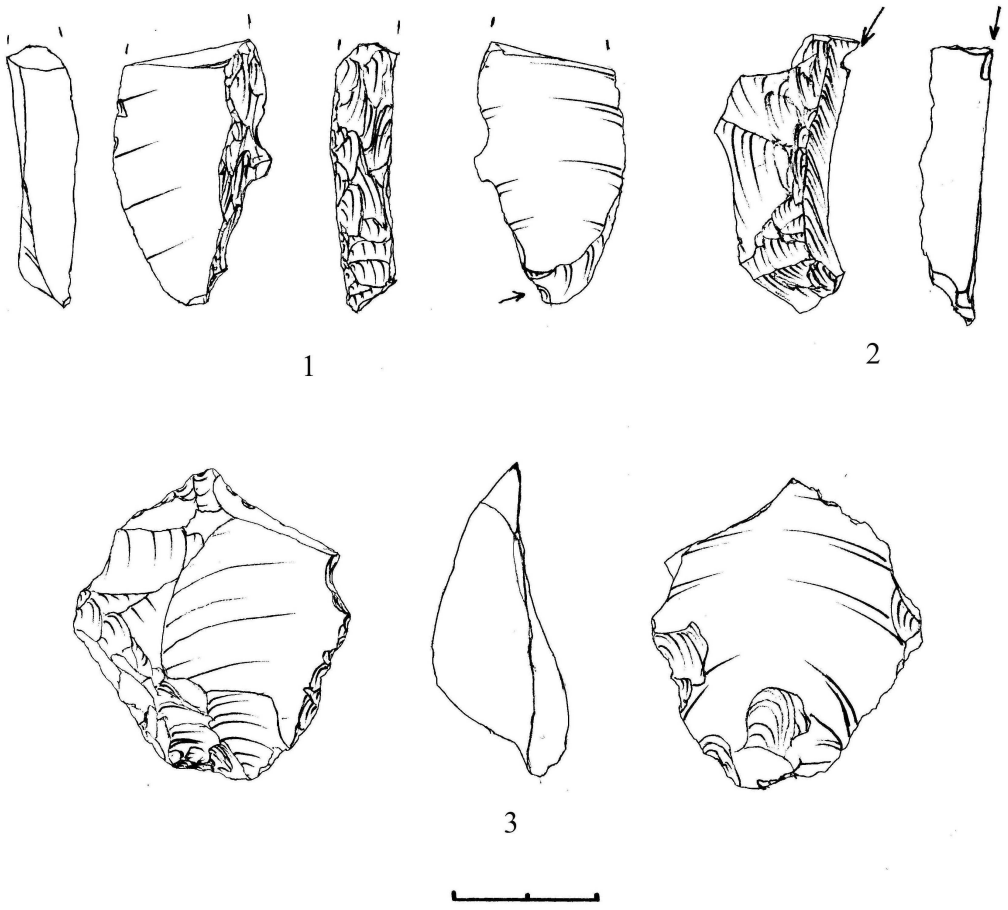

Рис. 36. Хотылёво 6, культурный слой 3. Предметы с вторичной обработкой.

Рис. 37. Панорама верхнепалеолитических памятников у западной окраины с. Хотылёво, вид с левого берега р. Десны.

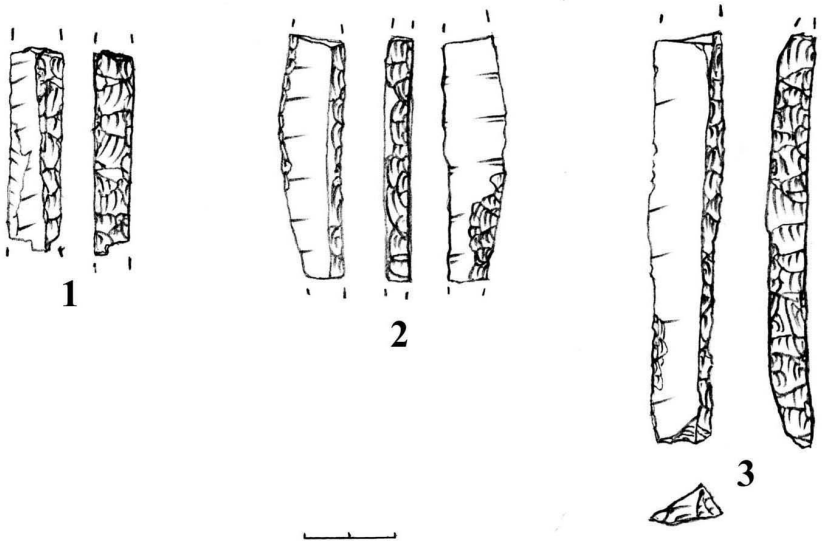

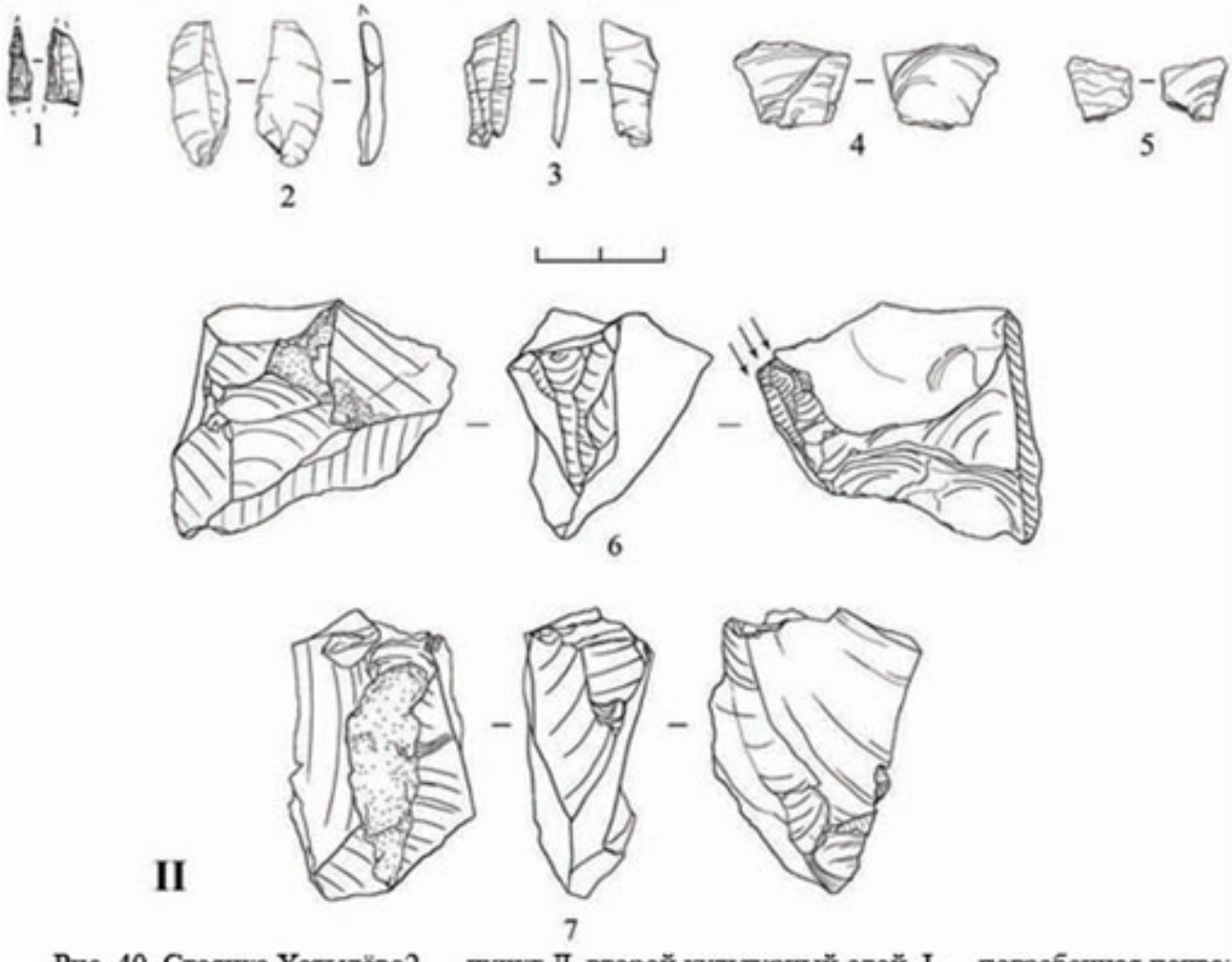

Рис. 38. Хотылёво 2 — пункт Д. Пластины с притупленным краем из культурного слоя 1.

Рис. 39. Хотылёво 2 — пункт Д, раскоп 1. Стратиграфия отложений, вмещающих культурные слои.

I

II

Рис. 40. Стоянка Хотылёво2 — пункт Д, второй культурный слой. I — погребенная почва; II — кремневые изделия из к.сл. 2.

Рис. 41. Стоянка Хотылёво2 — пункт Д, третий культурный слой.
I — слой пожарища; II — фрагменты кремневых пластин.

Рис. 42. Вид на стоянку Хотылёво 2 — пункт Д и городище «Кудеярка» со стороны западной окраины с. Хотылёво. Стрелками обозначены: 1 — пункт Д; 2 — городище «Кудеярка».

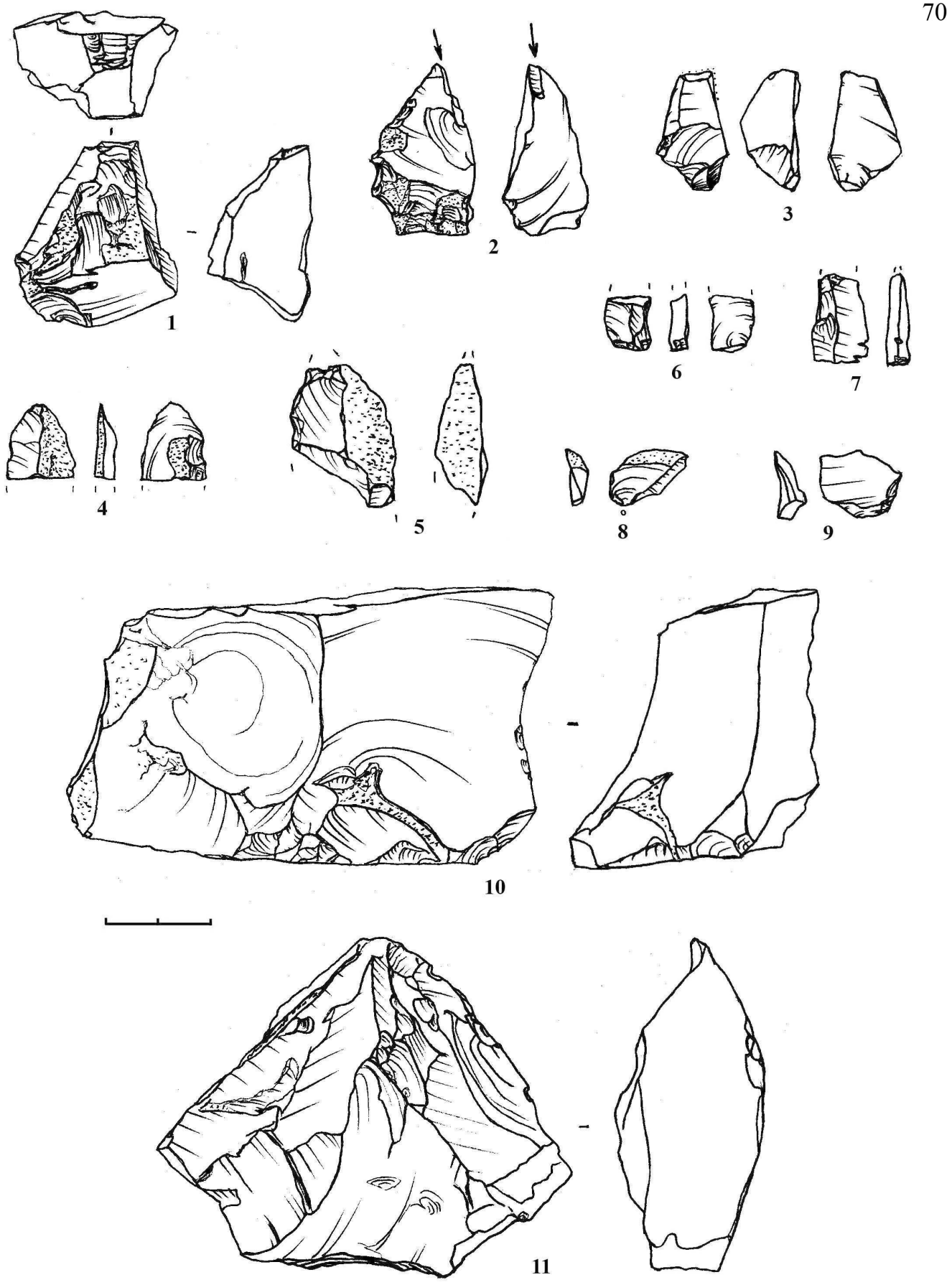

Рис. 43. Городище «Кудеярка», шурф 7, к.сл. 3. Изделия из расщеплённого кремня.
1, 3 — скребковидные предметы на отщепах; 2 — резец; 4, 8, 9 — чешуйки;
5 — отщеп обожжённый (кремнёвая галька); 6, 7 — микропластинчатые сколы;
10 — фрагмент кремнёвой плитки; 11 — отщеп.

Рис. 44. Распространение памятников граветта на территории Восточной Европы.
1 — Збитенка; 2 — Межигирцы; 3 — Замостье I; 4 — Дорошивцы III; 5 — Оселивка I; 6 — Вороновица 1 и Бабин 1; 7 — Молодова 1 и 5; 8 — Кормань 4; 9 — Миток-Малу Галбен; 10 — Трояново 4; 11 — Мира, сл. 2; 12 — Ямы; 13 — Клюсы; 14 — Пушкари I; 15 — Бердыж; 16 — Хотылёво 2; 17 — Авдеево; 18 — Зарайск; 19 — Гагарино; 20 — Костенки I, сл. 1, Костенки 4, Костенки 8, сл. 2, Костенки 13, Костенки 18, Костенки 21, сл. 3, Борщево 5; 21 — Сюрень 1.

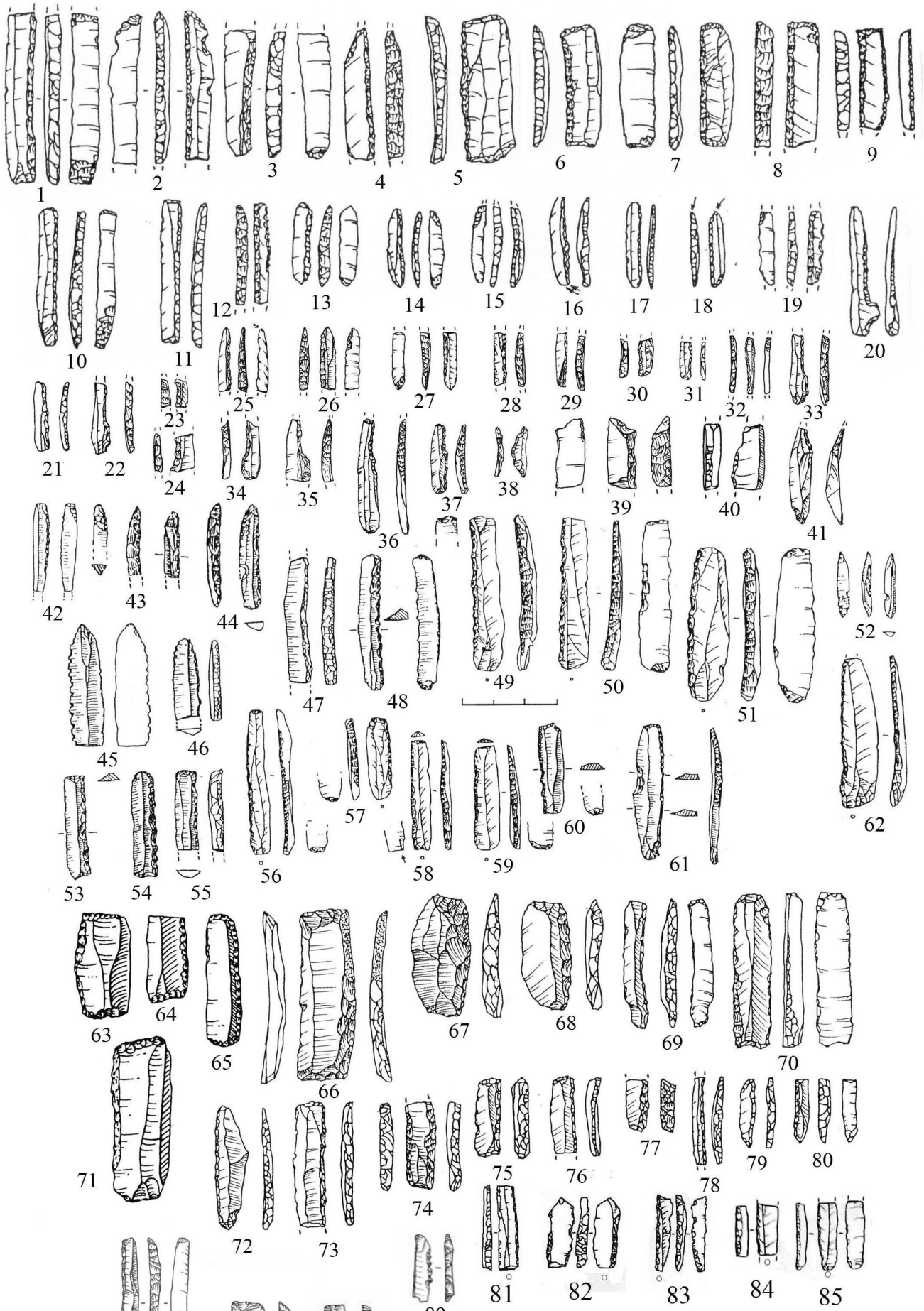

Рис. 45. Пластины и микропластины с притуплённым краем восточного граветта бассейна Десны. 1-41: Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008. С. 195, рис. 95); 42-62: Авдеево (по: Гвоздовер, 1998. С. 244, рис. 7. С. 269, рис. 23); 63–65, 71: Пушкари I (по: Рогачёв, Аникович, 1984. С. 241, рис. 77); 66–70, 72–80: Клюсы (по материалам И. Г. Шовкопляса); 81-85: Октябрьское II, к.сл. 1 (по материалам С. Н. Алексеева); 86-90: Авдеево, верхний слой («МОП») (по: Булочникова, 2012. С. 55, рис. 14. С. 56, рис. 15).

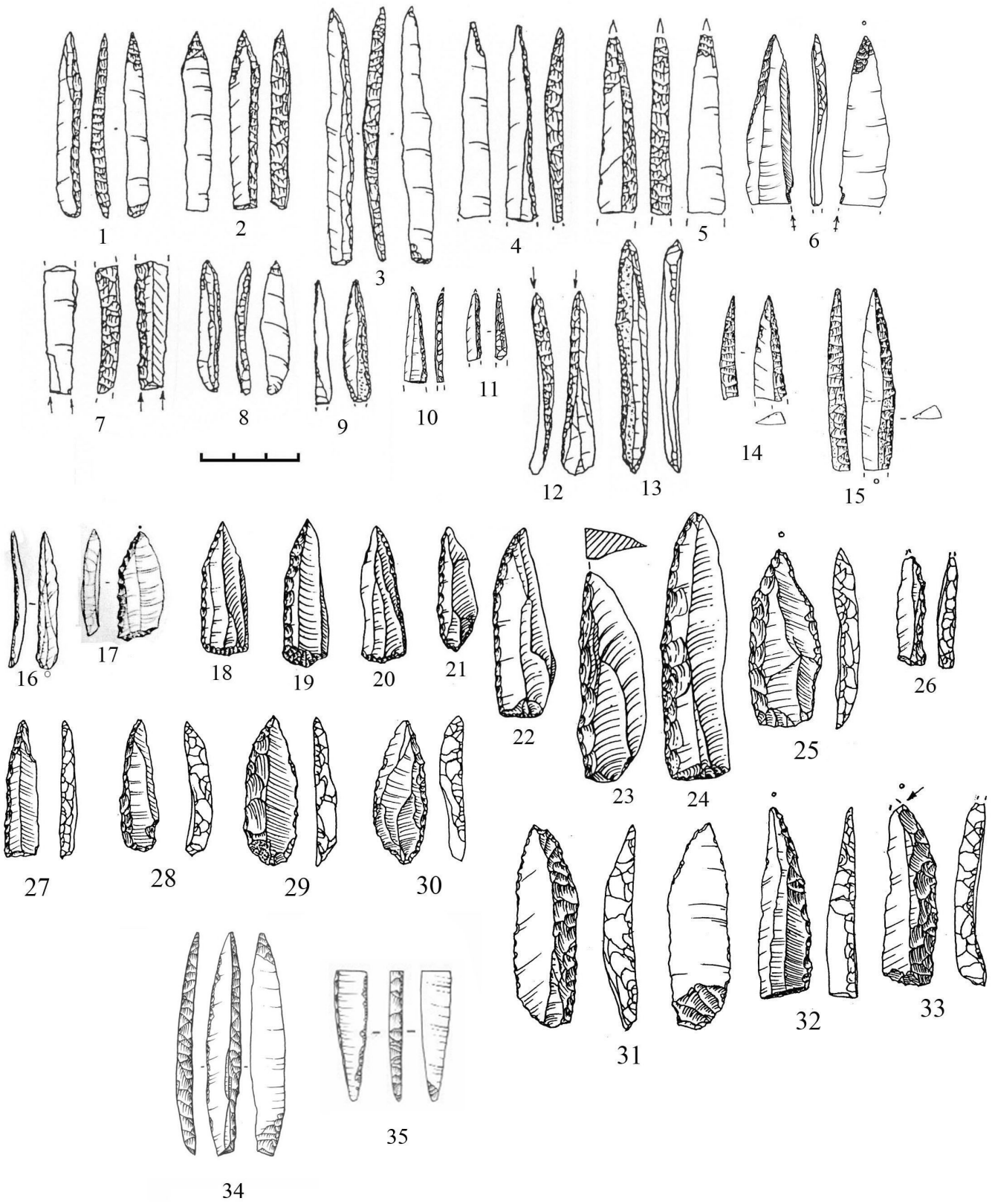

Рис. 46. Острия с притуплённым краем памятников восточного граветта на территории бассейна Десны. 1–13: Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008. С. 195, рис. 95); 14–15: Авдеево (по: Гвоздовер, 1998. С. 269, рис. 23); 16–17: Октябрьское II (к.сл. 1) (по материалам С. Н. Алексеева); 18–24: Пушкари I (по: Рогачёв, Аникович, 1984. С. 241, рис. 77); 25–33: Клюсы (по материалам И. Г. Шовкопляса); 34, 35: Авдеево, верхний слой («МОП») (по: Булочникова, 2012. С. 55, рис. 14. С. 56, рис. 15).

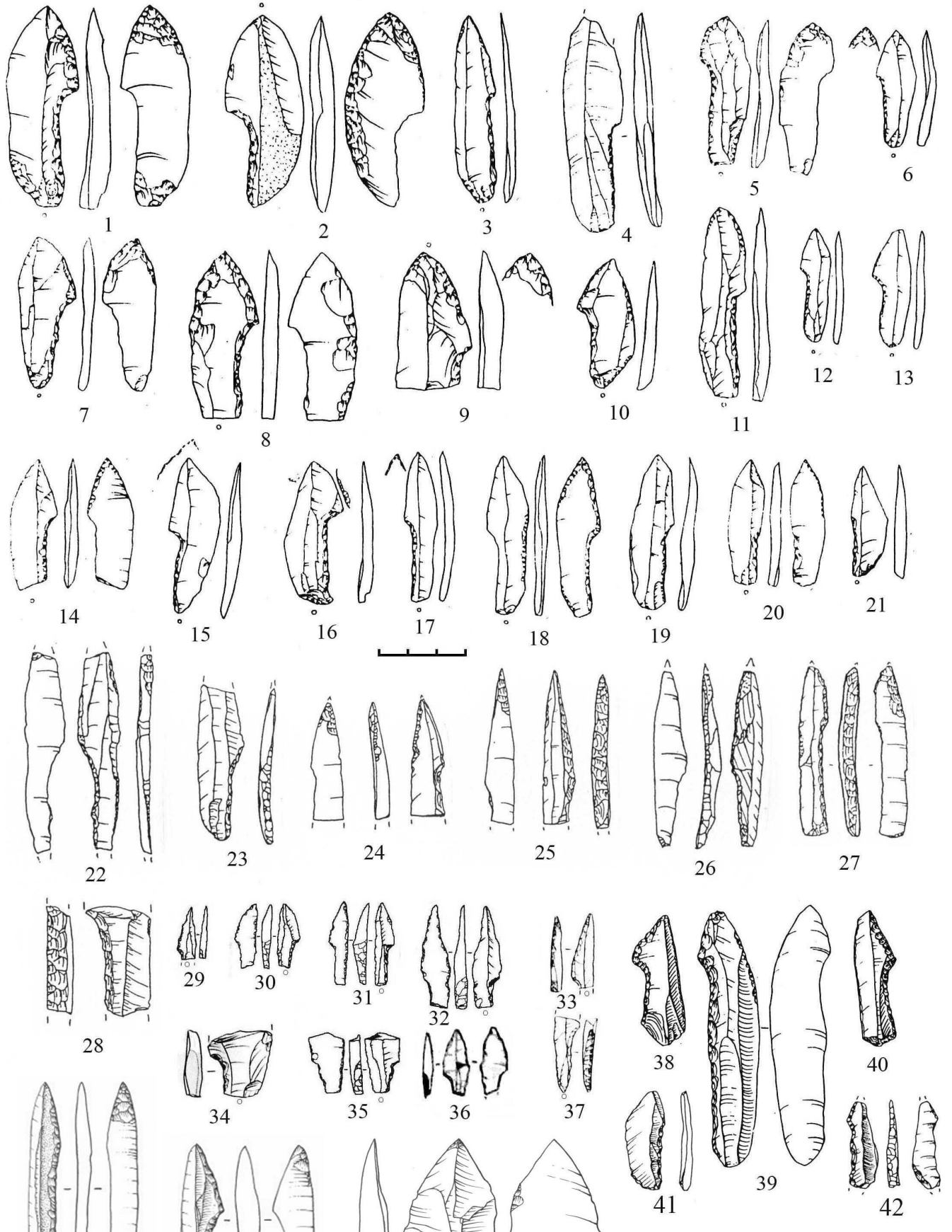

Рис. 47. Наконечники с боковой выемкой в инвентаре стоянок восточного граветта бассейна Десны. 1–21: Авдеево (по: Гвоздовер, 1998. С. 260, рис. 17); 22–28: Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008. С. 194, рис. 94); 29–37: Октябрьское II (к.сл. 1) (по материалам С. Н. Алексеева); 38–40: Пушкари I (по: Рогачёв, Аникович, 1984. С. 241, рис. 77); 41, 42: Клюсы (по материалам И. Г. Шовкопляса); 43-45: Авдеево, верхний слой («МОП») (по: Булочникова, 2012. С. 55, рис. 14. С. 56, рис. 15).

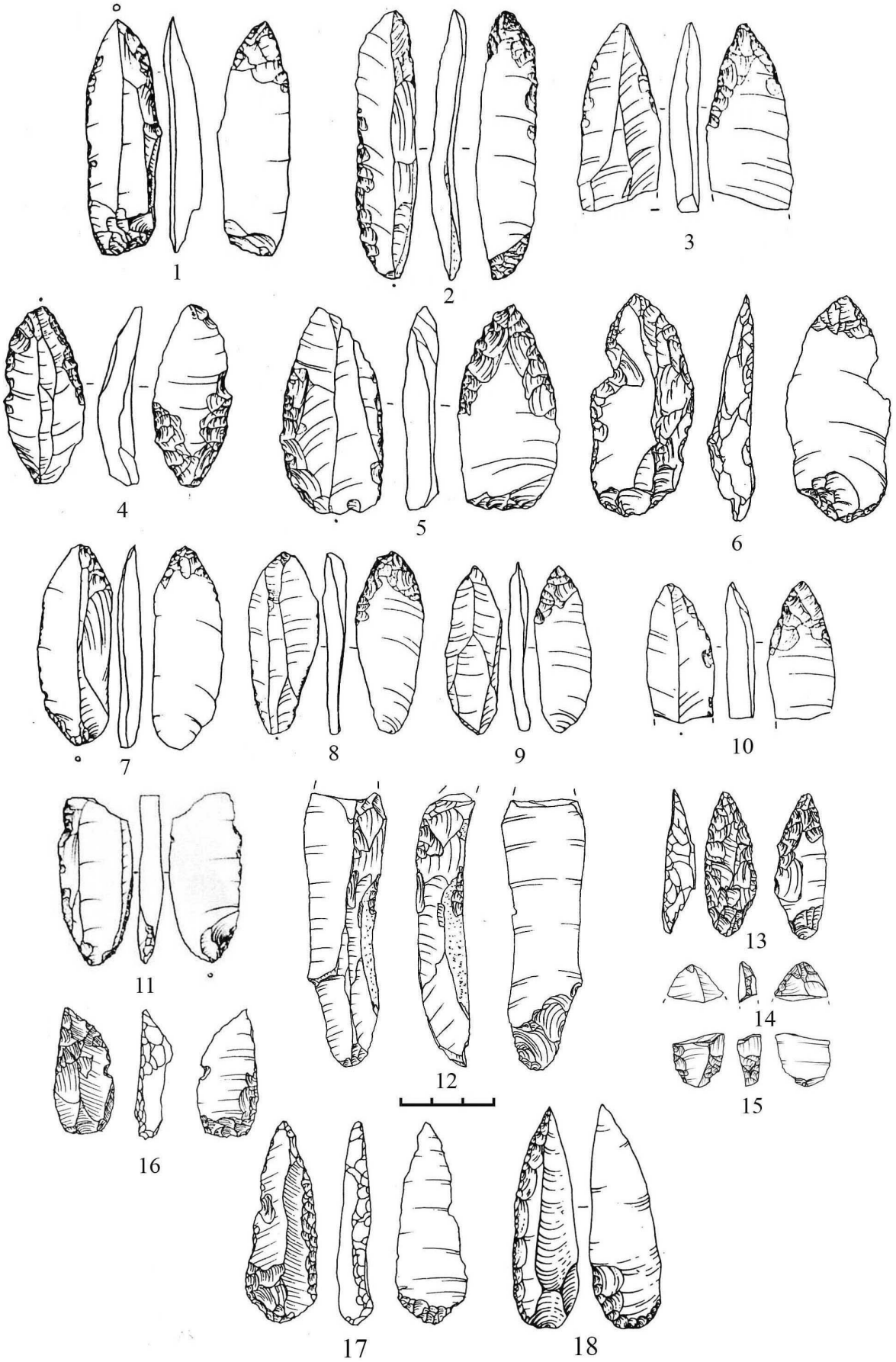

Рис. 48. Листовидные острия в инвентаре памятников восточного граветта в бассейне Десны. 1–10,13: Авдеево (1–5, 7–10 по: Гвоздовер, 1998. С. 264, рис. 20; 6,13 по материалам М.Д. Гвоздовер и Г. П. Григорьева); 11: Октябрьское II, к. сл. 1 (по материалам С. Н. Алексеева); 12,14,15: Хотылёво 2 (12 – по: Gavrilov et al., 2015. P. 343, fig. 10; 14, 15 – по: Гаврилов, 2008. С. 200, рис. 100); 16,17: Клюсы (по материалам И. Г. Шовкопляса); 18: Пушкари I (по: Рогачёв, Аникович, 1984. С. 241, рис. 77).

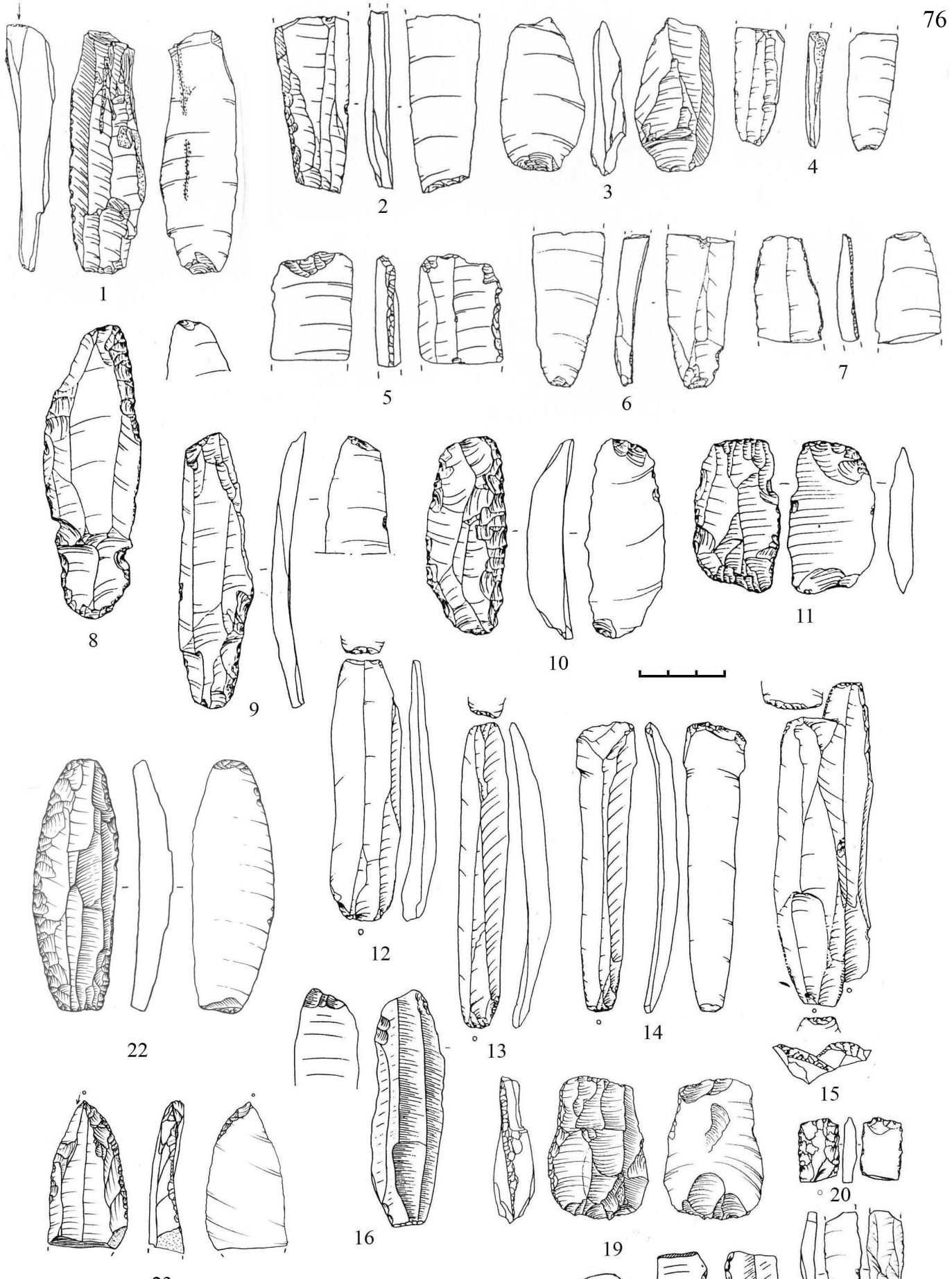

Рис. 49. Ножи костёнковского типа и пластины с подтёской концов на памятниках восточного граветта бассейна Десны. 1–7, 23: Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008. С. 192, рис. 92; Gavrilov et al., 2015. P. 343, fig. 10); 8–15, 22: Авдеево (по: Гвоздовер, 1998. С. 250, рис. 13. С. 258, рис. 16; Булочникова, 2012. С. 56, рис. 15); 16,18: Пушкари I (по: Борисковский, 1953. С.); 17: Быки 7, сл. I (по: Ахметгалеева, 2015. С. 114, рис. 12); 19: Клюсы (по материалам И. Г. Шовкопляса); 20, 21: Октябрьское II, к.сл. 1 (по материалам С. Н. Алексеева).

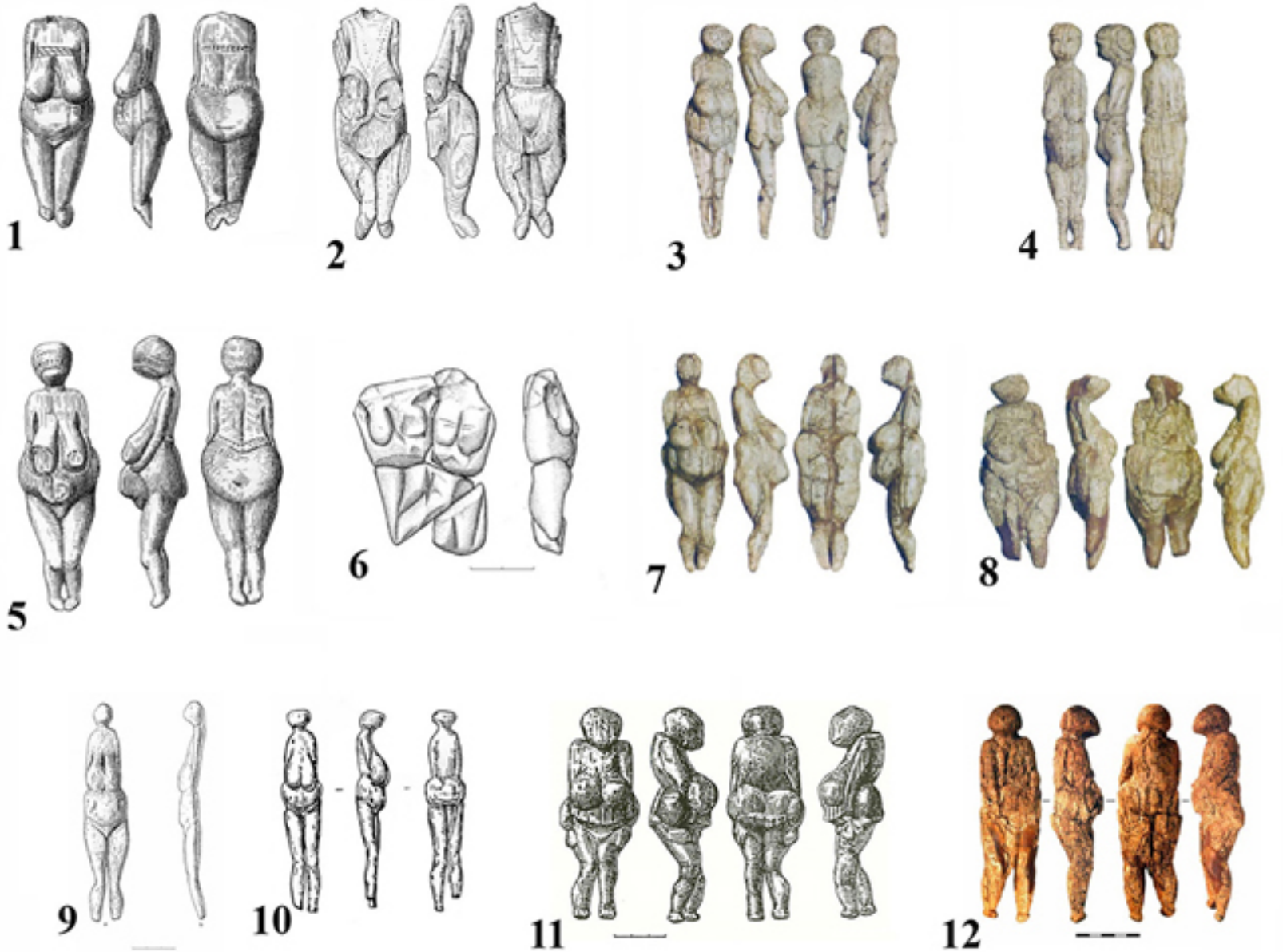

Рис. 50. Статуэтки восточного граветта, выполненные по костёнковскому канону, изображающие зрелых женщин. 1, 2, 5 – Костёнки 1, I сл., комплекс I (по: Ефименко, 1958. С. 346, рис. 140. С. 347, рис. 141). 3, 4, 7, 8, 9 – Авдеево, Новый объект (3, 4, 7, 8 – по: Хлопачев, 2006. Илл. III, IV; 9 – по: Gvozdover, 1995. P . 136, fig. 96). 6 – Хотылёво 2, пункт В (по: Гаврилов, 2015б. С. 50, рис. 3). 10, 11 – Гагарино (по: Тарасов, 1979. С. 126, рис. 66. С. 128, рис. 68). 12 – Зарайск (по: Амирханов, Лев, 2009. С. 318-319).

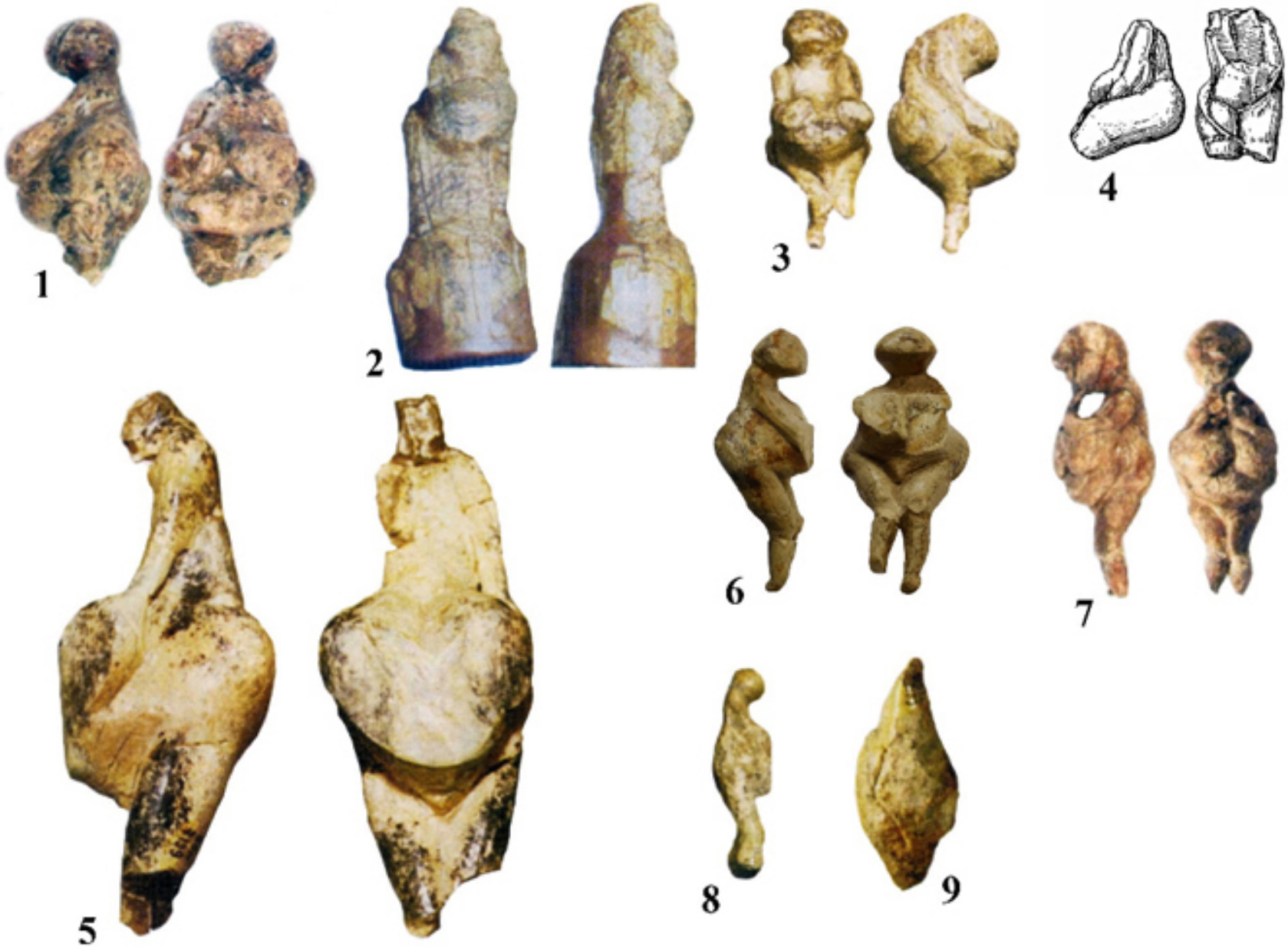

Рис. 51. Женские статуэтки восточного граветта, выполненные по гагаринско-хотылёвскому канону. 1, 7 – Гагарино. 2 – Авдеево, верхний слой (МОП). 3, 5, 8, 9 – Хотылёво 2, пункт А; 6 – Хотылёво 2, пункт В. 4 – Павлов I (1-3, 5-9 – по: Хлопачев, 2006. Илл. II, IX, XII; 4 – по: Абрамова, 2010. С. 215, Кат. 102.4; 6 – по: Гаврилов, Лев, 2017. С. 43, рис. 1).

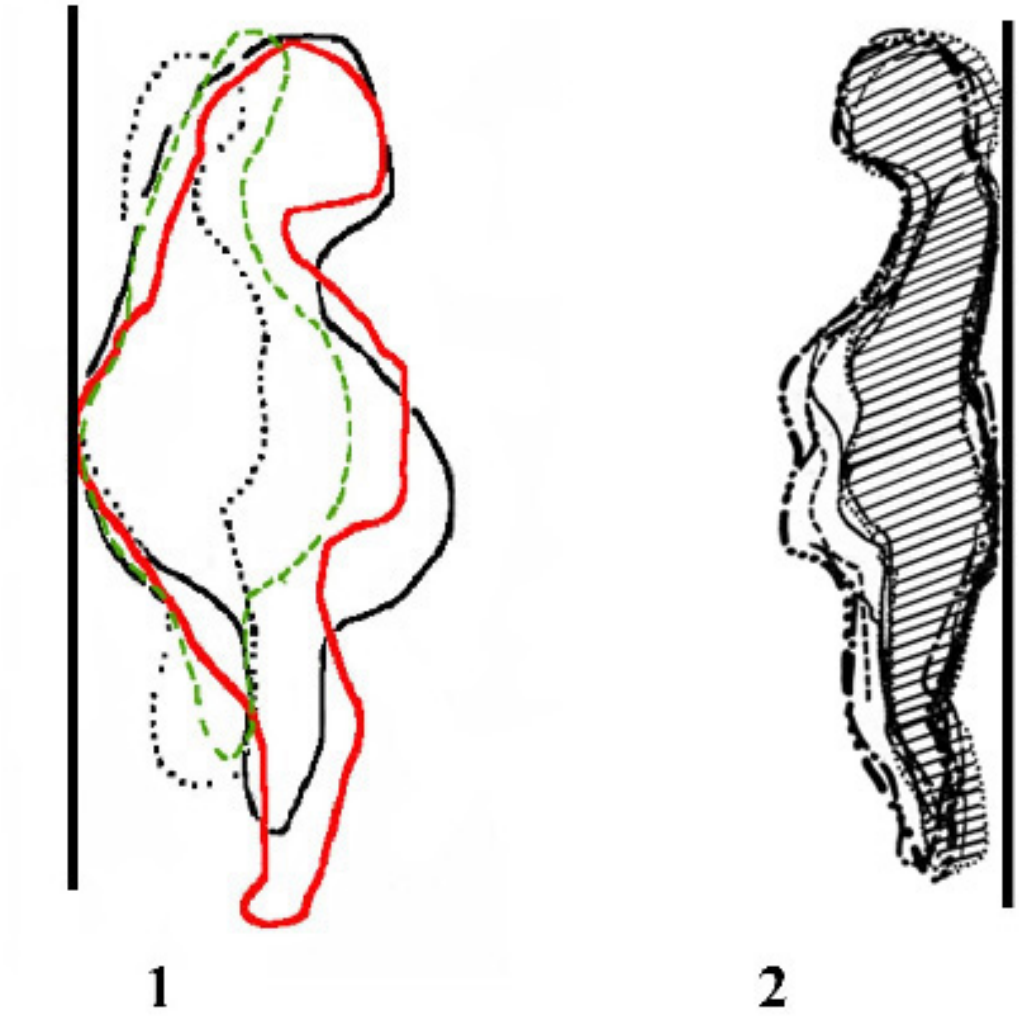

Рис. 52. Сопоставление профилей статуэток, изготовленных по гагаринско-хотылёвскому (1) и костёнковскому (2) канонам. 1 – совмещение профилей статуэток из Хотылёво 2, приведённых к одному масштабу (по: Хлопачев, 1998. С. 30, рис. 8, с дополнениями). 2 – совмещение профилей статуэток из Авдеево, приведённых к одному масштабу (по: Гвоздовер, 1985а. С. 36, рис. 6).

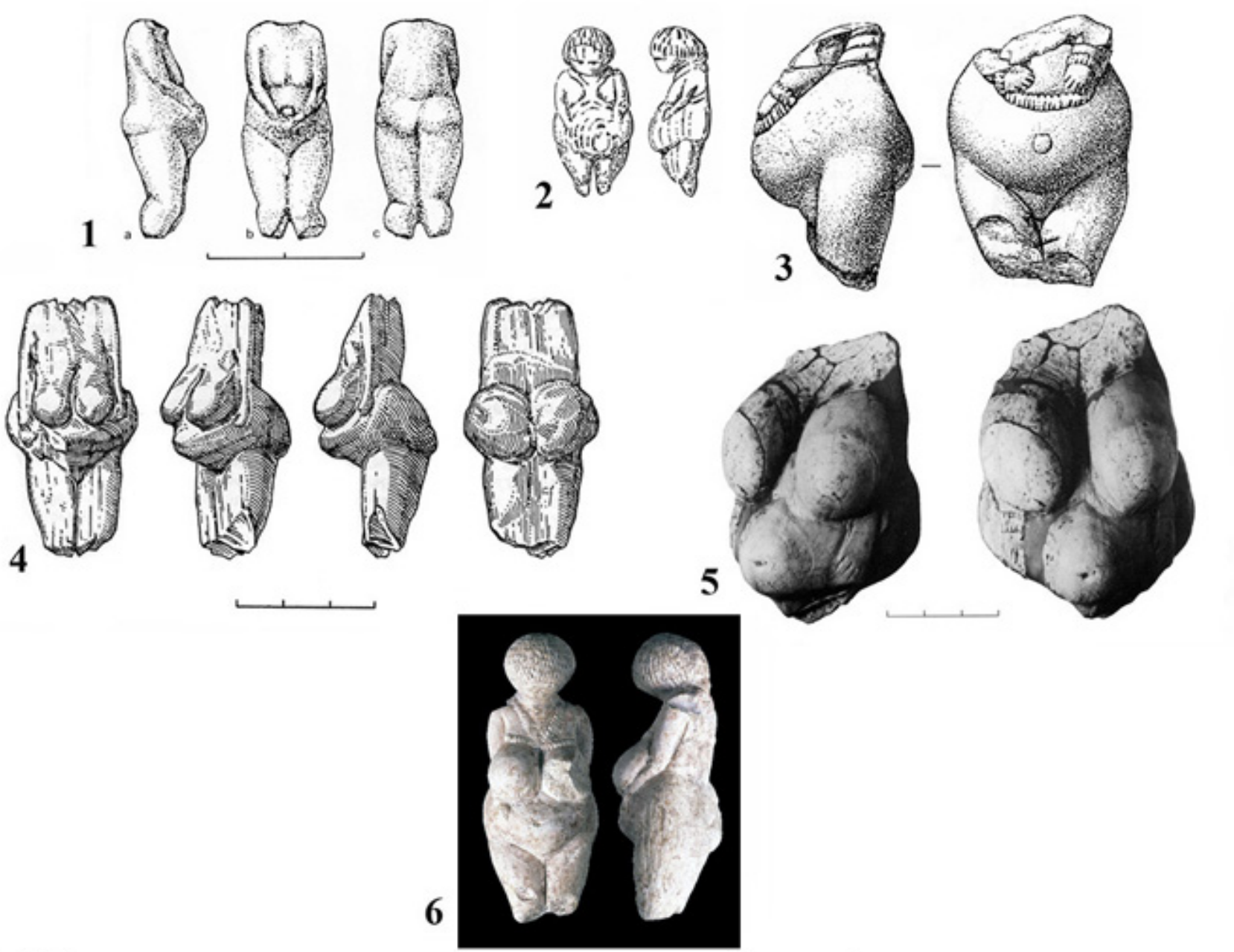

Рис. 53. Статуэтки восточного граветта, выполненные по костёнковскому канону, изображающие беременных женщин.
1, 5 – Авдеево, Новый объект (по: Gvozdover, 1995. P. 143, fig. 105. P. 144, fig. 106). 2, 3, 6 – Костёнки 1, I сл., комплекс II
(2, 3 – по: Абрамова, 2010. С. 262, Кат. 120,67 и 120,68; 6 – по: Дюпюи, 2016. С. 340, рис. 2). 4 – Гагарино (по: Тарасов, 1979. С. 132, рис. 70).

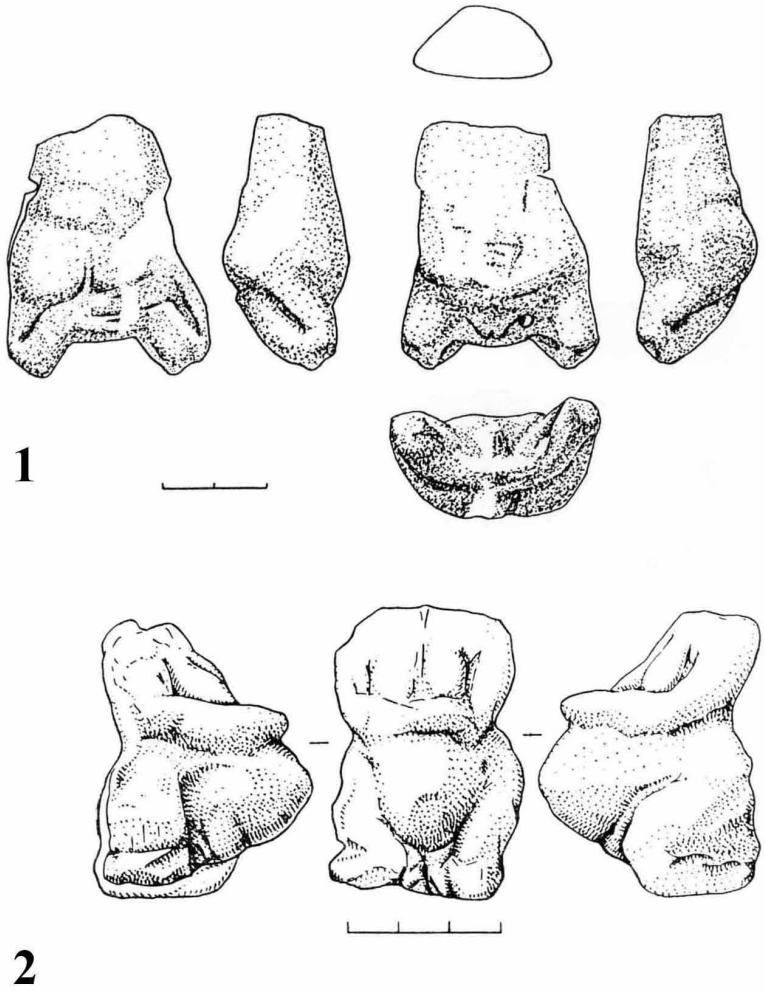

Рис. 54. Статуэтки восточного граветта, изображающие женщин с подогнутыми ногами. 1 – Авдеево, Новый Объект (по: Gvozdover, 1995. P., fig. 111). 2 - Костёнки 13 (по: Абрамова, 2010. С. 264, Кат. 121,1).

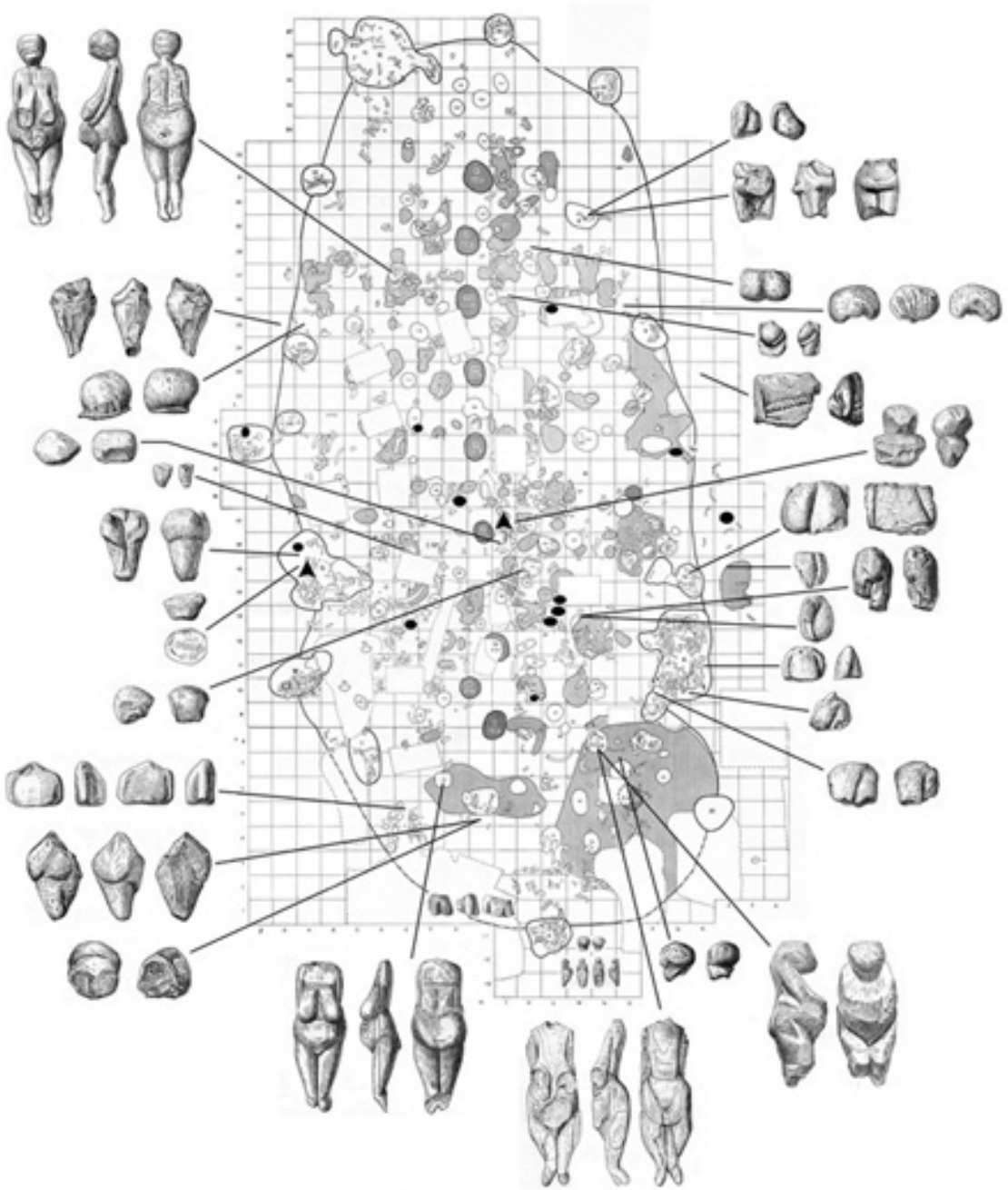

Рис. 55. Археологический контекст антропоморфной скульптуры первого комплекса стоянки Костёнки 1, I сл. (изображения фигурок и места их находок даны по: Ефименко, 1958. Рис. 140-160).

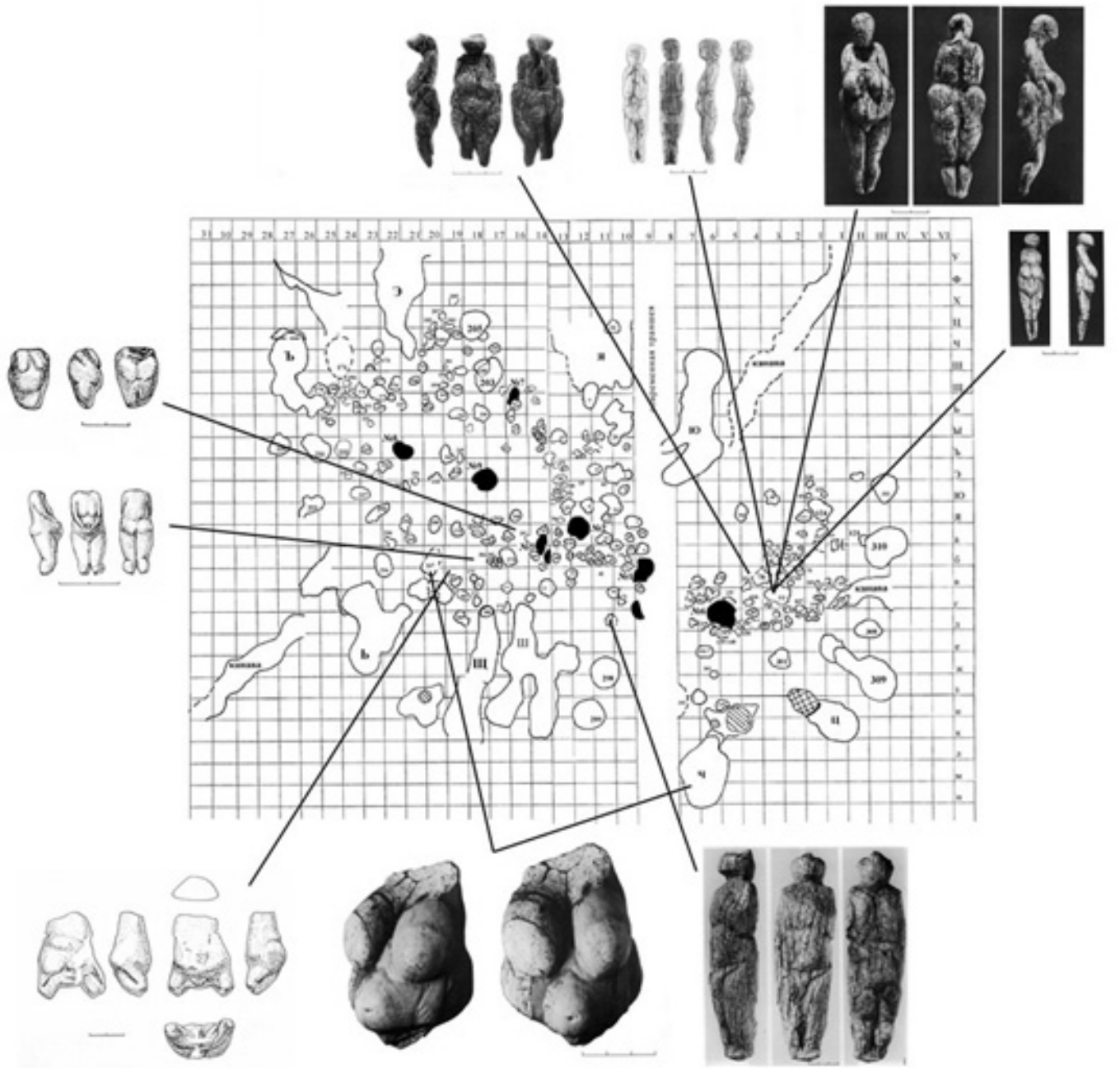

Рис. 56. Археологический контекст антропоморфной скульптуры Нового Объекта стоянки Авдеево (изображения фигурок и места их находок даны по: Gvozdover, 1995. Figs. 94, 98, 99, 101, 104, 105, 106, 108, 111).

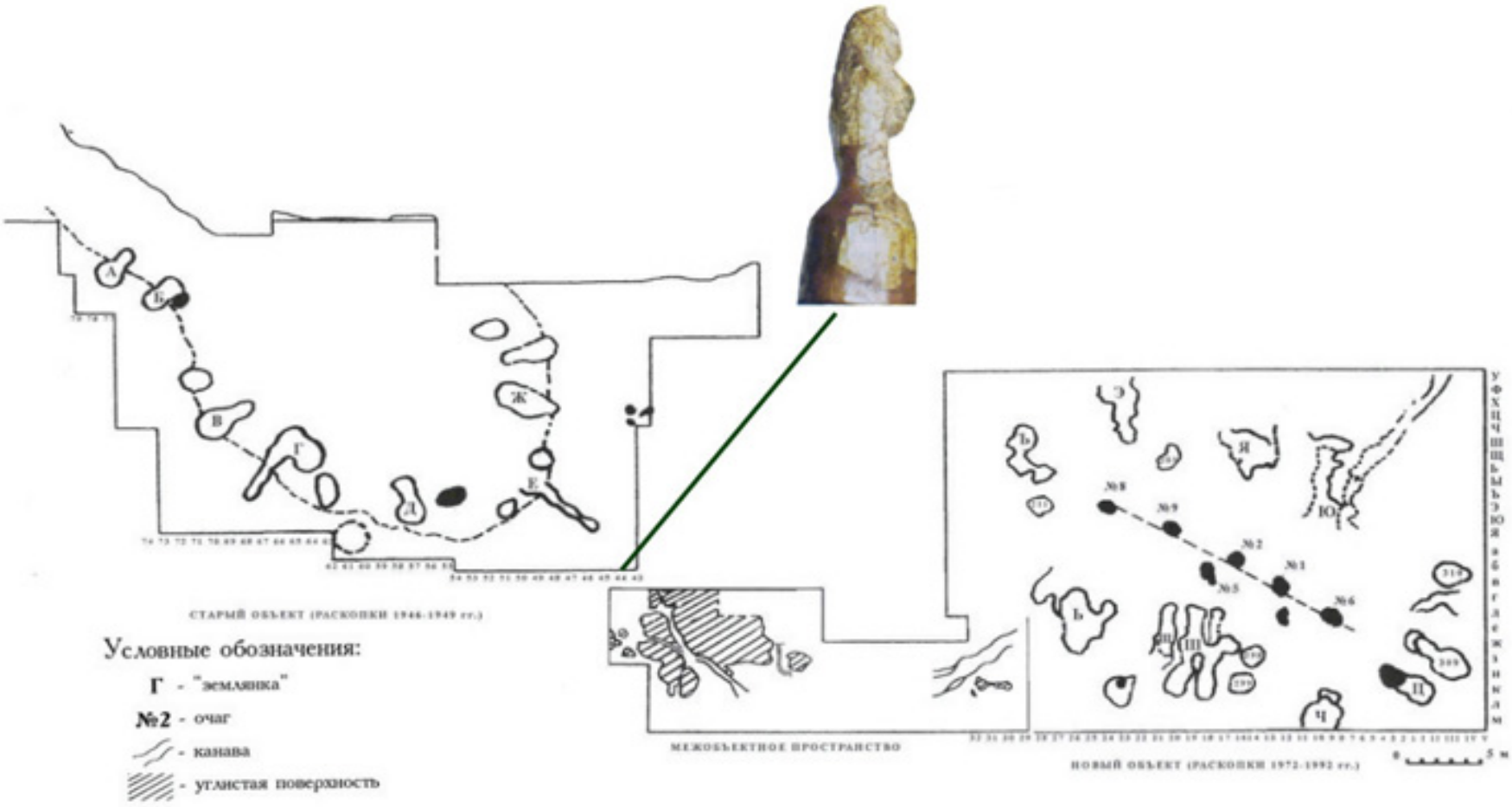

Рис. 57. Археологический контекст так называемой незаконченной женской статуэтки из Авдеево, изготовленной по гагаринско-хотылёвскому канону (фиг. № 3). (Совмещённый план раскопов по: Булочникова, 2012. С. 50, рис. 3; изображение статуэтки по: Хлопачев, 2006. Илл. II).

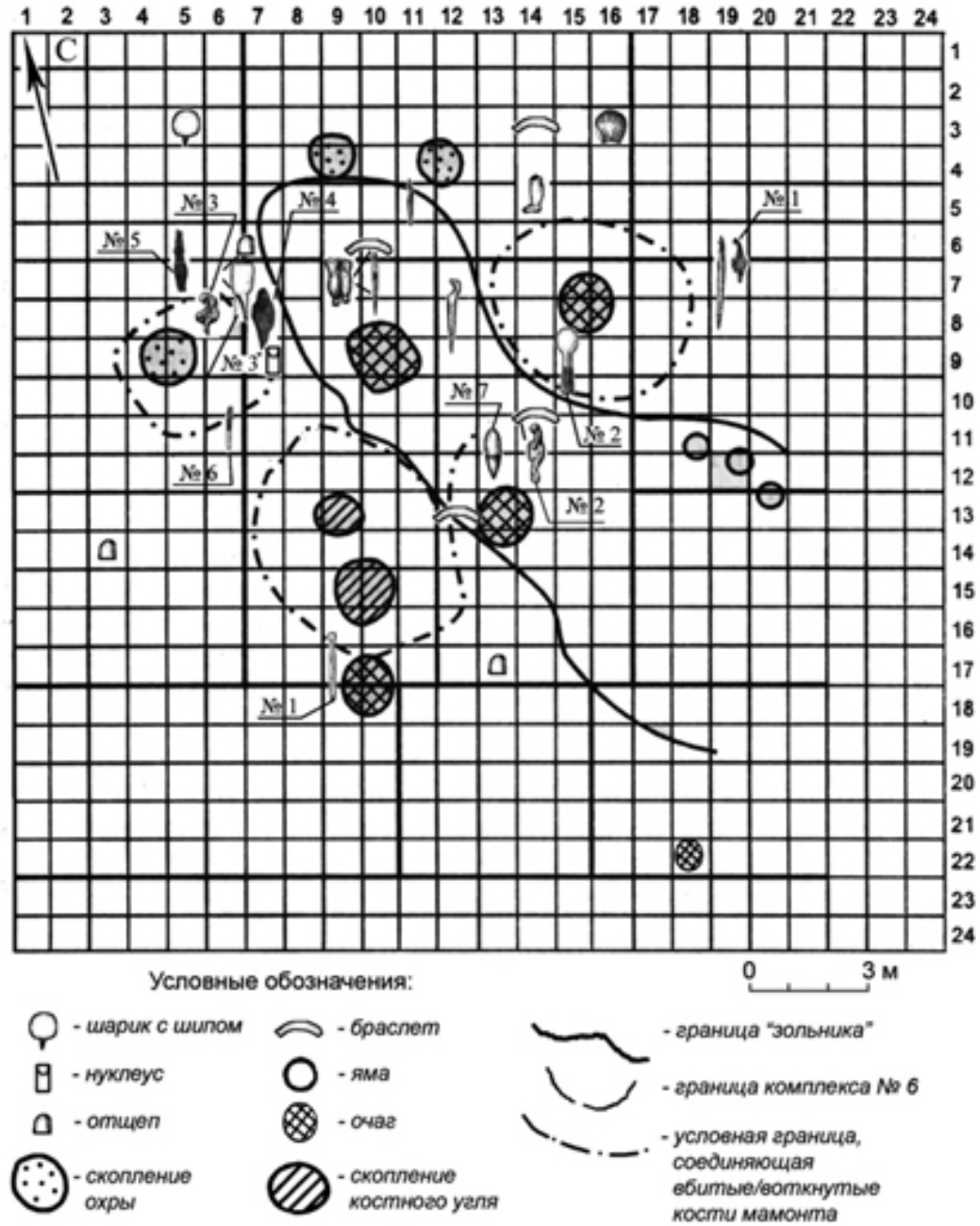

Рис. 58. План-схема археологических комплексов пункта А стоянки Хотылево 2 и связанных с ними произведений искусства.

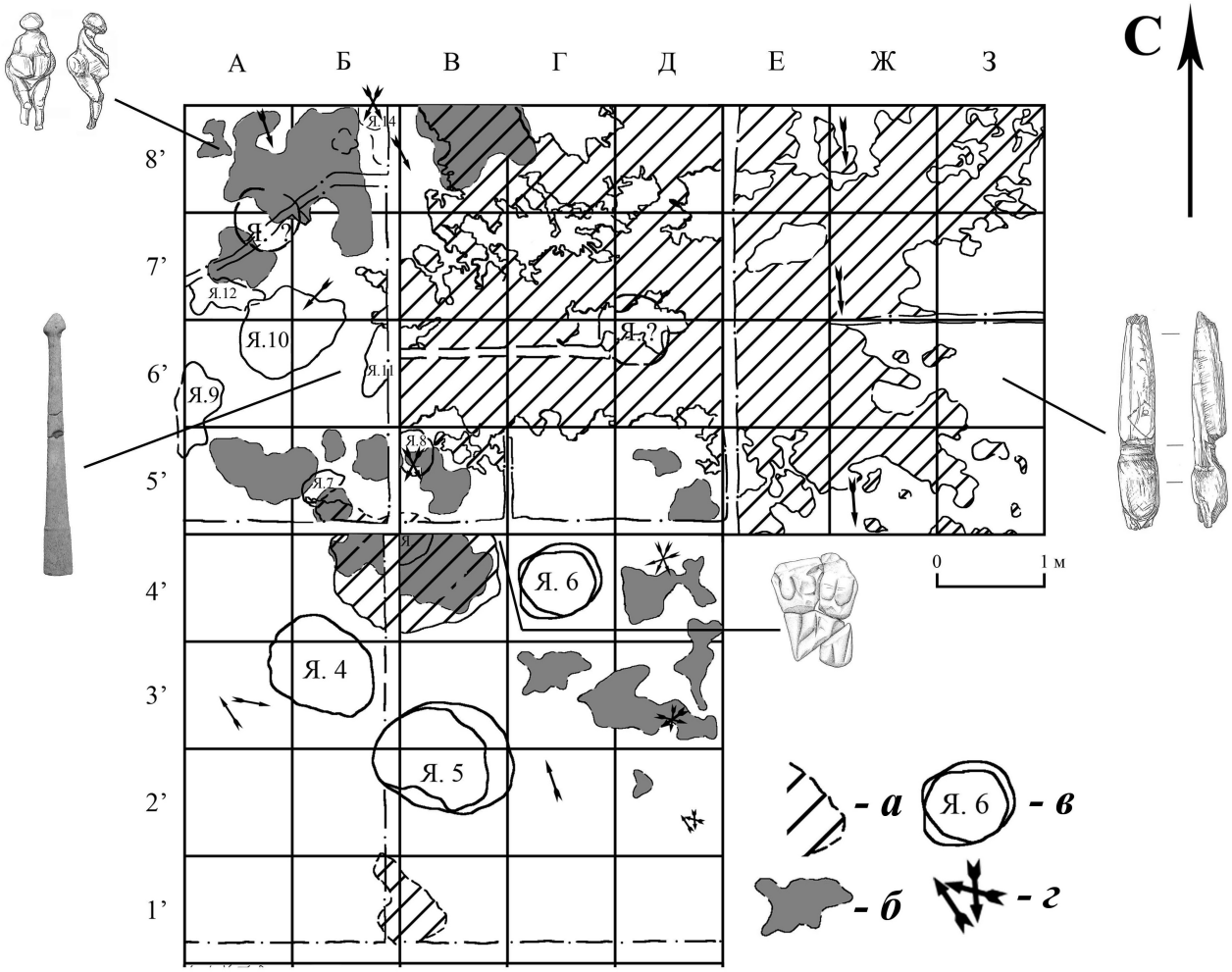

Рис. 59. Хотылёво 2, пункт В. Общий контекст залегания произведений искусства малых форм на площади раскопов Б и В. Условные обозначения:
а) скопление костного угля и золы; б) скопление расколотого кремня;
в) яма; г) вкопанные вертикально / наклонно кости мамонта.

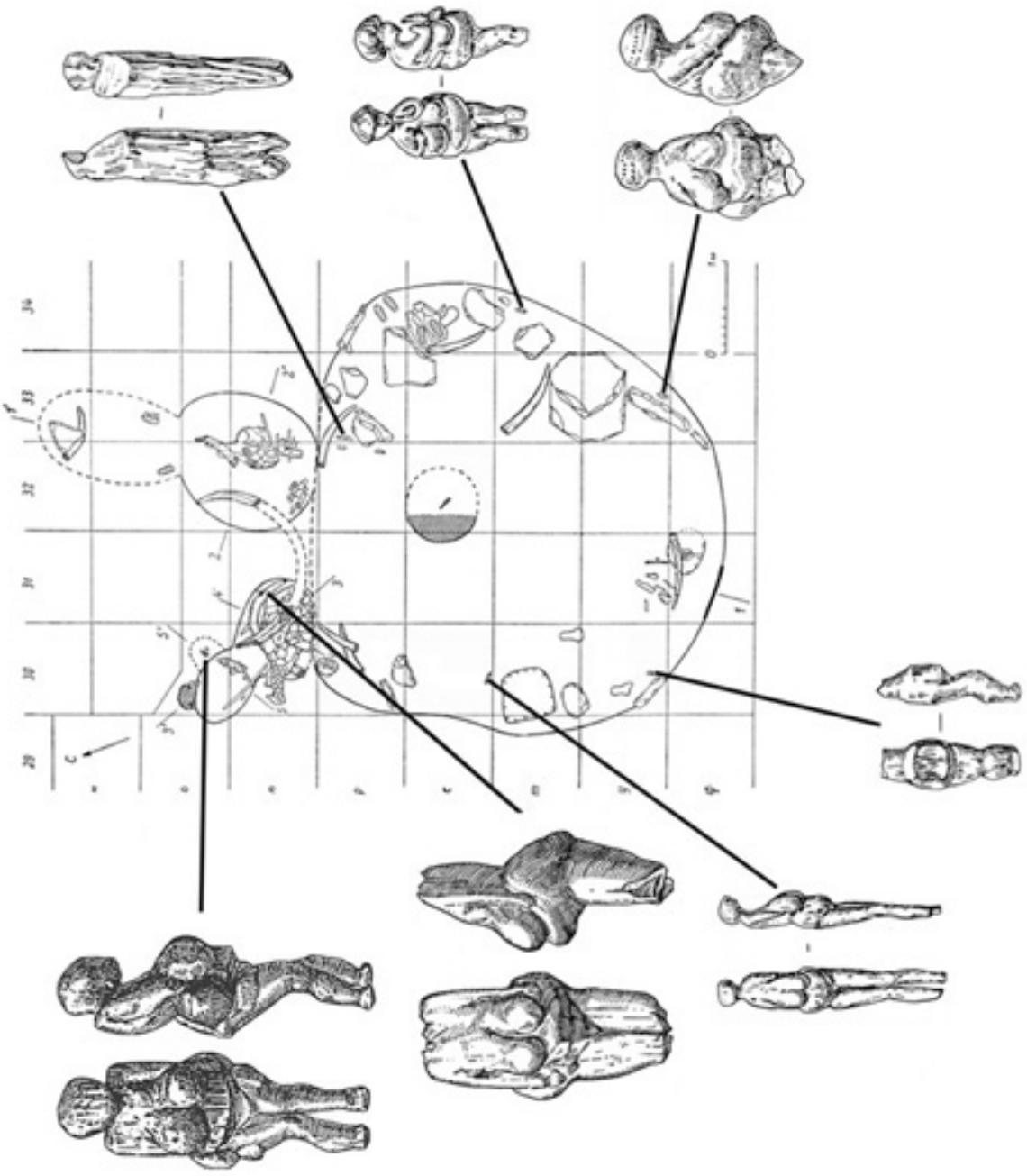

Рис. 60. Археологический контекст антропоморфной скульптуры Гагаринской стоянки (изображения фигурок и места их находок даны по: Тарасов, 1979. Рис. 66, 68, 70).

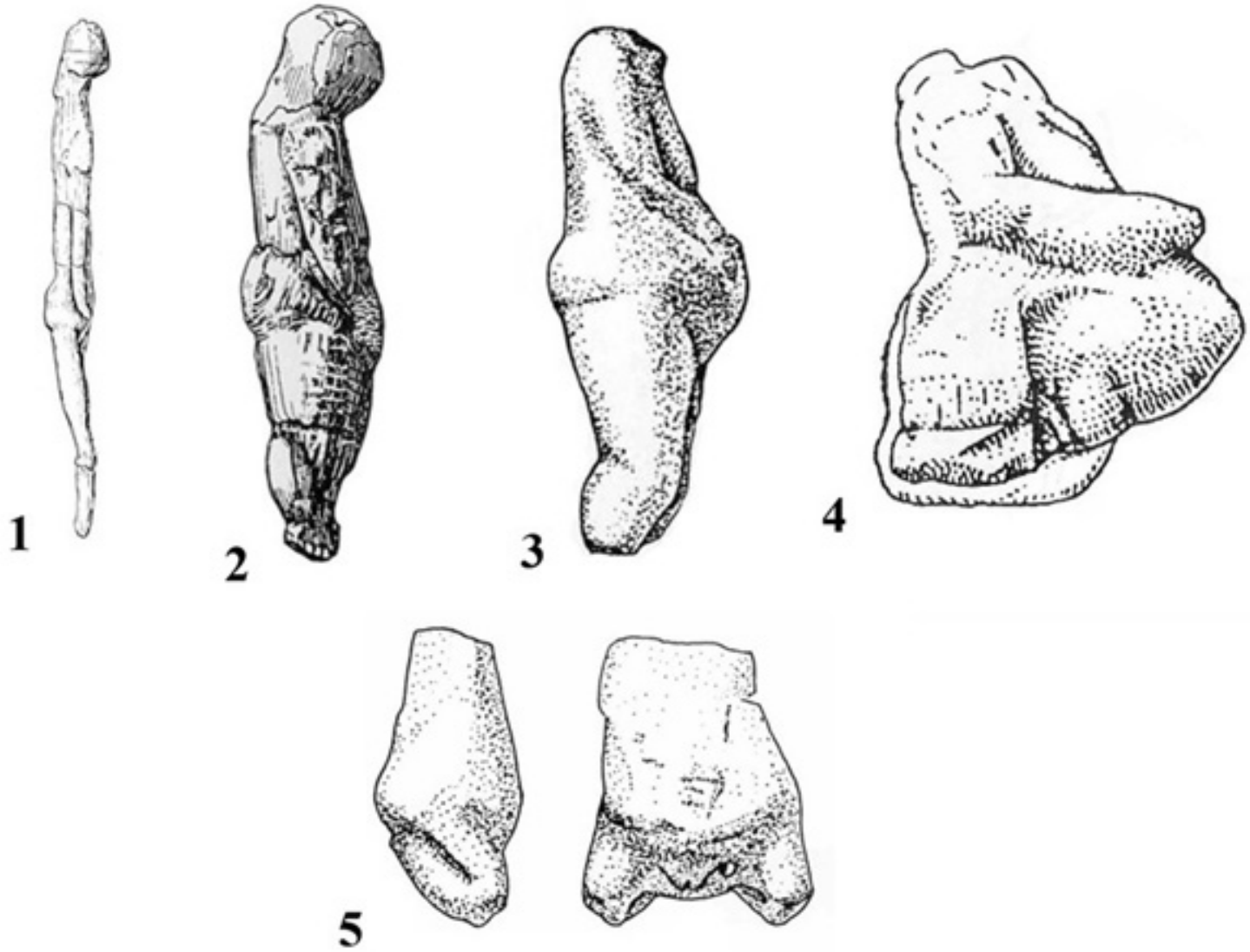

Рис. 61. Иконографический ряд статуэток восточного граветта, изображающих женщин в различных стадиях беременности, а также перед зачатием и рождением ребёнка. 1 – Костёнки 1, I сл., комплекс II (по: Абрамова, 2010. С. 263, Кат. 120,71). 2 – Авдеево, Старый Объект. 3, 5 – Авдеево, Новый Объект (2, 3, 5 – по: Gvozdover, 1995. Figs. 91, 106, 111). 4 – Костёнки 13 (по: Абрамова, 2010. С. 264, Кат. 121,1).

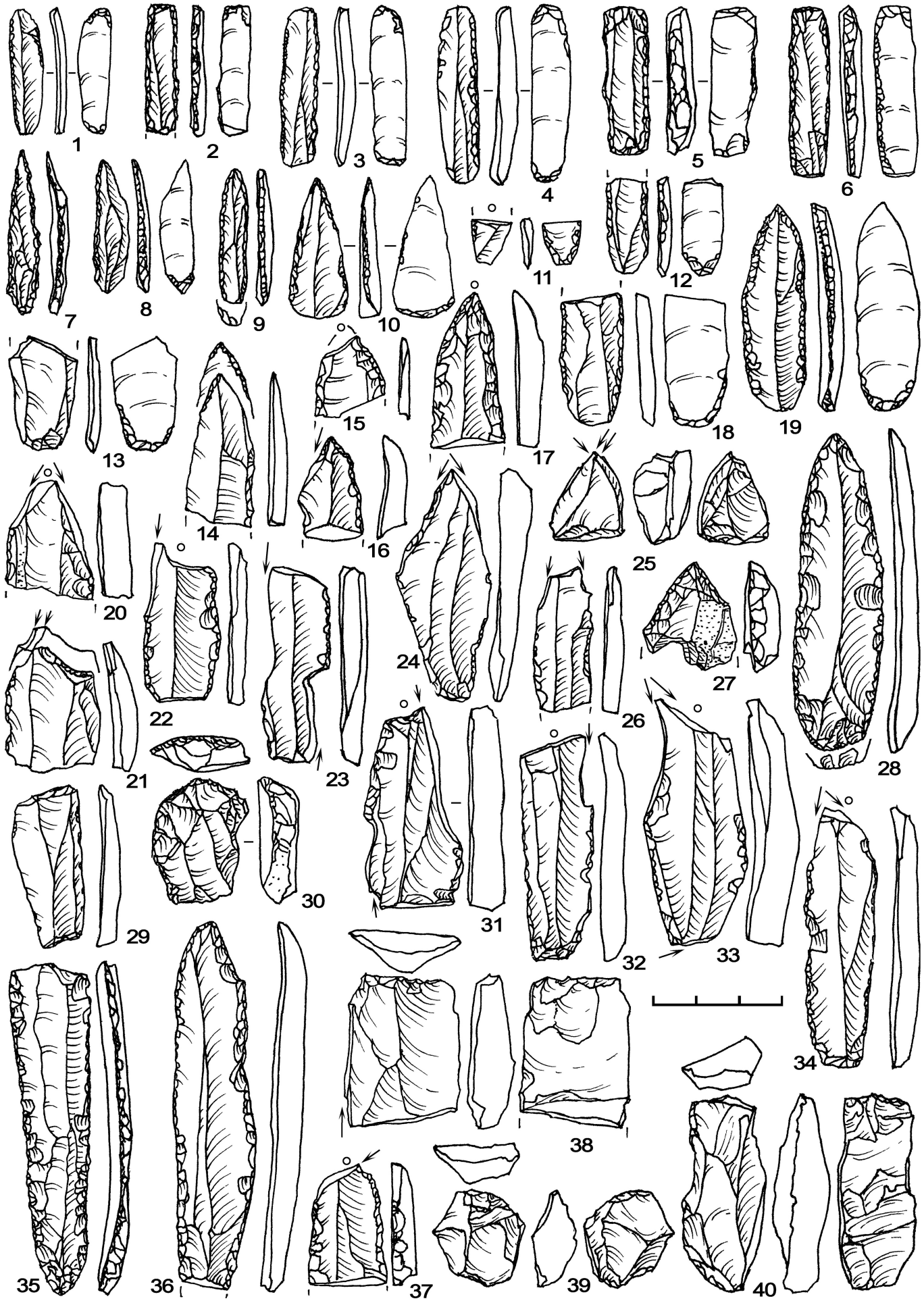

Рис. 62. Борщево 5. Каменный инвентарь слоя 1б (по: Лисицын, 2011. С. 225, рис. 7).

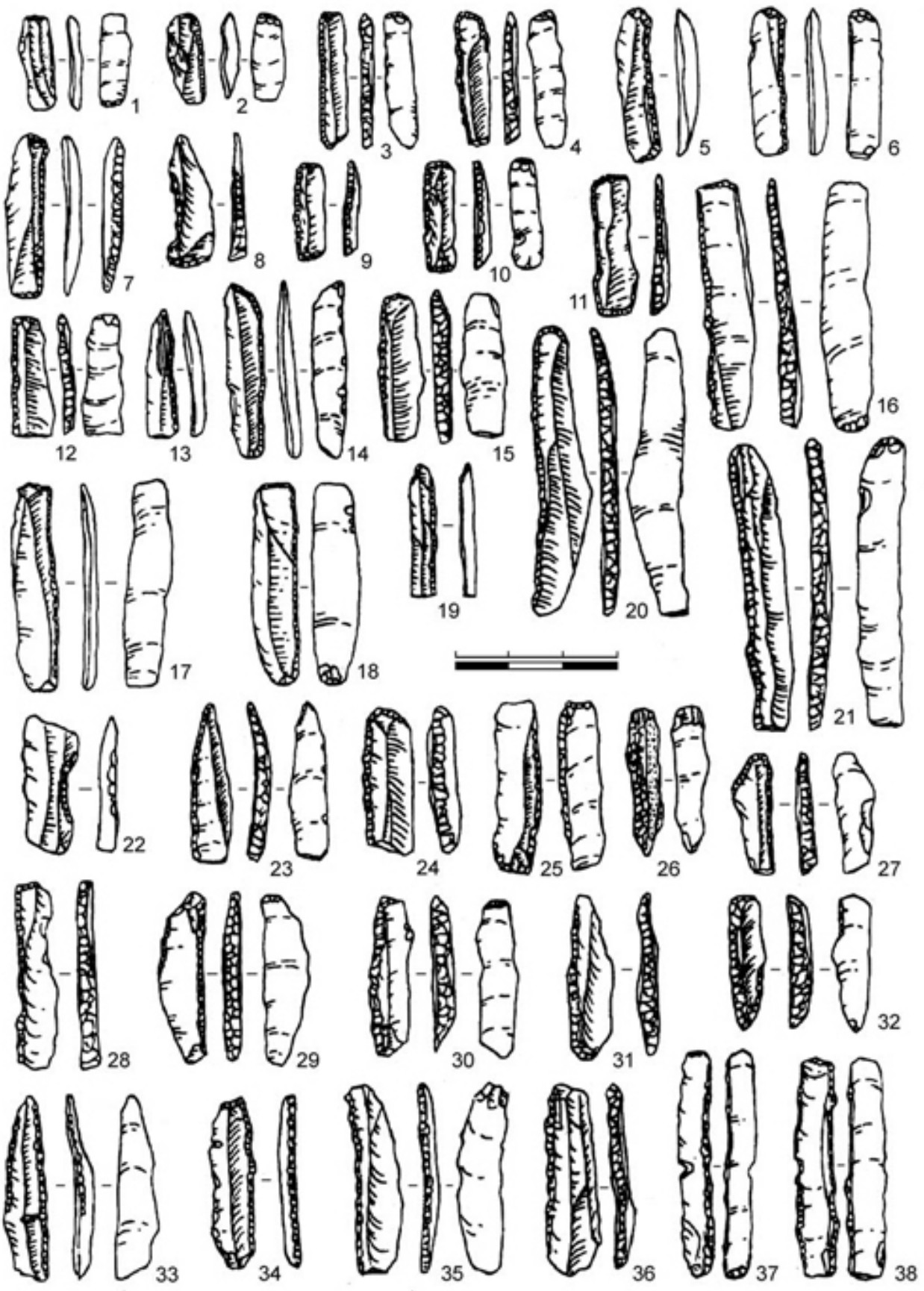

Рис. 63. Костенки 1 (сл. I), микропластины с притупленным краем (по: Лисицын, 1998. С. 305, рис. 5).

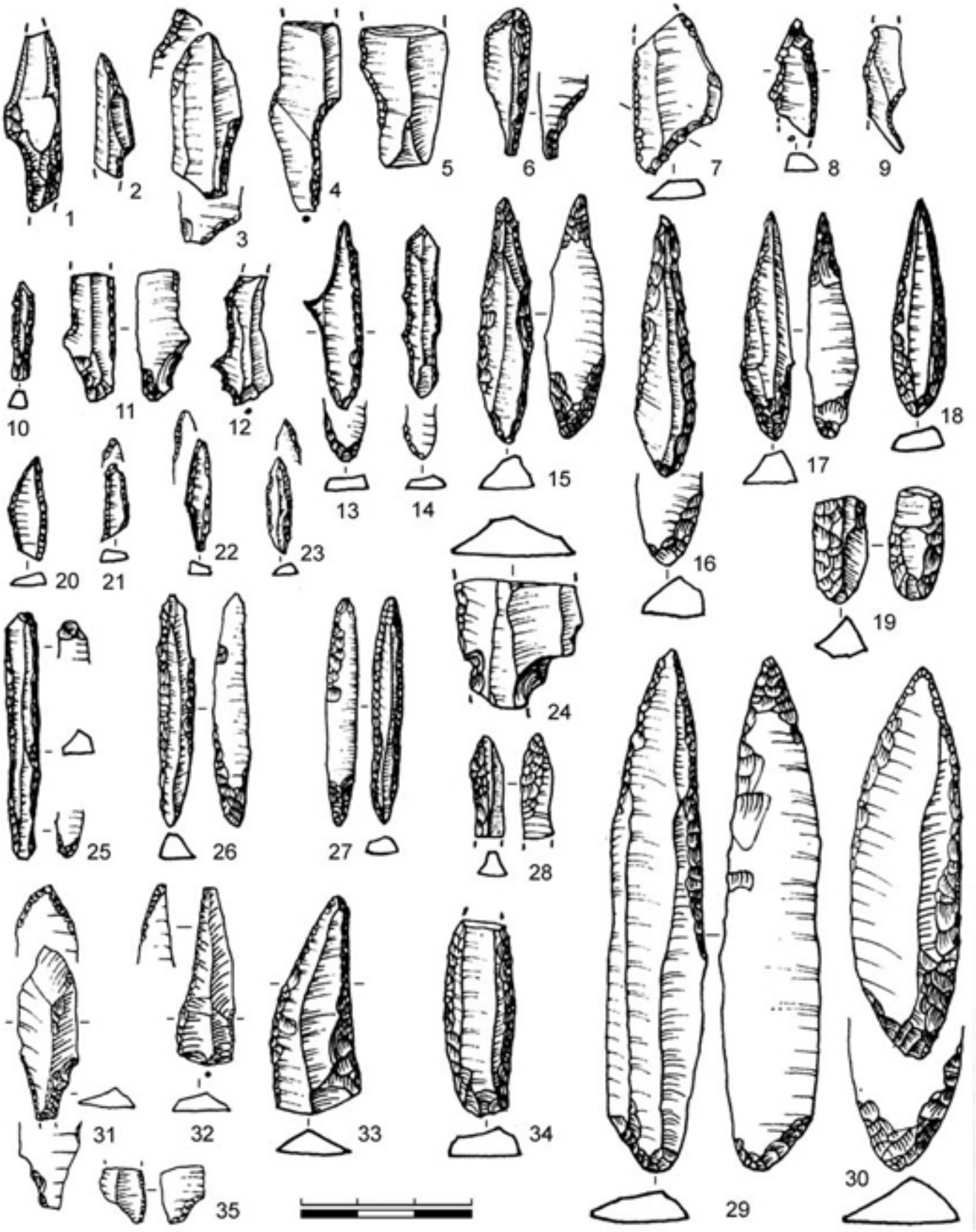

Рис. 64. Миловице I, сектор G. Наконечники (?) с выделенным ретушью черешком (1-7, 24, 32), пластины (8, 35) и микропластины (9-14, 20-23, 25-28) с притупленным краем, приостренные пластины (33, 34), листовидные острия (15-19, 29, 30) (по: Oliva, 2007. P. 62, fig. 52).

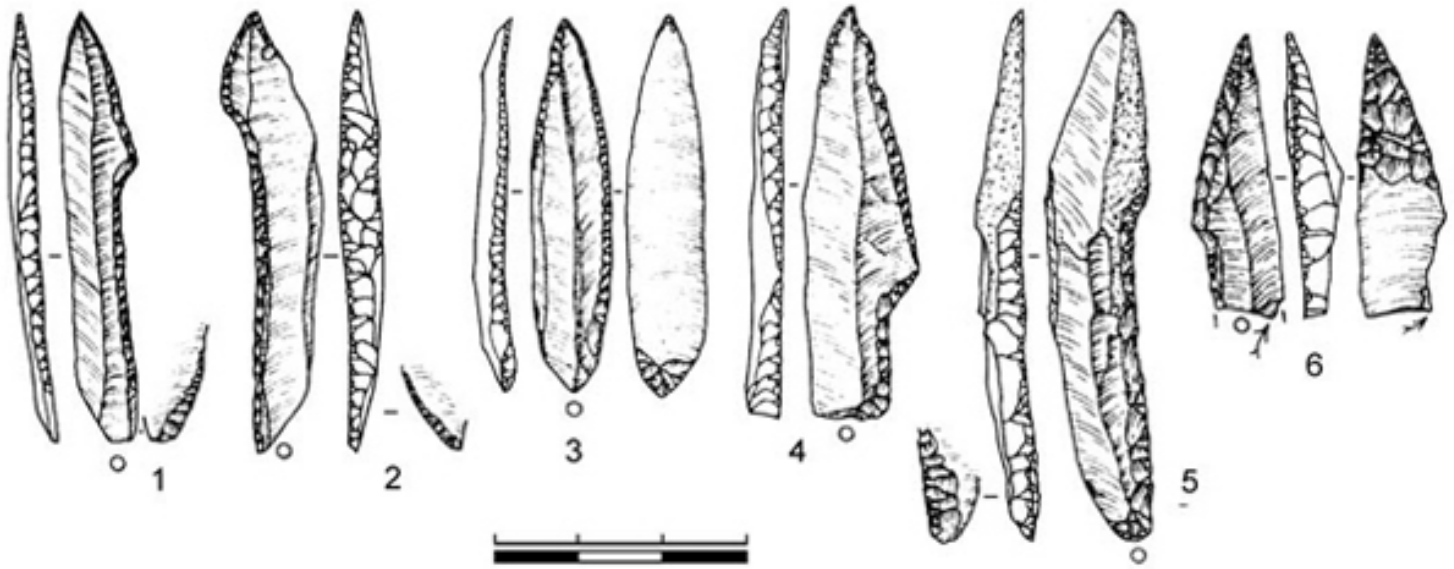

Рис. 65. Молодова 5, сл. 7. Наконечники с боковой выемкой (1, 2, 4-6) и листовидное острие (3) (по: Nuzhnyi, 2009. P. 165, fig. 4; p. 167, fig. 5; p. 168, fig. 6).

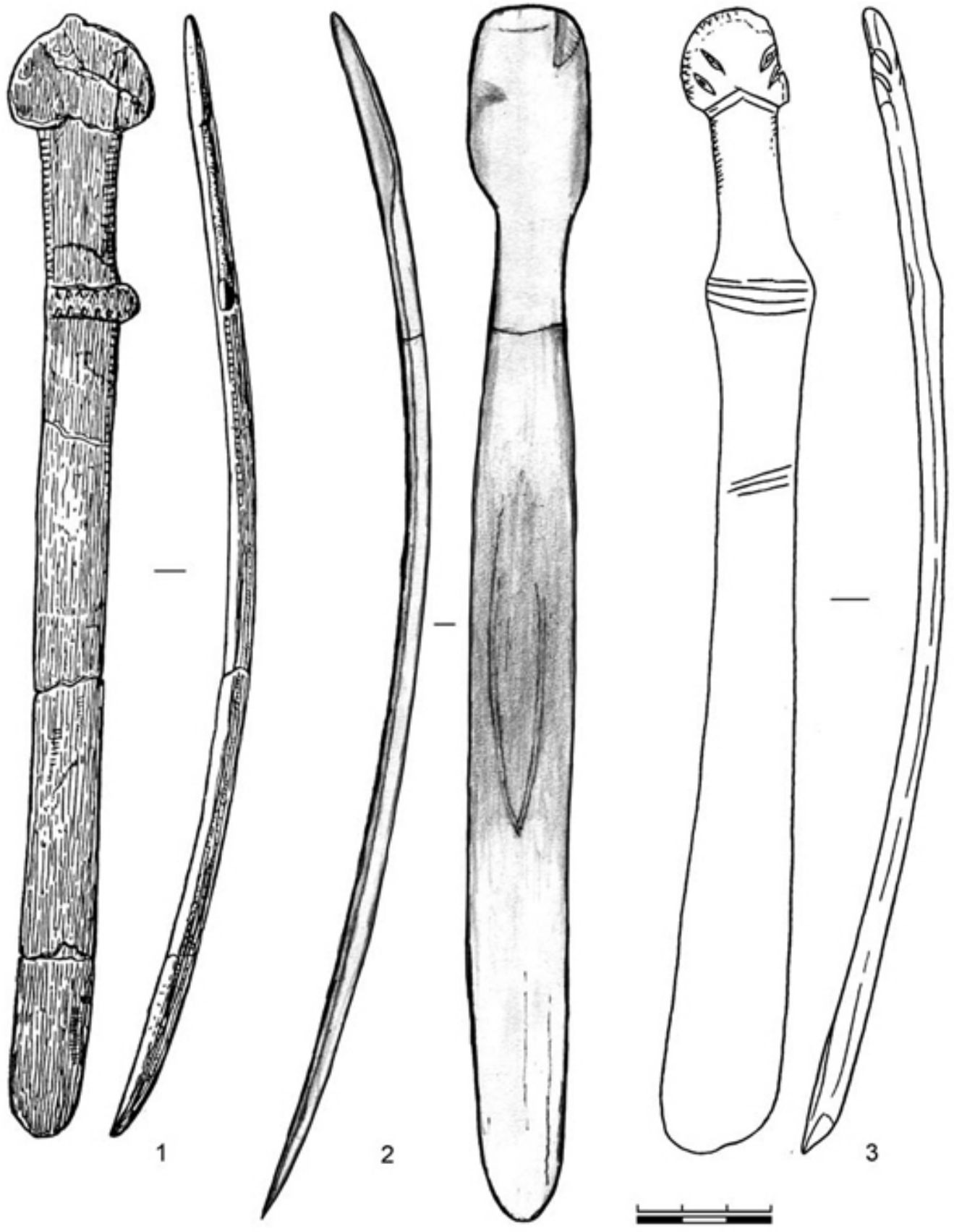

Рис. 66. Лопаточки с навершиями из ребер мамонта: 1) Костенки 1, сл. I (по: Ефименко, 1958. С. 307, рис. 116); 2) Хотылёво 2, пункт В (рис. Ю.А. Чемоданова); 3) Авдеево (по: Gvozdover, 1995. P. 162, fig. 127).

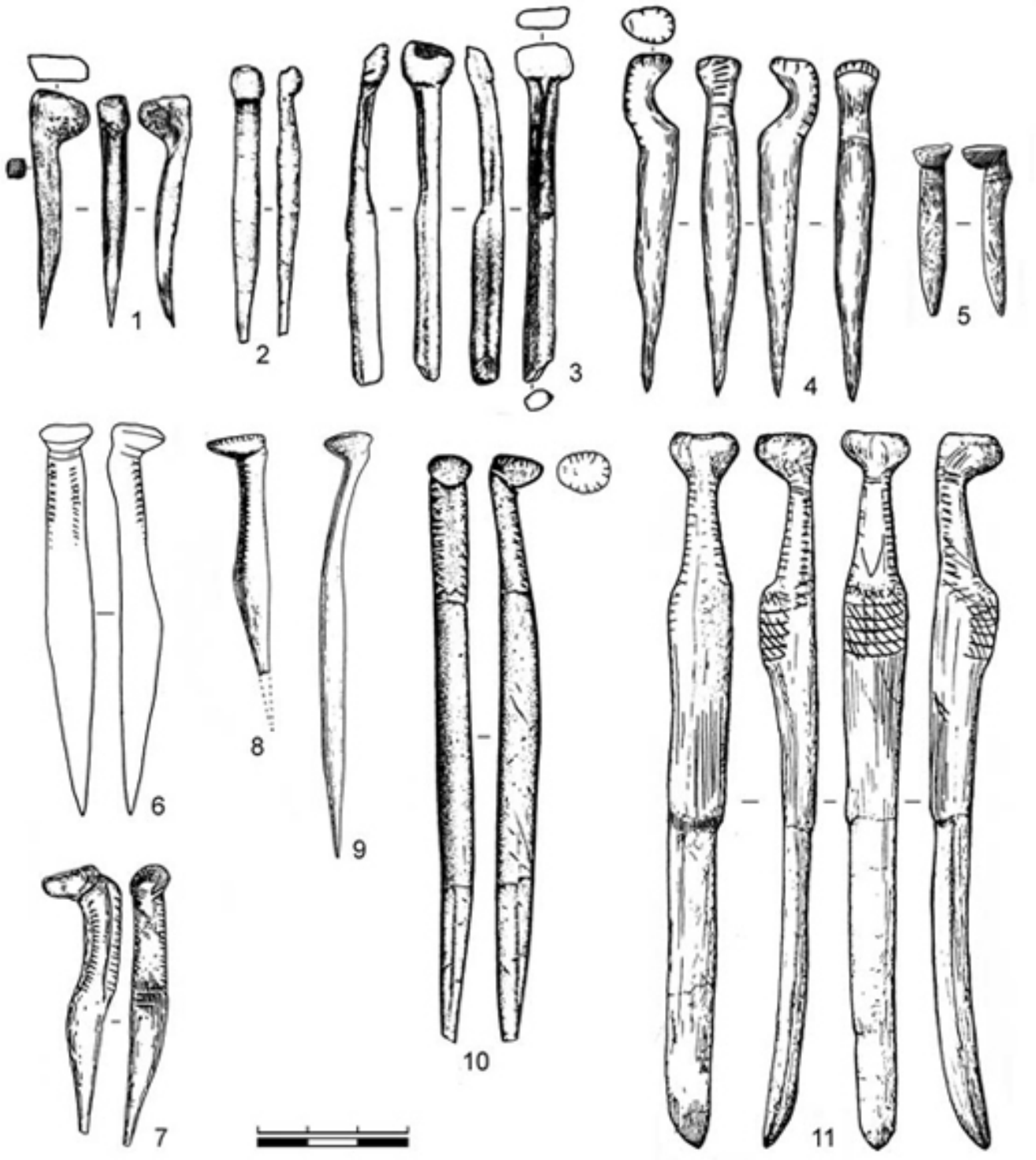

Рис. 67. Острия со шляпкой из бивня мамонта: 1-4) Хотылёво 2 (1-3 по: Хлопачев, 2006. С. 94, рис. 61; с. 103, рис. 66. 4 по: Заверняев, 1978. С. 153, рис. 5); 5) Костенки 1, сл. I (по: Ефименко, 1958. С. 318, рис. 124); 6-11) Авдеево (по: Gvozdover, 1995. P. 171, fig. 137; p. 172, fig. 139; p. 174, fig. 142).

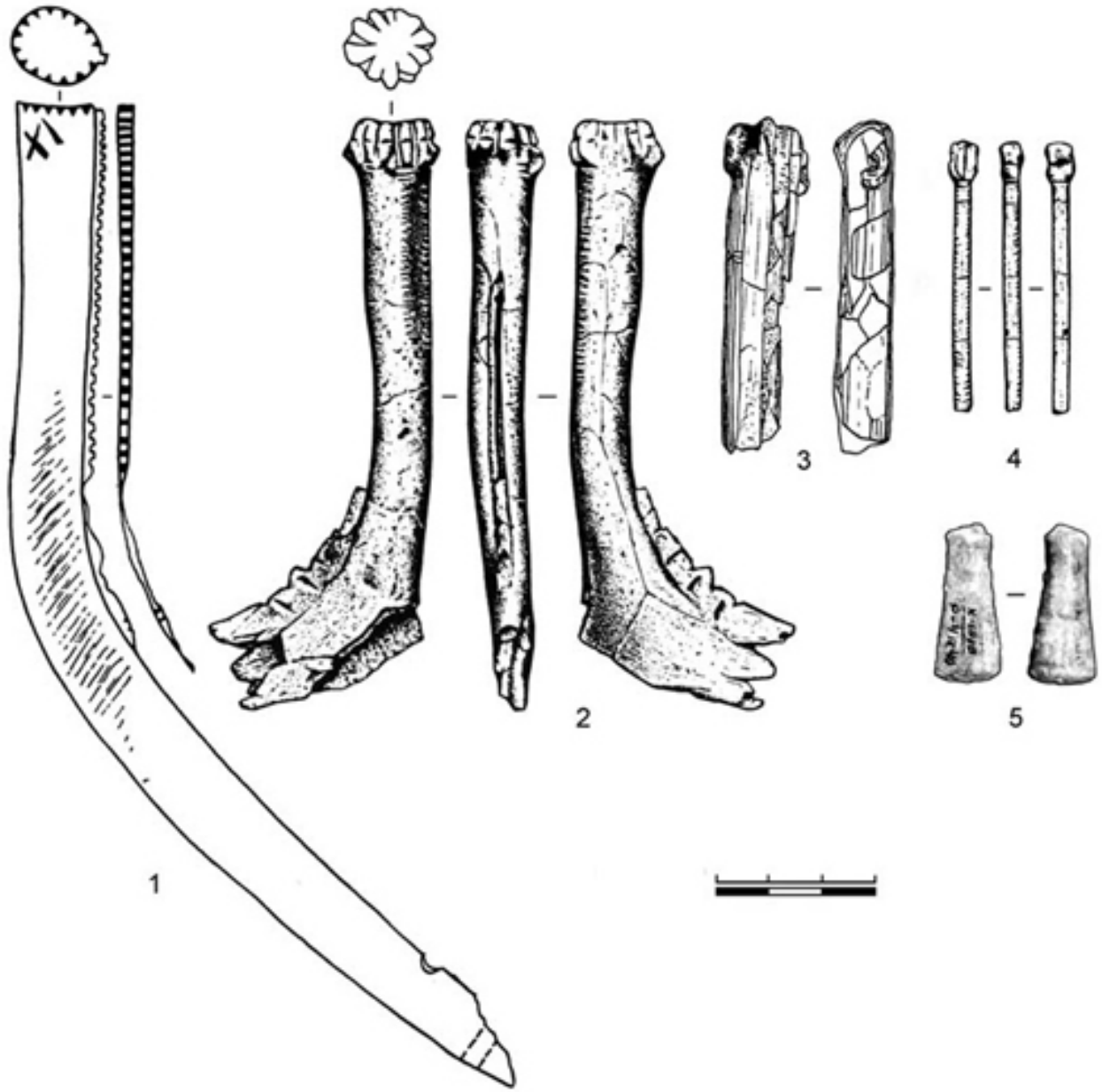

Рис. 68. Изделия из рога и имитация костей животных. Хотылёво 2 (1, 5) и Авдеево (2-4) (1 по: Заверняев, 1987. С. 127, рис. 10; 2-4 Gvozdover, 1995. P. 97, fig. 48; p. 183, fig. 151; 5 по: Гаврилов, 2008. С. 227, рис. 127).

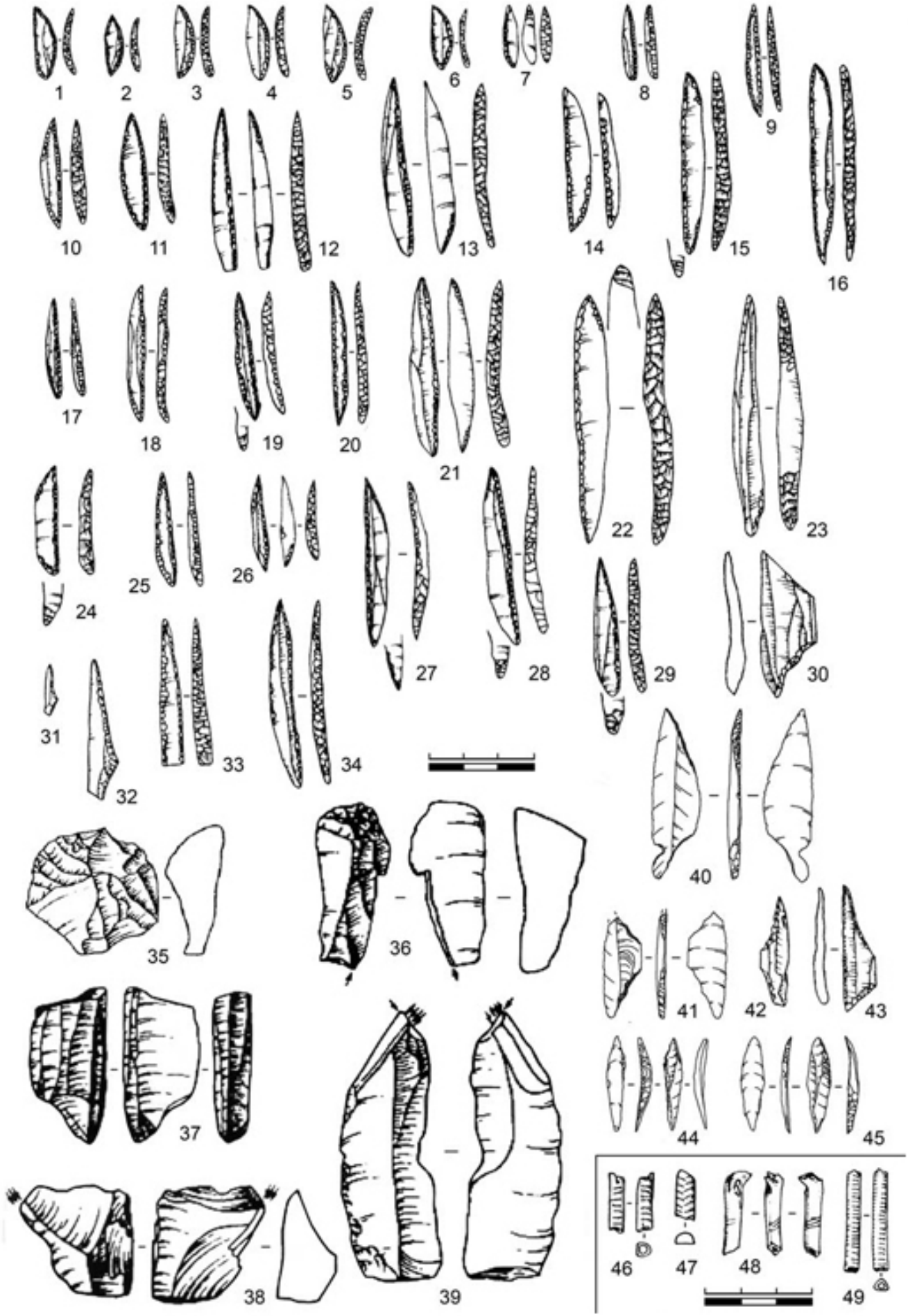

Рис. 69. Костенки 8, сл. 2. Некоторые изделия из кремня (1-45) и кости (46-49) (1-30, 42, 43 по: Синицын, 2013. С. 20, рис. 1; 35-39 по: Литовченко, 1969. С. 114, рис. 1; с. 115, рис. 2; 46-49 по: Рогачев, Аникович, Дмитриева, 1982. С. 106, рис. 33. С дополнениями – 40, 41, 44, 45).

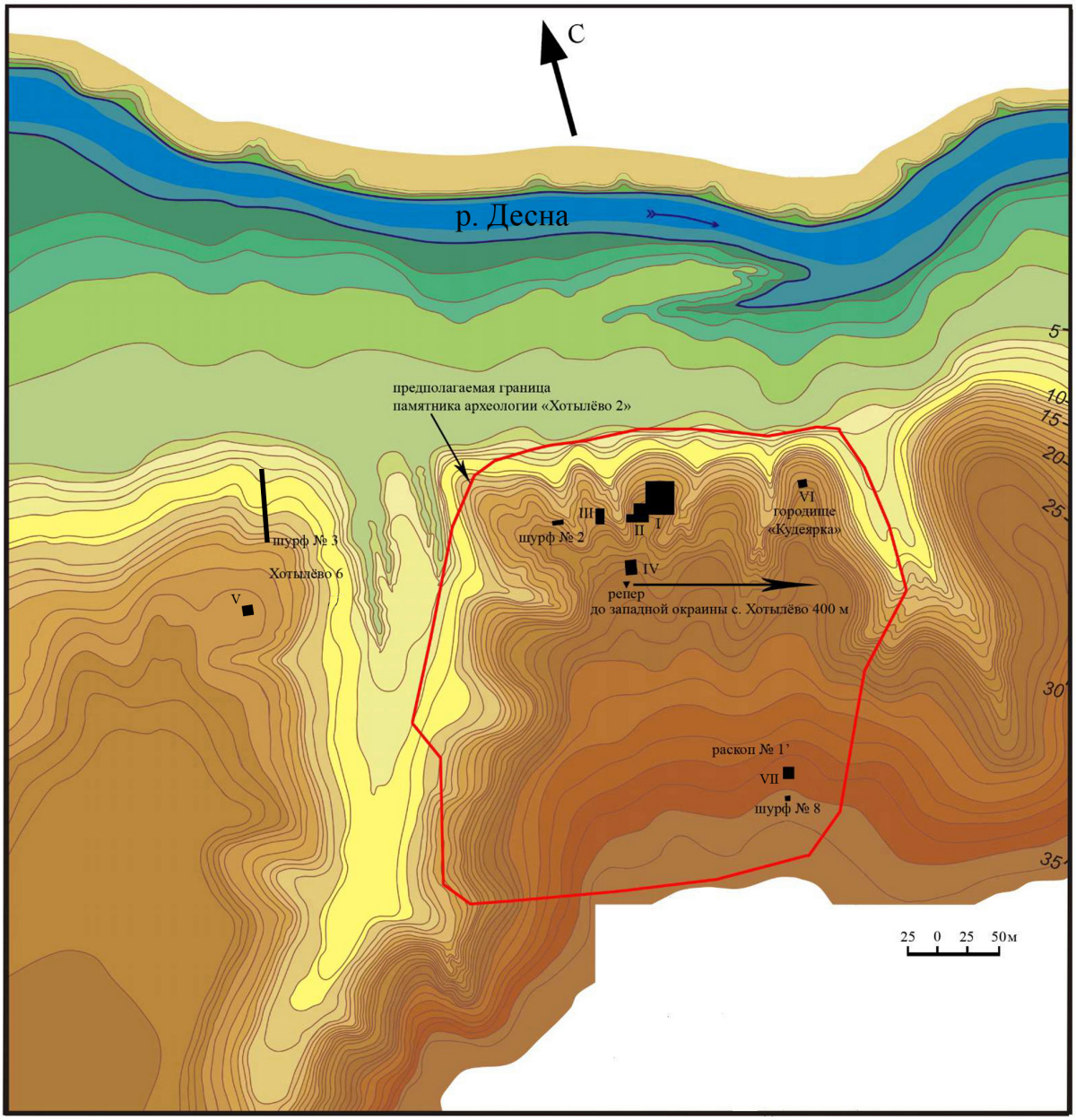

Рис. 70. Топографический план участка правобережья Десны, на котором расположена группа верхнепалеолитических памятников в окрестности с. Хотылёво (выполнен Ю.Н. Грибченко). I – Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11; II– Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 12-14; III – Хотылёво 2, пункт Б, раскопы № I; IV – Хотылёво 2, пункт В, раскопы А, Б, В; V – Хотылёво 6, раскоп № 1; VI – городище Кудеярка, раскоп 1 и шурф № 7.

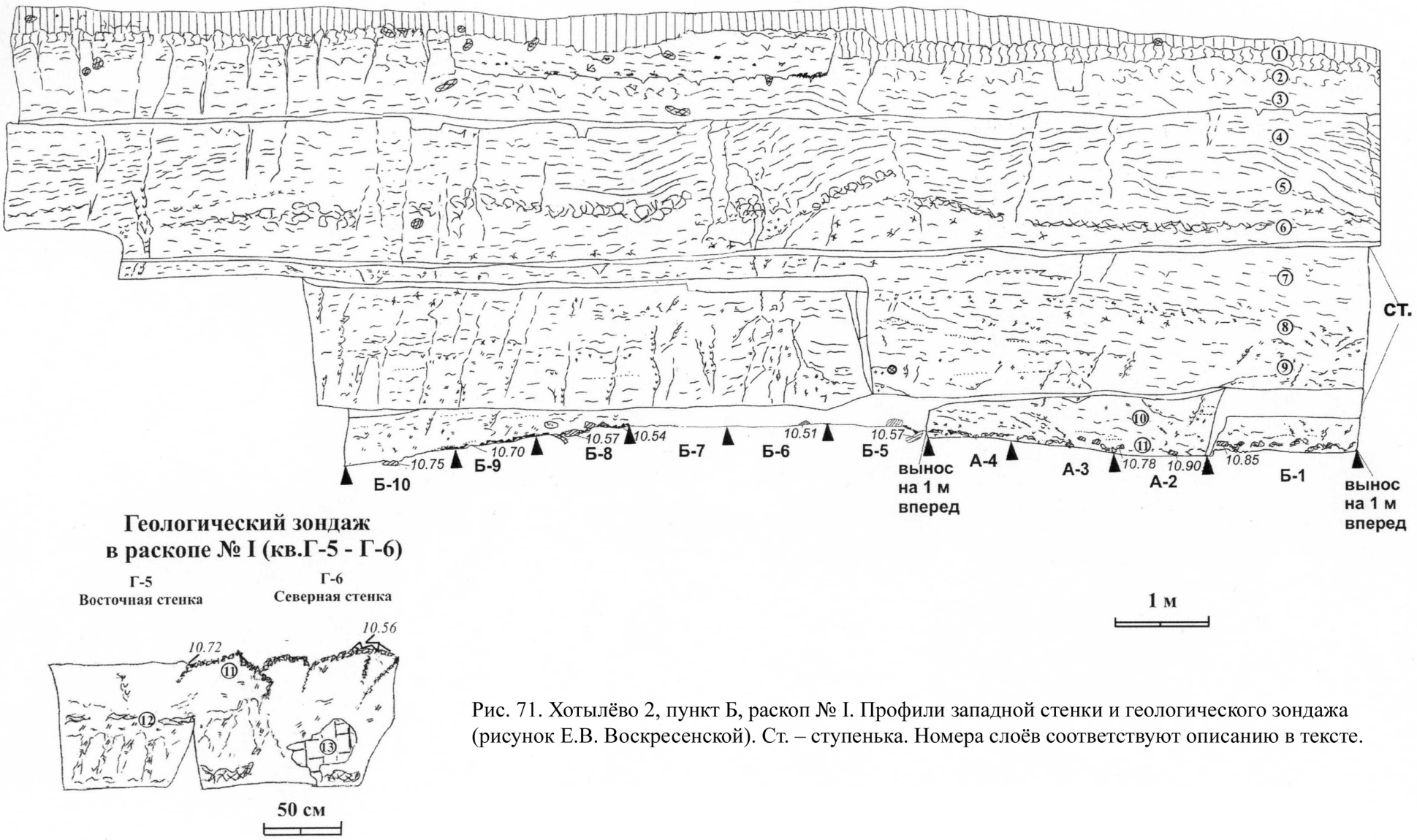

Рис. 71. Хотылёво 2, пункт Б, раскоп № I. Профили западной стенки и геологического зондажа (рисунок Е.В. Воскресенской). Ст. – ступенька. Номера слоёв соответствуют описанию в тексте.

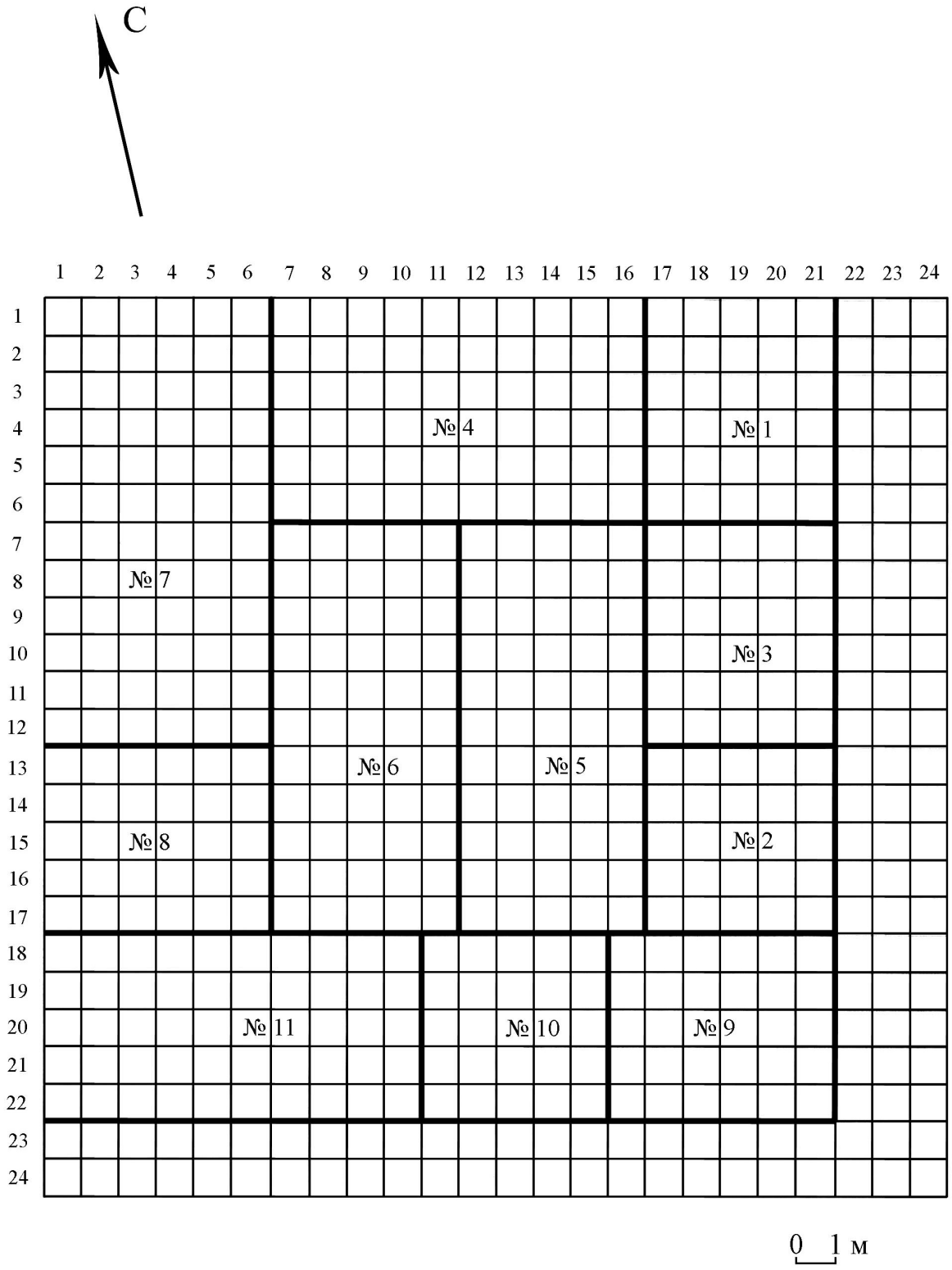

Рис. 72. Хотылёво 2, пункт А. Схема расположения раскопов Ф.М. Заверняева.

Рис. 73. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Комплексы объектов с вертикально/наклонно вкопанными костями мамонта.
План расположения находок по: Заверняев, 2000. С. 70-73, рис. 1-2.
1 – вертикально/наклонно вкопанные кости;
2 – скопления охра; 3 – очаги; 4 – скопления костного угля и золы.

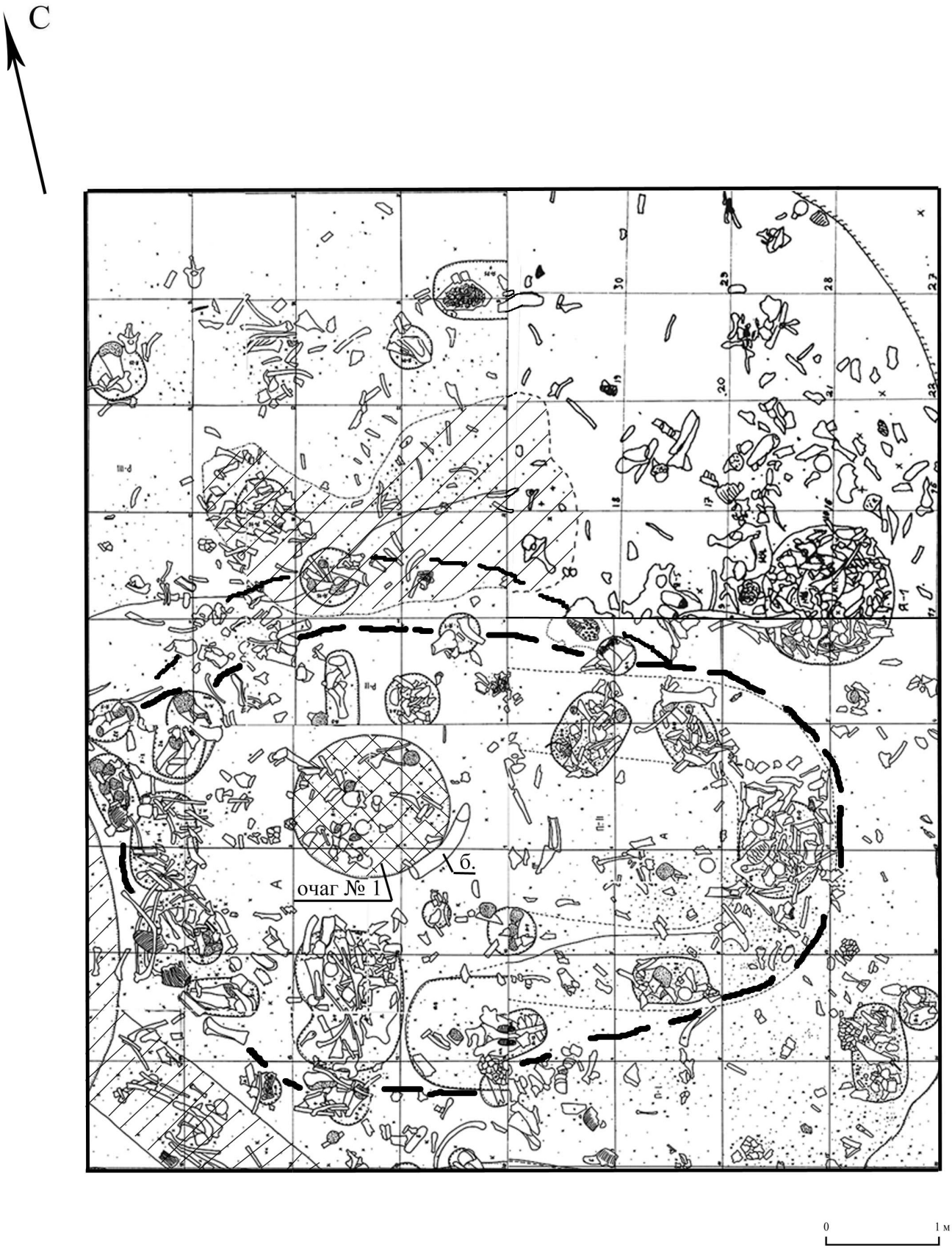

Рис. 74. Хотылёво 2, пункт А, комплекс № 1.

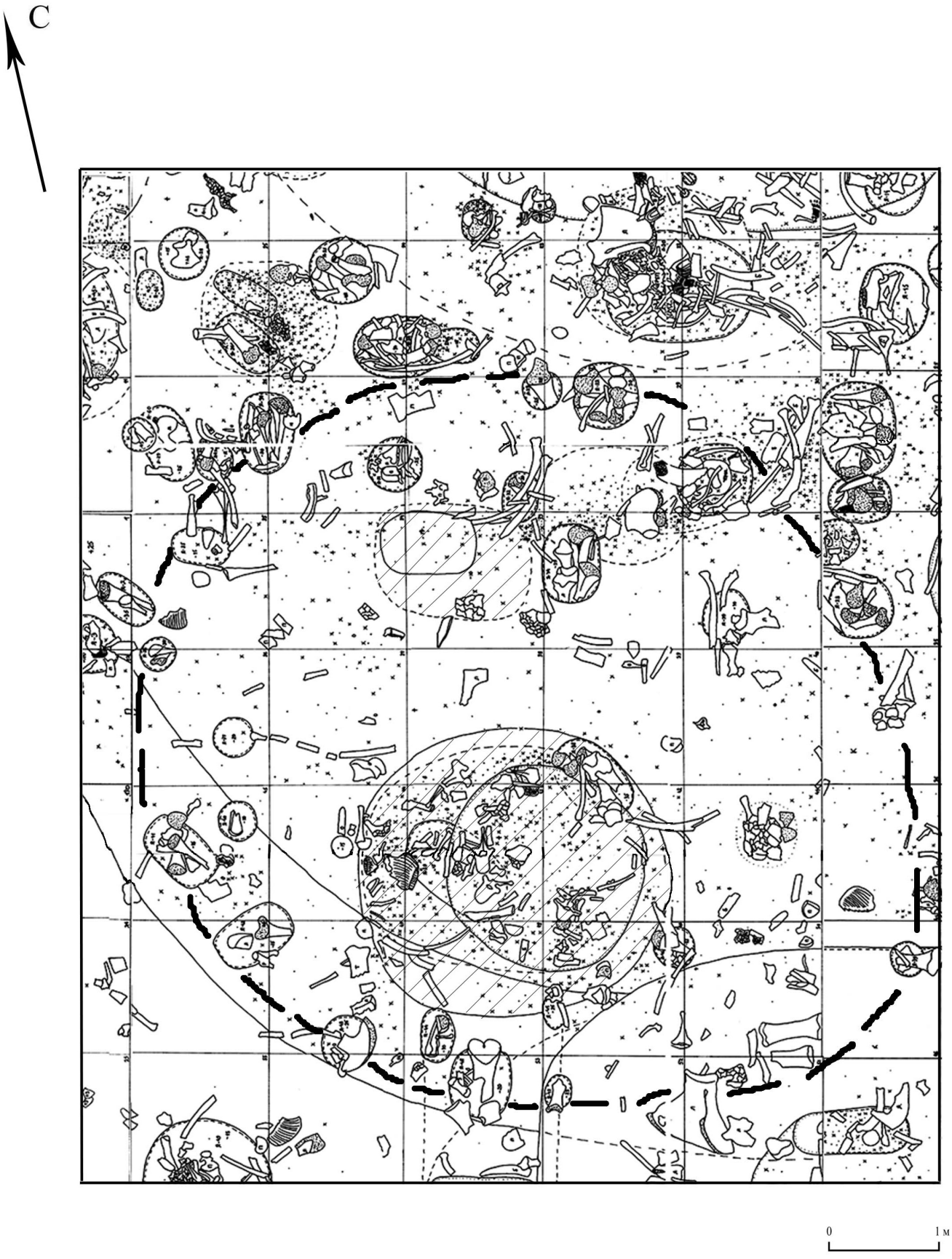

Рис. 75. Хотылёво 2, пункт А, комплекс № 2.

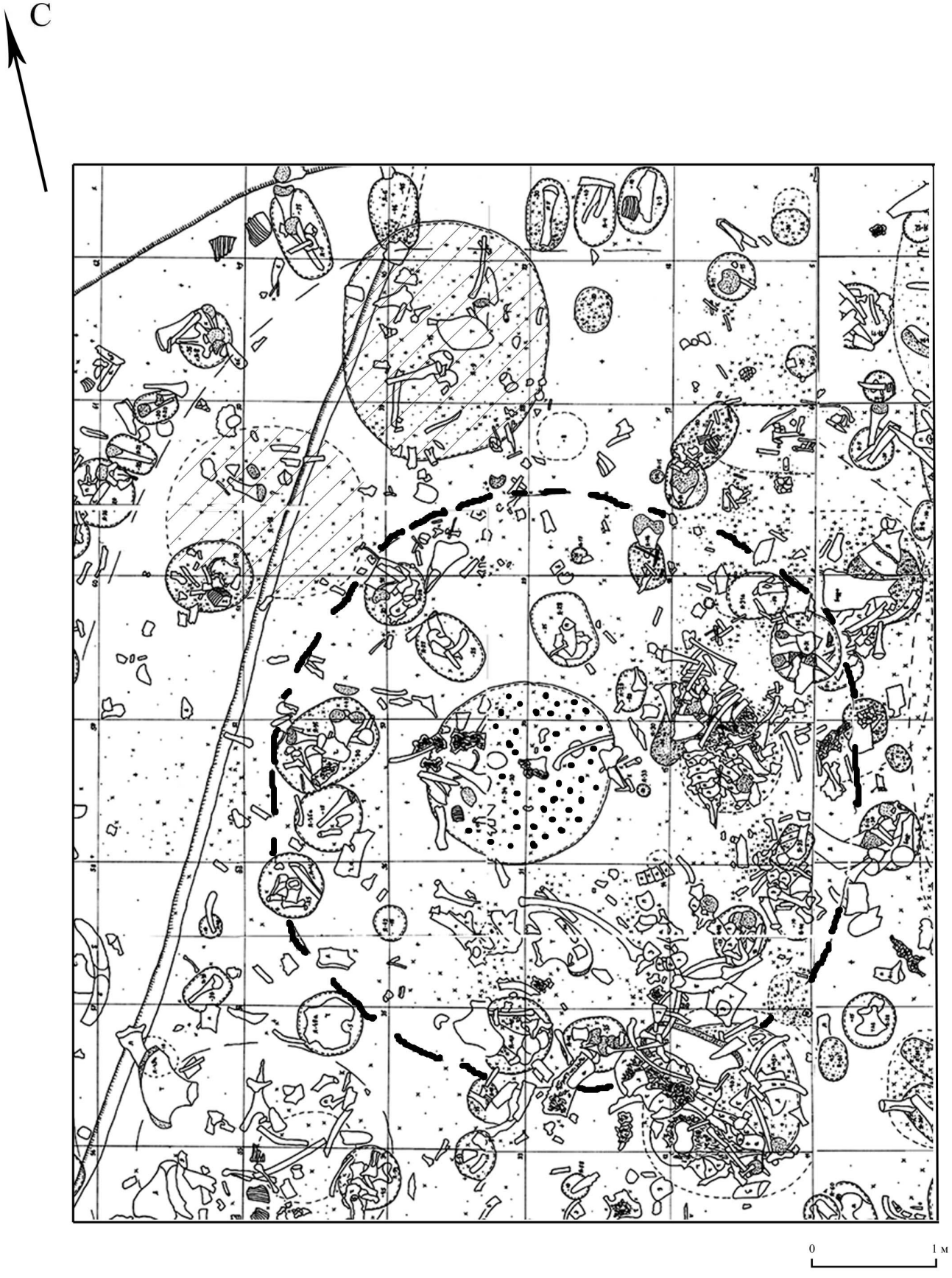

Рис. 76. Хотылёво 2, пункт А, комплекс № 3.

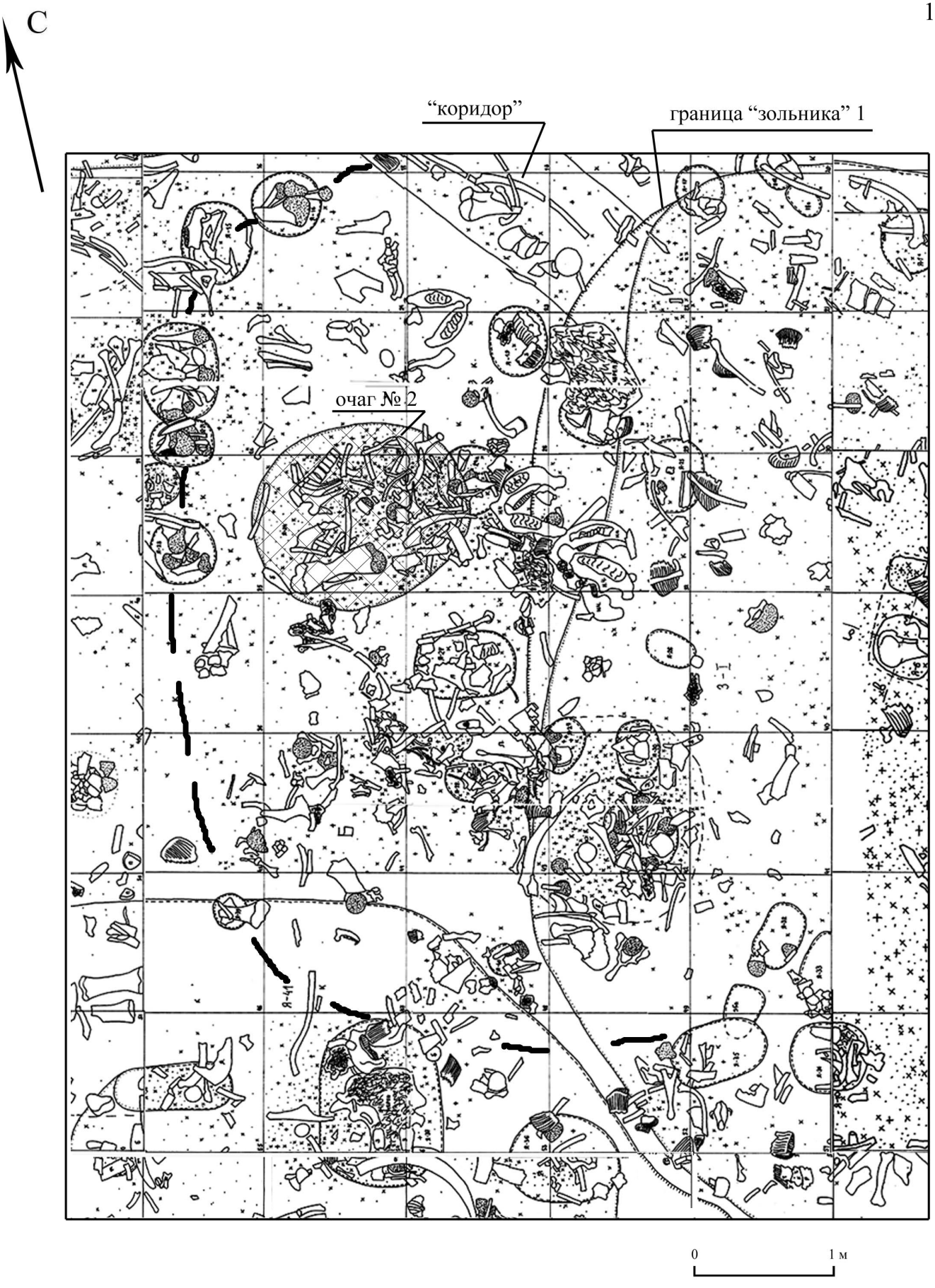

Рис. 77. Хотылёво 2, пункт А, комплекс № 4.

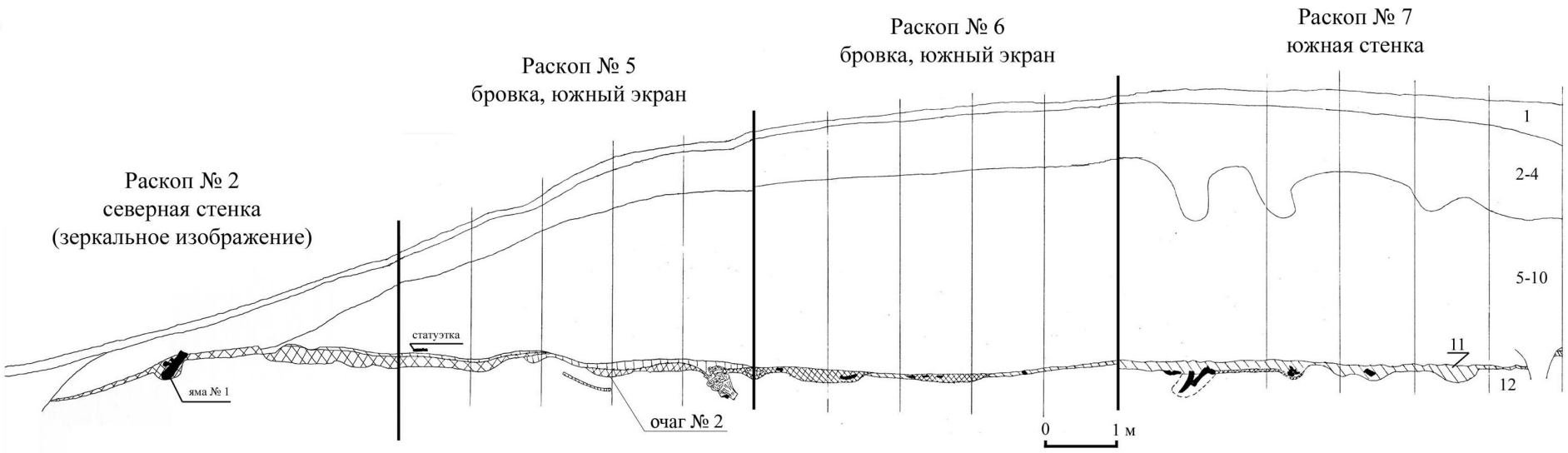

Рис. 78. Хотылёво 2, пункт А. Стратиграфический профиль запад – восток по линии южных стенок раскопов №№ 6 и 7, стратиграфической бровки раскопа № 5 и северной стенки раскопа № 1 (составлено К.Н. Гавриловым по материалам Ф.М. Заверняева).

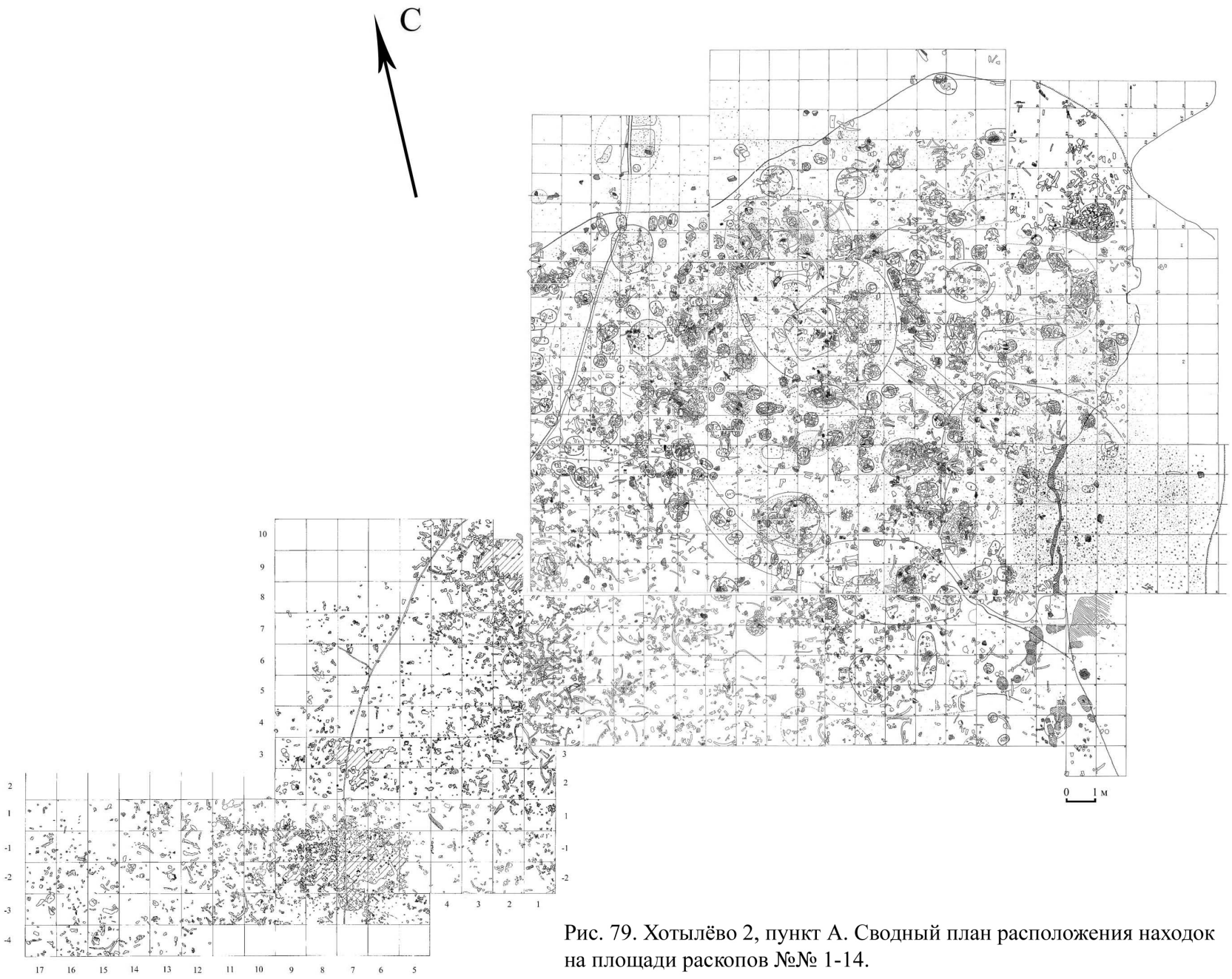

Рис. 79. Хотылёво 2, пункт А. Сводный план расположения находок на площади раскопов №№ 1-14.

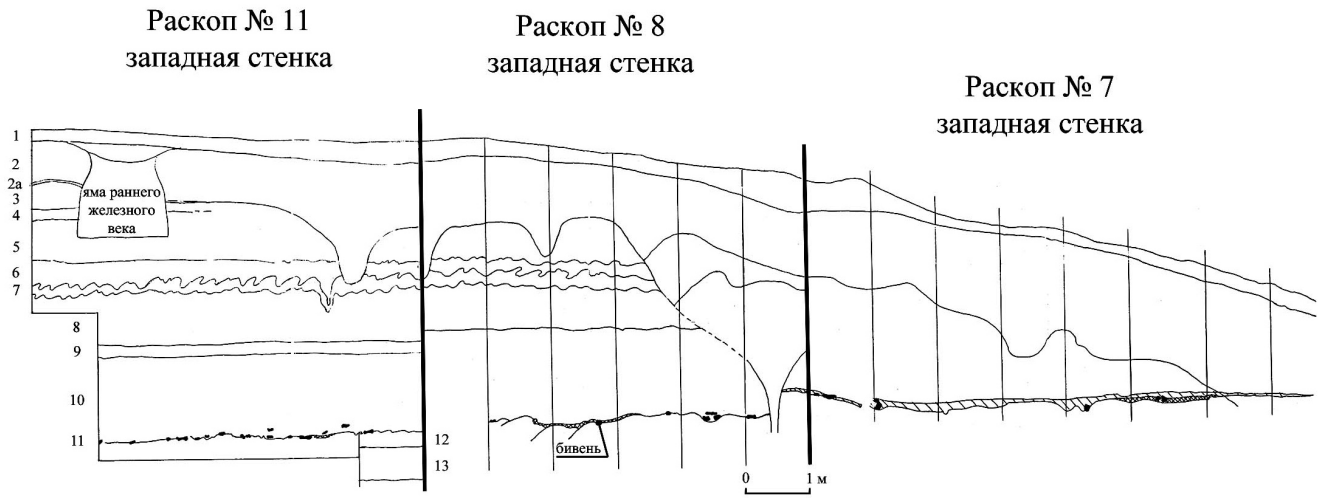

Рис. 80. Хотылёво 2, пункт А. Стратиграфический профиль север-юг по линии западных стенок раскопов №№ 7, 8, 11 (составлено К.Н. Гавриловым по материалам Ф.М. Заверняева).

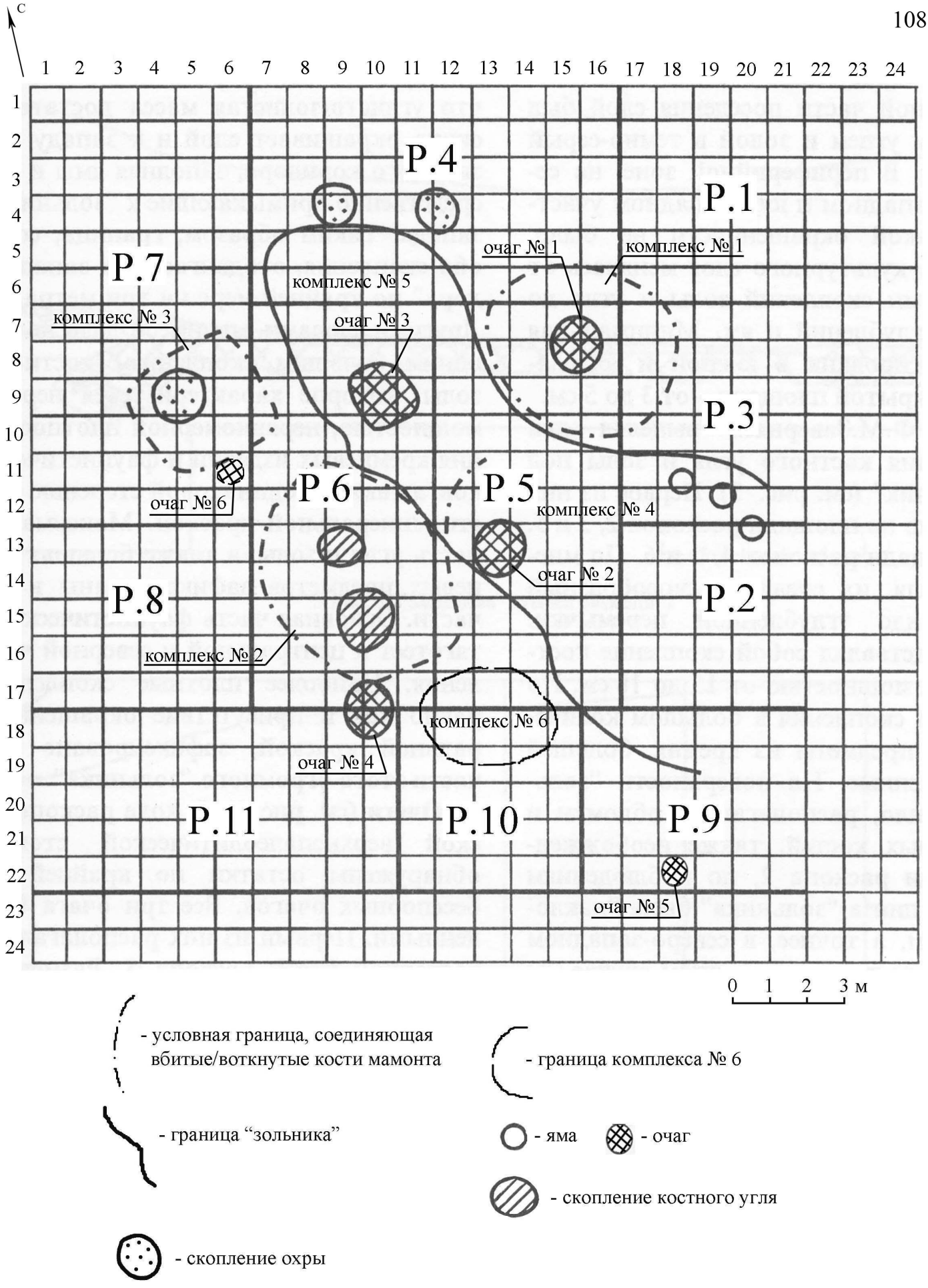

Рис. 81. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Схематический план расположения объектов.

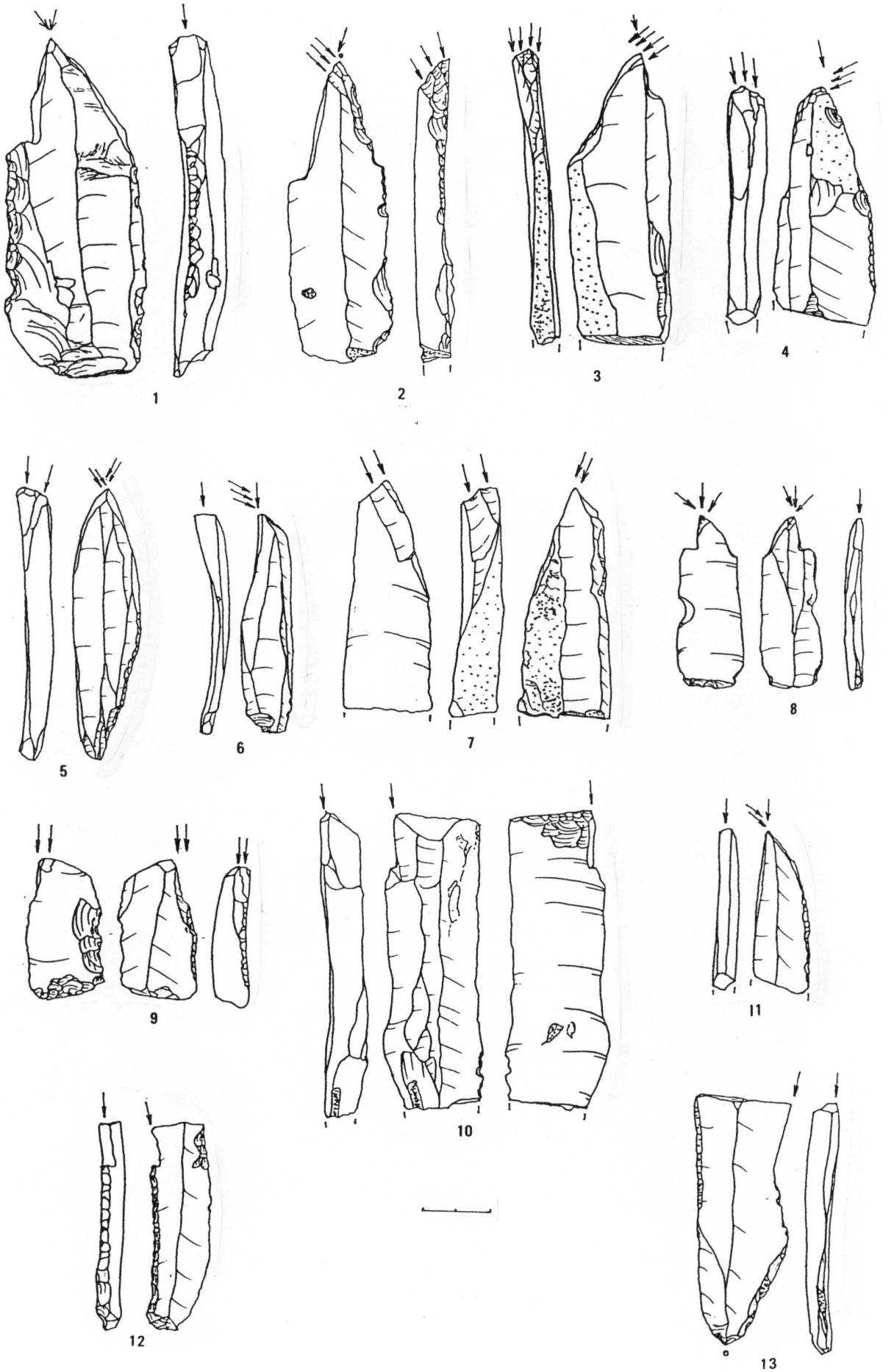

Рис. 82. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Резцы двугранные (1-8) и на сломе заготовки (9-13).

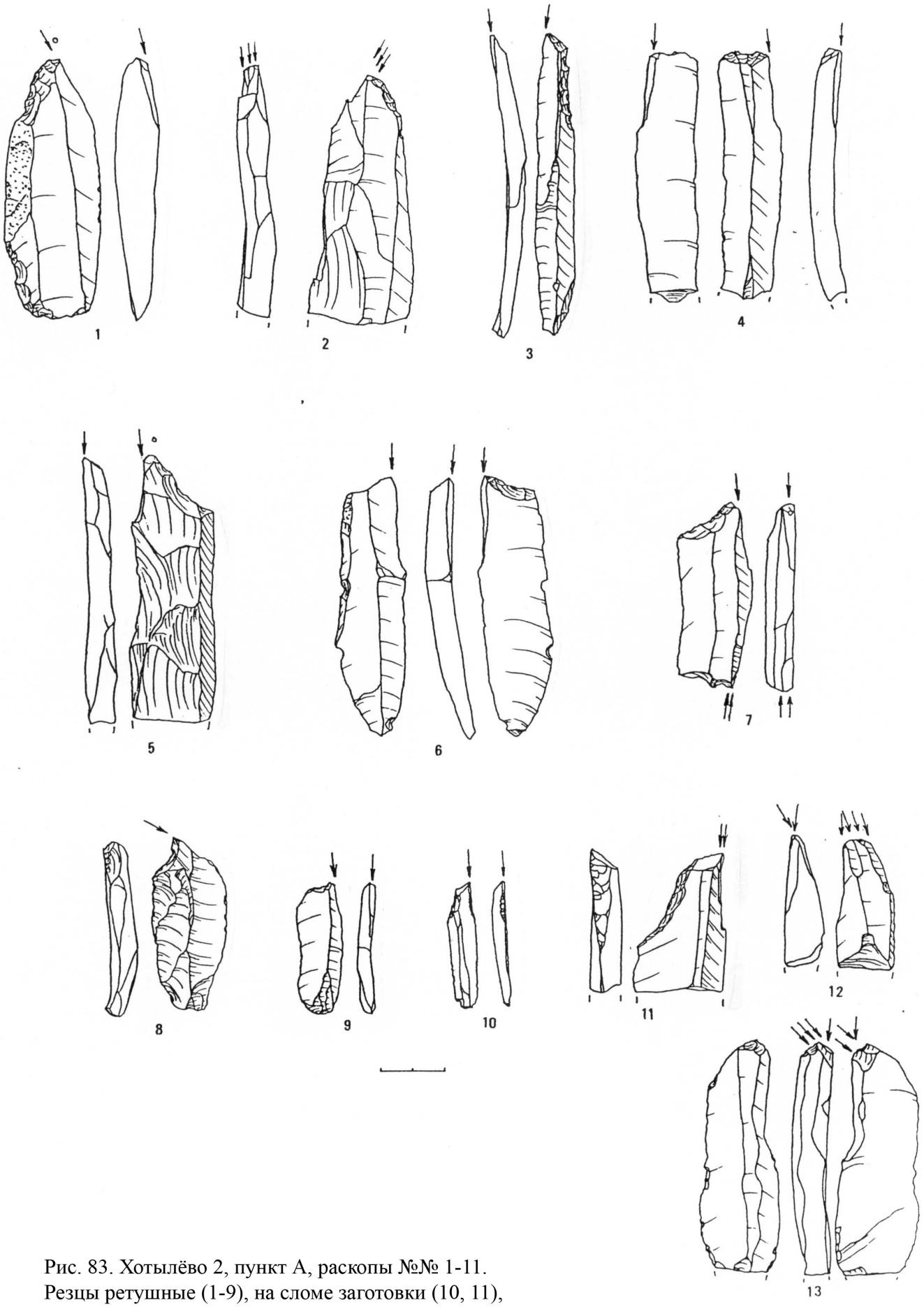

Рис. 83. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11.
Резцы ретушные (1-9), на сломе заготовки (10, 11),
двугранные многофасеточные с развёрнутой резцовой кромкой (12, 13).

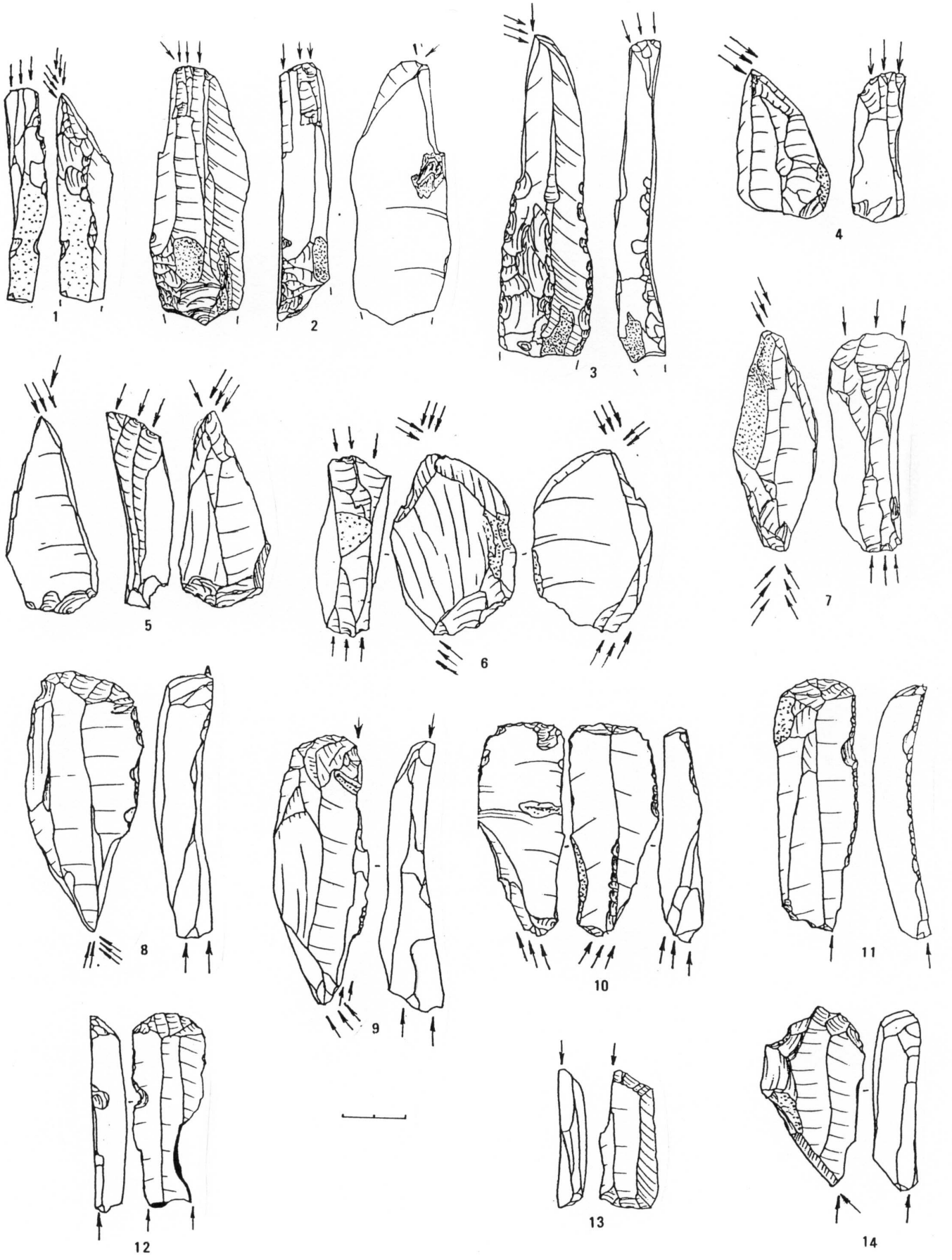

Рис. 84. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Нуклевидные резцы (1-7), резцы-скребки (8-14).

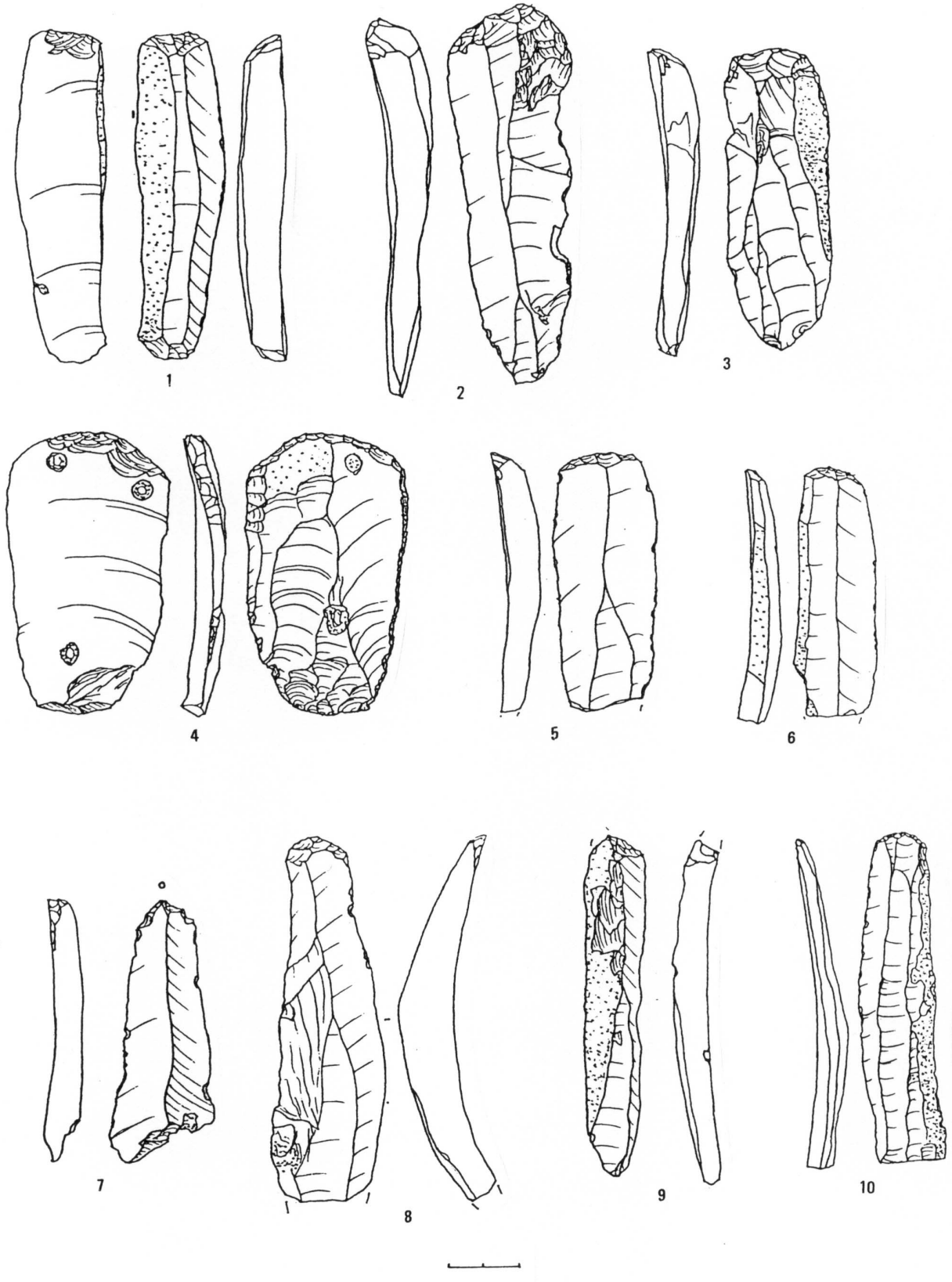

Рис. 85. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Скребки.

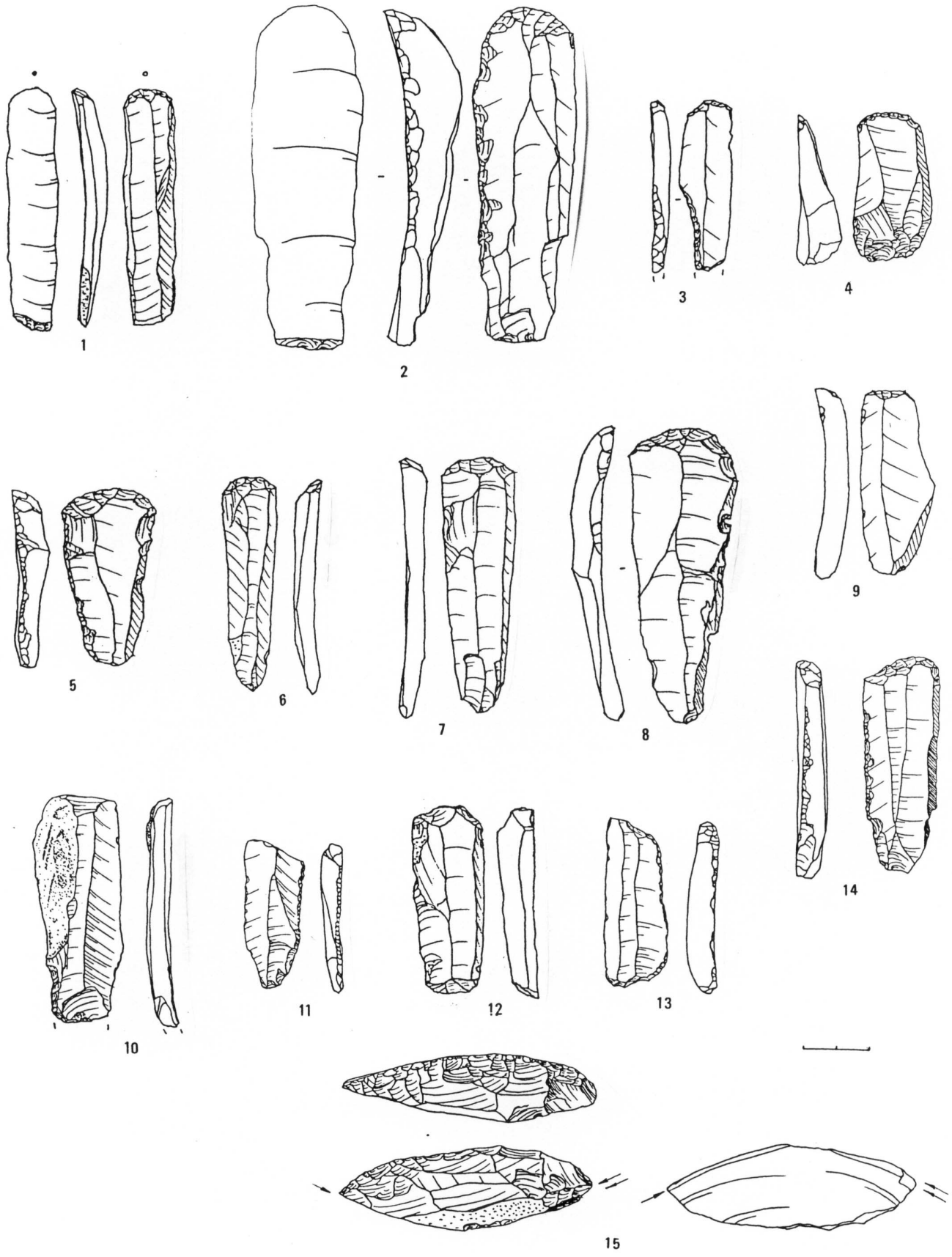

Рис. 86. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Скребки (1-14), скребло (15).

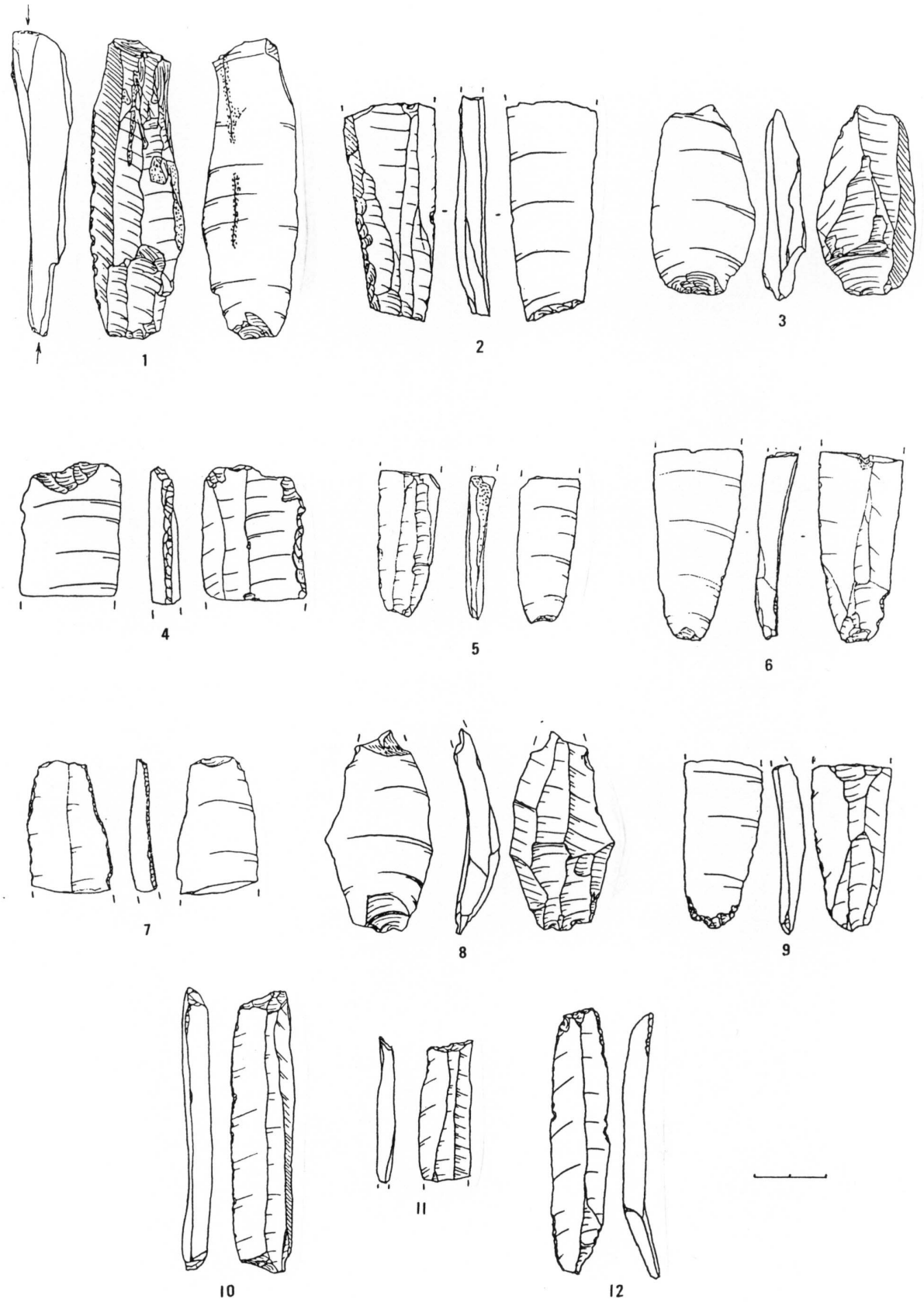

Рис. 87. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Ножи костёнковского типа (1-7), piece ecaille (8), транке (9-12).

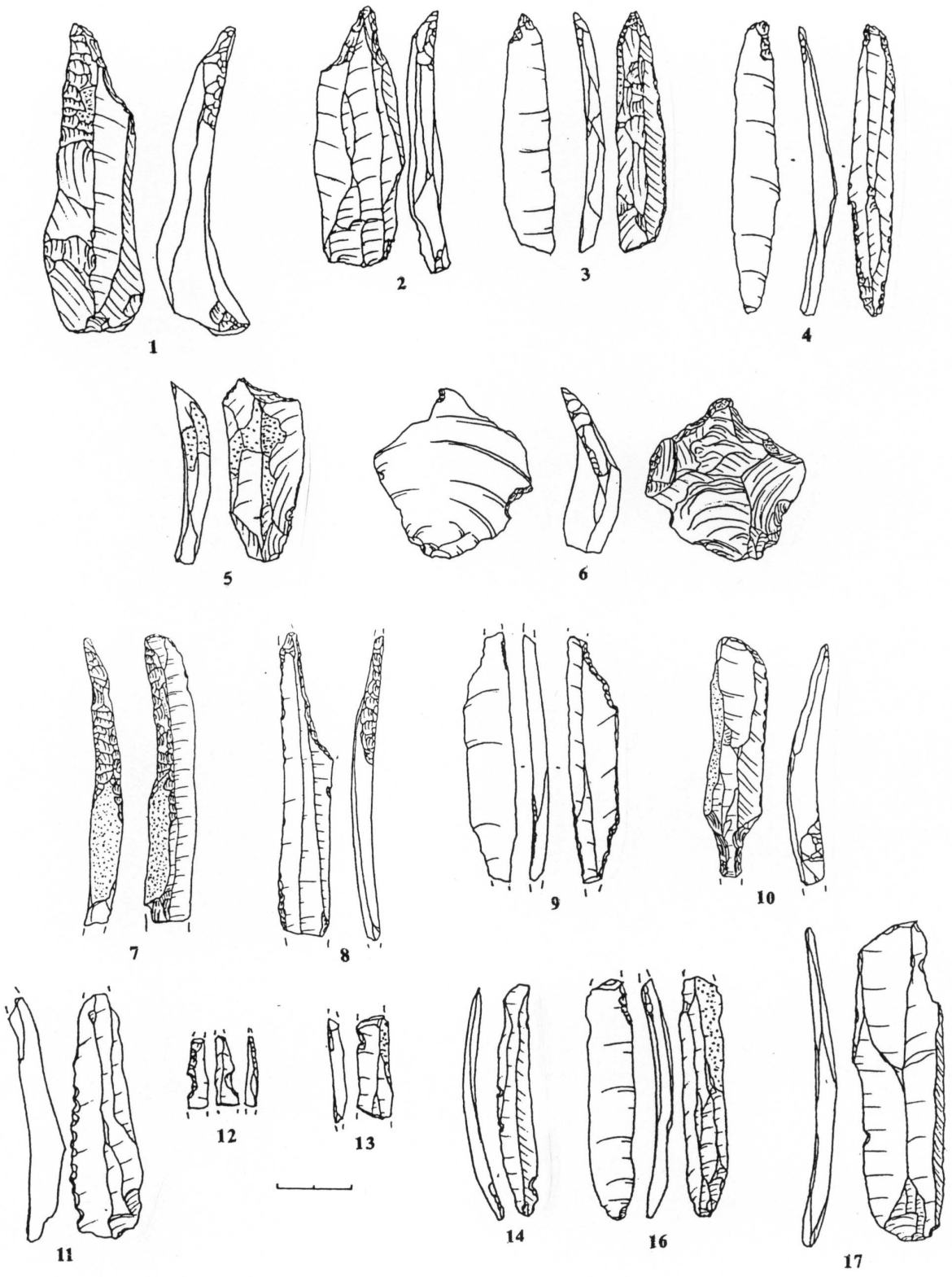

Рис. 88. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Проколки (1-6), пластины с частично притупленным краем (7-9), пластина с ретушированным черешком (10), пластины и пластинки с выемками (11-17).

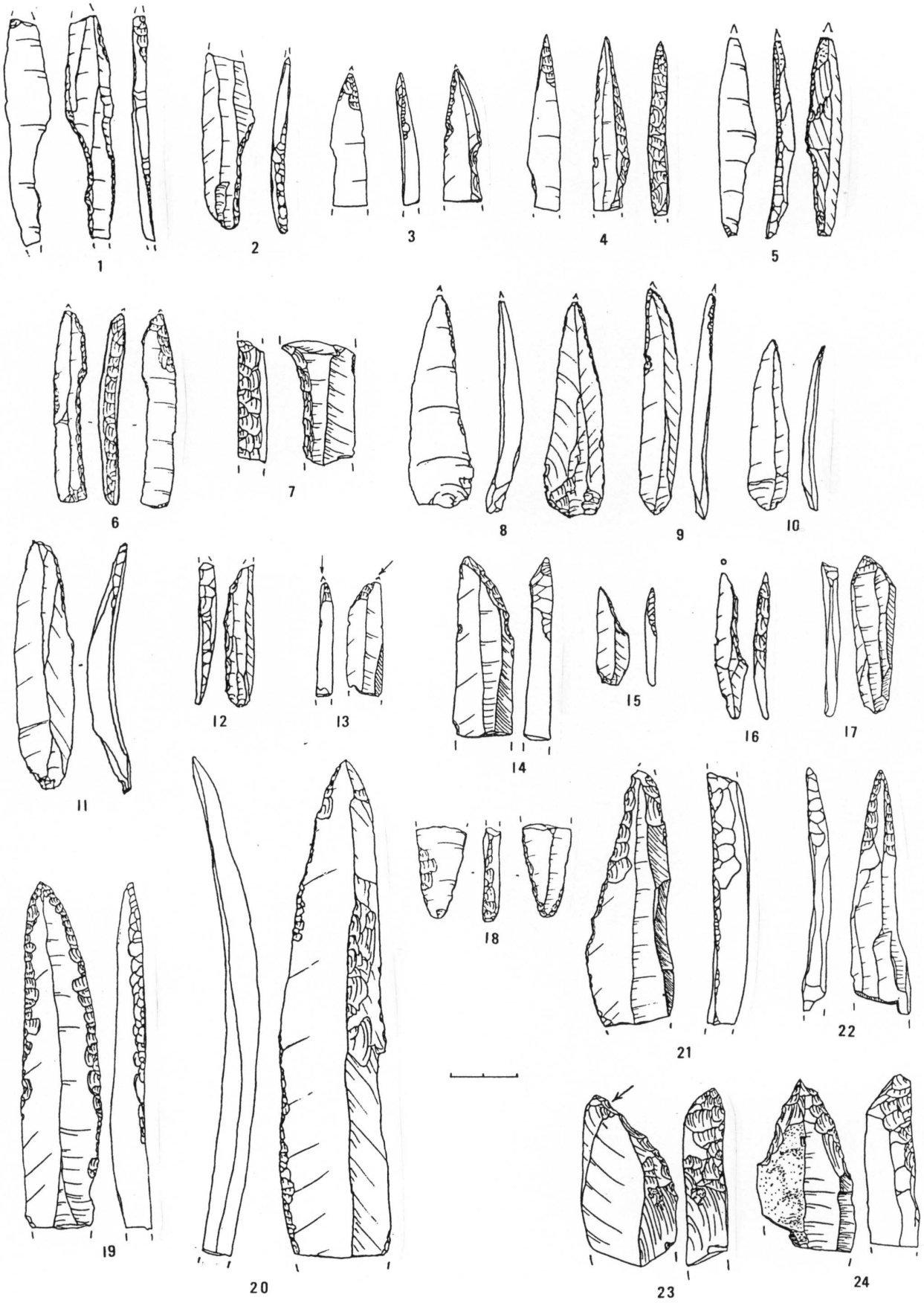

Рис. 89. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Наконечники с боковой выемкой (1-7), острия на пластинах (8-24).

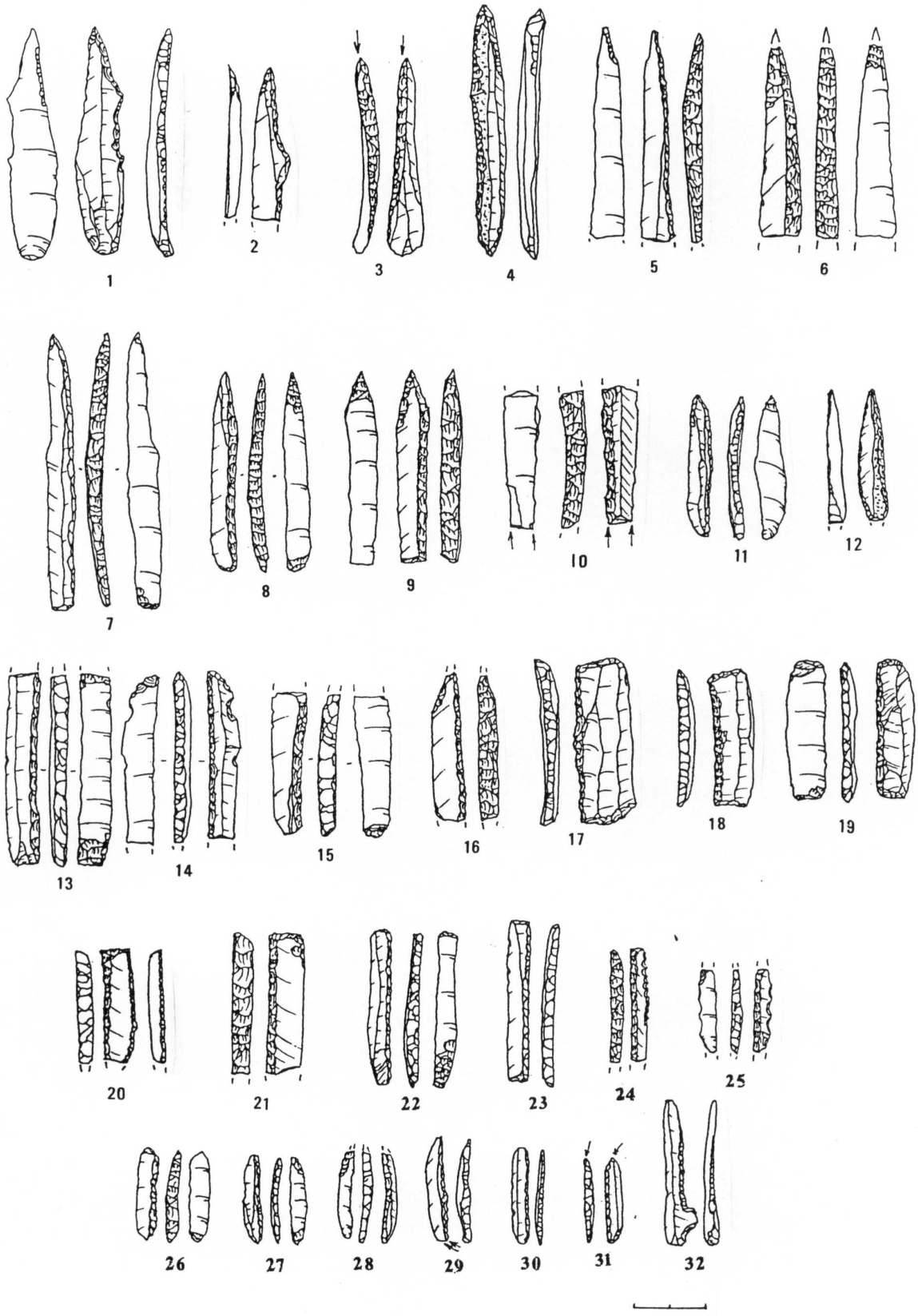

Рис. 90. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Острия с притупленным краем (1-12), пластинки и микропластинки с притупленным краем (13-32).

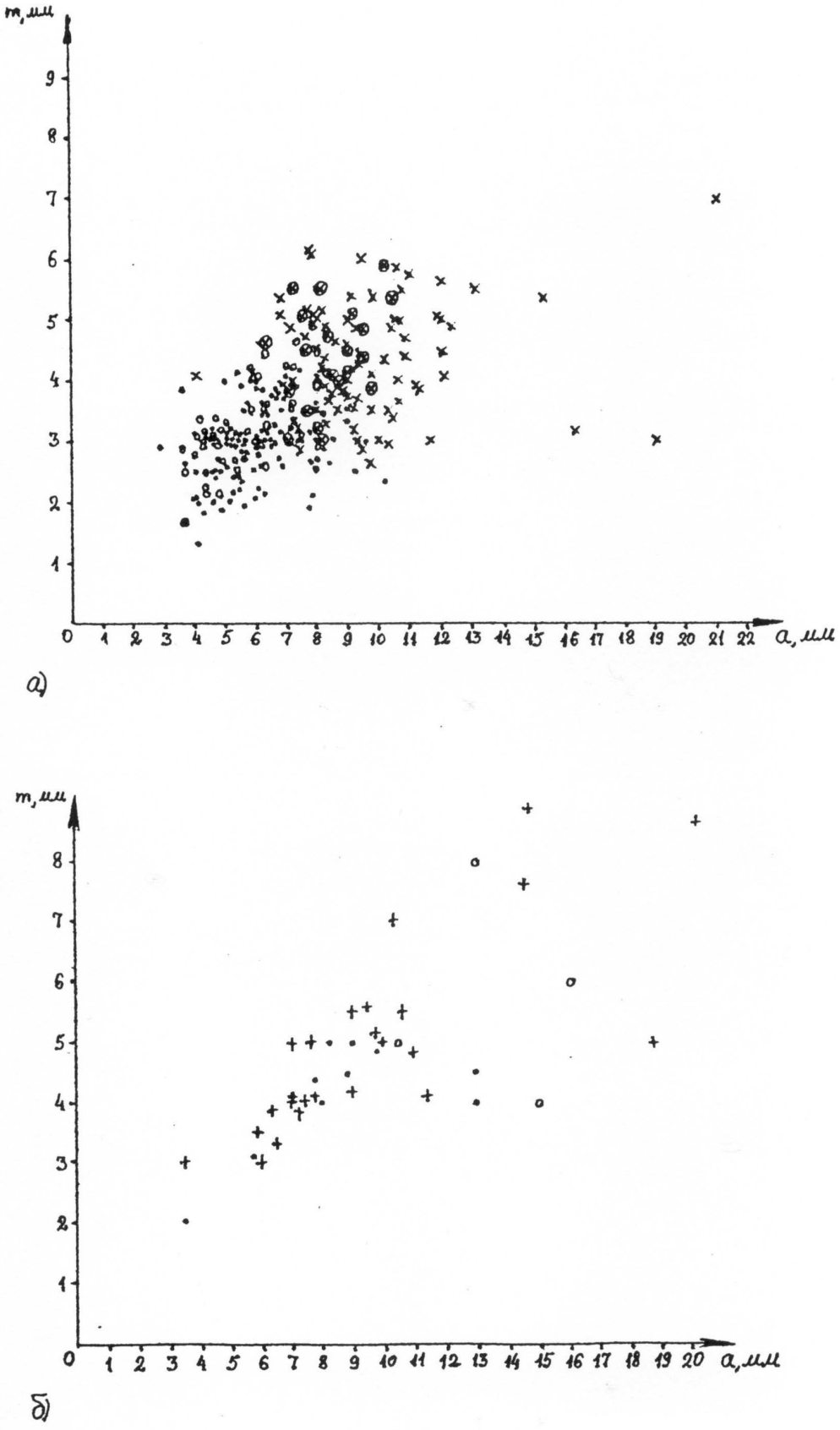

Рис. 91. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. График корреляции ширины (а) и толщины (m): а) пластин, пластинок и микропластинок с притупленным краем;
б) острий с притупленным краем.

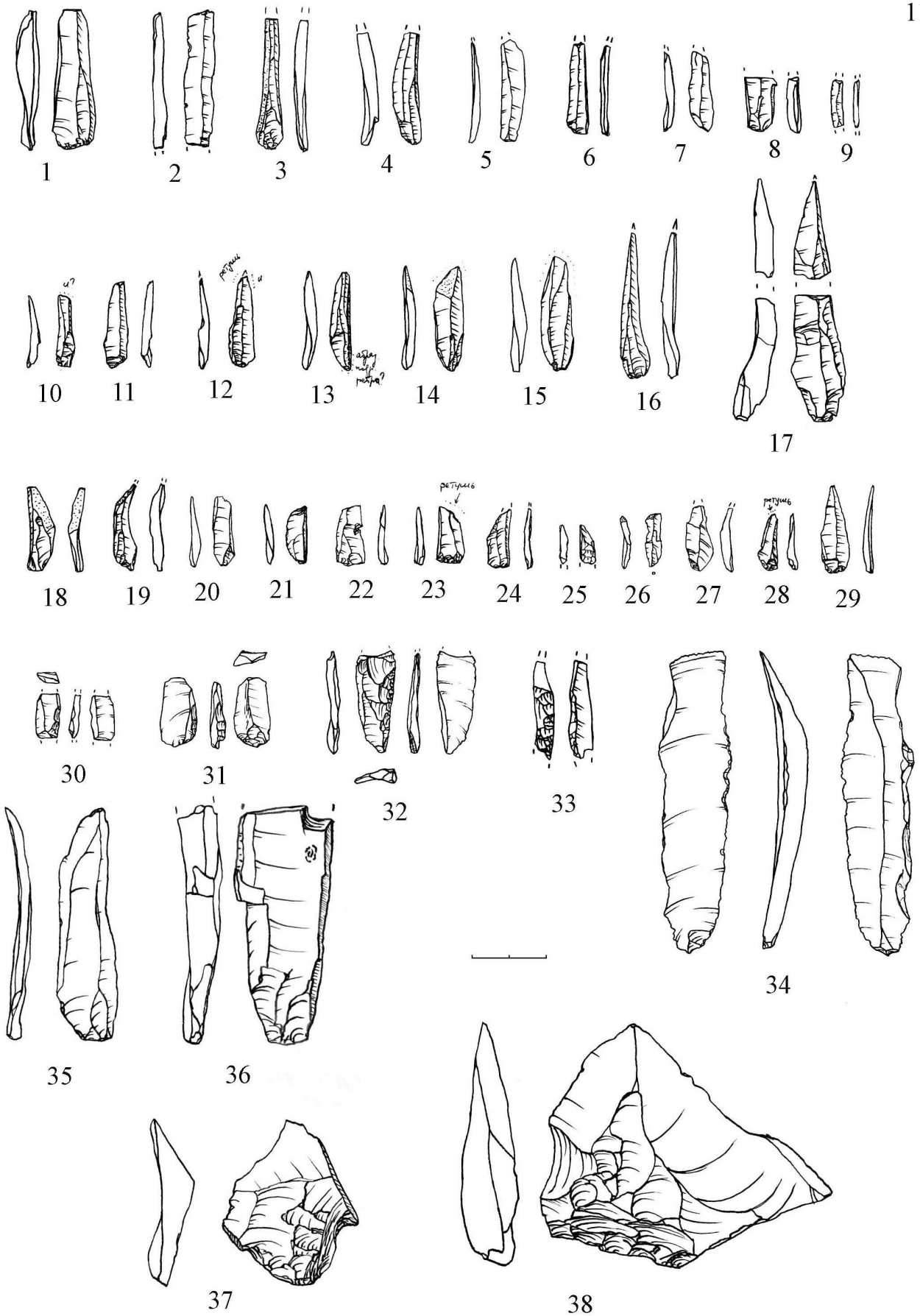

Рис. 92. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 12-14. Пластинки и микропластинки (1-11), приострённые микропластинки (12-16), приострённая пластинка (17), микропластинчатые чешуйки (18-29), краевые сколы (30-32), резцовый скол (33), пластины (34-36), отщепы (37, 38).

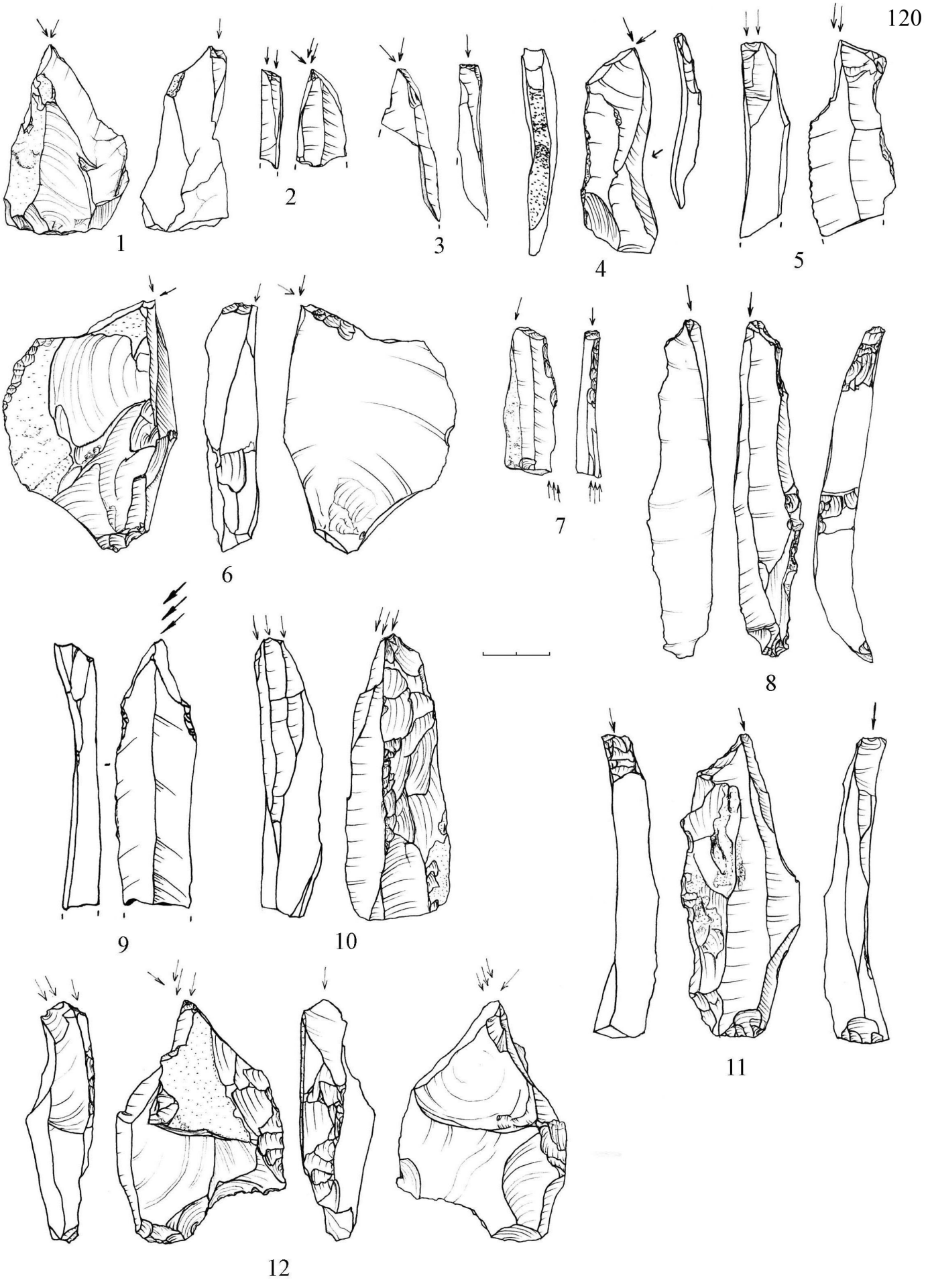

Рис. 93. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 12-14. Резцы: двугранные (1-4, 6), на сломе заготовки (5), ретушные (7, 8, 11), нуклевидные (9, 10, 12).

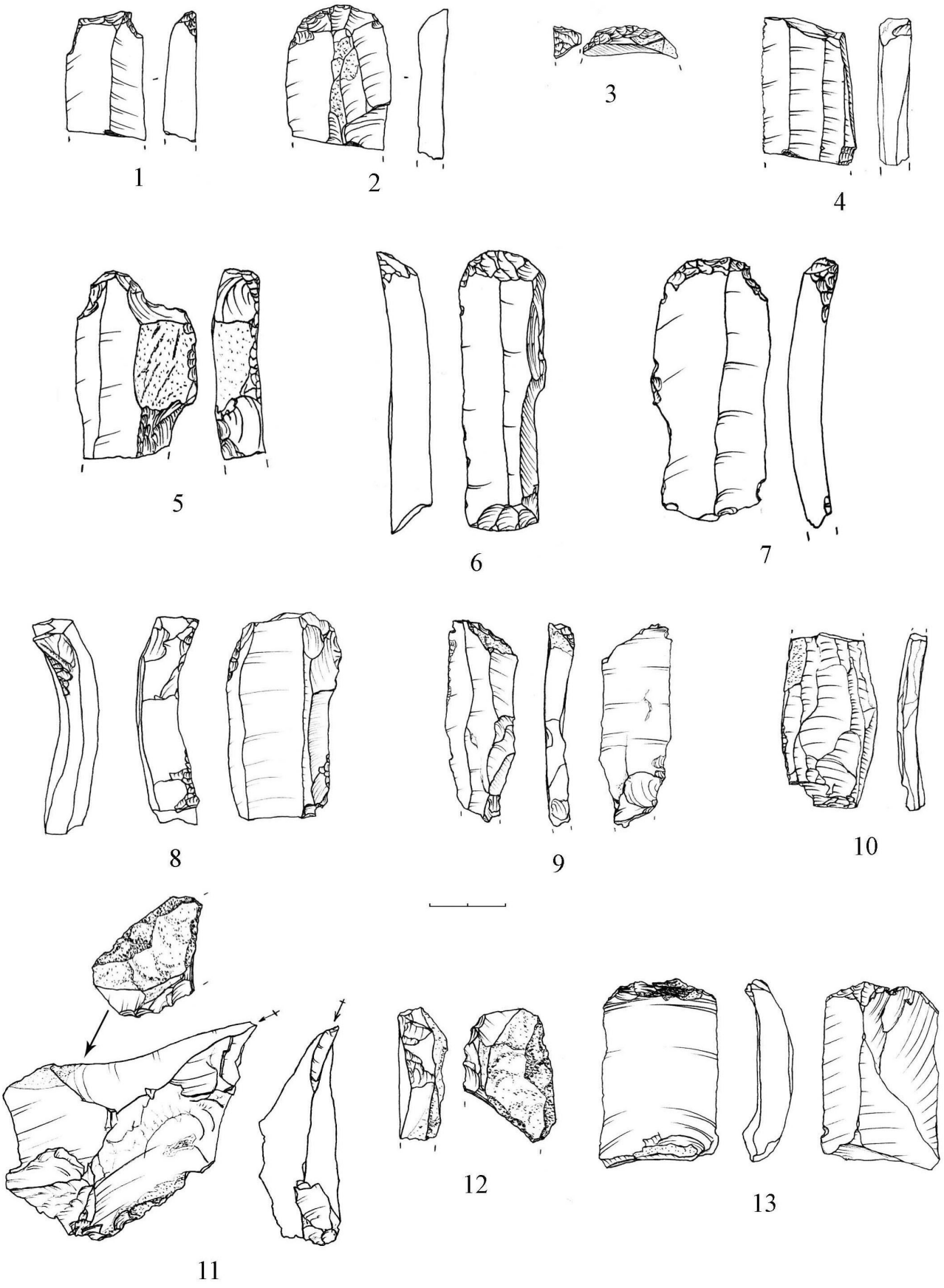

Рис. 94. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 12-14. Скребки: концевые на пластинах (2, 6, 7), концевые на пластинах с плечиками (1, 5), фрагмент – скребковое лезвие с гравировкой на меловой корке (3), приспособленные скребки (4, 8-10, 12, 13). Резец на отщепе (11).

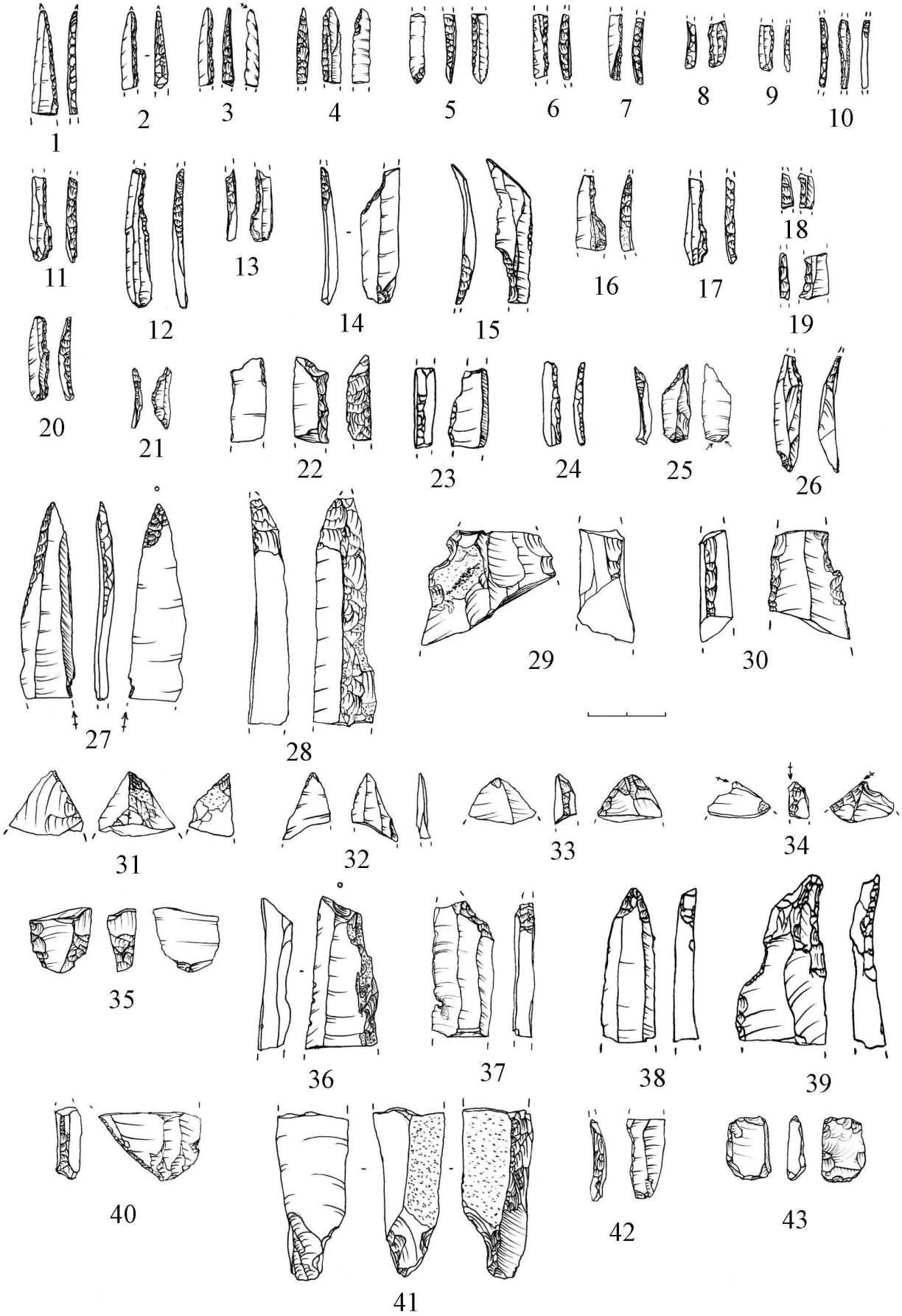

Рис. 95. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 12-14. Острия на микропластинках с притупленным краем (1-3), мппк и ппк (4-20, 22-24), микропластинчатая чешуйка с ретушью края (21), косое остриё на микропластине (28), «стрелка» (26), острия и их фрагменты (27-38), проколки (39, 40), черешковые части (41, 42), окатанная чешуйка с ретушью (43).

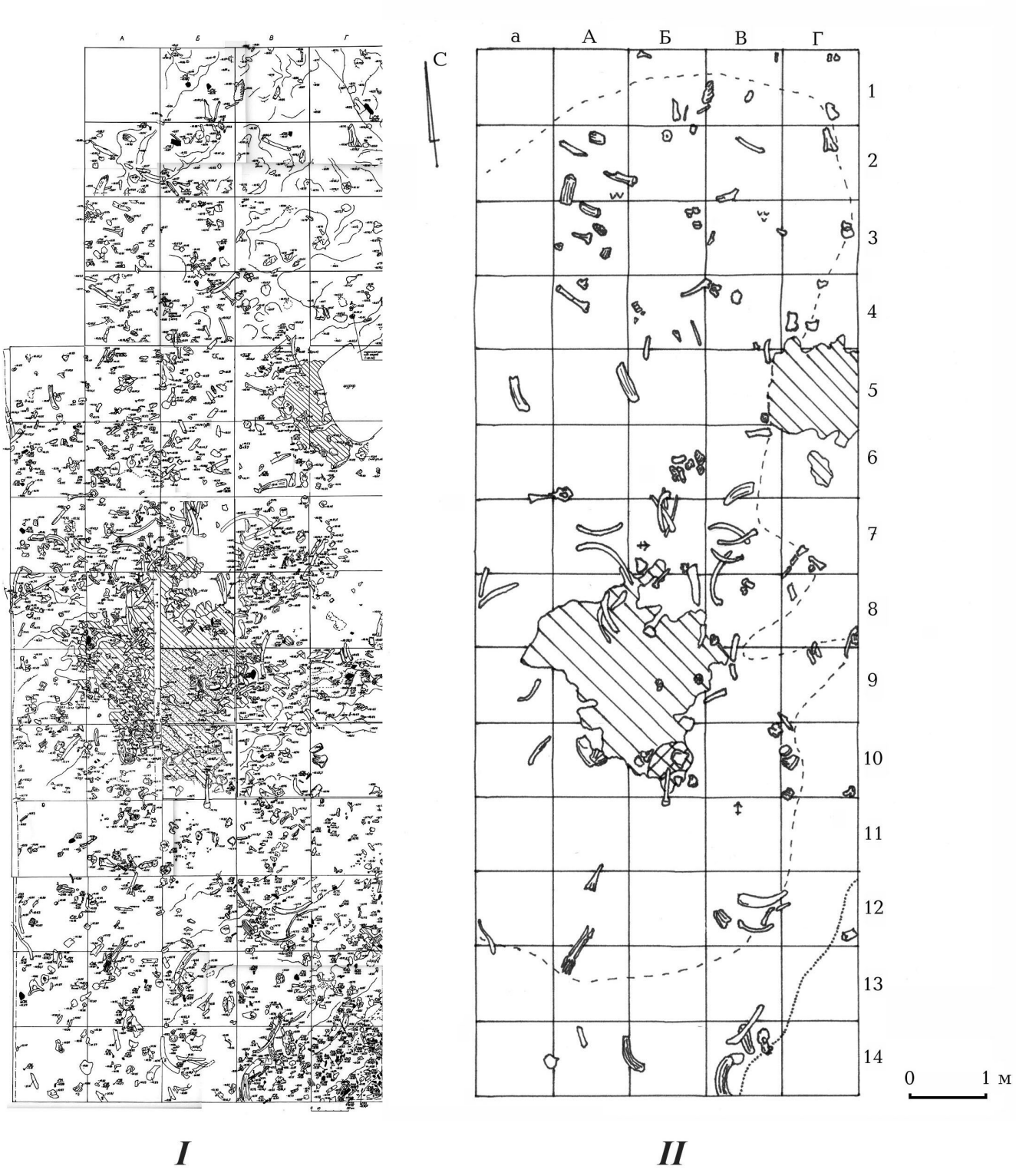

Рис. 96. Хотылёво 2, пункт Б, раскоп № I. I – сводный план; II – план-схема расположения археологических объектов: косой штриховкой обозначены скопления костного угля, косой сеткой – очажное заполнение, пунктирными линиями – граница максимального распространения археологического материала.

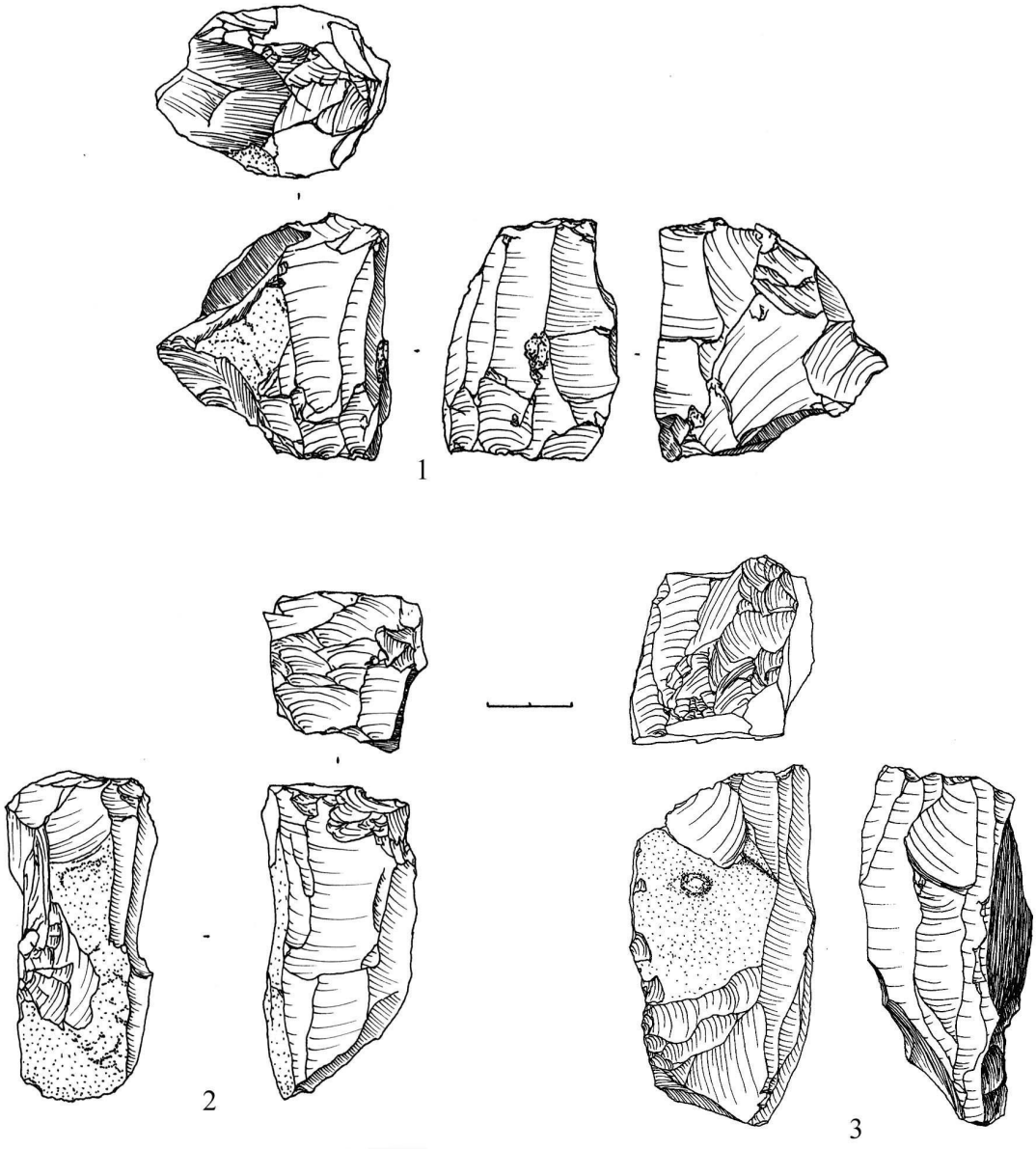

Рис. 97. Хотылёво 2, пункт Б, раскоп № I. Нуклеусы.

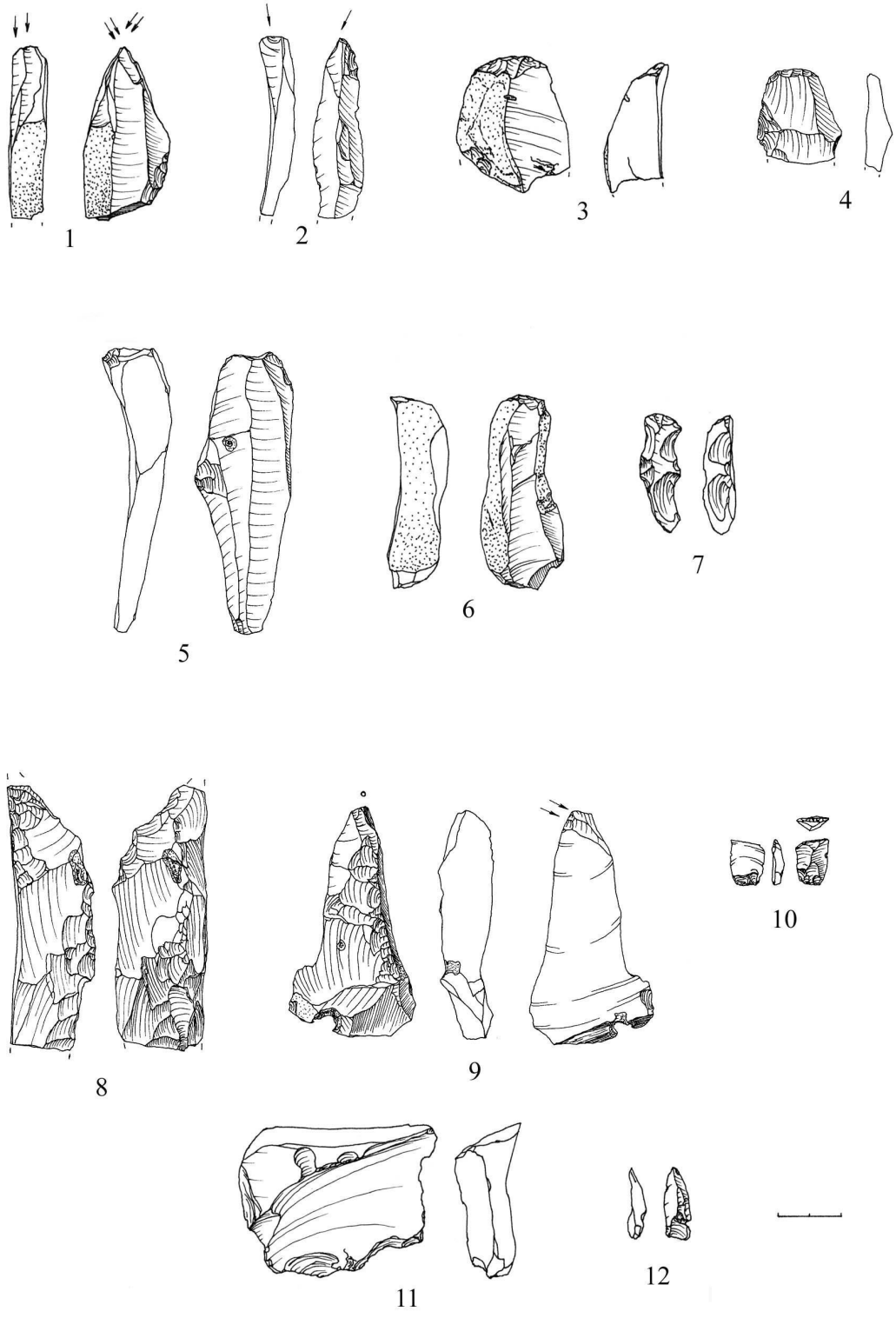

Рис. 98. Хотылёво 2, пункт Б, раскоп № I. Резцы (1, 2), скребки (3-7), массивное остриё на пластине (8), нож костёнковского типа (9), микро-транке (10);
отщеп (11) и ламеллярная чешуйка (12) из слоёв, подстилающих культурный слой в геологическом зондаже.

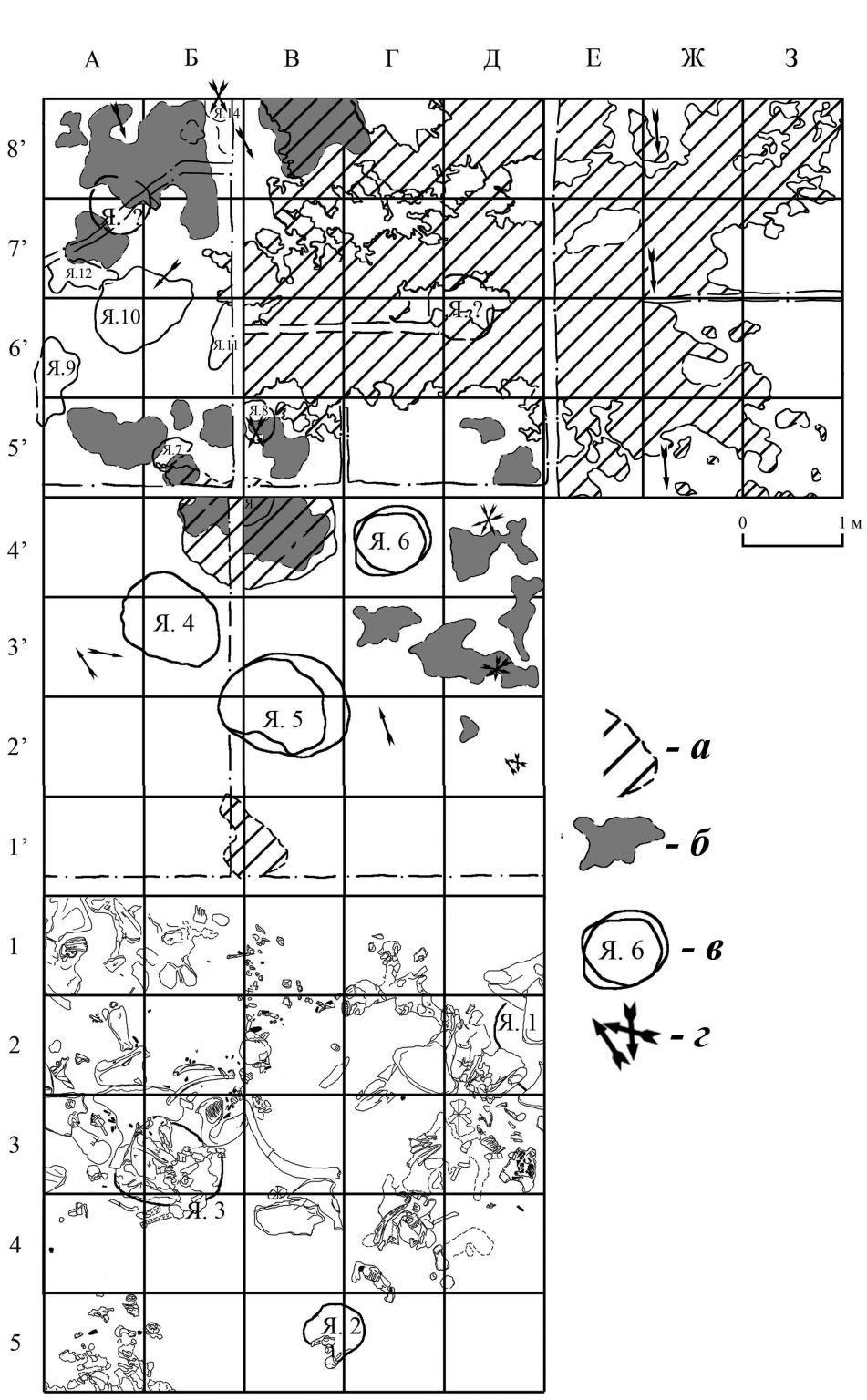

Рис. 99. Хотылёво 2, пункт В, раскопы А, Б, В. План-схема южного (кв. А-Д/1’-5’) и северного (кв. А-Д/1’-8’; Е-З/5’-8’) археологических комплексов. Условные обозначения: а) скопление костного угля; б) скопление расколотого кремня; в) яма; г) вкопанные вертикально/наклонно кости мамонта.

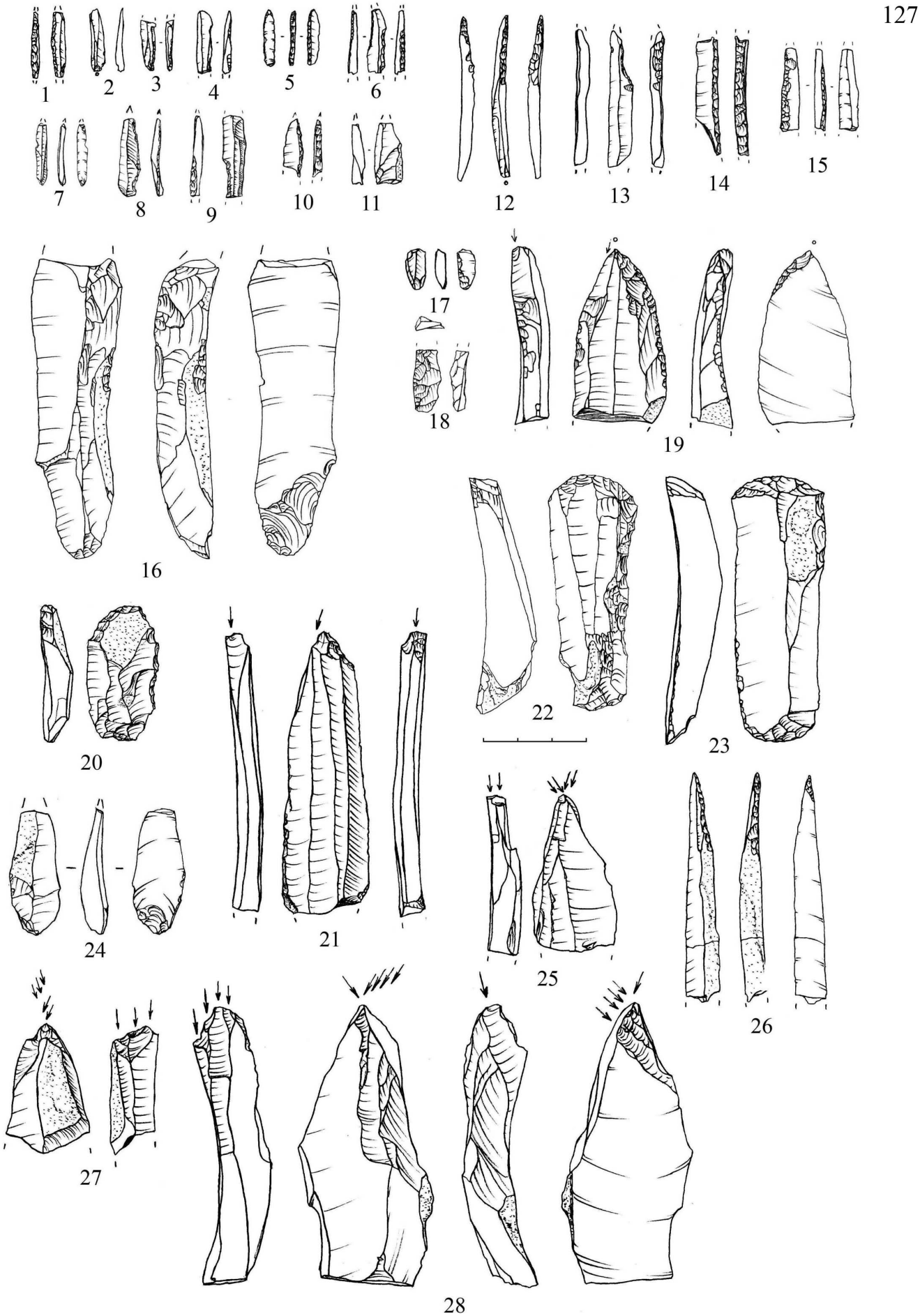

Рис. 100. Хотылёво 2, пункт В, кремнёвые артефакты. Микропластинки с притупленным краем (1, 3, 5, 6, 9), микропластинки (2, 4, 8), микроостриё ретушное (7), микроостриё с притупленным краем (10), микропластина приострённая, фрагмент (11), острия с частично притупленным краем (12, 13, 26), пластинка с притупленным краем (14), резцовый скол (15), фрагмент листовидного острия костёнковского типа (16), микропластина с вентральной ретушью края (17), краевой скол (18), нож костёнковского типа (19), скребки (20, 22, 23), резцы (21, 25), «стрелка» (24), нуклевидные резцы (27, 28).

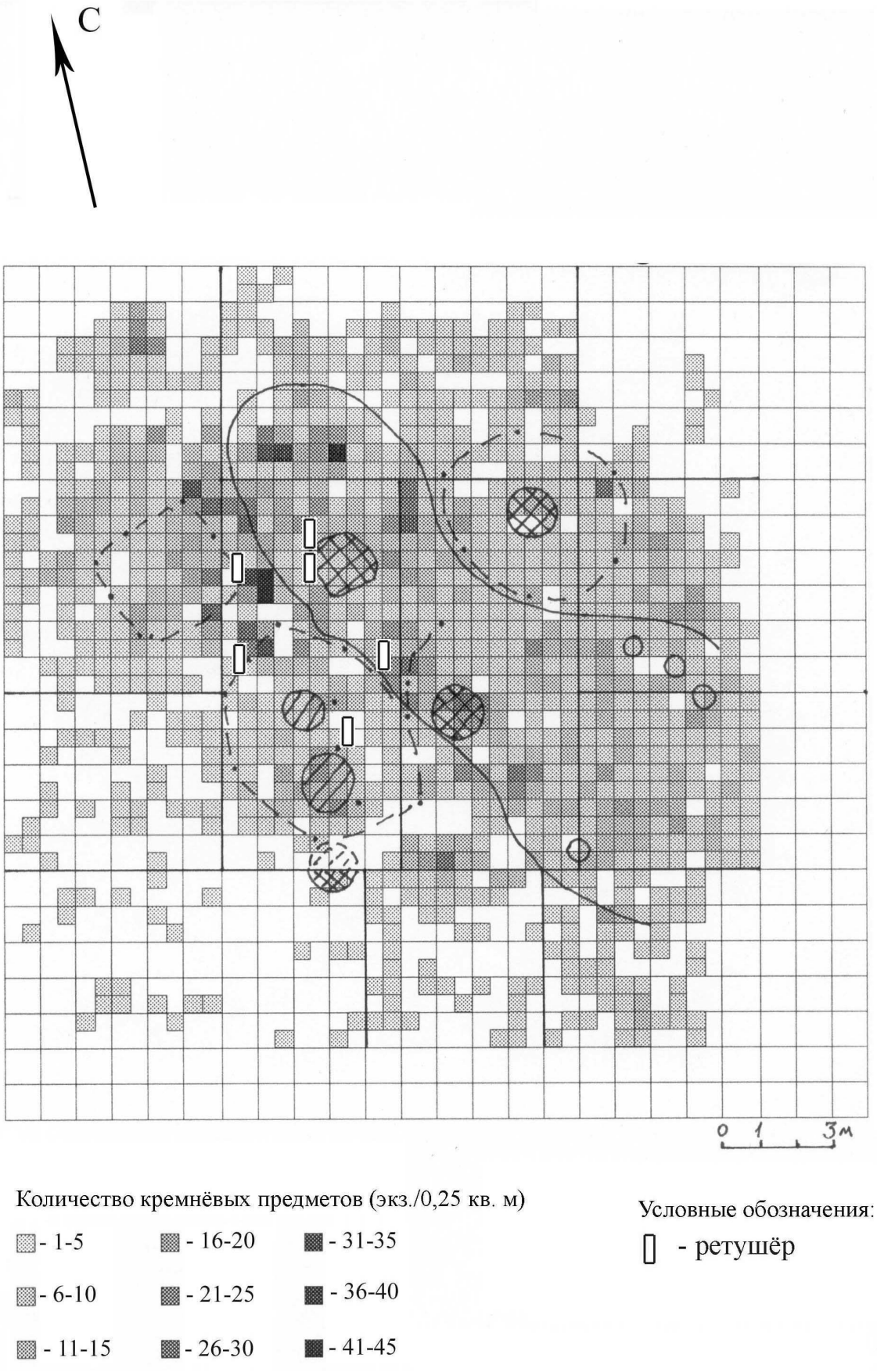

Рис. 101. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. План расположения костяных ретушёров, наложенный на план плотности залегания кремнёвых орудий.

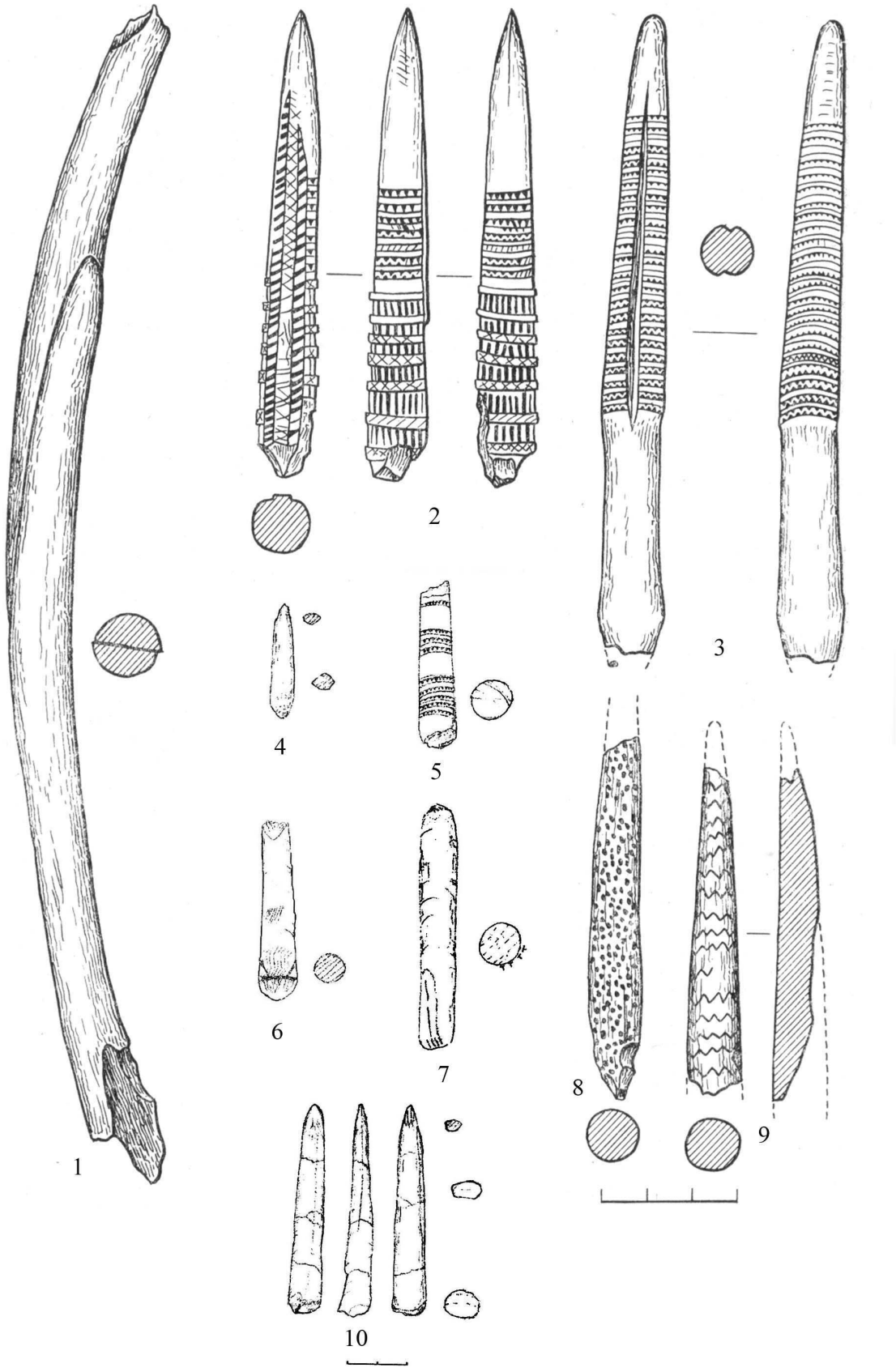

Рис. 102. Хотылёво 2, пункт А. Фрагменты стержней и наконечники из бивня мамонта, раскопки Ф.М. Заверняева (1-3, 8, 9 по: Заверняев, 1987. С. 125, рис. 9; 4, 5-7 по: Хлопачев, 2006. С. 102, рис. 65).

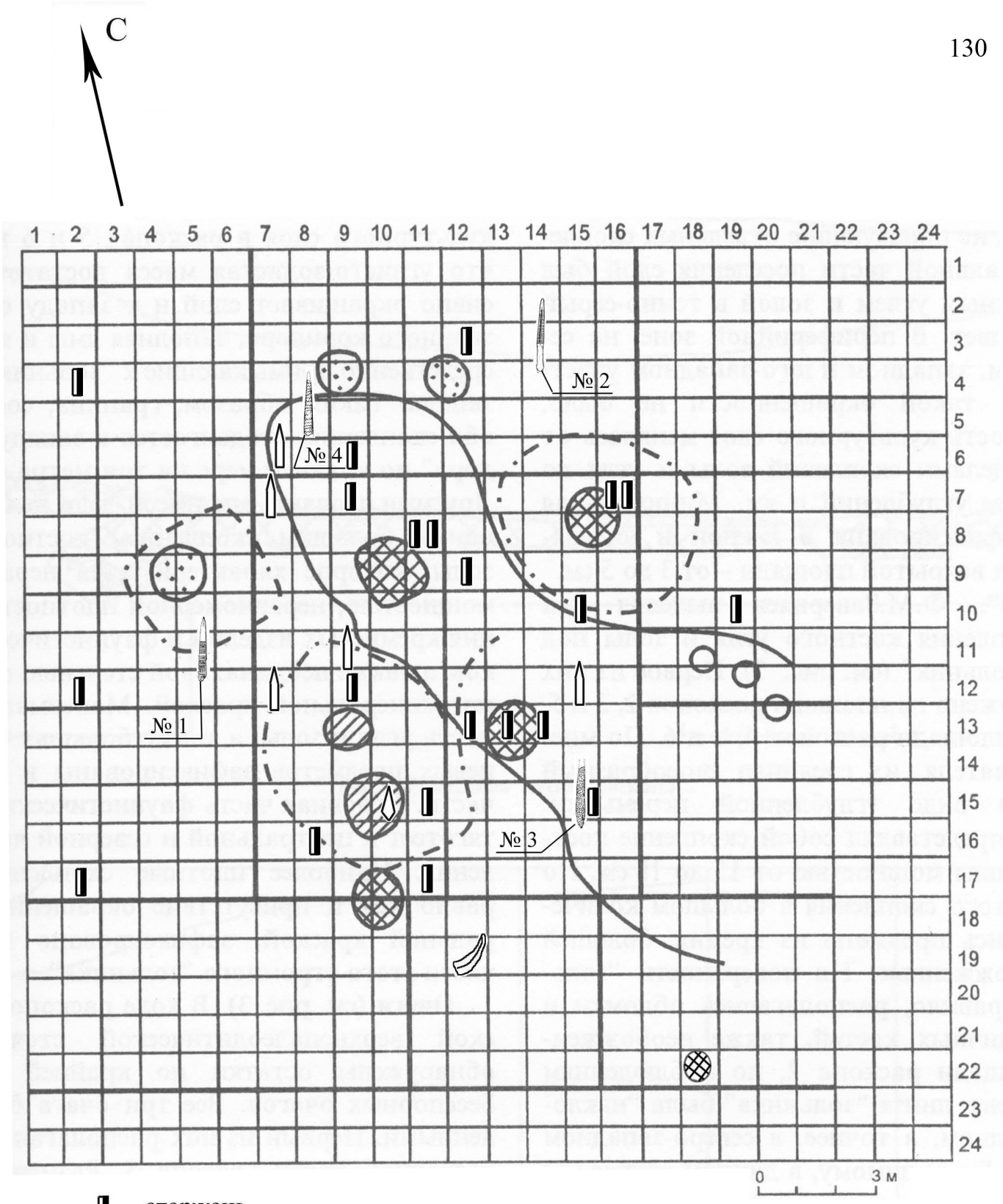

Рис. 103. Хотылёво 2, пункт А. План расположения бивнёвых наконечников, стержней и бивней со следами вырезания стержней на площади раскопов №№ 1-11.

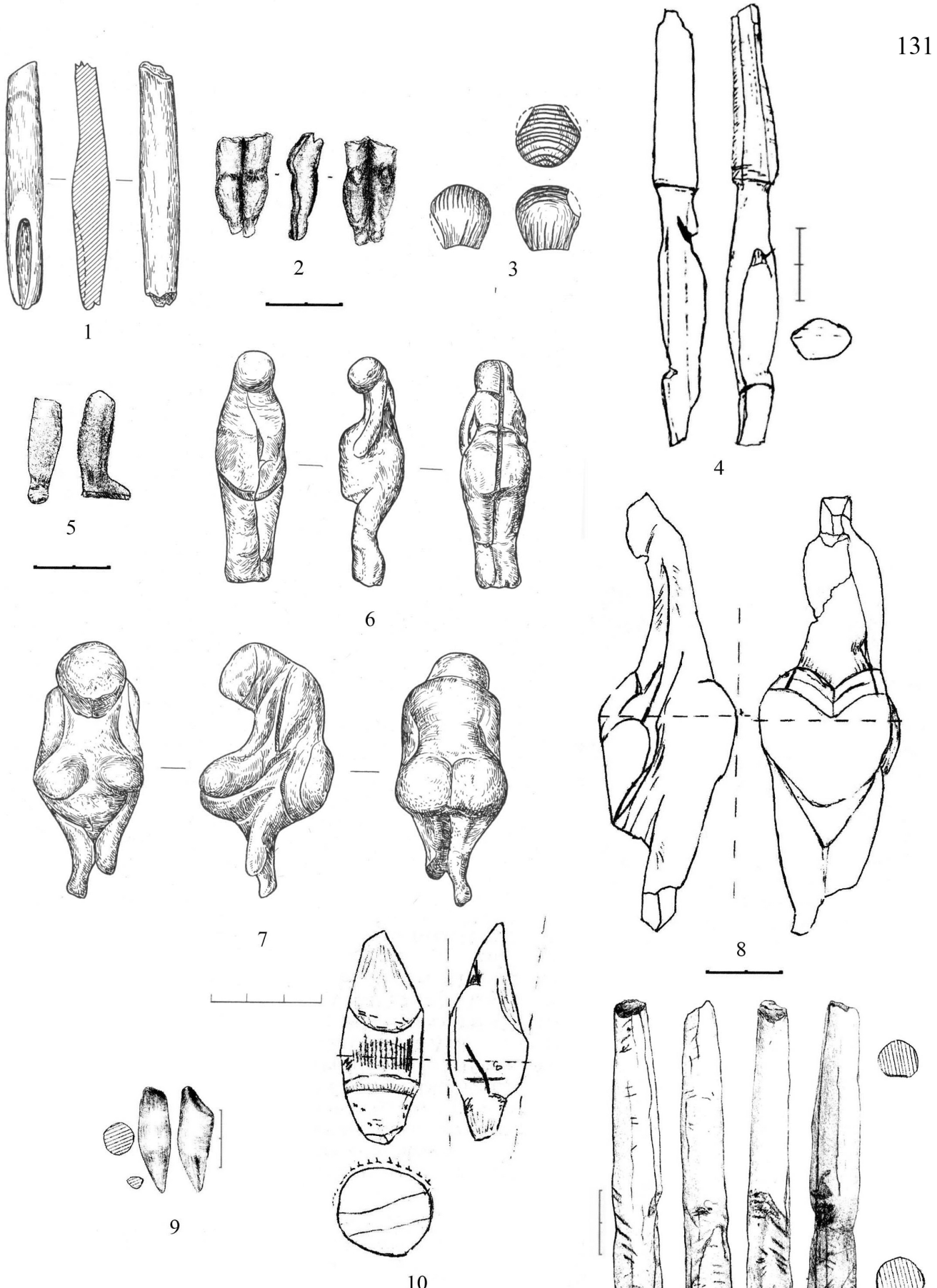

Рис. 104. Хотылёво 2, пункт А. антропоморфная скульптура, раскопки Ф.М. Заверняева (1, 3, 6, 7 по: Заверняев, 1978. С. 149, рис. 3; 4 по: Хлопачев, 2006. С. 104, рис. 67; 9, 11 по: Хлопачев, 2006. С. 103, рис. 66; 2, 5, 8 по: Хлопачев, 2006. С. 123, рис. 81). 8 – статуэтка № 1; 6 – статуэтка № 2; 7 – статуэтка № 3; 4, 11 – «мужские» статуэтки.

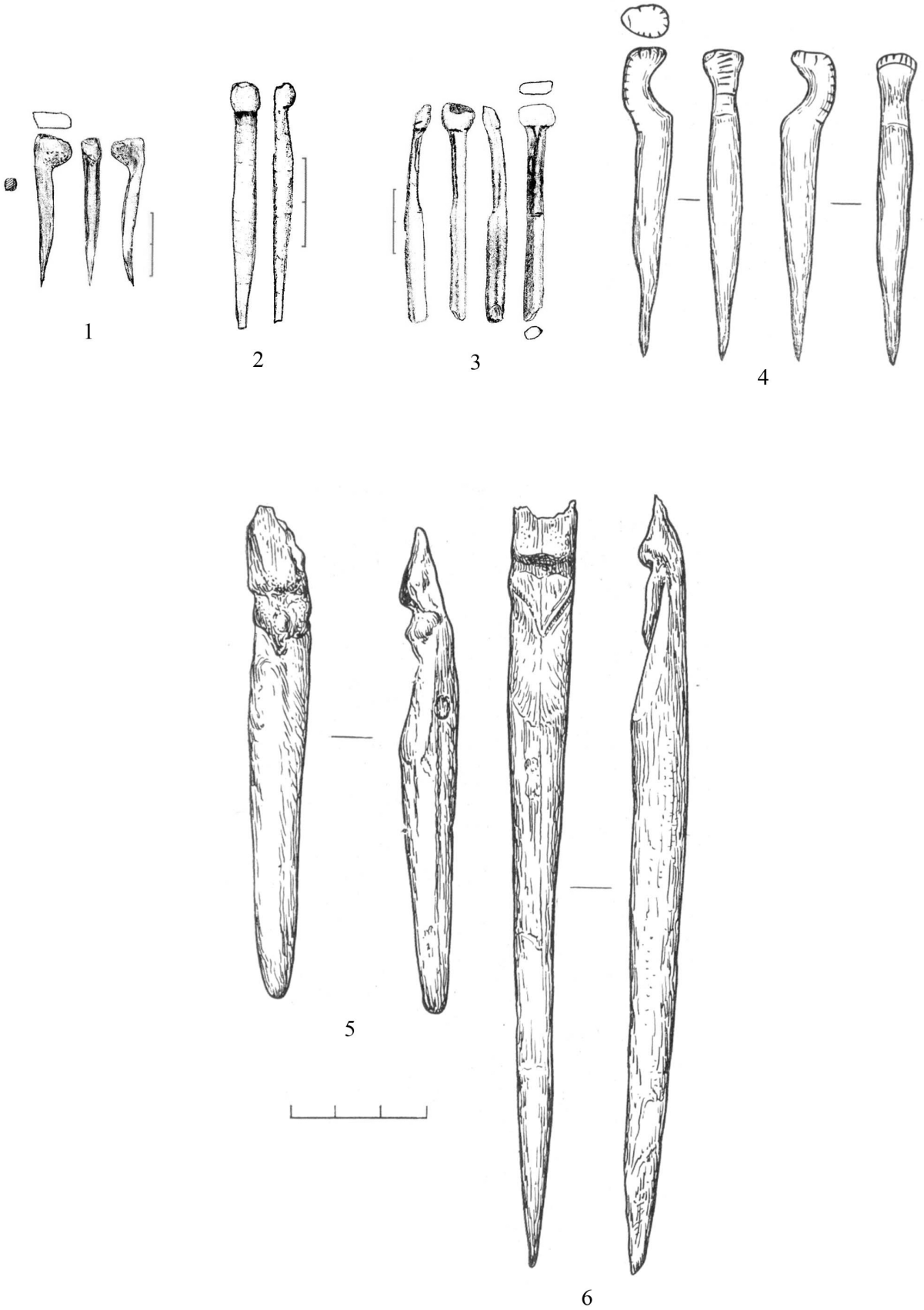

Рис. 105. Хотылёво 2, пункт А. Острия и стержни с фигурными навершиями, раскопки Ф.М. Заверняева (1-3 по: Хлопачев, 2006. С. 94, рис. 61. С. 103, рис. 66. 4-6 по: Заверняев, 1978. С. 153, рис. 5).

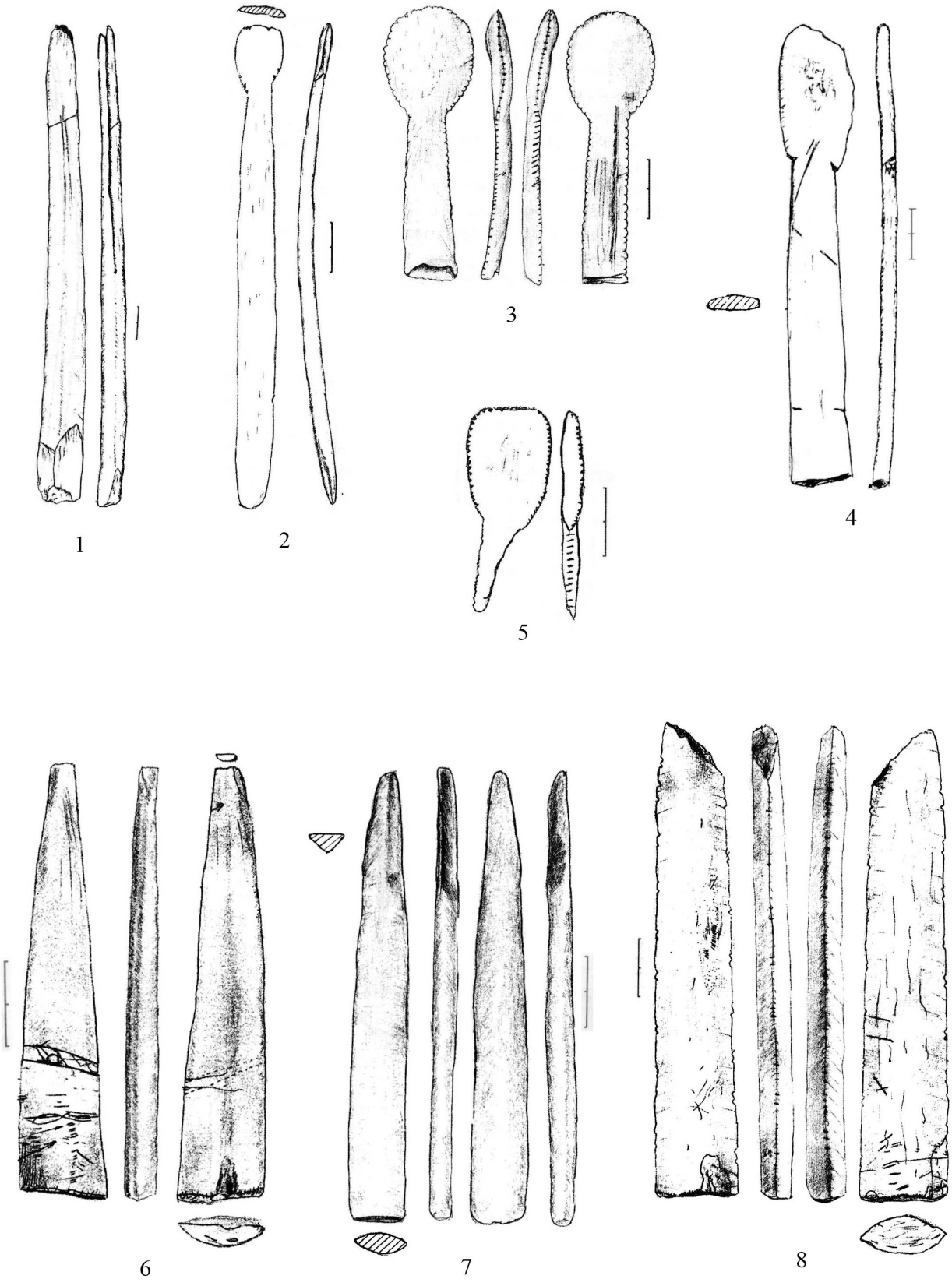

Рис. 106. Хотылёво 2, пункт А. Изделия из кости и бивня, раскопки Ф.М. Заверняева (2, 3, 5 – лопаточки из рёбер мамонта, по: Хлопачев, 2006, С. 93, рис. 60; 4 – лопаточка из бивня мамонта, по: Хлопачев, 2006, С. 104, рис. 67; 1, 6-8 – тупые трёхгранные наконечники из рёбер мамонта, по: Хлопачев, 2006, С. 94, рис. 61).

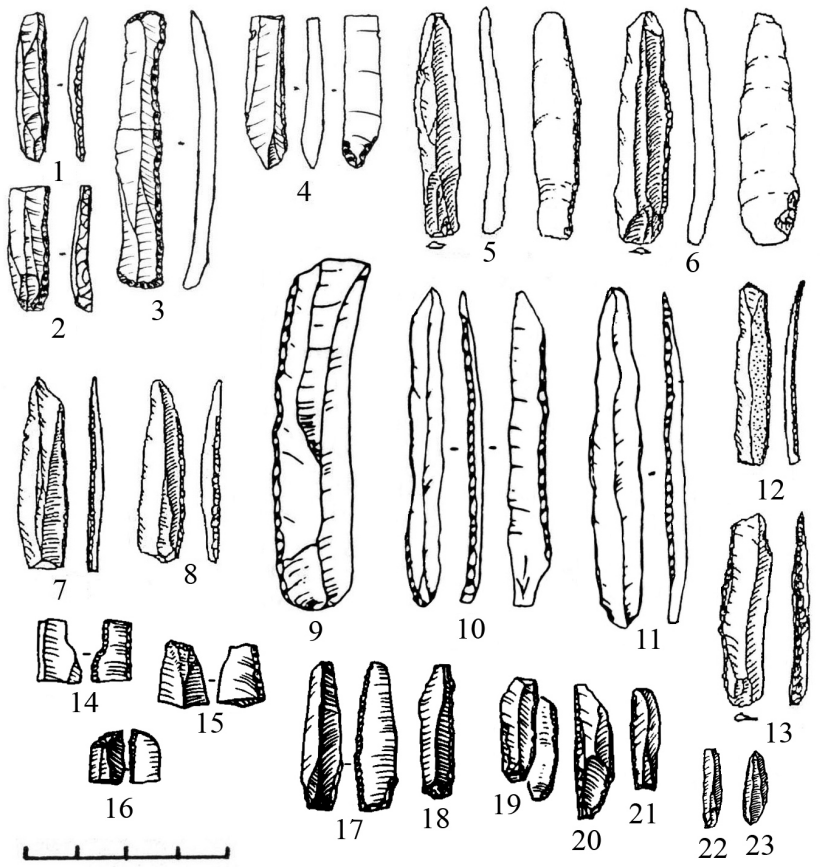

Рис. 107. Пластины/пластинки и микропластинки с притупленным краем эпиграветтских стоянок Бассейна Десны. 1-4 – Косица; 5-13 – Елисеевичи 1; 14-18 – Курск 2; 19-23 – Курск 1 (5- 8, 12, 13 по: Лисицын, 1999. С. 93, рис. 4; 9-11 Величко и др., 1997. С. 128, рис. 56; 14-18 по: Борисковский, 1986. С. 73, рис. 3; 19-23 по: Борисковский, 1986. С. 68, рис. 1; с. 69, рис. 2).

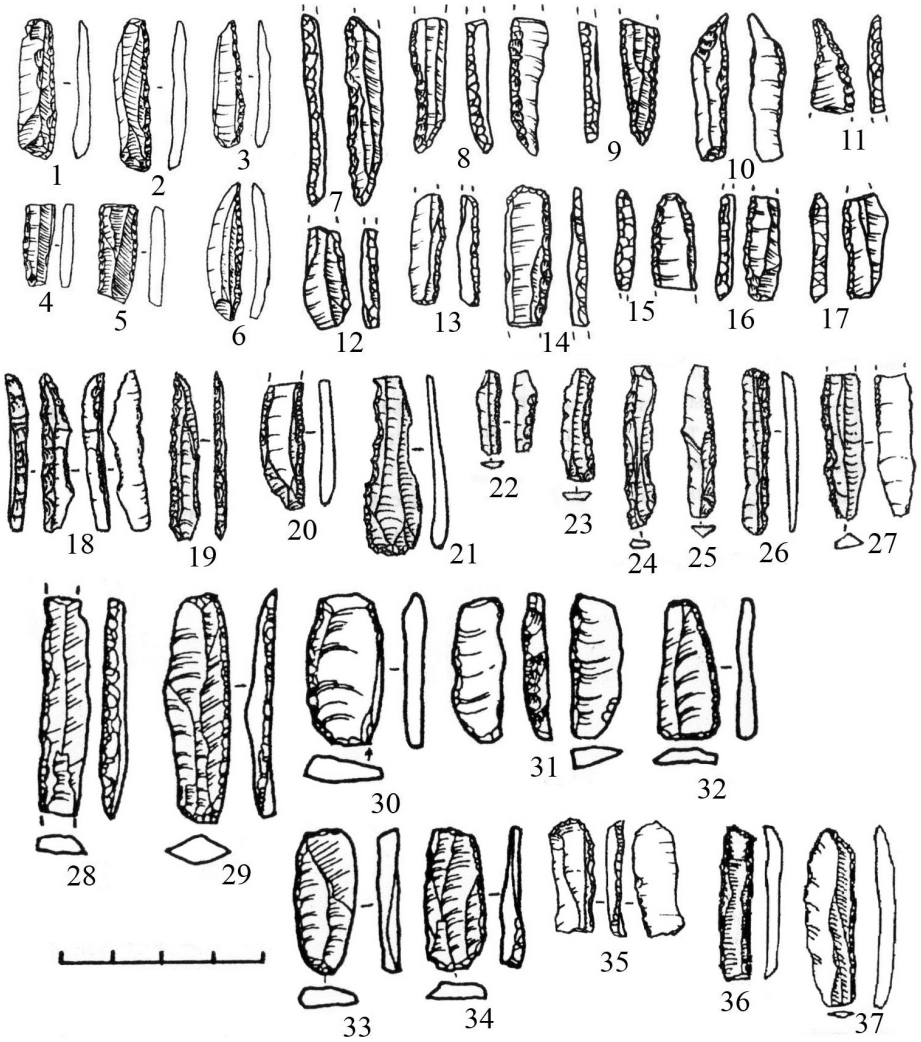

Рис. 108. Пластины/пластинки и микропластинки с притупленным краем стоянок тимоновско-юдиновской культуры восточного эпиграветта. 1-6 – Тимоновка 2; 7-17 – Тимоновка 1; 18-35 – Юдиново 1; 36-37 – Супонево (1-17 – рисунки К.Н. Гаврилова; 18-27, 35 по: Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997. С. 57, рис. 27; с. 61, рис. 29; 28-34 по: Кудряшов, Будько, 1996. С. 38, рис.1; с. 39, рис. 2; 36, 37 по: Лисицын, 1999. С. 108, рис. 11).

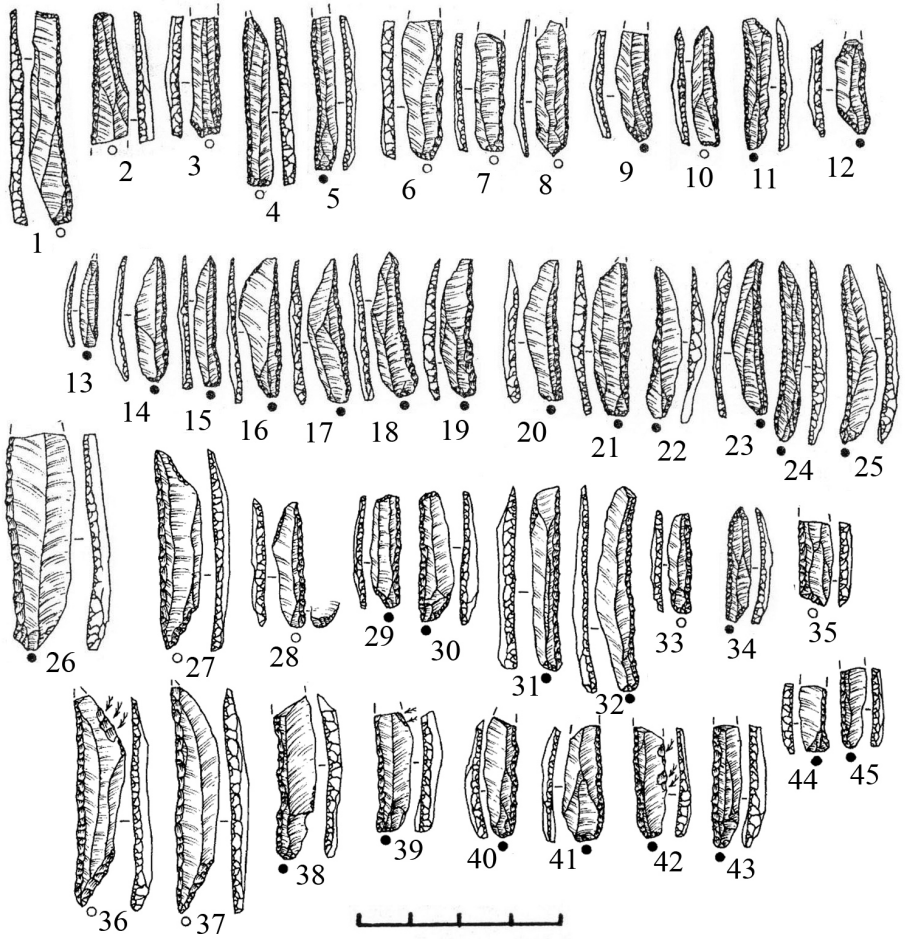

Рис. 109. Пластины/пластинки и микропластинки с притупленным краем Мезинской стоянки (по: Нужний, 2015. С. 198, рис. 113; с. 199, рис. 113-А).

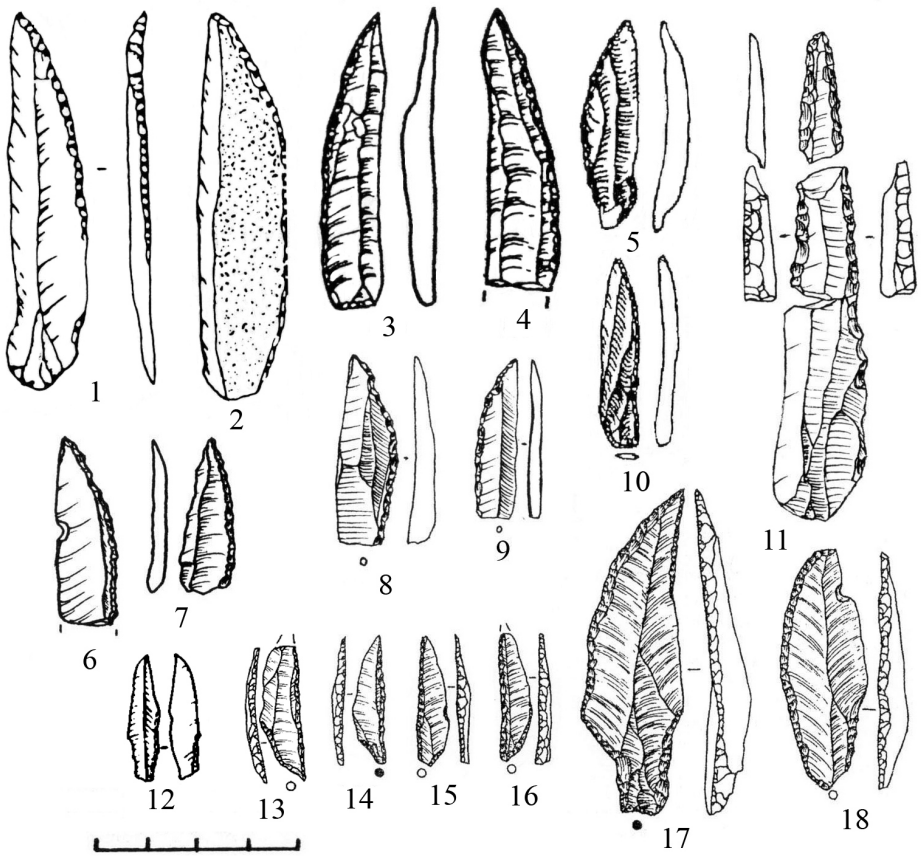

Рис. 110. Острия в инвентаре эпиграветтских стоянок Подесенья. 1, 2 – Елисеевичи 1; 3, 4 – Юдиново 1; 5, 10 – Супонево; 6, 7 – Тимоновка 1; 8, 9 – Тимоновка 2; 11 – Косица; 12 – Курск 1; 13-18 – Мезин (1, 2 по: Величко и др., 1997. С. 128, рис. 56; 3, 4 по: Кудряшов, Будько, 1996. С. 39, рис. 2; 5, 10 по: Лисицын, 1999. С. 108, рис. 11; 6-9, 11: рисунки К.Н. Гаврилова; 12 по: Борисковский, 1986. С. 68, рис. 1; 13-18 по: Нужний, 2015. С. 198, рис. 113; с. 199, рис. 113-А).

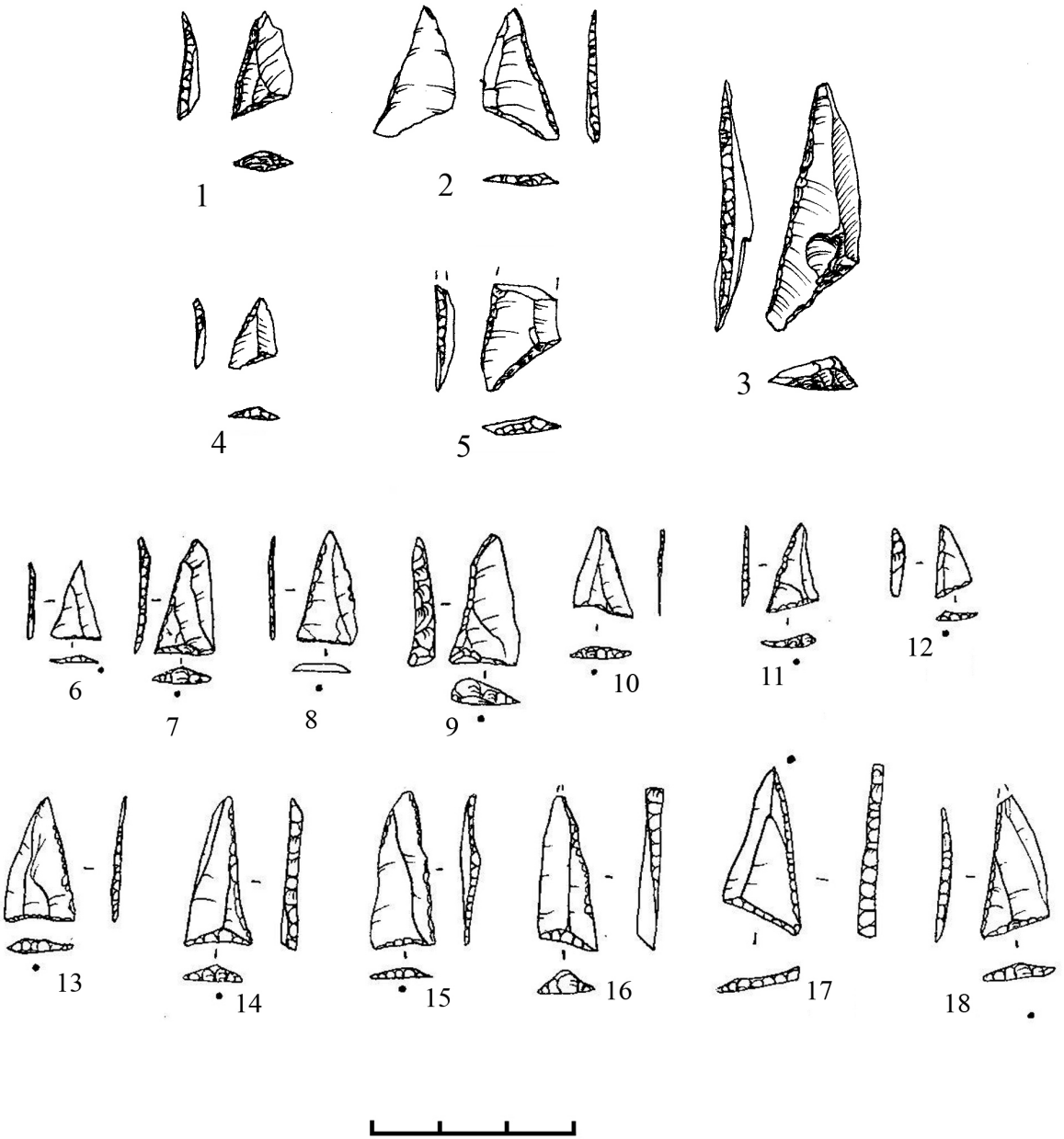

Рис. 111. Треугольные острия стоянок группы Быки. 1-5 – стоянка Быки 1
(раскопки К.Н. Гаврилова, 2003 г.); 6-19 – стоянка Быки 7, сл. 1 (по: Ахметгалеева, 2015. С. 112, рис. 11).

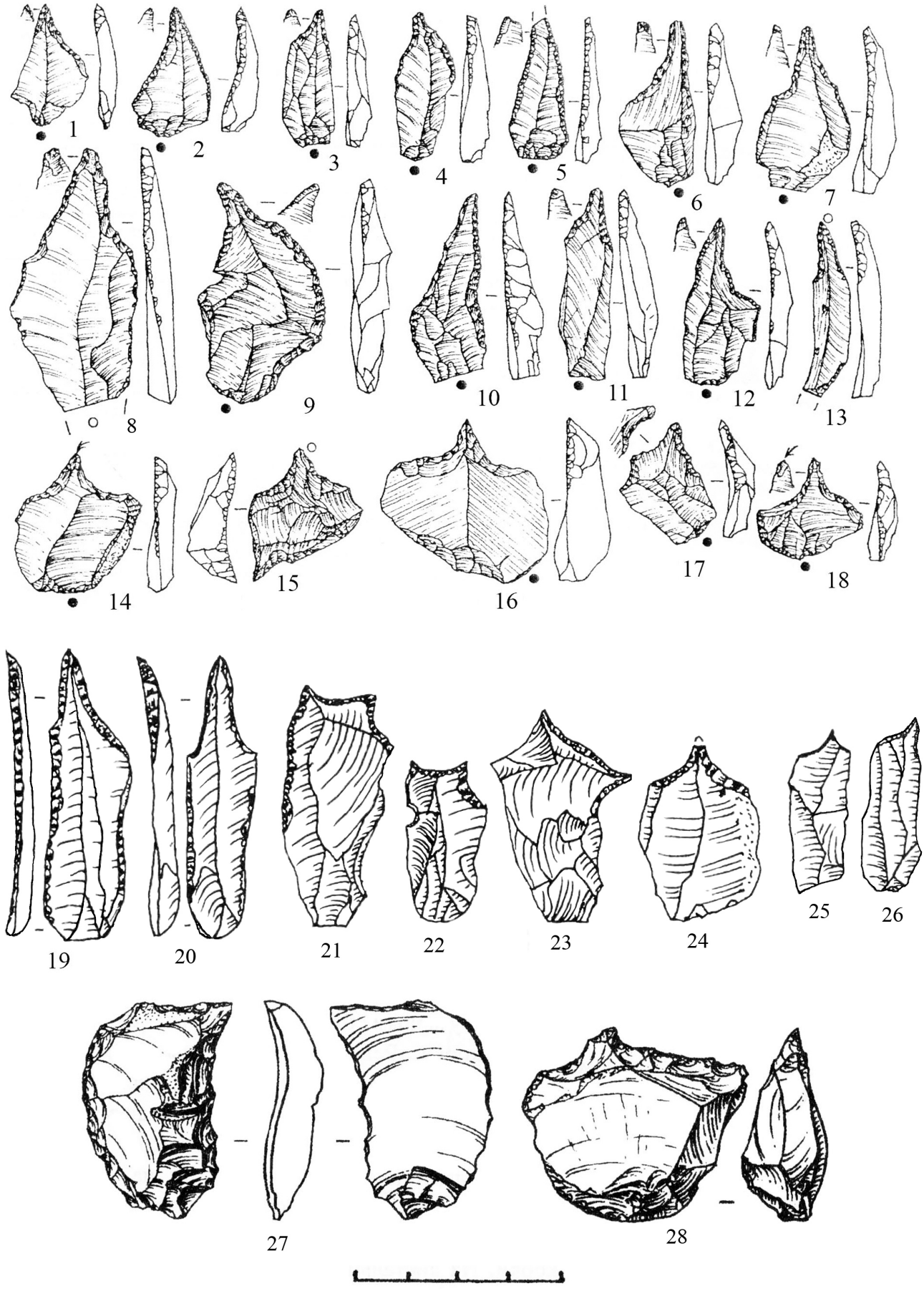

Рис. 112. Проколки в инвентаре эпиграветтских стоянок Среднего Подесенья и бассейна р. Сейм. 1-18 – Мезин; 19-26 – Быки 1; 27, 28 – Юдиново 1 (1-18 по: Нужний, 2015. С. 205, рис. 116; 19-26 по: Чубур, 2001. С. 64, рис. 57; 27, 28 по: Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997. С. 65, рис. 31).

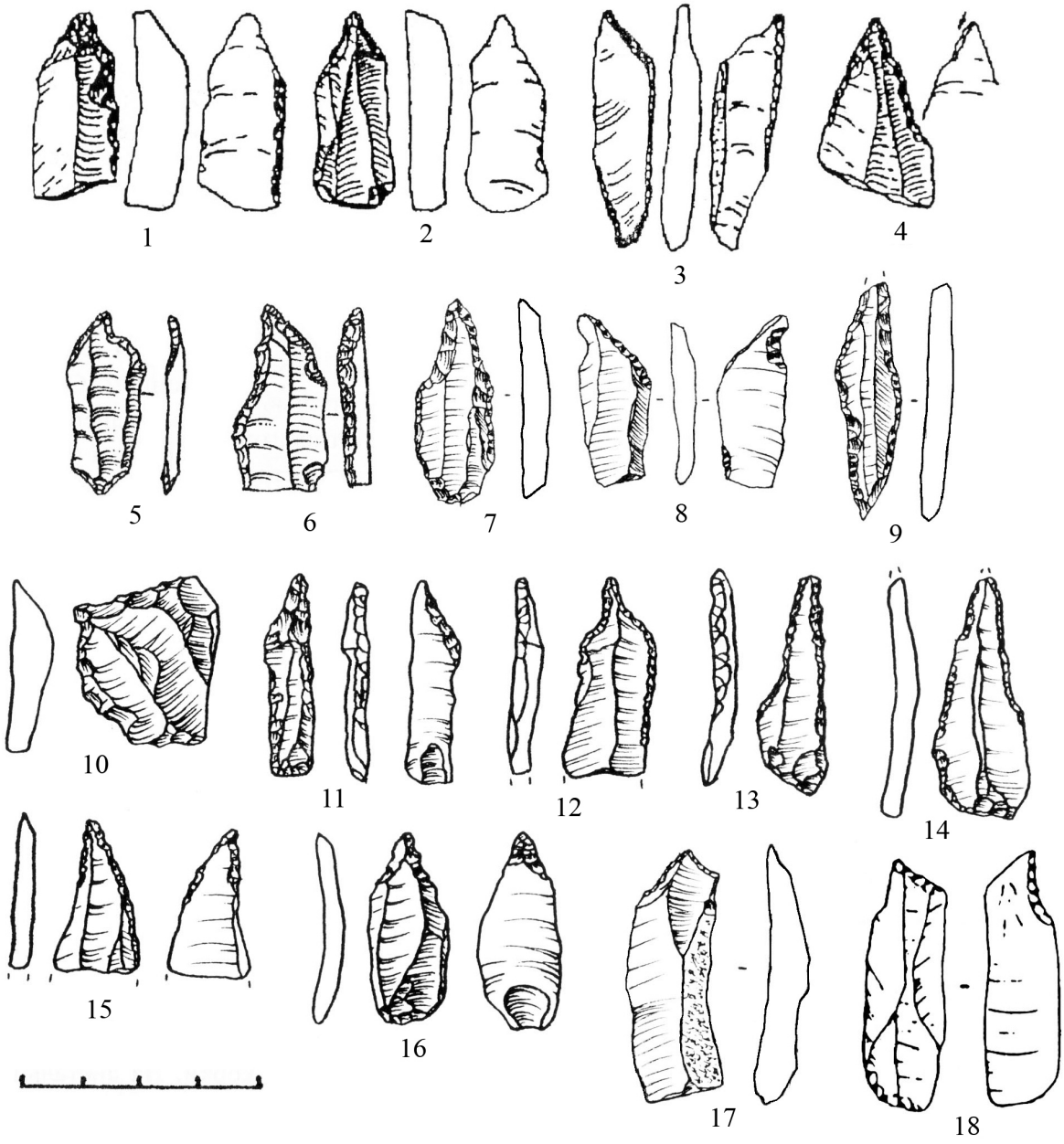

Рис. 113. Проколки в инвентаре эпиграветтских стоянок Верхнего Подесенья.
1-4 – Супонево; 5-16 – Тимоновка 1; 17 – Косица; 18 – Елисеевичи 1 (1-4 по: Лисицын, 1999. С. 108, рис. 11; 5-17: рисунки К.Н. Гаврилова; 18 по: Величко и др., 1997. С. 131, рис. 59).

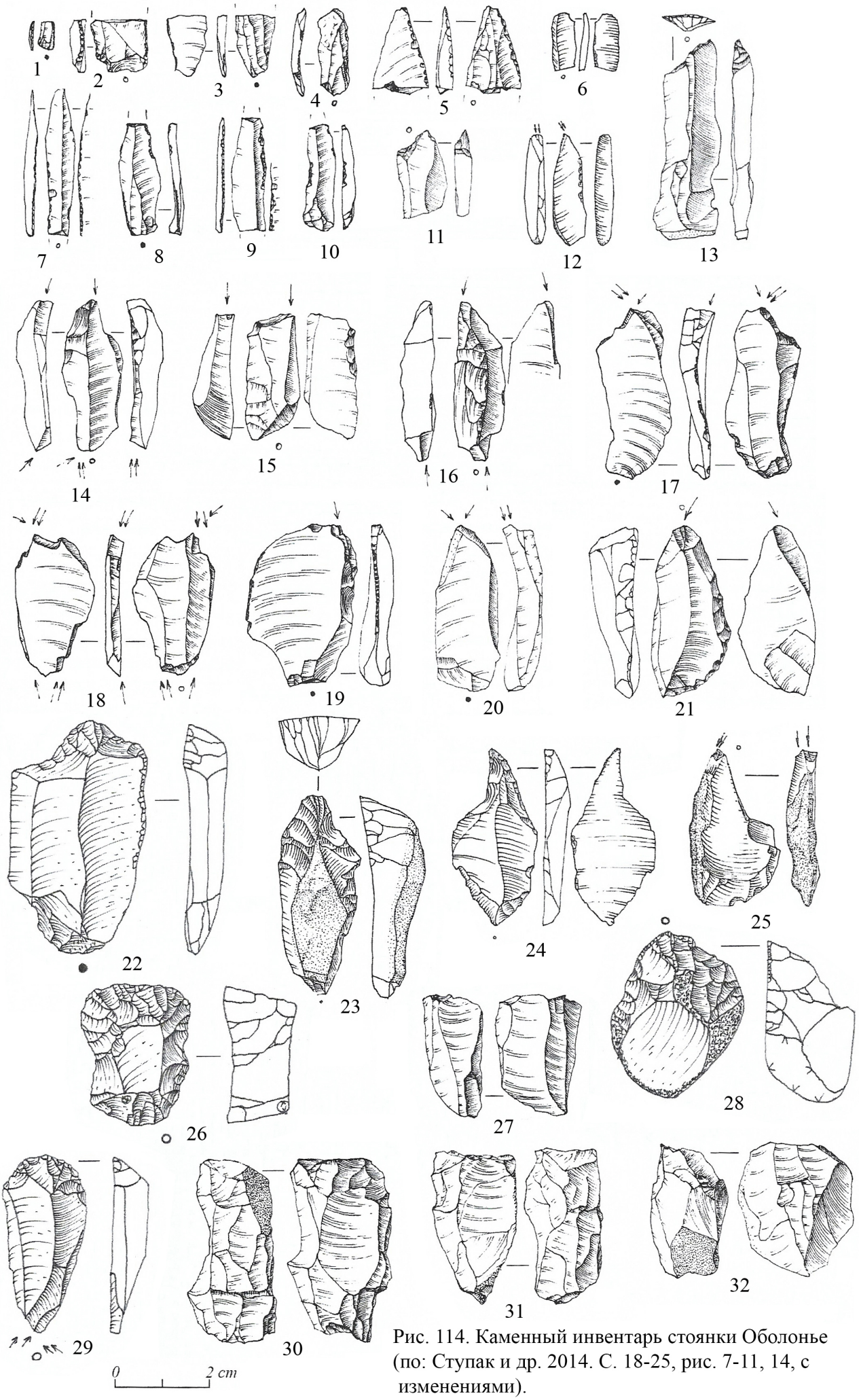

Рис. 114. Каменный инвентарь стоянки Оболонье (по: Ступак и др. 2014. С. 18-25, рис. 7-11, 14, с изменениями).

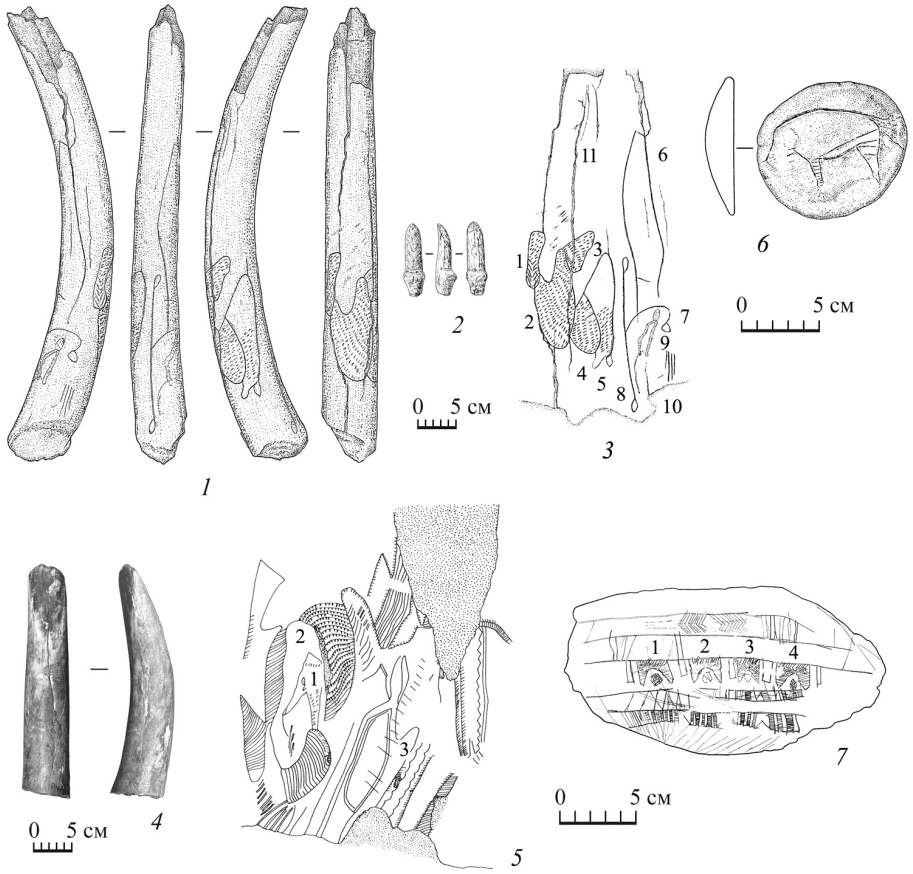

Рис. 115. Орнаментированные бивни из раскопок стоянок Оболонье и Кирилловская и возможные аналогии некоторым изображениям, вырезанных на их поверхности: 1, 3 – орнаментированный бивень из раскопок стоянки Оболонье и прорисовка вырезанной на его поверхности композиции (по: Ступак, Хлопачев, 2014. С. 27, рис. 16); 2 – «фаллическая» статуэтка из раскопок Мезинской стоянки (по: Абрамова, 1962. С. 120, табл. XXXII); 4, 5 – орнаментированный бивень из раскопок стоянки Кирилловская и прорисовка вырезанной на его поверхности композиции (по: Яковлева, 2013. С. 242-243, рис. К/31-К/32); 6 – диск из песчаника с выгравированным изображением зверя, Костёнки 21 (сл. III) (по: Палеолит Костёнковско-Борщевского района…, 1982. С. 208, рис. 72); 7 – прорисовка рисунка, вырезанного на поверхности бивневой «чуринги» из раскопок Межиричской стоянки (по: Marshack, 1979. P. 292, fig. 42).

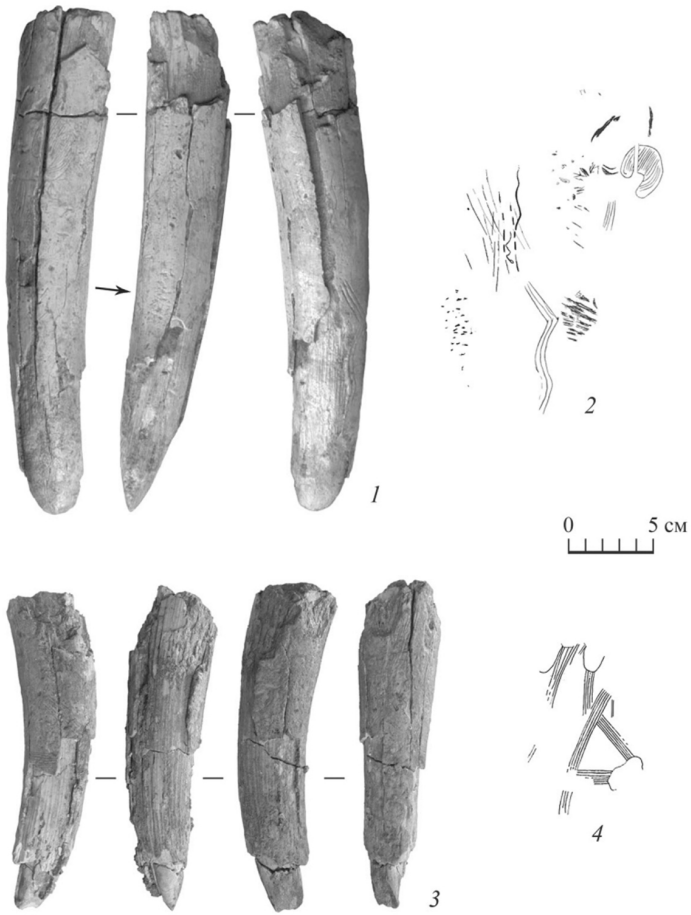

Рис. 116. Рис. 3 (с. 12). Орнаментированные мотыги из бивня (1, 3) из раскопок стоянки Костёнки 11, сл. Ia и прорисовки орнаментальных композиций, вырезанных на их поверхности (2, 4) (по: Ахметгалеева, Дудин, 2017. С. 43-44, рис. 1-2; с. 47, рис. 5; с. 49, рис. 7).

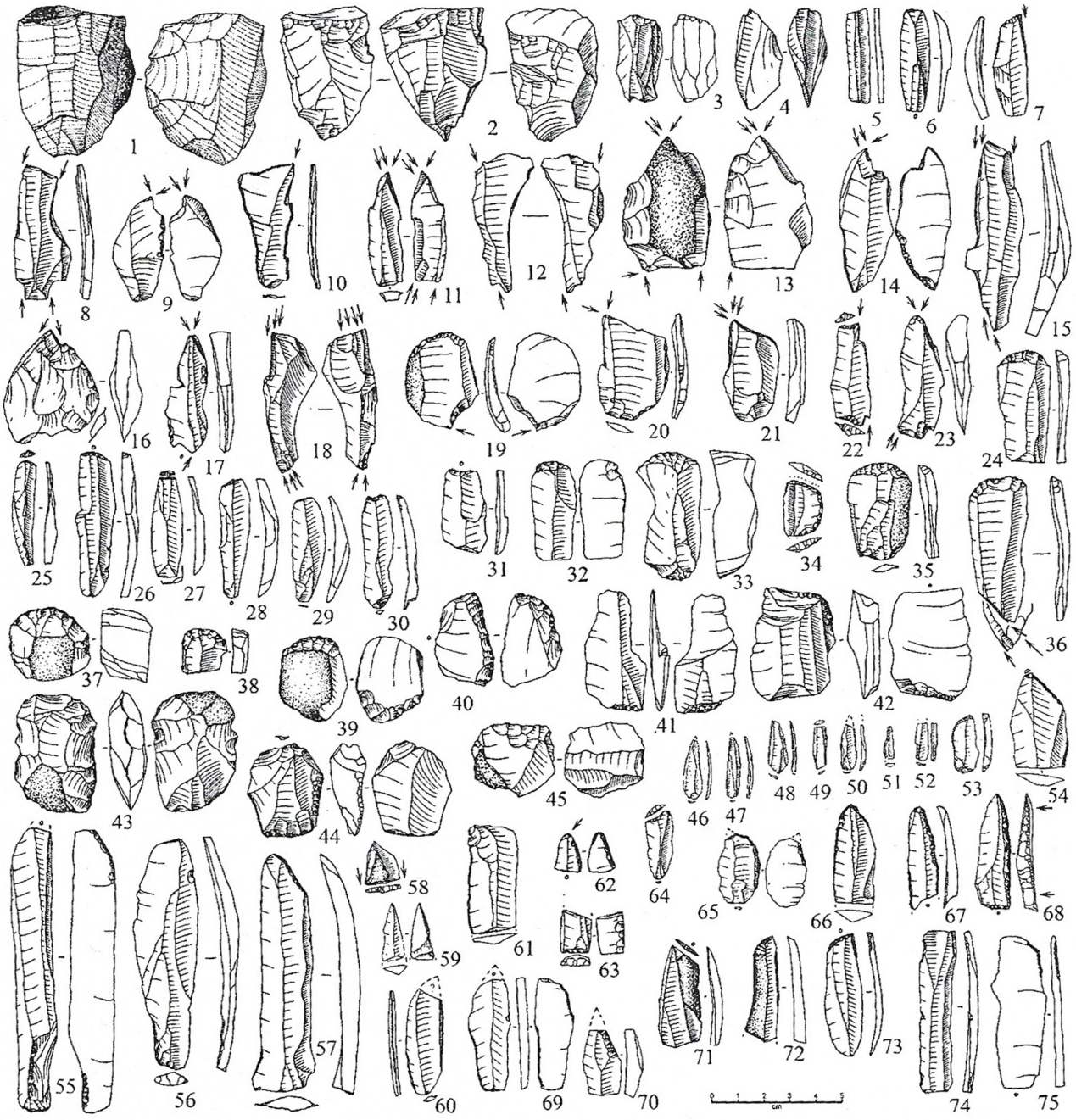

Рис. 117. Каменный инвентарь стоянки Костёнки 11, слой 1а (по: Лисицын, Дудин 2019. С. 85, рис. 3).

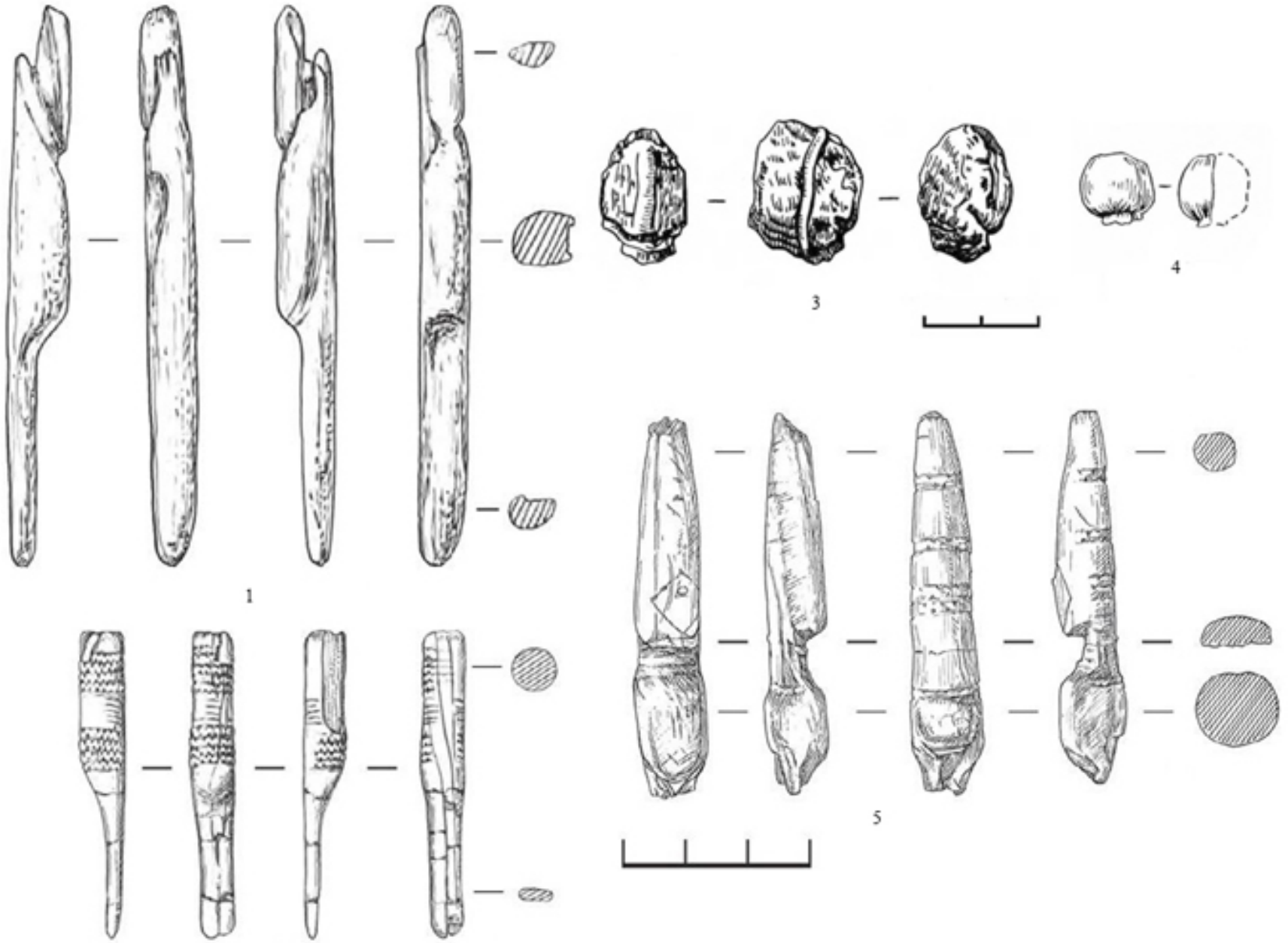
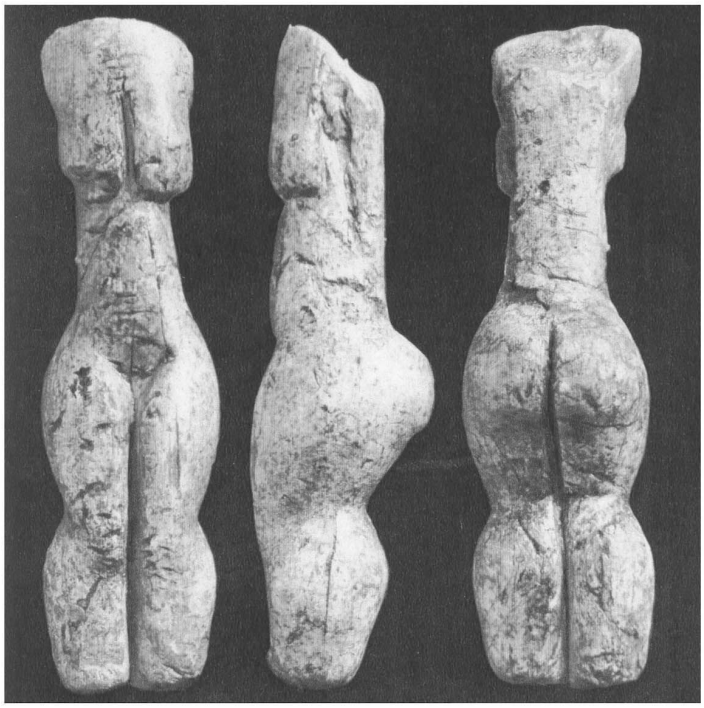
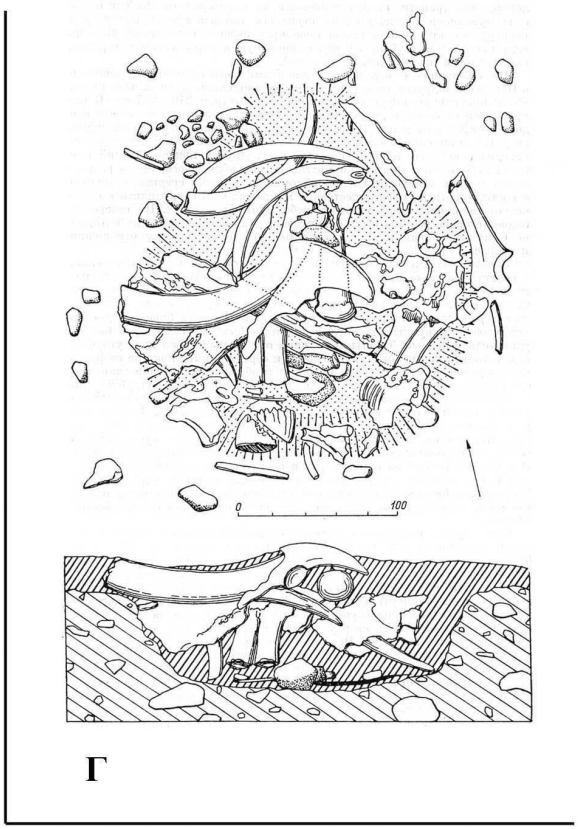

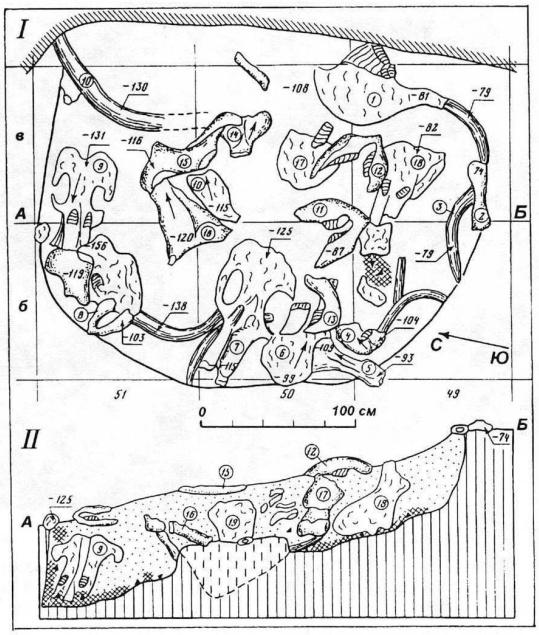

Рис. 118. Мелкая пластика из раскопок стоянок замятнинской археологической культуры (1), восточноевропейского граветта (2, 4, 5) и эпиграветта. 1 - Костёнки 2, 2 - Костёнки 1 (сл. I) (по: Хлопачев, 2016. С. 140, № 37; с. 281, № 92); 3 - Супонево, 4 - Костёнки 13 (по: Абрамова, 1962. С. 124, табл. XXXVI; с. 110, табл. XXII); 5 - Хотылёво 2 (по: Гаврилов и др., 2022. С. 10, рис. 1).

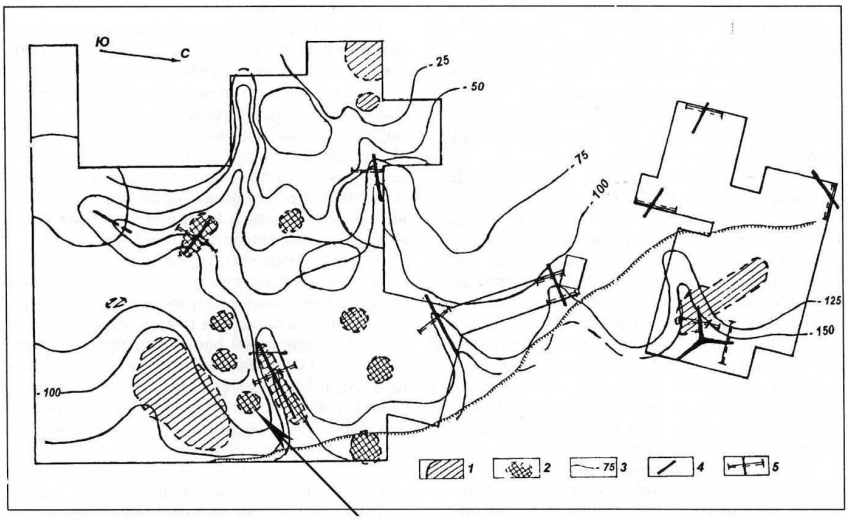
А

Г

Б

В

Рис. 119. Археологический контекст женской статуэтки из Елисеевичей 1:
А — статуэтка (по: Столяр, 1985. С. 243, рис. 227); Б — яма № 1;
В — планиграфия ям с костями мамонта, стрелкой указано место находки
женской статуэтки (Б и В по: Величко, Грехова и др., 1997. С. 46, рис. 16; с. 104, рис. 41);
Г – план и профиль полуземлянки на стоянке Павлов I (по: Клима, 1977. С. 145).

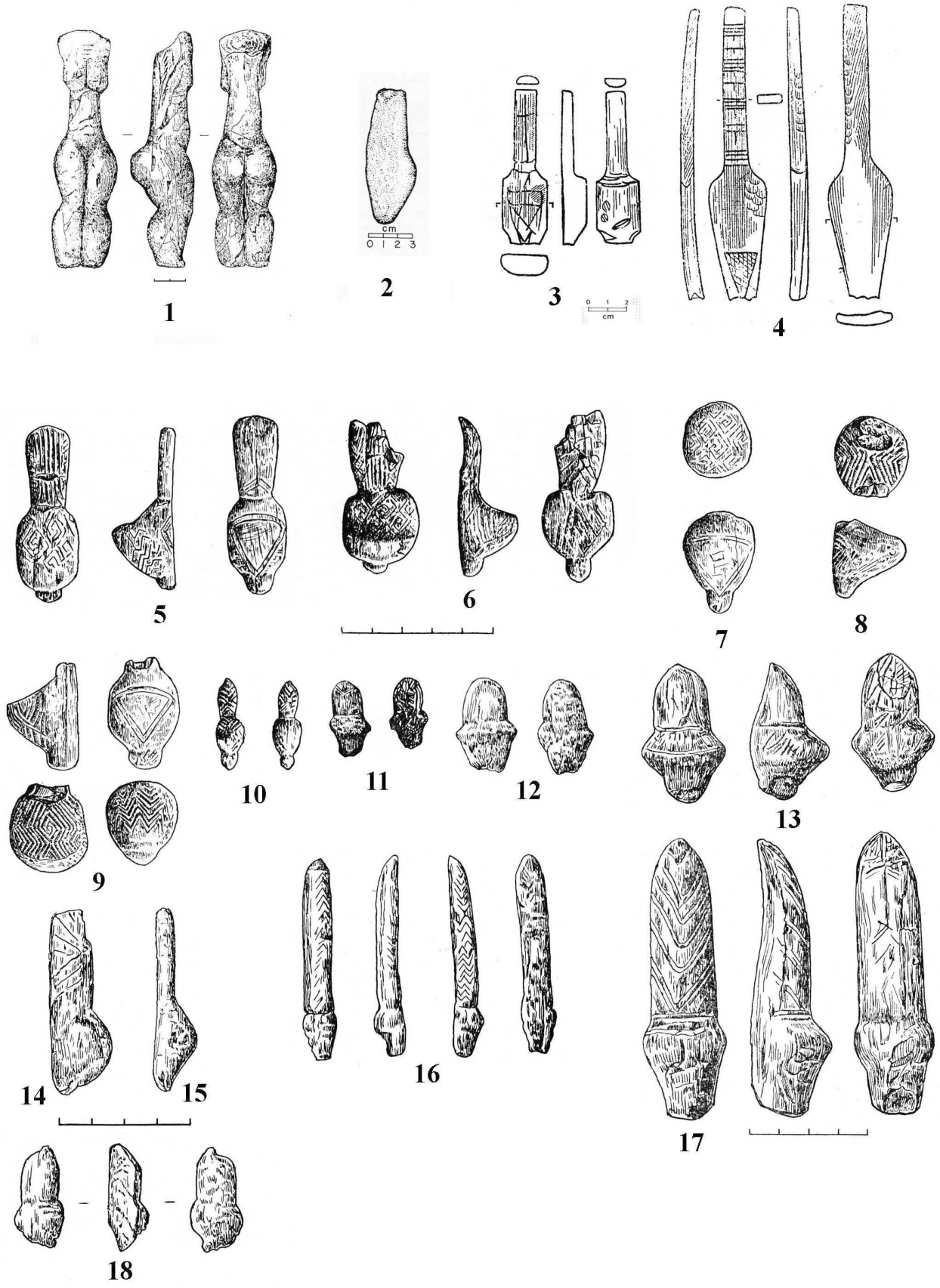

Рис. 120. Антропоморфная скульптура: 1 — Елисеевичи; 2 — Добраничевка;
3, 4 — Межиричи; 5–18 — Мезин (1, 3, 4 по: Абрамова, 2005. С. 239, рис. 136; с. 242, рис. 140;
2 по: Soffer, 1985. P. 51, fig. 2.30; 5–18 по: Абрамова, 1962. С. 119-121, табл. XXXI-XXXIII).

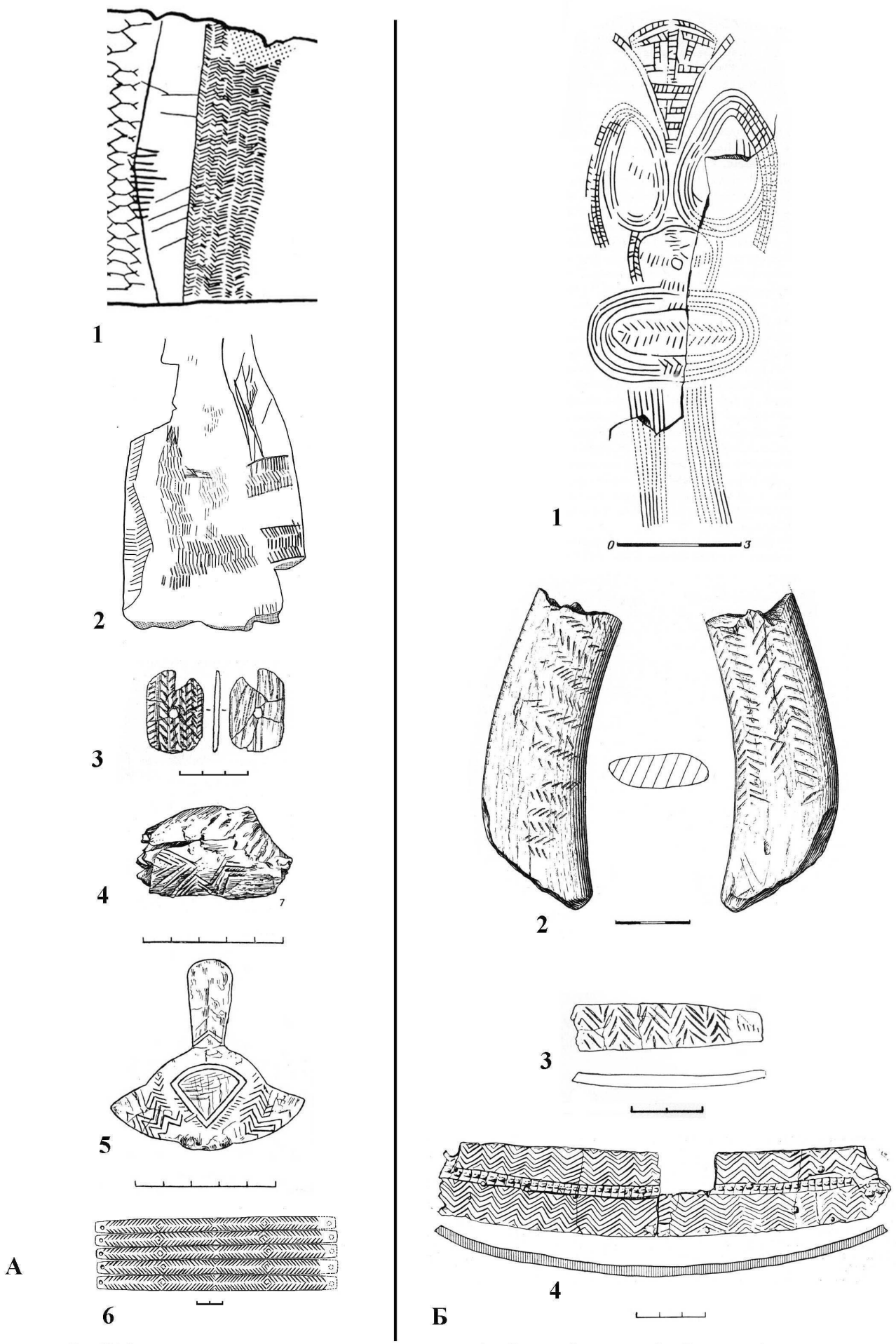

Рис. 121. Зигзаг на памятниках восточного граветта и эпиграветта: А — Восточный эпиграветт: 1 — Елисеевичи 1; 2 — Межиричи; 3 — Юдиново 1; 4 — Супонево; 5, 6 — Мезин (1, 2 — по: Marshack, 1979. P. 290, fig. 39; 3 по: Григорьева, 2000. С. 329, рис. 6; 4–6 по: Абрамова, 1962. С. 119, табл. XXXI; с. 122, табл. XXXIV; с. 124, табл. XXXVI); Б — восточный граветт: 1, 2 — Пшедмость; 3 — Авдеево; 4 — Костёнки 1 (1, 2 по: Absolon, Klima, 1977. P. 35, abb. 16; p. 62, abb. 40; 3 по: Gvozdover, 1995. P. 120, fig.75; 4 по: Праслов, Рогачев, 1982. С. 59, рис. 21).

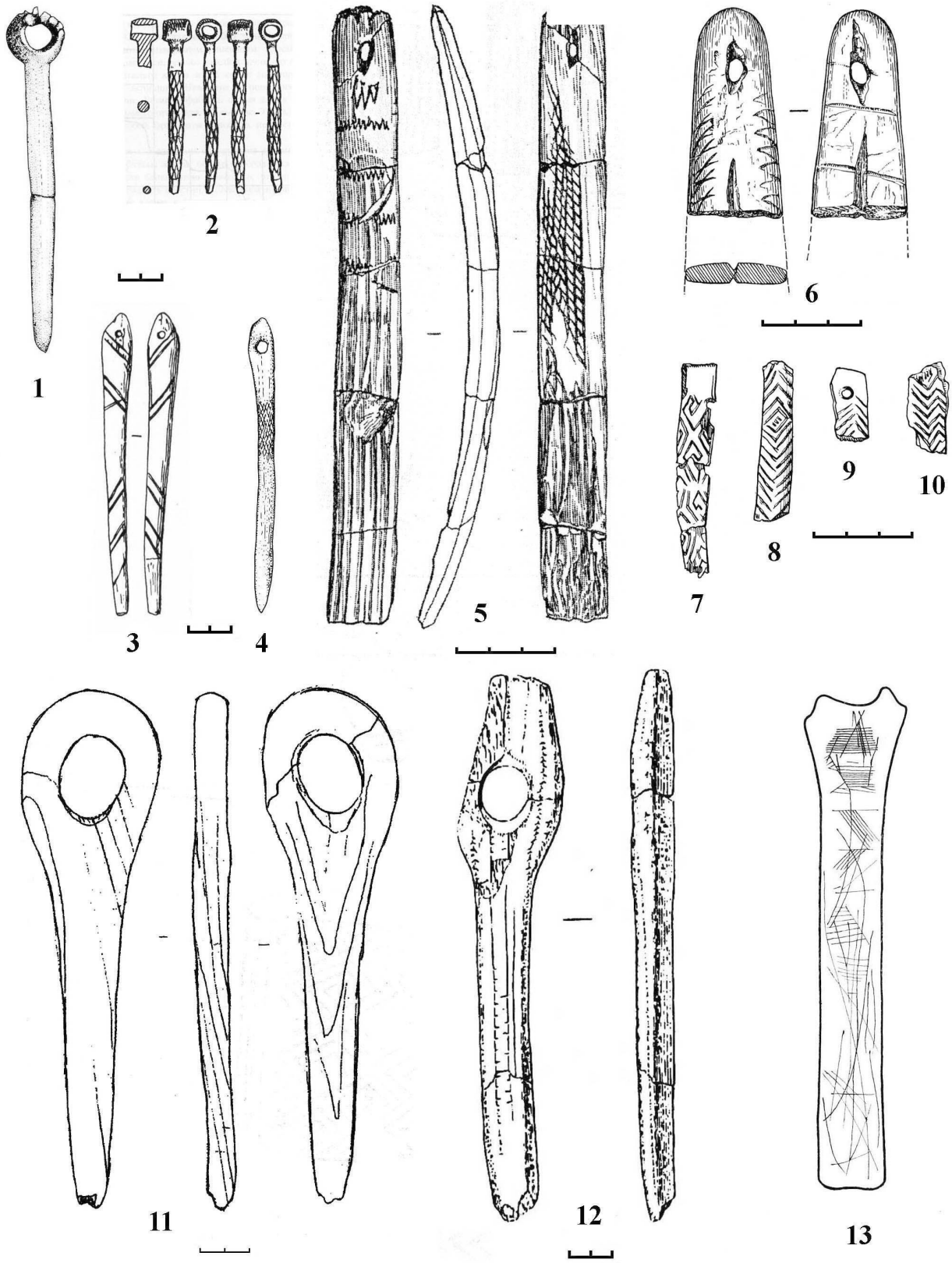
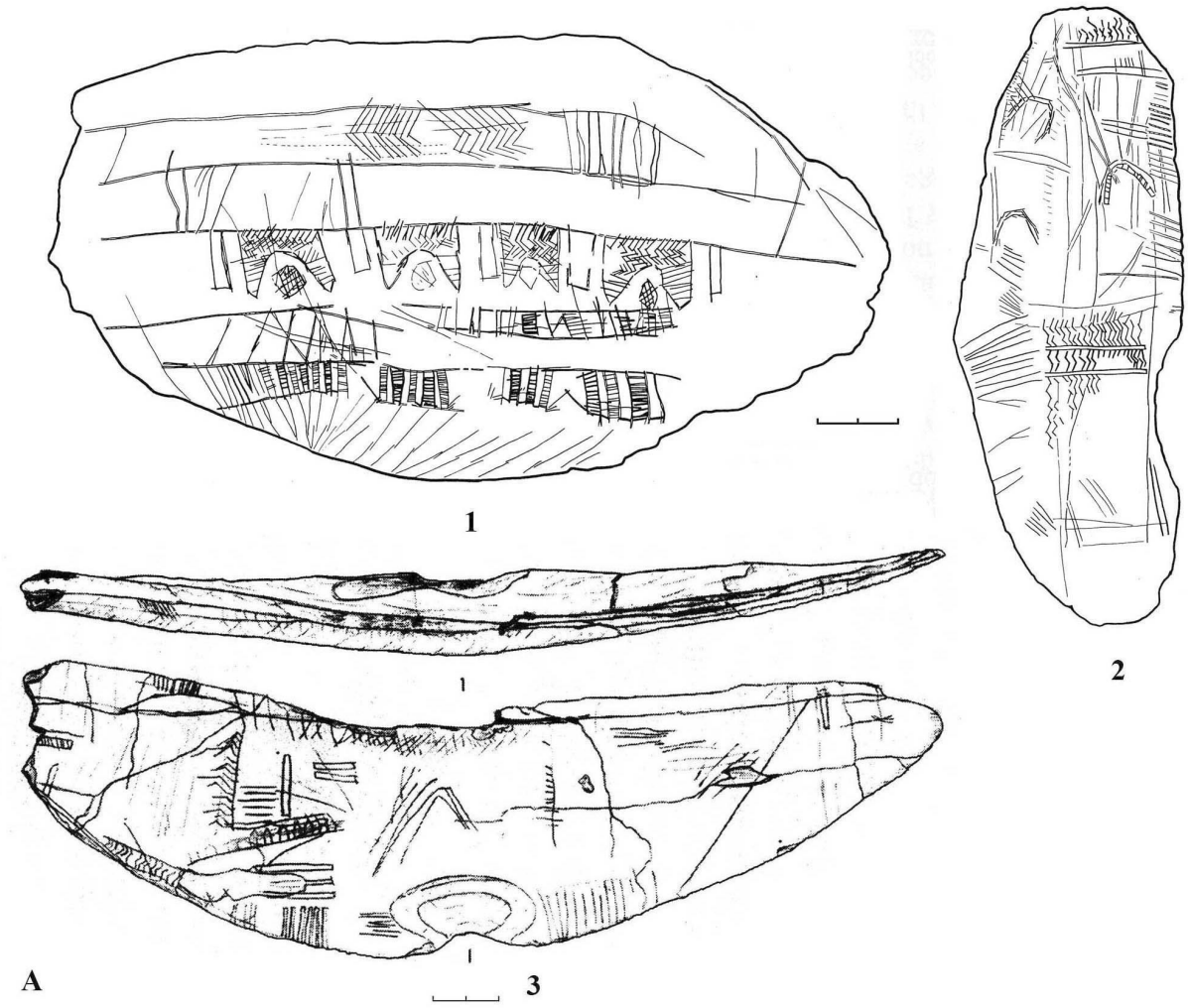

Рис. 122. Виды орнаментов на однотипных предметах из поселений восточного граветта (6) и эпиграветта (1–5, 7–13): 1, 13 — Межиричи; 2, 4, 5 — Юдиново 1; 6 — Костёнки 1; 3, 7–10, 11 — Мезин; 12 — Елисеевичи 2 (1, 4 по: Soffer, 1985. P. 78, fig. 2.70; p. 109, fig. 2.116; 2, 5 по: Григорьева, 2000; 6–10 по: Абрамова, 1962. С. 106, табл. XVIII; с. 121, табл. XXXIII; 11 по: Хлопачёв, 2006. С. 224, рис. 149; 12 по: Величко, Грехова и др., 1997. С. 146, рис. 65; 13 по: Пидопличко, 1976).

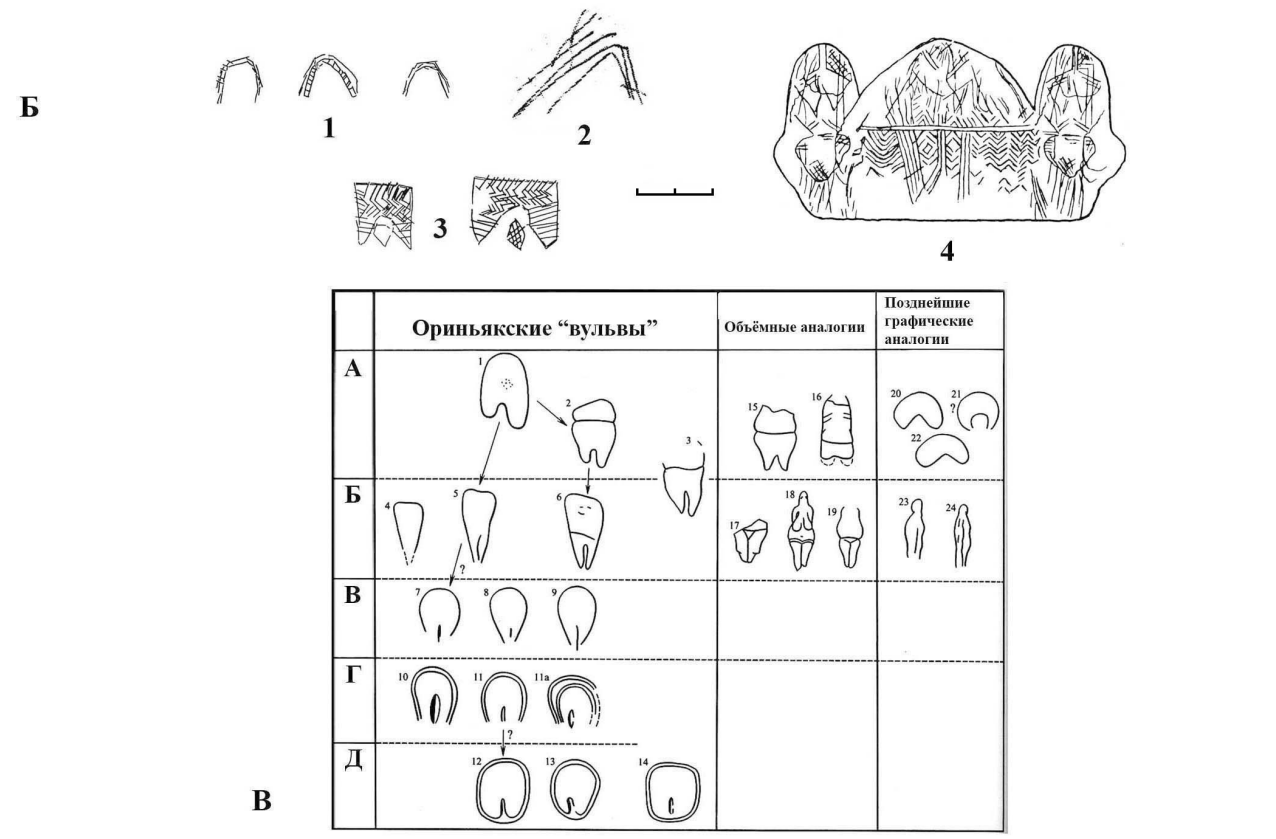

Рис. 123. Семантика знаков на «чурингах» Межиричской и Елисеевичской стоянок: А — рисунки на «чурингах»: 1 — Межиричи; 2, 3 — Елисеевичи 1 (1, 2 по: Marshack, 1979. P. 290, fig. 39; 3 по: Хлопачев, 2006. С. 151, рис. 101); Б — Женские знаки: 1, 2 — Елисеевичи 1; 3 — Межиричи; 4 — Мезин (по: Абрамова, 1962. С. 120, табл. XXXII). В. Типология женских знаков по А. Д. Столяру (Столяр, 1985. С. 246, рис. 232).

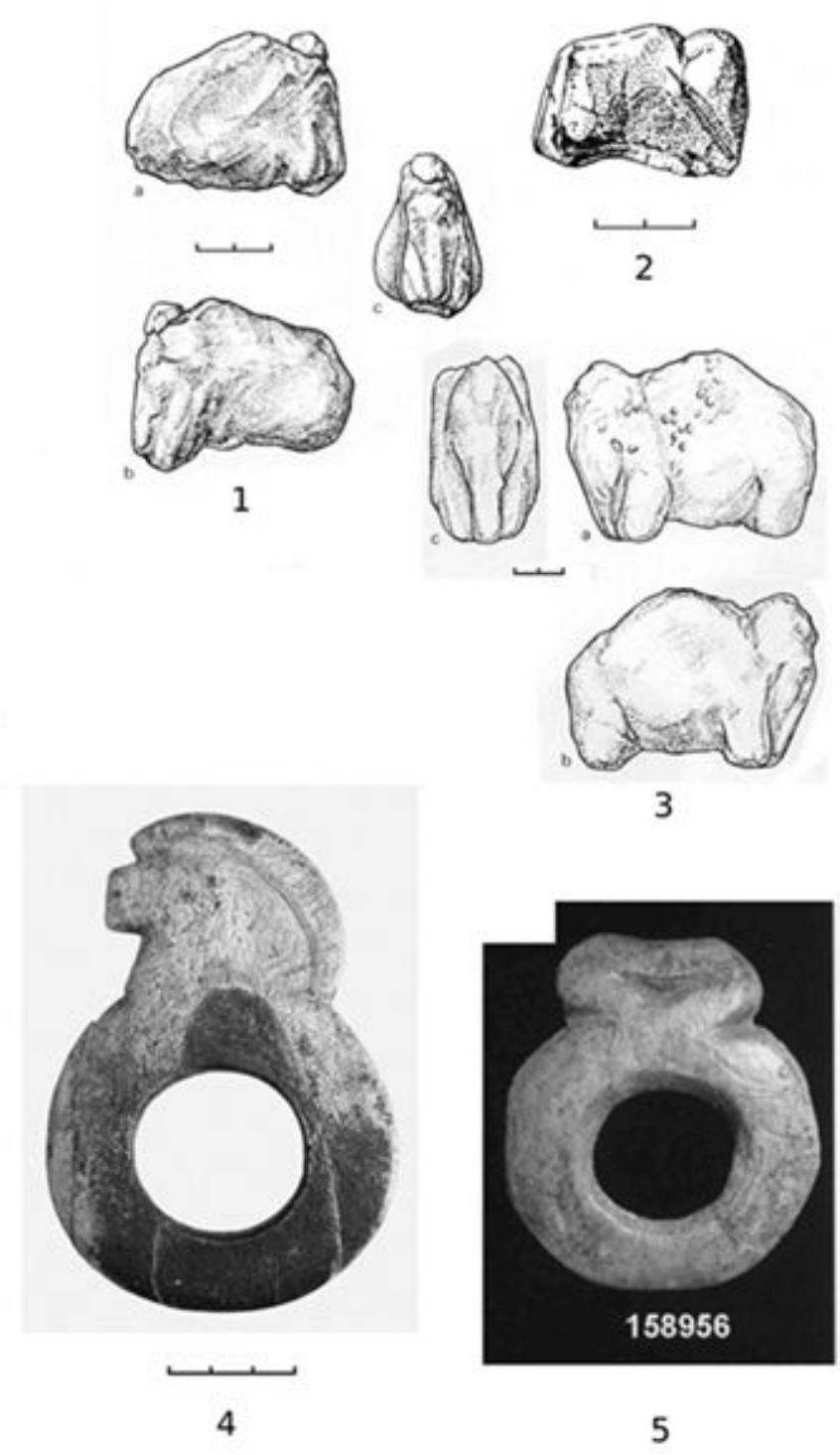

Рис. 124. Аналогии в зооморфной скульптуре среднерусских стоянок восточного граветта и эпиграветта: 1, 3 — Авдеево; 2 — Елисеевичи 1; 4 — Быки 7; 5 — Павлов 1 (увеличено пропорционально размерам предмета из раскопок стоянки Быки 7). (1, 3 по: Gvozdover, 1995. P. 126, fig.82; p. 127, fig. ; 2 по: Величко, Грехова и др., 1997; 4 по: Ахметгалеева, 2005б. С. 74, рис. 4; 5 по: Svoboda, 2005. P. 369, fig. 7).

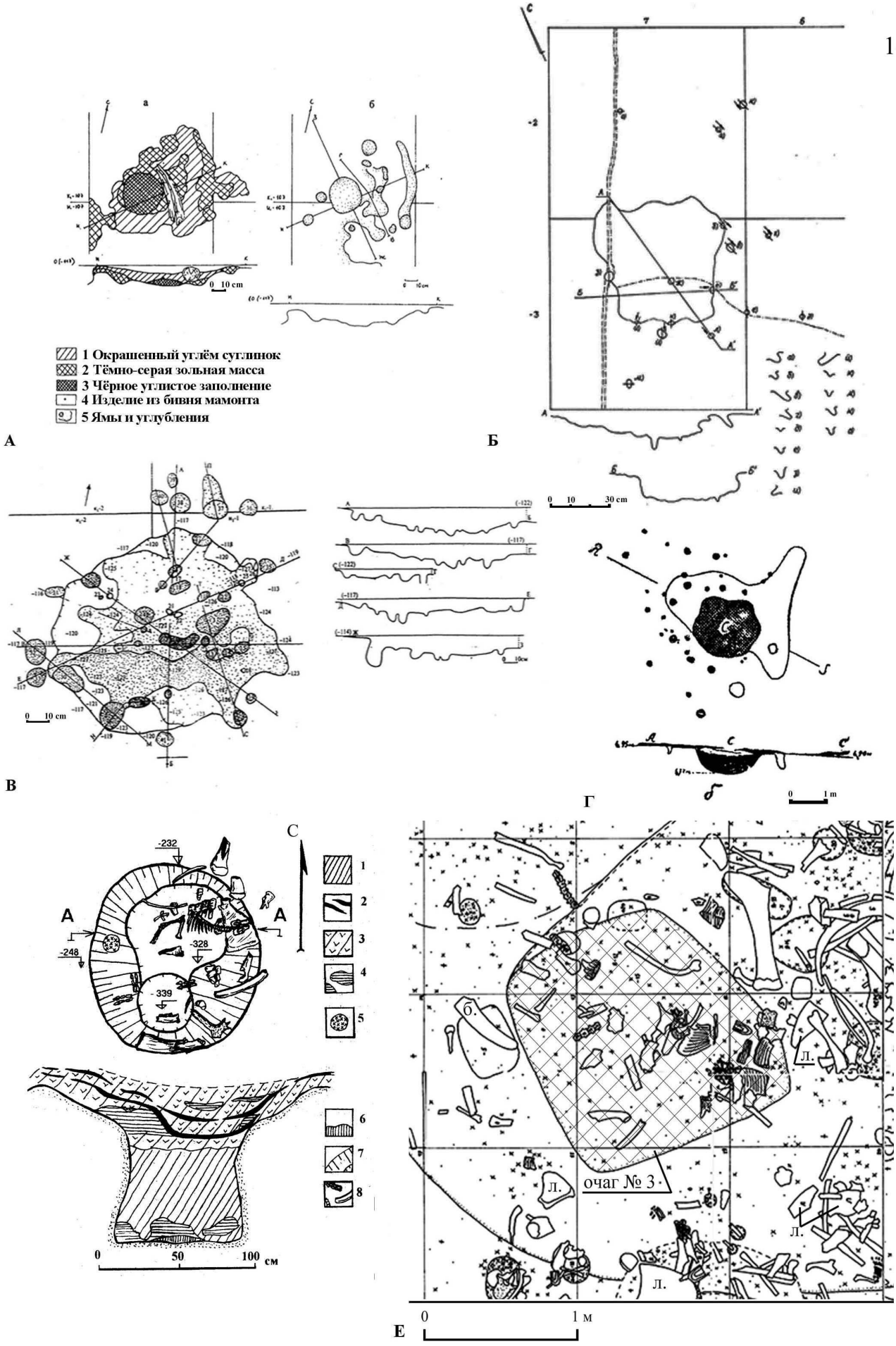
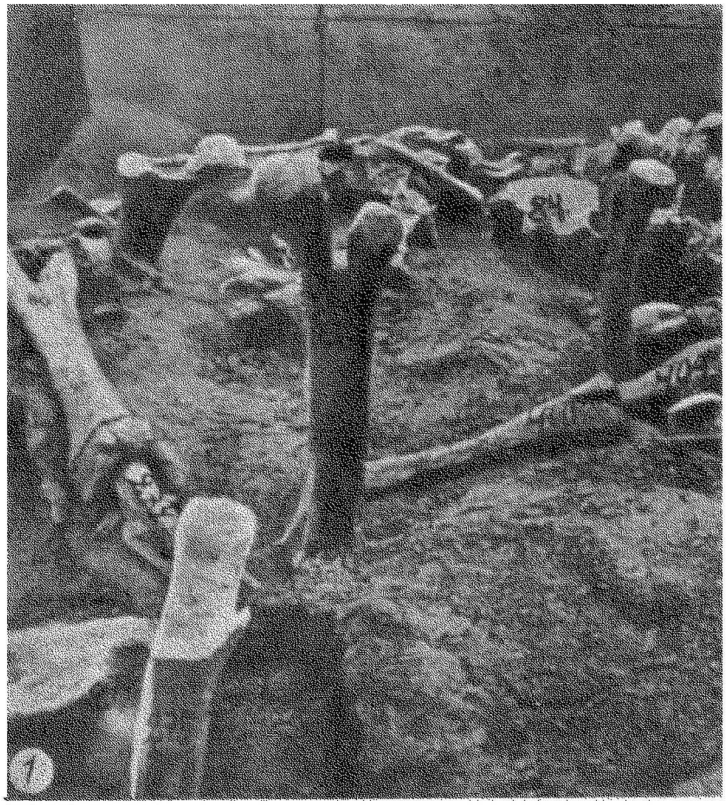
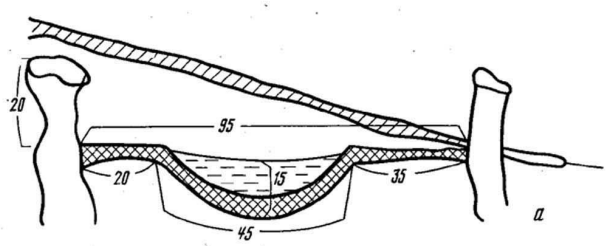

Рис. 125. Очаги: А — Пушкари I, очаг малого жилища (по: Паненкова, 1997. С. 88, рис. 3); Б — Хотылёво 2, очаг 2000 г.; В — Пушкари I, внешний очаг (по: Беляева, 2002. Вкладка, рис. 45); Г — Гонцы, очаг в жилище горизонта k (по: Левицький, 1949. Рис. 4); Д — Быки 1, очаг в углубленном жилище (по: Чубур, 2001. С. 41, рис. 44): 1 — супесь с культурными остатками; 2 — золистые прослойки; 3 — золистая супесь; 4 — глина; 5 — охра; 6 — глеистая прослойка; 7 — границы ям; 8 — кости; Е — Хотылёво 2, очаг № 3.

А

Б

Рис. 126. Очаги с вертикально стоящими костями: А — Межирич, жилище № 1 (по: Пидопличко, 1976. Рис. 43); Б — Мезин, ХБК № 2 (по: Сергин, 1987. С. 58, рис. 29, 30): 1 — культурный слой; 2 — часть заполнения лунки; 3 — очажный слой.

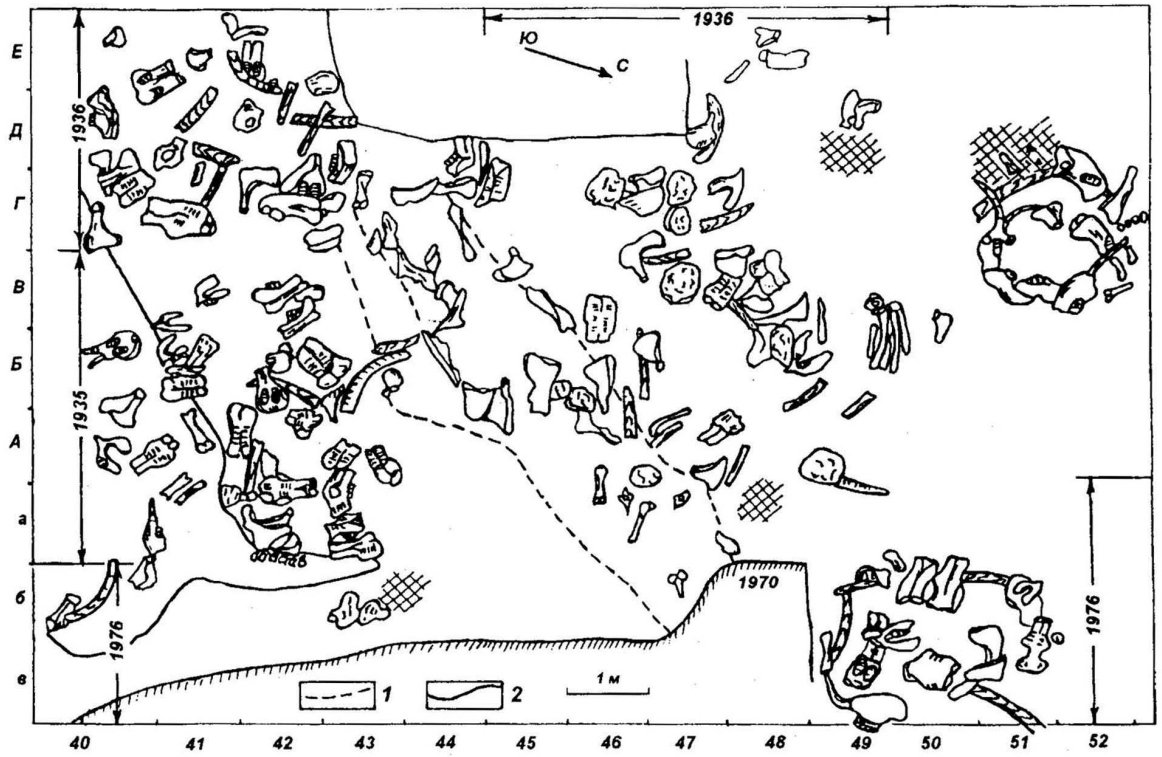

Рис. 127. План центральной части стоянки Елисеевичи I (по: Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997. С. 107, рис. 44): 1 — направление мерзлотной трещины; 2 — граница зольника.

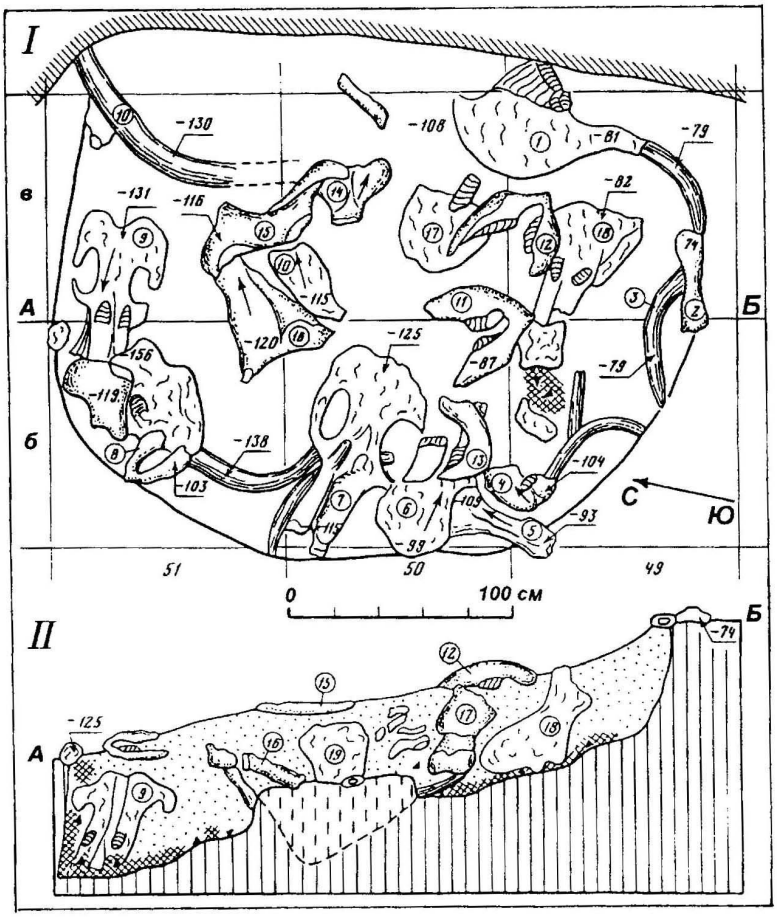

Рис. 128. План (I) и профиль (II) ямы-хранилища № 3 на стоянке Елисеевичи I (по: Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997. С. 104, рис. 41).

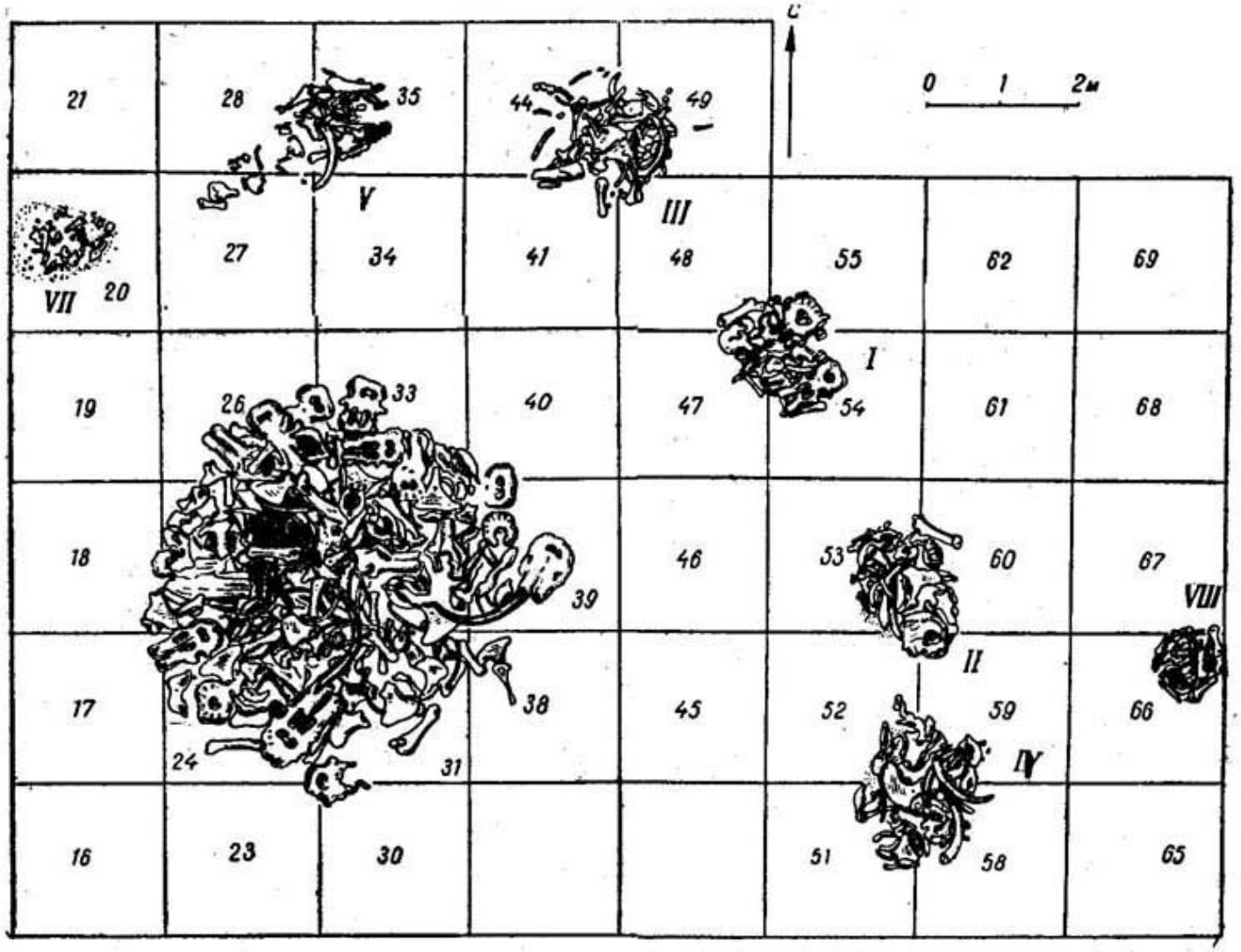

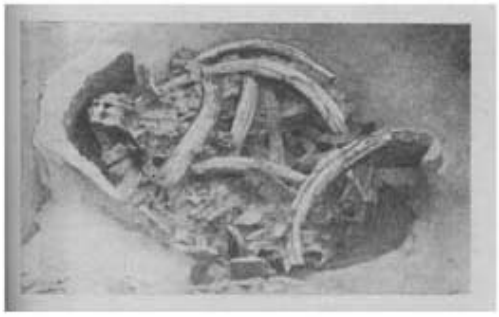

Рис. 129. Мезин, план размещения ям-хранилищ на площади ХБК № 1 (по: Шовкопляс, 1965. С. 83, рис. 41).

А

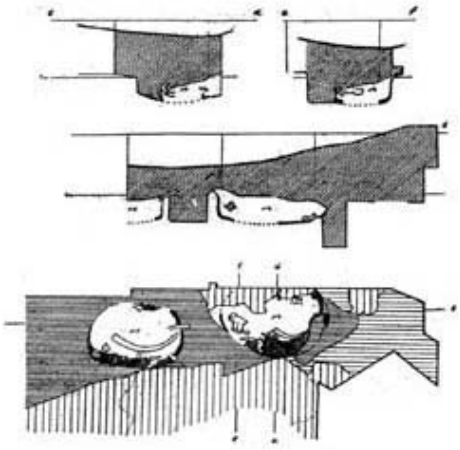
В

Г

Б

Д

Рис. 130. Ямы-хранилища среднеднепровского типа: А — Мезин, ямы-хранилища I, II и IV (по: Шовкопляс, 1965. С. 85, рис. 43); Б — Мезин, яма-хранилище I (по: Шовкопляс, 1965. С. 85, рис. 44); В — Гонцы, яма-хранилище № 4 (по: Сергин, 1983. Рис. 1); Г — Гонцы, яма-хранилище № 5 (по: Сергин, 1983. Рис. 2); Д — Гонцы, ямы-хранилища № 4 и 5 (по: Левицький, 1949. Рис. 13).

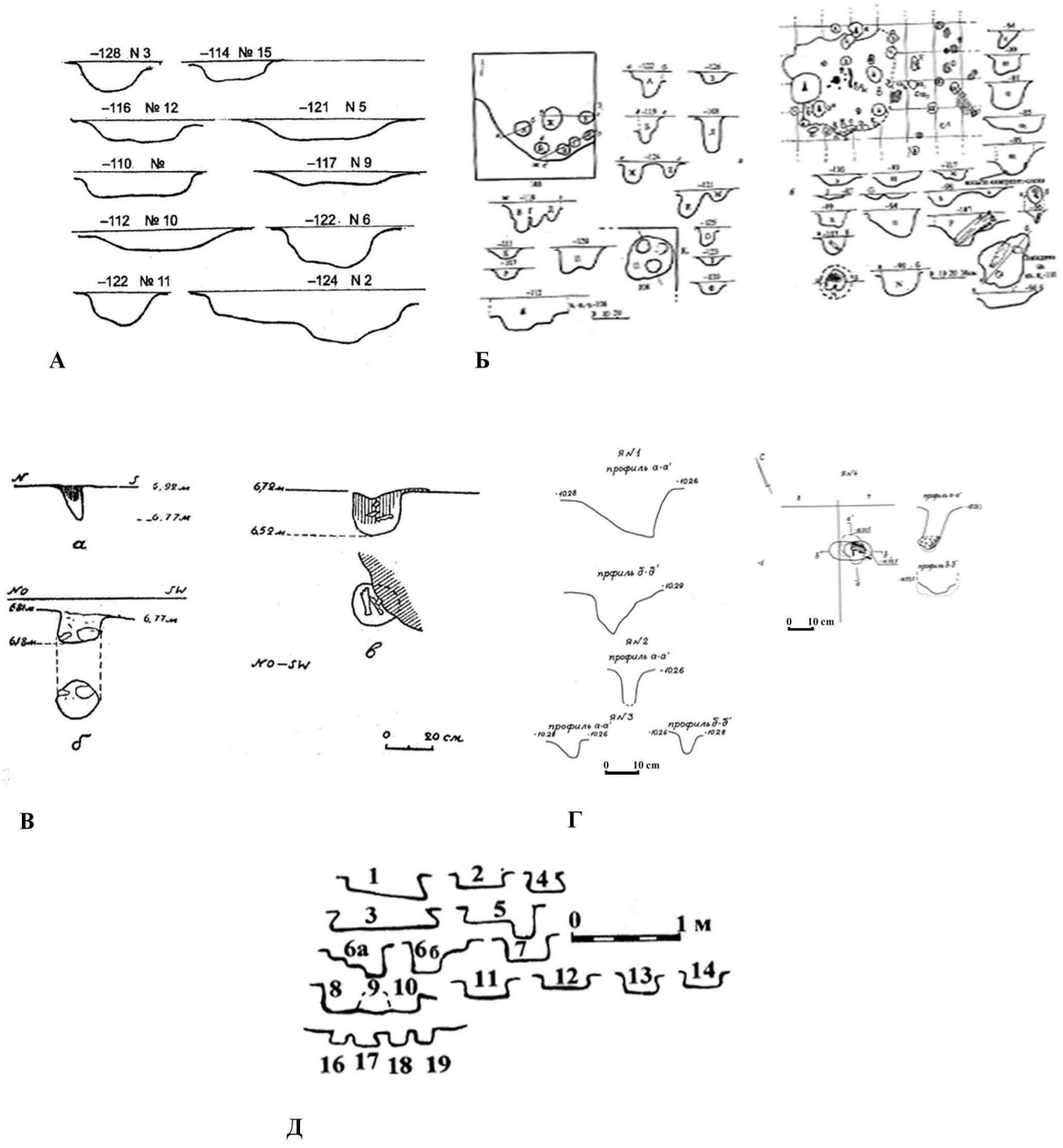

Рис. 131. Жилищные ямки: А — Пушкари I, профили ям, окружавших внешний очаг (по: Беляева, 2002. С. 124, рис. 46); Б — Пушкари I, профили ям, связанных с малым жилищем (по: Беляева, 2002. С. 110-111, рис. 38); В — Гонцы, ямы, связанные с остатками жилища в горизонте k (по: Левицький, 1949. Рис. 5); Г — Хотылёво 2, профили ям, располагавшихся под выбросом из очага 2000 г.; Д — Быки 1, профили ям, связанные с полуземлянкой (по: Чубур, 2001. С. 39, рис.41).

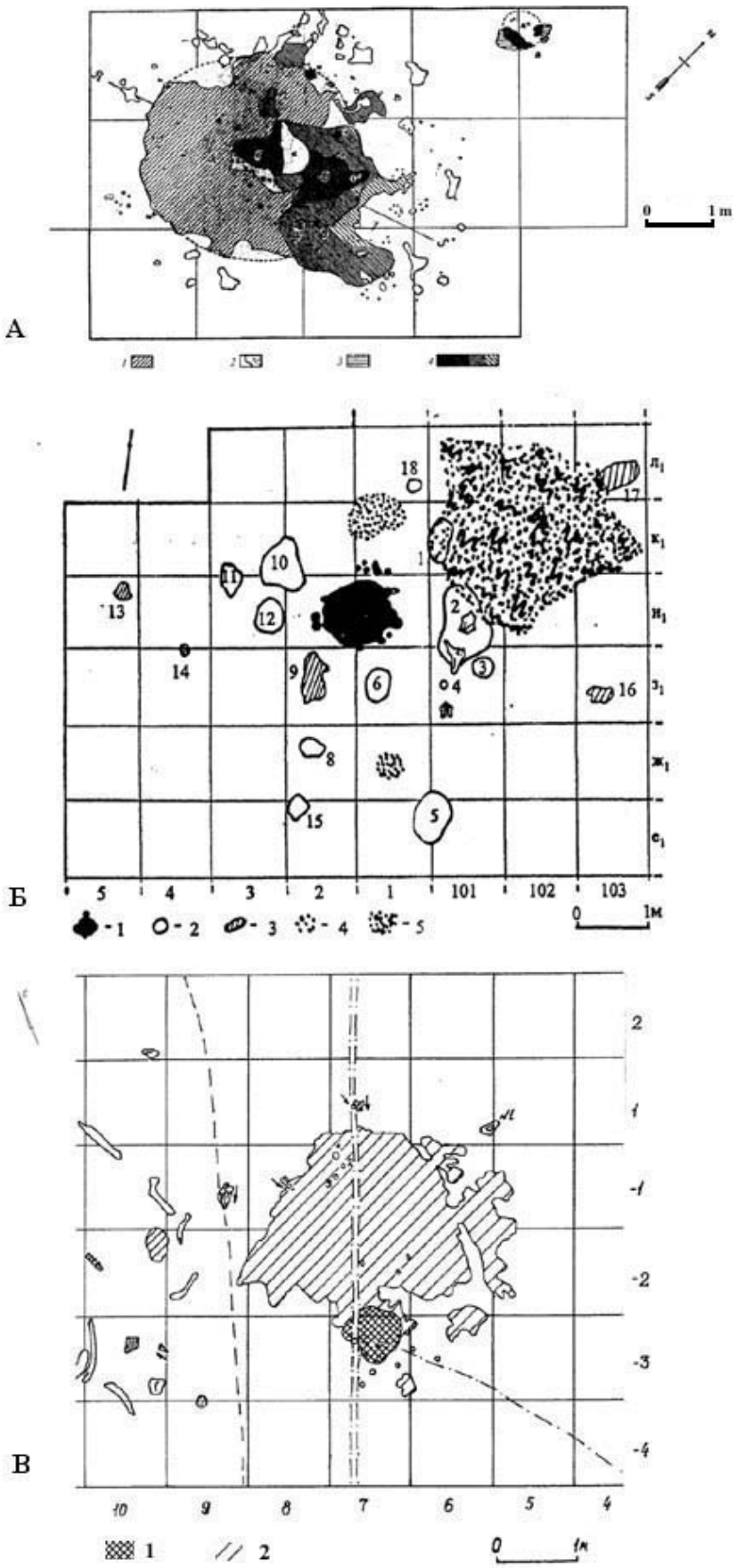

Рис. 132. Распространение жилищных ямок вокруг очагов, не связанных с остатками углубленных жилищ: А — Гонцы, горизонт k (по: Левицький, 1949. Рис. 4): 1 — скопление охры; 2 — скопление ретушированных орудий; 3 — скопление глины; 4 — скопление обугленных костей; Б — Пушкари I, комплекс объектов внешнего очага (по: Беляева, 2002. С. 114, рис. 39): 1 — очаг; 2 — ямы; 3 — западины; 4 — скопления кремня; 5 — углисто-кремнистые скопления; В — Хотылёво 2, комплекс объектов очага 2002 г.: 1 — очаг; 2 — скопление угля и кремня, подстилавшееся скоплением охры.

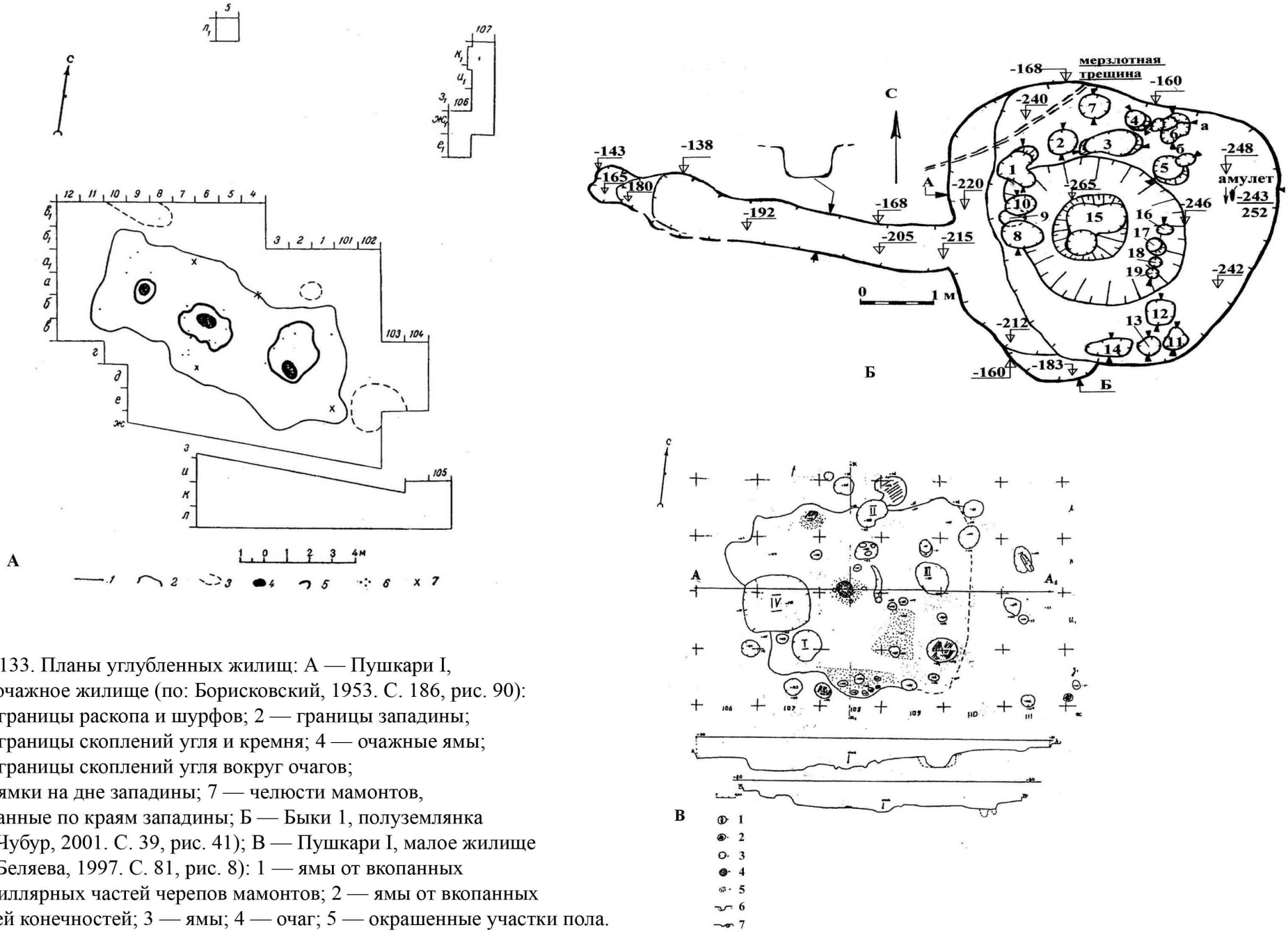
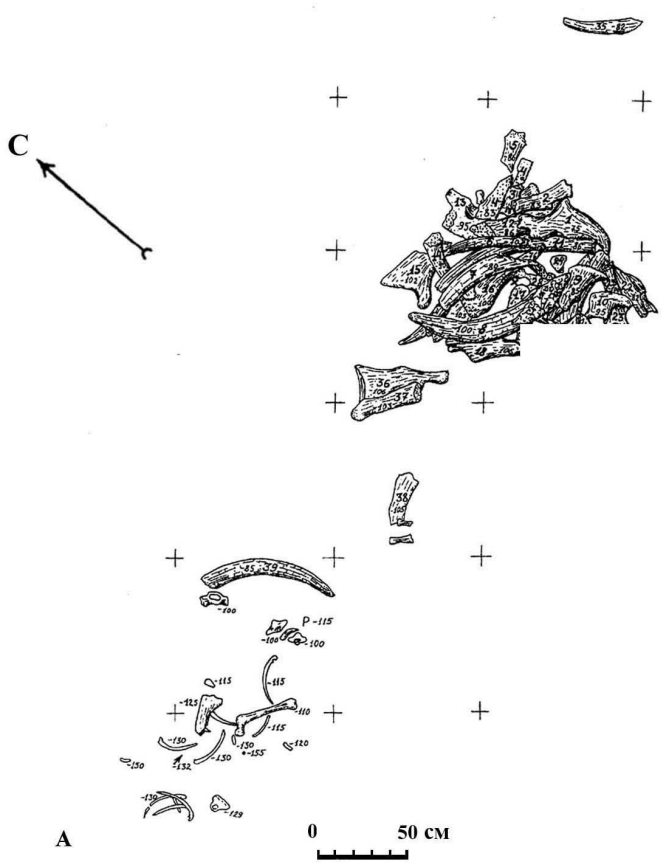
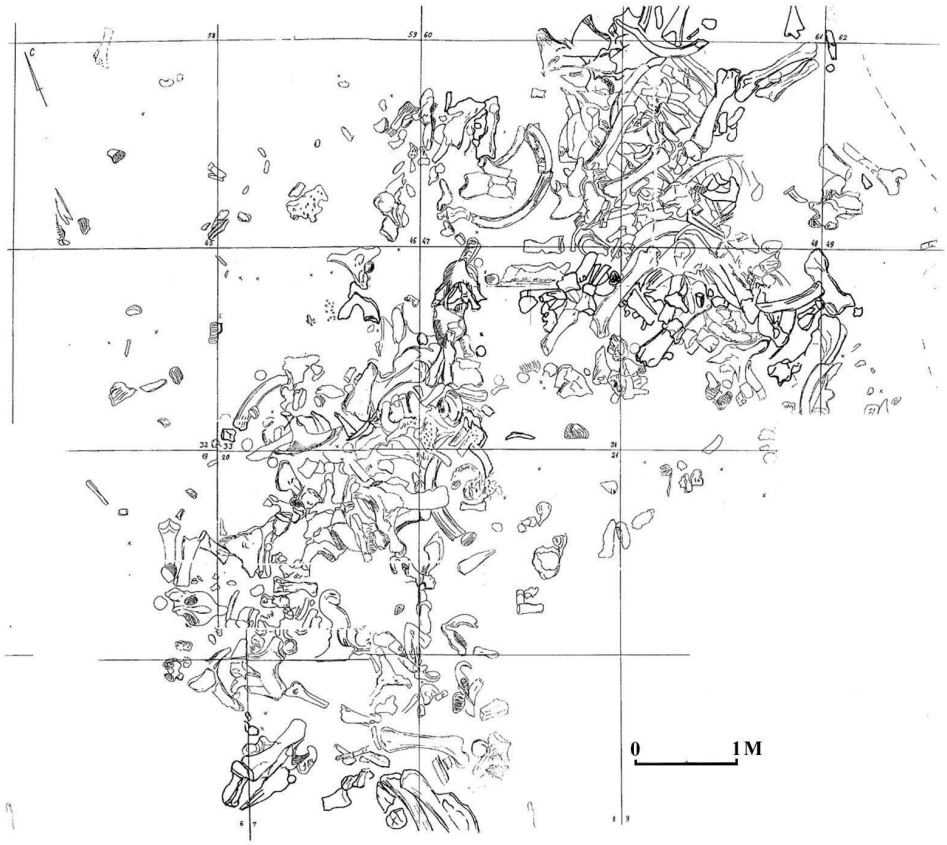

Рис. 133. Планы углубленных жилищ: А — Пушкари I, трехочажное жилище (по: Борисковский, 1953. С. 186, рис. 90): 1 — границы раскопа и шурфов; 2 — границы западины; 3 — границы скоплений угля и кремня; 4 — очажные ямы; 5 — границы скоплений угля вокруг очагов; 6 — ямки на дне западины; 7 — челюсти мамонтов, вкопанные по краям западины; Б — Быки 1, полуземлянка (по: Чубур, 2001. С. 39, рис. 41); В — Пушкари I, малое жилище (по: Беляева, 1997. С. 81, рис. 8): 1 — ямы от вкопанных максиллярных частей черепов мамонтов; 2 — ямы от вкопанных костей конечностей; 3 — ямы; 4 — очаг; 5 — окрашенные участки пола.

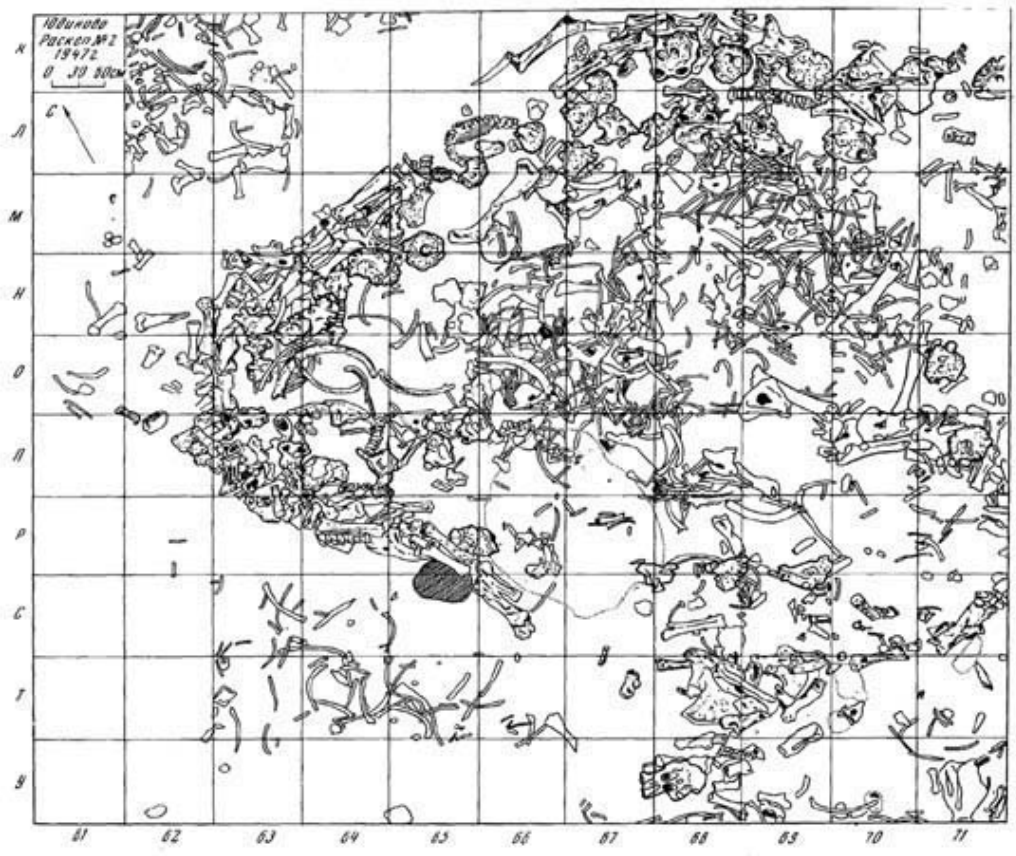

А

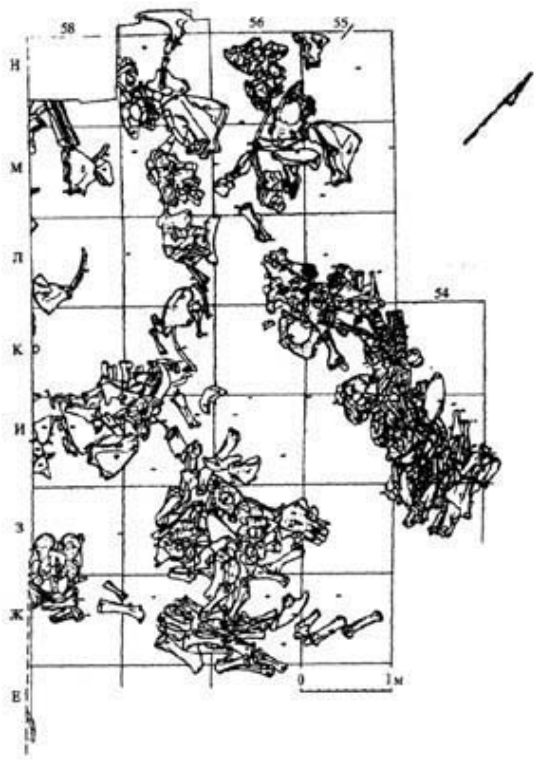

Б

Рис. 134. Скопления преднамеренно отобранных костей мамонта:
А — Семёновка 1 (по: Нужний, 2015. С. 277, рис. 153);
Б — Радомышль, скопления № 1 и 2 (по: Шовкопляс И.Г. Отчет о работе Палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР по раскопкам Радомышльской стоянки в 1957 и 1959 гг.).

А

Б

Рис. 135. Жилища аносовско-мезинского типа: А — Юдиново 1, жилище № 1 (по: Рогачёв, 1970. С. 73, рис. 5); Б — Юдиново 1, жилище № 4 (по: Абрамова, Григорьева, 1997. С. 52, рис. 14).

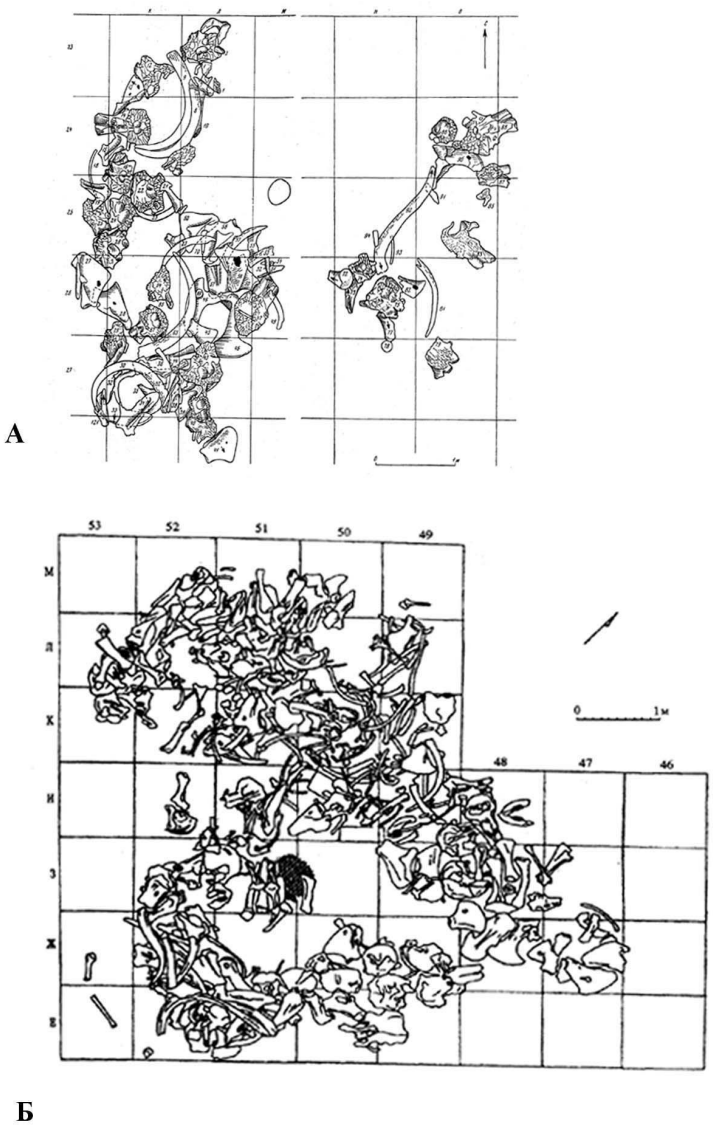

Рис. 136. Жилища аносовско-мезинского типа: А — Гонцы (по: Сергин, 1981. Рис. 1); Б — Юдиново 1, жилище № 3 (по: Абрамова, Григорьева, 1997. С. 53, рис. 13).

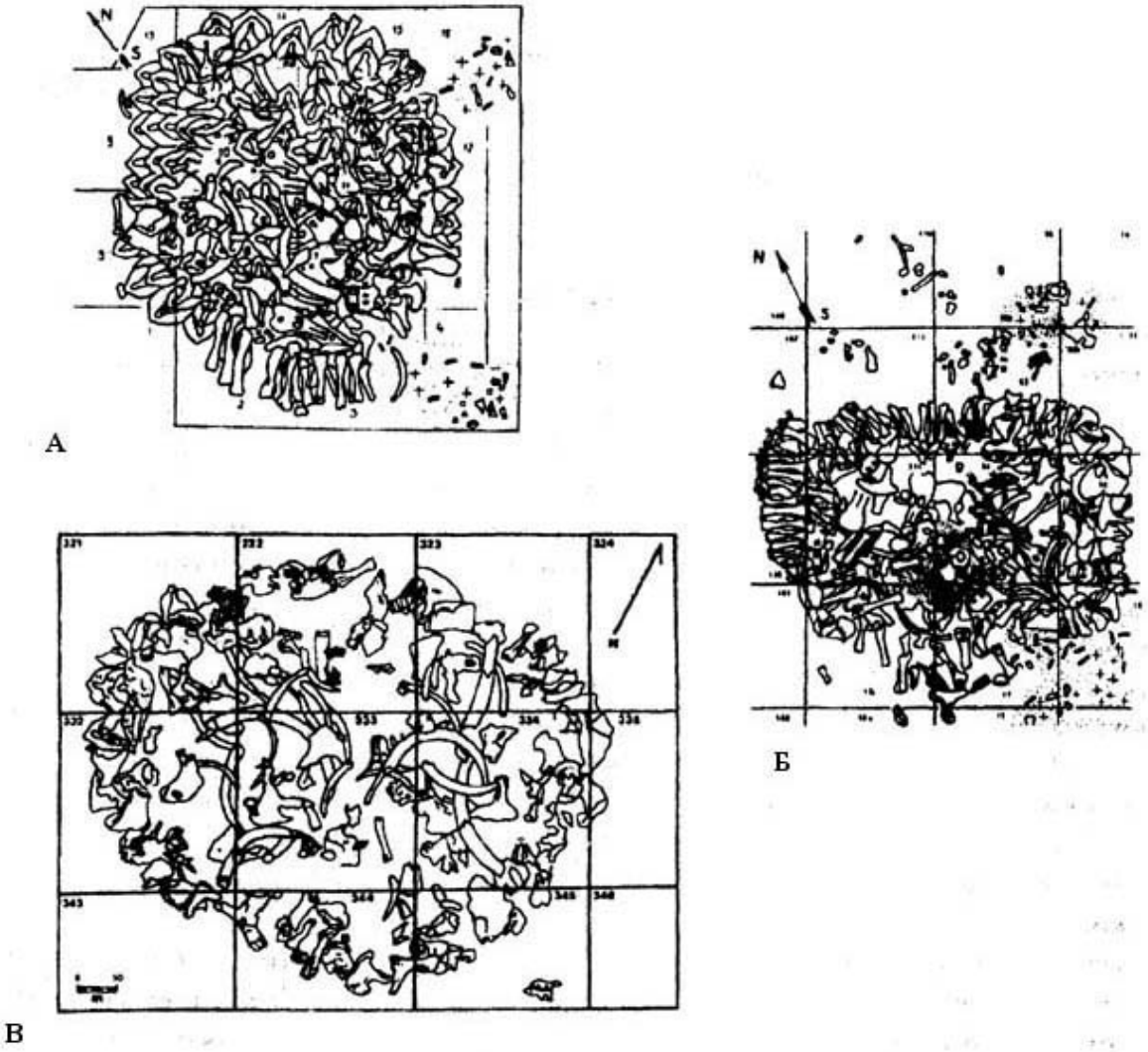

Рис. 137. Межиричские жилища аносовско-мезинского типа (по: Gladkih et al., 1984. Рис. 9):
А — жилище № 1; Б — жилище № 2; В — жилище № 4.

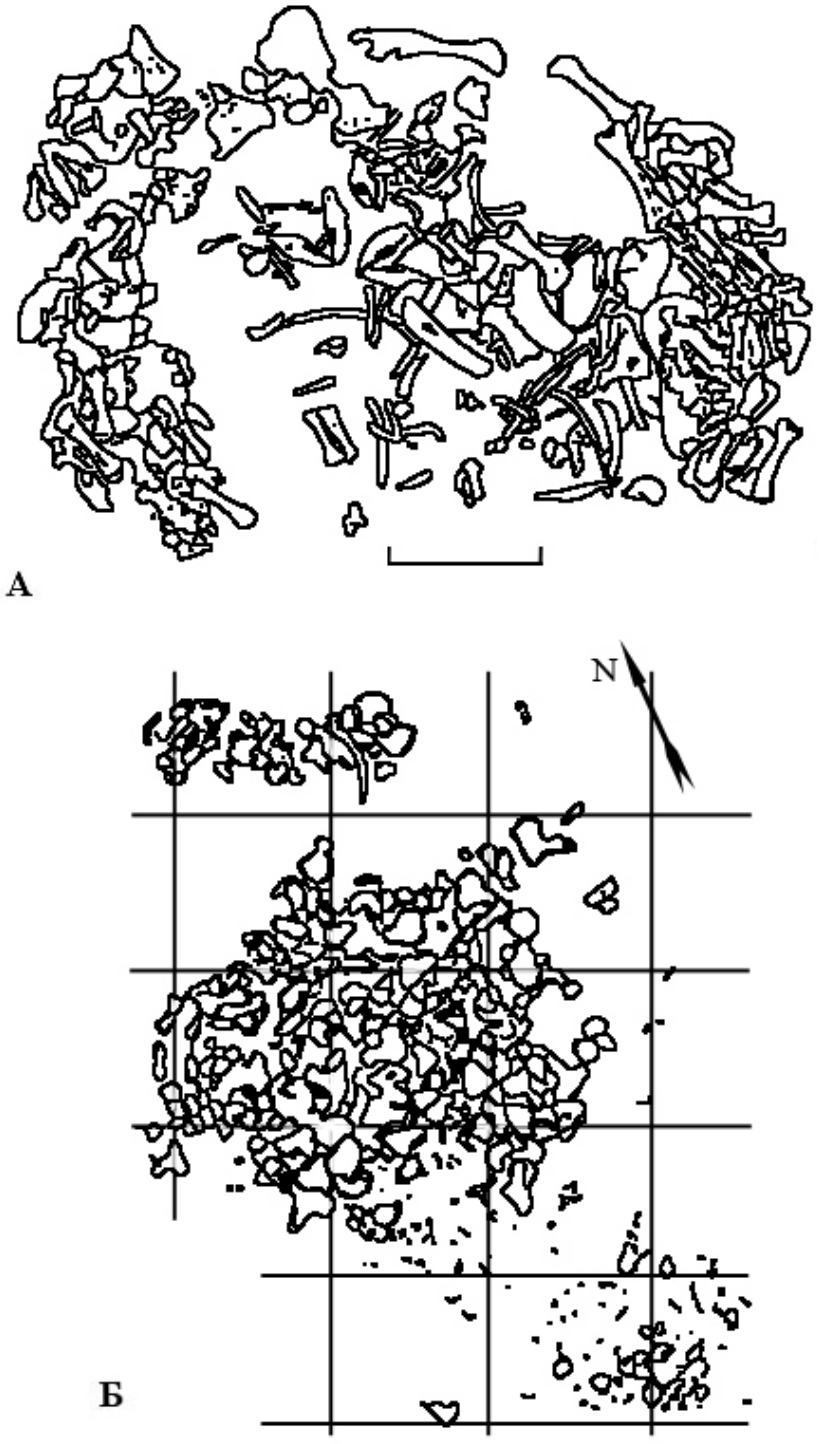

Рис. 138. Жилища аносовско-мезинского типа: А — Юдиново 1, жилище № 2 (по: Абрамова, Григорьева, 1997. С. 51, рис. 12);
Б — Межирич, жилище № 3 (по: Gladkih et al., 1984. Рис. 9).

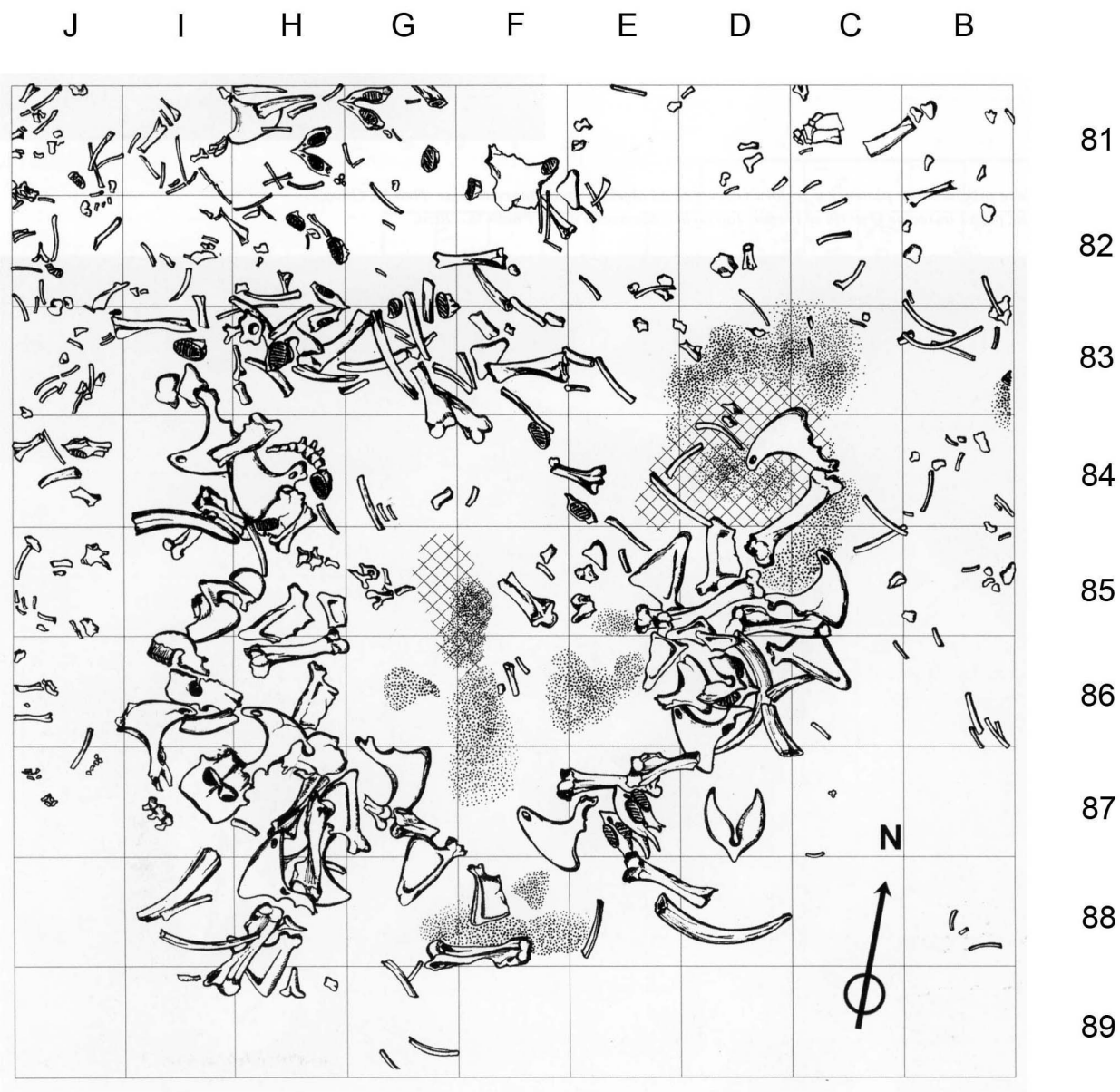

Рис. 139. Миловице 1, сектор G. Скопление преднамеренно отобранных костей мамонта (по: Oliva, 2009. P. 138, fig. 5).
Косой штриховкой обозначены участки красного прокаленного грунта, точками — зона концентрации угля.

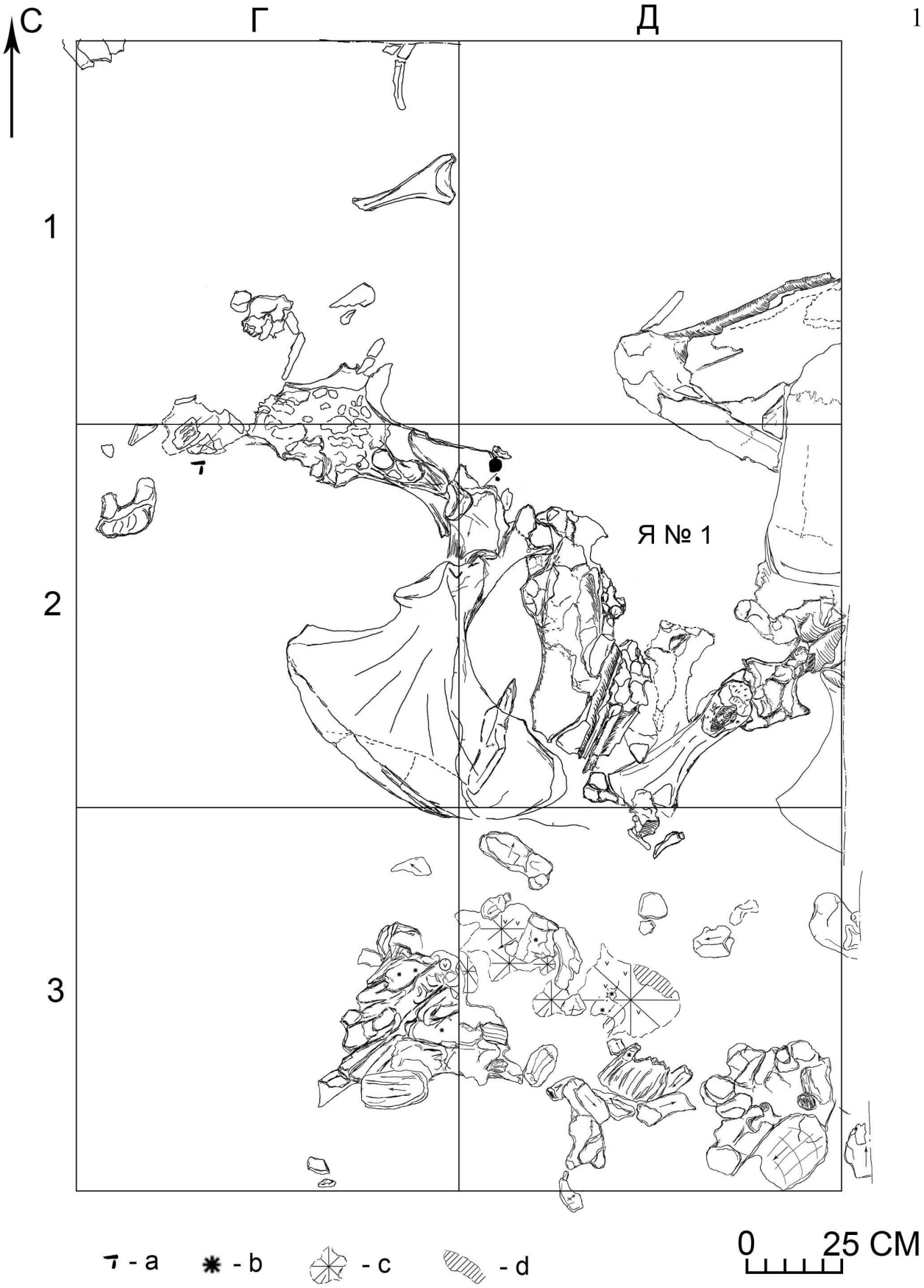

Рис. 140. Хотылёво 2, пункт В. Скопление костей мамонта из раскопа А, кв. Г–Д/1–3. Условные обозначения: a — кремень; b — кусок охры; c — скопление охры; d — скопление костного угля.

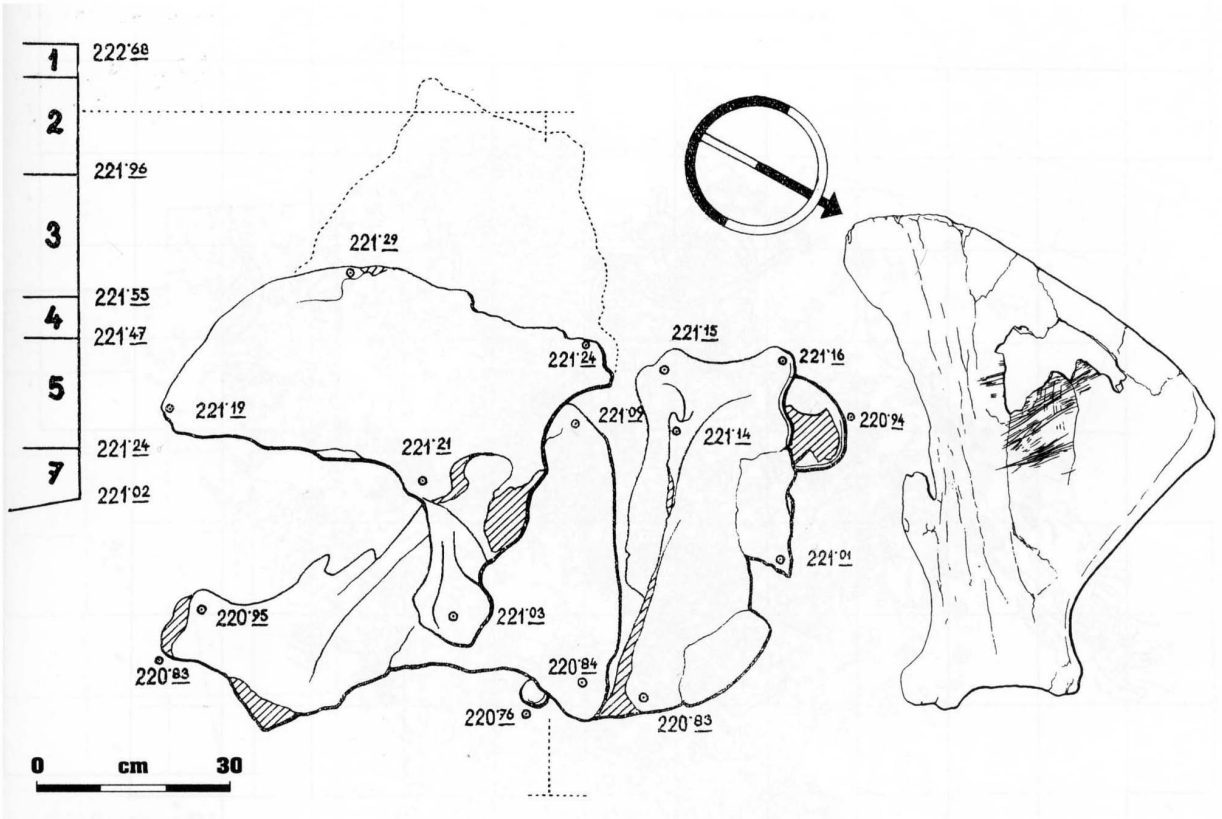

Рис. 141. Дольни Вестонице 1, перекрытие из костей мамонта над женским погребением (по: Klíma 1963. P. 142, obr. 55).

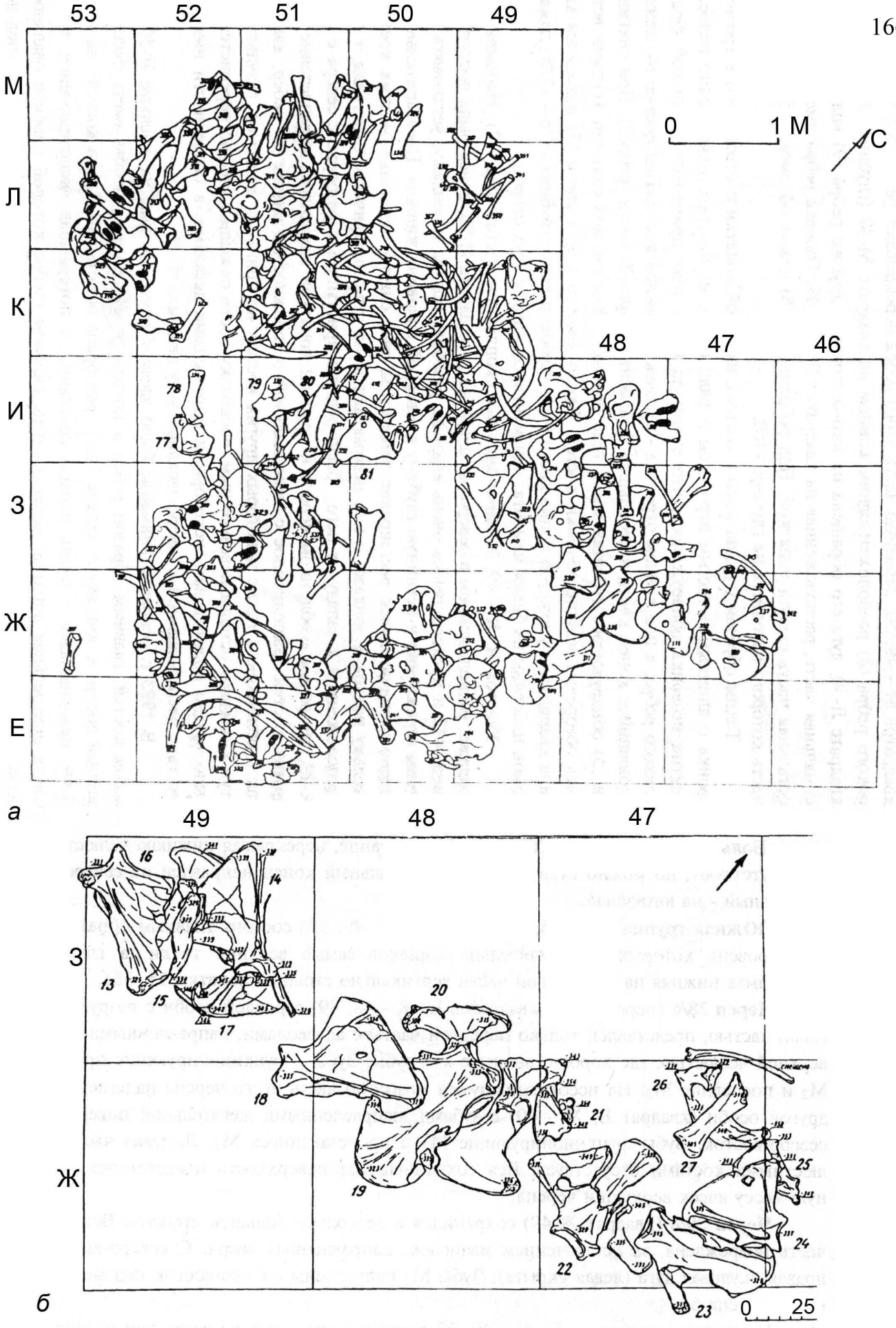

Рис. 142. Юдиново 1. Жилище № 3 (а) и группа плоских костей мамонта на кв. Ж–З/47–49 (б) (по: Абрамова, 1995. С. 45, рис. 19; с. 57, рис. 25).

Список иллюстраций

Рис. 1. Карта верхнепалеолитических стоянок Бассейна Десны и Среднего Поднепровья.

Рис. 2. Геоморфологическое и стратиграфическое положение палеолитических стоянок бассейна Средней Десны (по Величко, 1961; Величко и др., 1997, с исправлениями. Цит. по: Грибченко и др., 2019, рис. 2, с. 15).

Рис. 3. Распределение некалиброванных радиоуглеродных дат стоянок Хотылёво 2 и Бердыж.

Рис. 4. Распределение некалиброванных радиоуглеродных дат стоянок Пушкарёвской группы, Новгород-Северской, Оболонья и Радомышля.

Рис. 5. Распределение некалиброванных радиоуглеродных дат стоянки Авдеево.

Рис. 6. Авдеево, Новый объект. Профиль западной стенки траншеи 1972 года (по: отчёт М.Д. Гвоздовер об исследованиях Авдеевской палеолитической стоянки в 1972 году – Архив ИА РАН. Фонд Р-1, дело № 4923а, рис. 40).

Рис. 7. Общее распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок бассейна Десны и Среднего Поднепровья.

Рис. 8. Общее распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок бассейна Верхней Десны.

Рис. 9. Распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок бассейна Средней Десны, а также – стоянки Радомышль.

Рис. 10. Общее распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок Посеймья.

Рис. 11. Распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок группы Быки, а также – стоянок Октябрьское и Курск 1.

Рис. 12. Распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок Елисеевичи 1, Елисеевичи 2, Супонево, Тимоновка 1, Тимоновка 2.

Рис. 13. Распределение некалиброванных радиоуглеродных дат стоянки Юдиново 1.

Рис. 14. Распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок Межиричи, Добраничевка, Гонцы.

Рис. 15. Стоянка Межиричи. Профили стратиграфических разрезов у западной границы «жилища» № 4 (по: Haesaerts et al., 2015. P. 375, fig. 10).

Рис. 16. Распределение радиоуглеродных некалиброванных дат верхнепалеолитических стоянок Мезин, Бармаки, Семёновка 1-3, Бужанка 2.

Рис. 17. Панорама памятников археологии к западу от с. Хотылёво. Вид с левого берега р. Десны. Б — Вид на Кладбищенскую балку со стороны поймы р. Десны. В — топографический план места расположения стоянки Хотылёво 6 (выполнен Ю. Н. Грибченко).

Рис. 18. Хотылёво 6, профиль южной стенки раскопа 1. Номера слоёв соответствуют описанию в тексте.

Рис. 19. Хотылёво 6, раскоп 1, культурный слой 3. Верхний уровень фиксации.

Рис. 20. Хотылёво 6, раскоп 1, культурный слой 3. Нижний уровень фиксации.

Рис. 21. Хотылёво 6, культурный слой 3. Планы и профили ямок: 1) я. 1; 2) я. 2; 3) я. 4.

Рис. 22. Хотылёво 6, шурф № 4, культурный слой 3. План расположения находок. Серой линией отмечен контур шурфа, показанный на рис. 20.

Рис. 23. Хотылёво 6, стратиграфические разрезы культурного слоя 3.

Рис. 24. Хотылёво 6, культурный слой 3, 1-й уровень снятия. Планиграфия пластин и отщепов.

Рис. 25. Хотылёво 6, культурный слой 3, 2-й уровень снятия. Планиграфия пластин и отщепов.

Рис. 26. Хотылёво 6, культурный слой 3, 1-й уровень снятия. Планиграфия ретушёров и чешуек.

Рис. 27. Хотылёво 6, культурный слой 3, 2-й уровень снятия. Планиграфия ретушёров и чешуек.

Рис. 28. Хотылёво 6, культурный слой 3, 1-й уровень снятия. Планиграфия кремнёвых орудий.

Рис. 29. Хотылёво 6, культурный слой 3, 2-й уровень снятия. Планиграфия кремнёвых орудий.

Рис. 30. Хотылёво 6, культурный слой 3. Микропрофили залегания кремнёвых предметов по линии север-юг.

Рис. 31. Хотылёво 6, культурный слой 3. Микропрофиль залегания кремнёвых предметов, наложенный на профиль брянской почвы, линия кв. Б-Ж/4.

Рис. 32. Хотылёво 6, культурный слой 3. Пренуклеус.

Рис. 33. Хотылёво 6, культурный слой 3. Нуклевидный скребок «с рыльцем».

Рис. 34. Хотылёво 6, культурный слой 3. Отщепы и пластины.

Рис. 35. Хотылёво 6, культурный слой 3. Предметы с вторичной обработкой.

Рис. 36. Хотылёво 6, культурный слой 3. Предметы с вторичной обработкой.

Рис. 37. Панорама верхнепалеолитических памятников у западной окраины с. Хотылёво, вид с левого берега р. Десны.

Рис. 38. Хотылёво 2 — пункт Д. Пластины с притупленным краем из культурного слоя 1.

Рис. 39. Хотылёво 2 — пункт Д, раскоп 1. Стратиграфия отложений, вмещающих культурные слои.

Рис. 40. Стоянка Хотылёво2 — пункт Д, второй культурный слой. I — погребенная почва; II — кремневые изделия из к.сл. 2.

Рис. 41. Стоянка Хотылёво2 — пункт Д, третий культурный слой. I — слой пожарища; II — фрагменты кремневых пластин.

Рис. 42. Вид на стоянку Хотылёво 2 — пункт Д и городище «Кудеярка» со стороны западной окраины с. Хотылёво. Стрелками обозначены: 1 — пункт Д; 2 — городище «Кудеярка».

Рис. 43. Городище «Кудеярка», шурф 7, к.сл. 3. Изделия из расщеплённого кремня. 1, 3 — скребковидные предметы на отщепах; 2 — резец; 4, 8, 9 — чешуйки; 5 — отщеп обожжённый (кремнёвая галька); 6, 7 — микропластинчатые сколы; 10 — фрагмент кремнёвой плитки; 11 — отщеп.

Рис. 44. Распространение памятников граветта на территории Восточной Европы. 1 — Збитенка; 2 — Межигирцы; 3 — Замостье I; 4 — Дорошивцы III; 5 — Оселивка I; 6 — Вороновица 1 и Бабин 1; 7 — Молодова 1 и 5; 8 — Кормань 4; 9 — Миток-Малу Галбен; 10 — Трояново 4; 11 — Мира, сл. 2; 12 — Ямы; 13 — Клюсы; 14 — Пушкари I; 15 — Бердыж; 16 — Хотылёво 2; 17

— Авдеево; 18 — Зарайск; 19 — Гагарино; 20 — Костенки I, сл. 1, Костенки 4, Костенки 8, сл. 2, Костенки 13, Костенки 18, Костенки 21, сл. 3, Борщево 5; 21 — Сюрень 1.

Рис. 45. Пластины и микропластины с притуплённым краем восточного граветта бассейна Десны. 1-41: Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008. С. 195, рис. 95); 42-62: Авдеево (по: Гвоздовер, 1998. С. 244, рис. 7. С. 269, рис. 23); 63–65, 71: Пушкари I (по: Рогачёв, Аникович, 1984. С. 241, рис. 77); 66–70, 72–80: Клюсы (по материалам И. Г. Шовкопляса); 81-85: Октябрьское II, к.сл. 1 (по материалам С. Н. Алексеева); 86-90: Авдеево, верхний слой («МОП») (по: Булочникова, 2012. С. 55, рис. 14. С. 56, рис. 15).

Рис. 46. Острия с притуплённым краем памятников восточного граветта на территории бассейна Десны. 1–13: Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008. С. 195, рис. 95); 14–15: Авдеево (по: Гвоздовер, 1998. С. 269, рис. 23); 16–17: Октябрьское II (к.сл. 1) (по материалам С. Н. Алексеева); 18–24: Пушкари I (по: Рогачёв, Аникович, 1984. С. 241, рис. 77); 25–33: Клюсы (по материалам И. Г. Шовкопляса); 34, 35: Авдеево, верхний слой («МОП») (по: Булочникова, 2012. С. 55, рис. 14. С. 56, рис. 15).

Рис. 47. Наконечники с боковой выемкой в инвентаре стоянок восточного граветта бассейна Десны. 1–21: Авдеево (по: Гвоздовер, 1998. С. 260, рис. 17); 22–28: Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008. С. 194, рис. 94); 29–37: Октябрьское II (к.сл. 1) (по материалам С. Н. Алексеева); 38–40: Пушкари I (по: Рогачёв, Аникович, 1984. С. 241, рис. 77); 41, 42: Клюсы (по материалам И. Г. Шовкопляса); 43-45: Авдеево, верхний слой («МОП») (по: Булочникова, 2012. С. 55, рис. 14. С. 56, рис. 15).

Рис. 48. Листовидные острия в инвентаре памятников восточного граветта в бассейне Десны. 1–10,13: Авдеево (1–5, 7–10 по: Гвоздовер, 1998. С. 264, рис. 20; 6,13 по материалам М. Д. Гвоздовер и Г. П. Григорьева); 11: Октябрьское II, к. сл. 1 (по материалам С. Н. Алексеева); 12,14,15: Хотылёво 2 (12 – по: Gavrilov et al., 2015. P. 343, fig. 10; 14, 15 – по: Гаврилов, 2008. С. 200, рис. 100); 16,17: Клюсы (по материалам И. Г. Шовкопляса); 18: Пушкари I (по: Рогачёв, Аникович, 1984. С. 241, рис. 77).

Рис. 49. Ножи костёнковского типа и пластины с подтёской концов на памятниках восточного граветта бассейна Десны. 1–7, 23: Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008. С. 192, рис. 92; Gavrilov et al., 2015. P. 343, fig. 10); 8–15, 22: Авдеево (по: Гвоздовер, 1998. С. 250, рис. 13. С. 258, рис. 16; Булочникова, 2012. С. 56, рис. 15); 16,18: Пушкари I (по: Борисковский, 1953. С.); 17: Быки 7, сл. I (по: Ахметгалеева, 2015. С. 114, рис. 12); 19: Клюсы (по материалам И. Г. Шовкопляса); 20, 21: Октябрьское II, к.сл. 1 (по материалам С. Н. Алексеева).

Рис. 50. Статуэтки восточного граветта, выполненные по костёнковскому канону, изображающие зрелых женщин. 1, 2, 5 – Костёнки 1, I сл., комплекс I (по: Ефименко, 1958. С. 346, рис. 140. С. 347, рис. 141). 3, 4, 7, 8, 9 – Авдеево, Новый объект (3, 4, 7, 8 – по: Хлопачев, 2006. Илл. III, IV; 9 – по: Gvozdover, 1995. P. 136, fig. 96). 6 – Хотылёво 2, пункт В (по: Гаврилов, 2015б. С. 50, рис. 3). 10, 11 – Гагарино (по: Тарасов, 1979. С. 126, рис. 66. С. 128, рис. 68). 12 – Зарайск (по: Амирханов, Лев, 2009. С. 318-319).

Рис. 51. Женские статуэтки восточного граветта, выполненные по гагаринско-хотылёвскому канону. 1, 7 – Гагарино. 2 – Авдеево, верхний слой («МОП»). 3, 5, 8, 9 – Хотылёво 2, пункт А; 6 – Хотылёво 2, пункт В. 4 – Павлов I (1-3, 5-9 – по: Хлопачев, 2006. Илл. II, IX, XII; 4 – по: Абрамова, 2010. С. 215, Кат. 102.4; 6 – по: Гаврилов, Лев, 2017. С. 43, рис. 1).

Рис. 52. Сопоставление профилей статуэток, изготовленных по гагаринско-хотылёвскому (1) и костёнковскому (2) канонам. 1 – совмещение профилей статуэток из Хотылёво 2, приведённых к одному масштабу (по: Хлопачев, 1998. С. 30, рис. 8, с дополнениями). 2 – совмещение профилей статуэток из Авдеево, приведённых к одному масштабу (по: Гвоздовер, 1985а. С. 36, рис. 6).

Рис. 53. Статуэтки восточного граветта, выполненные по костёнковскому канону, изображающие беременных женщин. 1, 5 – Авдеево, Новый объект (по: Gvozdover, 1995. P. 143, fig. 105. P. 144, fig. 106). 2, 3, 6 – Костёнки 1, I сл., комплекс II (2, 3 – по: Абрамова, 2010. С. 262, Кат. 120,67 и 120,68; 6 – по: Дюпюи, 2016. С. 340, рис. 2). 4 – Гагарино (по: Тарасов, 1979. С. 132, рис. 70).

Рис. 54. Статуэтки восточного граветта, изображающие женщин с подогнутыми ногами. 1 – Авдеево, Новый Объект (по: Gvozdover, 1995. P., fig. 111). 2 - Костёнки 13 (по: Абрамова, 2010. С. 264, Кат. 121,1).

Рис. 55. Археологический контекст антропоморфной скульптуры первого комплекса стоянки Костёнки 1, I сл. (изображения фигурок и места их находок даны по: Ефименко, 1958. Рис. 140-160).

Рис. 56. Археологический контекст антропоморфной скульптуры Нового Объекта стоянки Авдеево (изображения фигурок и места их находок даны по: Gvozdover, 1995. Figs. 94, 98, 99, 101, 104, 105, 106, 108, 111).

Рис. 57. Археологический контекст так называемой незаконченной женской статуэтки из Авдеево, изготовленной по гагаринско-хотылёвскому канону (фиг. № 3). (Совмещённый план раскопов по: Булочникова, 2012. С. 50, рис. 3; изображение статуэтки по: Хлопачев, 2006. Илл. II).

Рис. 58. План-схема археологических комплексов пункта А стоянки Хотылево 2 и связанных с ними произведений искусства.

Рис. 59. Хотылёво 2, пункт В. Общий контекст залегания произведений искусства малых форм на площади раскопов Б и В. Условные обозначения: а) скопление костного угля и золы; б) скопление расколотого кремня; в) яма; г) вкопанные вертикально / наклонно кости мамонта.

Рис. 60. Археологический контекст антропоморфной скульптуры Гагаринской стоянки (изображения фигурок и места их находок даны по: Тарасов, 1979. Рис. 66, 68, 70).

Рис. 61. Иконографический ряд статуэток восточного граветта, изображающих женщин в различных стадиях беременности, а также перед зачатием и рождением ребёнка. 1 – Костёнки 1, I сл., комплекс II (по: Абрамова, 2010. С. 263, Кат. 120,71). 2 – Авдеево, Старый Объект. 3, 5 – Авдеево, Новый Объект (2, 3, 5 – по: Gvozdover, 1995. Figs. 91, 106, 111). 4 – Костёнки 13 (по: Абрамова, 2010. С. 264, Кат. 121,1).

Рис. 62. Борщево 5. Каменный инвентарь слоя 1б (по: Лисицын, 2011. С. 225, рис. 7).

Рис. 63. Костенки 1 (сл. I), микропластины с притупленным краем (по: Лисицын, 1998. С. 305, рис. 5).

Рис. 64. Миловице I, сектор G. Наконечники (?) с выделенным ретушью черешком (1-7, 24, 32), пластины (8, 35) и микропластины (9-14, 20-23, 25-28) с притупленным краем, приостренные пластины (33, 34), листовидные острия (15-19, 29, 30) (по: Oliva, 2007. P. 62, fig. 52).

Рис. 65. Молодова 5, сл. 7. Наконечники с боковой выемкой (1, 2, 4-6) и листовидное острие (3) (по: Nuzhnyi, 2009. P. 165, fig. 4; p. 167, fig. 5; p. 168, fig. 6).

Рис. 66. Лопаточки с навершиями из ребер мамонта: 1) Костенки 1, сл. I (по: Ефименко, 1958. С. 307, рис. 116); 2) Хотылёво 2, пункт В (рис. Ю.А. Чемоданова); 3) Авдеево (по: Gvozdover, 1995. P. 162, fig. 127).

Рис. 67. Острия со шляпкой из бивня мамонта: 1-4) Хотылёво 2 (1-3 по: Хлопачев, 2006. С. 94, рис. 61; с. 103, рис. 66. 4 по: Заверняев, 1978. С. 153, рис. 5); 5) Костенки 1, сл. I (по: Ефименко, 1958. С. 318, рис. 124); 6-11) Авдеево (по: Gvozdover, 1995. P. 171, fig. 137; p. 172, fig. 139; p. 174, fig. 142).

Рис. 68. Изделия из рога и имитация костей животных. Хотылёво 2 (1, 5) и Авдеево (2-4) (1 по: Заверняев, 1987. С. 127, рис. 10; 2-4 Gvozdover, 1995. P. 97, fig. 48; p. 183, fig. 151; 5 по: Гаврилов, 2008. С. 227, рис. 127).

Рис. 69. Костенки 8, сл. 2. Некоторые изделия из кремня (1-45) и кости (46-49) (1-30, 42, 43 по: Синицын, 2013. С. 20, рис. 1; 35-39 по: Литовченко, 1969. С. 114, рис. 1; с. 115, рис. 2; 46-49 по: Рогачев, Аникович, Дмитриева, 1982. С. 106, рис. 33. С дополнениями – 40, 41, 44, 45).

Рис. 70. Топографический план участка правобережья Десны, на котором расположена группа верхнепалеолитических памятников в окрестности с. Хотылёво (выполнен Ю.Н. Грибченко). I – Хотылёво 2, пункт **А**, раскопы №№ 1-11; II– Хотылёво 2, пункт **А**, раскопы №№ 12-14; III – Хотылёво 2, пункт **Б**, раскопы № I; IV – Хотылёво 2, пункт **В**, раскопы А, Б, В; V – Хотылёво 6, раскоп № 1; VI – городище ≪Кудеярка≫, раскоп 1 и шурф № 7.

Рис. 71. Хотылёво 2, пункт Б, раскоп № I. Профили западной стенки и геологического зондажа (рисунок Е.В. Воскресенской). Ст. – ступенька. Номера слоёв соответствуют описанию в тексте.

Рис. 72. Хотылёво 2, пункт А. Схема расположения раскопов Ф.М. Заверняева.

Рис. 73. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Комплексы объектов с вертикально/наклонно вкопанными костями мамонта. План расположения находок по: Заверняев, 2000. С. 70-73, рис. 1-2. 1 – вертикально/наклонно вкопанные кости; 2 – скопления охра; 3 – очаги; 4 – скопления костного угля и золы.

Рис. 74. Хотылёво 2, пункт А, комплекс № 1.

Рис. 75. Хотылёво 2, пункт А, комплекс № 2.

Рис. 76. Хотылёво 2, пункт А, комплекс № 3.

Рис. 77. Хотылёво 2, пункт А, комплекс № 4.

Рис. 78. Хотылёво 2, пункт А. Стратиграфический профиль запад – восток по линии южных стенок раскопов №№ 6 и 7, стратиграфической бровки раскопа № 5 и северной стенки раскопа № 1 (составлено К.Н. Гавриловым по материалам Ф.М. Заверняева).

Рис. 79. Хотылёво 2, пункт А. Сводный план расположения находок на площади раскопов №№ 1-14.

Рис. 80. Хотылёво 2, пункт А. Стратиграфический профиль север-юг по линии западных стенок раскопов №№ 7, 8, 11 (составлено К.Н. Гавриловым по материалам Ф.М. Заверняева).

Рис. 81. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Схематический план расположения объектов.

Рис. 82. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Резцы двугранные (1-8) и на сломе заготовки (9-13).

Рис. 83. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Резцы ретушные (1-9), на сломе заготовки (10, 11), двугранные многофасеточные с развёрнутой резцовой кромкой (12, 13).

Рис. 84. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Нуклевидные резцы (1-7), резцы-скребки (8-14).

Рис. 85. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Скребки.

Рис. 86. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Скребки (1-14), скребло (15).

Рис. 87. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Ножи костёнковского типа (1-7), piece ecaille (8), транке (9-12).

Рис. 88. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Проколки (1-6), пластины с частично притупленным краем (7-9), пластина с ретушированным черешком (10), пластины и пластинки с выемками (11-17).

Рис. 89. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Наконечники с боковой выемкой (1-7), острия на пластинах (8-24).

Рис. 90. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. Острия с притупленным краем (1-12), пластинки и микропластинки с притупленным краем (13-32).

Рис. 91. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. График корреляции ширины (a) и толщины (m): а) пластин, пластинок и микропластинок с притупленным краем; б) острий с притупленным краем.

Рис. 92. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 12-14. Пластинки и микропластинки (1-11), приострённые микропластинки (12-16), приострённая пластинка (17), микропластинчатые чешуйки (18-29), краевые сколы (30-32), резцовый скол (33), пластины (34-36), отщепы (37, 38).

Рис. 93. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 12-14. Резцы: двугранные (1-4, 6), на сломе заготовки (5), ретушные (7, 8, 11), нуклевидные (9, 10, 12).

Рис. 94. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 12-14. Скребки: концевые на пластинах (2, 6, 7), концевые на пластинах с плечиками (1, 5), фрагмент – скребковое лезвие с гравировкой на меловой корке (3), приспособленные скребки (4, 8-10, 12, 13). Резец на отщепе (11).

Рис. 95. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 12-14. Острия на микропластинках с притупленным краем (1-3), мппк и ппк (4-20, 22-24),

микропластинчатая чешуйка с ретушью края (21), косое остриё на микропластине (28), «стрелка» (26), острия и их фрагменты (27-38), проколки (39, 40), черешковые части (41, 42), окатанная чешуйка с ретушью (43).

Рис. 96. Хотылёво 2, пункт Б, раскоп № I. I – сводный план; II – план-схема расположения археологических объектов: косой штриховкой обозначены скопления костного угля, косой сеткой – очажное заполнение, пунктирными линиями – граница максимального распространения археологического материала.

Рис. 97. Хотылёво 2, пункт Б, раскоп № I. Нуклеусы.

Рис. 98. Хотылёво 2, пункт Б, раскоп № I. Резцы (1, 2), скребки (3-7), массивное остриё на пластине (8), нож костёнковского типа (9), микро-транке (10); отщеп (11) и ламеллярная чешуйка (12) из слоёв, подстилающих культурный слой в геологическом зондаже.

Рис. 99. Хотылёво 2, пункт В, раскопы А, Б, В. План-схема южного (кв. А-Д/1’-5’) и северного (кв. А-Д/1’-8’; Е-З/5’-8’) археологических комплексов. Условные обозначения: а) скопление костного угля; б) скопление расколотого кремня; в) яма; г) вкопанные вертикально/наклонно кости мамонта.

Рис. 100. Хотылёво 2, пункт В, кремнёвые артефакты. Микропластинки с притупленным краем (1, 3, 5, 6, 9), микропластинки (2, 4, 8), микроостриё ретушное (7), микроостриё с притупленным краем (10), микропластина приострённая, фрагмент (11), острия с частично притупленным краем (12, 13, 26), пластинка с притупленным краем (14), резцовый скол (15), фрагмент листовидного острия костёнковского типа (16), микропластина с вентральной ретушью края (17), краевой скол (18), нож костёнковского типа (19), скребки (20, 22, 23), резцы (21, 25), «стрелка» (24), нуклевидные резцы (27, 28).

Рис. 101. Хотылёво 2, пункт А, раскопы №№ 1-11. План расположения костяных ретушёров, наложенный на план плотности залегания кремнёвых орудий.

Рис. 102. Хотылёво 2, пункт А. Фрагменты стержней и наконечники из бивня мамонта, раскопки Ф.М. Заверняева (1-3, 8, 9 по: Заверняев, 1987. С. 125, рис. 9; 4, 5-7 по: Хлопачев, 2006. С. 102, рис. 65).

Рис. 103. Хотылёво 2, пункт А. План расположения бивнёвых наконечников, стержней и бивней со следами вырезания стержней на площади раскопов №№ 1-11.

Рис. 104. Хотылёво 2, пункт А. антропоморфная скульптура, раскопки Ф.М. Заверняева (1, 3, 6, 7 по: Заверняев, 1978. С. 149, рис. 3; 4 по: Хлопачев, 2006. С. 104, рис. 67; 9, 11 по: Хлопачев, 2006. С. 103, рис. 66; 2, 5, 8 по:

Хлопачев, 2006. С. 123, рис. 81). 8 – статуэтка № 1; 6 – статуэтка № 2; 7 – статуэтка № 3; 4, 11 – «мужские» статуэтки.

Рис. 105. Хотылёво 2, пункт А. Острия и стержни с фигурными навершиями, раскопки Ф.М. Заверняева (1-3 по: Хлопачев, 2006. С. 94, рис. 61. С. 103, рис. 66. 4-6 по: Заверняев, 1978. С. 153, рис. 5).

Рис. 106. Хотылёво 2, пункт А. Изделия из кости и бивня, раскопки Ф.М. Заверняева (2, 3, 5 – лопаточки из рёбер мамонта, по: Хлопачев, 2006, С. 93, рис. 60; 4 – лопаточка из бивня мамонта, по: Хлопачев, 2006, С. 104, рис. 67; 1, 6-8 – тупые трёхгранные наконечники из рёбер мамонта, по: Хлопачев, 2006, С. 94, рис. 61).

Рис. 107. Пластины/пластинки и микропластинки с притупленным краем эпиграветтских стоянок Бассейна Десны. 1-4 – Косица; 5-13 – Елисеевичи 1; 14-18 – Курск 2; 19-23 – Курск 1 (5- 8, 12, 13 по: Лисицын, 1999. С. 93, рис. 4; 9-11 Величко и др., 1997. С. 128, рис. 56; 14-18 по: Борисковский, 1986. С. 73, рис. 3; 19-23 по: Борисковский, 1986. С. 68, рис. 1; с. 69, рис. 2).

Рис. 108. Пластины/пластинки и микропластинки с притупленным краем стоянок тимоновско-юдиновской культуры восточного эпиграветта. 1-6 – Тимоновка 2; 7-17 – Тимоновка 1; 18-35 – Юдиново 1; 36-37 – Супонево (1-17 – рисунки К.Н. Гаврилова; 18-27, 35 по: Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997. С. 57, рис. 27; с. 61, рис. 29; 28-34 по: Кудряшов, Будько, 1996. С. 38, рис.1; с. 39, рис. 2; 36, 37 по: Лисицын, 1999. С. 108, рис. 11).

Рис. 109. Пластины/пластинки и микропластинки с притупленным краем Мезинской стоянки (по: Нужний, 2015. С. 198, рис. 113; с. 199, рис. 113-А).

Рис. 110. Острия в инвентаре эпиграветтских стоянок Подесенья. 1, 2 – Елисеевичи 1; 3, 4 – Юдиново 1; 5, 10 – Супонево; 6, 7 – Тимоновка 1; 8, 9 – Тимоновка 2; 11 – Косица; 12 – Курск 1; 13-18 – Мезин (1, 2 по: Величко и др., 1997. С. 128, рис. 56; 3, 4 по: Кудряшов, Будько, 1996. С. 39, рис. 2; 5, 10 по: Лисицын, 1999. С. 108, рис. 11; 6-9, 11: рисунки К.Н. Гаврилова; 12 по: Борисковский, 1986. С. 68, рис. 1; 13-18 по: Нужний, 2015. С. 198, рис. 113; с. 199, рис. 113-А).

Рис. 111. Треугольные острия стоянок группы Быки. 1-5 – стоянка Быки 1 (раскопки К.Н. Гаврилова, 2003 г.); 6-19 – стоянка Быки 7, сл. 1 (по: Ахметгалеева, 2015. С. 112, рис. 11).

Рис. 112. Проколки в инвентаре эпиграветтских стоянок Среднего Подесенья и бассейна р. Сейм. 1-18 – Мезин; 19-26 – Быки 1; 27, 28 – Юдиново 1 (1-18 по: Нужний, 2015. С. 205, рис. 116; 19-26 по: Чубур, 2001. С. 64, рис. 57; 27, 28 по: Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997. С. 65, рис. 31).

Рис. 113. Проколки в инвентаре эпиграветтских стоянок Верхнего Подесенья. 1-4 – Супонево; 5-16 – Тимоновка 1; 17 – Косица; 18 – Елисеевичи 1 (1-4 по: Лисицын, 1999. С. 108, рис. 11; 5-17: рисунки К.Н. Гаврилова; 18 по: Величко и др., 1997. С. 131, рис. 59).

Рис. 114. Каменный инвентарь стоянки Оболонье (по: Ступак и др. 2014. С. 18-25, рис. 7-11, 14, с изменениями).

Рис. 115. Орнаментированные бивни из раскопок стоянок Оболонье и Кирилловская и возможные аналогии некоторым изображениям, вырезанных на их поверхности: 1, 3 – орнаментированный бивень из раскопок стоянки Оболонье и прорисовка вырезанной на его поверхности композиции (по: Ступак, Хлопачев, 2014. С. 27, рис. 16); 2 – «фаллическая» статуэтка из раскопок Мезинской стоянки (по: Абрамова, 1962. С. 120, табл. XXXII); 4, 5 – орнаментированный бивень из раскопок стоянки Кирилловская и прорисовка вырезанной на его поверхности композиции (по: Яковлева, 2013. С. 242-243, рис. К/31-К/32); 6 – диск из песчаника с выгравированным изображением зверя, Костёнки 21 (сл. III) (по: Палеолит Костёнковско-Борщевского района…, 1982. С. 208, рис. 72); 7 – прорисовка рисунка, вырезанного на поверхности бивневой «чуринги» из раскопок Межиричской стоянки (по: Marshack, 1979. P. 292, fig. 42).

Рис. 116. Рис. 3 (с. 12). Орнаментированные мотыги из бивня (1, 3) из раскопок стоянки Костёнки 11, сл. Ia и прорисовки орнаментальных композиций, вырезанных на их поверхности (2, 4) (по: Ахметгалеева, Дудин, 2017. С. 43-44, рис. 1-2; с. 47, рис. 5; с. 49, рис. 7).

Рис. 117. Каменный инвентарь стоянки Костёнки 11, слой 1а (по: Лисицын, Дудин 2019. С. 85, рис. 3).

Рис. 118. Мелкая пластика из раскопок стоянок замятнинской археологической культуры (1), восточноевропейского граветта (2, 4, 5) и эпиграветта. 1 - Костёнки 2, 2 - Костёнки 1 (сл. I) (по: Хлопачев, 2016. С. 140, № 37; с. 281, № 92); 3 - Супонево, 4 - Костёнки 13 (по: Абрамова, 1962. С. 124, табл. XXXVI; с. 110, табл. XXII); 5 - Хотылёво 2 (по: Гаврилов и др., 2022. С. 10, рис. 1).

Рис. 119. Археологический контекст женской статуэтки из Елисеевичей 1: *А* — статуэтка (по: Столяр, 1985. С. 243, рис. 227); *Б* — яма № 1; *В* — планиграфия ям с костями мамонта, стрелкой указано место находки женской статуэтки (*Б* и *В* по: Величко, Грехова и др., 1997. С. 46, рис. 16; с. 104, рис. 41); *Г* – план и профиль полуземлянки на стоянке Павлов I (по: Клима, 1977. С. 145).

Рис. 120. Антропоморфная скульптура: 1 — Елисеевичи; 2 — Добраничевка; 3, 4 — Межиричи; 5–18 — Мезин (1, 3, 4 по: Абрамова, 2005. С. 239, рис. 136; с. 242, рис. 140; 2 по: Soffer, 1985. P. 51, fig. 2.30; 5–18 по: Абрамова, 1962. С. 119-121, табл. XXXI-XXXIII).

Рис. 121. Зигзаг на памятниках восточного граветта и эпиграветта: *А* — Восточный эпиграветт: *1* — Елисеевичи 1; *2* — Межиричи; *3* — Юдиново 1; *4* — Супонево; *5*, *6* — Мезин (*1*, *2* — по: Marshack, 1979. P. 290, fig. 39; *3* по: Григорьева, 2000. С. 329, рис. 6; *4*–*6* по: Абрамова, 1962. С. 119, табл. XXXI; с. 122, табл. XXXIV; с. 124, табл. XXXVI); *Б* — восточный граветт: *1*, *2* — Пшедмость; *3* — Авдеево; *4* — Костёнки 1 (*1*, *2* по: Absolon, Klima, 1977. P. 35, abb. 16; p. 62, abb. 40; *3* по: Gvozdover, 1995. P. 120, fig.75; *4* по: Праслов, Рогачев, 1982. С. 59, рис. 21).

Рис. 122. Виды орнаментов на однотипных предметах из поселений восточного граветта (6) и эпиграветта (1–5, 7–13): 1, 13 — Межиричи; 2, 4, 5 — Юдиново 1; 6 — Костёнки 1; 3, 7–10, 11 — Мезин; 12 — Елисеевичи 2 (1, 4 по: Soffer, 1985. P. 78, fig. 2.70; p. 109, fig. 2.116; 2, 5 по: Григорьева, 2000; 6–10 по: Абрамова, 1962. С. 106, табл. XVIII; с. 121, табл. XXXIII; 11 по: Хлопачёв, 2006. С. 224, рис. 149; 12 по: Величко, Грехова и др., 1997. С. 146, рис. 65; 13 по: Пидопличко, 1976).

Рис. 123. Семантика знаков на «чурингах» Межиричской и Елисеевичской стоянок: А — рисунки на «чурингах»: 1 — Межиричи; 2, 3 — Елисеевичи 1 (1, 2 по: Marshack, 1979. P. 290, fig. 39; 3 по: Хлопачев, 2006. С. 151, рис. 101); Б — Женские знаки: 1, 2 — Елисеевичи 1; 3 — Межиричи; 4 — Мезин (по: Абрамова, 1962. С. 120, табл. XXXII). В. Типология женских знаков по А. Д. Столяру (Столяр, 1985. С. 246, рис. 232).

Рис. 124. Аналогии в зооморфной скульптуре среднерусских стоянок восточного граветта и эпиграветта: 1, 3 — Авдеево; 2 — Елисеевичи 1; 4 — Быки 7; 5 — Павлов 1 (увеличено пропорционально размерам предмета из раскопок стоянки Быки 7). (1, 3 по: Gvozdover, 1995. P. 126, fig.82; p. 127, fig. ; 2 по: Величко, Грехова и др., 1997; 4 по: Ахметгалеева, 2005б. С. 74, рис. 4; 5 по: Svoboda, 2005. P. 369, fig. 7).

Рис. 125. Очаги: А — Пушкари I, очаг малого жилища (по: Паненкова, 1997. С. 88, рис. 3); Б — Хотылёво 2, очаг 2000 г.; В — Пушкари I, внешний очаг (по: Беляева, 2002. Вкладка, рис. 45); Г — Гонцы, очаг в жилище горизонта k (по: Левицький, 1949. Рис. 4); Д — Быки 1, очаг в углубленном жилище (по: Чубур, 2001. С. 41, рис. 44): 1 — супесь с культурными остатками; 2 — золистые прослойки; 3 — золистая супесь; 4 — глина; 5 — охра; 6 — глеистая прослойка; 7 — границы ям; 8 — кости; Е — Хотылёво 2, очаг № 3.

Рис. 126. Очаги с вертикально стоящими костями: *А* — Межирич, жилище № 1 (по: Пидопличко, 1976. Рис. 43); *Б* — Мезин, ХБК № 2 (по: Сергин, 1987. С. 58, рис. 29, 30): *1* — культурный слой; *2* — часть заполнения лунки; *3* — очажный слой.

Рис. 127. План центральной части стоянки Елисеевичи I (по: Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997. С. 107, рис. 44): *1* — направление мерзлотной трещины; *2* — граница зольника.

Рис. 128. План (I) и профиль (II) ямы-хранилища № 3 на стоянке Елисеевичи I (по: Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997. С. 104, рис. 41).

Рис. 129. Мезин, план размещения ям-хранилищ на площади ХБК № 1 (по: Шовкопляс, 1965. С. 83, рис. 41).

Рис. 130. Ямы-хранилища среднеднепровского типа: *А* — Мезин, ямы-хранилища I, II и IV (по: Шовкопляс, 1965. С. 85, рис. 43); *Б* — Мезин, яма-хранилище I (по: Шовкопляс, 1965. С. 85, рис. 44); *В* — Гонцы, яма-хранилище № 4 (по: Сергин, 1983. Рис. 1); *Г* — Гонцы, яма-хранилище № 5 (по: Сергин, 1983. Рис. 2); Д — Гонцы, ямы-хранилища № 4 и 5 (по: Левицький, 1949. Рис. 13).

Рис. 131. Жилищные ямки: *А* — Пушкари I, профили ям, окружавших внешний очаг (по: Беляева, 2002. С. 124, рис. 46); *Б* — Пушкари I, профили ям, связанных с малым жилищем (по: Беляева, 2002. С. 110-111, рис. 38); *В* — Гонцы, ямы, связанные с остатками жилища в горизонте k (по: Левицький, 1949. Рис. 5); *Г* — Хотылёво 2, профили ям, располагавшихся под выбросом из очага 2000 г.; *Д* — Быки 1, профили ям, связанные с полуземлянкой (по: Чубур, 2001. С. 39, рис.41).

Рис. 132. Распространение жилищных ямок вокруг очагов, не связанных с остатками углубленных жилищ: *А* — Гонцы, горизонт k (по: Левицький, 1949. Рис. 4): *1* — скопление охры; *2* — скопление ретушированных орудий; *3* — скопление глины; *4* — скопление обугленных костей; *Б* — Пушкари I, комплекс объектов внешнего очага (по: Беляева, 2002. С. 114, рис. 39): *1* — очаг; *2* — ямы; *3* — западины; *4* — скопления кремня; *5* — углисто-кремнистые скопления; *В* — Хотылёво 2, комплекс объектов очага 2002 г.: *1* — очаг; *2* — скопление угля и кремня, подстилавшееся скоплением охры.

Рис. 133. Планы углубленных жилищ: *А* — Пушкари I, трехочажное жилище (по: Борисковский, 1953. С. 186, рис. 90): *1* — границы раскопа и шурфов; *2* — границы западины; *3* — границы скоплений угля и кремня; *4* — очажные ямы; *5* — границы скоплений угля вокруг очагов; *6* — ямки на дне западины; *7* — челюсти мамонтов, вкопанные по краям западины; *Б* — Быки

1, полуземлянка (по: Чубур, 2001. С. 39, рис. 41); *В* — Пушкари I, малое жилище (по: Беляева, 1997. С. 81, рис. 8): *1* — ямы от вкопанных максиллярных частей черепов мамонтов; *2* — ямы от вкопанных костей конечностей; *3* — ямы; *4* — очаг; *5* — окрашенные участки пола.

Рис. 134. Скопления преднамеренно отобранных костей мамонта: *А* — Семёновка 1 (по: Нужний, 2015. С. 277, рис. 153); *Б* — Радомышль, скопления № 1 и 2 (по: Шовкопляс И.Г. Отчет о работе Палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР по раскопкам Радомышльской стоянки в 1957 и 1959 гг.).

Рис. 135. Жилища аносовско-мезинского типа: *А* — Юдиново 1, жилище № 1 (по: Рогачёв, 1970. С. 73, рис. 5); *Б* — Юдиново 1, жилище № 4 (по: Абрамова, Григорьева, 1997. С. 52, рис. 14).

Рис. 136. Жилища аносовско-мезинского типа: *А* — Гонцы (по: Сергин, 1981. Рис. 1); *Б* — Юдиново 1, жилище № 3 (по: Абрамова, Григорьева, 1997. С. 53, рис. 13).

Рис. 137. Межиричские жилища аносовско-мезинского типа (по: Gladkih et al., 1984. Рис. 9): *А* — жилище № 1; *Б* — жилище № 2; *В* — жилище № 4.

Рис. 138. Жилища аносовско-мезинского типа: *А* — Юдиново 1, жилище № 2 (по: Абрамова, Григорьева, 1997. С. 51, рис. 12); *Б* — Межирич, жилище № 3 (по: Gladkih et al., 1984. Рис. 9).

Рис. 139. Миловице 1, сектор G. Скопление преднамеренно отобранных костей мамонта (по: Oliva, 2009. P. 138, fig. 5). Косой штриховкой обозначены участки красного прокаленного грунта, точками — зона концентрации угля.

Рис. 140. Хотылёво 2, пункт В. Скопление костей мамонта из раскопа А, кв. Г–Д/1–3. Условные обозначения: *a* — кремень; *b* — кусок охры; *c* — скопление охры; d — скопление костного угля.

Рис. 141. Дольни Вестонице 1, перекрытие из костей мамонта над женским погребением (по: Klíma 1963. P. 142, obr. 55).

Рис. 142. Юдиново 1. Жилище № 3 (*а*) и группа плоских костей мамонта на кв. Ж–З/47–49 (*б*) (по: Абрамова, 1995. С. 45, рис. 19; с. 57, рис. 25).